

III ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
Международной научной конференции
Иркутск, 10–16 сентября 2019 г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

III ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
Международной научной конференции
Иркутск, 10–16 сентября 2019 г.

УДК 372.881.1
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0
Г73

Печатается по решению ученого совета
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ

Редакционная коллегия:

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.),
О. В. Кузнецова, канд. филол. наук,
Е. В. Кремнёв, канд. социол. наук, доц.,
Л. В. Кирюхина, канд. филол. наук,
Е. В. Лесниковская, канд. социол. наук,
Е. В. Ли, канд. филол. наук,
С. Б. Макеева, канд. ист. наук, доц.,
С. В. Стефановская, канд. филол. наук,
И. В. Шалина, канд. ист. наук,
Т. Е. Шишмарева, канд. филол. наук,
В. В. Ананьев

Г73 **III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение**
Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : мате-
риалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. /
ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск :
Изд-во ИГУ, 2019. – 541 с.

ISBN 978-5-9624-1737-0

Представлены материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня образования КНР и установления дипломатических отношений между Россией и Китаем и 30-летию восточного отделения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ. Основной тематикой III Готлибовских чтений, посвященных памяти и развитию научного наследия выдающегося российского китаевода Олега Марковича Готлиба, стали фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР, разрабатываемые в рамках регионологии, языкознания, лингводидактики, истории, культуры, философии, политологии, социологии и этнологии стран АТР.

Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, научным работникам, специализирующимся в области регионоведения, восточного языкознания и лингводидактики, гуманитарных наук, связанных с комплексным изучением Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Сборник зарегистрирован в наукометрической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

УДК 372.881.1
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0

ISBN 978-5-9624-1737-0

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2019

Посвящается памяти
выдающегося российского китаевода
Олега Марковича Готлиба
(20.10.1951 – 08.06.2016)

В. Г. Дацышен

Сибирский федеральный университет
Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск

ИРКУТСК В СИСТЕМЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ. И ПРОБЛЕМЫ ИРКУТСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

Аннотация. Рассмотрены проблемы китаеведения в Иркутске в условиях активного развития советско-китайских отношений в 1950-х гг. На основе архивных документов и материалов периодической печати восстанавливается историческая картина Иркутска в системе отношений между СССР и КНР. Особое внимание уделено вопросам вовлечения иркутских вузов и студенческой молодежи в советско-китайские отношения. Благодаря найденным документам и материалам восстановлены имена иркутских китаеведов и получено представление о системе и содержании изучения китайского языка в Иркутске в конце 1950-х гг.

Ключевые слова: Иркутск, Общество советско-китайской дружбы, советско-китайские отношения, китаеведение.

V. Datsyshen

Siberian Federal University
Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk

IRKUTSK IN THE SYSTEM OF THE SOVIET-CHINESE RELATIONS IN THE 1950S – THE BEGINNING OF THE 1960S AND THE PROBLEMS OF IRKUTSK SINOLOGY

Abstract. The article is devoted to the description of the problems of Sinology in Irkutsk at the moment of active development of Soviet-Chinese relations in the 1950s. The historical picture of Irkutsk in the system of relations between the USSR and the PRC is restored on the basis of archival documents and periodical materials. Particular attention is paid to the issues of the involvement of Irkutsk universities and students in Soviet-Chinese relations. Thanks to the documents and materials found, it was possible to restore the names of Irkutsk Sinologists and to see the system and content of learning Chinese in Irkutsk at the end of the 1950s.

Keywords: Irkutsk, Soviet-Chinese Friendship Society, Soviet-Chinese Relations, Sinology.

1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика. Вскоре лидеры КНР во главе с Мао Цзэдуном посетили Москву, где 14 февраля 1950 г. был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. На обратном пути Мао Цзэдун посетил сибирские города, в том числе и столицу Восточной Сибири. Спецпоезд с китайской делегацией прибыл в Иркутск 24 февраля 1950 г. Мао Цзэдун, как было запланировано, посетил одно промышленное предприятие и одно учреждение культуры и образования. Как писали газеты: «Гости осмотрели город, посетили чаеразвесочную фабрику, ознакомились с работой Дворца пионеров» [Красноярский рабочий, 1950, 26 февр.]. После этого начинается активное развитие советско-китайского сотрудничества, в том числе и на региональном уровне.

В 1950-х гг. Иркутск занимал важное место в системе советско-китайских отношений. Многие крупные города Сибири в этот период постепенно закрывались для посещения иностранцами. Кроме того, Иркутск, в отличие от других городов, имел определенные традиции китаеведческого образования и опыт связей с Китаем. Не случайно одним из трех мест СССР, куда в середине 1950-х гг. привезли китайских рабочих на «стройки коммунизма», был расположенный рядом с Иркутском городок Усолъе-Сибирское. Транспортная доступность и историко-культурная и природно-географическая привлекательность обусловили выбор столицы Восточной Сибири в качестве регионального центра развития сотрудничества между СССР и КНР.

Роль и место Иркутска как в транспортной инфраструктуре, так и в экономической и политической системе государства обусловили посещение города первыми лицами КНР и многочисленными делегациями. В более общем плане следует отметить, что через Иркутск ехали почти все китайцы, кто приезжал учиться в СССР. Студент Иркутского университета А. Яковлев в очерке «По Китаю» писал: «Из Иркутска мы выехали вечером 11 июля поездом Москва – Пекин. В вагоне, как и во всем поезде, кроме нас, советских людей, было много китайских товарищей. Ехали студенты из вузов нашей страны домой на летние каникулы, возвращались к себе на родину стажеры, закончившие практику на наших фабриках и заводах» [Иркутский университет, 1957, 17 окт.].

Советское руководство выбрало для Иркутска в качестве партнера г. Шэньян. Следует отметить, что в середине 1950-х гг. в СССР для местных обменов сначала открыли только Хабаровский и Приморский края (партнер – Хэйлунцзян) и Казахстан (партнер – Синьцзян). В Сибири же партнёрство первоначально формально ограничивалось отношениями между Иркутской областью и провинцией Ляонин [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 30. Д. 85].

Активное взаимодействие и обмен делегациями начали развиваться в середине 1950-х гг. В «Справке об интернациональных связях комсомольцев и молодежи Иркутской области» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 47–55], за подписью секретаря Иркутского обкома ВЛКСМ, говорилось, что в 1956 г. по инициативе Иркутского обкома ВЛКСМ установились тесные дружеские связи комсомольцев и молодежи Иркутской области с молодежью Китая. Китайские друзья посещали фабрики, заводы, колхозы, учебные заведения области, в Иркутскую область приезжали туристы, научные, спортивные и другие делегации.

Первая делегация молодежи Китая приехала в Иркутск осенью 1956 г. [Советская молодежь, 1959, 14 июня]. В конце октября 1956 г. в Ляонин уже с ответным визитом поехала иркутская молодежная делегация во главе с первым секретарем Иркутского обкома ВЛКСМ М. И. Арбатским. В течение 17 дней пребывания в Китае иркутяне посе-

тили несколько городов провинции Ляонин и Пекин. На следующий год провинции Ляонин и Иркутская область опять обменялись молодёжными делегациями. Китайцы приехали в Иркутск в июне, а ответная поездка состоялась в октябре 1957 г. и продолжалась 22 дня. Осенью 1958 г. в Ляонин выезжала уже третья иркутская комсомольская делегация, а затем уже иркутяне принимали делегацию из Ляонина.

В Иркутскую область китайцы приезжали с деловыми визитами и на производственную практику. Иркутские газеты отмечали, что на Куйбышевский завод «часто приезжают китайские товарищи перенимать опыт лучших рабочих. Наши специалисты уезжают в Китай и там помогают овладеть новыми производственными процессами. Совсем недавно, в один из мартовских дней, на заводе встречали представителей Уханьского металлургического комбината...» [Советская молодежь, 1959, 14 июня]. В газетах встречались указания на посещение китайскими рабочими Иркутской слюдяной фабрики [Советская молодежь, 1959, 14 июня].

Важнейшей составляющей системы взаимных обменов были туристические поездки студентов. В октябре 1957 г. в нескольких номерах газеты «Иркутский университет» печатался очерк А. Яковлева «По Китаю». Студент Иркутского университета писал: «В июле 1957 г. мне посчастливилось побывать в студенческой туристической поездке по Китаю...» [Иркутский университет, 1957, 17 окт.].

В программу туристических туров входило посещение иркутскими студентами китайских университетов и других научных и образовательных учреждений. В газете «Советская молодежь» была помещена статья секретаря комитета комсомола Иркутского университета В. Алексева с описанием посещения иркутской туристической группой Пекинского университета в 1959 г. [Советская молодежь, 1959, 29 сент.]. Другой пример: участники туристической поездки в 1959 г., студенты Иркутского педагогического института, писали в газету: «В июле этого года мы, студенты вузов Иркутска, поехали в туристическое путешествие по городам Китая: Пекину, Шанхаю, Тяньцзину, Шеньяну. Там мы побывали в вузах, на предприятиях, познакомились с историческими местами...» [Советская молодежь, 1959, 20 сент.]. В 1959 г. восемь студентов Финансово-экономического института побывали в КНР [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 5. Л. 3].

Важнейшим направлением советско-китайских отношений было сотрудничество в области науки и образования. И здесь Иркутск также был вовлечен в развивавшиеся по всей стране процессы.

В статье ректора Иркутского университета В. Я. Рогова, посвященной 40-летию юбилею университета, говорилось: «Крепнут и расширяются научные и культурные связи университета со странами народной демократии... Особенно большие связи устанавливаются с Китайской

Народной Республикой и МНР» [Иркутский университет, 1958, 1 нояб.]. Но далее ректор приводит в основном примеры сотрудничества с Монгольским и Пхеньянским университетами. По поводу Китая отмечены лишь такие примеры: «На длительную учебу в Китай направлены два студента геологического факультета. Недавно в КНР отбыл в продолжительную командировку декан химического факультета доцент А. П. Янко» [Иркутский университет, 1958, 1 нояб.].

Общая картина сотрудничества иркутян с Китаем в области науки и образования представлена в направленном в 1959 г. из Иркутска в Москву «Отчете о проведении празднования десятилетия Китайской Народной Республики в Иркутской области». В документе говорилось: «...Иркутский педагогический институт, в частности проф. В. Д. Кудрявцев, закрепил деловые связи с педагогическим институтом Шэньяна. Им послана в Шэньянский пединститут рецензия на учебник русского языка для китайских средних школ. Это сделано для министерства просвещения КНР. Дан ряд письменных консультаций: а) анализ языка художественных произведений, б) рецензия на китайский журнал «Помощник», этот журнал у китайских товарищей предназначен для закрепления навыков русского языка. Статью об этом своеобразном журнале проф. В. Д. Кудрявцев опубликовал и у нас, в Иркутске, в альманахе «Ангара». Им были даны практические ответы на ряд методических вопросов, поставленных китайскими педагогами. В Шэньянский пединститут систематически направляется литература. Посланы: «Ученые записки» Иркутского пединститута, учебники, методические пособия, книга «Очерки по методике преподавания русского языка в бурятской школе», словари, книга «Дружба навеки» и др. Постоянную связь с педагогами КНР поддерживает доц. Шоцкая, она преподавала русский язык в КНР в течение 3-х лет. Практическая связь установилась у Иркутского горнометаллургического института с горным институтом в Пекине. Ведется постоянная переписка, обмен экспонатами, имеется постоянный китайский уголок. Такие связи поддерживает Госуниверситет (доц. Попов)» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–16]. Научные сотрудники, выезжавшие на работу в Китай, занимались общественной работой, надолго устанавливали неформальные связи с китайцами. Сотрудник Иркутского биолого-географического института Иркутского университета П. Ф. Попов, будучи в командировке в Китае, посетил Дом пионеров в Шанхае, где познакомился с китайской школьницей, и по возвращении домой он завязал с ней переписку.

Из представленных выше документов видно, что до конца 1950-х гг. Иркутский университет был очень слабо вовлечен в сотрудничество с Китаем. Однако при любой возможности иркутяне все же указывали на связи в области науки и образования. В статье секретаря комитета комсомола Иркутского университета В. Алексева говорилось: «В Пекин-

ском университете учатся студенты из многих стран мира. В их числе иркутяне И. Андреев и Б. Белоусов. Они направлены туда со второго курса геологического факультета Иркутского госуниверситета. Второй год работает в Пекинском университете доцент Иркутского университета Адам Петрович Янко. Наш земляк помогает китайским друзьям в изучении химии и подготовке национальных кадров ученых... Взаимно обменивается корреспонденцией группа студентов 2-го курса исторического отделения нашего университета со второй группой 4-го курса исторического факультета Пекинского университета» [Советская молодежь, 1959, 29 сент.]. Что касается приема китайцев на обучение в Иркутске, то, очевидно, в 1950-е гг. китайских студентов ни в университете, ни в других вузах не было. Лишь в начале 1960-х гг. в Иркутске обучался один китаец-аспирант.

Говоря об академических учреждениях Иркутска и их сотрудниках, можно привести пример, когда советником по жидкому топливу в АН КНР работал специалист по деструктивной гидрогенизации углей из Института химии И. В. Калечин. В «Справке о работе Иркутского отделения Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами за вторую половину 1960 года» говорилось: «Большую работу проводит по связям Восточно-Сибирский филиал Академии наук, особенно институт химии с институтом нефти Китайской Академии наук... Значительно активизировала в прошедшем году связь с зарубежными странами Байкальская лимнологическая станция... Сотрудником Г. Г. Мартенсоном прочитано в Китае 3 доклада и 4 беседы в центральных геологических учреждениях КНР. Совместно с китайскими специалистами им были проведены экспедиции по некоторым провинциям Китая...» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 5. Л. 55].

Активные связи между СССР и Китаем, взаимнообмены делегациями, переписка, все это повышало интерес иркутян к истории и культуре своих соседей. Популяризацией научных знаний, в том числе о Китае, в 1950-х гг. занималось «Общество по распространению политических и научных знаний». В газетах помещались статьи членов этого общества. Например, в «Советской молодежи» была напечатана статья Ю. Шервашидзе «На верном пути» о Тибете [Советская молодежь, 1959, 9 апр.].

Со второй половины 1950-х гг. популяризацией знаний о Китае, как и организацией сотрудничества в области культуры, занялась специально созданная для этого общественная организация. 29 октября 1957 г. в Москве было проведено учредительное собрание с целью создания Общества советско-китайской дружбы (ОСКД). Вскоре во всех союзных республиках, во многих областях и городах были образованы отделения ОСКД. В состав ОСКД на правах коллективных членов вошли более 400 крупнейших промышленных и сельскохозяйственных предприятий, учебных заведений, научных институтов и учреждений культуры нашей страны.

Одним из самых крупных и активных в этой системе стало Иркутское отделение Общества советско-китайской дружбы. Комсомольская газета «Советская молодежь» 1 октября 1958 г. напечатала статью председателя Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы Г. Ф. Кунгурова «Великая дружба». В статье, в частности, говорилось: «У нас в Иркутске организовано областное отделение общества советско-китайской дружбы. Это значительное и радостное событие, современный и важный шаг нашей общественности... Мы почти ежедневно встречаем и провожаем зарубежных гостей. Быстро растут культурные и экономические связи с нашим добрым соседом – с Китайской Народной Республикой, происходит обмен специалистами, творческими работниками, туристами. В нашей области трудится много китайских товарищей. Массовый характер принимает переписка советских и китайских труженников. Товарищ Мао Цзэ-дун назвал Иркутск воротами в СССР. У нас побывали, осмотрели город и его стройки... выдающиеся китайские деятели: Мао Цзэ-дун, Чжу-дэ, Чжоу Энь-лай, Го Мо-жо, Сун Цин-лин и др. Мне вспоминается, как однажды Го Мо-жо метко сказал: – Я так часто бываю в Иркутске, что мэр этого города скоро пропишет меня как постоянного жителя. Иркутское отделение общества советско-китайской дружбы приступило к своей работе» [Советская молодежь, 1958, 1 октября].

Именно ОСКД было инициатором и организатором всех мероприятий в Иркутске, включая встречи, лекции, выставки в вузах и других учебных заведениях города. Например, в сентябре 1959 г. в научной библиотеке Иркутского государственного университета была развернута «книжно-иллюстративная выставка» «Народный Китай». На выставке кроме известных работ о Китае были выставлены книги советских писателей, изданные в 1959 г. Как сообщала университетская газета: «Большой раздел выставки посвящен литературе и искусству китайского народа. Здесь произведения основоположников современной китайской литературы... На выставке много иллюстраций-фотографий, репродукций с картин китайских художников...» [Иркутский университет, 1959, 26 сентября].

В 1959 г. в Иркутском книжном издательстве вышел сборник статей «Дружба навеки». В него вошли статьи Г. Кунгурова, И. Семенова, ученого З. Яшина, журналиста Е. Бандо, выезжавших в Китай в составе делегаций иркутян М. Арбатского и Г. Карнаухова. В сборнике были напечатаны и воспоминания о Китае Л. И. Шощкой, три года проработавшей в Пекинском институте русского языка. Картина активной работы в части публикации китайских и краеведческих работ отражена в документах Иркутского отделения ОСКД: «Совместно с областным издательством был подготовлен и издан сборник статей местных авторов, озаглавленный “Дружба навеки”. Сборник объемом 10 печатных листов включает в себя статьи товарищей, побывавших в КНР. Этот сборник,

изданный тиражом в 3 тыс. экземпляров, получил теплый прием у широкого читателя области и критики. Получены запросы на его высылку из ряда других областей. Совместно с областным Управлением культуры, в помощь местным культпросветработникам была составлена и издана брошюра “Вечер советско-китайской дружбы” (автор Е. С. Березовский). В 3-м выпуске иркутского литературно-художественного альманаха “Ангара” целый раздел посвящен 10-летию КНР. Здесь статьи профессора В. Д. Кудрявцева “Быть и красными и специалистами”, китаиста Е. С. Березовского “Искусство друзей” и статья “Китайская литература на службе народа”, а также переводной рассказ китайского писателя Линь Шуй-цина “Они встретились вновь”. В журнале “Сибирские огни” № 9 организован специальный отдел, посвященный 10-летию КНР. В него вошли: Чен Цюань-би, Цуй Юн-чан “Рука об руку”, Чжлу Ди Фань “Песня о двух столицах”, “Советской стране” (пер. С. Ботвинника); Гэ Би-чжоу “Когда бы я ни пришел на эту площадь”, “Шалаш” (пер. Л. Черкасский); Сюй Хуан-чжан “Продащица вина” (расск. перев. Н. Нестеренко); Ван Вень-ши “Новые друзья” (пер. Н. Нестеренко); Г. Падерин “Дорога дружбы”; Г. Кунгуров “Большой праздник” (из записной книжки); Б. Ржонсницкий “Д. И. Менделеев о мирных связях с китайским народом”. “Драгоценный фонарь лотоса”, “На советской сцене” Чжан Сяо-ху; “Сердечное сотрудничество” Ай Чэн-лен; А. Пугачев “Первые русские послы в Китае”. В этом же номере журнала опубликована хроника подготовки к празднованию 10-летия КНР в Сибири «У нас в Сибири». Целый ряд статей, очерков, заметок, выступлений, связанных с 10-летием КНР, были опубликованы в областных газетах “Восточно-Сибирская правда” и “Советская молодежь”, а также по радио и телевидению. Среди них статьи пропагандистов Бендера, Мысовского, Шкаленкова и других авторов о ведущей роли КНР в строительстве социализма, о продолжающемся большом скачке в Китае, об успехах культурного строительства в Китае, рецензия на китайский цветной документальный кинофильм “Солнце взошло над Янцзы”, корреспонденции о новых книгах в Китае, выступления научных работников Кудрявцева и Сидорова о сотрудничестве иркутских и китайских ученых, статьи директора Нижнеудинской слюдяной фабрики тов. Листова о дружеской помощи китайским слюдящикам, выступление преподавателя китайского языка т. Железнякова об изучении в Иркутске китайского языка и другие материалы, всего около 30 статей» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–16].

Большая работа активистов Иркутского отделения ОСКД отражена в «Отчете о проведении празднования десятилетия Китайской Народной Республики в Иркутской области», где говорилось: «Большая лекционная пропаганда была развернута правлением Общества совместно с обществом по распространению политических и научных знаний: а) в по-

мощь местным лекторам и беседчикам были подготовлены и размножены на ротаторе материалы для лекций на следующие темы: “Успехи китайского народа в борьбе за социализм” (Березовский). “Коммунистическая партия – руководящая сила китайского народа” (Бендер). “Дружба и сотрудничество народов СССР и Китая” (Комогорцев), “Китайская литература на службе народа” (Березовский), “Славное десятилетие” (Коваль); б) была подобрана и проинструктирована группа лекторов (29 человек), в составе которой, кроме лекторов-китаистов, находятся товарищи, побывавшие в Китае на работе или как туристы; в) в связи с подготовкой к празднованию, в течение августа и сентября были посланы в районы несколько лекторов-китаистов из Иркутска... Помимо примерной программы вечера, его художественной части, рекомендовалось организовать к вечеру выставки книг о Китае, фотовыставки, выставки китайского изобразительного искусства, выставки плаката, а также сделать все возможное для придания клубу в день вечера китайского колорита, в частности кроме призывов на русском языке, написать и на китайском. Текст лозунга на китайском языке был дан печатными иероглифами, удобными для копирования» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–16].

Иркутское отделение, в отличие от большинства региональных отделений ОСКД, возглавлял не партийный функционер, а выпускник Иркутского университета, преподаватель Иркутского педагогического института писатель и исследователь языков народов Севера Гавриил Филиппович Кунгуров. Первой из его произведений получила широкую известность вышедшая в 1940 г. повесть «Путешествие в Китай», позднее известная как «Албазинская крепость».

Активными работниками ОСКД были представители научной интеллигенции. В числе активистов был доктор филологических наук, создатель методической школы преподавания русского языка в национальных школах Сибири, крупнейший специалист по сопоставительным исследованиям разносистемных языков Василий Дмитриевич Кудрявцев. В ОСКД работала директор Научной библиотеки университета Людмила Константиновна Жилкина. В работу включились также приехавшие из Северо-Восточного Китая и имевшие классическое русское образование русские харбинцы, в числе которых знаток японского и китайского языков Константин Афанасьевич Железняков. Известный иркутский писатель Виктор Владимирович Киселев возглавлял «Секцию литературы, печати и информации», а также публиковал в газетах свои переводы (литературную обработку подстрочных переводов) стихов китайских поэтов [Советская молодежь, 1958, 1 окт.].

Наибольший интерес к развитию отношений с Китаем проявляла молодежь. 8 сентября 1959 г. газета сообщала: «В целях дальнейшего укрепления дружественных связей и обмена опытом работы между комсомольцами и молодежью нашей области и молодежью провинции

Ляонин... на днях в Иркутске создана постоянная молодежная секция при Иркутском отделении Общества Советско-Китайской дружбы» [Советская молодежь, 1959, 8 сент.].

Далеко не все иркутские студенты могли в 1950-е гг. посетить КНР. Самой массовой и активной формой вовлечения молодежи в связи с китайцами стала переписка. В конце 1958 г. в газете «Иркутский университет» была напечатана заметка «Хочу найти друга в Советском Союзе». В ней содержалось письмо китайской студентки: «Я студентка второго курса факультета китайской литературы университета Ляо Нин, комсомолка» письмо заканчивалось словами: «Хотела бы я найти в Советском Союзе друга, который помогал бы мне изучать русский язык и литературу» [Иркутский университет, 1958, 28 нояб.]. В июне 1959 г. газета «Советская молодежь» сообщала: «Трудно найти комсомольскую организацию, школу, вуз, техникум, предприятие, которые бы не переписывались со своими китайскими друзьями» [Советская молодежь, 1959, 14 июня].

В газете «Советская молодежь» в январе 1958 г. была помещена заметка «Визит дружбы», в которой говорилось: «Коллектив Ангарского ремесленного училища № 4 ведет увлекательную переписку с учащимися ремесленного училища № 211 г. Шеньяна, Китайской Народной Республики. Каково же была наша радость, когда училище посетила китайская делегация. Почетные гости осмотрели учебные кабинеты... особый интерес они проявили к переписке ангарчан со своими китайскими друзьями» [Советская молодежь, 1958, 30 янв.].

Иркутское отделение ОСКД развернуло активную работу по всем направлениям. Глава отделения докладывал в Москву: «В будущем, 1960 году, мы наряду с мероприятиями, которые проводились, мы намеряем осуществить новые формы связи с КНР и формы массовой работы, а именно:

1. Создать и послать в КНР, в первую очередь в Шэньян, четыре тематических фотовыставки “Иркутск”, “Байкал”, “Промышленность Иркутской области”, “Сельское хозяйство Иркутской области”. Каждая фотовыставка должна состоять из 70–80 фотолистов.

2. Договориться с соответствующими организациями и послать в КНР несколько (3–4) хроникальных кинокартин Иркутской студии кинохроники.

3. Послать в КНР передвижную выставку иркутских художников (живопись и графика).

4. Расширить нашу уличную витрину “Советско-китайская дружба” и разработать тематический план выставки в ней иллюстративного материала с объявлением тем выставки в газете.

5. Поставить вопрос в соответствующих инстанциях о праве безвалютного (прямого) сношения с КНР по типу Хабаровска и Владивостока. Это даст возможность значительно расширить живую связь...

7. Несколько увеличить состав правления и больше вовлечь в работу общества актива, особенно из числа молодежи, в качестве внештатных референтов» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 14–16].

В 1950-х гг. Иркутск был вовлечен в систему советско-китайских взаимоотношений на разных уровнях. Кроме многочисленных обменов и контактов в области науки, культуры и образования в городе еще и функционировали различные предприятия, организации, учреждения, где нужны были переводчики китайского языка. Заводы производили оборудование по китайским заказам, в Иркутске был международный аэропорт, таможня и проч. Но в столице Восточной Сибири полностью отсутствовало китаеведческое образование, ликвидированное еще в 1920-х гг.

Отсутствие знания китайского языка в конце 1950-х гг. уже воспринималось общественностью в качестве актуальной проблемы, особенно для молодежи. Посетивший Китай студент Иркутского университета писал в университетской газете: «Нам было очень трудно и неудобно из-за незнания китайского языка. Вот здесь-то особенно и приходилось сожалеть по поводу плохого изучения нами иностранных языков» [Иркутский университет, 1957, 17 окт.].

Во второй половине 1950-х гг. в Иркутске возник спрос на изучение китайского языка, который в тех условиях мог быть удовлетворен лишь посредством различных кружков и пособий для самостоятельного изучения китайского. И в 1958–1959 гг. в Иркутске стали появляться кружки для изучения китайского языка. Первым, вероятно, был кружок китайского языка в Иркутском университете, появившийся в 1958/59 учебном году.

Организатором открытия кружков изучения китайского языка было Иркутское отделение ОСКД. В документах этой организации говорилось: «"Секция переводчиков и содействия изучению китайского языка (рук. Е. Березовский)" – "Учитывая желание трудящихся систематически оказывать действенную помощь всем желающим изучать китайский язык, с этой целью организовать:

а) уроки разговорного китайского языка в газете "Советская молодежь" (16 уроков и методическое указание к ним);

б) шестимесячные курсы разговорного китайского языка (на основе самокупаемости)"

в) обратиться с письмом ко всем директорам вузов с просьбой организовать факультетские курсы разговорного китайского языка» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 3. Л. 9].

Для открытия таких кружков нужны были преподаватели, знающие язык. Председателем Секции переводчиков и содействия изучению китайского языка в Иркутском отделении ОСКД был Е. С. Березовский. Китайский язык в Иркутском университете стал преподавать реэмигрант

из Северо-Восточного Китая, знаток японского и китайского языков К. А. Железняков. Кроме них, судя по документам, в Иркутске жили и работали переводчики китайского языка Е. В. Березовский, К. Ф. Петренко и П. А. Костылев.

Картину работы кружков китайского в Иркутском университете отражает газетная заметка студента 1-го курса филологов И. Тихонова. Студент сообщал осенью 1959 г.: «Кружок китайского языка, руководимый К. А. Железниковым, занимается уже второй год. В прошлом году студенты изучили около 300 иероглифов и 450 слов, что дает им возможность уже сейчас разговаривать по-китайски на несложные темы, преимущественно бытового характера. Особенно хорошо овладели программным материалом студенты Иванова, Гераскевич и Захаров. Студентка Собинова переписывалась с китайскими друзьями на китайском языке. В этом году создана еще одна группа, в которой занимаются 20 студентов разных факультетов. Весь курс изучения языка в кружке охватывает 864 иероглифа и более 1000 слов, а это вполне достаточно, чтобы читать газеты, писать письма и говорить на темы средней трудности» [Иркутский университет, 1959, 21 нояб.].

Весной 1959 г. в Иркутске открылся кружок китайского языка на Слюдяной фабрике. В опубликованной в иркутской газете заметке под названием «Мы будем говорить по-китайски», за подписью трех работниц цеха № 1 этой фабрики, говорилось: «Однажды наше фабричное радио объявило: на фабрике организуется кружок по изучению китайского языка... Желающих оказалось немало. Из нашего цеха записалось шестнадцать человек. 1 апреля состоялось первое собрание. На нем мы узнали, как китайскими иероглифами обозначаются самые распространенные слова... Наши занятия вел преподаватель Е. С. Березовский. Он сумел заинтересовать нас. Мы полюбили новый язык, много занимались и вскоре могли между собой говорить по-китайски» [Советская молодежь, 1959, 14 июня]. Изучение китайского языка в Иркутске в конце 1950-х гг. стало принимать массовый характер, газета «Советская молодежь» сообщала: «Сейчас изучение китайского языка факультативно ведется в институтах и на предприятиях города» [Советская молодежь, 1959, 14 июня].

В конце марта 1959 г. в воскресных номерах комсомольской газеты «Советская молодежь» под рубрикой «Изучай язык друзей» стали выходить уроки китайского языка. «Урок первый» вышел в номере за 29 марта. Начинался он с введения в грамматику: «Китайский язык по своему грамматическому строю резко отличается от других флективных языков. В нем слова и в предложении не изменяются ни по родам, ни по числам, не склоняются и не спрягаются...» [Советская молодежь, 1959, 29 марта]. Затем авторы давали «несколько советов начинающим»: «Прежде всего, не бояться трудностей. Приступив к изучению, надо заниматься упорно и систематически. Читать китайские слова нужно вслух, заниматься

лучше вдвоем, чтобы поправлять друг друга». Далее давались «слова, наиболее употребляемые». Всего 19 слов и фраз. Заканчивался урок двумя грамматическими примечаниями. Китайские слова писались в так называемой транскрипции Палладия, без всякого объяснения фонетики.

В следующем воскресном выпуске газеты был представлен «Урок второй». Начинался он со слов: «Мы уже знаем, что между подлежащим и именным сказуемым обязательная связка “ши”. Что вопрос в китайском языке выражается постановкой слова “ма” в конце фразы, постановкой связки “ши” и “ши” с отрицанием (ши-бу-ши). Затем давали три грамматические примечания. В разделе “Новые слова” было дано 31 слово с переводом. В разделе “Разговорник” было представлено 13 фраз и предложений» [Советская молодежь, 1959, 5 апр.].

В очередном номере под рубрикой «Изучай язык друзей» давался «Урок третий». Он начинался со слов: «Из двух прошлых уроков мы узнали 50 слов, некоторые грамматические правила, составили несколько фраз. Для лучшего закрепления новых слов и грамматических форм нужно больше упражняться в составлении фраз самому, используя как образец разговорник и внимательно вчитываясь в грамматические примечания. Настоящий урок следует сохранить, все слова выписать в русско-китайский словарь, расположив их по алфавиту». Далее были даны написанные кириллицей «новые слова», всего 39, включая счетные слова. В разделе «Грамматические примечания» были даны таковые под номерами, с 6-го по 10-е. Там были счетные слова, отрицание «бу», отрицание «мэй» и числительное местоимение «цзи-гэ». С 4-го урока вновь появился раздел «Разговорник». В газете была напечатана фотография «студентки Иркутского финансово-экономического института Л. Маринчак на занятиях по китайскому языку» [Советская молодежь, 1959, 12 апреля]. Кроме «воскресных уроков» в газете бывали «внеочередные уроки». Например, в номере за 26 мая были просто даны «новые слова», всего 37.

В дальнейшем уроки давались по разным схемам: «Новые слова», «Грамматические примечания», «Разговорник» или «Новые слова и разговорник». С 8-го урока было по два раздела: «Разговорник» и «Грамматические примечания» [Советская молодежь, 1959, 24 мая]. Воскресный номер 7 июня вышел без урока китайского языка. Но в следующее воскресенье был напечатан 9-й урок. С 10-го урока рубрика «Изучай язык друзей» была перенесена на вторники. 16 июня урок был ограничен «Разговорником», в который были включены предложения с 92-го по 100-й. 11-й урок был разделен на «Новые слова. (Синь-(ды)-цы)» и «Беседа Тань-хуа» [Советская молодежь, 1959, 24 июня]. В июле уроки китайского языка опять стали печататься в воскресных номерах «Советской молодежи». Но в другие дни публиковали отдельные части уроков. В августе публикация уроков китайского языка в «Советской молодежи»

прекратилась. Однако китаеведы-активисты продолжали работать в этом направлении. К декабрю 1959 г. группе в составе А. Веселкова, Г. Кунгурова и Е. Березовского было поручено подготовить «Карманный справочник-разговорник китайского языка».

Аудитория читателей, изучавших китайский язык по урокам в газете «Советская молодежь», была разная. В публикациях есть указания на то, что китайский изучали русские рабочие и специалисты, оказавшиеся рядом с китайскими рабочими и практикантами. В заметке комсомольского руководителя треста «Востоктяжстрой» из Усолья-Сибирского говорилось: «Крепкая дружба связывает Ван Чу-фаня с Германом Пономаревым, бывшим мастером... Он и Ван Чу-фань помогают друг другу в изучении языка» [Советская молодежь, 1959, 14 июня]. Работницы Иркутской слюдяной фабрики, изучавшие китайский в фабричном кружке, писали: «В изучении языка очень помогла нам газета «Советская молодежь», которая периодически печатала уроки китайского языка» [Советская молодежь, 1959, 14 июня].

Юбилейный для КНР 1959 г. стал пиком активности советско-китайских связей и иркутского китаеведения той эпохи. Но активисты Иркутского отделения ОСКД строили большие планы своей работы на будущее. Глава Г. Ф. Кунгуров писал в Москву о планах работы на 1960 г.: «В целях дальнейшей популяризации китайского языка шире развернуть кружки по изучению разговорного китайского языка в институтах, школах, на предприятиях и заводах. Методически обработать, научно уточнить уроки “Изучай язык друзей”, изданных в газете “Советская молодежь” и опубликованных в виде карманного разговорника. Организовать уроки китайского языка по радио и телевидению» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 15].

В Плане работы Иркутского отделения общества Советско-китайской дружбы на 1960 год по «Секции переводчиков и содействия изучению китайского языка» было определено: «1. Продолжить работу кружков по изучению китайского языка второго года обучения при университете (тов. Железняков) и при горном институте (тов. Березовский). 2. Организовать новые кружки по изучению китайского языка при университете (тов. Железняков), при горном институте и при педагогическом институте (тов. Березовский). 3. Организовать первый опыт преподавания китайского языка на добровольных началах в средней школе им. Ленина для учащихся 4, 5, 6-х классов (тов. Березовский). 4. Всем кружкам китайского языка наладить дружескую переписку с китайскими студентами и школьниками... 5. По опыту прошлого года организовать изучение самой обиходной терминологии и привитие навыков в составлении простейших фраз на китайском языке для отъезжающих экскурсантов в Китай в 1960 г. (Березовский, Железняков).

6. Опыт изучения китайского языка в Иркутске широко популяризировать по радио, телевидению и в печати (Березовский, Железняков)» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 3. Л. 38].

В Плане работы Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы на 1961 год говорилось: «организовать кружки по изучению китайского языка студентами: а) государственного университета (Железняков К. А.), б) финансово-экономического института (Березовский Е. С.)» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 3. Л. 48]. Особое внимание активисты ОСКД уделяли планам развития связей между иркутскими и китайскими высшими учебными заведениями. В Плане работы Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы на 1961 год говорилось: «Желательно закрепить взаимные связи в КНР со следующими коллективами: ...2. Иркутского пединститута с Шэньянским пединститутом. 3. Иркутский госуниверситет с Пекинским университетом. 4. Иркутский политехнический институт с Шэньянским политехническим институтом и Пекинским геологическим институтом...» [ГАНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 3. Л. 41].

Связи между Иркутском и Китаем, включая обмены делегациями, продолжались до середины 1960-х гг. Однако в условиях политико-идеологического противостояния между правящими партиями двух стран отношения на всех уровнях стали сворачиваться. Как следствие, советско-китайские отношения на уровне сибирских регионов, как и развитие иркутского китаеведения, были прерваны на два с лишним десятилетия. Опыт советско-китайских отношений и иркутского китаеведения второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. остаётся актуальным для Сибири и спустя полвека, в год 60-й годовщины образования КНР.

Литература

- Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО).
- Иркутский университет (газета, Иркутск).
- Красноярский рабочий (газета, Красноярск).
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
- Советская молодежь (газета, Иркутск).

Н. Л. Адилханян

Иркутский государственный университет, Иркутск

И. Л. Адилханян

Генеральное консульство КНР, Иркутск

МЕТАФОРЫ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР СИ ЦЗИНЬПИНА В ДИСКУРСЕ О КОРРУПЦИИ

Аннотация. Выявлены метафоры в выступлениях Си Цзиньпина в дискурсе о коррупции. Определяется их влияние на целевого адресата и на общественное сознание.

Ключевые слова: коррупция, дискурс, метафора.

N. Adilkhanyan

Irkutsk State University, Irkutsk

I. Adilkhanyan

Consulate General of China, Irkutsk

METAPHORS IN PRESIDENT OF PRC XI JINPING SPEECHES IN DISCOURSE ABOUT CORRUPTION

Abstract. The article is devoted to the identification of metaphors in the speeches of Xi Jinping in the discourse on corruption. The authors define the influence of the metaphors on the final addressee and on public perception.

Keywords: corruption, discourse, metaphor.

В современном коммуникативном пространстве выделяются особо аттрактивные зоны, образующие предметные области целостного коммуникативного и дискурсивного пространства. Одной из таких зон является предметная область коррупции, которая выявляет важный феномен для общества, имеющий явно деструктивный характер. Дискурс о коррупции образует вокруг себя интенсивный информационный поток. Темой и предметом дискурса о коррупции являются: коррупционные процессы, участники коррупционных процессов, а также социальные, политические и экономические процессы, связанные с коррупцией.

В процессе медиатизации контента в дискурсе о коррупции активно используются метафоры. В отечественной метафорологии «метафору понимают как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира» [Будаев, 2008]. Дж. Лакофф и М. Джонсон считали, что «метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие» [Лакофф, 2004].

Абстрактные понятия очень часто выражаются через метафорические операции, сами метафоры на глубинном уровне пронизывают мышление и понимаются «как самоочевидные, как прямые описания явлений внутреннего мира» [Лакофф, 2004], но также имеют способность определять мышление, управлять поведением носителей языка, имеют значительный манипулятивный потенциал.

Метафора – важное и часто употребляемое в политическом дискурсе экспрессивное средство. По мнению специалистов в отечественной метафорологии, «метафора – это своего рода зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества» [Будаев, 2008].

Объектом исследования послужили высказывания Председателя КНР Си Цзиньпина, представленные в медийном дискурсе о коррупции; предметом исследования являются случаи употребления метафоры в данных высказываниях.

В китайском дискурсе о коррупции особая роль отводится деятельности по борьбе с коррупцией, проводимой под руководством Председателя КНР Си Цзиньпина. Данная борьба представляется в ракурсе непримиримой войны во имя народа, против опознанного и названного «врага» под руководством партии. Особой аттракцией обладают метафорические репрезентации коррупционеров «лис – тигр – муха». Необходимо отметить, что для «изображения врагов часто используется зооморфная метафора, где оппозиция “свои – чужие” представлена образами животных» [Горностаева, 2018]. В данного рода метафорах «чужие» часто представлены образами крыс, мух, прочих насекомых, а также образами тигров и лис, имеющих особое место в китайской картине мира. Рассмотрим некоторые высказывания с этой точки зрения.

要坚持“老虎”、“苍蝇”一起打 *Необходимо решительно бить как «тигров», так и «мух».* Использование данной метафорической номинации в отношении акторов коррупции началось с начала антикоррупционной кампании, начатой Си Цзиньпином в 2013 г. В данном контексте тигры – это крупные коррумпированные чиновники, а мухи – это мелкие коррумпированные чиновники.

В одном из своих выступлений Си Цзиньпин также употребил следующее выражение “有腐必反, 决不“养虎为患” *При наличии коррупции необходимо бороться с ней, ни в коем случае нельзя «выращивать (выхаживать) тигра и навлекать на себя беду».* Выражение “养虎为患” употребляется в значении «пригреть змею на груди» или оставить смертельно опасного врага в живых.

Тигр занимает особое место в китайской культуре и коллективном бессознательном. В негативном значении тигр воспринимается как ужащающий хищный зверь, приносящий горе и страдания, и только самые сильные и смелые люди могут подчинить или побороть его.

“严肃查处不正之风, 防止“纵蝇为害” *Нужно серьезно расследовать и серьезно наказывать за порочный стиль, не допускать, чтобы «попустительство мухе привело к вреду».*

“蠹众而木折, 隙大而墙坏” *Масса насекомых вредителей переломит дерево, большая щель разрушит стену.*

“千里之堤，溃于蚁穴” *Муравьиный ход может разрушить дамбу в тысячу ли.* Три вышеуказанные метафоры указывают на то, что попустительство в незначительных коррупционных действиях может привести к крайне серьезным последствиям в масштабах страны.

“物必先腐，而后虫生。腐败问题越演越烈，最终必然会亡党亡国！我们要警醒啊” *Предмет должен сначала сгнить, а уже затем в нем появляются червяки. Проблема коррупции становится все серьезнее, в конечном итоге она непременно приведет к гибели партии и страны! Мы должны избавиться от иллюзий.*

В анализе данной метафоры необходимо уточнить следующее. Структурно-семантический анализ знака *腐败 коррупция* показывает, что данный знак в современном китайском языке представляет собой бинарную структуру, состоит из компонента *腐*, имеющего значение «гнить, разлагаться», а также компонента *败* *терпеть поражение, разрушаться, разлагаться*. Данный знак отражает когнитивный опыт, возводится к концептам «гнили» и «разложения» и несёт в себе, в своей семантике, достаточно насыщенное оценочное значение. Следует полагать поэтому, что использование данного знака для номинации феноменов реальной действительности задаёт безусловную и однозначную аксиологическую ориентацию по отношению к данному объекту номинации.

“一人得道，鸡犬升天” *我们共产党人决不能搞封建社会那种“封妻荫子”、“一人得道，鸡犬升天”的腐败之道。Если человек обрел дао, его петухи и собаки возносятся на небо.* Данное выражение подразумевает, что родственники и друзья человека, получившего высокий пост, получают одновременно хорошие должности, благодаря ему.

Также в выступлениях Си Цзиньпина используются метафоры из сферы «болезни». К примеру, “对腐败分子，不能养痍遗患” *В отношении коррупционных элементов нельзя оставлять нарыв, это приведет к беде.* “要深入反腐败斗争，下大气力拔“烂树”、治“病树、正“歪树” *Необходимо углублять антикоррупционную борьбу, прилагать все усилия для выкорчевывания «нилых деревьев», лечения «больных деревьев», выправления «кривых деревьев».* В данных примерах коррупция, коррупционеры и меры по борьбе с ними репрезентируются с помощью метафор сферы-источника «болезнь». Использование подобных метафор продвигает идею о необходимости проведения лечения в отношении такого социального недуга, как коррупция.

Таким образом, репрезентация коррупции в виде опасности, угрозы, которая угрожает китайскому обществу, а также представление ее в образе «врага» путем использования в виде зооморфных метафор не только вызывает чувство страха перед данным явлением, но также и формирует определенный подход к борьбе с данным феноменом. Применение председателем Си Цзиньпином метафор в дискурсе о коррупции являет-

ся эффективным способом влияния на общественное сознание, формирует определенную позицию по отношению к феномену коррупции и акторам коррупционной деятельности.

Литература

Горностаева А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2018. Т. 22, № 1. С. 108–125.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. 10 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

УДК 94+329

А. В. Алепко

Хабаровский государственный институт культуры, Хабаровск

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ФИЛИППИНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Аннотация. Рассмотрен политический процесс на Филиппинах, связанный с деятельностью коммунистических и прокоммунистических движений. Исследуются особенности развития коммунистического движения в стране с 1920-х гг. до наших дней. Выявлена связь коммунистического движения с партизанским протестным движением в сельских районах Филиппин. Раскрыты причины трансформации взглядов политических лидеров Коммунистической партии Филиппин (КПФ) и прихода их к идеологии маоизма. Определена бесперспективность диалога правительства Филиппин и лидеров КПФ в условиях массовой бедности населения страны.

Ключевые слова: коммунизм, лидер, маоизм, марксизм, партия, партизаны, социализм.

A. Alepko

Khabarovsk State Institute of Culture, Khabarovsk

COMMUNIST MOVEMENT ON THE PHILIPPINES: HISTORICAL ASPECTS AND MODERN REALITIES

Abstract. The purpose of the article is to examine the political process in the Philippines related to the activities of the communist and pro-communist movements. The features of the development of the communist movement in the country from the 1920s to the present day are considered. The connection of the communist movement with the partisan protest movement in rural areas of the Philippines has been revealed. Revealed the reasons for the transformation of the views of political leaders of the KPF and their arrival to the ideology of Maoism. The futility of the dialogue between the Government of the Philippines and the leaders of the Communist Party of the Russian Federation in the conditions of widespread poverty of the population was determined.

Keywords: Communism, leader, Maoism, Marxism, party, partisans, socialism.

После прихода к власти в 1917 г. большевистской партии (РСДРП(б)) в России, а также создания Коминтерна (1919 г.) и Красного Профинтерна (1921 г.), в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) активизировался подъем рабочих движений левого толка. На Филиппинах к

этому времени существовал Рабочий конгресс профсоюзов (создан в 1913 г.), а также ряд рабочих партий, которые в той или иной степени получали возможность участвовать в жизни страны.

У истоков коммунистического движения на Филиппинах стоял известный лидер рабочего движения, впоследствии вице-президент Рабочего конгресса профсоюзов страны Крисанто Эванхелиста (01.11.1888–25.02.1942), который в своей политической деятельности с 1920 г. стал придерживаться марксизма [Эванхелисто, 2019]. В 1922 г. он вместе со своими левыми сторонниками покинул Националистическую партию Филиппин и в 1924 г. основал придерживавшуюся марксистской идеологии Прогрессивную рабочую партию (ПРП) и новую федерацию профсоюзов [Crisanto Evangelista, 2019]. В 1928 г. К. Эванхелиста посетил Советский Союз во главе филиппинской делегации на IV конгрессе Красного Профинтерна [Partido Komunista, 2019].

С 1929 г. он стал секретарем Союза пролетариев Филиппин, вышедшего из состава Рабочего конгресса страны. В этом же году в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина были направлены для обучения первые филиппинские студенты, составившие впоследствии руководство КПФ [Partido Komunista, 2019]. При этом необходимо отметить тот факт, что 7 ноября 1930 г. К. Эванхелиста реформировал ПРП, которая стала называться Коммунистической партией Филиппин [Ливанаг, 1988].

1 мая 1931 г. компартия организовала рабочую манифестацию в г. Маниле, которая была разогнана полицейскими силами американской колониальной администрации и местных властей. Лидеры КПФ были арестованы и осуждены за попытку мятежа. В 1932 г. их приговорили к ссылке, а партия, просуществовав легально до 26 октября 1932 г., была запрещена Верховным судом Филиппин и была вынуждена уйти в подполье [Ливанаг, 1988]. К. Эванхелиста был арестован в 1933 г. и до 1936 г. находился в заключении. В период его пребывания в тюрьме в 1935 г. на VII Всемирном конгрессе Коминтерна КПФ была официально включена в Коммунистический интернационал [Partido Komunista, 2019].

Левое движение на Филиппинах не ограничивалось только КПФ. В начале 1930-х гг. была также создана Китайская коммунистическая партия Филиппин, состоявшая из этнических китайцев, симпатизировавших Компартии Китая [Баранова, 2016].

Также следует заметить, что в 1932 г. стоявший на марксистских позициях активный деятель Партии националистов Педро Абад Сантос (1876–1945) организовал и возглавил Социалистическую партию Филиппин (СПФ), которая смогла организовать широкое крестьянское движение в центральном Лусоне в гораздо больших масштабах, чем это осуществляла КПФ [Абад Сантос, 1988].

Поворотным пунктом в отношении левого движения стал 1935 г., когда страна получила статус автономии в рамках США и на критику американского колониализма и империализма филиппинские власти стали смотреть более лояльно. В 1937 г. СПФ, впрочем, как и другие левые партии, была легализована правительством, что было результатом растущих среди филиппинского народа требований социальной справедливости во время всемирной экономической депрессии, а также необходимости консолидации всех политических сил страны в условиях надвигавшейся угрозы оккупации Филиппин милитаристской Японией [Partido Komunista, 2019].

В 1938 г. из эмиграции в страну вернулся К. Эванхелиста, который вновь возглавил вышедшую из подполья КПФ. В этом же году на совместном съезде КПФ и СПФ, проходившем в Большом оперном театре Манилы, было принято постановление об объединении СПФ и КПФ и образовании единого фронта «для борьбы с фашизмом и войной», хотя каждая партия сохраняла свои организационные структуры до 1941 г. [Partido Komunista, 2019]. На вышеупомянутом совместном съезде П. А. Сантос был избран вице-председателем Коммунистической партии Филиппин. Объединение стоявших на марксистских позициях двух партий привело, с одной стороны, к политическому единству рабочих Манилы и крестьян Центрального Лусона, а с другой стороны, способствовало проникновению в коммунистическое движение Филиппин членов с мелкобуржуазными взглядами во главе с братьями Лава в Маниле и братьями Тарук в Центральном регионе Лусона [Ливанаг, 1988].

С началом Второй мировой войны Филиппины после непродолжительного и локального сопротивления были оккупированы японскими войсками. В 1942 г. лидеры КПФ К. Эванхелиста и Педро Абад Сантос были арестованы захватчиками и заключены в тюрьму. 25 февраля 1942 г. (по другим данным, 2 июня 1943 г.) К. Эванхелиста был казнён за организацию антияпонского сопротивления [Левтонова, 1979, с. 213], а П. А. Сантос до 1944 г. находился в заключении; впоследствии он был выпущен на свободу по причине плохого здоровья и в январе 1945 г. умер [Абад Сантос, 2019]. В результате этого у руководства КПФ оказались коммунистические лидеры второго эшелона, такие как братья Висенте, Хосе (Пепинг) и Хесус (Иисус) Лава, а также братья Луис и Перигрино Таруки.

Новое руководство КПФ во главе с избранным генеральным секретарем Висенте Лавой (1894–1947) пыталось свести борьбу против японских оккупантов к курсу на так называемое оборонительное отступление, т. е. вело политику превращения партизанских отрядов в диверсионные команды, состоявшие из 3–5 чел., и уклонения от крупных вооруженных столкновений с врагом. Этот курс был провозглашен после

того, как японцы напали на главную базу партизан у подножия вулкана Арайят в центральном Лусоне [Ливанаг, 1988].

Тем не менее по инициативе большинства членов ЦК КПФ 29 марта 1942 г. из разрозненных партизанских отрядов была сформирована Народная антияпонская армия (НАА) – Хукбалахап. Главкомом армии был назначен ученик и соратник П. А. Сантоса – коммунист Луис Тарук (1913–2005) [Luis Taruc, 2019], а его заместителем член ЦК КПФ коммунист Кастро Алехандрино (1911–2005). Одновременно Л. Тарук был избран председателем Военного комитета КПФ, а К. Алехандрино заместителем председателя военного комитета [Casto Alejandrino, 2019].

По некоторым данным, Л. Тарук имел связи с Компартией Китая (КПК), от которой, в частности, получал финансовую помощь [Баранова, 2016]. Подразделения Хукбалахап комплектовались главным образом из филиппинских крестьян, среди которых получили широкую поддержку. Среди бойцов армии нашли сочувствие антиимпериалистические лозунги и призыв к борьбе с оккупационными силами.

К декабрю 1942 г. «красные партизаны» освободили значительную часть центральных и южных провинций Лусона – самого крупного острова Филиппинского архипелага и заняли посты в местных органах власти [Левтонова, 1979, с. 216]. Численность НАА к этому времени составляла около 10 тыс. чел. регулярных бойцов и до 30 тыс. чел. входивших в состав партизанского резерва. Руководству КПФ благодаря хорошо налаженной политической работе удалось добиться высокой дисциплины личного состава и эффективной боеспособности армии [Левтонова, 1979, с. 216]. Кроме того, состоявшаяся в сентябре 1944 г. партийная конференция объявила «оборонительное отступление» политически ошибочным, а В. Лава был снят с поста генерального секретаря КПФ [Ливанаг, 1988].

За период боевых действий против японских захватчиков силами Хукбалахап в борьбе приняло участие около 25 тыс. солдат и офицеров противника [Hukbalahap, 2019]. Надо заметить, что жертвами партизан НАА стали не только военнослужащие японской армии, но и 20 тыс. местных филиппинских полицейских, коллаборационистов, помещиков и предпринимателей, представителей враждебных коммунистам политических группировок [Баранова, 2016].

Действия Хукбалахап в тылу японских оккупантов в значительной степени облегчили высадку десанта американских войск на о-в Лусон в январе 1945 г. и сыграли важную роль в разгроме японской армии на Филиппинах. Тем не менее большая популярность Хукбалахап вызвала беспокойство американского военного командования. После высадки войск на о-в Лусон оно произвело аресты среди руководства НАА, ликвидировало её органы самоуправления в ряде мест и издало приказ о разоружении филиппинских партизан [Левтонова, 1979, с. 219–220].

Этому способствовал также тот факт, что оставшийся в составе политбюро ЦК КПФ бывший социалистический лидер В. Лава проводил курс на приветствие американских оккупационных властей, поиск открытого и легального участия объединенной партии левых сил в полуколониальной и полуфеодальной политической структуре Филиппин. Он проводил мысль о ликвидации НАА и преобразовании её в организацию ветеранов [Ливанаг, 1988].

Тем не менее через два года, после того, когда 4 июля 1946 г. Филиппины получили от США полную независимость, компартия Филиппин вновь перешла на нелегальное положение, а отряды так называемых хуков вернулись к подпольной вооруженной борьбе. Этому предшествовал тот факт, что избранный в состав Палаты представителей парламента в качестве члена Демократического альянса коммунист Л. Тарук конце 1946 г., после неудачных переговоров с первым президентом независимых Филиппин Мануэлем Рохасом (1892–1948) по поводу принятия ряда проамериканских законодательных актов, ушел в отставку и возглавил нелегальные вооруженные отряды ветеранов Хукбалахап. В 1947 г. их общая численность составила около 10 тыс. бойцов [Luis, 2019].

В 1948 г. руководство объединенной КПФ во главе с новым лидером Хосе Лавой (1912–2000) [Jose Lava, 2019] заявило, что намерено продолжать противостояние проамериканскому правительству и лендлордизму при помощи армии, созданной из ветеранов Хукбалахап [Hukbalahap, 2019]. В послевоенные годы нерешенные социальные проблемы и свободное хождение любого оружия создавали взрывоопасную обстановку на Филиппинах. Вместе с тем успехи компартий Китая и Вьетнама воодушевляли партизан, а распространенные в те годы в странах Восточной Азии сталинские установки подталкивали филиппинских коммунистических лидеров к радикальным действиям.

После провала новых переговоров лидеров КПФ с президентом страны ветераны Хукбалахап в 1949 г. бойкотировали участие в очередных президентских выборах и приняли тактику революционной борьбы [Hukbalahap, 2019]. В 1950 г. руководство КПФ во главе с генсеком Хосе Лавой объявило правительству Филиппин «вооруженную борьбу всеми средствами», рассчитывая на быструю военную победу в течение двух лет. Очевидность авантюристичности этого плана состояла в полном игнорировании нехватки сил у революционеров, а также необходимости кропотливой подготовительной идеологической работы в массах на национальном уровне в течение продолжительного периода. Более того, общая численность социальных групп, поддерживавших КПФ, составляла не более 300 тыс. чел., а в народной армии состояло не более трех тысяч штыков в центральном Лусоне [Ливанаг, 1988].

Тем не менее в начале 1950 г. руководство КПФ при активной поддержке ветеранов Хукбалахап создало Народно-освободительную ар-

мию (НОА) в составе 10 тыс. солдат и офицеров, а в марте-августе того же года НОА начала наступление, главным образом, с баз, расположенных в безлюдных горах, далеко от регионов центрального Лусона. Правительственные войска, поддерживаемые американскими военными специалистами, под командованием министра обороны Рамона Магсайса смогли перейти в эффективное контрнаступление против разрозненных подразделений народной армии. К концу 1950 г. основные подразделения народной армии были разбиты, а более мелкие отряды повстанцев понесли тяжелые потери [Hukbalahap, 2019]. 18 октября 1950 г. так называемое внутреннее политбюро ЦК КПФ во главе с Хосе Лавой было арестовано в Маниле. В мае 1951 г. Х. Лава был приговорен к пожизненному тюремному заключению [Jose Lava, 2019].

После разгрома КПФ десятки политических лидеров оказались в тюремных стенах, тысячи партизан погибли в кровопролитных боях с регулярными войсками. К концу 1950-х гг. партия практически перестала существовать. Тем не менее оставшиеся на свободе отдельные члены руководства партии в составе так называемого внешнего политбюро неоднократно предлагали правительству начать переговоры, но их призывы были проигнорированы.

Характер «особых» филиппино-американских отношений диктовал, с одной стороны, правительству Филиппин непримиримую позицию по отношению к коммунистам. Поэтому вплоть до окончания холодной войны смягчение риторики или переговоры с КПФ были невозможны. С другой стороны, многочисленные перегибы правительства страны в борьбе с партизанами наносили урон мирным жителям и предприятиям, которые часто становились жертвами «чисток».

Бескомпромиссный антикоммунизм филиппинских властей стал одним из мощнейших факторов притока людей в КПФ. Зачастую поведение военных при проведении специальных тактических операций было непомерно жестоким, карательные акции проводились стихийно, без предварительной подготовки. Поэтому местное население бежало к партизанам, надеясь получить у них защиту от произвола властей.

В начале 1960-х передовые члены филиппинского молодежного и профсоюзного движения во главе с Хосе Мария Сисоном (1939 г. р.) объединились для проведения антиимпериалистической и антифеодальной пропаганды среди масс. Независимо от объединенной партии КПФ-СПФ, они самостоятельно с конца 1950-х гг. изучали теорию марксизма-ленинизма и опыт «революционной борьбы» филиппинского народа [Biographies, 2019].

Становление нового этапа коммунистического движения на Филиппинах связано с вышеупомянутым молодым коммунистом Х. М. Сисоном. Поэт и профессор литературы в Университете Филиппин, он стал оплотом левого интеллектуализма страны. В 1962 г. он заявил, что вос-

становит Коммунистическую партию Филиппин [Abinales, 2017, p. 187]. В этом же году Х. М. Сисон посетил Индонезию, где познакомился с деятельностью индонезийских маоистов, после чего совершил путешествие в Китай, где установил связи с КПК и проникся идеями «затяжной народной войны» председателя Компартии Китая Мао Цзэдуна [Francía, 2010, p. 222].

Вернувшись на Филиппины, Х. М. Сисон сосредоточился на идеологической подготовке кадров будущей маоистской партии. Был создан союз «Патриотическая молодежь», выступавший против войны во Вьетнаме, где воевали филиппинские солдаты, а также против президента Филиппин Фердинандо Маркоса, других коррумпированных политиков и «мирового империализма». Вскоре вошедшие в вышеупомянутый союз филиппинские студенты стали ездить на обучение и в Китай за счет средств КПК [Francía, 2010, p. 222].

Х. М. Сисону также удалось привлечь на свою сторону оставшихся полевых командиров «Хукбалахап», которые привнесли в партию опыт партизанской борьбы [Francía, 2010, p. 246]. Результатом вышеупомянутой деятельности стало возрождение Коммунистической партии Филиппин на основе идеологии маоизма.

Основателем вышеупомянутой партии стал Хосе Мария Сисон (также известен под псевдонимами Армандо Ливанаг и Амадо Герреро). Он до сих пор остается бессменным идеологическим лидером Коммунистической партии филиппинских маоистов, несмотря на то, что с 1986 г. он был вынужден стать политэмигрантом. С 1988 г. по сегодняшний день проживает в Нидерландах [Jose Maria Sison, 2019].

26 декабря 1968 г., в день рождения Мао Цзэдуна, в отдаленном барангае Дулакак на границе Алминоса, Бани и Мобини в провинции Пангасинан состоялся учредительный (восстановительный) съезд новой Коммунистической партии Филиппин. Партия избрала путь вооруженной революции, основанный на идеях партизанской войны Мао Цзэдуна. Предусматривалась длительная война, основная тяжесть которой переносилась в сельскую местность, где, по мысли маоистов, создавался «красный» район с партизанскими базами и революционной властью [Francía, 2010, p. 245–246]. Именно с деятельностью коммунистов-маоистов большинство авторов связывают начало «красной» партизанской войны, которая длится на Филиппинах до наших дней. В соответствии с целевыми установками коммунистов в 1969 г. было создано боевое крыло КПФ – Новая народная армия, состоящая в основном из крестьян, студентов и бывших «хуков» [Гвай, 2016].

В 1971 г. представители маоистской КПФ расширили контакты с Китаем, который предоставил филиппинцам партию оружия. Данная помощь являлась безвозмездной. Суть данной политики довольно ясно обрисовал один из представителей КПК: «Мы поставляем военную по-

мощь бесплатно и только тем, кто сопротивляется агрессии и борется против империализма. Если они сопротивляются агрессии и борются против империализма, зачем выставлять им счет? Если они не сопротивляются агрессии и не борются против империализма, зачем давать им помощь?» [Communist Party, 2019].

На протяжении периода правления президента Фердинанда Маркоса (1965–1986) численность КПФ и подконтрольная ей территория выросли в несколько раз. К середине 1980-х гг. Новая народная армия насчитывала около 25 тыс. боевиков, ее боевые ячейки проникли в большинство провинций страны и охватили почти 800 муниципальных образований и 10 тыс. сельских населенных пунктов [Гвай, 2016].

В своей деятельности новая КПФ стремилась совмещать вооруженную борьбу с созданием параллельных структур власти в контролируемых районах. В частности, партизаны налаживали систему школьного образования, медицинской помощи, а также создавали сельские советы и отряды крестьянской самообороны. Доходы партийных организаций основывались на «революционном налоге» для предприятий, частных плантаций и земель на контролируемых территориях. Маоистские повстанцы помогали беднейшим слоям населения Филиппин, обеспечивая их продовольствием и базовой медициной, а также заступаясь за крестьян в конфликтах с землевладельцами и ростовщиками [Гвай, 2016].

Кризис Компартии Филиппин начался с так называемой Желтой революции, когда рухнул авторитарный режим президента Маркоса. В 1986 г. к власти на Филиппинах пришла либеральная оппозиция во главе с Корасон Акино. Несмотря на легализацию новой КПФ, боевое крыло маоистов отказалось от выхода в легальное поле и продолжило вести партизанскую вооруженную борьбу. Ставшая новым президентом страны, К. Акино начала проведение политики «тотальной войны против коммунистического мятежа». Ее тесный альянс с филиппинскими военными и реформа армии страны нанесли серьезный удар по КПФ, сократив их численность до 6 тыс. чел. к середине 1990-х гг. Кроме того, при К. Акино была проведена широкая амнистия маоистских боевиков – участников вооруженных формирований [Гвай, 2016]. Это также в определенной степени нейтрализовало левое коммунистическое движение.

На фоне структурного ослабления КПФ с 1992 г. в ней обострились противоречия. Радикально настроенная группа активистов в 1995 г. отделилась и создала самостоятельную политическую организацию – Революционную рабочую партию Филиппин (РРПФ), более близкую по своим идеологическим взглядам к троцкизму, нежели маоизму. С 1995 г. РРПФ входит в Воссоединенный Четвертый интернационал и ведет вооруженную борьбу на острове Минданао. Несмотря на заключенное в 2006 г. перемирие с правительством, организация не складывает оружие и периодически совершает теракты [Revolutionary Workers', 2019].

В 2001 г. партиячейка региона Минданао вышла из РРПФ в связи с разногласиями по ряду политических вопросов, образовав Революционную рабочую партию Минданао (РРПМ). В 2003 г. РРПМ также стала полноправной филиппинской секцией Воссоединенного Четвёртого интернационала [Sanchez, 2007]. Лидер РРПМ Клара Мария Санчес является членом его Исполнительного бюро [Rebolusyong Partido, 2019].

Вооружённым крылом РРПМ на о-ве Минданао стала Революционная народная армия (РНА). Конечно, кровопролитная война, которую ведет РНА, не обходится без горьких потерь со стороны революционных сил. Так, 28 июня 2015 г. в ходе «контртеррористической» операции был убит легендарный командир 1-й Пуланг-Баганийской роты ННА Леонсио Питао (псевдоним «командэр Параго»). Действовавший со своим отрядом на о. Минданао партизанский командир пользовался заслуженной популярностью среди народных масс, называвших его не иначе как «татай» («батя»), и ненавистью правительственных сил [Espejo, 2015].

В 2015 г., во время предвыборной кампании, мэр г. Давао Родриго Дутерте (1945 г. р.) [Rodrigo Duterte, 2019] установил контакт с Х. М. Сисоном, который некогда был его лицейским преподавателем, и добился от него обещания, что ННА откажется от вооруженной борьбы, если он будет баллотироваться на пост президента [Дутерте пообещал ... , 2017]. Х. М. Сисон и Р. Дутерте согласились встретиться в любой нейтральной азиатской стране, позже Р. Дутерте пригласил бывшего учителя на Филиппины [Филиппины, 2017].

В июле 2016 г. президент Филиппин Р. Дутерте пытался добиться прекращения огня, объявив «одностороннее перемирие» с РНА, но ультиматум был сорван нападением маоистских боевиков буквально через два дня [Дутерте пообещал ... , 2017].

Даже успешные переговоры между правительством и повстанцами-маоистами в августе 2016 г., прошедшие в г. Осло при посредничестве норвежского МИДа, так и не позволили сторонам приступить к реальной деэскалации напряженности в стране [Лавров, 2018].

В ноябре 2018 г. президент Филиппин заявил о намерении создать собственную гвардию, превосходящую по уровню подготовки отряды прокоммунистического Народно-демократического фронта Филиппин в «умении убивать» своих противников [Лавров, 2018]. Заявление Р. Дутерте свидетельствовало об окончательном срыве переговоров по мирному урегулированию между правительством и вооруженным крылом коммунистического движения Филиппин – Новой народной армии.

Судя по тому, что у президента имеется богатый опыт создания мобильных военизированных структур, использовавшихся им для борьбы с местной наркомафией, у экспертов практически нет сомнений, что «воробьиной тактике» повстанцев будет противопоставлен современный

спецназ, получивший от президента страны «лицензию на убийство» [Лавров, 2018].

По данным корреспондента информационного агентства «Экспресс-Новости», накануне заявления о создании «элитного спецназа» для борьбы с «воробьиными отрядами» повстанцев, Р. Дутерте заявил о намерении отказаться от любых мирных переговоров с местными коммунистами. По словам президента, он будет считать своей главной неудачей в жизни, если не сможет справиться с руководимыми местными коммунистами повстанцами [Лавров, 2018].

В последние годы правительство Филиппин принимало различные меры, чтобы окончательно решить проблему маоистов, – от военных операций до амнистий и переговоров, но ни одна из них не приводила к радикальному перелому. Очевидно и то, что военным путем эта проблема не может быть решена, а к мирному диалогу стороны были не готовы. Сегодня численность «красных партизан» на Филиппинах оценивается в пределах 5–12 тыс. человек. Коммунистических повстанцев снабжает оружием КНДР и КНР [Дутерте: убивать ... , 2018]. Новая народная армия, стоящая на маоистских позициях, уже более 50 лет ведет вооруженную борьбу с филиппинскими властями. Под контролем партизан находится ряд территорий на востоке и юге Филиппин [Филиппины, 2017].

Хотя за время вооруженного противостояния в стране погибло около 40 тыс. чел. [Филиппины, 2017], за коммунистическими боевиками закрепился имидж филиппинских Робин Гудов, помогающих беднякам [Баранова, 2016]. Поэтому неудивительно, что социально-экономический эксперимент КПФ сегодня привлекает большую часть населения Филиппин, где до сих пор бедность все еще является острой проблемой.

Для КПФ и РППФ принципиальным моментом остается проведение экономических реформ, а именно: перераспределение земель и реализация программы по национальной индустриализации. Но на это правительство Филиппин пойти не может в современных экономических реалиях страны. Надежда на то, что политический процесс в стране может объединить два параллельных политических дискурса: проамериканский капитализм и левые коммунистические идеи – в обозримом будущем вряд ли осуществима.

Литература

Абад Сантос Педро // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М. : Сов. энцикл., 1988. С. 7.

Абад Сантос, Педро [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Абад_Сантос_Педро (дата обращения: 17.02.2019).

Баранова М. Страна победившего маоизма. На Филиппинах подходит к концу 40-летняя война проамериканских властей и маоистов. 28.08.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/08/28_a_10164557.shtml (дата обращения: 17.02.2019).

Гвай Д. Красная герилья на Филиппинах. 5 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // Архив LENIN CREW. URL: <http://compaper.info/?p=6613> (дата обращения: 27.02.19).

Дутерте пообещал коммунистам войну длиною в поколение [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2017/02/03/new_war/ (дата обращения: 15.01.19).

Дутерте: убивать коммунистов. 19.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://procol-harum.livejournal.com/985735.html> (дата обращения: 31.01.2019).

Лавров С. Дутерте угрожает филиппинским коммунистам новыми «эскадронами смерти». 27.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://express-novosti.ru/world/2147492305-duterte-ugrozhaet-filippinskim-kommunistam-novyimi-eskadronami-smerti.html> (дата обращения: 07.02.2019).

Левтонова Ю. О. История Филиппин. Краткий очерк. М. : Гл. ред. Вост. лит. ; Наука, 1979. 295 с.

Ливанаг А. История Коммунистической партии Филиппин, краткий курс (1988 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://maoism.ru/2623> (дата обращения: 24.02.2019).

Филиппины попросят США убрать беглого лидера коммунистов из списка террористов [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2017/01/25/sison_return/ (дата обращения: 03.03.19).

Эванхелиста, Крисанто [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/Эванхелиста,Крисанто> (дата обращения: 08.02.19).

Abinales P., State and Society in the Philippines / Abinales P. and Amoroso D. Second edition. Queson City : Ateneo de Manila University Press, 2017. 413 p.

Biographies // Jose Maria Sison [Электронный ресурс]. URL: <https://josemariasison.org/> (дата обращения: 05.03.19)

Casto Alejandrino [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Casto_Alejandrino (дата обращения: 21.02.19).

Communist Party of the Philippines [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Communist_Party_of_the_Philippines.

Crisanto Evangelista [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Crisanto_Evangelista (дата обращения: 08.02.19).

Espejo E. NPA commander killed in Davao. June, 28, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rappler.com/nation/97763-npa-commander-killed-davao> (дата обращения: 01.02.19).

Francia L. A History of the Philippines. From Indios Bravos to Filipinos. N. Y. : The Overlook Press, 2010. 352 p.

Hukbalahap Rebellion [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Hukbalahap_Rebellion (дата обращения: 08.02.19).

Jose Lava [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jose_Lava (дата обращения: 14.02.19).

Jose Maria Sison [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jose_Maria_Sison (дата обращения: 5.03.19).

Luis Taruc [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Luis_Taruc (дата обращения: 03.03.19).

Partido Komunista ng Pilipinas-1930 [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Partido_Komunista_ng_Pilipinas-1930 (дата обращения: 31.01.19).

Rebolusyongaryong Partido ng Manggagawa-Mindanao [Электронный ресурс]. URL: https://www.grenzeloos.org/jl/?page_id=2 (дата обращения: 12.03.19).

Revolutionary Workers' Party (Philippines). URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Revolutionary_Workers_%27_Party_\(Philippines\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Revolutionary_Workers_%27_Party_(Philippines)) (дата обращения: 12.03.19).

Rodrigo Duterte [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Rodrigo_Duterte (дата обращения: 25.02.19).

Sanchez C. M. A Revolutionary Marxist Party in Mindanao. Friday 6 April 2007 [Электронный ресурс] // International Viewpoint, the monthly English-language magazine. URL: <http://internationalviewpoint.org/spip.php?article1246> (дата обращения: 05.03.19).

УДК 008.001(520)

В. В. Ананьев, Л. Ч. Табада

Иркутский государственный университет, Иркутск

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАЧАЛЬНОЙ ФАЗЫ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В ЯПОНИИ

Аннотация. Рассматриваются культурно обусловленные причины специфики поведения японцев в ситуации начала делового общения, в частности влияние самурайских практик. Выявляются идеалистические (не имеющие непосредственной практической пользы) и практические элементы, а также мотивирующие их факторы: создание гармоничных отношений, реализация конфуцианских ценностей (соответствие принципу иерархичности устройства общества), а также обеспечение безопасности с прикладной (тактической) точки зрения. В качестве наиболее сильного фактора выделяется конфуцианский, в то время как самурайские практики несут прикладной характер.

Ключевые слова: культурология, Япония, деловое общение, конфуцианство, самураи.

V. Anan'ev, L. C. Tabada

Irkutsk State University, Irkutsk

THE CULTUROLOGICAL ASPECT OF THE INITIAL PHASE OF BUSINESS COMMUNICATION IN JAPAN

Abstract. This article discusses culturally based reasons for the specific behavior of the Japanese in the situation of the beginning of business communication, in particular, the influence of the samurai practices. Idealistic (having no direct practical use) and practical elements are singled out, as well as their motivating factors: the establishment of harmonious relations, the implementation of Confucian values (accordance with the principle of the social structure hierarchy), and providing security from the applied (tactical) point of view. The Confucian values factor is considered the most powerful, while the scope of the samurai practices is limited to applied elements.

Keywords: culture studies, Japan, business communication, Confucianism, the samurai.

Поведение людей во многом определяется нормами культуры социума, к которому они принадлежат. В ситуации кросс-культурного общения коммуниканты часто опираются на стереотипные представления о своих оппонентах. Стереотипы могут играть как отрицательную, так и положительную роль, основываясь на верных данных или ложных (или неверно интерпретируемых). Так, в отношении японцев вообще и в бизнес-коммуникации в частности в качестве стереотипного часто приме-

няется образ самурая. Очевидно, одной из причин этого является значительная известность данной японской культурной реалии, хотя даже самая поверхностная попытка анализа такой ситуации должна вызвать, как минимум, вопросы относительно такого представления о японцах: в период существования самураев торговля была делом другого сословия. Данное исследование нацелено на выявление социокультурных (сословных или иных) основ норм деловой коммуникации японцев на примере ситуации начала общения.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что социальное бытие человека двуплавно, двойственно. Оно сочетает два компонента: органичный, свойственный природному человеку вид поведения, и игровой, призванный обеспечить сосуществование индивидов в обществе. Органичный компонент обусловлен чувствами, непосредственными желаниями человека, игровой же, включающий определенные поведенческие нормы и тактики, обусловлен правилами этикета, отделяющими чувства от действий [Арутюнова, 2006, с. 10].

Конкретные поведенческие нормы и тактики, иными словами – правила общественной игры, которыми руководствуется данный индивид в определенной ситуации, обусловлены культурой. В работах Г. Хофстеде культура описывается как совокупность ценностей, представлений, ментальных установок и алгоритмов, формирующихся под влиянием социальной среды, а также личного опыта индивида, и определяющих его поведение в той или иной ситуации [Hofstede, 2003, p. 4–9]. Различия между культурами могут проявляться через различные феномены, которые Г. Хофстеде делит на следующие категории: символы, герои, ритуалы и ценности (рис.).

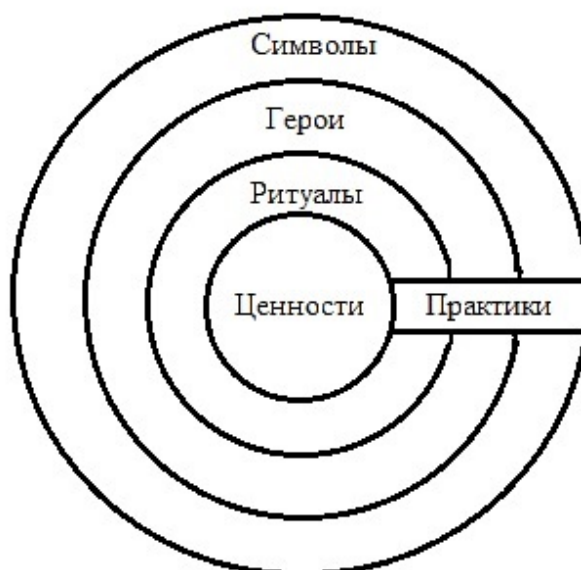

Рис. Проявления культуры на разных уровнях

Символы представляют собой слова, жесты, изображения и прочие объекты, обладающие некоторым значением, понятным только носителю культуры (хотя следует отметить, что символы могут устаревать, заменяться новыми, а также заимствоваться другими культурными группами) [Hofstede, 2003, p. 7]. К героям относятся люди, живые или мертвые, реальные или выдуманные, которые обладают характеристиками, высоко ценящимися в данной культуре, и которые, таким образом, служат образцом поведения [Ibid., p. 8]. Под ритуалами понимаются коллективные виды деятельности, технически избыточные с точки зрения достижения желаемых целей, но рассматриваемые в рамках данной культуры как социально необходимые и, в связи с этим, выполняемые ради самих себя. В частности, к ним относятся способы приветствия и проявления уважения по отношению к другим, социальные и религиозные церемонии [Ibid.].

На рисунке символы, герои и ритуалы объединены понятием «практики». В этом качестве они доступны для восприятия сторонним наблюдателем, однако их культурное значение остается невидимым и лишь может выводиться из интерпретаций этих феноменов носителями культуры. Ядро же культуры, согласно Г. Хофстеде, составляют ценности, которые он определяет как «предпочтения одних состояний дел другим» [Ibid.].

Таким образом, в некоторой ситуации члены данного социума, исходя из свойственных ему ценностей, будут демонстрировать соответствующие практики: исполнять ритуалы с использованием релевантных символов, при необходимости сверяясь с поведением героев. Регулярно демонстрируемые практики, их наборы или, наоборот, элементы могут становиться материалом для стереотипизации представления о данной культурной группе.

Проблема стереотипизации в условиях межкультурного общения является предметом научного рассмотрения уже, как минимум, около ста лет. Термин «социальный стереотип» был введен в употребление У. Липпманом в 1922 г. Его подход актуален и сейчас, поскольку стереотип интерпретируется как «схематичная, упорядоченная и детерминированная культурой картина мира в голове человека, которая защищает его ценности, права и взгляды, одновременно облегчая восприятие сложных позиций» [Агеев].

Стереотип «японец = самурай» возник, очевидно, как следствие впечатления, произведенного самураями на представителей западных стран, первыми попавших в Японию после открытия страны в 1855 г., культивирования образа самурая и привития самурайских ценностей внутри самой Японии до 1945 г., а также в результате представления его во многочисленных художественных произведениях, в первую очередь кинофильмах. Часто этот стереотип воспроизводится, когда речь идет о

японской манере ведения деловых отношений, причем применительно как к стороне поведения участников непосредственного общения, так и к применяемым стратегиям. Однако сколько самурайского на самом деле в действиях японцев?

В рамках настоящего исследования мы рассмотрим формальный аспект начальной фазы делового общения в связи с ее контактоустанавливающей функцией и влиянием первых впечатлений коммуникантов на дальнейший процесс. Под начальной фазой общения (далее – НФО) мы понимаем этап непосредственной коммуникации (в отличие от дистанционной: переписки, разговоров по телефону или видеозвонков и т. д.), обычно предшествующий обсуждению основной темы беседы.

НФО можно разделить на такие составляющие, как встреча визитеров представителем принимающей стороны, сопровождение их до места беседы, размещение и представление коммуникантов друг другу.

В реальной ситуации общения поведение коммуникантов может, естественно, различаться. Однако в соответствии с культурными нормами от встречающего ожидаются, как минимум, три элемента: выражение лица (улыбка), поклон, вербальное приветствие. Инструкторы, обучающие сотрудников компаний поведению в формальных ситуациях, также дают рекомендации относительно проксемики [竹本, 2017].

Рассмотрим, какие социокультурные нормы стоят за каждым из этих элементов и какие задачи они решают – соответствия поведения ценностям или практического характера. Кинесические (выражение лица и поклон) выполняют, в первую очередь, функцию поддержания гармоничных отношений в обществе. Поклон, который должен быть формальным (как минимум 30°), также можно рассматривать как готовность встречающего поставить гостя выше себя в социальном плане и, таким образом, как проявление конфуцианского взгляда на вертикальную организацию общества. Вербальное приветствие выполняет те же функции, что и поклон, в то же время имея и практические задачи – представления встречающего, уточнения личности визитера и др. Наконец, в плане проксемики нормой является при первом приближении к гостям стоять не прямо напротив человека, к которому обращается встречающий, а чуть в стороне от центральной линии. Такое расположение не играет особой роли с точки зрения социальных отношений, однако оно оказывается важным, если рассмотреть его с учетом тактики боя на холодном оружии. Стоя прямо напротив собеседника, человек ограничивает его поле зрения и может обеспечить скрытное нападение со стороны третьего лица либо атаковать сам.

После встречи визитера необходимо сопроводить его до места беседы. Сопровождающий должен показывать направление движения, предупреждать о поворотах, ступеньках и прочих препятствиях. При этом во время перемещения по коридору предполагается, что гость будет идти по центру, а представитель принимающей стороны – впереди и чуть в сто-

роне. В случае посадки на лифт первым входит и выходит сопровождаемый. При перемещении по лестнице сопровождающий идет ниже.

Указанные действия следует охарактеризовать следующим образом. Не несущим какой-либо дополнительной социально-культурной окраски можно считать указание направления движения, остальные же действия имеют определенную специфику. Так, отличается даже предупреждение о поворотах и препятствиях: во многих культурах оно возможно, но выглядит подчеркнуто вежливо, а в культурах с высоким уровнем индивидуализма указание на каждый объект на пути следования может восприниматься как излишняя опека. В японской культуре эта норма поведения диктуется конфуцианскими ценностями: вышестоящему положено оказывать почести и почтительное отношение проявлять во всем, кроме того, нельзя допустить, чтобы вышестоящий понес ущерб физический или моральный, оступившись или упав. Эти же ценности определяют и поведение при посадке на лифт и перемещении по лестнице. Правда, в случае с лифтом преобладает идеалистический подход – гостю предоставляется почетное право войти первым в кабину и занять наиболее удобное место, при этом игнорируется фактор повышенной опасности, который в западной культуре диктует необходимость первым в лифт заходить мужчине. Порядок перемещения по лестнице отражает как идеалистическую, так и практическую пользу: находясь ниже на ступеньках, сопровождающий принижает свой статус и в то же время он может поддержать визитера, если тот потеряет равновесие.

Положение сопровождающего при движении по коридору (впереди и чуть в стороне от центра) можно объяснить и с эстетической точки зрения как стремление не заставлять визитера смотреть на спину, однако в японской традиции это объясняется по-другому, опять-таки тактическими соображениями. Цель такого расположения – не блокировать обзор, так как коридор, особенно с поворотами, представляет собой удобное место для нападения.

По достижении места беседы визитерам предлагают там разместиться. Подобающей для гостей считается часть пространства, наиболее удаленная от входа. При размещении нескольких человек вдоль стола более почетным также считается место, отдаленное от входа. В идеале гости должны видеть что-то красивое или интересное, т. е. напротив должно находиться окно или объект, украшающий помещение.

Размещение в отдалении от входа, которое в западной культуре часто рассматривается как неудобное из-за необходимости совершения длительных перемещений и приложения дополнительных усилий, основано, в первую очередь, на соображениях безопасности, хотя они принадлежат не только самурайскому подходу. Предоставление гостям мест визуально более приятных, а также пространственно маркируемое ранжирование обусловлены конфуцианскими ценностями: гости, которые получают более высокий статус (хотя бы формально) по сравнению с

хозяевами, получают лучшие места, которые делят между собой в соответствии с внутренней иерархией.

Интересное проявление поведения, обусловленного реалиями жизни самураев, можно наблюдать, когда встреча проводится в помещении, обустроенном в японском стиле (например, в традиционном ресторане). Присутствующие рассаживаются на подушках для сидения, и иногда возникает необходимость в дополнительных подушках. Тогда их приносят сложенными вдвое, раскладываясь стороной к гостю, т. е. так, чтобы он мог видеть, что внутри не спрятан клинок или иное оружие.

Перед началом беседы присутствующие обмениваются визитными карточками, при этом возможно совершение поклона, вербального приветствия и самопредставления.

В целом эти действия совершаются для решения практических задач: обмена информацией о себе между коммуникантами и установления контакта, начинающего общения. Вручение визитной карточки важно не только для передачи сведений о ее владельце, но и для подтверждения его статуса и, следовательно, (не)возможности ведения равноправного общения. Принцип наличия у коммуникантов равных статусов характерен не только для Японии, однако в ее случае он обусловлен конфуцианской иерархичностью отношений. Способ подачи своей карточки (двумя руками, с поклоном) и приема карточки оппонента (также двумя руками, с поклоном, с размещением поверх своей визитницы – как на подушке, с последующим помещением в место, обеспечивающее сохранение в хорошем состоянии) также работает на возвышение оппонента. Вербальное приветствие обозначает начало общения и призвано обеспечить гармоничные социальные отношения. Самопредставление выполняет, скорее, фатическую функцию, нежели информативную, поскольку обычно имена участников встречи известны заранее, и также служит гармонизации общения, причем его форма отражает стремление обозначить вертикаль отношений в конфуцианском духе.

Таким образом, из двух десятков выделенных действий, которые совершаются на начальной фазе общения, десять обусловлены конфуцианской системой ценностей, в первую очередь иерархичностью устройства общества, пять – стремлением к поддержанию гармонии в обществе и только три являются наследием непосредственно самурайского опыта. Все три относятся к области пространственной организации коммуникации.

Литература

Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Психфактор: информ. ресурс. центр по науч. и практ. психологии. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype6.htm/> (дата обращения: 15.02.2019).

Арутюнова Н. Д. Виды игровых действий // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 5–16.

Hofstede G. Cultures and Organizations. Software of the Mind. Intercultural Cooperation and its Importance for Survival. London : Profile Books, 2003. 279 p.

竹本, 久仁子. 三カ国語対応 (日本語・英語・中国語) おもてなしトランプ / 竹本久仁子監修. 大阪 : ピーアンドエー. 54 頁.

УДК 81

М. В. Багинская

Иркутский государственный университет, Иркутск

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИМЕНОВАНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Проанализированы космонимы корейского языка с точки зрения участия в их формировании натурфилософских концепций. Предпринимается попытка установления этимологии корейских названий небесных тел.

Ключевые слова: ономастика, космонимы, миф, инь-ян, пять стихий.

M. Baginskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

NATURPHILOSOPHICAL PRINCIPLES OF NAMING CELESTIAL BODIES IN THE KOREAN LANGUAGE

Abstract. The purpose of the article is to analyze how naturphilosophical principles realize in the names of celestial bodies in the Korean language. The article attempts to establish the etymology of the Korean names of celestial bodies.

Keywords: onomastics, cosmonym, myth, ying-yang, five elements.

Собственные имена, служащие для обозначения космических объектов, называются космонимами. Космонимы входят в терминологический аппарат самых разных дисциплин – от лингвистики до астрофизики. На современном этапе изучения человечеством Вселенной и космического пространства астрономический терминологический аппарат располагает большим количеством интернациональных латинских названий космических тел, большинство терминов являются научными. Однако существуют аналогичные им по смыслу народные названия небесных тел, происхождение которых относится к глубокой древности, когда люди, не имея никаких приспособлений и методов изучения неба, использовали, тем не менее, небесные тела и наблюдение за ними для ориентирования в пространстве и измерения времени [Карпенко, 1994].

Народные космонимы представляют собой лексику, довольно сильно нагруженную культурной информацией, поскольку в основе традиционных, народных именовании небесных тел часто лежит мифологическая картина мира народа, отражающая архаические представления об устройстве мироздания. Истоки традиционной организации жизни корейцев можно проследить в учении инь-ян и философской концепции пяти стихий.

Суть учения инь-ян сводится к тому, что все в мире существует по принципу действия и противодействия, т. е. противопоставления. Небо-земля, мужчина-женщина, взрослый-ребенок, животные-растения и т. д. Иными словами – мир состоит из противоположностей, и лишь путем объединения двух противоположностей в единое целое возможно создание и существование чего-то завершённого (знак тайцзи). Считается, что тайцзи – верховный принцип и круг существования, в котором происходит чередование света и тьмы [Нестеров].

Обозначения света и тьмы в этой концепции соответствуют корейским 양(陽) и 음(陰). Эти же элементы входят в названия двух главных светил – Солнца 태양-太陽 и Луны 태음-太陰, что дословно означает *Великий Ян* и *Великий Инь*. Таким образом, видно, что в названиях этих небесных тел реализуется традиционное представление корейцев о мире, состоящем из противоположностей, при этом Солнце 태양 является символом света, а Луна 태음 – символом тьмы. И Солнце и Луна – это образы, которые представлены в мифологии самых разных народов именно как противопоставления друг другу [Мелетинский, 2012]. Не является исключением и корейская мифология. Однако, примечательно, что в случае с последней на первый план выходит не столько противопоставление, сколько объединение противопоставленного. Так, в корейских космогонических мифах Солнце и Луна предстают, например, в образах супругов Ёно-ран и Сео-нё [Нестеров].

Следует также отметить, что 태양 и 태음 не единственные названия для Солнца и Луны, которые используются в корейском языке, а название Луны 태음 довольно редко употребляется в живой речи. Для обозначения Солнца и Луны употребляются также полисемантические слова 해 и 달, которые, помимо указания на собственно светила, означают также год и месяц соответственно. Такая комбинация значений не кажется случайной, поскольку именно по Солнцу отсчитывается годовой цикл, а по Луне – месячный. Кроме того, существуют синонимичные корейские чтения китайских иероглифов 日 – 일(солнце, день) и 月 – 월(луна, месяц), значения которых также, вероятно, сформировались с учетом знаний человека о циклах и скорости движения этих небесных объектов.

Философская концепция пяти стихий напрямую соотносится с восточной традицией представления мироустройства, согласно которой в центре мироздания находится Земля, а вокруг нее 7 звезд: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн. Элементы этой системы движутся в соответствии с принципом инь-ян и составляют гармонию пяти стихий и инь-ян. В названии каждой из планет, включенных в эту схему, присутствует знак, обозначающий одну из пяти стихий: огонь –

화(火), вода – 수 (水), дерево – 목 (木), металл – 금 (金) и земля – 토 (土). Соответственно названия планет выглядят следующим образом:

- Марс – 화성;
- Меркурий – 수성;
- Юпитер – 목성;
- Сатурн – 토성.

Если в основе привычных всем европейцам (а теперь уже интернациональных) названий планет лежат образы, связанные с персонажами античной мифологии, то основу названий этих планет в Корее составляют собственные представления корейцев об устройстве Вселенной. Примечательно также, что порядок расположения планет в системе не соответствует их реальному расположению относительно Солнца и Земли. Однако это связано не с «астрономической неграмотностью» людей, присвоивших планетам имена и расположивших их именно в таком порядке, а с четкими правилами, которые диктует упомянутая выше концепция пяти стихий.

Так, порядок следования элементов и, соответственно, планет должен быть гармоничным, энергия каждой из стихий не должна вступать в конфликт со следующей за ней стихией. Например, при взаимодействии земли и воды земля впитывает всю воду и вода не может в полной мере реализовать свою силу – эти стихии не должны находиться в соседстве. Напротив, при взаимодействии земли и металла земля твердеет, вновь создавая металл, – для этих стихий соседство оказывается гармоничным. Схематично это можно показать следующим образом (рис.).

Рис.

Связь между учением инь-ян и концепцией пяти стихий реализуется в рамках понятия о 10 небесных стволах и 12 земных ветвях. Это наборы циклических знаков, которые используются для шестидесятеричного летоисчисления и каждый из которых соответствует одной из пяти стихий.

Каждый из циклических знаков несет в себе энергию инь или энергию ян. Вступая во взаимодействие, земные ветви и небесные стволы превращают в жизнь принцип инь-ян.

10 небесных стволов

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
甲	乙	丙	丁	戊	己	庚	辛	壬	癸
木 <i>дерево</i>		火 <i>огонь</i>		土 <i>земля</i>		金 <i>металл</i>		水 <i>вода</i>	
Ян	Инь	Ян	Инь	Ян	Инь	Ян	Инь	Ян	Инь

12 земных ветвей

№	Знак	Стихия	Инь/ян
1	子-자	水 <i>вода</i>	Ян
2	丑-축	土 <i>земля</i>	Инь
3	寅-인	木 <i>дерево</i>	Ян
4	卯-묘		Инь
5	辰-진	土 <i>земля</i>	Ян
6	巳-사	火 <i>огонь</i>	Инь
7	午-오		Ян
8	未-미	土 <i>земля</i>	Инь
9	申-신	金 <i>металл</i>	Ян
10	酉-유		Инь
11	戌-술	土 <i>земля</i>	Ян
12	亥-해	水 <i>вода</i>	Инь

Циклические знаки могли иметь связь с сидерическими циклами Юпитера и Сатурна, на основе которых производилось деление небесного экватора на 12 «станций» – кор. 차 [Астрономия]. Названия «станций» в порядке следования с запада на восток были следующие:

- 수성(壽星) *Созвездие долголетия;*
- 대화(大火) *Большой огонь;*
- 석목(析木) *Рубка деревьев;*
- 성기(星紀) *Звезда-управитель;*
- 현효(玄枵) *Черная бездна;*
- 추자(媿訾) *Красавица;*
- 강루(降婁) *Ниспадание ветоши;*
- 대량(大梁) *Большая плотина;*
- 실침(實沈) *Усиление и ослабление;*
- 순수(鶉首) *Голова перепелки;*

순화(鶉火) *Огонь перепелки*;

순미(鶉尾) *Хвост перепелки* [Астрономия; 십이차].

Система учета и именования небесных тел, которая традиционно использовалась на Востоке – в Китае и Индии, в корне отличалась от той, что использовалась на Западе. Китайская традиционная астрономия, заимствованная в Корею, базировалась на экваториальной системе, в которой в качестве ориентира принимаются расположенные на небесной сфере Северный полюс и экваториальный круг. Выбор экваториальной системы был связан с тем, что китайцы придавали большое значение Северному небесному полюсу. Околополюсные звезды, расположенные всегда выше горизонта, рассматривались как «старшие» и использовались как ключевые, чтобы определять расходящиеся от небесного полюса 28 «лунных стоянок/станций/домов» – кор. 수.

28 лунных стоянок и 12 станций Юпитера разделяли небо на условные сектора с Запада на Восток. Лунные стоянки традиционно использовались гадателями для определения местоположения Солнца и Луны, а станции Юпитера – для нахождения пяти остальных планет системы.

Вхождение Солнца в центр станций Юпитера 순수(鶉首) *Голова перепелки*; 성기(星紀) *Звезда-управитель*; 강루(降婁) *Ниспадание ветши*; 수성(壽星) *Созвездие долголетия* совпадало с днем осеннего равноденствия, днем зимнего солнцестояния, днем весеннего равноденствия и днем летнего солнцестояния соответственно. Однако в связи с явлением прецессии система подвергалась постоянным незначительным сдвигам, поэтому термином 이시이분- 二至二分 *два равноденствия и два солнцестояния* стали называть период вхождения Солнца в центр каждой из 12 станций Юпитера.

Существует тесная связь между 12 станциями Юпитера и упомянутыми выше 12 земными ветвями. Будучи циклическими знаками, 12 земных ветвей представляют собой порядок деления небесного экватора на двенадцать секторов с востока на запад, который совпадает с дневным циклом движения Солнца и Луны. Станции Юпитера, напротив, имеют порядок движения с запада на восток. Поэтому в традиционной натурфилософии для уравнивания противоположных движений и подавления Хаоса существует воображаемый небесный объект 세음- 歲陰, название которого буквально означает *годовое светило*, либо *корреляция Земных ветвей по принципу инь-ян* [Карпенко, 1994].

Станции Юпитера полностью или частично совпадают с созвездиями из 28 Лунных стоянок. Также для некоторых из них есть совпадения с созвездиями античной и современной карты звездного неба. Так, например, в стоянку 수성(壽星) *Созвездие долголетия* входят созвездия 각- 角 *Рог* (самая яркая звезда в созвездии Девы – Спика)

и 항–亢 *Шея*. Стоянка 대화(大火) *Большой огонь* совпадает по местоположению со звездой Антарес, а стоянка 석목(析木) *Рубка деревьев* соответствует созвездиям 기–箕 *Плетеный совок* и 두–斗 *Ковш* в точке зимнего солнцестояния.

Стоянка 현효(玄杓) *Черная бездна* включает созвездие 허 – 虛 *Пустота*. Следующая по порядку стоянка 추자(媿訢) *Красавица* находится на месте созвездий Рыб и Пегаса в период весеннего равноденствия. Название стоянки 강루(降婁) *Ниспадание ветоши* созвучно со словом 규루(奎婁), которое состоит из двух названий созвездий – Бедр и Оковы, по местоположению эта стоянка совпадает главным образом со звездным скоплением Плеяды. Стоянка 실침(實沈) *Усиление и ослабление* совпадает с созвездием Ориона в период летнего солнцестояния. Стоянки 순수(鶉首) *Голова перепелки*, 순화(鶉火) *Огонь перепелки* и 순미(鶉尾) *Хвост перепелки* включают созвездия Близнецов, Рака и Гидры и направлены в сторону Спики из созвездия Рога (Девы).

Таким образом, видно, что традиционные названия небесных тел, принятые в Корее, формировались исключительно с опорой на принципы китайской натурфилософии. В названиях планет и созвездий воплотились принципы учения инь-ян и концепции пяти стихий, а также традиционные представления об устройстве мироздания.

Литература

Астрономия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru/a/Астрономия> (дата обращения 01.03.2019).

Карпенко Ю. А. Астронимика // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 21–24.

Корейский иероглифический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://hanja.dict.naver.com/search?query=歲陰> (дата обращения 10.03.2019).

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Акад. проект, 2012. С. 184–186.

Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Сов. энцикл., 1991. 736 с.

Нестеров А. В. Парадоксальная логика Книги Перемен [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/36626185-A-v-nesterov-paradoksalnaya-logika-knigi-peremen.html> (дата обращения 06.03.2019).

십이차 [Электронный ресурс]. URL: <https://terms.naver.com/entry.nhn?docId=579111&cid=46637&categoryId=46637> (дата обращения 10.03.2019).

Л. Л. Банкова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

КИТАЙСКИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ РАЗРЯДНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Рассматриваются лингвистические особенности таких количественных числительных китайского языка, как 十, 百, 千, 万, 亿 и выше, которые классифицируются как разрядные количественные числительные и являются цифрами. В свете философского подхода к изучению китайских чисел объясняется факт существования в Поднебесной четырехпозиционной системы счета, где 万 считается числом полноты и воплощает полноту универсума.

Ключевые слова: китайский язык, числительные, разрядные количественные числительные.

L. Bankova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

CARDINAL NUMBERS IN THE CHINESE LANGUAGE: PHILOSOPHICAL BACKGROUND AND LINGUISTIC FEATURES

Abstract. The article deals with linguistic peculiarities of such cardinal numerals as 十, 百, 千, 万, 亿 and higher. The Chinese four-position number system is explained in light of the philosophical approach to the study of Chinese numbers whereat 万, while being the completeness number and the peak of the four-position number system, represents the completeness of the universal set.

Keywords: the Chinese language; Chinese; numbers; numerals; cardinal place numbers.

Являясь одним из трех «культурных очагов», Древний Китай имел минимум контактов с иными духовными традициями, что создало оригинальные и уникальные культурные условия для развития китайской философии [Кобзев, 1993, с. 8]. Подобное развитие древней китайской цивилизации по своей траектории отразилось также и на развитии математической мысли: многие математические открытия были сделаны раньше, чем в Европе. Царица наук в Поднебесной достигла пика к XIV в. н. э.: китайцы владели методом решения уравнений первой степени с двумя и тремя неизвестными, вычислили отношение длины окружности к ее диаметру – число Пи. Однако принесенная миссионерами западная математика изменила траекторию развития китайской математической мысли. Как пишет Э. И. Березкина в книге «Математика Древнего Китая», «... древняя традиция в математике оказалась, таким образом, прервана и утеряна. Многие открытия, сделанные раньше, чем в Европе, были забыты, и их вновь повторили западные ученые. Китайские математики, обрабатывая древние и средневековые тексты, сами обнаружи-

вали неожиданно для себя удивительные результаты, полученные их предками» [Березкина, 1980, с. 3]. Тем не менее, несмотря на обозначенную прерванную традицию китайской математики, в Поднебесной навсегда осталась своя особая система счисления, отражающая уникальный китайский подход к числам.

В китайской традиции она обозначается как «四位一级 Sì wèi yī jí» [刘月华, 2001, р. 116]. Это значит, что счетная система китайского языка имеет четыре позиции в каждом разряде, или цикле: «...формальное содержание каждого цикла отличается от русского языка: первый цикл китайских составных числительных завершается числом 9999, второй цикл – 9999 9999» [Лазарева, 2015, с. 129]. Таким образом, глобальная разница между китайской и западной системами счета заключается в количестве позиций внутри каждого цикла: западная система трехпозиционна (единицы, десятки, тысячи), в то время как китайская – четырехпозиционна (единицы, десятки, тысячи, десятки тысяч). Как результат, в современном китайском языке отсутствуют такие лексические единицы, как «миллион», «миллиард» и прочие названия разрядов. Однако же присутствуют такие лексические единицы, как 万 wàn *десять тысяч* и 亿 yì *сто миллионов*, а также подобные им 兆 zhào 10^{12} , 京 jīng 10^{16} , 垓 gāi 10^{20} , 秭 zǐ 10^{22} , 穰 ráng 10^{28} , 沟 gōu 10^{32} , 涧 jiàn 10^{36} , 正 zhèng 10^{40} , 载 zài 10^{44} .

В данной статье предпринята попытка объяснения существования китайской четырехпозиционной системы счисления, а также рассмотрены разрядные числительные китайского языка как до десяти тысяч, так и выше с целью выявления их лингвистических особенностей.

Поскольку, начиная с 万 wàn *десять тысяч*, проходит водораздел между западной и китайской системами счисления, то именно оно представляется важнейшим в ряду вышеперечисленных чисел. Будучи переломным пунктом, оно занимает особое место в китайской философии, поэтому искать причину четырехпозиционности китайской системы счисления прежде всего следует в философской плоскости.

В основе нумерологической трактовки окружающей действительности лежит гармония идей индивидуальности и множества числа, высшим пиком которой является 万 wàn *десять тысяч* как «наивысшее в китайской четырехразрядной системе счисления». Оно соответствует предельному элементу универсума и символизирует всю совокупность его элементов. «В этом смысле оно совпадает с понятиями *дао* и Великого предела, определяемыми одновременно и как 1 (Единое), и как 10 000 (вещей или принципов). Подобное выделение одного репрезентативного элемента в качестве символа всего множества составляет суть нумерологической генерализации» [Духовная культура Китая, 2009, с. 46]. В связи с этим 万 wàn *десять тысяч* называют «полным числом» (или «числом полноты» – *ин шу*), «числовым большим именем» [Там же].

По поводу философского наполнения числа 万 wàn *десять тысяч* очень точно написано у А. И. Кобзева: «...принцип универсального классификационизма в китайском языке стимулировал стремление к счету и классифицированию самих классов, что, в свою очередь, находило отражение не только в теории, но и в языковой практике. Именно поэтому китайский язык максимально насыщен классификационно-числовыми формулами, членищими все сущее в мире на различные множества от 1 до 10 000 элементов. <...> Предельно общее в онтологическом смысле языковое клише, выражающее полноту универсума, включает в себя количественную константу последнего (пятого) классификационного уровня – 10 000: 10 000 вещей (вань у), 10 000 дел (вань ши), 10 000 наличий (вань ю), 10 000 родов (вань лэй), 10 000 принципов (вань ли), 10 000 символов (вань сянь)» [Кобзев, 1993, с. 48].

Не только 万 wàn *десять тысяч* является особенным числом. Меньшие разрядные числа вместе с ним составляют систему, в которой в связи с естественными особенностями человеческого восприятия в качестве рациональной формы организации систематизируемого материала в китайской философии выводятся три уровня геометризации классификационных наборов:

- 1) одномерный (линейный) – для чисел, приближающихся к 10;
- 2) двухмерный (плоскостной) – для чисел, приближающихся к 100 (возведенных в квадрат величин первого уровня);
- 3) трехмерный (пространственный), для чисел, приближающихся к 1000 (возведенных в куб величин первого уровня) [Кобзев, 1993, с. 44].

Так, число первого уровня 十 shí *десять*, будучи основанием системы счисления, является продуктом естественной мануальной калькуляции [Там же, с. 38] и несет идею полного множества [Там же, с. 108].

Числительное 百 bǎi *сто* является квадратом величины первого уровня. А. И. Кобзев, говоря о количестве классификаторов в современном китайском языке, приводит цифры 80–140, соотнося их с количеством категорий китайской классической философии и традиционной культуры, что «...согласуется с числовыми параметрами нормативных для описываемой культуры классификационных наборов, располагающихся в интервале от 60 до 120 единиц» [Кобзев, 1993, с. 37]. В число этих наборов включаются 60 пар циклических знаков, представленных сочетанием небесных стволов и земных Ветвей; 64 гексаграммы «Чжоу и»; 81 число таблицы умножения; 120 позиций системы у син и канон 120 знаков телесных знамений [Там же, с. 37]. Примечательно, что «вместе со счетными словами эти наборы охватывают числовую амплитуду от 60 до 140 единиц. Данный классификационный уровень очевидно связан с числом 100, и его можно обозначить формулой 100 ± 40 . В свою очередь, он произведен от более общего классификационного уровня, связанного с числом 10 и соответствующего формуле $10 \pm 2 \dots$ » [Там же, с. 37].

В лингвистическом аспекте у исследуемых чисел выявляется ряд особенностей. Рассмотрим **первую** из них. Она является следствием того, что в китайском языке количественные числительные бывают *系数 коэффициентными* и *位数 разрядными* [刘月华, 2001, p. 115]. К первым принадлежат 零, 一, 二, 三, 四, 五, 六, 七, 八, 九, 十, 两; к разрядным относятся 个十, 百, 千, 万, 十万, 百万, 千万, 亿等. Причем на письме не отражается ступень разряда. Например, число 1234 5678 будет записано иероглифами как 一千二百三十四万五千六百七十八. То есть числительные 十, 百, 千, 万, 亿 и пр. являются **разрядными количественными**.

Вторая особенность заключается в том, что разрядные количественные числительные в китайском языке являются цифрами, потому что каждое из них обозначается собственным отдельным иероглифом, в отличие от западной традиции. Например, в русском языке запись 12345678 произносится как *двенадцать миллионов триста сорок пять тысяч шестьсот семьдесят восемь*, но на письме в записи арабскими цифрами обозначение разрядов нигде не фигурирует. Исключение составляет смешанная запись, например *12 млн.* Из этого следует, что понятия «цифра» и «число» в китайской и западной традиции не совпадают. Согласно определениям данных терминов, цифра – «знак, обозначающий число», а число – «понятие количества, величина, при помощи которой производится счет». В западной системе цифрами считаются 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, в то время как к китайской системе цифр (помимо аналогичных им 一, 二, 三, 四, 五, 六, 七, 八, 九), на наш взгляд, целесообразно отнести 10 (十 shí), 100 (百 bǎi), 1000 (千 qiān), 10000 (万 wàn), 10^8 (亿 yì), 10^{12} (兆 zhào), 10^{16} (京 jīng), 10^{20} (垓 gāi), 10^{22} (秭 zǐ), 10^{28} (穰 ráng), 10^{32} (沟 gōu), 10^{36} (涧 jiàn), 10^{40} (正 zhèng), 10^{44} (载 zài) как имеющие свое иероглифическое обозначение [Банкова, 2017, с. 57]. Другими словами, 十, 百, 千, 万, 亿 в китайском языке именно **цифры**, что и составляет вторую особенность анализируемых числительных.

Различные исследователи предлагают различные классификации числительных, но неизменным остается факт выделения числительных 十, 百, 千, 万, 亿 и пр. в отдельную категорию. О. В. Лазарева в статье «Квантитативность в русском и китайском языках: имя числительное» пишет о том, что в китайском языке количественные числительные делятся на простые и составные. Первые, в свою очередь, подразделяются на 1) «связанные», 2) числительные, обозначающие начальные единицы высших разрядов (百, 千 и др.), 3) числительные 零 и 半 [Лазарева, 2015, с. 128]. Интересна также мысль, высказанная автором о том, что «...в современном русском языке такие слова, как *один, тысяча, миллион, миллиард*, не являются числительными...», что обусловлено их морфологическими характеристиками [Там же, с. 128].

Третью особенность китайских числительных 十, 百, 千, 万, 亿 и пр. отметил классик отечественной синологии А. А. Драгунов. Согласно его видению числительных, все они подразделяются не на количественные и порядковые (согласно более распространенной классификации), а на краткие (непредметные) и полные (предметные). Это он связывает с наличием в китайском языке двух систем счета: абстрактной (математической, непредметной) и конкретной (предметной). Соответственно, используемые при предметном счете числительные называются полными потому, что оформлены классификатором (в современной терминологии «счетным словом»), а краткие, или непредметные, числительные подобного оформления не имеют, употребляясь в привычном для западной традиции виде [Драгунов, 1952, с. 192]. В свете выдвинутой теории А. А. Драгунов про анализируемые в данной работе числительные пишет следующее: «Особняком в этом отношении (делении на предметные и непредметные числительные. – Л. Б.) стоят слова *бай* ‘сто’, *цян* ‘тысяча’, *вань* ‘десять тысяч’, *чжао* ‘миллион’, при котором нет различия между предметным и непредметным счетом. Без изменения значения можно сказать *ибай жэнь* – *ибайгэ жэнь* ‘сто человек’, *ицян* *жэнь* – *ицянгэ жэнь* ‘тысяча человек’, *иван* *жэнь* – *ивангэ жэнь* ‘десять тысяч человек’. Объясняется это тем, что эти слова стоят на границе между числительными и такими существительными, обозначающими разного рода коллективные единства, как *ицзяцзы* ‘семья’, *ихоцзы* ‘толпа’, *ибоцзы* ‘труппа’ и т. п.» [Драгунов, 1952, с. 193]. Находясь на границе, «...слова *бай* ‘100’, *цян* ‘1000’, *вань* ‘10000’ совмещают в себе и особенности числительных, и особенности некоторых существительных» [Драгунов, 1952, с. 203]. То есть существительных со значением коллективных единств.

Рассмотрим вопрос числительного 兆 *zhào* *миллион*, упомянутого в труде А. А. Драгунова 1952 г. В «*现代汉语词典 (汉英双语)*» в соответствующей словарной статье представлены следующие значения:

兆 *zhào* 数目 number; amount a) 一百万 million; mega b) <古代 arch.> 指一万亿 million million; trillion [CCD, 2002, с. 2425].

Из словарной статьи следует, что архаичным значением лексической единицы 兆 *zhào* является «триллион», а значение «миллион» приводится без пометки об архаичности, но фактически данное значение не в ходу. В данном случае наблюдается явление переосмысления значения. Таким образом, актуальным значением лексической единицы 兆 *zhào* является «мега».

Большой китайско-русский словарь (онлайн) о числительном 兆 *zhào* предлагает следующую информацию:

- 1) триллион, тысяча миллиардов, 10^{12} ;
- 2) миллион (从前说一兆是一百万 *Прежде считалось, что один чжао – миллион*);

3) *кит. мат.* 10^{16} ;

4) мириады, бесчисленное множество, тьма, масса (人兆 мириады людей, множество (тьма) народа).

Также 兆 zhào может функционировать как словообразовательный формант:

1) мега (десятичная приставка) (兆伏 эл. мегавольт, 兆瓦时 эл. мегаваттчас, 兆尔格 эл. мегаэрг);

2) тера (десятичная приставка, используется на Тайване) [兆].

Из второй словарной статьи следует, что значение «триллион» актуально в современном китайском языке. Помимо этого наблюдается расширение значения лексической единицы 兆 zhào по траектории «числительное → существительное» («мириады, бесчисленное множество, тьма, масса»), что обозначается термином 数词的活用 – употребление числительных в несвойственных им функциях в результате отклонения китайских числительных от своего основного назначения (исчисления) [Банкова, 2018, с. 142]. И если традиционно к таким числительным причисляют 3 (三), 9 (九), 10 (十), 100 (百), 1000 (千), 10 000 (万) [Там же, с. 128] и 100 000 000 (亿), то мы предлагаем отнести к их числу и 兆 zhào.

Таким образом, количественные числительные 十, 百, 千, 万, 亿 и пр. выделяются в особую категорию в связи с тем, что в китайском языке они являются цифрами, разрядными количественными числительными в рамках одной классификации и пограничными между классами числительных и существительных в рамках другого подхода.

«Любопытным» и «оригинальным» назван вклад китайского народа в мировую математику исследователем истории китайской математики Э. И. Березкиной [Березкина, 1980, с. 9]. Действительно, многие математические открытия в остальном мире были сделаны позже или параллельно Поднебесной, но, несмотря на процессы глобализации, проявляющиеся в том числе и в сфере математики (например, внедрение арабских цифр), китайская четырехзначная система счета продолжает свое самобытное существование.

Литература

Банкова Л. Л. Китайские комплекты цифр // Иностр. яз. в высш. шк. Рязань, 2017. Вып. 2 (41). С. 56–60.

Банкова Л. Л. Использование китайских числительных в несвойственных им функциях // Проблемы перевода, языка и литературы : сб. науч. тр. . Сер. Язык. Культура. Коммуникация. Нижний Новгород : НГЛУ, 2018. Вып. 21. С. 142–147.

Березкина Э. И. Математика Древнего Китая. М. : Наука, 1980. 312 с.

Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Т. 1: Части речи. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 231 с.

Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / гл. ред. М. Л. Титаренко ; ред. М. Л. Титаренко [и др.]. М. : Вост. лит., 2009. 1087 с.: ил.

Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М. : Наука; Вост. лит., 1993. 432 с.

Лазарева О. В. Квантитативность в русском и китайском языках: имя числительное // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 126–130.

刘月华. 实用现代汉语语法 / 刘月华等著. 增订本. 北京: 商务印书馆, 2001. 1005 页.
兆 / Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=兆> (дата обращения: 10.03.19).

现代汉语词典 (汉英双语) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 外语教学与研究出版社, 2002, 2698 页.

УДК 31

**В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков,
А. С. Максимова, В. А. Медведь**

Институт социально-политических исследований РАН, Москва

МИГРАЦИОННАЯ УБЫЛЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ВЫЕЗДА*

Аннотация. Рассмотрены основные направления миграции жителей Дальнего Востока. Регионы российского Дальнего Востока в течение длительного времени сталкиваются с вызовами демографического развития и устойчивая депопуляция дальневосточных регионов приводит к постепенному обезлюдению российского побережья Тихого океана и территорий на тысячи километров в глубине континента. Для регионов Дальнего Востока характерна как естественная убыль вследствие старения населения и малодетности семей, так и убыль миграционная. Как правило, уезжает наиболее предприимчивая, пассионарная, мобильная, образованная часть жителей, ищущая лучшие, более высокооплачиваемые рабочие места в других регионах.

Ключевые слова: регионы Дальнего Востока, демографическая ситуация, миграционный отток, направления выезда.

**V. Bezverbny, N. Mikryukov,
A. Maksimova, V. Medved**

Institute for Socio-Political Research, RAS, Moscow

MIGRATION OUTFLOW IN THE REGIONS OF RUSSIAN FAR EAST: DIRECTIONS OF DEPARTURE

Abstract. Regions of the Russian Far East have for a long time faced challenges of demographic development. The ongoing depopulation of the Far Eastern regions leads to the gradual desertion of the Russian coast of the Pacific Ocean and territories thousands of kilometers deep in the continent. Both the natural decline due to the aging of the population and the small families, and the decline in migration are typical for the regions of the Far East. As a rule, the most enterprising, passionate, mobile, educated part of the population is leaving, looking for better paid jobs in other regions. In this regard, it is of scientific interest to consider the main directions of migration of residents of the Far East.

Keywords: regions of the Far East, demographic situation, migration outflow, directions of departure.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00699.

Регионы Дальнего Востока сохраняют уникальный стратегический потенциал, обеспечивающий нашей стране выход к Тихому и Северному Ледовитому океану и, как следствие, к шести морям, обладающим значительными морскими ресурсами и выходом к Арктике. Также нельзя забывать, что Дальний Восток граничит с пятью государствами, три из которых – Китай, США и Япония – сейчас являются ведущими игроками на мировой арене и имеют крупнейшие экономики мира. Кроме того, в свете колоссальных ресурсных богатств Сибири многими забывается, что по объему природных запасов отдельных ресурсов регионы Дальнего Востока занимают ведущее место в общей структуре ресурсных запасов России. Например, на Дальнем Востоке находится около 50 % запасов угля, 30 % запасов древесины, 95 % запасов сурьмы, бора и олова, 10 % запасов железной руды. Велика роль Дальнего Востока и в общероссийском производстве отдельных товаров и услуг, так, в данном регионе производится около 98 % алмазов, 50 % золота, 40 % рыбы и морепродуктов в России [География России, 2010, с. 260–261].

Все это отражает ключевое значение Дальнего Востока в качестве основы экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны как на сегодняшний день, так и в перспективе. С учетом же географического положения Дальний Восток по сути дела выполняет уникальную роль торгово-экономического «моста» между Россией и динамично развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Судя по последним тенденциям, Правительство РФ осознает стратегическую важность Дальнего Востока и опасность сокращения демографических ресурсов в регионе. Например, развитие человеческого капитала является главной задачей Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, являющегося частью структуры Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. В части демографического и миграционного развития перед Агентством ставятся следующие задачи: содействие созданию условий для демографического и миграционного развития на Дальнем Востоке; оказание поддержки региональным органам власти в части реализации программ, направленных на развитие человеческого капитала; содействие реализации государственных программ, повышающих трудовую, межрегиональную и международную миграцию на Дальний Восток [Агентство по развитию ...].

К сожалению, на сегодняшний день все чаще российскими и западными экспертами высказываются мнения о неспособности России обеспечить достаточную безопасность и интегрированность территорий Дальнего Востока в политическое и экономическое пространство нашей страны. Во многом эти предположения строятся на эффектах тяжелого социально-экономического положения и политической дезинтеграции этих территорий, а также крайне тяжелой демографической ситуации в регионах Дальнего Востока. Сложность демографической ситуации за-

ключается не столько в суженном воспроизводстве населения, сколько в масштабном миграционном оттоке коренного населения, ведущего, по сути, к деколонизации этих регионов.

Депопуляция вообще и миграционный отток в регионах Дальнего Востока в частности происходят неравномерно, с различной степенью интенсивности. Так, в период 1994–2014 гг. численность населения Чукотского автономного округа сократилась на 54 %, Магаданской области на 50 %, Сахалинской области на 29 %, Камчатского края на 27 %, Еврейской автономной области на 21 %, Амурской области на 20 %.

Для анализа направлений миграции мы рассматривали регионы, с которыми у данного дальневосточного региона сложился отрицательный миграционный баланс. Сальдо миграции между дальневосточным регионом и другим регионом, в который уезжают больше, чем оттуда приезжают, делится на сумму сальдо всех тех регионов, миграционный баланс с которыми у данного дальневосточного региона отрицательный. Таким образом, получался показатель вклада регионов в миграционную убыль каждого дальневосточного региона. Москва и Московская область были объединены в Московский столичный регион, Санкт-Петербург и Ленинградская область – в Санкт-Петербургскую агломерацию, а Республика Крым и г. Севастополь – в Крымский полуостров. Анализ темпов миграционных перетоков, основных направлений межрегиональной миграции позволил провести районирование территории Дальневосточного федерального округа, выявив регионы со сходными типами миграционных процессов [Росстат]:

I тип – регионы Северо-Востока Дальневосточного федерального округа: Магаданская область и Чукотский автономный округ (рис. 1–2). Они характеризуются наибольшим межрегиональным миграционным оттоком на 1000 жителей. Они же являются и наименьшими по численности населения в ДВФО. Эти регионы находятся в наиболее суровых природных условиях, почти всю их площадь занимает тундра. Поэтому отток населения может быть связан с отъездом в регионы с более благоприятным климатом.

Преобладающими направлениями отъезда населения являются, помимо Московского столичного региона, Санкт-Петербургской агломерации и Кубани, регионы Центральной России. Причем не только сравнительно благополучные Белгородская и Воронежская области, но и довольно бедные регионы Нечерноземья: Владимирская, Рязанская, Тверская, Тульская, Костромская, Ивановская, а также Новгородская, Вологодская области, по всей видимости, ввиду невозможности приобрести жилье в других, более благополучных регионах. При этом из Чукотского автономного округа уезжают в менее развитые регионы, чем из Магаданской области.

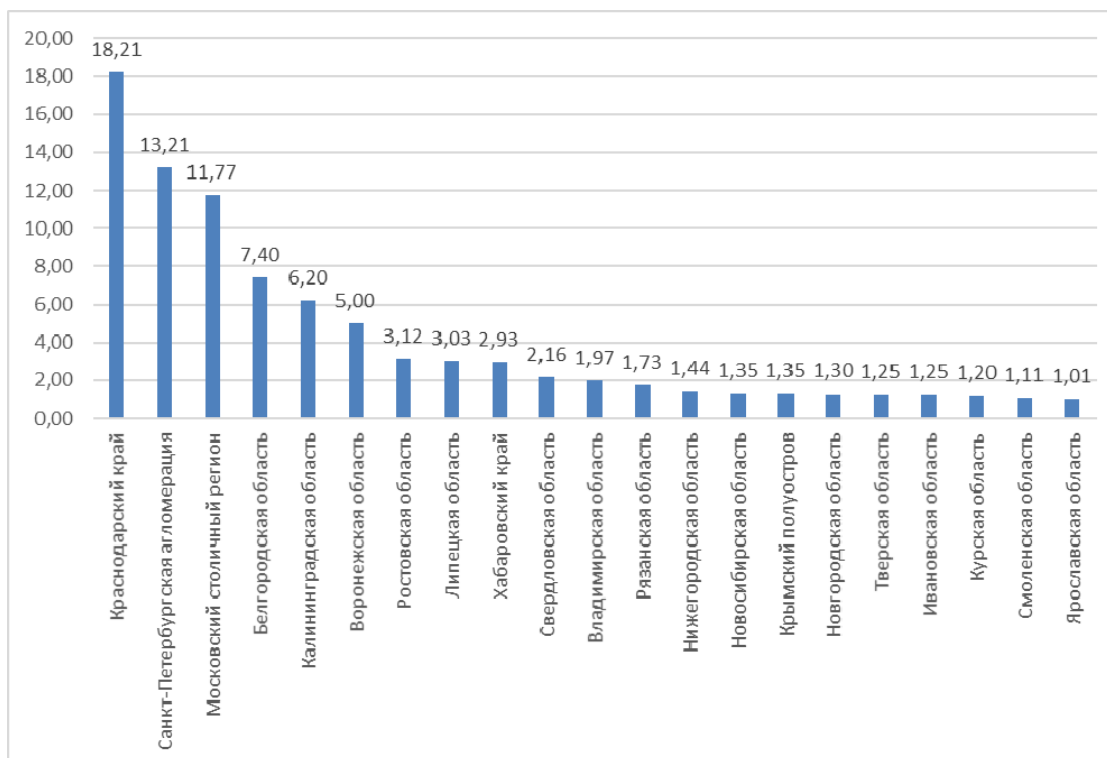

Рис. 1. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Магаданской области (I тип), 2016 г., %

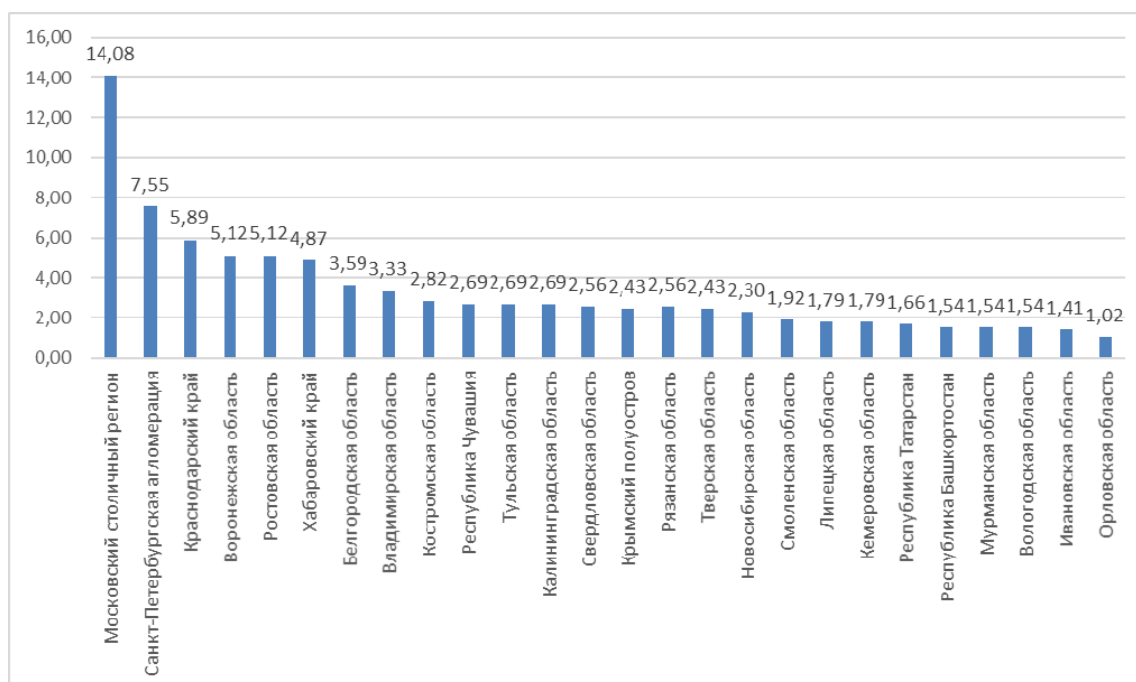

Рис. 2. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Чукотского автономного округа (I тип), 2016 г., %

II тип – новые регионы Юго-Запада ДВФО Забайкальский край и Республика Бурятия (рис. 3–4).

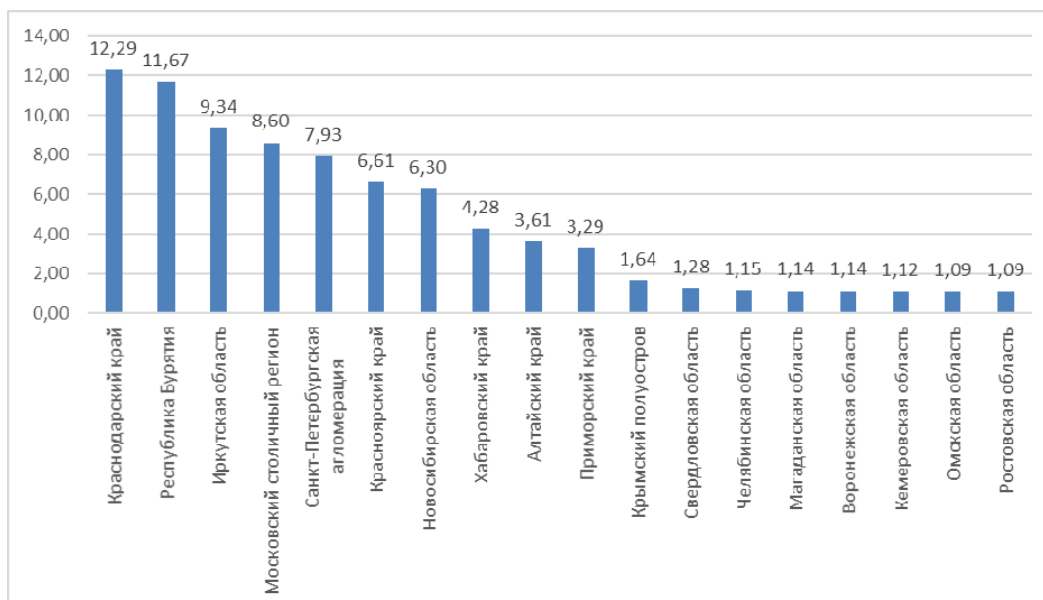

Рис. 3. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Забайкальского края (II тип), 2016 г., %

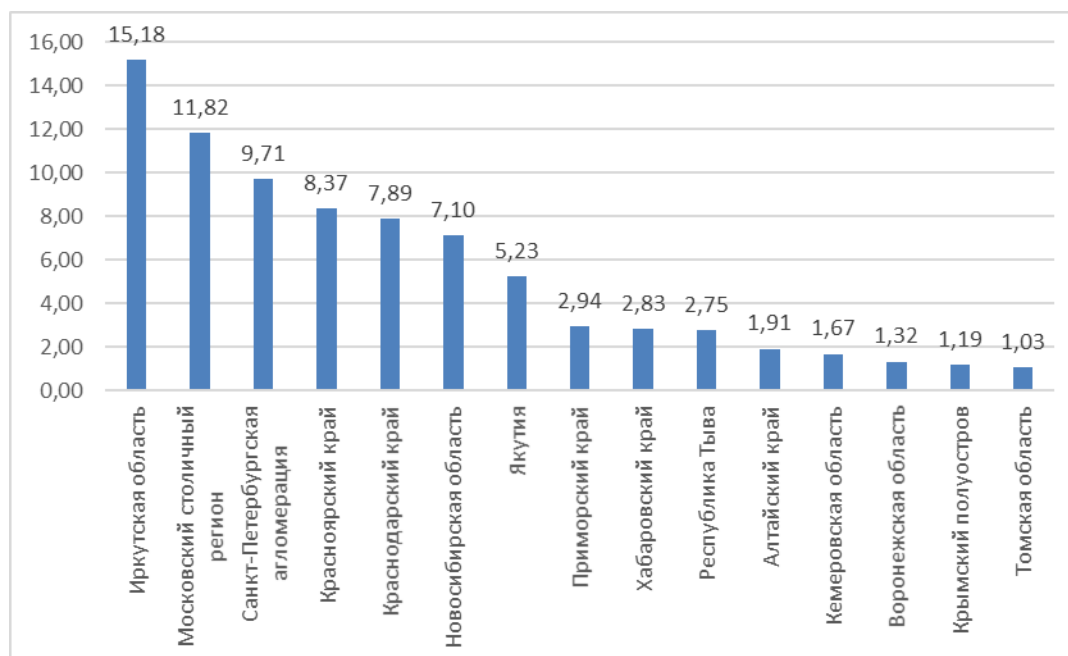

Рис. 4. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Республики Бурятия (II тип), 2016 г., %

Около 30 % межрегиональной эмиграции из регионов II типа приходится на Московскую, Санкт-Петербургскую агломерации и на Краснодарский край. Остальная же часть эмигрантов (около 40 %) направляется преимущественно в регионы Сибири (Иркутская область, Красноярский, Алтайский края, Кемеровская, Томская области), а также немного (около 6 %) на Юг Дальнего Востока (Хабаровский, Приморский края). В Забайкальском крае 11 % эмиграции приходится на соседнюю Республику Бурятия.

III тип – островные и полуостровные регионы Дальнего Востока
Камчатский край и Сахалинская область (рис. 5–6).

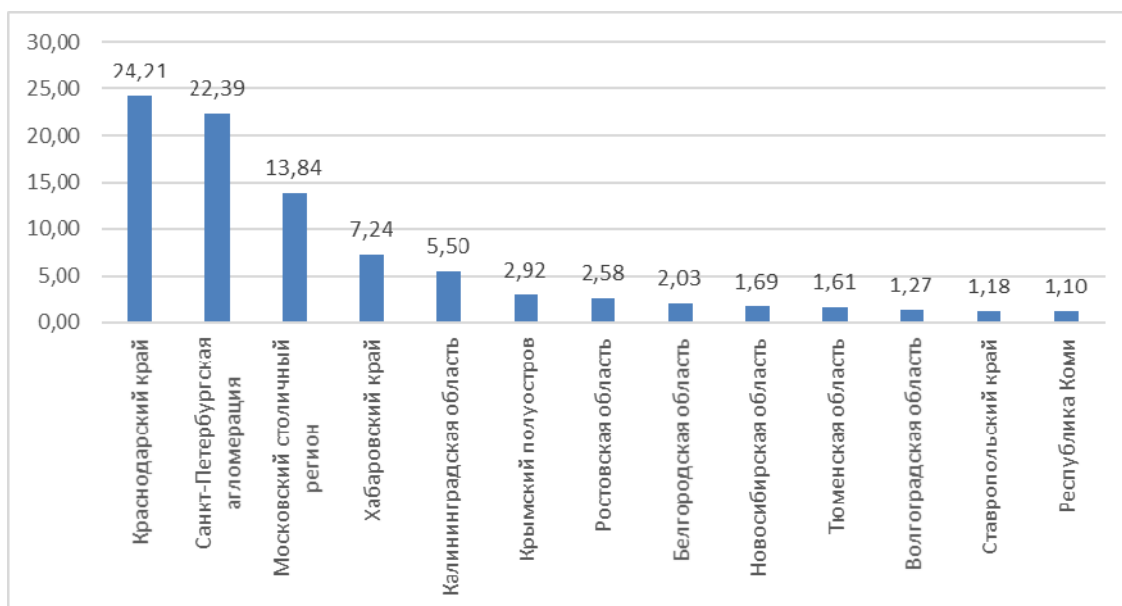

Рис. 5. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Сахалинской области (III тип), 2016 г., %

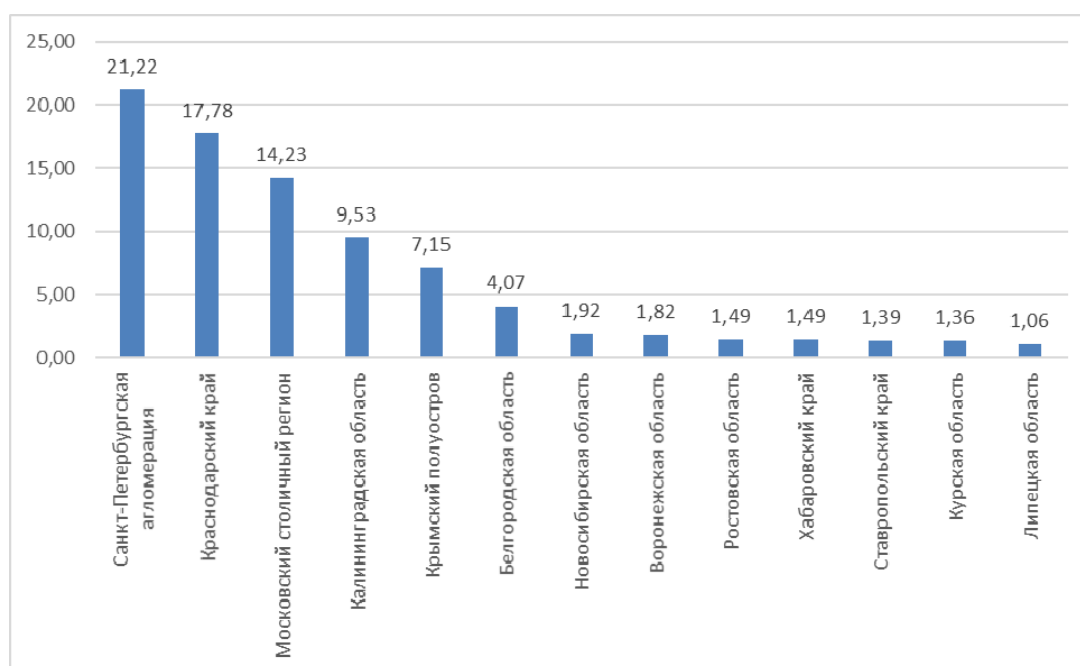

Рис. 6. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Камчатского края (III тип), 2016 г., %

В каждом из них больше половины миграционной убыли приходится на Московскую, Санкт-Петербургскую агломерации и на Краснодарский край. Заметно выраженное направление в приморские регионы Европейской России: Калининградскую область, Крымский полуостров («моряки выбирают море»), а также в регионы Центрального Чернозе-

мья (Белгородская, Воронежская, Липецкая, Курская области) и Юга Европейской России (Ростовская, Волгоградская области, Ставропольский край). 7 % миграционной убыли Сахалинской области направлены в Хабаровский край.

IV тип – регионы Приамурья: Амурская область и Еврейская автономная область (рис. 7–8).

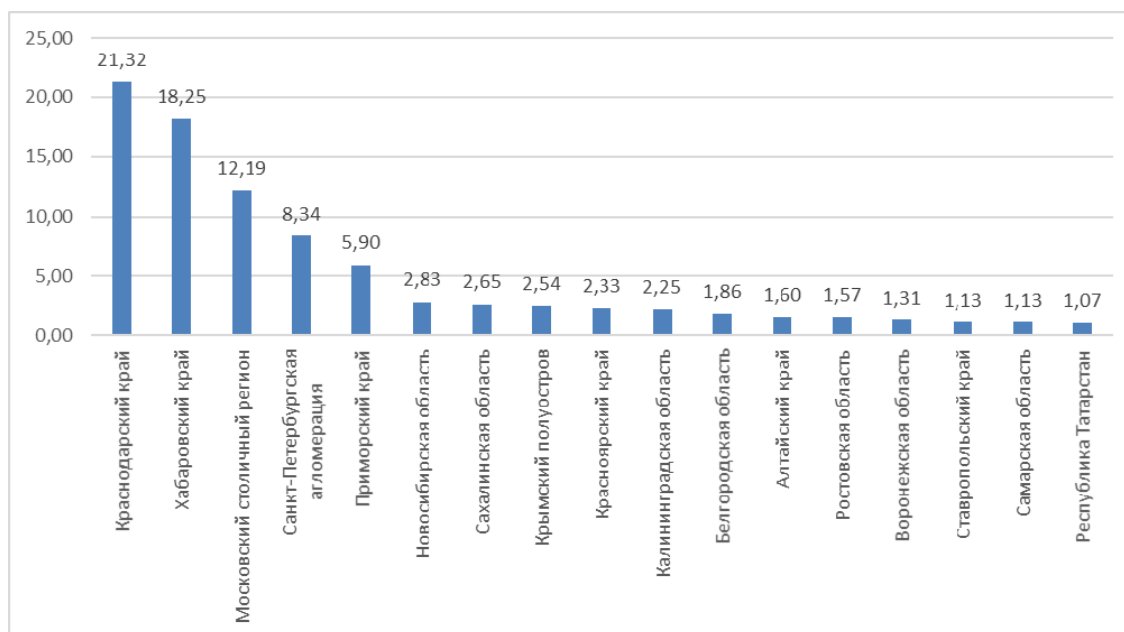

Рис. 7. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Амурской области (IV тип), 2016 г., %

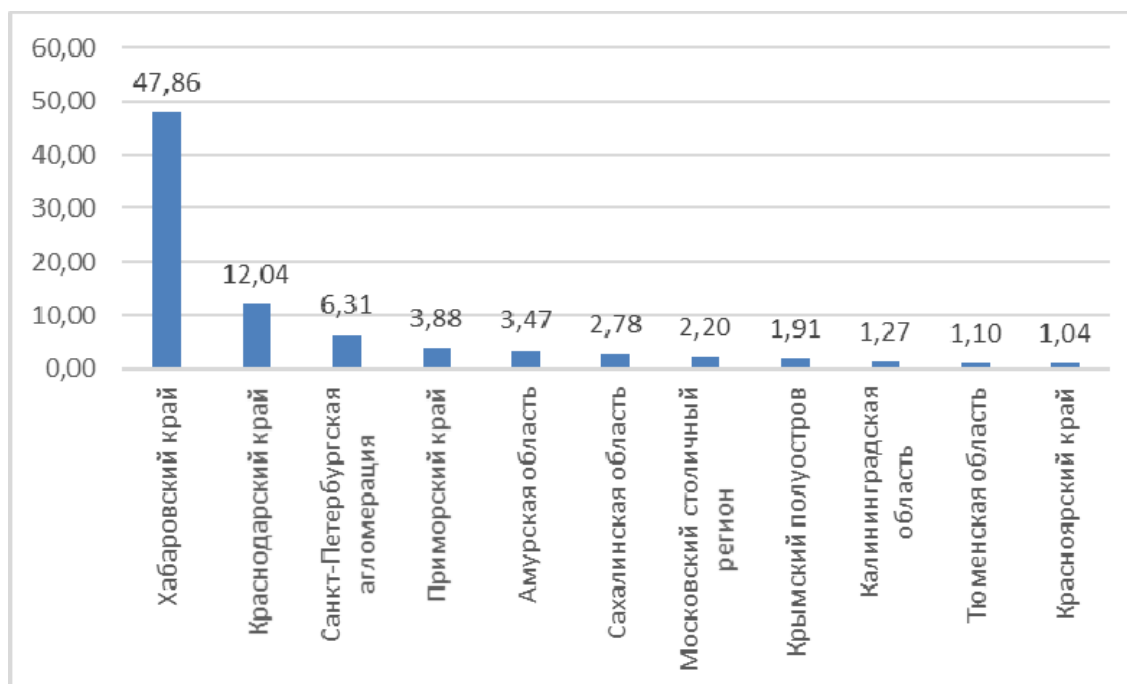

Рис. 8. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Еврейской автономной области (IV тип), 2016 г., %

В этих регионах преобладает дальневосточное направление эмиграции (Хабаровский, Приморский края, Сахалинская обл.), а также переезд населения в Краснодарский край. Доля Московской и Санкт-Петербургской агломерации сравнительно невелика и составляет около 20 % для эмиграции из Амурской области и около 8,5 % – из Еврейской АО. Межрегиональная эмиграция из Еврейской АО направлена частично и в Амурскую область.

V тип – представлен одним, но самым большим субъектом Федерации Республикой Саха (Якутией) (рис. 9).

Эмиграция из Якутии характеризуется средним душевым значением и сравнительно равномерным распределением по регионам. Поскольку регион богатый, то, как правило, уезжают в экономически развитые регионы (агломерации Москвы и Санкт-Петербурга, Краснодарский край, Новосибирская, Белгородская, Хабаровская, Челябинская, Томская, Калининградская, Ростовская области). Интересно, что примерно по 1,5 % якутской эмиграции приходится на Республики Татарстан и Башкортостан, что может быть связано с близостью тюркских языков и высоким уровнем экономического развития этих двух национальных республик.

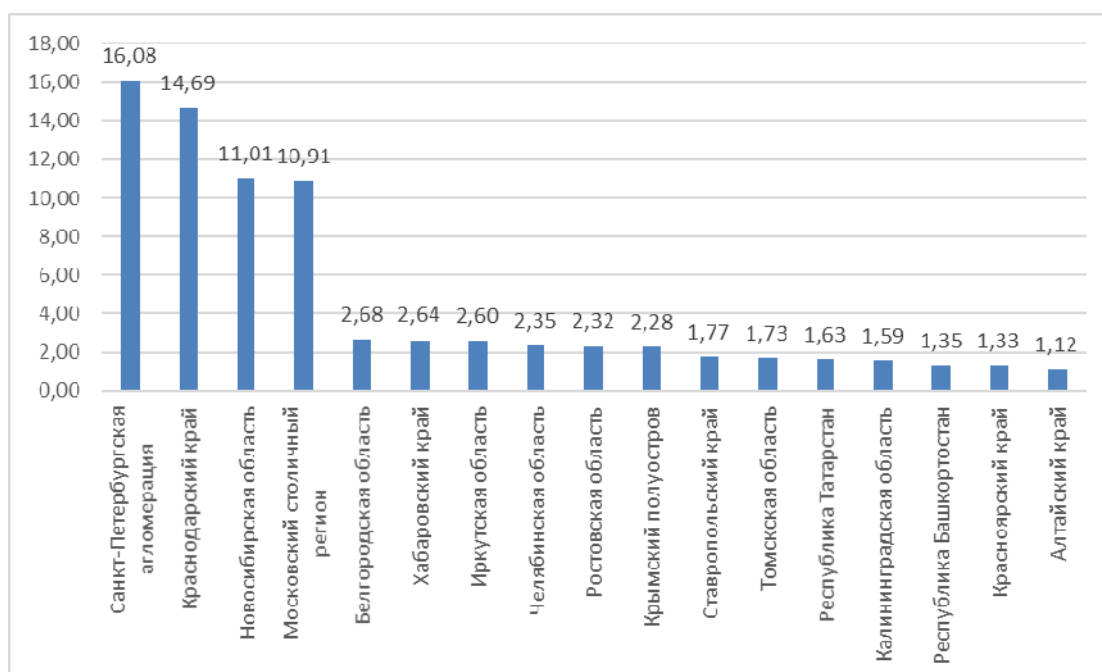

Рис. 9. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Республики Саха (Якутия) (V тип), 2016 г., %

VI тип – главные регионы Дальнего Востока Хабаровский и Приморский края (рис. 10–11).

В этих регионах прослеживается наибольшая среди всех остальных (более 60 %) роль эмиграции в Московскую, Санкт-Петербургскую агломерации и в Краснодарский край. В Хабаровском крае треть всей эми-

грации направлена в Краснодарский край. Велика также роль Крымского и Калининградского направления, что, как и в случае с Сахалинской областью и Камчатским краем, подтверждает тезис «моряки выбирают море», выделяются также Ростовская, Воронежская, Белгородская области. Около 5 % эмиграции из Приморья было направлено в Хабаровский край. Хабаровский край концентрирует население всех дальневосточных регионов, но при этом сам характеризуется, как и все остальные, отрицательным сальдо миграции в межрегиональном обмене населением.

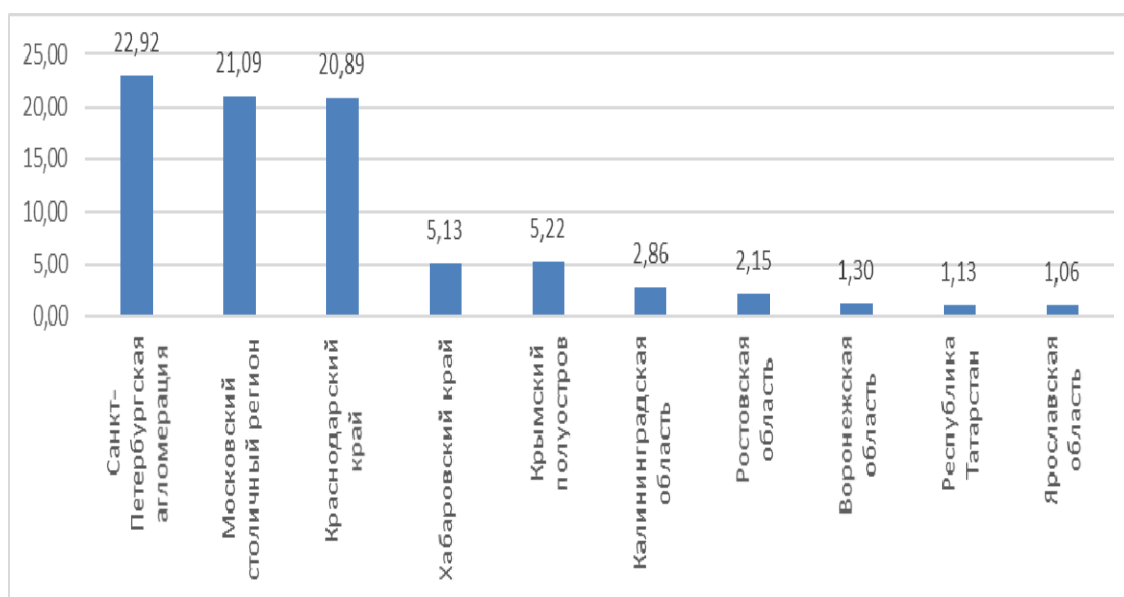

Рис. 10. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Приморского края (VI тип), 2016 г., %

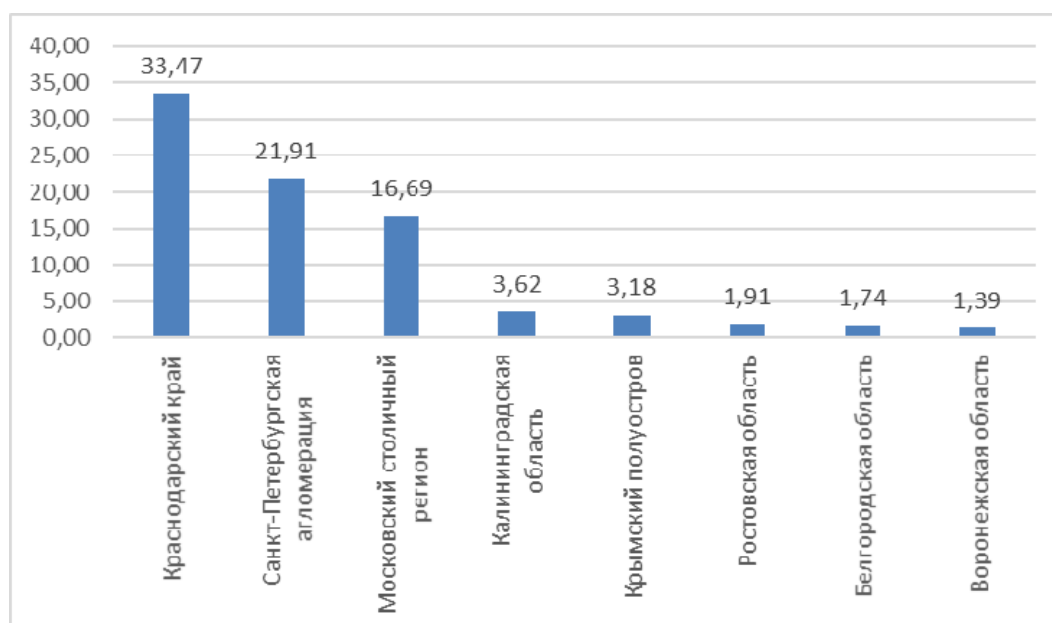

Рис. 11. Вклад регионов России в миграционную убыль населения Хабаровского края (VI тип), 2016 г., %

Главным выводом из анализа межрегиональной миграции регионов Дальневосточного федерального округа является отъезд населения в Европейскую Россию, главным образом в Московскую, Санкт-Петербургскую агломерации, Краснодарский край, приморские регионы, а также в другие экономически развитые субъекты. Население экономически слабо развитых бедных регионов переезжает в менее развитые регионы скорее всего по причине нехватки средств на приобретение жилья в более экономически развитом регионе. Если сильный миграционный отток населения из регионов Крайнего Севера можно объяснить природными условиями, то отток населения из уникальных по природным особенностям регионов Приамурья, Забайкалья или имеющих выход к Тихому океану Хабаровского и Приморского краев объясняется экономическими факторами, слабым развитием уникальных конкурентных преимуществ данных регионов.

Литература

Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. URL: <https://rdv.hcfe.ru/pub/vacancy-list.php.t?page=1&lp=1&city=rus.28,rus.79,rus.25,rus.27&ll=10&salary=100000>.

Дронов В. П., Ром В. Я. География России. Население и хозяйство. 9 кл.: для общеобразоват. учреждений. 7-е изд., стер. М. : Дрофа, 2010. 285 с.

Росстат : [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: www.gks.ru.

УДК 27:33(470.62) 195

Н. Ю. Беликова

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар

О РОЛИ МИТРОПОЛИТА ВИКТОРА (СВЯТИНА) В РАЗВИТИИ КРАСНОДАРСКОЙ И КУБАНСКОЙ ЕПАРХИИ

Аннотация. Российское государство исторически складывалось при огромной консолидирующей роли Православной церкви, а морально-нравственное сознание общества определялось влиянием религиозного вероучения. В данной статье уделено внимание деятельности митрополита Краснодарской и Кубанской епархии Виктора (Святина) с 1956 по 1966 г. В основу исследования легли документы Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Краснодарскому краю С. Ф. Бабушкина. Сделан вывод, что деятельность православного духовенства под руководством митрополита Виктора (Святина) была направлена на укрепление позиций Русской православной церкви на Кубани в исследуемый период.

Ключевые слова: Православная церковь; митрополит; духовенство; антирелигиозная политика; епархия.

N. Belikova

Kuban State Technological University, Krasnodar

ON THE ROLE OF METROPOLITAN VICTOR (SVYATIN) IN THE DEVELOPMENT OF KRASNODAR AND KUBAN DIOCESE

Abstract. The Russian state historically developed under the huge consolidating role of the Orthodox Church, and the moral consciousness of society was determined by the influence of religious doctrine. This article focuses on the activities of the Metropolitan of Krasnodar and Kuban diocese Victor (Svyatin) from 1956 to 1966. The study was based on the documents of the Authorized Council for the Russian Orthodox Church at the Council of Ministers of the USSR for Krasnodar region S. F. Babushkin. The author comes to the conclusion that the activity of the Orthodox clergy under the leadership of Metropolitan Victor (Svyatin) was aimed at strengthening the position of the Russian Orthodox Church in Kuban in the period under study.

Keywords: Orthodox Church; Metropolitan; clergy; anti-religious policy; diocese.

Духовное обновление российского общества тесно взаимосвязано с процессом возрастания роли религии, религиозного фактора. Сегодня религиозные организации активно заявляют о себе, ведут просветительскую, социальную деятельность, являются весомым институтом складывающегося гражданского общества. Особую роль в этом процессе играет Русская православная церковь (РПЦ), как одна из крупнейших религиозных организаций в России.

Изучая положение РПЦ в советские годы, историки выделили ряд периодов, в которые по-разному складывались взаимоотношения советской власти и Церкви [Беликова, 2011, с. 34]. В период с 1958 по 1964 г. руководство СССР предпримет последнюю попытку вытеснить РПЦ из общественной жизни страны. Хрущевская антицерковная кампания нанесла сильнейший удар по Православной церкви как самой влиятельной в стране. Однако в этот сложный период православное духовенство сумело сохранить РПЦ как организационную структуру.

С 1956 по 1966 г. Краснодарскую и Кубанскую епархию возглавлял митрополит Виктор (Святин). Территория Краснодарской и Кубанской епархии, в исследуемый период, соответствовала административным границам Краснодарского края. 31 мая 1956 г. отец Виктор (Святин) был назначен архиепископом Краснодарским и Кубанским, а уже 20 июня 1961 г. возведен в сан митрополита.

Следует отметить, что до перевода на Кубань архиепископ Виктор (Святин) долгие годы служил в Русской духовной православной миссии в Китае. В 1933 г. он был назначен главой Пекинской миссии с титулом епископа Пекинского и Китайского. В 1938 г. епископ Виктор был возведен в архиепископа Пекинского и Китайского, а в 1941 г. получил право ношения бриллиантового креста на клобуке [Дацышен, 2016, с. 125]. Подробную информацию об истории миссии можно найти в работе Ю. Г. Благодер [2009].

В 1956 г. на территории Краснодарского края действовало 208 православных храмов и молитвенных домов, количество священников – 235 и 18 диаконов [ЦДНИКК. Ф. 1774-А Оп. 5. Д. 183. Л. 27]. Используя свой опыт, полученный за годы службы в Пекинской миссии, архиепископ Виктор (Святин) упорно и последовательно проводил линию на укрепление позиций Православной церкви на Кубани. Важную роль в

привлечении и сохранении числа верующих играло внешнее и внутреннее оформление церквей, а также наличие хора. Понимая это, архиепископ Виктор (Святин) стремился благоустроить церкви и молитвенные дома. Внедрял в каждый приход хоровое церковное и всенародное пение, наводил дисциплину и требовал от духовенства благопристойного поведения. По данным Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Краснодарскому краю С. Ф. Бабушкина за первое полугодие 1957 г. на содержание хоров было израсходовано 841 тыс. руб., а за полугодие 1958 г. уже 954 тыс. руб. Затраты на ремонт церквей составили в 1956 г. 1978 тыс. руб., а в 1957 г. 3067 тыс. руб. [ЦДНИКК. Ф. 1774-А Оп. 7. Д. 158. Л. 21]. Сумма вложений увеличилась на 55 %. По мнению Уполномоченного, экономические позиции РПЦ в регионе усиливались.

Прощальная фотография архиепископа Виктора с духовенством и работниками молочной фермы. Пекин. Бэй-гуань. 1956 г.

Большую роль в распространении и сохранении веры играет проповедничество. Для активизации проповеднической деятельности архиепископ Виктор (Святин) в 1959 г. принимает решение об учреждении должности епархиального проповедника при епархиальном управлении, а так же организовать проповеднические курсы [ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 7. Д. 158. Л. 115]. Духовенство Краснодарской и Кубанской епархии в 1959 г. за церковную деятельность, направленную на сохранение православной веры, получило 72 церковные награды, из которых 33 были выданы патриархом.

Однако в рамках государственной антирелигиозной политики с 1960 г. начинается активное закрытие храмов как по всей стране, так и на территории Краснодарского края. Уполномоченный Совета по Краснодарскому краю С. Ф. Бабушкин проводил свою работу в 1960 г. на основе постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» [ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 9. Д. 158. Л. 26]. На основании этого постановления менялось направление в работе уполномоченных по наблюдению за деятельностью церкви. Теперь Уполномоченный мог не только наблюдать и регистрировать церковные события, но и активно влиять на церковную жизнь. Уполномоченный Совета по Краснодарскому краю неоднократно беседовал с архиепископом Виктором (Святым) и членами епархиального совета о сокращении количества благочиний в Краснодарской и Кубанской епархии. В результате 11 ноября 1960 г. циркулярным распоряжением архиепископа Виктора (Святина) по епархии были упразднены 11 благочиний из 23 и все церковные приходы объединились в 12 благочиний [ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 9. Д. 158. Л. 28]. Руководство епархии было вынуждено пойти на этот шаг. Всего за 7 лет (1958–1964 гг.) количество церквей и молитвенных домов в Краснодарском крае сократилось на 59 %. Следует отметить, что каждый закрытый молитвенный дом болью отзывался в сердце митрополита Виктора (Святина).

В этот сложный для Церкви период, митрополит Виктор (Святин) последовательно проводил линию на укрепление позиций РПЦ в крае, за что 11 мая 1963 г. был награжден орденом Русской православной церкви равноапостольного князя Владимира 1-й степени.

Литература

Беликова Н. Ю. Русская Православная церковь и власть на Юге России. Проблемы взаимоотношений (конец XIX – начало 40-х гг. XX в.). LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, Saarbrucken, 2011. 186 с.

Благодер Ю. Г. Роль сотрудников Русской духовной миссии в Пекине в формировании представлений о Китае в российском обществе XIX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2009. № 4-1 (64). С. 34–40.

Дацышен В. Г. Китайская православная церковь накануне и во время Второй мировой войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. : материалы XV Междунар. науч. конф.. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Ф. 1774-А. Оп. 5. Д. 183.

ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 7. Д. 158.

ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 9. Д. 158.

**КИТАЙ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ»
(1912–1917 гг.)**

Аннотация. Представлен анализ статей, опубликованных в 1912–1917 гг. в журнале «Известия Министерства иностранных дел». Основное внимание уделено публикациям, содержащим информацию о Китае, его внутренней и внешней политике. Выделены документы, освещающие деятельность российских дипломатов, а также проблемы, связанные с решением вопросов территориального разграничения. Дан анализ документов (циркулярных нот, донесений российских представителей в Китае, декретов республиканского китайского правительства, официальных писем и соглашений, подписанных китайским правительством и представителями иностранных государств), раскрывающих причины военных конфликтов в регионе и особенностей революционных преобразований в Китае.

Ключевые слова: Китайская республика, Министерство иностранных дел Российской империи, российская периодическая печать, журнал «Известия Министерства иностранных дел»; образ Китая.

Yu. Blagoder

Kuban State Technological University, Krasnodar

**CHINA ON THE PAGES OF THE JOURNAL
«NEWS OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS» (1912–1917)**

Abstract. The article presents an analysis of articles published in 1912–1917 in the journal «News of the Ministry of Foreign Affairs». The focus is on the publications containing information about China, its domestic and foreign policy. The documents concerning the activities of Russian diplomats, as well as problems related to the solution of matters of territorial delimitation, are highlighted. The analysis of documents (circular notes, reports of Russian representatives in China, decrees of the Republican Chinese government, official letters and agreements signed by the Chinese government and representatives of foreign states), revealing the causes of military conflicts in the region and features of the revolutionary changes in China, is done in the article.

Keywords: China republic; Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire; Russian periodicals; the journal “News of the Ministry of Foreign Affairs”; the image of China.

Исследование российской дореволюционной периодической печати представляет интерес и большое значение для отечественной исторической науки и для изучения влияния, которое оказывают средства массовой информации на формирование представлений общества об иностранных государствах.

В начале XX в. периодика была единственным доступным широким слоям населения источником, содержащим тематически разнообразную информацию о жизни российского Дальнего Востока и азиатских держав. Образ Китая, созданный авторами публикаций, в «готовом виде» преподносился читателю. С течением времени на основе скудного потока сведений формировались стереотипы, которые укоренились в сознании российской общественности под влиянием периодической печати.

Статьи китаеведной тематики появлялись на страницах журналов и газет, ориентированных как на высокообразованного читателя, так и массовую аудиторию [Благодер, 2017, с. 25]. Журнал «Известия Министерства иностранных дел» следует рассматривать отдельно от всех имевшихся в Российской империи в начале XX в. периодических изданий, так как, во-первых, он имел целевую аудиторию (был предназначен, прежде всего, для сотрудников дипломатического ведомства); во-вторых, располагал сведениями, полученными от очевидцев, и уникальными документами, которые были недоступны другим изданиям.

Тематика статей журнала «Известия Министерства иностранных дел» в исследуемый период не отличалась многообразием. Выделим основные тематические направления:

1. Редакционная коллегия уделяла внимание наиболее актуальным текущим вопросам. Среди них были: участие Китая в Первой мировой войне на стороне Антанты [Заявление Китая о нейтралитете ... , 1914], высадка японских войск в Шаньдуне [Документы, касающиеся участия ... , 1915], предъявление Японией ультиматума китайскому правительству [Соглашение Китая и Японии, 1915, с. 57], защита Монголией своего суверенитета [Там же]. Особо следует отметить освещение российско-китайского конфликта из-за нарушения Китаем торгового соглашения 1881 г. [Нота российского посланника, 1912]. Российскими консулами были зафиксированы случаи ущемления прав российских коммерсантов в Китае. В ответ местные власти обвиняли российское правительство в проведении агрессивной политики. Несмотря на предъявление Россией ультиматума Китаю, российский посланник И. Я. Коростовец «вел переговоры в примирительном духе» [По поводу нарушения Китаем договорных прав, 1912, с. 146]. Содержание ряда опубликованных документов, к слову, на языке оригинала, касалось участия США, Японии, европейских государств, Российской империи в формировании новой системы межгосударственного взаимодействия в регионе.

2. Ряд публикаций был посвящен деятельности соотечественников в Китае. Прежде всего, речь шла о жизни и профессиональной деятельности сотрудников генеральных консульств, консульств, вице-консульств Российской империи, расположенных в различных китайских городах.

3. В отличие от иных российских периодических изданий, журнал «Известия Министерства иностранных дел» большое внимание уделял юридическим вопросам. Читателей знакомили с отдельными положениями китайского законодательства, следственными полномочиями российских консулов. Китайские чиновники в приграничных землях хотели самостоятельно проводить следственные действия по гражданским и уголовным делам российских и китайских подданных. Сотрудники российских консульств на основе положений российско-китайских договоров боролись за право самостоятельно разбираться во всех делах. Жур-

нал «Известия Министерства иностранных дел» описывал деятельность смешанных судов, характеризовал специфику ведения уголовных дел в консульских судах, описывал требования проведения регистрации русских подданных в Китае, правила обжалования вынесенных приговоров.

4. Журнал «Известия Министерства иностранных дел» публиковал очерки, авторы которых делали попытку разобраться в причинах военного противостояния восставших ихэтуаней и армий иностранных государств [Евреинов, 1912].

5. Публикации журнала знакомили читателей с революционными событиями в Китае, которые привели к крушению монархии, а также последующими изменениями государственного строя. Примером может служить очерк К. В. Лучича о китайской административной системе, военном потенциале страны [Лучич, 1913]. К своим отчетам российские дипломаты прилагали тексты Конституции Китайской республики [Временная китайская Конституция, 1915], Декретов о реорганизации административного управления и правительственных учреждений, Положений об организации китайского парламента [Донесение Миссии в Пекине ... , 1913]. Телеграммы, поступавшие в Россию из Китая, свидетельствовали об усилении позиции Юань Шикая [Дипломатическая переписка, 1914].

6. На страницах журнала образ Китая, переживавшего военные и революционные потрясения, наполняется новыми чертами. Перед читателем Китай предстает государством, нацеленным на глубокие перемены: расширяется железнодорожное строительство, растет промышленное производство, оживляется внешнеторговая деятельность [Донесение Генерального консула, 1912]. Авторы публикаций делали акцент на заявлениях нового китайского правительства, стремящегося дипломатическим путем отстоять территориальную целостность своего государства, защитить его от агрессии иноземцев.

Подводя итог, следует отметить, что анализ содержания статей, опубликованных в журнале «Известия Министерства иностранных дел» в 1912–1917 гг., посвященных Китаю, показал их информативность и точность в изложении фактов. Публикации – тексты законодательных актов, делопроизводственные материалы, очерки очевидцев и участников событий – позволяли российскому читателю представить расстановку международных политических сил в Китае и всем регионе, уровень экономического развития Китая, масштабы преобразований в военной и политической сферах, а также оценить глубину внутривнутриполитических противоречий.

Выражая официальную позицию российского правительства, журнал «Известия Министерства иностранных дел» проявлял сдержанность в оценках политических событий. Редакционная коллегия, тщательно подбирая тексты для публикации, учитывала потребность просвещенной части общества в достоверной информации о событиях, происходящих на российском Дальнем Востоке и в сопредельных государствах.

Литература

- Благодер Ю. Г. Российская периодическая печать о Китае (конец XIX – начало XX в.) : монография. Краснодар : Изд. Кубан. гос. технол. ун-та, 2017. 340 с.
- Дипломатическая переписка: Признание Китайской республики Россией и другими державами // Изв. М-ва иностр. дел. 1914. Кн. 1. С. 52–58.
- Документы, касающиеся участия Японии в войне и ее переговоров с Китаем // Изв. М-ва иностр. дел. 1915. Кн. 3. С. 95–104.
- Донесение Генерального консула в Шанхае ст. сов. Гроссе. Внешняя торговля Китая в 1910 г. // Изв. М-ва иностр. дел. 1912. Кн. 3. С. 134.
- Донесение Миссии в Пекине о внутренних событиях в Китае // Изв. М-ва иностр. дел. 1913. Кн. 2. С. 53–82.
- Евреинев Б. Н. Осада Дипломатических миссий в Пекине май – август 1900 г. // Изв. М-ва иностр. дел. 1912. Кн. 4. С. 124–210.
- Заявление Китая о нейтралитете в войне европейских держав // Изв. М-ва иностр. дел. 1914. Кн. 5. С. 107–108.
- Лучич К. В. Тарбагатайский округ Синьцзинской провинции в Западном Китае // Изв. М-ва иностр. дел. 1913. Кн. 1. С. 143–169.
- Нота российского посланника в Пекине о продлении срока действия договора 1881 г. // Изв. М-ва иностр. дел. 1912. Кн. 6. С. 74–75.
- По поводу нарушения Китаем договорных прав // Изв. М-ва иностр. дел. 1912. Кн. 1. С. 113–151.
- Соглашение Китая и Японии 26 мая 1915 г. // Изв. М-ва иностр. дел. 1915. Кн. 4. С. 57.
- Соглашение Китая с Россией и Монголией о Внешней Монголии // Изв. М-ва иностр. дел. 1915. Кн. 5. С. 6–23.
- Временная китайская Конституция 01.05.1914 // Изв. М-ва иностр. дел. 1915. Кн. 4. С. 154–161.

УДК 327

А. В. Бояркина, В. Ф. Печерица

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

ОТ ИДЕИ КОНФУЦИЯ «МЕЖДУ ЧЕТЫРЬМЯ МОРЯМИ ВСЕ ЛЮДИ – БРАТЬЯ» ДО «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» СИ ЦЗИНЬПИНА

Аннотация. Рассмотрена политическая традиционная культура Китая в формировании концепции Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества», которая выступает за мирное развитие сотрудничества стран и народов. В связи с этим устанавливается тесная связь с такими конфуцианскими концепциями, как «гармония – наивысшая ценность», «великое единение» и «гармония между небом и человеком». Подчеркнуто, что китайской миролюбивой дипломатии эта концепция является выражением общих интересов и судьбы между Китаем и другими странами и жизненной необходимостью решения общих проблем. Будущее концепции зависит от того, будет ли она принята странами-партнерами Китая в условиях, когда не весь развивающийся мир понимает сущность этой идеи и разделяет необходимость следовать за Китаем.

Ключевые слова: Китай, «сообщество единой судьбы человечества», Конфуций, Си Цзиньпин, инициатива «Пояс и путь», наступательная внешняя политика, традиционная культура Китая.

A. Boyarkina, V. Pecheritsa

Far Eastern Federal University, Vladivostok

FROM THE CONFUCIAN IDEA “WITHIN THE FOUR SEAS, ALL MEN ARE BROTHERS” TO XI JINPING’S “COMMUNITY OF COMMON DESTINY”

Abstract. The purpose of this article is to analyze China’s political traditional culture in shaping Xi Jinping’s concept of the “community of common destiny” that encourages peaceful development of cooperation between countries and peoples. In this regard, a close relationship is established with such Confucian concepts as “Harmony is the highest value”, “Great unity” and “Harmony between heaven and human”. For Chinese peaceful diplomacy, this concept is an expression of common interests and destiny between China and other countries and the vital necessity of solving common problems. Some Chinese scientists believe that the future of the concept depends on whether it is accepted by China’s partners and so far not all the countries of the developing world have understood the meaning of this idea and the need to follow China.

Keywords: China, “community of common destiny”, Confucius, Xi Jinping, One Belt One Road initiative, assertive foreign policy, Chinese traditional culture.

В связи с постоянно ускоряющимся процессом глобализации и наступательной политикой, проводимой председателем КНР Си Цзиньпином «в новой эпохе», особенно после его объявления о начале проекта «Пояс и путь», политическая традиционная культура и формирование концепции «сообщества единой судьбы человечества» привлекли внимание всего мира. Кроме того, китайская традиционная культура крайне важна в реализации национального возрождения КНР – «китайской мечты». В 2013 г. Си Цзиньпин заявил о соединении «китайской мечты» со стремлениями соседних стран к развитию и появлению чувства общей судьбы [Xinhuanet, 2013].

Цель концепции «сообщества единой судьбы человечества» заключается в продвижении Китаем собственной повестки дня по вопросам глобального управления и мировой экономики, представляя антизападную альтернативу политики экспансионизма, колониализма, баланса сил, концепции реализма [Ломанов, 2005, с. 5]. По мнению крупных российских исследователей из Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, положение о «человечестве как сообществе единой судьбы», закрепленное в Уставе КПК, является теоретическим принципом стратегии «мирного развития Китая» [19 съезд КПК ... , 2018, с. 142].

Концептуальные предпосылки строительства «сообщества единой судьбы человечества» возникают из стратегии «мирного подъема Китая» 2003 г., согласно которой политическое, экономическое и военное возвышение Поднебесной, как двигателя роста глобального мира, ставило под угрозу развитие западного мира. Руководство Китая утверждает, что попытки США и стран Европы насильственно навязать свои демократические институты и ценности привели к войнам и военным завоеваниям.

Напротив, «мир был в крови у нас, китайцев, это часть нашей ДНК», отметил Си Цзиньпин, выступая с докладом в Женеве в Организации Объединенных Наций и также заявил о том, что Китай полностью привержен делу создания «одного дома для всего человечества» [Rolland; Zheng Limin]. «Новый подход» Китая к созданию «сообщества единой судьбы человечества» — это «развитие отношений между государствами, основанное на коммуникации, а не на конфронтации» [Rolland].

Дж. К. Рамо считает, что некоторые страны Восточной Азии и Латинской Америки обратились к успешному социально-экономическому опыту Китая [Ramo, 2004, p. 5–6]. «Пекинский консенсус» подчеркивает политические идеи, социальное и экономическое качество жизни и главное – глобальный баланс сил». Другими словами, Пекин ищет понимания его политической системы и политического курса мировым сообществом и серьезно относится к тому, чтобы Китай воспринимали за рубежом как страну, которая стремится после построения «гармоничного общества» предоставить населению страны лучшие условия проживания. КНР старается быть надежным и стабильным экономическим партнером не только для стран-соседей, но и всего мира, а ее растущую экономическую мощь не следует бояться. В этом состоит основной вопрос «политики добрососедства» и стратегий «гармоничного мира» и «мирного подъема». Руководство Китая стремится, чтобы его воспринимали как вызывающего доверие и ответственного члена международного политического сообщества, делающего активный вклад в развитие мира [D'Hooghe, 2007].

Цзы Ян, американский аналитик китайского происхождения, уверен, что в настоящее время руководство КНР проводит новую кампанию по открытию и внедрению традиционной китайской культуры во внешнеполитическое управление страной [Zi Yang, 2017]. Цзы Ян называет Си Цзиньпина «защитником» политических ценностей традиционного Китая в борьбе *kulturkampf**.

«Сообщество единой судьбы человечества» тесно связано с построением концепции «гармоничного мира» в связи с тем, что отражает традиционные ценности китайской цивилизации и показывает подход Китая к постановке долгосрочных целей и решению задач китайской дипломатии в отношениях, в частности, с соседними странами, гарантируя сохранение мира на земле и всеобщее процветание [Gao Fei, 2010, p. 2–4].

* «Культуркампф» (нем. борьба за культуру), конфликт между герм. правительством во главе с Бисмарком и Римской католической церковью (1872–1887), связанный с контролем над школами и назначением священников. https://world_history.academic.ru/1906/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%BF%D1%84

Как известно, концепция «сообщества единой судьбы человечества» (类命运共同体) впервые прозвучала в отчетном докладе КПК на 17-м съезде в 2007 г. Пекин стал использовать этот термин, для того чтобы подчеркнуть важные и уникальные отношения с другими странами, в частности соседями Китая [Xin Qiang, 2010, p. 529]. Также данную формулировку можно встретить в выступлениях председателя КНР Си Цзиньпина во время визита в Африку в марте 2013 г., выступлении на Боаосском форуме в 2013 и в 2015 гг. [Xinhua, 2013; Xi Jinping, 2015]; и во время турне по странам АСЕАН. Необходимо отметить, что именно на Форуме Боао в 2013 г. сложился первоначальный этап данной стратегии. На конференции по дипломатической работе с соседними странами в 2013 г. в Пекине руководитель Китая особенно подчеркнул, что «осознание сообщества единой судьбы берет начало в соседних странах». Этот тезис был принят в качестве руководящего принципа дипломатии КНР с ее соседями [Kai Jin, 2013].

Конфуцианские мысли легли в основу стратегии Поднебесной о глобальном управлении и международных отношениях. «Сообщество единой судьбы человечества» тесно связано с такими конфуцианскими концепциями, как «гармония – наивысшая ценность» (和为贵), «великое единение» (世界大同) и «гармония между небом и человеком» (天人合一). Конфуций понимает мир как единую большую семью [Rolland, 2018]. Идея великого Учителя «между четырьмя морями все люди – братья» (四海之内皆兄弟也) прослеживается в докладе председателя Си Цзиньпина на 19-м съезде Коммунистической партии Китая в 2017 г., где он объявил о строительстве концепции «сообщества единой судьбы человечества». Эта концепция получила развитие в материалах 18-го съезда КПК, затем Си Цзиньпин повторял ее уже в своих выступлениях в качестве руководителя КНР.

Истоки концепции лежат в древних идеях Поднебесной о ее гармоничных отношениях с другими странами, взаимовыгодном сотрудничестве, обеспечении мира, развития, безопасности и стабильности государств, регионов и в мире в целом. Уже к III в. до н. э. в Поднебесной сформировалась система «Тянься» (天下) – своеобразная древняя модель международных отношений. Свое обоснование и развитие она получила в период правления династии Чжоу, которая «стремилась к объединению всего мира под одной крышей». По мнению философа Чжао Тин'яна, это был способ устранения негативного внешнего влияния, либо конфликта в рамках того, что тогда считалось цивилизованным миром» [Gardels]. Чжао Тин'ян объясняет философскую основу этой концепции как конфуцианское понятие «жить и позволять жить другим странам», в основе которого лежит устранение конфликта вместо поощрения личных интересов. Такой способ сосуществования является

наиболее рациональной формулой мира и стабильности. «Мир в системе “тянься” в нашем гиперсвязном, взаимозависимом обществе... должен строиться на более широкой основе гармоничной разносторонности, которая охватывает все цивилизации, а не одностороннее требование одной цивилизации к универсальности» [Gardels].

Отметим, что Конфуций и его последователи внесли большой вклад в развитие идей гуманизма и в общую историю человеческого рода [Савка, 2010, с. 35]. Природу идеи «Великой гармонии», где все члены любят других членов общества и проявляют заботу и почтение, древне-китайские философы находят в «благе народа», его «обогащении» и «успокоении» в безграничном стремлении к светлому будущему всего человечества [Бояркина, 2018, с. 59].

Взаимосвязь идей «между четырьмя морями все люди – братья» и «большая семья» находит отражение в гармоничном сосуществовании, где Китай играет роль *paterfamilias* – главы семейства. Однако Поднебесная «не вмешивается во внутренние дела других стран, не экспортирует социальную систему и модель развития или навязывает собственную волю другим». Согласно древним китайским классикам, человек по природе добр и своей деятельностью преодолевает зло и приходит к добру, и все «люди между четырьмя морями – братья», т. е. все человечество братья, а «гуманное начало» в каждом человеке рождает «любовь к людям» [Савка, 2010, с. 35].

Основной мотивирующей силой реализации концепции «сообщества единой судьбы человечества» является эскалация территориальных споров между Китаем и государствами АСЕАН в Южно-Китайском море, что является необходимым условием для Пекина наладить связи с этими странами [Wang Lina, Zhai Kun, 2016, p. 91]. Эти конфликты препятствуют успешной реализации дипломатии с соседними странами, направленной на поддержание регионального мира и стабильности и для содействия развитию Китая. Руководство КНР поставило в качестве приоритетной задачи поддержание хорошего партнерства с соседними странами (周边是首要) [Chen Xiangyang, 2009, p. 58; Wesley-Smith, 2013, p. 358]. Некоторые из этих стран опасаются роста Китая, ухудшаются отношения со странами АСЕАН, особенно с Вьетнамом и Филиппинами, что представляет серьезную угрозу для реализации этой задачи.

В современном мире концепция «сообщества единой судьбы человечества» является основной частью хорошо продуманной и тщательно построенной новой дипломатической стратегии эпохи Си Цзиньпина, где реализуются «китайская мечта» для поддержания внутреннего единства и стабильности, «отношения нового типа между великими державами» с альтернативными путями мирного сосуществования с крупными державами, для создания мирной и стабильной атмосферы отношений с соседними странами, которая необходима для дальнейшего роста Китая [Kai Jin, 2013; Mardell, 2017].

В октябре 2013 г. в Индонезии лидер Китая заявил о совместном построении «сообщества единой судьбы Китай – АСЕАН» и Морского Шелкового пути 21-го века. Это говорит об усилении роли Китая в международных делах как «ответственной мировой державы».

На форуме в Боао в 2013 г. Си Цзиньпин поделился своим мнением о том, что «мир все больше превращается в сообщество, где его судьба переплетается со всеми судьбами стран». Мировое развитие остается серьезной проблемой; мировая экономика вступила в период глубокой перестройки, и ее восстановление остается труднодостижимым [Xinhua, 2013]. В этой связи страны Азии, объединенные общей судьбой, призваны продвигать экономическую интеграцию в регионе и таким образом повышать свою конкурентоспособность. Китай же будет принимать активное участие в процессе регионального сотрудничества в Азии и содействовать региональному и субрегиональному сотрудничеству с неазиатскими регионами и странами [Xinhua, 2013].

Этот тезис Си Цзиньпин развил и на азиатском форуме в Боао в 2015 г., подчеркнув, что «мы должны обсудить и найти решение общих для нас вопросов вместе. Быть великой державой означает нести большую ответственность за региональный и глобальный мир и развитие, а не стремиться к монополии управления региональным и мировым порядком» [Xi Jinping, 2015]. Профессор Чжан Дэнхуа считает данное замечание двусмысленным, подразумевающим как стремление Китая играть более значительную роль в международных делах, так и критику лидерства какой-либо другой великой державы. Поскольку Си Цзиньпин и дипломаты используют концепцию для обсуждения мира как единого целого, это выражение включает как развивающиеся, так и развитые страны [Zhang Denghua, 2018, p. 199].

Руководство КНР прилагает усилия для сотрудничества с соседними странами с целью ускорения подключения их к инфраструктуре, построения «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XIX века» [Xinhua, 2013]. Этот проект предлагает двигаться от построения двусторонних «сообществ единой судьбы» к региональным «сообществам единой судьбы», а затем к «сообществу единой судьбы человечества». Эту идею председатель Си Цзиньпин подробно развил в своем выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» содержит пять направлений регионального и глобального сотрудничества со странами мира, включая политическое партнерство, безопасность, экономическое развитие, культурные обмены и окружающую среду [Xi Jinping attends ...].

Китайские политологи критически анализируют эти направления, замечают, что они представляют пока общие принципы сотрудничества КНР с другими странами, что многие вопросы в них пока только поставлены и нет ответа, как их реализовывать на практике [Zhang Denghua,

2018, p. 198]. Задача экспертов и аналитиков дать прогноз, конкретные предложения сотрудничества Поднебесной с другими странами. Реализация этих принципов, особенно военного сотрудничества, считает профессор Янь Сюэтун из университета Цинхуа, является сложной задачей для Китая и многих стран-партнеров [Yan Xuetong 2014, p. 169]. Остается много проблем и противоречий в экономическом и экологическом взаимодействии КНР с другими странами.

С 2015 г. Китай продвигает сотрудничество между Азией и Африкой, провозгласив новый тип азиатско-африканских отношений стратегического партнерства. Руководство КНР установило нулевые пошлины на 97 % наименований товаров наименее развитых стран без каких-либо дополнительных политических условий. Си Цзиньпин заявил, что в ближайшие пять лет Китай предоставит 100 тыс. мест для подготовки специалистов из развивающихся стран Азии и Африки, организует в Китае фестивали азиатской и африканской молодежи, учредит Центр азиатско-африканского сотрудничества с Китаем [Создание сообщества с единой...].

Во время выступления Си Цзиньпина на Даосском форуме в 2017 г. лидер КНР сделал акцент на проблеме защиты международных институтов и развил эту идею как китайскую модель развития уже на 19 съезде КПК [19 съезд КПК ... , 2018, с. 140–141].

На Всемирном экономическом форуме в Давосе Си Цзиньпин отметил значимость торгово-экономической глобализации и выступил в защиту идеи сотрудничества и многополярного мира, призывая мировых лидеров отказаться от политики протекционизма [Xi Jinping]. Он провозгласил необходимость общего выигрыша для всех международных игроков, выдвинув идею «сообщества общей судьбы человечества» и «общественного блага», которые реализуются в том числе и через мегапроект «Пояс и путь» [Renmin wang, 2017].

«Это очень прогрессивная идея, порожденная изменением мировых условий и воплощением китайского стремления поделиться миром и развитием со всеми странами и народами», – отмечает профессор Тан Цифан [Zheng Limin].

14–15 мая 2017 г. в Пекине на форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках стратегии «Один пояс – один путь» лидер КНР высказал идеи по преобразованию глобального управления миром и о продвижении концепции «сообщество единой судьбы человечества». Си Цзиньпин заявил, что «сближение с обществом единой судьбы человечества» является конечной целью инициативы «Пояс и путь» [Xinhua, 2017].

В 2017 г. ООН включила формулировку «сообщество единой судьбы человечества» в ряд резолюций и других официальных документов, последние из которых о неразмещении первыми оружия в космосе и

других мерах по предотвращению гонки вооружений во внесреднем пространстве были приняты 4 декабря [Падерина].

Творчески развивая и дополняя концепцию «сообщества единой судьбы человечества», китайские ученые исследуют причины и предпосылки возникновения этой концепции и трудности ее реализации. Они пытаются определить критерии сообщества, пути и способы его формирования.

Так, профессор Юй Суй утверждает, что она может стать лучшим средством для развития и стимулирования «глобальной деревни». Чтобы разрешить все глобальные проблемы, ликвидировать угрозы и вызовы, человечество должно объединиться в одну планетарную деревню [Yu Sui, 2017].

Для китайской миролюбивой дипломатии эта концепция является выражением общих интересов и судьбы Китая и других стран и жизненной необходимостью решения общих проблем. Чжан Дэнхуа видит потенциал развития и реализации концепции «сообщества единой судьбы человечества» в эффективном строительстве этой концепции в качестве ведущего направления внешней политики КНР, которая зависит от того, будет ли она принята странами – партнерами Китая. Главной проблемой профессор считает ее не востребованность развивающимися и некоторыми развитыми странами во главе с США [Zhang Denghua, 2018].

Итак, руководство КНР формирует «сообщество единой судьбы человечества», опираясь на теоретическую основу конфуцианской традиционной китайской культуры, которая пропагандирует мир и сотрудничество между народами. Строительство «сообщества единой судьбы» является положительным фактором в современных направлениях развития мира. Концепция представляет собой стратегический взгляд Китая на глобальное управление и международные отношения, который основан на прочной традиционной культурной основе. Однако значение «сообщества единой судьбы человечества» остается неясным по смыслу и ряд вопросов нерешенным. Можно прогнозировать, что научный мир будет вести дискуссию в отношении того, как концепция способствует решению проблем взаимодействия КНР и стран-участниц, каким образом устранить политическое и стратегическое недоверие между ними и привести международное сообщество к понимаемой идеи «между четырьмя морями все люди – братья» и построению единой судьбы для всего человечества.

Литература

19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравн. политика. 2018. Т. 9. № 2. С. 140–158.

Бояркина А. В., Печерица В. Ф., Мефодьева С. А. Традиционная культура Китая в контексте концепции «сообщества единой судьбы для человечества» // Вестн. ЗабГУ. 2018. Т. 24, № 8. С. 56–64.

Ломанов А. В. Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая) // Россия в глобальной политике. 10.01.2005. URL: https://globalaffairs.ru/book/n_4246 (дата обращения: 15.01.2019).

Падерина С. Единая судьба с китайской спецификой: как Китай завоёвывает мировое влияние // Российский совет по международным делам. 6.02.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/sofia-paderina/edinaya-sudba-s-kitayskoj-spetsifikoy-kak-kitay-zavoevyvaet-mirovloe-v/> (дата обращения: 12.01.2019).

Савка А. В. Основы философии хозяйства : учеб. пособие. М., 2010. 480 с. URL: <https://finlit.online/filosofiya-ekonomiki/sotsialno-filosofskie-idei-konfutsianstva-56883.html> (дата обращения: 03.03.2019).

Создание сообщества с единой судьбой, установление международных отношений нового типа – Ван И о зарубежной поездке Си Цзиньпина. URL: http://russian.news.cn/china/2015-04/25/c_134183792.htm (дата обращения: 12.02.2019).

D' Hooghe I. The rise of China's public diplomacy // Netherlands Institute of international relations, Clingendael. Clingendael diplomacy papers. 2007. N 12. P. 18–19.

Gao Fei. Discussion papers in diplomacy. The Shanghai Cooperation Organization and China's New Diplomacy. Netherlands : Institute of International Relations "Clingendael", 2010.

Full text: Xi's speech at Boao Forum opening // Xinhua. 04.07.2013. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-04/07/content_16381450.htm (дата обращения: 16.12.2018).

Gardels N. Trump's "America First" meets China's "community of common destiny" // The Washington Post. 09.02.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/02/09/america-first/?utm_term=.321509002f99 (дата обращения: 16.12.2018).

Kai Jin. Can China build a community of common destiny? // The Diplomat. 2013. 28 nov.

Mardell J. The "Community of Common Destiny" in Xi Jinping's New Era // The Diplomat. 2017. 25 oct.

Ramo J. C. The Beijing Consensus/J.C. Ramo. London: The Foreign Policy Center. 2004. 74 p. URL: <http://www.chinaelections.org/uploadfile/200909/20090918021638239.pdf> (дата обращения: 20.01.2019).

Rolland N. Examining China's "community of common destiny" // Power3point0. 23.01.2018. URL: <https://www.power3point0.org/2018/01/23/examining-chinas-community-of-destiny/> (дата обращения: 19.05.18).

Wang Lina, Zhai Kun. China's policy shifts on Southeast Asia to build a "Community of Common Destiny" // China Quarterly of International Strategic Studies. 2016. Vol. 2, Is. 1. P. 81–100.

Wesley-Smith T. China's Rise in Oceania: issues and perspectives // Pacific Affairs. 2013. Vol. 86, Is. 2. P. 351–372.

Xi Jinping attends General debate of 70th Session of the UN General Assembly and delivers important speech, underlying to inherit and advocate purposes and principles of the UN Charter, establish new type of international relations with win-win cooperation as core and build community of shared mankind destiny // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. 09.29.2015. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpdmgjxgs-fwbcxlhgc170znlfh/t1304144.shtml (дата обращения: 19.12.2019).

Xi Jinping. Towards a community of common destiny and a new future for Asia. Full text of Chinese President's speech at Boao Forum for Asia annual conference // Boao Forum for Asia annual conference. 28.03.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm (дата обращения: 19.11.18).

Xin Qiang. Beyond power politics: institution-building and Mainland China's Taiwan policy transition // Journal of Contemporary China. 2010. Vol. 19(65). P. 525–539.

Yan Xuetong. From keeping a low profile to striving for achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7, Is. 2. P. 153–184.

Yu Sui. The Community of a shared future for mankind // China US Focus. 09.11.2017. URL: <https://www.chinausfocus.com/political-social-development/the-community-of-a-shared-future-for-mankind> (дата обращения: 08.01.2019).

Zhang Denghua. The concept of “community of common destiny” in China’s diplomacy: meaning, motives and implications // Asia & the Pacific Policy Studies. 2018. Vol. 5, Is. 2. P. 196–207.

Zheng Limin. Xi’s world vision: a community of common destiny, a shared home for humanity // English.cctv.com.01.15.2017. URL: <http://english.cctv.com/2017/01/15/ARTIjfECMGRxn4TrII0UqAcl170115.shtml>.

Zi Yang. Xi Jinping and the restoration of traditionalism in China // AsiaNews. 07.11.2017. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Xi-Jinping-and-the-Restoration-of-Traditionalism-in-China-41252.html> (дата обращения: 14.08.2018)

陈向阳.新时期中国大外交的方向//瞭望, 2009年(30), 页码 58。

习近平.共担时代责任,共促全球发展—在世界经济论坛 2017 年年会开幕式上的主旨演讲//人民网.2017年01月18日. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0118/c1001-29030932.html> (дата обращения: 07.07.2018).

习近平.让命运共同体意识在周边国家落地生根//新华网.2013年10月25日. URL: http://www.xinhuanet.com/2013-10/25/c_117878944.htm (дата обращения: 07.12.2018).

习近平.习近平:让命运共同体意识在周边国家落地生根//新华网.2013年10月25日. URL: http://www.xinhuanet.com/2013-10/25/c_117878944.htm (дата обращения: 07.12.2018).

习近平主席在一带一路国际合作高峰论坛圆桌分规峰会上的开幕词//新华社 27.05.15. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/15/content_5194130.htm (дата обращения: 07.12.2018).

УДК 332.1

Н. А. Бунаева, Б. С. Сосорова

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Рассмотрены перспективы развития экономики Республики Корея. Установлено, что наряду с успехами в экономическом развитии Южная Корея сталкивается с проблемами старения населения, безработицы среди молодежи, отсутствия поддержки малого бизнеса. Особое внимание уделено роли государства, грамотные действия которого позволят республике удержать свои экономические позиции в Азии.

Ключевые слова: экономика, перспективы экономического развития, Республика Корея, экспорт, промышленность, инвестиции, безработица, старение населения.

N. Bunaeva, B. Sosorova
Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE PERSPECTIVES OF THE DEVELOPMENT OF SOUTH-KOREAN ECONOMY

Abstract. The central problem of the article is economical development perspectives in the Republic of Korea. While being successful in economical development South Korea comes across with such problems as population ageing, youth unemployment, lack of small businesses support. Particular attention was paid to the government whose actions will allow the country to keep its positions in Asia.

Keywords: Economy, economical development perspectives, the Republic of Korea, export, industry, investments, unemployment, population ageing.

За последние 70 лет Южная Корея достигла значительных экономических успехов. Промышленность Республики Корея (РК) развивается стремительными темпами и показывает динамику роста. На данный момент РК является четвертой по величине экономикой в Азии и одиннадцатой в мире. Современная экономика страны строится на производстве товаров народного потребления и их экспорте на мировые рынки. В 2018 г. экспорт Южной Кореи составил 600 млрд долл. США (500 млрд долл. США в 2011 г.) (<https://regnum.ru/news/2546085.html>). ВВП страны на 2018 г. 1530,75 млрд долл. ВВП на душу населения в 2018 г. – 26 152,03 долл. [ВВП]. Средний класс составляет 45 % взрослого населения. Уровень безработицы на февраль 2019 г. составил 3,7 % населения. [Южная Корея – экономические показатели].

Прямые иностранные инвестиции в страну в 2018 г. составили 23,04 млрд долл., поставив исторический рекорд. Американские компании активно инвестировали в высокотехнологические отрасли, в частности технологические стартапы Южной Кореи. Объем прямых инвестиций из США в корейскую экономику в 2018 г. подскочил на треть, составив 5,1 млрд долл. (прирост 37 %). Что касается инвестиций из Европейского союза, то они изменились на 24,4 % в годовом исчислении, составив 7,1 млрд долл. В основном европейские инвесторы вкладывали в акции южнокорейских компаний или инвестировали в слияния и поглощения. Самым привлекательным для западных инвесторов является то, что РК занимается развитием перспективной высокотехнологичной отрасли. Южная Корея занимает пятое место в мире после США, Китая, Японии и Германии по уровню расходов на новые исследования и разработки. Согласно свежим отчетам правительства, внутренние инвестиции на высокотехнологичные проекты и стартапы составили в 2018 г. 69,6 млрд долл., увеличившись на 13,5 % в годовом исчислении [Инвестиции в Южную Корею поставили исторический рекорд, 2018].

Долгосрочный рейтинг кредитоспособности по обязательствам в иностранной валюте: по шкале Fitch – «AA-» (прогноз стабильный), S&P – «AA» (стабильный), Moody's – «Aa2» (стабильный). По легкости ведения бизнеса страна занимает 5 место в мире (согласно рейтингу Doing Business). В рейтинге Глобального индекса инноваций страна занимает 14-е место в мире. В индексе восприятия коррупции Южная Корея занимает достаточно высокое 36-е место из 167 стран [Савенко, 2017].

Экономика страны базируется на таких отраслях промышленности, как автомобилестроение, судостроение, электроника и полупроводники. Современный автопром Южной Кореи можно назвать динамично развивающейся отраслью. Доля экспорта автомобильной продукции составляет 8,3 %. Несмотря на относительно короткий период развития автомобильной промышленности, южнокорейские производители автомобилей занимают сегодня пятое место в мире. На сегодняшний день южноко-

рейский автомобилестроительный комплекс представлен пятью основными производителями: Hyundai Motor, Kia Motors, GM Daewoo Auto & Technology, SsangYong Motor Company и Renault Samsung Motors. Преимущество корейских автомобилестроителей перед японцами, европейцами и американцами заключается в мощной поддержке государства, обмене технологиями между компаниями (большая экономия на разработке) и более дешевой рабочей силой, поэтому стоимость корейского автомобиля ниже японского автомобиля аналогичного класса. Опасность корейцам грозит не со стороны Европы, а со стороны Китая, автомобильный рынок которого развивается быстрыми темпами. Рабочая сила там еще дешевле, а масштаб экономики гораздо больше, что позволяет продавать большое количество автомобилей на внутреннем рынке. По данным, предоставленным Таможенной службой Республики Корея 21 января 2019 г., экспорт автомобилей с 1 по 20 января 2019 г. вырос на 29 % [Экспорт полупроводников из Южной Кореи ...].

Электроника является также ведущей экспортной индустрией. У корейских производителей сильные позиции на международных рынках. Сейчас в стране, как и во всем мире, наблюдается тенденция к переходу на цифровые технологии, что повышает спрос на такие продукты, как цифровые телевизоры, DVD, MP3-плееры. Корея является вторым после Японии поставщиком бытовых устройств. Корейские фирмы лидируют в производстве компьютерных мониторов и устройств отображения информации. Крупнейшие компании в этой отрасли – LG, Samsung и Daewoo Electronics. Весь спектр производимой потребительской электроники идет на экспорт. В 2017 г. индустрия электроники РК заняла третье место в мире. Объемы производства продукции электроники Южной Кореи оцениваются в рекордные 121,7 млрд долл. в 2017 г., что на 10,3 % больше чем в предыдущем. Рост вывел страну на третье место в мире (Южная Корея уступает лишь Китаю и США) и обеспечил долю в 6,8 % в глобальном производстве. Южная Корея впервые опередила Японию, которая являлась крупнейшим производителем электроники. Экспорт беспроводных устройств увеличился в январе 2019 г. на 8,1 %.

При создании электронных устройств используются полупроводники. Полупроводниковая промышленность производит интегральные микросхемы и полупроводниковые приборы, такие как диоды и транзисторы, которые составляют основу всей современной цифровой техники. В Республике Корея данная отрасль является важнейшей в экономической структуре. В 2018 г. правительство РК объявило о том, что страна намерена стать лидером в производстве полупроводников и дисплеев. LG, Samsung Electronics, SK Hynix и Samsung Display планировали инвестировать в данную отрасль 73 млрд долл. Однако, несмотря на намерения правительства РК, в январе 2019 г. экспорт полупроводников в такие

страны, как Китай, Вьетнам и Япония, сократился. Рост экспорта наблюдался в США, ЕС и Сингапур [Там же, 2019].

Судостроение включает в себя конструирование, ремонт и конверсию всех видов кораблей и судов. Южнокорейское судостроение в настоящее время является одной из ключевых отраслей промышленности и базовым фактором в её развитии, так как подталкивает вперёд и смежные отрасли – металлургию, химическую промышленность и электронику.

В 2018 г. РК подтвердила свое лидерство на рынке строительства танкеров-газовозов, получив все заказы на строительство крупнотоннажных танкеров для транспортировки сжиженного газа на ближайшие три года [Южная Корея упрочила свое лидерство в строительстве танкеров-газовозов, 2018].

Корейский институт экономических исследований прогнозировал на 2018 г., рост южнокорейской экономики на 2,8 %, что на 0,3 % ниже прошлогоднего показателя. Сокращение показателя обусловлено замедлением темпов наращивания производственных мощностей и инвестиций в строительство. По данным института, в 2017 г. рост инвестиций южнокорейских компаний в увеличение производственных мощностей составил 14,6 %. Однако в 2018 г. ожидалось, что этот показатель роста сократится до 3 %. Причину снижения инвестиционной активности в докладе Корейского института экономических исследований объясняют такими неблагоприятными условиями, как повышение процентных ставок, рост ставки корпоративного подоходного налога, а также и сокращение налоговых льгот в отношении инвестиций [Рост ВВП Южной Кореи ... , 2018].

Три года подряд в стране наблюдался рост, не превышающий потенциальный уровень. По мнению доктора Ким Чхан Бэ из Корейского института экономических исследований, в стране не хватает правительственных мер, которые были бы достаточно эффективны, чтобы поддержать экономику в нынешние сложные времена. В первую очередь на это влияют внешние и внутренние факторы, оказывающие отрицательное влияние на экономику. Речь идёт о желании Великобритании выйти из состава Евросоюза, итогах президентских выборов в США и импичменте южнокорейского президента.

Приход к власти президента из оппозиционной партии означает изменения в экономической политике государства. Важнейшая экономическая задача, стоящая перед Мун Чжэ Ином, – принятие экономических мер на средне- и долгосрочную перспективу и их реализация. По его мнению, создание рабочих мест позволит сменить всю парадигму экономической политики страны. Мун Чжэ Ин собирается выделить на эти цели 10 трлн вон (примерно 1 млрд долл.). Не так давно южнокорейская экономика начала активизироваться, в частности, в области экспорта и инвестиций. Новому правительству необходимо закрепить этот рост и

активизировать внутреннее потребление, что возможно путём создания рабочих мест. В первую очередь президент намерен создать 810 тыс. рабочих мест в госсекторе и социальной сфере, что повлечёт за собой появление пятисот тысяч мест в частном секторе. Для этого правительство собирается организовать комитет по проблеме рабочих мест. Дополнительные средства в объеме 3 млрд 715 млн долл. планируется получить путём реструктуризации, повышения корпоративных налогов и ужесточения налогообложения граждан с высоким уровнем доходов.

Согласно плану Мун Чжэ Ина, поддержка трудоустройства должна положительно повлиять на макроэкономическую ситуацию в стране. Создание новых рабочих мест повысит доходы домохозяйств, а значит, их задолженности снизятся, активизируется внутреннее потребление. По мнению экспертов, в первую очередь правительству необходимо сосредоточиться на реструктуризации промышленности, что способствовало бы решению экономических задач в средне- и долгосрочной перспективе [Экономическая программа ... , 2017].

В Южной Корее, как и в любой другой стране, несмотря на высокие экономические показатели, существуют проблемы. Одной из них является старение населения. По темпам старения РК относится к бесспорным лидерам. Рождаемость в Корее низкая, а средняя ожидаемая продолжительность жизни высокая и быстро растет. Если сейчас на одного старика в возрасте старше 65 лет приходится 6 лиц работоспособного возраста, то к 2050 г. при сохранении нынешних тенденций на одного старика будет приходиться полтора работника. Ожидается, что к 2030 г. население Кореи, достигнув уровня 52,5 млн человек, начнет сокращаться. К тому моменту люди старше 65 лет будут составлять четверть населения страны, а к 2060 г. их доля превысит 40 %. В итоге на 100 граждан работоспособного возраста будет приходиться 80 стариков (сейчас 100 работников кормят лишь 18 пенсионеров). Такая демографическая структура беспрецедентна в мировой истории, и никто пока не понимает, как в подобных условиях поддерживать минимально приемлемый уровень жизни и медицинского обслуживания тех, кто находится на заслуженном отдыхе. Практически единодушно предсказывается и резкое сокращение темпов экономического роста. Законодательство в Корее пересматривается так, чтобы заинтересовать работодателей в найме сотрудников пожилого возраста (сейчас сотрудники старше 60 лет крайне невыгодны работодателю), и эта мера, скорее всего, окажется куда более эффективной, чем упорные попытки поднять рождаемость пропагандой и финансовыми вливаниями [Ланьков, 2016].

Одной из причин быстрого старения населения является низкая рождаемость. Демографические итоги 2018 г. в Южной Корее неутешительны. Общий коэффициент фертильности (total fertility rate, TFR), т. е. количество рождений на одну женщину (рнж), составил 1,33. Это лучше,

чем в 2005-м, когда коэффициент опустился до рекордно низкого уровня в 1,08 рнж (практически один ребенок на двоих родителей), например, в России TFR равен 1,7 рнж. По уровню рождаемости РК в Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) находится на самом последнем месте. Также в 2018 г. снизился суммарный коэффициент рождаемости, который является наиболее точным показателем рождаемости. Теперь он варьируется от 0,96 до 0,97. Данный коэффициент характеризует среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю её жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте независимо от смертности и от изменений возрастного состава [В Южной Корее снизился суммарный коэффициент рождаемости, 2019].

С 2006 г. в Южной Корее принимаются активные меры по увеличению уровня рождаемости. Из центрального и местных бюджетов на это ежегодно тратится около 7 млрд долл., и эта сумма, скорее всего, будет только увеличиваться. Правительство ищет различные пути решения. Например, дошкольное образование стало бесплатным, увеличилась продолжительность отпусков для матерей по беременности и уходу за ребенком, а в ближайшее время ожидается введение отпусков и для отцов. С 1 марта 2004 г. родители, в семье которых появился третий ребенок, получают ежемесячное пособие. Планируется создание государственной программы по поддержке родителей, чьи дети получают высшее образование.

В основе демографической проблемы лежит не только политика 60-х гг. по ограничению рождаемости, но и возросший уровень образованности женщин. На сегодняшний день около 70 % кореянок получают высшее образование и в связи с этим стремятся построить карьеру, а не семью. Кроме того, экономическая необходимость в детях как гарантах спокойной старости ушла в прошлое с распространением в Корее современных систем пенсионного обеспечения.

Реакцией на демографические проблемы стало и широкое использование труда иммигрантов. Корея – одна из немногих стран, которая на протяжении жизни одного поколения сменила статус, превратившись из страны – источника эмигрантов в важный центр трудовой иммиграции. Если с конца XIX в. корейцы активно уезжали из страны, то с начала 1990-х гг., после того как в Корее произошла демократизация, либерализация трудового законодательства и, соответственно, резко выросли зарплаты, Корея стала привлекательна для работающих мигрантов.

С назревающим демографическим кризисом связано и ещё одно обстоятельство: Южная Корея неожиданно оказалась одной из самых склонных к смешанным, межнациональным бракам. Раньше корейцы крайне негативно относились к смешанным бракам, а примерно с 2005 г. Корея по числу таких брачных союзов вышла на одно из первых мест в

мире. Их доля составляет около 10 % от всех браков, заключаемых в стране ежегодно. Большинство из них – это браки корейских мужчин с иностранками. В основном речь идёт о небогатых крестьянах юго-западных провинций, которые выписывают себе жен из Вьетнама и иных стран Восточной Азии.

Таким образом, можно сказать, что в стране сложилась непростая демографическая ситуация. С одной стороны, наблюдается стремительное старение населения, к которому парадоксальным образом привели экономические успехи страны. С другой стороны, имеется мощная трудовая миграция и, главное, брачная, которая является уникальной для Кореи чертой. В результате Корея стареет и одновременно утрачивает свой мононациональный характер [Ланьков, 2015].

В последние годы экономический рост Южной Кореи опережает внутренний рынок труда, и этот дисбаланс усиливается, говорят аналитики.

Также растёт неравенство в возможности получения образования. Образование высоко ценится южнокорейцами, чей социальный и экономический статус определяется в значительной мере уровнем их образования. Именно поэтому родители придают большое значение тому, чтобы их дети получили качественное образование.

«Но, хотя корейское образование постоянно получает высокую оценку в международных рейтингах, ОЭСР отмечает, что экономика страны сталкивается со все более широким несоответствием навыков выпускников требованиям рынка, что усугубляет проблему безработицы среди молодежи», – сказал Кайл Ферье, эксперт Корейского экономического института Америки (KEI). Кроме того, переговоры между трудовыми коллективами, менеджментом и правительством не привели ни к каким результатам, и это лишь усугубляет проблему безработицы среди молодежи [О важности инноваций для Южной Кореи, 2016].

Южной Корее также необходимо преодолеть ряд других вызовов для того, чтобы сохранить свою конкурентоспособность и инновационность в будущем. Аналитик К. Ферье объясняет, что инновационным преимуществом Южной Кореи было совершенствование существующих товаров, которые делали их более эффективными и дешёвыми, а не создание абсолютно новых продуктов.

Однако доминирование чеболей в корейской экономике мешает воплощать новые идеи малым и средним предприятиям, несмотря на усилия правительства по стимулированию таких компаний. Маркус Ноланд, исследователь Института мировой экономики Петерсона в Вашингтоне, придерживается аналогичной точки зрения. «Если вы ученый или инженер Samsung Electronics и у вас появилась какая-то новая блестящая идея, то вы не увольняетесь, открываете собственную фирму и ищите инвесторов, а идёте к руководству Samsung», – сказал эксперт, слова которого цитирует Bloomberg [Там же, 2016].

Переко́с южнокорейской деловой структуры в пользу крупного бизнеса является давнишней и трудно решаемой проблемой, причем не только экономической, но и социальной. Практически все правящие в РК на протяжении последних двадцати лет администрации выражали намерение поддержать развитие малого предпринимательства, но проблема, однако, состоит в поиске конкретного подхода к решению застарелой проблемы. Результативность прежних попыток оказать единую поддержку всем категориям малого бизнеса оказалась невысокой. Причина лежит в неоднородности самих этих коммерческих структур. Например, одна, наиболее продвинутая, группа малых предприятий (7 % от их общей численности) в первое десятилетие 2000-х гг. показала ежегодный прирост производства в 30 %, у другой группы компаний (порядка 30 %) он сильно варьировался – от 0 до 30 %. Наконец, третья группа стагнировала (14 %) или разорялась (49 %). В 1990-е гг. доля первых двух составляла 6 и 27 %, а в третьей группе доля выживших составляла 10 %, а обанкротившихся – 57 %. Таким образом, наибольшие перемены происходили в маргинальной группе, в которой отмечалось некоторое повышение доли малых предпринимателей, сохранивших свое дело, но лишь в незначительном числе пополнивших креативную группу.

Заслуживает внимания тот факт, что в 2010 г. правительство выразило поддержку углублению разносторонних связей между крупным бизнесом и связанными с ним субконтрактными отношениями малыми и средними компаниями в рамках провозглашенной президентом Ли Мен Баком стратегии построения «справедливого общества». Откликаясь на это предложение властей, ведущие бизнес-группы, включая Samsung Electronics, Hyundai Motors, LG Electronics, SK Telecom и POSCO, создали фонд, размер которого к 2012 г. составит 1 трлн. вон (895 млн долл.). Целью фонда объявлено содействие в техническом перевооружении, повышении производительности труда, качества персонала, а также развитие международного маркетинга малых и средних компаний, участвующих в производственных программах крупного бизнеса в качестве субподрядчиков.

Дисбаланс в уровне развития крупного и малого бизнеса привел к неравенству доходов между занятыми на крупных предприятиях и работниками малых и средних предприятий. Постепенно в корейском обществе сформировались устойчивые предпочтения выпускников вузов искать работу исключительно в крупных конгломератах или государственных структурах в ущерб малому бизнесу.

Это приводит к росту безработицы среди молодежи, которая превышает средний уровень безработицы в стране. Уровень безработицы среди молодежи в возрасте от 15 до 29 лет стал выражаться двузначным числом, тогда как общий уровень безработицы в этот период не превышал 4 %. Безработица в Корее подвержена сезонности: для страны типично снижение безработицы зимой и весной [Кукла, 2016].

Правительство страны осознает все эти проблемы и пытается решить их путем стимулирования внутреннего спроса, проведения деbüroкратизации и участия в различных соглашениях о свободной торговле. Недостаток рабочей силы компенсируется за счёт привлечения к труду женщин и пожилых граждан. В результате всех этих мер ожидается, что рост южнокорейской экономики составит 2,8 % в год в перспективе до 2030 г., что позволит Южной Корее удерживать свои позиции в Азии.

Литература

В Южной Корее снизился суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2554761.html> (дата обращения 17.01.2019).

ВВП на душу населения в Южной Корее [Электронный ресурс]. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp-per-capita/south-korea/> (дата обращения 15.05.2019).

Инвестиции в Южную Корею поставили исторический рекорд [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/asia/41390710/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/asia/41390710/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source (дата обращения 17.01.2019).

Кукла М. П. Республика Корея: на пути к креативной экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3476&type=news> (дата обращения 19.01.2019).

Ланьков А. Н. Демографические проблемы Южной Кореи [Электронный ресурс] // КИМ (Корея и Мы). URL: <http://vmeste.kr/index.php/rubrika-a-lankova/299-demography-south-korea?ckattempt=2> (дата обращения 19.01.2019).

Ланьков А. Н. Плодитесь и размножайтесь [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 19.09.2016. URL: https://lenta.ru/articles/2016/09/19/fertility_in_korea/ (дата обращения 19.01.2019).

О важности инноваций для Южной Кореи. URL: <http://innotechnews.com/innovations/823-o-vazhnosti-innovatsij-dlya-yuzhnoj-korei> (дата обращения 19.01.2019).

Рост ВВП Южной Кореи в 2018 г. сократится до 2,8 % – прогноз института KERI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/rost-vvp-yuzhnoy-korei-v-2018-godu-sokratitsya-do-2-8percent-prognoz-instituta-KERI-1019048600>.

Савенко С. Экономическое чудо за одно поколение: Южная Корея – пример для Украины [Электронный ресурс]. Finance. UA от 21.04.2017. URL: <http://news.finance.ua/ru/news/-/400091/ekonomicheskoe-chudo-za-odno-pokolenie-yuzhnaya-koreya-primer-dlya-ukrainy> (дата обращения 21.01.2019).

Экономическая программа и внутренняя политика Мун Чжэ Ина [Электронный ресурс] // KBS World Radio. 14.05.2017. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_hotissue_detail.htm?No=10070484 (дата обращения 20.01.2019).

Экспорт полупроводников из Южной Кореи продолжает сокращаться – СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2556104.html> (дата обращения 25.01.2019).

Южная Корея упрочила свое лидерство в строительстве танкеров-газовозов [Электронный ресурс]. URL: <https://neftegaz.ru/news/view/176980-Yuzhnaya-Koreya-uprochila-svoe-liderstvo-v-stroitelstve-tankerov-gazovozov> (дата обращения 25.01.2019).

Южная Корея – экономические показатели [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/south-korea/indicators> (дата обращения 20.01.2019).

当前中国汉语国际教育领域前沿理论综述

摘要：伴随着中国成为世界第二大经济体，以及越来越多的国家参与到“一带一路”的建设，截至 2018 年底，全球学习汉语的人数超过 1 亿。汉语国际教育面临着前所未有的巨大挑战，同时也充满了机遇。本文阐述当前中国国内汉语国际教育专业研究的背景、现状、迫切的现实意义、研究领域的前沿理论以及理论成果，从而获得汉语国际教育教学与研究的启示。

关键字：汉语国际教育 现状 前沿理论 互动语言学 动态 动因 大语法观

Wang Xuejiao (Shenyang)

A SUMMARY OF THE CURRENT FRONTIER THEORIES OF CHINESE INTERNATIONAL EDUCATION

Abstract: With China becoming the world's second largest economy and more and more countries participating in the construction of the “Belt and Road”, by the end of 2018, the number of people learning Chinese in the world exceeded 100 million. Chinese international education faces enormous challenges as never before, but it is also full of opportunities. This paper expounds the background, current situation, urgent practical significance, frontier theory and theoretical results of Chinese domestic Chinese international education majors in order to obtain the enlightenment of Chinese international education teaching and research.

Keywords: chinese international education, current situation, frontier theory, interactive linguistics, dynamic motivation, big grammar.

一、研究背景、现状、现实意义

据统计数据显示，中国已成为世界第二大经济体。2013 年 9 月中国国家主席习近平在哈萨克斯坦访问期间首次提出了“一带一路”建设的构想。这是一次规模巨大的全球合作行动。新的发展观是由封闭转向开放，由独自发展转向共同发展。国际社会逐渐认识并接受“共商、共建、共享”的发展理念。如今已有包括俄罗斯在内的众多沿线国家参与到了“一带一路”建设中来。伴随着中国在全球经济领域地位的上升，学习汉语的人数呈现出井喷式增长。截至 2018 年底，全球学习汉语的人数已超过 1 亿。

20 世纪五六十年代，汉语国际教育专业还被称为“对外汉语”专业，面对的主要对象还是来华留学的少量外国学生。彼时，翻译法作为教学法体系，在汉语作为第二语言教学中一直占主导。该方法注重语法形式的分析，其语言学基础是历史比较语言学、心理学、哲学。注重寻求不同语言的结构关系，适合专才培养，目的是精通掌握外语。

这种方法学习汉语的弊端有如下几种：大量的规则导致偏误率高，避用现象明显，学习负担重；偏重知识教学，忽略能力的培养。仅有 42% 教师讲练结合或引导联系策略；从形式出发，忽略语境。离开语境

，不懂语义语用功能，从而不能举一反三；重规则的描写和解释，轻理据的挖掘和解释。

随着中国经济的发展以及全球化的趋势，汉语国际教育受众极速扩张。自2004年孔子学院创办以来，截至目前，中国已在153个国家和地区建立了500多所孔子学院和1000多所孔子课堂，学习汉语的人数已超过1亿。汉语国际教育面对着前所未有的巨大压力与挑战。

汉语国际教育专业的研究方向和教学方法发生了很大转变，教学方法逐步扩充为情境法、沉浸式教学法等。进入21世纪，中国国内汉语国际教育研究汲取了互动语言学研究的成果，更注重从动态的、在线生成角度研究运用语言结构的动因。这避免了去语境化倾向和书面语偏向。基于互动语言学的视角研究汉语具有迫切的现实意义。但是，基于用法的，适用于第二语言教学的现代汉语语法研究成果很少。

二、当前中国汉语国际教育的理论前沿

(1) 基于用法的语法教学（交际法、任务法）研究前沿

Langacker “Usage-based Language Model”(1988)提出的基于用法的语言模型，目的在于用语言达到交际目的。构式语法理论的一系列原则可以概括为以下及方面：

1. 构式都被理解为包含形式和语义及话语功能的配对。
2. 构式的形式、意义具有不可预知性，认为句子有意义，而句子格式没有意义。
3. 重视特异性 (idiosyncrasy) 和边缘现象 (periphery)。语言是常规性和特异性的混合体。构式语法强调人们对事件、事情状态理解的隐性方面，这些隐性方面实际所指与语言的特异性和边缘现象有密切关系。
4. 在句法研究上采取“所见即所获” (what you see is what you get) 的方式。采用语言运用为基础的模式 (usage-based view model)，不设定句法底层 (underlying level)，不设定音位空缺成分，也不主张不同句式之间的转换，主张构式是依赖分别输入与一般认知机制学到的。
5. 构式具有习用性 (idiomaticity)。比如汉语成语“一日三秋”，前者是开放的，后者是部分开发的。
6. 主张语法和词汇之间没有明确的分界。
7. 主张对句法的考察不能脱离语义和语用。
8. 构式具有层级性，各个层级形成一个完整的、具有高度统一性的体系。

当前，中国国内汉语国际教育领域注重研究语法教学突破，2010年，中国商务印书馆出版了张斌主编的《现代汉语描写语法》。该书打破了传统汉语语法教学方式，采用构式语法理念，用分专题论述的方式，介绍了汉语语法的特点：缺少严格意义的形态变化、虚词的使用有一定

的灵活性、语句的结构与单双音节的选择有关；词汇的形式和意义、语法的形式和意义；语序；词缀和虚词；重读和停顿等专题。

(2) 互动语言学

互动语言学研究注重从动态的、在线生成角度研究运用语言结构的动因。其核心理念包含3个元素：1.语言资源 2.话语（上下文+对话者背景）3.动态。这避免了脱离语境的分析，同时研究对象是鲜活而真实的语料。其研究内容包含两个方面。第一，从语言的各个方面（韵律、形态、句法、词汇、语义、语用）研究在互动交际中语言结构形成的动因是什么，以及是通过何种方式展现的。第二，在交际中，说话人的交际意图、会话行为是如何通过语言以及非语言的多模态资源（如眼神、手势、身势等）来表达的。

互动语言学与认知语言学学科交叉研究汉语语法，形成了“对话句法”。汉语国际教育研究中，意念功能法以意念项目为主要线索，思考语言结构形成的动因。

互动语言学研究基于会话分析的方法，探索交际互动中的语言结构和篇章组织，以自然口语交际为研究对象，分析处理语料。互动语言学研究采用大量真实的语料，包括自然发生的谈话的录音或录像材料。

汉语研究中，其实也早就出现过互动语言学研究的意识和理论。比如，关于说话的类型，赵元任先生《汉语口语语法》的分类很细致。他提出了八种情形：照稿子念独白；剧本里的对话；有简单提纲或者没有提纲的发言；连贯的会话，比如电话谈心；夹杂着动作的独白，有时间影响着或决定着接下去说什么，例如带表演的讲话；夹杂着动作的对话；在动作或事件中偶发的话语，例如打牌或者看打球的时候说的话；在对某一情况做出反应时，以及忽然想起什么而情不自禁说出来的“对了！”之类。

目前，中国国内汉语国际教育的学者普遍认同语境化理论 *couper-kuhlen&selting* 2018:5，认为言语交际是动态的（dynamic）在线的（online）生成的过程，交际过程中探索发现语言形式产生的动因。

中国汉语研究学者沈家煊先生讨论不加说明的话题，从应答角度探讨了毗邻话对的多样性表现。指出，毗邻话对之间既可能像赵元任先生所指出的构成话题与评述的关系，但是也有可能呈现出一种镜像的应答关系。例如：

孕妇：我吃点辣的行么？

丈夫：医生跟你说啥了？

孕妇：三个月之后行么？

丈夫：孩子同意么？

目前，中国国内汉语国际教育研究领域对韵律的研究有浓厚的兴趣。赵元任是最早讨论汉语的表情语调的学者，他认为汉语的语调有中性

语调和表情语调之分。一些中国现当代文学作品的语言，也讲究韵律的运用。为了语言形式的工整、韵律和谐，也灵活处理语法结构。例如：三毛的作品《雨季不再来》，“不再”其实表达的实际意义是“再不”，但是为了韵律协调，这里用了“不再”。

汉语是显性的主观性表达，汉语表达感情的语言手段除了用实词、生词等手段之外，语言的变调也理解为语法的表达。

(3)大语法观

传统汉语国际教育的语法教学，注重语法规则、形式。然而现在，中国国内汉语国际教育语法学习是通过分散“点化”教学，教会学生在何种条件下、何种语境下使用该语法，而非讲解语法体系，从语用层面来说，重在提高语言运用能力，让学生在练中学，而不是在讲中学。引导学生理解汉语信息传达是由旧到新的信息编码过程。比如，主语通常是有定的，宾语是不定的。逐渐培养学生的汉语语感。

多模态语法手段、副语言现象以及韵律制约现象在交际中发挥的作用越来越受到研究重视，也研究的更加深入。

现在汉语国际教育教学中认为，交际过程实际上包括编码和解码两个过程。汉语教育要从编码入手，教授学生如何组织语言，调用适当的语言手段，从根本上让学生理解语法在什么条件下用什么形式，形式使用上有什么限制。

语法讲授注重形式与功能相结合原则，注重动态分析语法，即针对语音、说话人立场等变化，分析语义的变化。例如：敲门了说“来了”立场放在听话人上，为了拉近与听话人的距离，而不说“去了”。

参考文献

方梅，李先银，谢新阳，语言教学与研究：互动语言学与互动视角的汉语研究（2018年第3期总第191期）

陶红印，中国语文：汉语谈话中否定反问句的事理立场功能及类型（2011年第2期）

陆俭明，中国语文：汉语口语里的易位现象（1980年第1期）

陆镜光，中国语文：句子成分的后置与话轮交替机制中的话轮后续手段（2000年第4期）

张斌，《现代汉语描写语法》，中国商务印书馆，2010

吕叔湘，《汉语语法分析问题》，商务印书馆，1979

沈家煊，中国语文：“零句”和“流水句”——为赵元任先生诞辰120周年而作（2012年第5期）

Couper-Kuhlen, Elizabeth, Some truths and untruths about final intonation in conversational questions. 2012.

К ВОПРОСУ О ДЕКОДИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПОМОЩИ АНАЛИЗА ПРИЁМОВ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Аннотация. Рассмотрены вопросы, касающиеся процесса декодирования политической информации, в частности информации, представленной в американских массмедиа, посредством анализа приёмов манипуляции СМИ общественным сознанием.

Ключевые слова: массмедиа, манипулирование общественным сознанием, приёмы манипуляции, формирование общественного мнения, культурные ценности.

O. Verbitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

TOWARDS THE QUESTION OF POLITICAL INFORMATION DECODING WITH THE HELP OF THE ANALYSIS OF AMERICAN MASS MEDIA MEANS OF PUBLIC OPINION MANIPULATION

Abstract. This article is aimed to consider some questions of the political information decoding procedure, particularly the information presented in American mass media, performed with the help of the analysis of mass media means targeted to manipulate the public opinion.

Keywords: mass media; public opinion manipulation; means of manipulation; public attitudes formation; cultural values.

В нынешний век потока информации особенно актуальной является задача правильного декодирования полученного сообщения, поскольку информация сегодняшнего дня является не столько средством отражения социально-политических событий или общественного мнения, сколько средством его формирования. Таким образом, в связи с тем, что традиционная информативная функция СМИ изменилась на манипулятивную и манипулирование общественным сознанием выступает как глобальная социально-политическая реальность, обучение правильному отбору и декодированию информации является одним из важных аспектов подготовки студентов-регионоведов, так как осмысленный выбор источника информации и существенной информации из информационного потока, так же как и способность её декодировать и переосмыслить, обуславливают аргументированную и грамотную индивидуальную социально-политическую позицию.

Немаловажным фактором является понимание обучаемыми процесса создания масс-медийного продукта как продукта, имеющего определённое отношение к предоставляемой информации, формируемого посредством ряда тактик и приёмов, направленных на манипуляцию общественным сознанием.

Рассматривая любое издание, качественное или массовое, можно наблюдать, как прямые приёмы манипуляции общественным сознанием,

так и скрытые. Что касается прямых приёмов, они могут быть условно разделены на речевые и неречевые. К речевым приёмам можно отнести морфологические, лексические, словообразовательные, синтаксические, стилистические приёмы, ярко выраженные в заголовках статей.

Неречевые приёмы манипуляции можно наблюдать на графическом и смысловом уровнях; их использование встречается в карикатурах, иллюстрациях, фотографиях. Скрытые неречевые приёмы манипуляции связаны с использованием определённого расположения материала и шрифтов, цветовой гаммы.

Несмотря на то что 20 % современных американцев получают информацию из социальных сетей, 16 % из газет, согласно опросу более чем 3500 американцев в 2019 г. [Haselton], 33 % взрослых американцев обращаются к новостным сайтам. К наиболее популярным американским новостным сайтам можно отнести Yahoo!News, Google News, Huffington Post, CNN, New York Times.

Рассмотрим, каким образом осуществляется манипуляция общественным сознанием американцев на страницах данных СМИ на примере формирования представления о России.

Просмотр заголовков статей американских новостных сайтов наглядно демонстрирует общее отношение американских СМИ к России:

– со словами *Russia / Russian* наиболее часто встречаются слова с военной семантикой: *threat, arms, nuclear path, weapons, spy*, что, безусловно, способствует формированию негативного, милитаризованного имиджа России;

– встречаются эллиптические конструкции, типичные для сжатого стиля написания заголовков статей: “Russia angry, Europe worried after US announces treaty exit” (News.yahoo.com; Feb. 1, 2019), “Raise Retirement Age Stirs Russia Protests and Cracks Party Unity” (The New York Times, Aug. 8, 2018), “Why China, Russia and Turkey standing with Maduro – in the US's backyard” (CNN, Jan. 30, 2019), семантика которых характеризуется как агрессивная, что влияет на отрицательное отношение аудитории к России;

– применяется приём использования цитирования, при котором для оценки некоторой социальной или политической ситуации берётся высказывание известного человека: “Albright: America should not keep pulling out of agreements” (CNN, Feb. 2, 2019), “Fmr. CIA official: Trump can suspend nuke deal with Russia, but what’s next?” (Ibid), “Panelist: Trump doesn’t know how to defend U.S. from Russia” (CNN, Jan. 30, 2019). Выбор цитат, безусловно, не является случайным, он соответствует конкретной информационно-коммуникативной задаче, способствуя освещению некоторого события в необходимом формате, за счёт чего осуществляется скрытая речевая манипуляция адресатом;

– приём повышенной экспрессии, при котором заголовки сенсационного характера привлекают внимание адресата: “Russia’s Ideology: There Is No Truth” (The New York Times, Dec. 11, 2014), “Explosive Revelations in Russian saga add up to a bad day for Trump” (CNN, Mar. 14, 2019);

– приёмы языковой игры: например, в заголовке “Explosive Revelations in Russian saga add up to a bad day for Trump” (CNN, Mar. 14, 2019) происходит столкновение двух значений слова *revelation*: 1) разоблачение, раскрытие (тайны) и 2) апокалипсис (*the Revelations* (библ.)).

Анализ заголовков американских СМИ показывает использование ещё одной суггестивной тактики формирования желаемого отношения американцев к России: используется тактика столкновения базовых культурных ценностей американцев и особая форма подачи информации о некотором событии в России, диссонирующая с пониманием американцев о «правильном» и «справедливом».

Поскольку ценности – это общественно значимые для личности, социальной общности, общества в целом материальные, социальные объекты; социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, любовь, дружба и т. д., основываясь на них, человек приобретает некоторое индивидуальное, избирательное отношение к материальным и духовным ценностям, некоторую систему убеждений, предпочтений, выраженных в сознании и поведении, влияющих на мотивы, интересы, установки и потребности личности [Коул, 1997, с. 25].

Ценности являются основой формирования культурных авто- и гетеростереотипов, поскольку являются установками, определяющими самоидентификацию личности и отношение к «другим». Будучи составной частью концептуальной картины мира, национально-культурные стереотипы неразрывно связаны с языком, однако они не имеют жестких соответствий в языке [Мацумото] и могут имплицитно актуализироваться в масс-медийном дискурсе при помощи как вербальных средств различных уровней – лексем, словосочетаний, предложений, текстов, так и невербальных средств – фотографий, коллажей, карикатур, графиков.

Ценности культурно обусловлены. Ценности российской и американской культуры различны и представлены в таблице.

Таблица

Национально-культурные ценности России и Америки

Россия	Америка
коллективизм	<i>individualism</i>
государственность	<i>stress need for independence</i>
соборность	<i>self-reliance</i>
справедливость	<i>equality</i>
терпение	<i>hard work</i>
готовность страдать	<i>competition</i>
нестяжательство	<i>materialism</i>

Ценности формируются в период овладения языком и практически, по мнению Г. Хофстеде [Hofstede, 2005, с. 78], не подвергаются модификации. Апеллирование к культурным ценностям является значимым приёмом для создания некоторого отношения или мнения при манипулировании СМИ общественным сознанием граждан [Клиновская, 2007, с. 89].

Обратим внимание на один из примеров манипулирования ценностями американских СМИ при создании желаемого отношения к нашей стране: к примеру, в статье “Putin Signs “Fake News” Law Punishing Russian Media for Criticizing Him” (Yahoo!News, Mar. 19, 2019) выбор таких лексических единиц с «жёсткой» семантикой, как *law punishing media* в совокупности с лексической единицей, объясняющей причины данного строгого подхода *for criticizing him*, имеющей значение *to form and express a judgement of work*, приводит к столкновению таких базовых ценностей американского общества, как демократия, свобода, равенство и индивидуальность с политической ситуацией в России.

При обучении декодированию информации, в частности, политического характера, автором предлагается следующая методика анализа статьи с позиции ее влияния на общественное мнение. Необходимо осуществить оценку по следующим параметрам:

- 1) причины написания статьи (точка зрения издания / автора статьи),
- 2) рассмотрение экономической, собственно политической и культурной составляющих медийного продукта,
- 3) выбор лексических единиц, влияющих на восприятие преподносимой информации,
- 4) личностное отношение адресата к прочитанному на основании сопоставительного анализа фактуальной информации (описываемого события) и информации, преподносимой под определенным углом зрения, в которой заинтересовано данное средство массовой информации.

Так, медиа Yahoo!News, опубликовавшие статью “Putin Signs “Fake News” Law Punishing Russian Media for Criticizing Him”, является ресурсом демократического толка и формирование непривлекательного имиджа России является суггестивной критикой президента США Дональда Трампа, поскольку в сознании современных американцев существует скрытая связь между выборами в США 2016 г. и значительной роли России в этом процессе (“The looming threats to the media from the Kremlin mirror the attitude of U.S. President Donald Trump, with whom Putin has maintained a close but secretive political relationship despite evidence of Russia meddling in the 2016 U.S. election”) [O’Connor]. В данной статье рассматривается подписание Владимиром Путиным ряда законов, позволяющих Кремлю наказывать интернет-СМИ и частных лиц за распространение оскорбительной информации о правительственных чиновниках или другого контента, который считается «фальшивой новостью». Законопроект, по мнению автора статьи, был принят стремительно, не-

смотря на акции протестов на улицах Москвы и обеспокоенность Совета по правам человека. Негативное отношение к событиям в России в данной статье выражено открыто (“...the measures could be used to unfairly silence critics – something critics have been on high alert over, as so many of Putin’s opponents have turned up poisoned or mysteriously dead in recent years”) [O’Connor], наблюдается столкновение американских ценностей и российских реалий (в статье, для описания политических событий в России, используются такие прилагательные, как *mysterious*, *secretive*, *shadowy*, в противовес американскому пониманию демократии, справедливости и равенства). Автор статьи манипулирует общественным мнением, акцентируя внимание на наказании за критику политики Путина, хотя в действительности закон о «фейковых» новостях носит не столько собственно политический, сколько социально-политический характер. «Фейковые» новости, согласно данному закону, определяются как угрожающая благополучию россиян искаженная или фальшивая информация, выдаваемая за достоверную. Среди рисков «фейковых» новостей называют нарушение общественного порядка и безопасности, опасность для жизни и здоровья граждан, вред их имуществу, помехи и прекращение работы важных объектов. В действительности «фейковые» новости стали общемировой проблемой, поскольку публикация искажённых данных может привести к массовым беспорядкам, гибели людей или нанесению вреда, как это было, к примеру, в случае с линчеванием невинных людей в Индии в 2018 г., произошедшим по причине распространения ложной информации через WhatsApp о похищении детей и передачи видео «подозреваемых».

На современном этапе развития СМИ и общество находятся в постоянном и непрерывном взаимодействии, это касается политической, экономической и культурной составляющих. Современные американские массмедиа занимают существенное место в формировании общественного мнения. Таким образом, необходимость исследования информации, предоставляемой прессой США в настоящее время, как одной из самых влиятельных держав, обладающих рычагами влияния на международной арене, представляет особый интерес. Декодирование политической информации, осуществляемое посредством анализа манипулятивных приёмов СМИ, является необходимым фактором при построении межкультурной коммуникации в условиях современного обострения политических и социальных процессов.

Литература

Клиновская А. А. Лингвокогнитивные особенности актуализации общественных стереотипов в политическом журнальном дискурсе ФРГ : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2007. 210 с.

Коул М. Культурно-историческая психология: Наука будущего. М. : Когито-центр ; Ин-т психологии РАН, 1997. 432 с.

Мацумото Д. Психология и культура [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/02.php. (дата обращения: 19.03.2019).

O'Connor L. Putin Signs "Fake News" Law Punishing Russian Media For Crotisizing Him" [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yahoo.com/huffpost/putin-signs-fake-news-law-205227952.html>. (дата обращения: 18.03.2019).

Haselton T. More Americans now get news from social media than from newspapers, says survey [Электронный ресурс]// CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2018/12/10/social-media-more-popular-than-newspapers-for-news-pew.html> (дата обращения: 15.05.2019).

Hofstede G., Hofstede Gert Jan. Cultures and organizations: Software of the Mind. N. Y. : McGraw-Hill, 2005. 278 p.

News.yahoo.com; Feb. 1, 2019.

The New York Times, Aug. 8, 2018.

CNN, Jan. 30, 2019.

CNN, Feb. 2, 2019.

The New York Times, Dec. 11, 2014.

CNN, Mar. 14, 2019.

УДК 94

А. Л. Верченко

Институт Дальнего Востока РАН, Москва

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О РОССИИ В КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. Рассматриваются изменения в отношении к России в Китае в начале XX в., произошедшие на фоне важных исторических событий в обеих странах и пертурбаций на международной арене. Сдвиг в сторону положительного восприятия России заканчивается с переворотом Чан Кайши 12 апреля 1927 г. Приводятся конкретные примеры деятельности отдельных представителей Советской России в сфере политики, образования, литературы.

Ключевые слова: Россия, Китай, история, образ России в Китае.

A. Verchenko

Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow

CHANGES IN PERCEPTION OF RUSSIA IN CHINA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The article discusses the changes in perception of Russia in China in the early twentieth century. This occurred due to the important historical events in both countries and perturbations in the international arena. A shift towards a positive perception of Russia comes to an end with the coup of Jiang Jieshi on 12 April, 1927. The article provides examples of activities of some representatives of Soviet Russia in the spheres of politics, education and literature.

Keywords: Soviet Russia, China, history, Russia's image in China.

Начало XX в. для Китая было периодом насыщенных исторических событий как внутри страны, так и на международной арене: Синьхайская революция, «Движение за новую культуру», «Движение 4 мая» 1919 г., Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции. Это было время попыток разных идейных течений предложить свой вариант вывода страны из глубокого общественно-политического кризиса,

открыть путь к прогрессу и процветанию нации. Начался рост самосознания, патриотических и антиимпериалистических настроений прогрессивной части китайской интеллигенции, студенчества и молодежи, выступивших в первых рядах сторонников преобразований. Они были возмущены присутствием иностранных держав в Китае и их незаконными привилегиями. Это возмущение распространялось также на Россию и вылилось в начале XX в. в ряд студенческих демонстраций в Шанхае, Пекине, Ухане, Токио.

Разочаровавшись после Синьхайской революции в силовых методах достижения перемен, интеллигенция задумалась над изменением форм борьбы. Передовые умы понимали важность подъема общего культурного и образовательного уровня населения, выдвижения новых идей. Развернувшие «Движение за новую культуру» интеллигенты выдвинули лозунги *наука* и *демократия*, предполагая с их помощью и обращением к иностранному опыту обеспечить поступательное движение страны вперед. Интеллигенция пробудила интерес думающих людей к происходившему за границами Китая. В страну хлынул поток информации о зарубежных странах: о политическом и экономическом устройстве, общественном строе, культуре, женском, молодежном движении, научно-технических достижениях и т. д. Северный сосед не сразу попал в сферу внимания китайской прогрессивной общественности, потому что долгое время воспринимался в Китае как отсталая страна, душитель свободы [汝非, 1915], полудикарская нация, полицейское государство [陈独秀], у которого нечего было почерпнуть, нечему было научиться. Эту точку зрения поддерживала официальная власть, о чем свидетельствует содержание публикаций о России в прессе.

Следует отметить, что влияние России в Китае в политическом смысле в начале XX в. не было таким значимым, как, например, Японии или Англии, которые открыто воздействовали на внутренние процессы. То же самое можно сказать об идейном и культурном влиянии. Здесь пальма первенства принадлежала Японии. Большинство молодых людей, желавших получить образование нового типа, направлялись в Страну восходящего солнца. Они возвращались домой с казавшимися им прогрессивными западными идеями, трансформированными через японскую общественную мысль, и пытались реализовать их на практике. Однако провал попытки Китая отстоять свой суверенитет после Первой мировой войны вызвал глубокое разочарование среди прогрессивной интеллигенции, «разбил иллюзии китайцев относительно учебы у Запада» [Мао Цзэ-дун, 1969, с. 503], по словам Мао Цзэдуна.

Смещение внимания в сторону России у китайских интеллигентов, студентов и молодежи происходило медленно и началось с развитием революционной ситуации в России, было связано, в частности, с успехами Февральской революции, в которой они увидели признаки демо-

кратических преобразований. Чэнь Дусю, например, отмечал важное значение Синьхайской и Февральской революций для мировой истории, подчеркивал, что свержением самодержавия и предоставлением власти народу Россия открыла новую страницу своей истории, сбросила ярлык колониальной державы. Особо пристальное внимание было обращено к Советской России после Октябрьской революции, коренным образом изменившей отношение к стране.

Помочь узнать больше о России и жизни ее граждан помогала культурно-просветительская деятельность отдельных россиян, которые оказались в Китае в 1920-е гг. (С. М. Третьяков, А. Ивин, В. Я. Ерошенко, И. Л. Калмыков). Примеры их деятельности показывают, что живое общение оказывает гораздо большее влияние на общественное мнение, чем официальная позиция властей или информация из прессы.

Одним из первых представителей русской культуры после Октября в Китае был писатель, поэт, философ-гуманист, эсперантист, просветитель Василий Яковлевич Ерошенко (1889–1952), который в августе 1921 г. оказался в Китае, сначала в Харбине, потом в Шанхае и Пекине. Он подружился с семьей Лу Синя, принимал участие во многих встречах в доме писателя, куда приходили Ху Ши, Цай Юаньпэй, Цянь Сюаньтун и др. Оказавшись в центре происходивших в культурной и общественной жизни изменений, Ерошенко высказывал свои суждения. Иногда они были излишне резкими в смысле нападок на старый образ жизни китайского общества, на пассивное поведение и стремление отдельных интеллектуалов сохранить традиционную культуру. Некоторые исследователи Лу Синя отмечают влияние Ерошенко на развитие творчества Лу Синя, становление его как первоклассного писателя, «величайшего писателя Азии XX в.», по словам японского нобелевского лауреата по литературе Кэндзабуро Оэ. Россия воспринималась студентами Пекинского университета, где Ерошенко преподавал русский язык и читал курс русской литературы, через его лекции и семинары. В условиях, когда в Китае было крайне мало информации о культурной жизни России, а русских людей редко кто встречал, общение с Ерошенко было бесценно. Китайское студенчество получило возможность из первых уст получить основы знаний о русской литературе и русских писателях, о содержании их произведений, позволявших раскрыть духовные стороны жизни русского общества. Общаясь со студентами, преподавателями и представителями литературных кругов, Ерошенко делился своими мыслями и впечатлениями, сравнивал ситуацию в разных странах, проводил параллели между культурами Запада и Востока, отмечал общее и различное. Вся деятельность Ерошенко как педагога, публициста, писателя была направлена на расширение знаний тех, с кем он общался, о мире, о других странах, о жизни и тяготах простого народа в России и других странах мира. О популярности творчества Ерошенко говорит тот факт, что

его рассказы многократно издавались в Китае. Автора отличали гуманизм, любовь к людям, искренняя забота об их счастье, о благополучном будущем. На его публичные лекции, касавшиеся не только литературы, но и проблем обновления общества, приходило не меньше слушателей, чем на выступления самых популярных в то время Лу Синя и Бин Синь.

Другим источником сведений «из первых рук» о положении в Советской России был командированный в 1924 г. в Пекинский университет по линии Министерства образования СССР Сергей Михайлович Третьяков, писатель, публицист, убежденный революционер. Как преподаватель русского языка он проводил много времени со своими студентами, а также бывал среди студентов других групп, кроме того, знакомился с жизнью города за стенами университета. Третьяков очень правильно определил китайских студентов начала XX в. как «социальный порох» [Третьяков, 1930, с. 198] и справедливо отмечал, что молодежь находилась в состоянии «безостановочного кипения». После занятий, а иногда и вместо них студенты участвовали в митингах, демонстрациях, проводили политические дискуссии, писали листовки и обращения. На первых этапах овладения социалистическими и коммунистическими идеями в студенческих головах существовала полная неразбериха. Параллельно с занятиями языком Третьяков рассказывал о русской литературе, вел со студентами дискуссии на общественно-политические темы, читал с ними советские газеты. Влияние его рассказов об Октябрьской революции и ее завоеваниях ощутили на себе многие молодые люди. Хорошо известно, что в 1920-е гг. студенты Бэйда были самой активной частью участников патриотических и антиимпериалистических выступлений, стали зачинателями «Движения 4 мая» 1919 г., одними из первых откликнулись на революционные волнения в стране. Разъезжаясь на каникулы в разные уголки Китая, они несли полученные от Третьякова новые идеи и правдивую информацию о Советской России. Вернувшись в университет, они продолжали участвовать в общеполитических акциях, направленных на защиту национальных интересов. Не без участия своего преподавателя студенты начали ездить в сельскую местность под Пекином и работать с деревенским населением, организовывать вечерние курсы по ликвидации неграмотности для бедноты, вовлекать девушек в общественную работу, т. е. расширять социальную базу революционного движения. Студенческие союзы и организации играли важную роль в общественной жизни Китая, хотя в тот период и не носили массовый характер. Литературные произведения русских писателей оказались для них энциклопедией жизни другого государства, новых и непонятных для них отношений между людьми, например удивление вызывало отношение к женщинам. Третьяков констатировал, что студенты Пекинского университета были самыми передовыми по своему мировоззрению, тем не менее находились в самом начале пути овладения политическими

идеями. В их головах уживались крайний национализм и социализм, анархизм и марксизм, стремление к обновлению общества и приверженность старым традициям, «Маркс и синие фалды халата», по словам Третьякова.

После Октябрьской революции Советская Россия привлекла внимание прогрессивных деятелей Китая как первая в мире страна, где на практике были осуществлены теоретические положения марксизма, ознакомление с которым китайцы активно вели в начале XX в. Рассказы Третьякова настолько захватили его студентов, что многие, проникнувшись идеями строительства нового государства по примеру Советской России, выразили желание ехать учиться в СССР, чтобы, вернувшись на родину, строить справедливое общество в Китае. С конца 1923 г. студенческое движение стало выдвигать как один из своих лозунгов требование признания Советской России. Студенты искренне симпатизировали Советскому Союзу, проводили демонстрации в поддержку СССР, отвергали обвинения полиции в том, что Карахан за демонстрации платил от 30 до 100 долл. на человека [Третьяков, 1930, с. 207]. Печатный орган Социалистического союза молодежи Китая «Пионер» помещал заметки о марксистско-ленинской теории, положении в Советском Союзе, в молодежном движении [百度百科].

Еще одним каналом, который давал возможность китайской аудитории знакомиться с Россией, была литература. В начале XX в. появилось много переводов произведений классической русской литературы. Разные издательства обращались к творчеству Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. И. Куприна. Особо следует отметить роль журнала «Новая молодежь», печатного органа «Движения за новую культуру», который с первого номера начал публиковать небольшие очерки и эссе, дававшие общее представление о событиях в России. Автором многих материалов был Чэнь Дусю, главный редактор журнала в течение 7 лет. В рубрике «Зарубежные события» освещались важнейшие моменты в общественно-политической жизни России и события, имевшие отношение к Китаю, российско-китайским отношениям. Ценнейшим источником информации о России были переводы, хотя, будучи сделанными с западных языков, они грешили неточностями. Слабое знание русского языка порой приводило к откровенным «ляпам». (К примеру, в фразе «Минуй нас пуще всех печалей» из комедии «Горе от ума» *пуще* было переведено как *чаща*). Творчество И. С. Тургенева привлекло темой «нового человека», поскольку с появлением таких личностей в Китае связывались надежды на поступательное движение Китая вперед. Эта проблема волновала в Китае не только литературные круги, но и политиков, и обществоведов. С большим интересом воспринимались в Китае произведения на семейные и женские темы («Первая любовь» и «Вешние воды» И. С. Тургенева, «Душечка» А. П. Чехова), ко-

торые повлияли на начавшие формироваться в начале XX в. новые взгляды на семью и положение женщины, идеи гендерного равенства и освобождения (эмансипации) женщины. Известный китайский мыслитель и философ Ху Ши выбрал для перевода повесть «Дуэль» Н. Д. Телешова, рисуящую драматические психологические переживания главного героя, созвучные внутреннему миру китайского интеллигента.

В конце XIX – начале XX в. в духовной жизни русского общества происходили разительные перемены, которые писатели переносили в свое творчество. Это было крайне познавательно для искавшей новые пути и новые идеи китайской интеллигенции. Журнал «Новая молодежь» открывал неведомый доселе китайской читающей аудитории духовный мир русского общества, нес новые знания, наводил на размышления, давал простор для сравнений, заставлял задумываться о том, что можно сделать для «спасения государства». Журнал знакомил китайцев с краткими биографическими сведениями самых известных русских писателей, драматургов, идеологов, сопровождая их общим анализом внутренней ситуации в России и идейных дискуссий, что соотносилось с идейно-политическими поисками и в Китае. Помещая переводы произведений разных литературных жанров, журнал демонстрировал богатство русской культуры. Многие темы были близки и понятны китайскому читателю: сложности в семейных отношениях, положение женщины, моральное состояние человека во время бесконечных милитаристских войн в Китае, бесправное положение в обществе маленького человека, мечты и сны о благополучном будущем. Самые яркие произведения русской классики оказали влияние на китайских писателей, которые стали переходить в своих произведениях к отображению реальной жизни и реальных героев, формировать новую литературу. Русская литература быстро завоевывала читательскую аудиторию, а она у журнала была действительно обширной: в разные годы тираж составлял от 1 тыс. до 15,6 тыс. экз.; каждый номер содержал в среднем 150–200 страниц, иногда более 600. Росло число переводчиков и наименований произведений и авторов, что свидетельствовало о завершении в Китае периода самоизоляции и росте внимания к зарубежным публикациям, в том числе российским. Один из исследователей русской литературы Лю Вэньфэй отметил: «Поразительно, что первые китайские переводчики так точно выбрали именно самых выдающихся русских писателей и именно шедевры среди их многочисленных произведений, что в течение очень короткого времени (около 10 лет) представили современникам весьма репрезентативную и обширную картину русской литературы» [Лю Вэньфэй, 2004].

Идейное присутствие России в Китае в разные годы было неодинаковым в разных частях страны. На Северо-Востоке, на территории которого находилась построенная в начале века Китайско-Восточная желез-

ная дорога, оно было более явным: там под влиянием русских коммунистов были образованы партийные организации и кружки, где изучались революционные идеи. Работавшие на КВЖД большевики старались «развивать классовое самосознание китайских рабочих», планомерно и постоянно работали с ними. В Харбине действовали профсоюзы, многочисленное русское население распространяло русскую культуру, литературу, традиции и язык. Этому же способствовали китайцы, которые долгое время работали по найму в России, а после Октябрьской революции вернулись домой. Огромную роль в формировании взглядов на Советскую Россию сыграли интеллектуалы, которые первыми побывали в СССР (Цюй Цюбо, Чжан Тайлэй), студенты, учившиеся в Москве.

В центре, в столице, о России знали мало, в основном по редким публикациям в прессе, перепечатанным в основном из иностранных источников. Нередко они грешили неточностями, к которым приводили незнание русского языка и невозможность читать российские источники [Казанцев]. В других случаях, особенно если авторами были представители русской эмиграции, сообщения преднамеренно искажались. Иногда замалчиванием информации официальная власть пыталась ограничить доступ к правде о России, особенно после Октября 1917 г. Например, важнейший документ «Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г., в котором заявлялось о поддержке китайского народа, о стремлении России установить равноправные отношения и прочный мир с Китаем, об отказе от тайных и неравноправных договоров, заключенных царским правительством, от всех привилегий, был опубликован не сразу после получения, а только в 1920 г.

Под влиянием посланцев Коммунистического Интернационала складывался образ Советской России как образца общества для народа, справедливого государства рабочих и крестьян, во главе которого стоит коммунистическая партия. Представители КИ (Г. Н. Войтинский, Маринг, С. А. Полевой) сыграли большую роль в образовании в 1921 г. КПК и распространении ее влияния в дальнейшем. Еще раньше, в 1919 г., в Китай для установления связи с коммунистическими кружками был направлен ответственный работник Секции восточных народов Сибирского бюро ЦК РКП(б) девятнадцатилетний Наум Григорьевич Буртман (1900–1920). В течение года он сначала работал в Харбине среди китайских и русских железнодорожников, имел прямое отношение к организации демонстраций и забастовок в Тяньцзине, которые произошли после событий 4 мая 1919 г. в Пекине. Летом того же года он встретился с Ли Дачжао, на которого общение с молодым большевиком произвело огромное впечатление. По некоторым сведениям, именно через Буртмана Ли Дачжао познакомился с работой В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», еще больше укрепился в вере в

большевизм и необходимость изучения опыта Октябрьской революции, что он в практическом и теоретическом плане делал всю свою жизнь. Наум Буртман передавал свою убежденность другим, говорил быстро, твердо, так что каждое слово запоминалось и оставалось в сознании. Для придания большей убедительности он сопровождал каждую фразу резкими жестами [Верченко, 2017, с. 190–192]. Благодаря общению с Буртманом и несколькими другими большевиками знакомство отдельных представителей китайской интеллигенции в Пекине, Тяньцзине, Гуанчжоу с Октябрьской революцией, марксизмом, ленинизмом и большевизмом продвинулось вперед. Сначала их ряды были малочисленными, однако благодаря убежденности в своей правоте и беззаветной преданности делу революции китайские революционеры со временем смогли повести страну по пути социализма. В 20-е гг. преданных друзей и последователей опыта СССР в Китае было мало. Коммунистические и социалистические идеи были далеко не доминирующими в 20-е гг., завоевывали умы китайцев в борьбе с другими идейными течениями. В результате Китай пошел «по пути русских».

С середины декабря 1921 г. в Пекине работала официальная миссия во главе с уполномоченным Совнаркома РСФСР А. К. Пайкесом, направленная советским правительством для ведения переговоров об установлении дипломатических отношений между Советской Россией и КР. С 1923 г. переговоры вел Л. М. Карахан. Сведений об их деятельности просачивалось немного. Население питалось слухами. Правительственные газеты нередко обвиняли русских представителей в подстрекании к беспорядкам, подкупе студентов, чтобы те проводили митинги и демонстрации в поддержку СССР. Подобная пропаганда не способствовала формированию позитивного облика Советской России среди общественности и была обусловлена тем, что, как писал Л. М. Карахан в письме Г. В. Чичерину, пекинское правительство было «игрушкой в руках дипломатического корпуса» [Переписка И. В. Сталина..., 2008, с. 66], т. е. иностранных держав.

На юге в период работы правительства Сунь Ятсена о России знали гораздо больше. Гуандун в новое время играл важную роль в истории Китая. Известные реформаторы Кан Ювэй, Лян Цичао, Сунь Ятсен – все были выходцами с юга. Они искали пути усиления страны и осуществления процесса модернизации. Сунь Ятсен приветствовал революционные преобразования в России, высказывался за пропаганду достижений Октябрьской революции. Летом 1918 г. в телеграмме на имя В. И. Ленина писал: «...революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы». Сунь Ятсен считал необходимым изучение управленческого опыта Советской России и системы организации армии [История Китая, 2013, с. 91]. В 1922 г. в Гуанчжоу был направлен большевик А. С. Далин с официальными полномочиями вести разъяснения по

зиции СССР, выяснить мнение Сунь Ятсена по ряду вопросов, касавшихся позиции самого Сунь Ятсена и его партии, советско-китайских отношениям и др. [Далин, 1982, с. 124]. В октябре 1923 г. в Гуанчжоу по просьбе Сунь Ятсена прибыли М. М. Бородин и советские советники, благодаря деятельности которых авторитет Советского Союза за короткое время значительно вырос. Внутрикитайские события укрепили веру Сунь Ятсена в важность союза с СССР.

Когда в январе 1924 г. пришло сообщение о смерти Ленина, проходивший в то время в Гуанчжоу съезд Гоминьдана одно из заседаний посвятил памяти Ленина, в знак траура съезд на три дня прервал свою работу. Повсеместно разъяснялись основы учения Ленина [Далин, 1982, с. 171]. Траурные собрания, лекции о теоретическом наследии Ленина в Шанхае длились целый месяц.

В реальной жизни ориентация на союз с советской Россией и рост ее авторитета в Китае очень ярко проявились в период Северного похода Национально-революционной армии (1926–1927 гг.). Блок Гоминьдана с коммунистами вселял в народ на освобожденных от милитаристов территориях веру в возможность добиться объединения страны, освободиться от империалистической зависимости, начать новую жизнь, провести преобразования в обществе. После взятия Уханя частями НРА было принято решение перевести туда Кантонское правительство. Советские советники сопровождали министров. Главным распорядителем и организатором переезда был министр финансов Сун Цзывэнь. Эвакуация была длительной, изматывающей, потому что в условиях отсутствия дорог приходилось долго пробираться по узким тропам, преодолевать горные перевалы, переправляться через реки без мостов и т. д. Если китайские чиновники передвигались в паланкинах, то советские советники шли пешком. По пути следования экспедиция останавливалась для отдыха. Но пребывание в каждом населенном пункте превращалось из передышки от трудной дороги в череду выступлений на митингах и общение с населением, которые нередко заканчивались пением на китайском языке «Интернационала» и «Молодой гвардии» («Вперед, заре навстречу»). На трибунах вывешивали портреты Сунь Ятсена, Ленина, Маркса. Среди участников были чиновники, купцы, солдаты, ремесленники, школьники, учителя – подъем царил во всех слоях общества, только не у всех был искренним, как показали дальнейшие события.

В деревнях политработники НРА развешивали плакаты и воззвания, направленные против местных чиновников, нередко на них были нарисованы серп и молот. Наряду с конкретными требованиями отмены лицензия, повышения заработной платы, сокращения продолжительности рабочего дня можно было встретить лозунги: «Дух Ленина живет среди нас!», «Приветствуем СССР», «Да здравствует диктатура пролетариата», «Тесный союз с СССР», «Союз с СССР – союз дух революционных

народов», плакаты, на которых китайский солдат пожимал руку русскому в папаше с серпом и молотом [Далин, 1982, с. 247, 258, 301].

Северный поход закончился в начале 1928 г. объединением Китая под властью Гоминьдана, который на этом этапе отмежевался от КПК. Прекратилась помощь СССР, были отозваны военные советники, сотрудничество с Советским Союзом было свернуто, официальная пропаганда стремительно изменяла ориентиры.

Из всего вышесказанного следует, что облик России в глазах китайцев претерпел изменения в начале XX в. благодаря расширению потока информации о России и СССР в Китае и преобразованиям в России. От отрицания позитивного и полезного в опыте России Китай постепенно начал открывать для себя сначала литературную, затем идейно-политическую Россию в период «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая» 1919 г. Тема России и ее опыта построения государства нового типа особенно остро зазвучала в Китае после Октября благодаря концепции национального освобождения и социальной справедливости. Часть китайской интеллигенции, овладев социалистическими и марксистскими идеями, стала костяком основанной в 1921 г. китайской компартии – партии, которая привела к победе народной власти в 1949 г.

Литература

Верченко А. Л. О некоторых путях проникновения идей Октября в Китай // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: российская революция 1917 г. глазами российских и китайских ученых. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 186–197.

Гридина Н. П. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление рабочего движения в Маньчжурии в начале XX в. // Становление советско-китайских отношений (1917–1950-е гг.). Владивосток: АН СССР, Дальневосточное отделение, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1987.

Далин С. А. Китайские мемуары. 1921–1927. М.: Наука, 1982.

История Китая с древнейших времен до начала XXI в. В 10 т. Т. 7: Китайская Республика (1912–1949). Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2013. 863 с.

Казанцев Л. П. Зарубежная историография российского присутствия в Китае в конце XIX – начале XX в. URL: <http://cyberleninka.ru/article/v/zarubezhnaya-istoriografiya-rossiyskogo-prisutstviya-v-kitae-v-kontse-xix-nachale-xx-v> (04.03.2019).

Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае. Журн. НЛЮ. 2004. № 69. С. 322–328.

Мао Цзэ-дун. О демократической диктатуре народа. В 4 т. Т. 4 // Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Пекин: Изд. лит. на иностр. яз. 1969.

Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом. 1923–1926 гг. Рос. Акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. М.: Наталис, 2008.

Третьяков С. М. Чжунго. 2-е изд., доп. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

汝非. 托尔斯泰之逃亡. 新青年. 1915. № 2.

百度百科. URL: <http://www.baik.com/wiki/%E3%80%8A%E5%85%88%9%A9%B1%E3%80%8B> (02.02.2019).

陈独秀. 俄罗斯革命与我国国民之觉悟 // 陈独秀研究. URL: <http://www.chenduxiu.net/ReadNews.asp?NewsID=957> (20.04.2019).

О. Ю. Воронина, Е. Ф. Серебренникова
Иркутский государственный университет, Иркутск

**ДИАХРОНИЧЕСКАЯ МЕТАСИСТЕМАТИЗАЦИЯ
КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОПЫТА
ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ МОДЕЛЕЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ
ИСТОРИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. Вводится и обосновывается понятие диахронической метасистематизации как вида моделирования при построении моделей периодизации истории языка. Раскрываются особенности принципа феноменологической адекватности как принципа моделирования адекватной, функциональной, объяснительной, полной модели объекта изучения, использующегося в качестве критерия при моделировании в виде диахронической метасистематизации опыта периодизации истории китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, идеографический тип письменности, периодизация, моделирование.

O. Voronina, E. Serebrennikova
Irkutsk State University, Irkutsk

**DIACHRONIC META-SYSTEMATIZATION AS A WAY OF MODELING
PERIODIZATION OF THE HISTORY OF A LANGUAGE (BASED ON MODELS OF
PERIODIZATION OF THE HISTORY OF THE CHINESE LANGUAGE)**

Abstract. The article introduces and substantiates the concept of diachronic meta-systematization as a type of modeling when building models of periodization of the history of a language. The features of the principle of phenomenological adequacy as the principle of modeling an adequate, functional, explanatory, complete model of the object of study, used as a criterion for modeling in the form of diachronic meta-systematization of the experience of periodization of the history of the Chinese language are revealed.

Keywords: the Chinese language, ideographic type of writing, periodization, modeling.

Язык представляет собой феномен сложной онтологической природы, существующий в пространственном и временном континууме. Ведущим методом для изучения абстрактных семиотических систем в лингвистике выступает моделирование. Моделирование представляет собой «изучение объекта (оригинала) путем создания и исследования его копии (модели), заменяющей оригинал с определенных сторон, интересующих познание» [Стёпин, 2006, с. 467]. Моделирование одинаково применимо для создания моделей как в синхронии, так и в диахронии.

Одним из способов применения моделирования в диахронии является построение периодизации истории языка. Периодизация в данном случае рассматривается как особое видение исследователя или модель эволюции языка. Существование различных моделей эволюции языка обусловлено сложной совокупностью воздействующих факторов и трудностью однозначного определения критериев периодизации, которые были бы непротиворечиво распространены на весь эволюционный процесс формирования и функционирования языка.

Наиболее дискуссионной областью диахронической лингвистики в настоящее время выступает моделирование периодизации истории языков изолирующего типа, ярким представителем которого является китайский язык. При создании моделей периодизации истории языков с фонетическим способом оформления грамматической и лексической структуры особая значимость придаётся фонетическому критерию в его функции базового экспонента эволюционных изменений, произошедших в языке. Китайский язык – один из немногих языков мира со скрытой грамматикой, пользующийся идеографической письменностью. Фонетическая составляющая в нем скрыта за «звуконепроницаемым панцирем» китайского иероглифа [Алексахин, 2013, с. 8]. Иероглифический знак является основополагающим элементом коррелятивного мышления, для которого характерны классификационизм и особый тип обобщения – генерализация, т. е. представление класса объектов путем выделения из него самого характерного объекта в качестве репрезентанта без абстрагирования свойств класса [Кобзев, 2006]. Иероглифический знак, занимающий важнейшее место в этнокультурном сознании китайцев, формирует культуру «вэнь» (文) – культуру письменного знака [Торчинов, 2007, с. 31]. Иероглиф выступает первоисточником культуры, в основе которой лежит представление об атомарном, целостном факте. Знак, репрезентируя действительность, способен передавать смысл в сжатом, конденсированном виде, репрезентируемом посредством пиктограммы или идеограммы [Крушинский, 2013, с. 111]. Выступая в качестве базового идиоэтнического фактора, обусловленного взаимосвязью языка, культуры, мышления, фактор иероглифической письменности оказывает значительное влияние на феноменологические характеристики языка в его синхронии и диахронии.

Любая модель должна находиться в некотором объективном соответствии с познаваемым объектом-оригиналом относительно выбранного множества его свойств и характеристик; быть изоморфной, точной, формальной, функциональной, непротиворечивой.

Авторская модель периодизации истории языка, выступая в качестве объекта исследования, представляет собой теорию теории, или метатеорию [Апресян, 1966, с. 100]. В настоящее время в историографическом плане исследования выделяется более десятка моделей периодизации истории китайского языка, в той или иной степени отвечающих принципу моделирования сложных объектов [Воронина, 2017, с. 62].

Множественность и гетерогенность подходов, а также результатов выделения периодов в истории китайского языка обуславливают необходимость осуществления диахронической метасистематизации, которая представляет собой вид моделирования, реализуемый в следующем алгоритме анализа:

1) установление и систематизация уже существующих моделей периодизации истории языка как объекта изучения;

2) критическое рассмотрение данных моделей с точки зрения их адекватности объекту изучения;

3) построение более адекватной модели объекта изучения.

Приставка «мета-» в данном термине подчеркивает направленность моделирования от систематизации как основы моделирования к построению новой модели.

Диахроническая метасистематизация как особого рода систематизация осуществляется в соответствии с принципом феноменологической адекватности, предполагающим рассмотрение оригинала в его целостности и построение, таким образом, адекватной, функциональной, объяснительной, полной модели.

Принцип феноменологической адекватности, использующийся в качестве интегрального базового критерия при моделировании в виде диахронической метасистематизации опыта периодизации истории китайского языка, должен, исходя из положения о познании сущности объекта через его явление, учитывать типологическую характеристику языка, эволюционные сдвиги, прослеживаемые во внутренней истории языка на всех уровнях языковой системы, а также факты внешней истории языка.

Принимая во внимание важность идиоэтнического фактора письменности, отмеченную выше, критерий феноменологической адекватности по отношению к моделированию периодизации истории китайского языка должен учитывать и периодизацию китайской письменности. В этом случае модель периодизации можно считать приближенной к точности и полноте оригинала – сущности исследуемого объекта.

С целью критического анализа на предмет соответствия моделей критерию феноменологической адекватности из отобранных и рассмотренных нами двенадцати моделей была установлена четырехуровневая десятичленная модель китайского автора Сян Си, отражающая эволюцию языка на всех уровнях языковой системы, но не учитывающая идиоэтнический фактор письменности [向熹, 上册, 1998, с. 41–43]. Под «уровневостью» в данном случае понимается количество уровней языка, на материале которых исследователи демонстрируют языковую эволюцию. «Членность» предполагает количество периодов, выделенных в процессе эволюции языка [Воронина, 2017, с. 63].

Для реализации третьего этапа метасистематизации модель данного автора была совмещена с моделью периодизации истории китайской письменности Лу Сисина, представленной в статье “论汉字史研究” «Исследование истории китайской письменности» [向熹, 1998]. Полученная в результате совмещения модель может быть представлена следующим образом (табл.).

Совмещенная модель метасистематизации

Периоды	Эволюционные сдвиги по уровням
<p>Древнекитайский (XVIII в. до н. э. – III в. н. э.):</p> <p>ранний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпоха Шан-Инь, • эпоха Западная Чжоу <p>средний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпоха Восточная Чжоу, • эпоха Цинь <p>поздний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпоха Хань 	<p>На уровне письменности Стили «цзягувэнь» и «цзиньвэнь». Стили «дачжуань» и «сяочжуань». Стиль лишу.</p> <p>На фонетическом уровне 28 согласных. Отсутствие губно-зубных, палатализованных и дорсально-фрикативных согласных. 212 финалей. Два тона – долгий и краткий тоны.</p> <p>На грамматическом уровне 11 лексико-грамматических классов. Преобладание существительных. Появление в результате грамматикализации суффиксов существительных. Развитая система местоимений первого и второго лица. Частеречная транспозиция. Отсутствие глагола-связки в предложениях с именным сказуемым. Инверсия дополнения, выраженного личным местоимением.</p> <p>На лексическом уровне Преобладание односложных слов. Образование сложных по лексической структуре двусложных слов по четырем типам связи между компонентами: сочинительной, определительной, глагольно-объектной и предикативной</p>
<p>Среднекитайский (III–XII вв.)</p> <p>ранний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпоха Шести династий <p>средний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпоха Тан <p>поздний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпоха Сун 	<p>На уровне письменности Переход от стиля лишу к стилю кайшу. Стиль кайшу. Особенности письменности эпохи Сун не описаны.</p> <p>На фонетическом уровне 36 (35) согласных. Появление губно-зубных, палатализованных, дорсально-фрикативных согласных. Процесс оглушения звонких согласных. 206 финалей. Четыре тона – ровный, восходящий, падающий и входящий.</p> <p>На грамматическом уровне Появление в результате грамматикализации видовременных суффиксов глагола, показателей прилагательного 底 и наречия 地. Появление местоимения третьего лица. Расширение системы предлогов и союзов. Появление глагола-связки 是 в предложениях с именным сказуемым. Инверсия прямого дополнения при помощи предлогов 将 и 把.</p>

	<p>На лексическом уровне Увеличение количества двусложных слов. Появление новых типов связи между компонентами – комплементарной, предметно-классификаторной и гетерогенной. Увеличение количества двусложных слов, образованных при помощи суффиксов 子, 儿, 头</p>
<p>Новокитайский (XIII – начало XX в.)</p> <p>ранний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпоха Юань <p>средний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпохи Мин, Цин <p>поздний период</p> <ul style="list-style-type: none"> • эпоха Цин (1840–1919 гг.) 	<p>На уровне письменности особенности письменности данного периода еще не описаны.</p> <p>На фонетическом уровне 25 согласных. Оглушение звонких согласных. Появление церебральных согласных. Значительное сокращение рифм. Отпадение конечного носового [-m] и смычных [-p], [-t], [-k]. Исчезновение входящего тона.</p> <p>На грамматическом уровне Завершение грамматикализации видовременных суффиксов глагола. Облигаторное употребление суффикса 着 для выражения продолженного действия. Чёткая дифференциация служебных морфем 的, 底, 地. Появление инклюзивных местоимений 俺, 咱 (咱), 洒家. Появление суффикса множественного числа местоимений 们 (每). Усложнение структуры предложения.</p> <p>На лексическом уровне Увеличение количества двусложных слов глагольно-объектной и предикативной структур. Обогащение лексики за счет диалектизмов, разговорных слов, заимствований. Появление трёхсложных слов</p>
<p>Современный (1919 г. – настоящий момент)</p>	<p>На уровне письменности Упрощение знаков китайской письменности</p>

Данная модель отвечает базовому интегральному критерию феноменологической адекватности, подкрепленному критерием системного уровневого проявления эволюционных сдвигов, включая фонетические, грамматические, лексические изменения и тенденции, а также аспекты внешней истории языка, что соответствует принципу создания адекватной модели объекта, отвечающей его сущности, его природе.

Литература

Алексахин А. Н. Диалект хакка (китайский язык). Фонология, морфология, синтаксис. М. : Вост. кн., 2013. 88 с.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М. : Просвещение, 1966. 305 с.

Воронина О. Ю., Кошель А. М. К вопросу о подходах к периодизации истории языка с идеографическим типом письменности // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70), ч. 1. С. 62–66.

- Кобзев А. И. Сяншучжи-сюэ // Духовная культура Китая. Философия. М. : Вост. лит., РАН, 2006. С. 419–421.
- Крушинский А. А. Логика Древнего Китая. М. : ИВД РАН, 2013. 382 с.
- Философия / В. С. Стёпин [и др.] ; под общ. ред. Я. С. Яскевич. Минск : РИВШ, 2006. 624 с
- Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб. : Азбука-классика, Петерб. востоковедение, 2017. 329 с.
- 陆锡兴. 论汉字史研究. URL: <https://wenku.baidu.com/view/6f9d8829f6ec4afe04a1b0717fd5360cba1a8dee.html> (15.02.2019).
- 向熹. 简明汉语史 (上) / 向熹. 北京: 高等教育出版社, 1998. 757 页. С. 41–43.

УДК 81-139

С. К. Воронова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ СИНОНИМОВ

Аннотация. Описывается экспериментальное исследование глагольной семантики с применением методики компонентного анализа словарных дефиниций на примере синонимического ряда английских глаголов с доминантой *to throw*. С этой целью на основании наличия некоторого количества общих семантических признаков в значениях выявляются синонимы глагола *to throw*, и в результате их последующего сопоставления друг с другом устанавливаются дифференциальные признаки, весьма специфичные для исследуемых лексических единиц.

Ключевые слова: синонимы, синонимическая доминанта, компонентный анализ, сема, общий признак, дифференциальный признак.

S. Voronova

Irkutsk State University, Irkutsk

AN EXPERIMENT OF APPLYING COMPONENTIAL ANALYSIS WHEN STUDYING SYNONYMS

Abstract. The article is devoted to a case study of verbal semantics by means of componential analysis of dictionary definitions. For this purpose a group of synonyms, sharing a number of common semantic features with the dominant ‘to throw’, are singled out in the English language. Their subsequent opposition to each other allows us to establish their differential features, quite specific for the lexical units under consideration.

Keywords: synonyms, synonymic dominant, componential analysis, seme, common feature, differential feature.

Компонентный анализ значения слова в настоящее время является одним из важнейших методов лингвистического исследования. Сфера его применения достаточно широка: от идентификации и формулирования отдельных значений многозначного слова в одноязычных толковых словарях в лексикографической практике [Шмелёв, 2005, с. 19–20] до современных когнитивных исследований. [Попова, 2007, с. 200–201]. В начале XXI в. как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике

большое внимание уделялось исследованию всевозможных концептов и их репрезентации в разных языках. И здесь компонентный анализ оказался весьма востребованным как эффективный метод выявления концептуальных признаков, образующих тот или иной концепт. Анализ синонимических рядов в этом плане играет первостепенную роль, так как позволяет выявить более или менее полный набор сем, образующих номинативное поле концепта и, следовательно, отражающих его когнитивные признаки.

В настоящей статье выделяется синонимический ряд английских глаголов с доминантой *to throw* и проводится компонентный анализ их значений с целью выявления общих и дифференциальных признаков, что является важным как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Компонентный анализ основывается на допущении о том, что значение слова можно разложить на дискретные элементарные смыслы – так называемые семы (см. работы Л. Ельмслева, Д. Болинджера, Ю. Найды, Ю. Н. Караулова, О. Н. Селивёрстовой, М. В. Никитина, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и др.). Сема (семантический признак или компонент) определяется как минимальный выделяемый смысловой элемент содержательной структуры слова или фразеологизма [Алефиренко, 2005, с. 198]. Сама идея разложения лексического значения на его составные давно ни у кого не вызывает сомнений, однако пока среди лингвистов нет согласия относительно того, как и насколько глубоко это разложение следует производить. Также бывает совсем непросто определить эти элементарные компоненты смысла, ранжировать их и установить чёткие связи между ними.

Исходные данные для компонентного анализа мы получаем из словарных толкований конкретных значений лексических единиц, в которых мы выделяем отдельные семы разного уровня абстракции, устанавливаем их иерархию, что в результате позволяет нам представить семантическую структуру значения в виде определённого набора семантических признаков. При изучении синонимов, что является целью данной статьи, семный состав их значений сравнивается и выделяются их общие и дифференциальные признаки. Общие (интегральные) признаки служат основанием для объединения слов в одну группу (в нашем случае – синонимический ряд), а на основании дифференциальных сем лексические единицы противопоставляются друг другу в пределах данной группы.

Семантическая характеристика членов синонимического ряда непосредственно зависит от их соотношения с опорным словом (доминантой синонимического ряда) и определяется теми дополнительными признаками, которые как бы наслаиваются на его значение, отличают его от доминанты и других синонимов и тем самым оправдывают само их существование в языке. С этой точки зрения вопрос о возможности выделения дифференциальных признаков у различающихся по конкретности

групп слов является важным, и словарные статьи так или иначе отражают эти признаки.

Нам представляется очевидным, что процедура компонентного анализа будет отличаться в зависимости от того, какие классы и категории слов являются предметом исследования: 1) существительные, прилагательные или глаголы; 2) конкретная или абстрактная лексика; 3) синонимические ряды или семантические поля и т. д. Как уже было отмечено выше, в настоящей работе исследуется синонимический ряд английских глаголов с доминантой *to throw* (бросать), выражающих вполне конкретное значение физического действия. Поскольку в глагольной семантике большую роль играет их актантная структура, синонимичные глаголы обычно различаются по семантическим признакам, касающимся действий, целей, состояний и свойств субъектов; свойств и состояний объектов; свойств адресатов, инструментов, средств, мест, времён и т. д. [Новый объяснительный словарь..., 1997, с. VI]. Рассмотрим проявление этой особенности в процессе практического анализа.

Чтобы более чётко показать применение метода компонентного анализа при исследовании синонимов, мы несколько упростим задачу и проанализируем лишь первичное (прямое номинативное) значение глагола *to throw* как наиболее широкое и частотное и сравним его с некоторыми синонимичными ему глаголами, реализующими более конкретные значения.

В словаре *Longman Dictionary of English Language and Culture* [Longman Dictionary..., 1992] первое значение глагола *to throw* определяется следующим образом.

Throw – *to cause something to move rapidly through the air by a sudden movement or straightening of the arm.*

Анализ приведённой словарной дефиниции позволяет выделить в данном значении следующие семантические признаки: ‘субъект действия’, на что указывает компонент “*the arm*” (часть человеческого тела, являющаяся здесь инструментом действия); ‘физическое действие’, представленное компонентом “*by a sudden movement or straightening*”; ‘конкретный объект воздействия’, представленный компонентом “*something*”; ‘результат воздействия на объект’, выраженный компонентом “*to cause to move*”; ‘местонахождение объекта’, представленное компонентом “*through the air*”; ‘скорость перемещения объекта’, что выражено компонентом “*rapidly*”.

На следующем этапе мы проанализировали значения синонимов глагола *to throw*, выявленных нами с помощью синонимических и тезаурусных словарей английского языка [The Penguin Dictionary...; Roget's Thesaurus...; Webster's Dictionary...]. Этот ряд включает в себя следующие лексические единицы: *to chuck*, *to fling*, *to heave*, *to hurl*, *to lob*, *to pass*, *to pelt*, *to pitch*, *to sling*, *to toss*. Следует отметить, что анализируема-

лись только те значения глаголов, по линии которых они синонимичны друг другу, причём независимо от их порядкового номера в словарной статье. Также мы ограничились в своём анализе дефинициями из одного словаря, поскольку в каждом словаре способ толкования значений имеет свои особенности и обращение к разным источникам в нашем случае может осложнить саму процедуру анализа.

Приведём далее результаты проведённого анализа синонимов.

Chuck – *to throw (sth) esp. with a short movement of the arms (e.g. I chucked the empty packet away).*

Значение данного глагола конкретизируется признаком, указывающим на характер движения руки при броске – “*short movement*” (без усилия, небрежно).

Fling – *to throw violently or with force, esp. with lack of care for the object that is thrown (e.g. She flung her shoe at the cat).*

Здесь мы обнаруживаем два дифференциальных признака, первый из которых указывает на то, что бросок совершается с большой силой – “*violently*”, “*with force*”, а второй выражает отношение субъекта к объекту – “*with lack of care for the object*”.

Heave – *(infml.) to throw, esp. sth heavy (e. g. The children have just heaved a brick through my window).*

В данном случае дополнительную характеристику получает объект, а именно его вес – “*heavy*”.

Hurl – *to throw, esp. sth big and heavy, with force (e. g. Rioters hurled chairs through the windows).*

В значении этого глагола сразу два дифференциальных признака характеризуют объект, отмечая не только его вес – “*heavy*”, но и размер – “*big*”, а также есть указание на силу броска – “*with force*”.

Pitch – *to throw, esp. in a way that shows dislike or annoyance (e. g. He screwed up the letter and pitched it into the fire).*

В значении данного синонима выделяется новый дифференциальный признак, указывающий на эмоциональное состояние субъекта – “*dislike*”, “*annoyance*”.

Sling – *(infml.) to throw, esp. roughly or with effort (e. g. He slung it into the wastepaper basket).*

Отличительные семантические признаки данного глагола представлены компонентами “*roughly*”, “*with effort*”, указывающими на характер выполнения действия (небрежно, прилагая усилие).

Toss – 1) *to throw, esp. in a careless or aimless way (e. g. They tossed their hats in the air); 2) to throw or flip (a coin) in the air in order to decide sth, according to which side lands face upwards (e. g. The two captains tossed a coin before the match = to decide which team would play first); 3) to throw (a pancake) into the air from a frying pan so that it turns over in the air and lands back in the pan.*

В словарной статье данного глагола мы находим несколько значений, вступающих в синонимические отношения с глаголом *to throw*. Первое значение является более общим, поскольку объект действия неопределённый, однако есть указание на характер выполнения действия – “*in a careless or aimless way*” (беззаботно, без всякой цели). Во втором значении следует отметить совершенно конкретный объект – “*coin*” (монета), а также цель совершения действия – “*in order to decide sth*”. Последнее из приведённых значений имеет наиболее сложную структуру, так как здесь указывается не только конкретный объект действия – “*pancake*” (блин), но и инструмент – “*a frying pan*” (сковородка), а также задаваемая траектория движения объекта в результате его подбрасывания – “*turns over in the air and lands back in the pan*” (переворачивается в воздухе и снова падает на сковородку).

Pelt – *to attack (someone) by throwing a lot of things at them, quickly and repeatedly (e.g. They pelted the speaker with rotten tomatoes).*

Приведённое значение отличается от всех предыдущих тем, что здесь фактически изменяется актантная структура глагола, поскольку реальным объектом воздействия становится человек, представленный в дефиниции компонентом “*someone*”, субъект имеет своей целью атаковать объект – “*to attack*”, а бросание предметов является средством достижения указанной цели – “*by throwing things*”. Кроме того, выявляются дополнительные признаки, указывающие на многократность выполнения действия – “*repeatedly*”, “*a lot of*”, а также скорость его выполнения – “*quickly*”.

Некоторые глаголы, входящие в исследуемый синонимический ряд, имеют более специализированное значение и относятся к сфере спорта. Рассмотрим далее пару таких примеров.

Lob – *to throw a ball (in sports, esp. tennis) in a slow high curve (e.g. She lobbed the ball high over her opponent’s head).*

Здесь есть указание на совершенно конкретный объект – “*ball*”, на скорость его перемещения – “*slow*”, а также траекторию его движения – “*in a high curve*”.

Pass – *(in various sports) to kick, throw, hit, etc. (esp. a ball), esp. to a member of one’s own side (e.g. He passed the ball back to the goalkeeper).*

В данном значении объектом тоже является мяч, но здесь мы видим дополнительный дифференциальный признак адресата, которому субъект бросает этот мяч – “*to a member of one’s own side*”.

Итак, проведённый нами анализ показал, что все исследуемые глаголы семантически близки друг другу, об их синонимичности свидетельствует наличие глагола *to throw* в дефинициях всех остальных членов ряда. При этом каждый из рассматриваемых глаголов описывает ситуацию «бросания» по-разному, акцентируя те или иные релевантные признаки, а именно: различные характеристики субъекта (небрежность,

беззаботность, отношение к объекту, эмоциональное состояние), признаки объекта (размер, вес), указание на конкретный объект (мяч, монета, блин), характер броска (без усилия, с силой, небрежно, без всякой цели), цель бросания (атаковать кого-либо, передать объект адресату, перевернуть объект на другую сторону, принять решение), характер движения объекта в результате броска (скорость, траектория, направление), наличие/отсутствие адресата, однократность/многократность действия и т. п.

Полученные результаты свидетельствуют об эффективности компонентного анализа при исследовании синонимов. Объединяясь в один ряд на основании сходства своих значений, синонимы, тем не менее, имеют различные оттенки значения, позволяющие им в каждом конкретном случае более точно и в то же время экономно описывать соответствующую ситуацию, делая акцент на тех или иных её характеристиках. Именно этим оправдывается само существование синонимов в языке.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография. М. : Гнозис, 2005. 326 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Яз. рус. культуры, 1997. 552 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Шмелёв А. Д. Семантические признаки слов // Избр. тр. по русскому языку / вст. ст. Л. П. Крыгина. М. : Яз. славян. культуры, 2005. С. 17–29.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow : Longman Group UK Limited, 1992. 1528 p., B 27.

The Penguin Dictionary of English Synonyms and Antonyms / ed. By R. Fergusson. [London] : Penguin Books, 1992. 442 p.

Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / ed. by Robert A. Dutch. London : Penguin Books, 1966. 722 p.

Webster's Dictionary of Synonyms. A Dictionary of Discriminated Synonyms with Antonyms and Analogous and Contrasted Words / ed. by Robert C. Munroe. N. Y. : G&C. Merriam Co., 1942. 909 p.

КОНТЕКСТНЫЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Рассматриваются некоторые важные показатели освоения прецедентных имён лингвокультурным сообществом. Подробно описаны и проиллюстрированы примерами контекстные критерии выделения прецедентных имён. Выделены важные дискурсивные признаки прецедентных имён в китайскоязычном дискурсе.

Ключевые слова: китайский язык, прецедентные феномены, прецедентное имя, китайскоязычный дискурс.

N. Voropaev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

CONTEXT DETECTION CRITERIA AND DISCURSIVE SIGNS OF PRECEDENT NAMES (ON THE MATERIAL OF THE CHINESE LANGUAGE)

Abstract. The article discusses some important indicators of the development of precedent names by a linguocultural community. The contextual criteria for the detection of precedent names are described in detail and illustrated by examples. The author also highlights the important discursive signs of precedent names in Chinese-language discourse.

Keywords: chinese language, precedent phenomena, precedent name, Chinese-language discourse.

Показатели освоения прецедентных имён (ПИ) обществом различны. Среди них можно выделить такие, как регулярность употребления ПИ в дискурсе, возраст ПИ, минимальное присутствие элементов экспликации в контекстах с ПИ, тенденции превращения ПИ в символ, выделение инвариантов восприятия высокопрецедентных ПИ в виде устойчивых словесных клише и фразеологизмов, употребление ПИ в роли ключевых слов текста-реципиента, вхождение ПИ в состав фразеологических единиц, переход ПИ в класс имён нарицательных и в другие части речи, вхождение ПИ в словари общеупотребительной лексики.

Необходимо обратить внимание также на контекстные критерии выделения прецедентного имени.

В современной лингвистике активно обсуждается вопрос о критериях выявления прецедентных имен. В процессе дискуссии высказываются мысли о высокой значимости следующих факторов:

– связанность соответствующих имен с классическими произведениями [Караулов, 1987];

– общеизвестность соответствующих феноменов [Красных, 1997] или хотя бы их известность большинству членов лингвокультурного сообщества [Гудков, 1999; Слышкин, 2000];

– регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах [Кушнерук, 2004].

На данном этапе исследований мы использовали следующие контекстные критерии выделения ПИ китайскоязычного дискурса (КД) (ниже сокращение ИВ ПИ – инвариант восприятия прецедентного имени в китайском лингвокультурном сообществе) [Воропаев, 2012, с. 121–126]:

1. Морфологический критерий (употребление ПИ с суффиксом коллективной множественности 们 и со словообразовательными элементами 式 ‘образец; модель; тип’ и 主义 ‘1) идея, основной принцип; теория, учение, доктрина, 2) суффикс имён существительных со значением –изм, –ство, указывающий на: а) учение, доктрину; б) типичную ошибку, уклон, ересь’), например:

反腐要彻底，首先严打的是“严嵩”们。这样下边的小干部们才会因失去靠山而有所收敛。 *Бороться против коррупции следует радикально и последовательно. Прежде всего, надо уничтожить янь сунгов. Только после этого нижестоящие чиновники и руководители, потеряв покровителей, умирят свои аппетиты* [Информант Ма Бинцзин, 2008] (ИВ ПИ Янь Сун – продажный чиновник).

这些都是我们鲁班建筑公司青年鲁班们的杰作。 *Это всё шедевры молодых лу баней нашей строительной компании «Лу Бань»* [Chen, 1999, с. 118] (ИВ ПИ Лу Бань – мастер своего дела, часто в строительной индустрии).

过去因为法不加尊，所以对高衙内们没有办法。现如今法律面前人人平等，不要说高衙内，即使是高俅自己犯法也要严惩。 *Раньше из-за бездействия закона с гао янэями не могли совладать. Сейчас же перед законом все равны, чего уж говорить о гао янэях, даже сами гао цю за нарушение закона несут суровое наказание* [Chen, 1999, с. 85] (ИВ ПИ Гао Янэй – человек при власти, который нагло нарушает законы, творит зло и губит людей. Гао Янэй был приёмным сыном всесильного продажного чиновника Гао Цю).

这些人嘴上说革命，心里又害怕革命，十足是一些叶公式的人物。 *Эти люди твердят о революции, в душе же они боятся революции, эти люди – настоящие е-гуны* [Chen, 1999, с. 26] (ИВ ПИ Е-гун – человек, который любит показной любовью, с виду любит что-либо (событие, дело) но когда это любимое им событие происходит в реальности, то он боится его и не принимает).

打小算盘，弄小智术，官僚主义，阿 Q 主义，实际上毫无用处。这些东西，用以对付敌人都不行，用以对付同胞，简直未免可笑。 *Мелочность, интриганство, бюрократизм, а-кьюизм ни к чему. Они не пригодны даже против врага, а применять их против своих же соотечественников просто смешно* [Мао, 1952, с. 58] (ИВ ПИ А-кью – обозначает тип человека, который не может смотреть прямо в глаза действительности, для самоуспокоения использует принцип так называемых моральных побед).

2. Пунктуационный критерий (использование кавычек, которые подчеркивают использование слова в каком-то необычном смысле), хотя нередко авторы текстов кавычки для выделения ПИ не используют, что в целом не мешает правильному восприятию их смысла, например:

他相信只要抓住教育事业不放,“阿斗”就有可能变成“诸葛亮”。*Он верил в то, что если только крепко взяться за образование, то вполне возможно, что и адоу смогут превратиться в чжугэ лянов* [Chen, 1999, с. 59] (ИВ ПИ Адоу – никчёмный человек, человек с низкими умственными способностями, Чжугэ Лян – человек, который обладает мудростью и незаурядным умом).

世界各国的元首多些“尧舜”,人民生活才会安康。*Если только среди глав государств мира будет побольше яо и шуней, то жизнь народов будет мирной и благоденствующей* [Информант Ма Бинцзин, 2008] (ИВ ПИ Яо и Шунь – обобщённое обозначение мудрых монархов или мудрецов).

3. Атрибутивный критерий (использование определений, выраженных такими прилагательными и местоимениями как настоящий, новый, современный, оживший, наш, свой и другими), например:

我们的铁道兵就是当代的愚公。*Наши воины из железнодорожных войск и есть современные юй-гуны* [Информант Ма Бинцзин, 2008] (ИВ ПИ Юй-гун – олицетворение волевого, энергичного, решительного человека, который не боится трудностей).

这小子在我们建筑公司,要说心灵手巧,他居首位,大家叫他“活鲁班”。*Этот парень из нашей строительной фирмы, надо сказать, – светлая голова и золотые руки, везде он на первом месте, и все его зовут «ожившим Лу Банем»* [Информант Ма Бинцзин, 2008] (ИВ ПИ Лу Бань – мастер своего дела, часто в строительной индустрии).

我的一个朋友是中医,因他医术高明,人称“再世华陀”。*Один мой друг – врач китайской традиционной медицины. Так как лечит он блестяще, люди называют его «воскресшим Хуа То»* [Информант Ма Бинцзин, 2008] (ИВ ПИ Хуа То – выдающийся врач).

4. Лексический критерий (использование ПИ в конструкциях сравнения и уподобления, окружение ПИ иными лексическими единицами, указывающими на множественность и иную необычную семантику имени собственного), например:

七哥的判断像诸葛亮一样准确无误。三天刚过,她红肿眼泡来找七哥了。*Седьмой братец всё верно определил, как Чжугэ Лян, не ошибся. Прошло три дня, и она явилась к нему с красными, опухшими от слёз глазами* [Chen, 1999, с. 88] (ИВ ПИ Чжугэ Лян – мудрец).

虽然他自己长得像个猪八戒,却常常喜欢对别人评头论足。*Хотя сам он как Чжу Бацзе, но любит критиковать внешность других людей* [Chen, 1999, с. 108] (ИВ ПИ Чжу Бацзе – человек, который имеет уродливую внешность).

你不说你们的艺术脱离群众，倒说这世上没有钟子期。 *He говори, что ваше искусство оторвано от масс, надо сказать иначе: в этом мире у вас нет достойных ценителей (букв. Чжун Цзыци)* [Chen, 1999, с. 81] (ИВ ПИ Чжун Цзыци – близкий, задушевный, интимный, понимающий друг).

做什么事情都要头脑清醒、深思熟虑，不要像张飞那样。 *За какое бы дело ни брался, надо чтобы голова была ясной и всё было основательно продумано, не надо, быть таким, как Чжан Фэй* [Информант Ма Бинцин, 2008] (ИВ ПИ Чжан Фэй – смельчак, храбрец, который любит рубить сплеча).

三十年来，他们在这沙漠的边缘种树、植草，一年又一年不怕失败，不怕辛苦，真有一点儿愚公精神。 *В течение тридцати лет они на этом краю пустыни сажали деревья, разводили травы, и так год за годом трудились они, не страшась провала и мучений. Они поистине обладали духом Юй-гуна* [Chen, 1999, с. 128] (ИВ ПИ Юй-гун – олицетворение волевого, энергичного, решительного человека, который не боится трудностей).

我即使是一个萧何，想荐举人材，也得刘邦肯听我的呀，要是不听还是白搭。 *Даже если бы я был Сяо Хэ и хотел бы выдвигать способных и талантливых людей, то мне всё равно нужен был бы свой Лю Бан, который бы прислушивался ко мне. А если Лю Бан не слушает, то всё это лишь напрасный труд* [Chen, 1999, с. 111] (ИВ ПИ Сяо Хэ – имя Сяо Хэ часто используют в ситуациях, когда речь идёт о выдвижении талантливых людей; Лю Бан – император, основатель династии Хань, у которого Сяо Хэ был министром).

他屡考屡不中，虽然落过九次孙山，却不曾挫得他一分锐气。 *Он много раз сдавал экзамены, и всегда безуспешно, и, хотя провалился уже девять раз (букв. девять раз оказывался позади Сунь Шаня), но это ничуть не сломило его решимости* [Chen, 1999, с. 39] (ИВ ПИ Сунь Шань – человек, который сдал экзамен с самой низкой степенью успешности).

5. Употребление ПИ в составе фразеологических единиц, например:

“民主”这个词的声誉很好，所以现在大家都说要民主。其实有些人很害怕民主，他们害怕民主会夺去他们手中的权力。这些人讲民主，只是叶公好龙罢了。 *Слово «демократия» сейчас популярно, и поэтому все говорят о необходимости демократии. На самом же деле некоторые люди боятся демократии, они боятся, что демократия вырвет у них из рук власть. Эти люди относятся к демократии так же, как Е-гун к драконам, и только-то* [Chen, 1999, с. 26] (ИВ ПИ Е-гун – человек, который любит показной любовью, с виду любит что-либо (событие, дело), но когда это любимое им событие происходит в реальности, то он боится его и не принимает).

我们有些领导就像武大郎开店，只提拔那些老实听话的，而不肯提拔有主见、才能出众的人。 *Некоторые наши руководители подобны открывающему лавку У Далану, дают ход только тем, кто смиренный и послушный, и не хотят выдвигать тех, кто имеет своё собственное мнение, способных и одарённых людей* [Chen, 1999, с. 71] (ИВ ПИ У Далан – низкорослый человек; здесь актуализируется ПС 武大郎开店 ‘У Далан открывает лавку’: он принимал на работу только тех, кто ростом был ниже его самого).

学校要一个图书管理员，我毛遂自荐，居然被批准了。 *Школе потребовался библиотекарь, я и вызвалась* (букв. я, [как] Мао Суй, рекомендовала себя сама). *Кто бы мог подумать, меня утвердили* [Chen, 1999, с. 8] (ИВ ПИ Мао Суй – олицетворяет тип людей, которые склонны вызываться на трудные дела и сами себя рекомендовать, самовывдвигаться в позитивном значении этого слова).

6. Критерий ссылки на источники прецедентности. Обращает на себя внимание тот факт, что в одних случаях ПИ используются в текстах без каких-либо указателей на источник или причину прецедентности, тогда как в других случаях в тексте присутствуют те или иные сведения об источниках и причинах прецедентности ПИ. Это может быть указание на название художественного текста, его автора, особые заслуги референта ПИ, связанные с референтом ПИ прецедентные ситуации и прочие причины прецедентности, например:

这里人才辈出。享誉世界的文学巨匠、《红楼梦》作者曹雪芹祖籍在唐山丰润。中国共产主义运动先驱、中国共产党创始人之一李大钊的家乡在唐山乐亭县。 *Замечательные люди в этих краях появляются из поколения в поколение. Известный во всём мире великий писатель, автор «Сна в красном тереме» Цао Сюэцинь, родом из района Фэнжунь города Таншаня. Пионер коммунистического движения Китая, один из основателей Коммунистической партии Китая Ли Дачжао родился в уезде Лэтин города Таншаня* [Tangshan, 2007, с. 1].

Также полагаем, важными и показательными являются следующие дискурсивные признаки ПИ:

1) включение соответствующего имени в толковые или языковые словари, в которых, как правило, отсутствуют словарные статьи на обычные имена собственные;

2) включение имени и информации о его референте в особые исторические словари-тезаурусы, культурологические сборники, лингвокультурологические и энциклопедические словари;

3) существование фреймовых произведений: публикация статей, стихотворений, издание книг, открыток и другой печатной продукции, производство кинофильмов и мультипликационных фильмов, установление памятников, производство сувенирной продукции, содержащей соответствующие имена или изображения их референтов или каким-либо образом связанной с референтом данного имени.

Закономерно, что чем чаще используется ПИ, тем крепче и прозрачнее его ассоциативные связи с определённой прецедентной ситуацией или ограниченным набором ситуаций, тем больше степень уверенности автора в безошибочности трактовки посылаемого сообщения его получателем. Классические романы Китая оказались чрезвычайно популярными, что, несомненно, сказалось на частотности упоминания имён их персонажей, как правило, для характеристики, что и демонстрирует нижеприведённый пример:

真是一个人的战斗, 他面对的可是那么些财大气粗的药厂啊。精神可佳, 但路不好走, 因为个人抓“李鬼”, 有可能抓到一个, 想抓一群“李鬼”, 可能力不从心。 *Вот уж действительно один в поле воин. Он выступил против фармацевтических фабрик, у которых, как говорится, от большого богатства великий гонор. Намерения прекрасны, но осуществить их нелегко, потому что один на один он, может быть, и выведет на чистую воду одного «ли гуя», но если он хочет разоблачить группу «ли гувей», то наверняка при всём желании это ему не под силу* [Beijing guangbo dianshi bao, 2007].

ПИ *Ли Гуй*, употреблённое во втором случае во множественном числе, свидетельствует о типичности черт, воплощенных в *Ли Гуйе*, отрицательном персонаже классического романа «Речные заводы». Полное отсутствие контекста с элементами экспликации содержательной структуры имени указывает на устойчивость инварианта восприятия данного ПИ, которое, например, в словаре Чэнь Сяньчунь вербализуется так:

人们把冒充者称为李鬼, 把冒充的假货也叫做李鬼。 *Современные китайцы используют имя Ли Гуй для обозначения людей, которые выдают себя за тех, кем на самом деле не являются. Поддельный товар китайцы также могут назвать Ли Гуйем* [Chen, 1999, с. 53–54].

И ещё пример с ПИ, имеющими очень большой возраст.

千里马也要挑伯乐 *Чудо-скакуны тоже должны выбирать Болэ* [Xiandai nü bao, 2007].

В этом газетном заголовке актуализируется прецедентная ситуация с участием ПИ-антропонима *Болэ* и ПИ-идеонима *Чудо-скакун* (*Цянь ли ма*). Перевод этого заголовка в эксплицированном виде может выглядеть так: «Неизвестные таланты тоже должны выбирать своих покровителей». Далее в статье данная сентенция окружена следующим контекстом с элементами экспликации:

企业征才的面谈过程, 不只是企业在挑人, 谋职者也可借这个机会观察企业的理念和文化, 是否适合自己。千里马也要挑伯乐, 找到懂得欣赏自己的主管。 *Во время собеседования не только компания выбирает человека, но и соискатель может использовать этот шанс для понимания принципов работы и культуры компании, чтобы решить, подходит ли ему такое место работы. Чудо-скакуны тоже должны выбирать Болэ, чтобы найти понимающего и ценящего тебя руководителя.*

Итак, ПИ позволяет, во-первых, экономить языковые усилия, так как оно способно выражать объёмные смыслы ограниченным числом знаков. Во-вторых, при употреблении ПИ в тексте создаётся ощущение игры, где автор и читатель общаются не на обычном языке, а на особом коде, доступном им обоим. Этот особый код – знание культурных ориентиров лингвокультурного сообщества.

Имя *Болэ* первоначально было олицетворением человека, который может мастерски произвести оценку лошади. В китайской культуре выдающиеся и талантливые люди часто уподобляются быстроходному скакуну. Такие люди до того, как их кто-то обнаружит, раскроет, до того, как стать знаменитыми – обычные безвестные простые люди, и никто не знает об их способностях. Когда они среди остальных, то невозможно разглядеть, что они обладают какими-то особыми способностями. Но некоторые люди способны в простом человеке разглядеть талант. Они подобны *Болэ*, который мог выбрать из большого количества обычных лошадей быстроходных чудо-скаунов (*Цянь ли ма*). Поэтому сейчас, говоря о *Болэ*, китайцы на самом деле подразумевают людей, которые имеют способности замечать, выделять из массы и использовать выдающихся талантливых людей.

Большой возраст многих ПИ КД напрямую связан с регулярностью их употребления в течение длительного периода времени. Благодаря литературоцентричности китайского культурного пространства и большой роли театра в китайском лингвокультурном сообществе возраст многих ПИ КД составляет от трёхсот до двух тысяч лет.

Большой возраст ПИ обнаруживает принадлежность ПИ к незыблемым пластам культуры, содержащим основные архетипы, получившие развитие в дальнейшем. Таким образом, наиболее известными можно считать ПИ, заимствованные из мифов и классических произведений древности.

Следующий пример даёт яркое представление об устойчивых коннотациях (инварианте восприятия), закрепившихся за ПИ *Хуа Мулань*:

她最喜欢花木兰 “弯弓征战作男儿”的形象，而她自己就是警察队伍中的花木兰。‘Больше всего ей нравится образ Хуа Мулань, которая, переодевшись мужчиной, идёт на войну. Она и сама – настоящая Хуа Мулань в отряде полиции’ [Chen, 1999, с. 47].

Составляя часть стилистического приёма антономасии, ПИ *Хуа Мулань* однозначно трактуется читателем как символ женщины, которая выполняет функцию, в социальном плане наиболее подходящую для мужчины. Инвариант восприятия ПИ *Хуа Мулань* (девушка, переодевшаяся мужчиной и ушедшая в армию вместо своего отца; образ верной дочери и героини) дублируется контекстом, содержащим элементы экспликации данного ПИ (“弯弓征战作男儿” ‘переодевшись мужчиной, идёт на войну’). Между тем сам стилистический приём даёт ПИ новую жизнь, внося в него элемент юмора.

Следует заметить, что, хотя некоторые ПИ принадлежат одному временному пласту, степень их освоенности лингвокультурным сообществом отличается. Исследователи выделяют следующие факторы, способствующие вхождению ПИ в лексикон носителей национального языка. Определяющими факторами являются «яркость образа, его типичность, связь с проблемами, которые имеют вневременное звучание, центральное положение в произведении, из которого заимствовано ПИ, или же важность ролей, отводимых персоналиям – носителям ПИ в истории или социально-культурном процессе» [Захарова, 2004, с. 105]. Регулярность использования в дискурсе и большой возраст ПИ делают избыточным распространённый контекст с элементами экспликации, поэтому закономерно, что очевидным показателем степени известности ПИ является степень развёрнутости контекста, эксплицирующего инвариант восприятия прецедентного имени. Минимальный контекст-экспликация сигнализирует о высокой степени известности ПИ и является показателем закреплённости за ПИ фразеологического значения, например:

出了吴迪办公室，我那叫一个郁闷啊！怎么也得给我一个面子啊，铁面无私装包公啊！‘Я вышел из кабинета У Ди и чувствовал себя совершенно подавленным! Как бы там ни было, а она должна была немного пощадить моё самолюбие. Она же такая, видите ли, кристально честная и беспристрастная, прикинулась Бао-гуном!’ [Jiating, 2008, с. 48].

В контекстном окружении ПИ *Бао-гун* есть устойчивое выражение *铁面无私* (‘неподкупный, бескорыстный, кристально честный; беспристрастный, нелицеприятный; строгий’). Носитель китайского языка безошибочно интерпретирует ситуацию, символом которой является ПИ *Бао-гун*, как «честное, бескорыстное и беспристрастное выполнение своих служебных обязанностей». Словарь Чэнь Сяньчунь фиксирует идентичное значение в качестве инварианта восприятия ПИ *Бао-гун*: *包公是清官的典型，包公的名字被借指为办公道、铁面无私的人* [Chen, 1999, с. 27] ‘Бао-гун – олицетворение честного чиновника. Это имя используется для указания на человека, который выполняет свои служебные обязанности по закону. Этот человек честный, бескорыстный и беспристрастный’. Избыточный контекст дублировал бы всем известную информацию о ПИ *Бао-гун*.

Как уже говорилось выше, многие ПИ КД имеют большой возраст. Как писал В. М. Алексеев, «знание своей истории уходит в толщу китайского неграмотного населения так глубоко, как, может быть, нигде в мире. Большая часть театрального репертуара опиралась на те же исторические народные предания, которые неграмотный китаец слышал из уст народных сказителей-шошуды, а часто и сам знал наизусть, и иллюстрации к которым он видел на лубочных картинах, украшающих его жилище. Вот и выходит, что простой неграмотный зритель и в том случае, ко-

гда он не понимает, что поёт актёр (арии в большинстве своём написаны на вэньяне [старый китайский литературный язык. – *Н. В.*] в отличие от диалогов, идущих на языке разговорном), не может не чувствовать, что речь идёт о вещах ему близких и знакомых, и поэтому трудный литературный язык оперных арий уже не предстаёт ему непреодолимо чужим, что в конечном счёте более содействует распространению образования, нежели самая свирепая школа» [Алексеев, 1972, с. 11].

Таким образом, считал В. М. Алексеев, «китайская драма предназначена для трёх типов зрителей: первые – вкушающие от высшей вэни [культуры, изящной словесности, литературы. – *Н. В.*] эрудиты, удерживающие в своей памяти... богатейшее содержание китайской литературы, затем идут полуобразованные сяньшэны [учителя, преподаватели. – *Н. В.*], представляющие тип среднего слушателя; наконец, третий, самый основной слой посетителей театра – народ» [Алексеев, 1972, с. 12].

С точки зрения социологии культуры и взаимоотношений «большой» и «малой» традиции особую значительность приобретают алексеевские характеристики художников-сяньшэнов, которые писали как театральные лубки, так и народные картины. По словам В. М. Алексеева, эти люди «тоже являются как бы переводчиками языка большой культуры» на язык простонародья (так же, как и шошуды – рассказчики книг).

Своеобразие китайской системы классического образования привело к тому, что «интеллигенция традиционного Китая в своей основной массе состояла из “недоучек” разного уровня образованности, не сдавших по тем или иным причинам государственные экзамены. Эти полунинтеллигенты, обладавшие определённым объёмом знаний, хотя и не владевшие культурным комплексом в его классическом виде, являли собой некий «промежуточный слой, который создал мост между безграмотным потребителем и интеллигентом, получившим полное классическое образование» [Алексеев, 1972, с. 13–14].

Таким образом, процесс длительного и непрерывного освоения имеющих долгую историю ПИ и других прецедентных феноменов китайским лингвокультурным сообществом обеспечивался особыми условиями социокультурного устройства этой страны на протяжении многих веков.

Литература

Алексеев В. М. Китайская литература. М., 1972.

Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 315 с.

Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. : Изд-во МГУ, 1999. 152 с.

Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имён собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.

Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : Филология, 1997. Вып. 2. 192 с.

Кушнерук С. Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имён в российской и американской рекламе // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. Екатеринбург, 2004. Т. 13.

Слышкин Г. Г. Прецедентные имена и проблема национальной идентичности // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтничном регионе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань, 2000. С. 28–29.

Мао Цзэдун. Избранные произведения : пер. с кит. М. : Изд-во иностр. лит., 1952. Т. 1. 536 с.

Beijing guangbo dianshi bao. 北京广播电视报. 2007年第12期. 3月21日出版. 总第1699期. (Пекинская телерадиогазета, вып. 12, 21.03.2007 г., вып. 1699).

Chen, Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999年. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая / сост. Чэнь Сяньчунь. Пекин : Изд-во Пекин. ун-та яз. и культуры, 1999).

Jiating. 家庭. 2008年第01期. 广州: 家庭杂志社, 2008年. (Семья. Гуанчжоу, 2008. Вып. 1).

Tangshan. 唐山抗震三十周年艺术纪念册 // 唐山市人民政府赠. 唐山: 中共唐山市委, 2007年. (Художественный альбом в память о землетрясении, произошедшем 30 лет назад // Подарочный экземпляр от Народного правительства города Таншаня. Таншань, 2007).

Xiandai nübao. 现代女报 (社会周刊) 2007年10月26日. (Еженедельник «Общество» газеты «Современная женщина», 26.10.2007).

Сведения об информантах

Ма Бинцзин. Информант, носитель китайского языка в возрасте 65 лет, имеющая высшее образование, в 2008 г. по нашей просьбе спонтанно смоделировала в письменном виде высказывания с использованием прецедентных имён.

УДК 81`25

Д. Г. Дагбаев, О. Ц. Соктоева

Забайкальский государственный университет, Чита

ФОРМИРОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Рассмотрено формирование краеведческого дискурса в переводе. Исследовано понятие краеведческого дискурса, признаков, присущих данному типу дискурса, проведен анализ минимальных лексических единиц краеведческого дискурса на материале пособия «Краеведение Забайкалья».

Ключевые слова: краеведческий дискурс; перевод; дискурс; краеведение.

D. Dagbaev O. Soktoeva
Zabaikalskiy State University, Chita

FORMATION OF REGIONAL DISCOURSE IN TRANSLATION

Abstract. The purpose of this article is to consider the formation of regional discourse in translation. We analyzed the notion of regional discourse, features of this type of discourse as well

as described minimal lexical units of regional discourse taken from the textbook “Regional Studies of Transbaikalia”.

Keywords: regional discourse; translation; discourse; Regional Studies.

Внедрение региональной национальной составляющей в программу подготовки высших учебных заведений позволяет решить совокупность задач, которые направлены на развитие у студентов неравнодушного отношения к культурным ценностям и традициям Забайкалья, а также воспитанию толерантности и уважения к представителям иных культур, которые проживают на территории края. Данный вопрос можно решить посредством формирования краеведческого дискурса в переводе.

Краеведческий дискурс можно рассматривать как отдельный тип дискурса, который отличается тем, что основными его признаками являются локоцентризм, культуроцентризм и антропоцентризм.

По мнению В. В. Гизер, краеведческий дискурс позволяет включить в его парадигму следующие прагматические типы текстов: словарная статья краеведческого характера, учебный тип текста краеведческого характера, путеводитель, альбом краеведческого характера, туристический рекламный проспект [Гизер, 2007, с. 87].

Краеведческий текст – это тип текста, содержащий информацию о местности с точки зрения истории, культуры, природных особенностей и т. п. какой-либо части страны, региона, области, района и т. п. [Ушаков, 1988, с. 254].

Рассмотрим особенности краеведческого дискурса поподробнее на основе лингвокультурного анализа путеводителя.

Как уже было сказано выше, иерархически доминирующими признаками в краеведческом дискурсе видятся локоцентризм, антропоцентризм и культуроцентризм с очевидным проявлением этно- и хроноспецифики (впоследствии развивающихся по хронологической модели). Сумма вышеуказанных трех признаков образует доминанту, позволяющую обособить краеведческий дискурс в самостоятельный тип дискурса, отделить его от других.

Локоцентризм реализуется в тексте посредством использования универсальных, специфических и уникальных лексических единиц со значениями «что» и «где». Лексические маркеры с уникальной семантикой раскрывают статус топонима и границы его размещения в пространстве. Лексика со специфической семантикой указывает на страну и край, в которой расположен топоним. Лексемы с уникальной семантикой фиксируют наименование топонима(мов). Нужно отметить, что интеграция лексических единиц со значением «что» и «где» порождает критерий «какой». Антропоцентризм же реализуется лексемами со значением «кто».

Локоцентризм в данном путеводителе отражают такие лексические единицы со значением «что» и «где», как 赤塔 *Чита*; 铁路职工学院 *Железнодорожный техникум*; 尔密塔日公园 сад «*Эрмитаж*»; 奥西鹏克

街 ул. П. Осипенко; 阿穆尔街 ул. Амурская; «比利时»饭店 ресторан «Бельгия»; 卡斯特林斯卡亚街 ул. Кастринская; «现代派»咖啡馆 кафе «Модерн»; «谢列克特»宾馆 гостиница «Селект»; 列宁广场 площадь Ленина; 第四中学 школа № 4; 杜马 Дума; 后贝加尔铁路管理局 Управление Забайкальской железной дороги; «后贝加尔»宾馆 гостиница «Забайкалье»; 树莫夫兄弟宫殿 дворец братьев Шумовых; 卡赞斯基东正教堂 Казанский собор; 卡赞斯基广场 Казанская площадь; 普布金书馆 библиотека имени А. С. Пушкина и т. д.

Антропоцентризм проявляется в том, что текстах краеведческого дискурса повествуется об исторических личностях того или иного края, их жизни, их вкладе в историю. Антропоцентризм реализуется через такие лексические единицы со значением «кто», как 涅灭罗夫商人, 契科夫, 萨姆松哥维基商人, 树莫夫兄弟 и т. д.

Признак культуроцентризма актуализируется лексемами со значением «какой», «когда». На этноспецифику указывают лексемы с этническими компонентом, а также лексемы с уникальной семантикой – топонимы с вариантом их первоначального наименования на языке этнической для этой территории группы.

Культуроцентризм актуализируется посредством лексем со значением «какой» и «когда» как 现代又美丽的楼房 современное и красивое здание, 石造建筑物 здание, построенное из камня, 美丽的四层楼 красивое четырехэтажное здание и т. д.; даты, которые также являются очевидным проявлением хроноспецифики.

В рамках краеведческого дискурса выделяется концепт «край» и его синонимы «моя земля», «малая родина». Применение данных концептов в текстах исторического, политического, художественного и прочих смежных дискурсов имеет необязательный характер. Помимо этого краеведческий дискурс, который характеризуется полисубъективностью, вообрал в себя составляющие смежных дискурсов в разном количестве для различных типов текстов [Гизер, 2007, с. 87].

Формирование лингвоконцепта «край» осуществляется за счет реализации лексики локального характера со специфической и уникальной семантикой, а также лексикой с этническим компонентом.

Актуализация лингвоконцепта «край» проявляется с помощью лексических единиц с локальной и оценочной семантикой слов «что», «где», «какой»: «Забайкалье... Чита... в Забайкальском крае». Лингвоконцепт «край» выражается гипонимическим синонимом «Забайкалье» и вербальным вариантом «край».

При переводе лексической единицы, относящейся и отражающей лингвоконцепт «край» – «Забайкальский край», применен прием калькирования и использовано переводческое соответствие «地区». В итоге

мы получаем 后贝加尔地区, наряду со значением официального названия Забайкальского края 后贝加尔边疆地区.

Обязательным структурным элементом является заголовок. Анализ перевода заголовков свидетельствует о том, что основными способами перевода становится калька (транслитерация) и эквивалентные соответствия.

阿穆尔大街与列宁大街指南 *Путеводитель по ул. Амурская и ул. Ленина.*

Наличие минимальных лексических единиц краеведческого дискурса также отражают формирование краеведческого дискурса в переводе. В данном путеводителе можно встретить такие краеведческие реалии, как 阿穆尔大街 ул. Амурская, 列宁大街 ул. Ленина, 尔密塔日公园 парк «Эрмитаж», 奥斯得罗夫斯基街 ул. Н. Островского, «达斡尔会馆» 宾馆 гостиница, «比利时» 饭店 ресторан «Бельгия» и т. д.; краеведческие символы как 以亚历山大·涅夫斯及命名的教堂 собор Александра Невского, «祖国» 电影院 кинотеатр «Родина» и т. д.; краеведческий концепт «край», который был отражен его вербальным вариантом «Забайкальский край», а также гипонимическим синонимом «Забайкалье».

Основными способами перевода лексических единиц в текстах краеведческого дискурса являлись калькирование или транскрибирование, но также распространены такие методы перевода, как описательный перевод и транслитерация.

Таким образом, для адекватного формулирования краеведческого дискурса в переводе следует обратить особое внимание на лексику со специфической и уникальной семантикой, выбор приемов и способов перевода, которые будут способствовать адекватной передаче и сохранению лингвокультурной специфики.

Литература

Гизер В. В. Краеведческий дискурс в переводе: Основные понятия и методы // Вестн. СумДУ. Сер. Филология. 2007. № 1, т. 2. С. 87–90.

Соктоева О. Ц. Краеведческий аспект в подготовке бакалавра в языковом вузе // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты : материалы Международ. науч. конф. 2016. С. 83–86.

Соктоева О. Ц., Юйшина Е. А. Краеведение Забайкалья: учебное пособие: [для изучающих китайский язык] / Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. 2-е изд. испр. и доп. Чита, 2011. 170 с.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1988. 779 с.

П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
(ЛЭТИ), Санкт-Петербург

Е. В. Кремнёв

Иркутский государственный университет, Иркутск

С. В. Курапов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
(ЛЭТИ), Санкт-Петербург

Ши И

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

А. Е. Ракова

Иркутский государственный университет, Иркутск

**ЭТАЛОНЫ И ОБРАЗЦЫ ПОДРАЖАНИЯ ПОКОЛЕНИЯ Y:
РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОДИНАМИКА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
МОСКВЫ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГА – ИРКУТСКА –
СЕВАСТОПОЛЯ)**

Аннотация. Представлены результаты пилотажного эмпирического исследования социодинамики ценностей поколения Y на примере студенческой молодежи в различных регионах Российской Федерации. Систематизированы особенности восприятия представителей этого поколения образцов и эталонов социального подражания. На основании проведенного анализа сформированы гипотезы исследования. Впервые к анализу сетей ценностей поколения Y применен параметр «ценностный потенциал Сети». Сделаны выводы об особенностях ценностей поколения Y в различных регионах России.

Ключевые слова: поколение Y; ценности; региональная социодинамика; эталоны подражания; положительный эталон; самооценка; отрицательный эталон.

P. Deryugin

St. Petersburg State University
St. Petersburg State Electrotechnical University (LETI), Saint Petersburg

E. Kremnyov

Irkutsk State University, Irkutsk

S. Kurapov

St. Petersburg State Electrotechnical University (LETI), Saint Petersburg

Shi Yi

St. Petersburg State University, Saint Petersburg

A. Rakova

Irkutsk State University, Irkutsk

**REFERENCES AND SAMPLES OF IMITATION IN GENERATION Y:
REGIONAL SOCIODYNAMICS
(ON THE MATERIALS OF THE EMPIRICAL RESEARCH MOSCOW –
ST. PETERSBURG – IRKUTSK – SEVASTOPOL)**

Abstract. The results of a pilot empirical study of the sociodynamics of the values of the Generation Y are presented on the example of students in various regions of the Russian Federation. The features of perception of representatives of this generation of samples and standards of

social imitation have been systematized. Based on the analysis, the research hypotheses have been formed. For the first time, the parameter “value potential of the network” has been applied to the analysis of the value networks of the Generation Y. Conclusions have been drawn about the peculiarities of the Y generation values in various regions of Russia.

Keywords: generation Y; values; regional sociodynamics; standards of imitation; positive reference; self-esteem; negative standards.

Поколение Y – проблемное поколение. Такое утверждение является справедливым для каждой новой общности, объединенной очередным этапом развития социума, однако с точки зрения социологии важнее изучить и определить специфические особенности «очередного нового» поколения, что позволит выстраивать с ним отношения взаимодействия и взаимопонимания [Троцук, 2013]. В своих исследованиях мы опираемся на базовое положение когортного подхода, принципы которого разработаны Полибием и Огюстом Контом, Джоном Стюартом Миллем и Карлом Мангеймом, Хосе Ортега-и-Гассета и Эмилем Литре. Центральное положение когортного подхода в исследованиях общества заключается в признании того факта, что «люди, родившиеся в определенный промежуток времени, испытали на себе влияние одних и те же событий и социальных процессов и обладают сходными ценностями» [Попов, 2018, с. 311]. В частности, одним из таких важных факторов формирования ценностей любого поколения выступают образцы и эталоны поведения окружающих их людей, их социально-психологического окружения. Фундаментальное значение таких эталонов описаны в работах Г. Тарда, показавшего неизбежность законов подражания жизни любого общества [Тард, 1892].

В глобальном отношении с поколением Y авторы когортной теории связывают оптимистические надежды, которые прежде всего выражены в ожиданиях отхода от конфронтации и остановкой холодной войны (Н. Хау и У. Штраус) [Асташова, 2014]. Международные исследования показывают целый ряд преимуществ этого поколения, которые внушают новые надежды на позитивные перспективы. К числу таковых относят достижение массового высокого материального достатка, реанимацию принципов коллективной работы, скромность, оптимизм и гражданственность [Howe, 2000]. Поколение Y, или миллениалов, также отождествляют с поколением Мы [Greenberg, 2008], тем самым подчеркивая гражданственность и нециничность этой части молодежи, ее новой политической веры и нового понимания роли правительств в решении кризисных проблемы мирным путем. М. Юнус, лауреат Нобелевской премии мира 2006 г., связывает возможности этого поколения со способностью решить экологические проблемы, победой бедности [Юнус, 2009]. Международные исследования подтверждают, что несмотря на подчас радикальные отличия между представителями разных эпох, поколением Y сохраняется многовековая тенденция преемственности между «отцами и детьми» и сохраняется «культурный код» социума.

В этом отношении Россия не исключение. Однако, как и во многих других странах, ценности поколения Y в современной динамично развивающейся России сталкиваются с ценностями других людей: представителей различных цивилизаций, этнических групп и регионов, других поколений [Попов, 2018]. Различия в ценностях поколений стоят в этом колорите социальных дифференциаций особым порядком [Троцук, 2013]. Помимо поколенческих причин, различия во многом обусловлены региональными особенностями, которые складываются на основе информационных, природных, социальных и экономических различий самих регионов.

Определяемое исследователями поколение Y (поколение миллениум) – это люди, годы рождения которых приходятся на 1983–2003 гг. Это те, кому сегодня от 16 до 36, т. е. те, кто или готовятся стать студентами вузов, или же переходят в возраст взросления. По Э. Эриксону, этот период прочно связывается с определенностью рода занятий, а дети этого поколения становятся подростками. С последним можно согласиться, что же касается профессиональной определенности, на долю именно этого поколения в современных обстоятельствах выпадает ранее неактуальная проблема – проблема профессиональной неопределенности, трудностей в поисках однозначного ответа на вопросы: кем быть? каким быть? В XXI в. частая смена профессий становится практически сложившимся и относительно устойчивым трендом. Еще, как свидетельствуют социологи, поколение Y характеризуется поздним взрослением. К множеству обозначенных и необозначенных проблем этого поколения добавляются проблемы формирования особых ценностей, точнее особых ценностных ориентиров поведения.

Ценности поколения Y сформировались в очень противоречивой и насыщенной социальными конфликтами ситуации. Во времена взросления этого поколения происходили резкие социальные скачки – технические и социальные трансформации, которые повлекли за собой ломку привычного, традиционного, устоявшегося во всех сферах социума – ломку множества традиционных ценностей советско-социалистической империи. Разрушалось понимание эталонов поведения, эталонов подражания, и в частности был поставлен под вопрос авторитет старших поколений как мерило истины, правды, мерило добра и зла.

В экономической сфере поменялись наиболее базовые основания – разрушение социалистической системы хозяйствования и ее замена экономикой, построенной на рыночных принципах деятельности. Рыночная среда синтезировала на арене социальных авторитетов фигуры новых лидеров – предпринимателей, спекулянтов, звезд шоу-бизнеса, многочисленных банкиров, охранников, успешных торговцев, бандитов, проституток и других «новых русских», кто становился кумирами молодежной среды поколения Y.

Наряду с этим, самыми важными социально-политическими факторами, повлиявшими на формирование подсознательной системы ценностей этого поколения, исследователи считают такие социальные потрясения, как распад СССР, расстрел парламента, чеченскую войну, серию трагических террористических атак – терактов (Беслан, взрывы жилых домов Москве и других городах и пр.), череду крупных социально-политических трансформаций внутри страны – измен и предательств в элите государственного и политического управления, начиная с лидеров горбачевской перестройки.

Подчеркнем, что это были периоды, когда самым катастрофическим образом распадался социальный институт семьи, а количество разводов просто зашкаливало. Одновременно разрушались советские принципы обучения и воспитания в школе. Школа, как и социальный институт семьи, приходит в этот период в плачевное состояние. Разрушались не только образцы и стандарты подражания дальнего окружения, но и окружения ближнего. Очевидно, что формирование ценностей поколения Y в таком социальном контексте генерируется преимущественно в нелестное или подозрительное подсознательное восприятие окружающей действительности, а в целом – преимущественно негативное. Общество, которое строили люди старших поколений, сами же эти люди подвергли неумолимой и суровой критике.

С другой стороны, это поколение, которое «с молоком матери» впитало плоды постиндустриального информационного общества. Прежде всего, это мультипликация, компьютерные игры и возможности самых различных средств связи, позволивших уже с малых лет использовать преимущества цифровизации. Ценности поколения Y формировались одновременно с формированием Всемирной паутины и бесконечными социальными сетями. Интернет стал настолько важным элементом культуры этого поколения, что повлек за собой проблемы со здоровьем молодежи [Дьячкова, 2012]. Пожалуй, в этом и состоит главная особенность «сетевого» поколения: «Помимо других важных факторов, влиявших на формирование ценностей и менталитета этого поколения, основным источником информации для него стал интернет, а не телевизор, социальные сети, а не школа. Соответственно, еще одно его название – «сетевое поколение» [Попов, 2018, с. 316]. Глубокая вовлеченность молодежи этого возраста в цифровые, био- и интернет-технологии, а также продвинутость в этих технологиях, впитанных с самых ранних времен как простое, естественное и понятное, многократно опережает компетенции людей более старших поколений и дает людям поколения Y целый ряд преимуществ в профессиональном росте и занятости в престижных видах деятельности.

Наряду с этим у поколения Y складывается противоречивая система ценностей: с одной стороны, они «продвинуты» в понимании техноло-

гических возможностей современной цивилизации, за счет чего они получили беспредельные информационные возможности в представлениях о ценностях другого образа жизни. С другой стороны, представители этого поколения разочарованы социальными последствиями «лихих 90-х», поскольку одновременно с этим они становятся очевидцами неэффективной экономики, коррупции, зачастую социальной беспомощности в решении банальных вопросов быта.

Что в такой ситуации становится ведущим трендом в выборе возможностей для своей самореализации, для реализации своих ценностей? Чаще всего это противоречие выражается в стремлении обособиться от негативного контекста социальных реалий – реальной действительности – и выстраивать свои перспективы, т. е. реализовывать свои ценности, в более благоприятной социальной среде. При этом, как показывают многочисленные социологические исследования, поколение Y стремится делать это немедленно, без особых затрат и усилий, как в мультфильмах, – «легко и просто».

Стремление поколения Y быть независимым от социальной убогости и нищеты нередко выражается в полемических и в значительной степени критических оценках окружающей действительности, в преимущественно негативном отношении к истории, к роли и значению старших поколений в достигнутом уровне развития страны, к опыту и традициям старших поколений: все, что было до настоящего (цифрового) времени, нередко вызывает сомнения и объявляется плохим.

Собственно, поэтому для типичных миллениалов характерен особый подход даже в восприятии модных тенденций и трендов – моды во всем – в искусстве, в религии и в политике. Везде можно видеть противопоставление людьми этого поколения своей позиции существующим сложившимся тенденциям. По минимуму – это стремление «выделиться из толпы», «привлечь к себе внимание», показать: «я – не такой, как все», например, в аксессуарах, прическах, одежде, татуировках, сленге и т. д. Далее – в ортодоксальном антагонизме. У одних – в усилившемся стремлении к эмиграции, у других – в росте суицидов. Так или иначе, но факты современной действительности указывают на то, что поколение Y в качестве моды предпочитает противостояние любой традиционной или массовой моде [Шамис, 2007], в противопоставлении себя другим.

При этом мир ценностей поколения Y в западных и восточных регионах Российской Федерации различается. Поэтому исследования региональных различий в ценностях этого поколения молодежи становятся актуальными не только внутри страны, но и в сопредельных с нашими пограничных регионах – на востоке, включая Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Таджикистан, Китай [Макеева, 2017]. Важно это еще и потому, что миграционные процессы затронули судьбы миллионов молодых людей из этих стран, которые сегодня взаимодействуют с молодыми

россиянами, и как на личностном уровне – в малых группах и организациях – так и на макроуровнях, где формируется подчас противоречивое единство интересов, взглядов и потребностей, количество контактов растет в геометрической прогрессии и требует активного и вдумчивого научного анализа складывающейся социальной ситуации.

Как было подчеркнуто ранее, поколение Y – новое поколение, обладающее в различных регионах страны своими специфическими особенностями, не учитывать которые неправомерно. Показателен в этом отношении опыт европейских, американских и китайских исследователей. В частности, это видно в вопросах понимания роли и организации многочисленных конкретных исследований в молодежной среде, нацеленных на получение информации, позволяющей решать сложные вопросы в жизни подрастающих поколений в различных регионах страны по-разному. Где-то такой подход выражается в принятии ограничительных мер пользования интернетом, где-то в создании особых воспитательных мер, стимулирующих чуть ли не искусственное удерживание от достижений современной цивилизации.

О том, что в *ценностях* 16–30-летней молодежи любого общества спроецировано его будущее, сказано немало. Именно то, что российская молодежь этого возраста считает самым важным, значимым и ценным, и станет в значительной степени ориентирами социально-экономического развития через 15–20 лет. Абсолютизировать такое положение неправомерно, однако значительная доля истины в этом есть.

Мы разделяем ту точку зрения о природе ценностей, согласно которой материальные, как и духовные, ценности могут проявляться как значимый выбор (важный, ценный) в стратегиях поведения, коммуникациях, в целом – в деятельности. Это обусловило важность обращения к изучению ценностей молодого поколения. При этом необходимо подчеркнуть три важные особенности мира ценностей личности, ограничивающих результаты социологических исследований ценностей молодежи. Во-первых, ценности всегда являются *итогом личного опыта жизни*, включая всю совокупность влияний как внешней среды на человека, так и его собственной духовной жизни. Другими словами, в процессе формирования ценностей невозможно обойтись только лекциями или проповедями. Во-вторых, ценности реализуются в известном смысле в ограниченных условиях социальной среды и отражают специфику этой среды. Изменение социальной среды, в нашем случае – регионов, сказывается и на характере ценностей людей, проживающих в этих регионах. В-третьих, ценности как объект социологического исследования объясняют происходящее в социуме лишь в некоторой степени, и чрезмерно преувеличивать их значение в жизни людей неправомерно. Помимо ценностей действует многогранная система факторов, которые самым существенным образом способны трансформировать социальную реальность и видоизменить ее вне зависимости от ценностей людей.

Проведенные ранее исследования позволили сформировать представление об интегративном показателе сетей ценностей – *ценностном потенциале Сети* или отдельных ее узлов. Методика и характеристика этого показателя описаны в [Дерюгин, 2018].

Итоговый результат эмпирического исследования представлен на графике рис. 1.

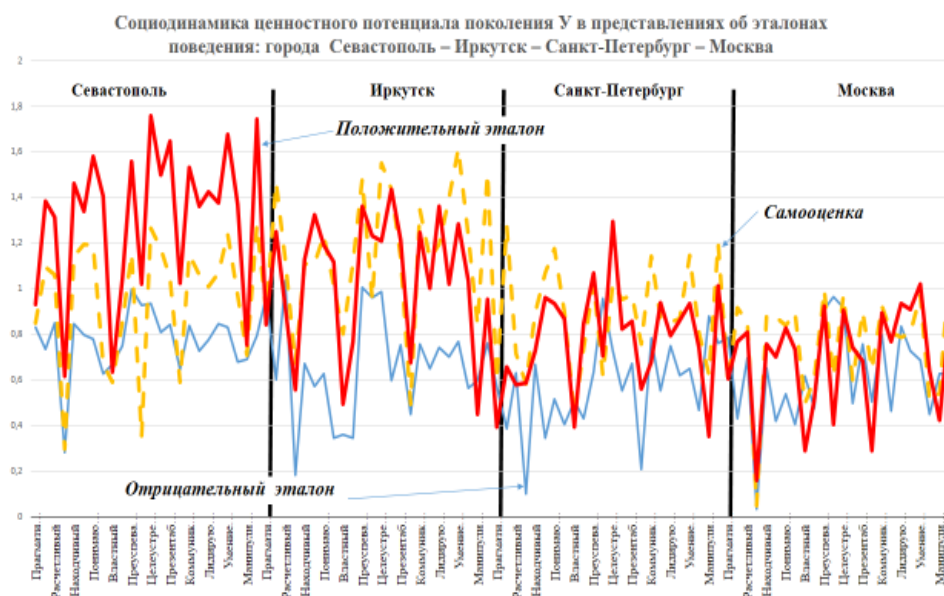

Рис. 1. Ценностный потенциал узлов Сети

По оси X на графиках показаны качества личности. По оси Y – ценностный потенциал этих качеств в общей системе ценностей молодежи. Три линии соответственно показывают представления о положительных эталонах, свою самооценку и представления о качествах отрицательных эталонов. Эти результаты показаны на основе обобщения данных респондентов (студенческая молодежь университетов) в четырех городах – Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске и Севастополе. Расположены эти города на графике в соответствии с обобщенной величиной ценностного потенциала сетей положительного эталона. Отдельно полученные показатели по каждому городу вынесены на рис. 2 (Севастополь), рис. 3 (Иркутск), рис. 4 (Санкт-Петербург), рис. 5 (Москва).

Графики раскрывают некоторые важные особенности ценностного потенциала солидарности поколения Y в представлениях об эталонах поведения и подражания. На них можно увидеть, насколько остро стоит вопрос о единстве или солидарности ценностных ориентаций студенческой молодежи в различных регионах страны, а также насколько сходны их точки зрения во взглядах на то, какими следует быть или стать, какие они есть и какими не нужно быть.

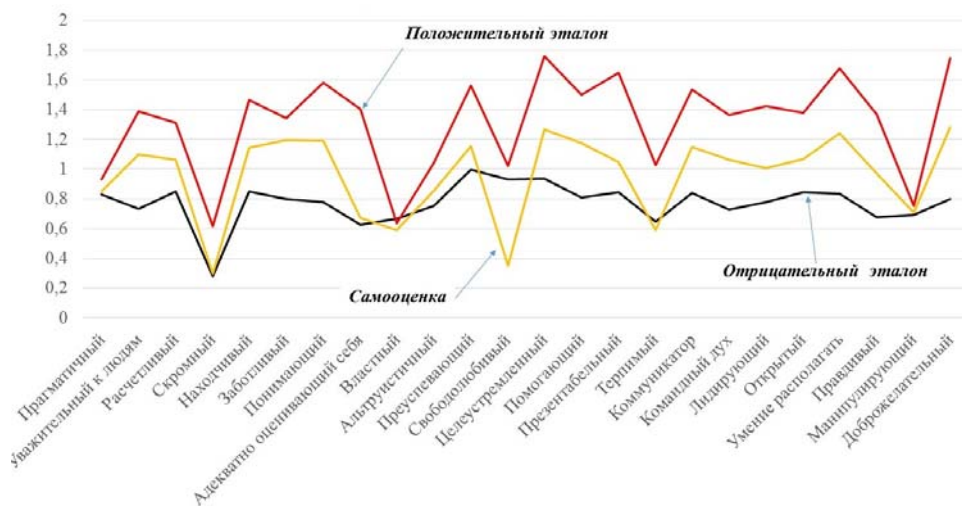

Рис. 2. Социодинамика ценностного потенциала поколения Y в представлениях об эталонах поведения, г. Севастополь

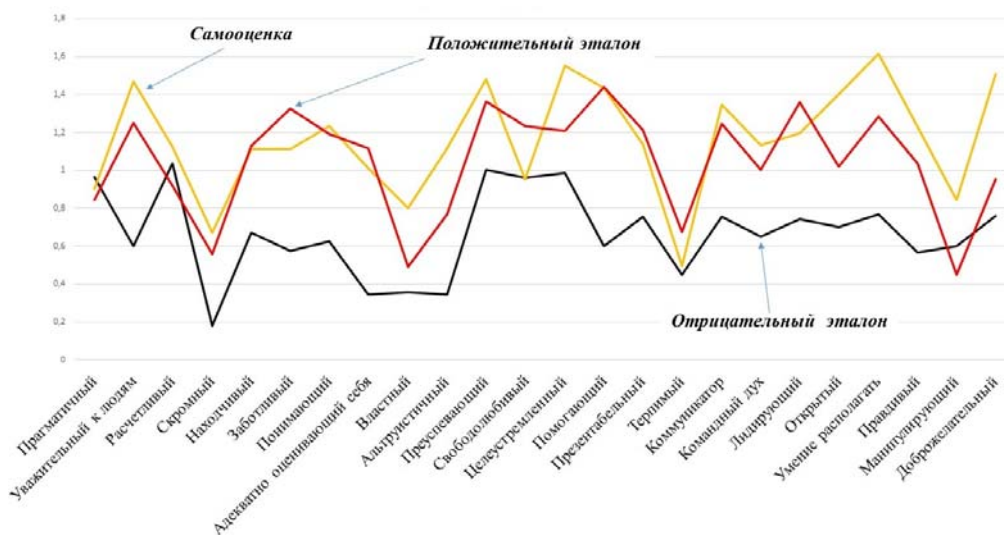

Рис. 3. Социодинамика ценностного потенциала поколения Y в представлениях об эталонах поведения, г. Иркутск

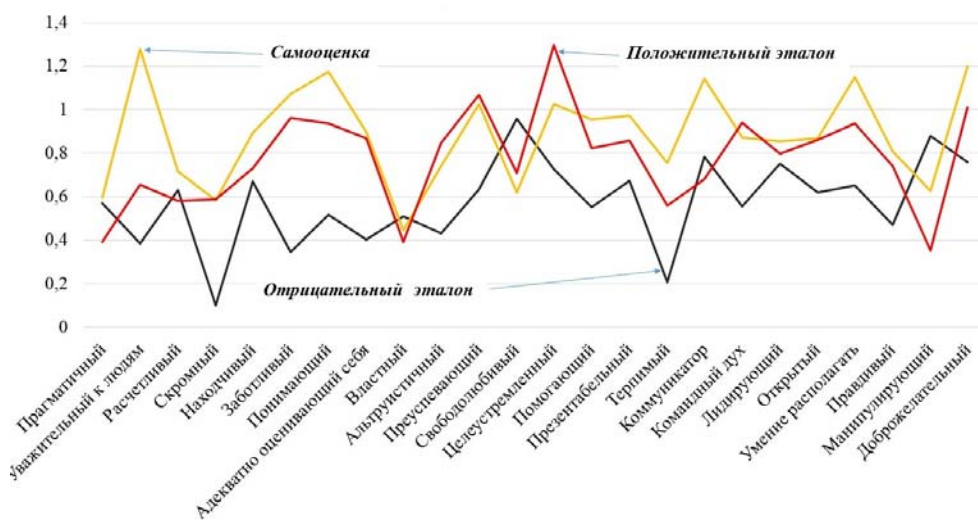

Рис. 4. Социодинамика ценностного потенциала поколения Y в представлениях об эталонах поведения, г. Санкт-Петербург

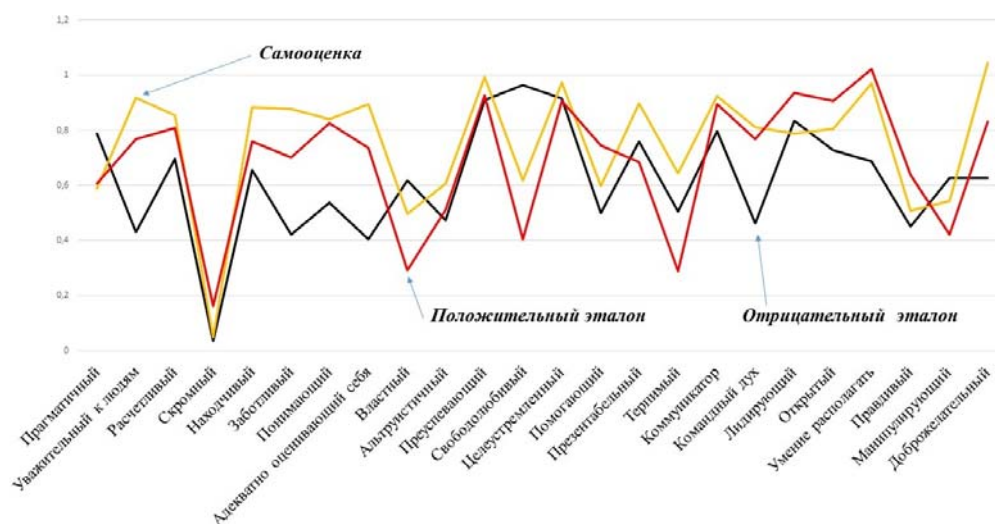

Рис. 5. Социодинамика ценностного потенциала поколения Y в представлениях об эталонах поведения, г. Москва

Во-первых, очевидно, что величины ценностного потенциала сетей в представлениях о положительном эталоне подражания среди представителей студенческой молодежи поколения Y в различных регионах страны оказались несходными. Так, среди студентов Севастополя величина ценностного потенциала сетей в представлениях о положительном эталоне была самой значимой – 1,3 рейтинга. Далее следуют показатели ценностного потенциала сетей среди студентов Иркутского госуниверситета – 0,98. Этот показатель еще более понижается (до 0,82) среди студентов Санкт-петербургских университетов, а ниже всего – 0,61, он зафиксирован среди студентов московских университетов. Таким образом, в результате эмпирического исследования получены данные, которые позволяют утверждать о наличии региональных существенных отличий (в два раза) в представлении об образцах или эталонах подражания среди студенческой молодежи в различных регионах страны (например, между Севастополем – Москвой).

Во-вторых, анализ графиков показывает, что различия в представлениях о качествах положительных и отрицательных эталонов у молодежи исследуемых городов по линии Севастополь – Москва все больше сходятся, т. е. величина ценностного потенциала сетей между положительными и отрицательными эталонами становится минимальной. Так, разница по данным севастопольских студентов составила 0,8 рейтинга величины ценностного потенциала сетей. В Москве она зафиксирована на уровне 0,2 рейтинга. В последнем случае суммарная разница в оценках величины ценностного потенциала сетей позитивного и негативного эталонов по оценкам московских студентов оказалась примерно одинаковой и при этом невысокой. Это свидетельствует о том, что понимание образцов как положительного, так и отрицательного эталонов поведения

у московских студентов выражено нечетко, а единство в понимании ориентиров поведения разное.

В-третьих, по результатам исследования зафиксировано различие тренда (динамики) снижения единства ценностей положительного эталона и тренда снижения единства ценностей отрицательного эталона. Социодинамика понижения этих эталонов оказалась различной. Так, если единство представлений о положительном эталоне (Севастополь – Москва) понижается на 0,73 пункта, то тренд снижения единства представлений об отрицательном эталоне в показанных регионах менее существенен, всего на 0,15 пункта. В данном случае очевидно, что в различных регионах солидарность молодежи в понимании положительного эталона подражания отличается существенно и у студентов столичных университетов такое единство минимально. Что же касается отрицательного эталона, то такие представления оказываются более интегрированными и устойчивыми: о том, как нельзя себя вести, молодое поколение более осведомлено, а понимание «правильного поведения» такой устойчивостью не обладает.

В-четвертых, и, пожалуй, это наиболее значимый результат эмпирического исследования, можно говорить о социодинамике роста-снижения значения величины ценностного потенциала сетей самооценки респондентов в рассматриваемых регионах. Как видно из графиков, самооценка молодежи отличается разнообразием характеристик в Севастополе – Москве. Так, в Севастополе показатели самооценки были примерно посередине между показателями положительного и отрицательного эталонов. Такое положение в известном смысле можно признать идеальным типом. Среди студентов Иркутского университета самооценка несколько увеличивается, и при этом по целому ряду параметров она выше, чем значения показателей положительного эталона. В Санкт-Петербурге значение параметра самооценки понижается, но при этом настоящий показатель выше, чем показатель параметров положительного эталона. Еще более низкими показателями ценностного потенциала единства самооценки оказались у студентов Москвы. Здесь совпадение самооценок минимальное, т. е. самооценки московских студентов демонстрируют наибольшую разницу. Но, как и в Иркутске, как и в Санкт-Петербурге, этот показатель оказался более значимым, чем показатель положительного эталона. В целом такие данные свидетельствуют о том, что самооценка у молодых людей в подавляющем числе случаев (регионы Иркутск, Санкт-Петербург и Москва) примерно такая же или даже выше, чем оценки положительного эталона. Как свидетельствуют многочисленные данные психологических и педагогических исследований, отсутствие позитивных эталонов подражания в среде реального окружения может существенно снижать мотивацию к саморазвитию и указывает на самоизоляцию человека в социуме.

В-пятых, особая ситуация с оцениванием качества скромности, т. е. в системе ценностей поколения Y представление об этом качестве можно определить, как периферийное, наиболее незначительное, неважное для примеров поведения и эталонов подражания. На графиках видно четыре момента понижения значения индикатора по одному и тому же качеству во всех исследуемых регионах. Собственно, это и есть данные по параметру «скромность». В настоящем случае можно констатировать, что это качество практически во всех результатах исследуемых групп респондентов и во всех регионах оказалось наименее ценным.

Наше исследование не ставило своей задачей поиск ответа на вопрос, что или кто выступает образцами и эталонами, на которые ориентированы молодые россияне поколения Y. Такая задача может определяться в качестве перспективной. Ясно одно: «Всякие сходства социального происхождения, замечаемые в мире общественном, представляют прямое или косвенное следствие подражания во всех его видах» [Тард, 1892] и, согласно утверждениям Тарда, если люди не подражают одним образцам, то это происходит лишь потому, что они подражают другим образцам.

Проведенное эмпирическое исследование только фиксирует отношение молодежи к эталонам и самооценку поколения Y, а также региональные отличия этих показателей. Дальнейшее направление исследований в этой области лежит, на наш взгляд, в изучении самих ценностных ориентиров и, в частности, их источников. Можно предположить, что индивидуальные миры представителей поколения Y в качестве эталонов подражания все меньше ориентированы на реальных людей из окружающей их контактной среды. Информационный век предложил свои стандарты и механизмы подражания, а каковы будут реально складывающиеся ценности этого поколения, пока судить рано, для этого нужен более длительный исторический период. Вместе с тем удалось зафиксировать, что в сложившейся конкретно-исторической ситуации в различных регионах Российской Федерации взросление и социализация поколения Y обусловлены совокупностью информационных, экономических, социальных и иных региональных факторов.

Литература

Асташова Ю. В. Теория поколений в маркетинге // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2014. Т. 8. № 1. С. 108–114.

Дьячкова М. Г., Мордовский Э. А. Воздействие компьютерных технологий на здоровый образ жизни подрастающего поколения // Экология человека. 2012. № 5. С. 14–19.

Макеева С. Б., Кремнёв Е. В. Развитие магистратуры регионоведческого направления в России в условиях расширяющегося межрегионального российско-китайского сотрудничества (на примере магистратуры «Зарубежное

регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран АТР») // Вестн. Ун-та Рос. акад. и образования. 2017. № 1. С. 19–24.

Попов Н. П. Российские и американские поколения XX в.: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг. 2018. № 4 (146). С. 309–323.

Сила слабых связей: сетевое моделирование и сравнительный анализ ценностных ориентаций (Результаты эмпирического исследования студенческой молодежи) / П. П. Дерюгин, О. В. Ярмак, С. В. Рассказов, К. Д. Данилов, В. Е. Архипенко. // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. № 10. С. 17–24.

Тард Г. Законы подражания / пер. с фр. Ф. Павленков. СПб., 1892. 370 с.

Троцук И. В. Мировоззренческие доминанты молодежи: возможности эмпирической фиксации сквозь призму страхов, надежд и опасений // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2013. № 3. С. 25–39.

Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.

Юнус М., Жоли А. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма. М. : Альпина Паблишерз, 2009. 307 с.

Armstrong M. A Handbook of Human Resource Management Practice. London, Kogan Page, 2006. 979 p.

Greenberg E., Weber K. Generation We. How millennial youth are taking over America and changing our world forever. Emeryville, CA : Pachatusan, 2008. 248 p.

Howe N., Strauss W. (1991) Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company. 1992. 538 p.

УДК 81

Д. М. Домашевская, Т. Е. Шишмарева, Н. В. Терехова
Иркутский государственный университет, Иркутск
Е. А. Хамаева
МГИМО (У) МИД, Москва

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОДХОДА К ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ СИСТЕМ*

Аннотация. Представлен взгляд на идеографическую письменность с полипарадигмальных позиций: теории систем, грамматики, семиотики, картин мира. Предпринята попытка обосновать системный и семиографический подходы к описанию пространства идеографической письменности с целью выделения ее семиографического каркаса, рассмотреть графическую метамодель идеографической картины мира, заявить идеографическую картину мира как дополняющий компонент языковой картины мира китайцев и семиосферы китайской этнолингвокультуры.

Ключевые слова: пространство идеографической письменности, системный подход, семиографический подход, графическая метамодель, семиографический каркас, семиосфера этнолингвокультуры.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00412 «Этимологии базовых знаков китайской письменности».

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE APPROACH TO IDEOGRAPHIC WRITING FROM THE STANDPOINT OF SYSTEMS THEORY

Abstract. The article deals with an ideographic writing presented from the standpoint of systems theory, grammatology and semiotics. Ideographic writing is considered to be a crucial constituent of the Chinese language map of the world and a complementing part of the Chinese ethno-lingual semiosphere. In this paper the authors propose a graphic metamodel of ideographic writing system based on the semiographic approach. This approach is also applied to represent a semiographic framework of the Chinese ideographic writing field, a framework that consists of 540 bushou systematised by Xu Shen in the first Chinese dictionary “Shuowen Jiezi”.

Keywords: ideographic writing field, system approach, semiographic approach, graphic metamodel, semiographic framework, ethno-lingual semiosphere.

Введение. Развитие современного научного познания в настоящее время связывается со становлением новой парадигмы постнеклассической науки – глобального эволюционизма, призванного положить начало новому диалогу человека с природой [Пригожин, 1986]. Эта парадигма характеризуется взаимосвязью самоорганизующихся систем разной сложности, существует в терминах междисциплинарности и имеет диалогичный характер, а для ее научной методологии характерна «плюралистическая тенденция, утверждение ценности различных стандартов научности» [Богданова, 2010, с. 53]. «Новые реалии утверждают полифундаментализм, инверсионный подход, принципиальную открытость систем, ветвящуюся графику их описания и опровергают принципы редукционизма, элементаризма, линейности» [Лешкевич, 1998, с. 60, цит. по Богданова, 2010, с. 53].

Цель данной статьи – обосновать подход к описанию пространства идеографической письменности с позиций теории систем. В связи с этим предпринимается попытка представления графической метамодели системы китайского идеографического письма, изучения идеографической картины мира (ее семиографического каркаса), которая, в свою очередь, мыслится как компонент языковой картины мира китайцев.

Актуальность предлагаемой статьи заключается в рассмотрении идеографической письменности как разновидности естественных языковых семиотик с собственной картиной мира, обладающей своеобразным семиографическим каркасом, раскрывающей различные типы структур знания, которые просматриваются за структурой знаков китайского языка, и формирующей ключевую часть семиосферы китайской этнолингвокультуры – ее графическую метамодель.

Авторами предлагается трехкомпонентный подход к описанию идеографической письменности: идеографическая письменность как пространство, система и картина мира. Все три предложенные модели описания китайской идеографической системы письма не исключают

друг друга, но дополняют с целью более подробной детализации этого продукта антропоморфной этиологии. Так, говоря о *пространстве* идеографии, мы мыслим цельную совокупность знаков письменности как вариант этнолингвокультурного отображения представителями китайского этноса внешнего физического пространства мира и фиксации его в графическом компоненте семиосферы. Под письменностью как *системой* мы понимаем такую же целостность, но с фокусом на иерархическое и структурное в ней, на выделение семиографического каркаса, на установление моделей образования и интерпретации знаковых компонентов, на выявление интенциональных (внутренних, «письмо в себе и для себя») и экстенциональных (внешних, письмо как «необходимость», как компонент более крупной системы, например системы языка) характеристик системы письма (подобно выделению интенционала и экстенционала у Р. Карнапа) [Карнап, 1959]. И наконец, понятие идеографической *картины мира* привлекает нас возможностью взглянуть на систему идеографического письма как на творение неизвестного демиурга, как на продукт целостного функционирования и взаимодействия всех аспектов и уровней, пронаблюдать корреляцию между механизмами знакообразования и механизмами мышления, а также перспективой посредством вскрытия грамматолого-семантических отношений в письменных знаках пролить свет на когнитивные механизмы человека, на его принципы означивания и присвоения внеязыкового содержания.

Идеографическая письменность как система. В нашем исследовании мы исходим из того, что любые системы как объекты рассмотрения с позиции теории систем состоят из множества частей, взаимодействующих друг с другом более или менее сложным образом: общество, состоящее из людей, организм с его клетками, жидкость, состоящая из молекул, письменность, состоящая из знаков. Результатами взаимодействий частей открытых незамкнутых систем является новое качество этой системы, а именно – эффект самоорганизации. Таким образом проявляются особенности науки XXI в., выделенные еще Людвигом фон Берталанди, основателем общей теории систем, в 1962 г. К их числу относятся:

1) предмет науки – *организация*, а именно – различные системы, кибернетические, биологические, математические;

2) для анализа предмета видится необходимым решение *проблем со многими переменными* (классическая наука не вышла за рамки решения проблем с двумя, максимум с несколькими переменными);

3) на место механистического понимания мира, сводящего органический мир к случайным и стихийным изменениям физических тел и т. д., выдвигается понимание мира как *множества разнородных* и не сводимых одна к другой *сфер реальности*, связь между которыми проявляется в изоморфизме действующих в них законов;

4) концепцию редукционизма, сводящего всякое знание к физическому, сменяет идея *перспективизма* – возможности построения единой науки на базе изоморфизма законов в различных областях [Bertalanffy, 1962, с. 1–4, цит. по Блауберг, 1969, с. 16–17].

Сама система в работах Берталанфи определена как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [Bertalanffy, 1962, цит. по Себребренников, 1972, с. 15]. А. Холл и Р. Фейджин предлагают рассматривать в качестве системы «набор элементов вместе со взаимодействиями между ними и взаимодействиями между их атрибутами» [Hall, 1956, с. 18], подчеркивая именно важность связей и отношений между элементами как то, что «соединяет систему воедино» [Hall, 1956, с. 18]. В настоящее время системные исследования охватывают своими подходами все большее количество объектов из разных областей знания «как множеств взаимосвязанных элементов, выступающих как единое целое» [Блауберг, 1969, с. 11]. Соответственно этому *системный подход* определяется И. В. Блаубергом, В. Н. Садовским, Э. Г. Юдиным как «эксплицитное выражение процедур представления объектов как систем и способов их исследования (описания, объяснения, предвидения, конструирования и т. д.)» [Блауберг, 1969, с. 11]. А общая теория систем является собой не что иное как «междисциплинарную область научных исследований, в задачи которой входит: 1) разработка обобщенных моделей систем; 2) построение логико-методологического аппарата описания функционирования и поведения системных объектов; 3) создание обобщенных теорий систем разного типа, включая теории динамики систем, их целенаправленного поведения, исторического развития, иерархического строения систем, процессов управления в системах и т. д.» [Блауберг, 1969, с. 11].

О. М. Готлиб в «Основах грамматики китайской письменности» рассматривает идеографическое письмо как сложную семиотическую систему, обладающую рядом признаков, к которым он относит *материальность, естественность, гетерогенность (полиморфность), дискретность (вычленяемость, членимость) и иерархичность*. Материальность заключается в знаковом, семиотическом характере письменности, т. е. «составляющие не значимы сами по себе, но служат для обозначения чего-то, находящегося вне их» [Готлиб, 2007, с. 23]. Естественность системы китайских письменных знаков состоит в сводимости их к ограниченному набору простейших элементов – черт (графов), представленных списком и не являющихся собственно знаками в силу отсутствия у них значения, но наличия у них знакообразовательной и знакоразличительной функций [Там же]. Полиморфность китайской письменности заключена в способности ее первоэлементов (черт, графов) быть различными по форме, сохраняя при этом свою идентичность по природе и функциям. При этом «полиморфность простых единиц служит основой

для полиморфности более сложных единиц» [Там же]. Иерархичность и дискретность проявляется в многоуровневом характере китайской письменности, где через набор правил более простые единицы составляют более сложные, при этом «все знаки китайской письменности членимы и выделяемы, т. е. дискретны» [Там же].

При рассмотрении письменности как самоорганизующейся системы семиотического характера, мы опирались на важнейшие понятия теории систем (Л. фон Берталанфи, И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин), на постулаты синергетического подхода (И. Пригожин, И. Стенгерс), на положения генеративной грамматики (Н. Хомский), на работы исследователей языковой картины мира – от общих положений о роли человеческого фактора в ее формировании (Б. А. Серебренников, В. И. Постовалова) до исследования узкоспецифичных аспектов языковых картин мира китайцев (Т. Е. Шишмарёва, С. В. Стефановская), на понятие «семиосферы» Ю. Лотмана, на характеристику китайских письменных знаков О. М. Готлиба.

Согласно системному подходу, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы: целостного комплекса взаимосвязанных элементов (И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин); совокупности взаимодействующих объектов (Л. фон Берталанфи); совокупности сущностей и отношений (А. Д. Холл, Р. И. Фейджин, поздний Л. Фон Берталанфи), объект может и должен рассматриваться как система, если его существование отвечает следующим принципам, которые применимы к анализу идеографической письменности:

1) *целостности*, позволяющей рассматривать одновременно систему как единое целое и в то же время как подсистему для вышестоящих уровней. Так, письменность может рассматриваться интроспективно, сама в себе и для себя, и как одна из компонентных систем языка, речи, этнолингвокультуры и т. д.

2) *иерархичности строения*, т. е. наличие множества (по крайней мере, двух) элементов, расположенных на основе подчинения элементов низшего уровня элементам высшего уровня. Реализация этого принципа хорошо просматривается и на примере письменности, имеющей иерархичность графических элементов, от простейших графем и букв до предложений и текстов.

3) *структуризации*, позволяющей анализировать элементы системы и их взаимосвязи в рамках конкретной организационной структуры. Как правило, процесс функционирования системы обусловлен не столько свойствами её отдельных элементов, сколько свойствами самой структуры. Так, письменность как структура может рассматриваться как совокупность знаков (идеографическая) и букв (фонографическая), в их взаимосвязи друг с другом, как формирующих семиографический каркас пространства письменной этнолингвокультуры, основное свойство ко-

торой видится нами в кумуляции и репрезентации когнитивного опыта человека, который, и опыт, и человек, к слову, тоже есть системы.

4) *множественности*, позволяющей использовать множество моделей для описания отдельных элементов и системы в целом. Если речь идет о письменности, то сама письменность феноменологически являет собой модель для описания и фиксирования любых систем. Подобно способности языка объяснять язык средствами самого языка. Так, письменность как система описана с позиций диахронических, структурно-функциональных, исторических (И. Фридрих, Е. Доблхофер, И. Гельб). В настоящее время существуют новые модели описания пространств языка и письма, например биосемиотика, описывающая изоморфизм генетического кода и семиотических систем (Р. О. Якобсон, Ф. Жакоб, С. Т. Золян, Р. И. Жданов), являющая собой интересное приложение к проблеме возникновения письменных знаков теория фракталов (Г. Жюлиа, Б. Б. Мандельброт).

5) *системности*, свойства объекта обладать всеми признаками системы. Не вызывает сомнений, что письменность есть система: она целостна, иерархична, структурна, открыта для моделирования и описания, более того, она сама есть репрезентанта моделей своего описания.

Идеографическая картина мира. Принимая во внимание основное свойство письма как системы, кумулирующей когнитивный опыт человечества и способной удерживать ценностно-смысловое пространство определенной лингвокультуры как открытой самоорганизующейся системы, письменность, как и язык, не может быть предметом исключенного наблюдения, внеположенной исследователю, поскольку наличие личного опыта наблюдателя обогащает знания о ней на каждом последующем этапе изучения, формируя, по принципу дополнительности Н. Бора, все более последовательную картину системы лингвокультуры и, шире, всей когнитивной деятельности человека. Этот подход, будучи своеобразным сплавом личного и объективного, созвучен концепции личностного знания Майкла Полани, а именно как «активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее особого искусства» [Полани, 1985, с. 18].

Авторами данной статьи предлагается возможность подхода к описанию пространства идеографической письменности с позиции теории систем и отнесенности к парадигме картин мира. Формирующаяся при таком подходе идеографическая картина мира видится авторами относящейся к уже имеющимся картинам мира (языковой, концептуальной, научной и др.) по принципу дополнительности Н. Бора, внося дополнителный элемент знаковой информации в них. Идеографическая картина мира не противопоставляется иным картинам, но предлагается как дополнителная, с одной стороны, обслуживающая языковую, концептуальную и другие картины мира, с другой стороны, сформированная как

запечатленный результат их функционирования. Письменность, в свете теории систем, таким образом, может и должна быть рассмотрена как система, обладающая своей морфологией и состоящая из компонентных ей систем и миров.

Говоря о *пространстве* применительно к письменности, мы имеем в виду пространство в его самом широком философском определении как «фундаментальное (наряду с временем) понятие человеческого мышления, отображающее множественный характер существования мира, его неоднородность» [Касавин, 2004]. При этом множество объектов, предметов, данных в человеческом восприятии одновременно, образует сложный пространственный образ мира, мыслящийся как необходимое условие ориентации любой человеческой деятельности. Пространство письма для нас – это форма созерцания семиографического содержания языка, форма восприятия невербального, но материального представления вещей. Одновременно именно в пространстве письменности заключен и оформлен весь опыт человечества, не внеположенный речи, но дополнительный ей. Пространство письменности формально являет собой систему, а именно – совокупность графических элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих целостность, единство.

Семиография, семиология и семиософия идеографического письма. Ключевая характеристика системы письма как одной из систем национального языка основывается на ее естественной знаковости. Известно, что традиционно знаки изучаются «семиотикой», которая включает в себя всю область знаний о знаках: от конкретных описаний до общих теорий, объясняющих природу знаковых связей. Столь неоднородное исследовательское поле диктует необходимость различения более узких общностей: «семиографии», «семиологии» и «семиософии» [Чертов, 2014, с. 10].

К области *семиографии* должны быть отнесены «все описания конкретных семиотических единиц, построенных из них конструкций, а также правил их образования и интерпретации» [Чертов, 2014, с. 10], дескриптивные исследования норм использования знаков в той или иной сфере семиотической практики. Немало исследований по семиографии проводилось в таких сферах, как геральдика, эмблематика, нумизматика и др., и часто не связывалось с семиотикой.

На более высоком уровне теоретического обобщения находится теоретическая часть семиотики – *семиология*^{*}, которая служит не для описания конкретных знаковых систем, а для объяснения сущности и устройства знаковой связи, при каких условиях нечто способно выполнять функции знака, описания структуры «знаковой ситуации» и т. п. На этом уровне обобщаются конкретные семиографические исследования:

* Термин начал использоваться Ф. де Соссюром с 1894 г. для обобщения лингвистических исследований.

«знаки сопоставляются с сигналами, индексами, символами или моделями, выясняются их сходства и различия как средств коммуникации и репрезентации. Здесь выявляются универсалии, присущие семиотическим средствам разных типов, конструируются схемы описания этих средств и строятся теоретические модели того, как они функционируют. На том же уровне обобщения производится сравнительный анализ организации семиотических систем разного типа и рассматриваются возможные формы их взаимодействия» [Чертов, 2014, с. 10].

Любая семиологическая теория имеет предпосылки к философским воззрениям на ее предмет и методы исследования. Философские аспекты предмета и метода семиотики образуют область *семиософии*, включающей в себя различные вариации философии языка, знака, имени и т. д. Онтология, гносеология, философия культуры, логика и другие аспекты философии, будучи привлеченными как основания семиологии, также обретают статус семиософии.

Все три уровня не противопоставляются, а лишь дополняют друг друга при анализе различных семиотических систем. Так, описывая семиотическое пространство китайской идеографической письменности, мы можем проследить сосуществование всех трех уровней семиотики. Семиографический уровень формируется простой совокупностью письменных знаков (морфограмм и логограмм), архитектурой и механизмами их формирования (пространственно-структурные модели логограмм, комбинаторика фоноидеограмм со структурой «семантический детерминатив / фонетический детерминатив» и т. п.), а также правилами их интерпретации. Семиологический уровень проявляется в описании китайских письменных знаков как с позиции классических семиотических теорий Ч. С. Пирса, Ч. У. Морриса, Ч. Огдена и А. Ричардса, так и с точки зрения классификации китайских письменных знаков по их семиотическим типам: «модель шести категорий» Сюй Шэня (许慎), шестичленная модель Чжань Иньсиня (詹鄞鑫), теория «трех категорий» Тан Ланя (唐兰), четырехкомпонентная модель Дай Чжэня (戴震), Дуань Юйцзя (段玉裁) и Ван Цзюня (王筠), двухчастная модель Ван Ли (王力), трехкомпонентная модель Цю Сигуя (裘锡圭), три группы иероглифов В. М. Солнцева и т. д.

Семиософия при анализе китайских письменных знаков проявляет себя в интенциональности исследователя рассмотреть их (знаки) с позиций философии культуры (выделяя новые компоненты семиосферы (по Ю. М. Лотману), например семиотическое пространство обычаев), логики, теории номинации, метафизики, онтологии, теории систем, теории фрактала и т. п.

Семиографический каркас идеографического письма. Выделение базовых единиц и уровней пространства китайского идеографиче-

ского письма как системы основывается на двух оппозициях: «знаковость/незнаковость» и «функциональная самостоятельность/несамостоятельность». На их основаниях были выделены следующие единицы (по О. М. Готлибу):

1) графема (черта) – наименьшей единицы системы, реализующая смылосозидательную и смылоразличительную функции, не является знаком; функционально несамостоятельна, т. е. лишена синтагматической способности образовывать линейные связи с другими логограммами;

2) морфограмма (ключ, детерминатив) – наименьшая значимая часть логограммы, не функционирует самостоятельно, т. е. не образует линейных синтагматических связей с другими логограммами; не соотносится с морфемой или словом в языке;

3) логограмма (иероглиф, синограмма) – значимая единица системы китайской идеографической письменности, образующая линейные синтагматические связи с одноуровневыми ей единицами и соотносимая с морфемами или словами китайского языка [Готлиб, 2007, с. 24].

Графемы китайской письменности, являясь дознаками по своей природе, формируют *графический каркас* «многотысячного графико-семантического моря китайского языка» [Готлиб, 2007, с. 28] из пяти «первоэлементов» (и/или их редуцированных вариантов) и связей между ними: горизонтальная черта (橫), вертикальная черта (豎), откидная влево (撇), откидная вправо (捺), откидная слева направо снизу вверх (восходящая) (提). В процессе формирования знаков высших уровней (морфограмм, логограмм) графемы подчиняются жестким правилам их сочетания.

Для обозначения морфограмм как значимых элементов логограмм наиболее устойчивым был термин «ключ», берущий свое начало в работах первых отечественных синологов (С. М. Георгиевский, Палладий, В. П. Васильев) и являющийся возможным «метафорическим переводом китайского термина “бушоу” (部首), понимаемый как «ключ к пониманию» всего знака [Готлиб, 2007, с. 28]. Т. П. Задоевко и Хуан Шуин, авторы известного отечественного учебника китайского языка, именуют наименьшую значимую часть логограммы – графемой [Задоевко, 2014, с. 27]. А. Ф. Кондрашевский придерживается термина «ключи» (семантический множитель), понимая под ними «элементы, способные выступать в качестве тематических классификаторов иероглифов (в идеографических и фонографических знаках)» [Кондрашевский, 1982, цит. по Готлиб, 2007, с. 28]. Мы, вслед за О. М. Готлибом, придерживаемся термина «морфограмма» как позволяющего снять дискуссионность вопроса отнесенности к категории «минимальной значимой части логограммы» не только простых, но и сложных знаков, теряющих свою синтагматическую свободу в режиме работы морфограммой. Например, логограмма

比 bǐ «следовать (кому-либо, чему-либо), идти за...; плотно прилегать, вплотную граничить, льнуть» в сложном знаке (логограмме) 毕 bì «земля уступами (на склоне), терраса, ступени (крыльца); сравнивать, равняться» является морфограммой, а сама логограмма 毕 в знаке 陛 bì «ступени трона; иерархическая лестница» и знаке 陛 bì «забор из кольев, частокол» функционирует как морфограмма, формируя семантику знака в целом с общей для всех этих знаков семьей «плотно прилегать».

Идеографическая письменность как графическая метамодель китайской этнолингвокультуры. Фактор исследователя/наблюдателя в семиозисе играет ключевую роль, поскольку знак становится знаком только для того, кто способен разглядеть в нем знаковость. Человек-исследователь в антропоцентричной парадигме есть «мера всех вещей», вокруг него оформляются все новые возможные миры, семиосферы, которые есть не что иное, как продукт деятельности его же собственного мозга. «Именно акцентирование “человеческого фактора” привело к появлению в разных науках ряда понятий, которые представляют психические, лингвистические, логические, философские модели объективного мира: концептуальная картина мира, картина мира, образ мира, модель мира, концептуальная система, индивидуальная когнитивная система, языковая картина мира и др.» [Стефановская, 2009].

Конец 1900-х – начало 2000-х ознаменовались всплеском интереса к исследованию картин мира, которые мыслились не иначе, как «глобальный образ объективной действительности, лежащий в основе мировоззрения человека, т. е. выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной деятельности» [Постовалова, 1988, с. 21, цит. по Стефановская, 2009]. Органическая среда обитания человека не ограничивается научной картиной мира, пользующейся специализированными языками, но требует описания естественным обыденным языком, отражающим повседневный опыт. Теории пространств и картин мира описывают фундаментальные измерения человеческого бытия, эксплицируют векторы описания «динамики и статики человеческого существования, конституируют его онтологию» [Касавин, 2004]. Для лингвистики наиболее интересной является языковая картина мира, поскольку человек означает в языке релевантные для своего существования предметы и явления окружающей действительности. Большая часть исследований языковой картины мира в настоящее время основана на описании лексики и фразеологии. Отдельно на примере звукоподражаний китайского языка была описана звуковая картина мира китайцев [Стефановская, 2009], опыту реконструкции языковой картины мира китайцев через ее репрезентацию средствами первого китайского этнотезауруса «Эръя» посвящена кандидатская диссертация Т. Е. Шишмаревой [2008].

Несвязность графического отображения китайского письменного знака с кодированием фонетической оболочки звучащей речи позволяет нам предположить, что пространство знаков китайского идеографического письма формирует не что иное, как собственную картину мира, идеографическую, дополнительную языковой и речевой картинам мира китайцев, и находящуюся в когерентных отношениях с последними.

Идеографическая письменность с позиции семиографического подхода описывается как один из естественных пространственных кодов, который, наряду с вербальным языком, включен в семиосферу китайской этнолингвокультуры. Подобно семантическим примитивам А. Вежбицкой (выделенным на примере лексики), а также глубинным структурам Н. Хомского (на примере грамматики), пространство идеографической письменности «отражает некую модель “семантических кварков” или “семантических примитивов”, формирующих не только единицы более высокого порядка этой системы – логограммы, но и отражающих в какой-то мере и мировидение китайского этносознания» [Готлиб, 2007, с. 40]. Предполагается возможным выделить *семиографический каркас*, представляющий собой 540 бушоу (部首) первого словаря иероглифов «Шовэнь Цзецзы» (说文解字) (1 в. до н. э. – 1 в. н. э.) за авторством Сюй Шэня (许慎). И сродни тому, как понимание «глубинной структуры» эволюционировало в область необходимости учета семантики, так и 540 знаков не могут быть рассмотрены лишь графически, но требуют грамматолого-семантического осмысления, а также восстановления этимологии (этимологической логографии) с целью дополнения значений бушоу словаря (написанного на материале и средствами письма Чжуань 篆) эволюционно более ранними вариантами (письменами Цзягу 甲古 и Цзиньвэнь 金文).

Сакральность письменных знаков в Китае на протяжении всей истории его существования подчеркивает особый статус китайского идеографического письма, наделяет знаковое пространство идеографии способностью к моделированию, посредством которого представители этнолингвокультуры членят окружающий мир. Ключевая характеристика этой модели проявляется себя в симметрии «речь/письмо». Превалирующая симметрия находится в языках фонографического толка, языки же идеографические – асимметричны, поскольку имеют понятийный характер, не связанный со звучанием устной речи. «Система письменности и система языка не представляют собой некоего единства, но достаточно независимы друг от друга и до известной степени самодостаточны. В приложении к китайскому языку, мы можем говорить об одновременном сосуществовании письменной языковой системы и звуковой (фонетической) языковой системы» [Готлиб, 2007, с. 51–52]. Самостоятельность китайского идеографического письма относительно речи, его знаковый

характер свидетельствуют о наличии целостного *пространства идеографической письменности*, с собственной структурой и комбинаторикой [Домашевская, 2017], независимого от фонетических аспектов китайского языка. «Являясь по большей части идеографическими, китайские письменные знаки своеобразно “рисуют” мир, создавая тем самым еще одну “картину мира”, отличную от иных» [Готлиб, 2007, с. 93].

Выводы. Теория систем, грамматологический и семиотический подходы позволяют нам с полипарадигмальных позиций посмотреть на объект исследования, коим, в самом широком плане, является письмо само в себе и для себя, а уже – идеографическое письмо. Полипарадигмальность предполагает освещенность идеографического письма как феномена посредством инструментария различных не связанных между собою парадигм научного знания.

В настоящем исследовании система идеографического письма рассматривается как дополнительная к системе национального языка, как одна из разнородных естественных знаковых систем (семиотик), через внутреннюю организацию базовых компонентов которой (морфограмм и логограмм) можно попытаться смоделировать процессы когниции и мышления, присущие человеку в его познавательной активности. Таким образом, пространству идеографического письма принадлежит *графическая метамодель китайской этнолингвокультуры*, дальнейшее изучение которой позволит добраться до опыта, иного, нежели изучение лексики или грамматики языка, вскрыть механизмы моделирования при переходе от глубинных структур, находящихся в отношениях дополнительности к поверхностным, отражающимся в знаках китайского идеографического письма и являющимся вариантом графической репрезентации опыта человека.

Мы полагаем идеографическую письменность разновидностью естественных языковых семиотик с собственной картиной мира, обладающей своеобразным семиографическим каркасом, диктующей различные типы структур знания, которые просматриваются за структурой знаков естественно-семиотического китайского языка, и формирующей графическую модель семиосферы китайской этнолингвокультуры. Совокупность же всех возможных языковых семиотик как компонентов формирует большую семиосферу по принципу включенности. При этом весь универсум лингвокультуры, ее «организм», ее самоорганизация и естественность процессов изоморфны другим открытым нелинейным системам, например организму человека или устройству Вселенной, ведь письмо всегда симбиоз, в результате которого «получается восхитительно нелогичный, но захватывающий и постоянно меняющийся хаос и в то же время стройное законченное целое» [Доблхофер, 2002, с. 32].

Литература

Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системных исследований. М. : Мысль, 1969. С. 7–48.

Богданова Э. Н. Методология исследования нелинейных процессов в сложных системах // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 52–55.

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М. : Восток-Запад, 2007. 282 с.

Доблхофер Е., Фридрих И. История письма: Эволюция письменности от Древнего Египта до наших дней : пер. с нем. / сост. К. Королев. М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. 400 с.

Домашевская Д. М. Коммуникативное пространство письменности: фонография vs. идеография // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 18–20 окт. 2017 г.) / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 95–107.

Задоев Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. 5-е изд., испр. и доп. М. : Вост. кн., 2014. Ч. 1. 304 с.

Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 384 с.

Касавин И. Т. Пространство // Философия : энцикл. словарь / ред. А. А. Ивин. М. : Гардарики, 2004. 1072 с. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/994/ПРОСТРАНСТВО (дата обращения 26.09.2018).

Кондрашевский А. Ф. Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей «шовэня» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 1982.

Лешкевич Т. Г. Постнеклассическая методология: эволюция парадигмы фундаментальной философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1998. № 6. С. 52–70.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии : пер. с англ. / под ред. В. А. Лекторского, В. И. Аршинова. М. : Прогресс, 1985. 343 с.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 8–69.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой : пер. с англ. / общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. М. : Прогресс, 1986. 432 с.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1972. 565 с.

Стефановская С. В. Звуковая картина мира // Вестн. ИГЛУ. 2009. С. 117–121. URL: <https://gotlib.ru/2018/05/18/звуковая-картина-мира/> (дата обращения 02.10.2018).

Чертов Л. В. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М. : Яз. славян. культуры, 2014. 320 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Шишмарева Т. Е. Опыт реконструкции языковой картины мира на основе древнего лексикографического источника : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 19 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/opyt-rekonstruktsii-yazykovoi-kartiny-mira-na-osnove-drevnego-leksikograficheskogo-istochnik#ixzz5TA4ZNoys> (дата обращения: 02.10.18).

Hall A. D., Fagen R. E. Definition of System // General Systems. 1956. Vol. 1. P. 18–28.

Bertalanffy L. von. General System Theory – A critical review // General Systems. 1962. Vol. 7. P. 1–20.

БОРЬБА ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО: КОНФЛИКТ США И КИТАЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Аннотация. Рассматривается ключевой мировой конфликт на Южно-Китайском море, который на сегодняшний день получил новое развитие и затрагивает не только страны АСЕАН. Подчеркивается немаловажная роль в этом конфликте США, которые пытаются укрепить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Отмечается, что спор о принадлежности Южно-Китайского моря, результат многолетних разногласий стран Юго-Восточной Азии, по сути представляет собой борьбу между странами, выходящими за пределы Юго-Восточной Азии, за мировое господство.

Ключевые слова: страны АСЕАН, США, Китай, Южно-Китайское море, спор, превосходство, острова.

Yu. Dyundik

Irkutsk State University, Irkutsk

FIGHT FOR GLOBAL LEADERSHIP: US – CHINA CONFLICT IN THE SOUTH CHINA SEA

Abstract. The South China Sea is a place of global confrontation which involves not only the ASEAN countries, but the USA as well. The USA tries to preserve its dominant position in the Asia-Pacific region and plays a key role in this conflict. The disputes over the South China Sea are the result of long-lasting disagreement between South-East countries which is today obviously a fight for global leadership between the USA and China.

Keywords: ASEAN countries, the USA, China, the South China Sea, confrontation, leadership, islands.

The South China Sea (SCS) issue is now a front page issue, it has become a stumbling block of the XXI century and one of the main reasons for a sharp confrontation involving many countries including the USA. In spite of the fact the South China Sea problem has a long history, it has long been disregarded. Still, according to D.V. Mosyakov [Мосяков, 2018, с. 6], the conflict has constantly been changing from one stage to another – from controversial to underactive talks. Most experts say that it has become the “maritime Balkans” of the twenty-first century. Today claimants include China, Vietnam, the Philippines, Malaysia, and Brunei.

Why has this territory become so controversial for the countries? It can be accounted for by the following reasons:

1) the South China Sea is rich in natural resources – undersea oil and gas reserves;

2) it is rich in seafood products, nearly 10 % of the world’s ocean-caught fish comes from the SCS, supplying the population of approximately 1, 4 billion people with food. It is a burning problem for China nowadays, especially in today’s situation of its rapid population growth;

3) 100,000 merchant vessels traverse the area annually, carrying over \$5,3 trillion worth of merchandise or one-third of global maritime trade (the Strait of Malacca is the main shipping channel between the Indian Ocean and the Pacific Ocean, from Eastern Asia to Western Asia, Africa and Europe, it is one of the most important shipping lanes in the world).

There used to be no disputes in the area, but after World War II, the Chinese government sent four military vessels to recover the four archipelagos of the South China Sea (Chinese names Xisha, Nansha, Dongsha, Zhongsha), and published a map of locations of all islands in the SCS. In 1956 Beijing occupied some of the Paracel Islands. The international community showed no disagreement, however, after the painting of a promising prospect for oil and gas resources in the 1970s, the countries began to occupy features in the waters, thus beginning the disputes. In 1974, China managed to occupy all of the Paracels. But later the Spartlys (known as Nansha Island in China) became their target territory. By 2002, ASEAN countries and China reached a Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea, calling for the unfettered freedom of navigation in the South China Sea for all nations of the world.

The beginning of the new stage of the conflict can be observed since 2009, when Beijing officially claimed the Spartlys its territory historically and announced a “nine-dashed line”, occupying more than 2.2 million square kilometers of SCS, which is almost 80 percent of all its water area. Then China started the so-called policy of bulk islands and has built artificial islands developing military bases with reinforced aircraft hangars built four lighthouses in the Spartlys starting air patrols in and over the disputed islands.

In spite of the fact that China is a party to the UN Convention on the Law of the Sea, its claims would eviscerate the fundamental principle on which the convention is founded – namely, that the sea is a “commons” that belongs to all seafaring states. American commentators stress the financial importance of commerce shipments in the Sea, the “principle” of military “freedom of navigation,” and the imperative of non-coercive resolution of disputes. According to R. D. Kaplan [Kaplan], effective control of the South China Sea will give China unfettered access to the wider Pacific, allow it to further soften up Taiwan – the northern boundary of the South China Sea – and, most important, make it a two-ocean naval power. Indeed, the South China Sea is the gateway to the Indian Ocean – the 21st century’s most critical body of water, which functions as the global energy interstate connecting the hydrocarbon fields of the Middle East with the middle-class conurbations of East Asia. China’s military actions in the South China Sea are inseparable from its commercial empire-building across the Indian Ocean to the Suez Canal and the eastern Mediterranean. No wonder the SCS today is the subject of competing claims amongst China, Vietnam, the Philippines, Malaysia, Brunei, and Taiwan as it can become a water equivalent of the Silk Road.

What is the role of the USA in the South China Sea conflict? The relations between the two countries are at their lowest point in 15 years, tensions have skyrocketed in recent years and resulted in the involvement of the US in the SCS conflict. In October 2010 Secretary of State Hillary Clinton interjected the U.S. in the dispute as a precursor to her “pivot.” She claimed that the USA will protect the international law, are for freedom of navigation and will prevent the claimants from any use of military force. So, the South China Sea dispute has evolved from a territorial and maritime dispute among the claimant states to a source of competition between China and the United States. In order to resolve it, China and the US have no choice but to engage each other and maintain regular communication on how they can coexist and respect each other’s core interests.

Xi Jinping became President in 2013. As A. Dikarev points out, most experts come to the conclusion that China’s neighboring countries become their priority in foreign policy, which becomes more nationalistic. Beijing has affirmed its rights over disputed territory in the South China Sea through a controversial artificial island building campaign, so the relations have deteriorated. The US considered Beijing's claims to the territory to have become increasingly aggressive under President Xi Jinping's leadership [Dikarev, 2018, c. 77].

In 2014 the Pentagon set a US Military program in Asia for 2030-2040 and it primarily geared toward China intending to double its military presence in the Asia Pacific region and attempt to manage China.

President Xi Jinping and President Obama had a private meeting in the spring of 2016, which signals its importance. China aims to preserve its dominance in Asia, and the United States vows to retain its strength in the Pacific. “Part of what I’ve tried to communicate to President Xi is that the United States arrives at its power, in part, by restraining itself,” Obama told CNN presenter Fareed Zakaria. “If you sign a treaty that calls for international arbitration around maritime issues, the fact that you’re bigger than the Philippines or Vietnam or other countries ... is not a reason for you to go around and flex your muscles,” Obama added, according to Reuters. “You’ve got to abide by international law.” “Where we see them violating international rules and norms, as we have seen in some cases in the South China Sea or in some of their behaviour when it comes to economic policy, we’ve been very firm,” added Obama. “And we’ve indicated to them that there will be consequences” [Torode, Scarr, 2018].

The new U.S. President Donald Trump administration announced that the United States would try hard to prevent China from taking over territory in international waters in the South China Sea, Rex Tillerson said “...we defend international territories from being taken over by one country”.

In 2015 President Xi Jinping had a trip to Washington, where he said he had no plans to militarize the artificial islands. But recently Reuters published the high-resolution pictures obtained by DigitalGlobe satellite. In these pic-

tures you can see Subi, one of China's seven man-made islands in the South China Sea, in detail. Images show it hosts 400 individual buildings that could house a regiment of the People's Liberation Army. At first glance from above it looks like any clean and neatly planned small town, complete with sports grounds, neat roads and large civic buildings. The other two “Big Three” islands, Mischief and Fiery Cross, could also house around 2,000 marines, Reuters reported, citing security analysts. Each island counts about 190 military buildings and structures, which are similar to those on Subi, moreover each island houses emplacements for missiles, storage facilities and runways – and even basketball courts. According to H. Beech, the regional security experts believe, the islands could soon be home to China’s first troops based in the maritime heart of Southeast Asia. According to the USA sources, China’s aggressive territorial claims and island militarization have put neighboring countries and the United States on the defensive, even as President Trump’s administration is stepping up efforts to highlight China’s controversial island-building campaign. “In short, China is now capable of controlling the South China Sea in all scenarios short of war with the United States,” Admiral Davidson said, an assessment that caused some consternation in the Pentagon [Beech, 2018].

Later in 2018, in June, Mr. Xi had a meeting with Defense Secretary Jim Mattis, where he vowed that China “cannot lose even one inch of the territory” in the South China Sea, even though an international tribunal has dismissed Beijing’s expansive claims to the waterway. National security adviser John Bolton said the U.S. would oppose any agreements between China and other claimants to the South China Sea that limit free passage to international shipping, and that American naval vessels would continue to sail through those waters [Watts, 2018].

Will Beijing feel threatened with U.S. activity such as its so-called “freedom of navigation patrols”? Ding Duo, a researcher at the Chinese government-backed National Institute for South China Sea Studies, said Beijing needs a military presence in the Spratlys to protect its civilian infrastructure. “As for how big that presence is depends on the threat assessment China has going forward for the Nansha Islands,” he said, using the Chinese name for the Spratlys. “The Nansha region faces severe military pressure, especially since Trump took office and increased freedom of navigation patrols. So China has raised its threat assessment” [Torode, Scarr, 2018].

The stakes are high, the tensions are more serious with every day. We see today how the world’s two largest economies, the U.S. and China, are competing for predominance over the world’s most populous region. Still, the U.S. with its policy of hedging and very pragmatic policy may be considered stronger from the military point of view, but China has started to demonstrate its growing military power. Philips S. Davidson says: “In short, China is now capable of controlling the South China Sea in all scenarios short of war with

the United States” (April 2018). Taking into account China’s geographical advantage, US ability to get dominant position in the South China Sea seems to be quite doubtful. Moreover, as its economic power is growing fast, it is seeking to reorder the US domination, whose key role in the region is doubtless in spite of the fact that today every Asian country trades more with China than with the US. “The Asia-Pacific region is in no doubt one of the United States’ most concerned areas. As an experienced hegemon, the United States is well aware that it has to give way to China’s rise, but in the meantime, it is hoping to slow down this process, as well as to increase the cost of the rise of China’s maritime power”[Li, Zhangxi, 2017].

So, today the South China Sea conflict is potentially one of the most dangerous global conflicts, engaging two most powerful countries in the world. It is not just a local conflict connected with the South China Sea, it is a war for world hegemony and leadership, and SCS conflict and trade war between China and the US can be considered to be a backwash of this fight, with Asian Pacific Region being its arena.

Литература

Дикарев А. Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «Новый консенсус»? // Сравнит. политика и геополитика. 2018. № 3. С. 75–86.

Мартынова Е. С. Соперничество США и Китая в Азии: чем это грозит АСЕАН? Е. С. Мартынова // Азия и Африка сегодня. 2014. № 2. С. 4–8.

Мосяков Д. В. События в Южно-Китайском море как угроза региональной стабильности и безопасности // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2018. № 2 (39). С. 5–12.

Beech H. China’s Sea Control Is a Done Deal, ‘Short of War With the U.S.’ // The New York Times, 20.09.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/09/20/world/asia/south-china-sea-navy.html> (date of address: 12.03.2019).

Kaplan D.R. How President Trump is helping Beijing win in the South China Sea // The Washington Post. 09.10.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/10/09/how-president-trump-is-helping-beijing-win-in-the-south-china-sea/?utm_term=.2165c57de8bd (date of address: 21.03.2019).

Li X., Zhangxi Ch. China’s Window of Opportunity in the South China Sea // The Diplomat, 26.07.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/07/chinas-window-of-opportunity-in-the-south-china-sea/> (date of address: 10.03.2019).

Persio S. L China Is Building Towns In The South China Sea That Could House Thousands Of Marines // Newsweek, 24.05.2018. URL: <https://www.newsweek.com/china-building-towns-south-china-sea-could-house-thousands-marines-941928> (date of address: 20.03.2019).

Torode G., Scarr S. Concrete and coral: Beijing’s South China Sea building boom fuels concerns // Reuters, 24.05.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-southchinasea-insight-idUSKCN1IO3GA> (date of address: 10.03.2019).

Watts J. M. Bolton Warns China Against Limiting Free Passage in South China Sea // The Wall Street Journal. 13.11.18. URL: <https://www.wsj.com/articles/bolton-warns-china-against-limiting-free-passage-in-south-china-sea-1542110191> (date of address: 19.03.2019).

汉俄中缀构词对比

摘要. 汉语和俄语都有中缀。汉语中缀这一名称来自于英语的 *infix*→*инфикс*, 而俄语的中缀名称来自于拉丁语的 *interfixus*→*интерфикс*。中缀是用在词根词素中间的词缀。一般认为, 现代汉语里的中缀有“得、不、里、一、来、巴”等, 俄语中缀主要有 -o-、-e-、-a-、-y-、-и-、-с-、-ух、-ёх, 其中 -o- 和 -e- 最为常用。在构词中的作用较大, 除了相同之处以外, 还有许多不同之处。二语的中缀都属于词的中间部分, 也都用于连接其它词素的。汉语中缀具有特殊的衬音、平衡或增强语气、贬义色彩的作用, 而俄语中缀用来连接两个词根或连接词根同别的词缀, 不表示任何附加意义或语体色彩的意义。文中主要从两种语言中缀的概念来源、定义、数量、构词能力、功能方面来进行比较。

关键词: 词缀; 汉语中缀; 俄语中缀; 汉俄构词对比。

Ia. Efremenko

Russian Institute of Heilongjiang University, Harbin

CONTRAST OF WORD FORMATION BETWEEN CHINESE AND RUSSIAN INFIX AND INTERFIX

Abstract. There are infixes in the Chinese and the Russian languages. The Chinese infix comes from the English *infix*→*инфикс*, while the Russian infix comes from the Latin *interfixus*→*интерфикс*. Infix is an affix attached between the root morphemes. Generally speaking, Modern Chinese infixes include “得,不,里,一,来,巴” and so on. Main Russian infixes are -o-, -e-, -a-, -y-, -и-, -с-, -ух, -ёх, among which -o- and -e- are most commonly used. In addition to the similarities, there are many differences in word formation. The affixes in the second language belong to the middle part of the word and are also used to connect other morphemes. Chinese infixes have special functions of lining, balancing or enhancing tone and derogatory meaning, while Russian infixes are used to connect two roots or to connect the same roots without any additional meaning or stylistic meaning. This article mainly compares the conceptual origin, definition, quantity, word-formation ability and function of affixes in two languages.

Keywords: Infix, Chinese infix, Russian interfix, Contrast of word formation between Chinese and Russian.

I 汉俄语中缀的概述

一、汉语中缀的界定

中缀是嵌入两个词素中间的一种附加成分。其别名为“中附语”。中缀的英文名为 *infix*, 俄文叫作 *инфикс*。最早, 马建忠编的《马氏文通》中已经提到了“前附”、“后附”等其他构词的方式, 而后来薛祥绥 1919 年出版的《中国言语文字说略》中提出了“语根”(词根)、“语系”(即词缀)这两种构词概念。薛祥绥是通过汉语跟其他屈折、粘着语言进行比较了, 并当上构拟汉语构词法体系的第一人。

此后, 1923 年黎锦熙在马氏的基础之上, 写出了《汉语构词法—多音词表》, 在此表里从合成词中分出了“词头”、“词嵌”、“词尾”这三种概念。其中“词嵌”的概念, 就是我们今天所说的中缀。

葛本仪[葛本仪, 2014, p. 53]在她主编的《现代汉语词汇学》书中认为:“中缀是用在词根词素中间的词缀”。

哈特曼(Хотман)、斯托克(Сток)在《Dictionary of language and linguistics》书中对中缀的定义就是“插入词中的词缀”[Хотман, 1984, c. 193].

笔者通过搜集资料发现,有不少的汉语语法著作中基本上没有涉及到中缀的问题,这就好像表明汉语中不存在中缀似的。比如,黄伯荣、廖序东二位在《现代汉语》书中干脆就不提中缀。

目前,汉学界就现代汉语中究竟有无中缀这一问题上存有不同的认识,并把他们可以分为两大派:

第一派认为汉语里有附加式构词法,但不承认有中缀,主要以祝鸿杰(1991)、周荐(1995)、刘淑新(2000)等其人为代表。

祝鸿杰[祝鸿杰, 1991, p. 15]:“我们在词缀的划分中没有列入中缀”。他是根据《语言与语言学词典》这一书给词缀的定义来判定中缀,说:“中缀又叫词嵌,《语言与语言学词典》给它下的定义是‘插入词中的词缀’,也就是说,首先必须有一个单词作为词根,插入中缀后,使词根意义或词性发生变化,产生派生词。”比如,祝鸿杰认为,“A里AB”的“里”属于构形,即“里”是少数形容词不完全重叠的标志,所以与构词无关。

周荐[周荐, 1995, p. 137]认为不能轻易地下结论说现代汉语中存在着中缀现象。假如有中缀,其应是属于成类的现象,而不能是个别的情况。他解释说,中缀在魏晋时代还没有产生,但在后来突兀地出现了。他说明这一点,使中缀作为词缀的资格是值得怀疑的。

刘淑新[刘淑新, 1996, p. 63]认为,汉语派生式的词缀,依附于词根的前后有前缀、后缀两类。他又指出:“在世界的语言中,被语言学家发现有中缀的,非常之少。要断定现代汉语存在中缀或类似中缀的单位,似须十分审慎。”刘先生在他的关于《轻声“里”属什么单位的问题》文章里,更以独到的分析否定了“里”作为中缀的观点。他又主张把“糊里糊涂”嵌入的“里”看成“重叠成分的伴随物,看作性质上更接近于构形法形态的特殊形态”。

第二派认为现代汉语存在中缀,主要以前苏联学者龙果夫(A. A. Луигов, 1958)、任学良(1981)、邢公畹(1982)、吕叔湘(1984)、李荣嵩(1986)、胡裕树(1987)、陈光磊(1994)、严戎庚(1995)、赵元任(2005)等其人为代表,但各位学者的内部的意见也各不相同。

A. A. Луигов [1959, c. 39] (龙果夫)在《汉语的结构单位》书中指出:“中缀在汉语中为数非常有限,只有极少几个,那就是动词的中缀‘不’和‘得’,表示的是某种动作可能或不可能达到的结果”。

任学良[任学良, 1981, p. 41]认为, 中缀就是词嵌, 并把“灰不溜丢”和“黑不溜秋”中的“不”, “叽里呱啦”中的“里”, “零七八碎”和“乱七八糟”中的“七、八”, “低三下四”和“丢三落四”中的“三、四”一律看成中缀。

李荣嵩[李荣嵩, 1986, p. 2]编写的《中缀试探》是一篇专门研究现代汉语中缀的文章。其文章中他指出: 中缀是“通常指插在一个词中间的辅助成分(虚词素)。”他又说: “我们肯定汉语有中缀, 不过只有‘得’、‘不’这两种成分是中缀。例如‘打得倒’、‘打不倒’、‘看得见’、‘看不见’、‘想得到’、‘想不到’中的‘得’和‘不’, 换言之, 只有补充结构式的合成词像‘打倒’、‘看见’之类才可以作为中缀的词根”。

赵元任[赵元任, 1979, p. 133]在他编的《汉语口语语法》这一书中说, “汉语里中缀很少。”他认为中缀是“两头粘着”的, 如: “糊里糊涂”的“里”、“滑不济济(儿)的”的“不”、“看得见”和“看不见”的“得”和“不”等都是中缀。

笔者认为汉语中缀是存在的。虽然在古代汉语里没有出现过中缀, 但这并不意味着现代汉语里没有它。因为人类语言是“活的”并且在不断的发展之中, 即随着年代的发展、新的科技、人们交际的需要等等, 就会出现各种新兴的语言现象。而语言属于不断地完善的过程中, 一旦出现新的现象, 久而久之, 就会成自然了, 中缀也一样。就马庆柱 [马庆株, 2002, p. 42] 先生而言, “词缀有易变性, 词缀不断新陈代谢, 因而古今差异很大”。其实, 这种新看法对于判定中缀自然也具有理论指导作用。

通过搜集和归纳别人的研究成果, 笔者认为要判断一个词素是否中缀时, 它就必须符合以下几个基本原则:

1. 中缀是构词的虚词素, 它的词汇意义虚化, 但可以跟其它词素合起来表示某种抽象的附加意义;
2. 中缀位于词的中间位置, 具有结构上的附着性特征, 即跟前、后的词素是黏着的;
3. 中缀前、后的构词成分是承担词汇基本意义的词根词素;
4. 中缀的发音相对短、轻, 但与轻声还没有完全的相符;
5. 中缀能起到衬音的作用, 以达到音律、平衡、和谐;
6. 中缀具有增强语气和贬义色彩的作用;
7. 中缀具有能产性。

下面我们来看一看现代汉语的几个常见中缀。一般认为, 现代汉语里的中缀有“得、不、里、一、来、巴”等, 比如:

(1) “得”: 吃得来、吃得消、处得来、对得起、犯得上、犯得着、来得及;

(2) “不”：保不齐、说不定、差不多、差不离、吃不服、顾不及、对不起、来不及；

(3) “里”：傻里傻气、土里土气、糊里糊涂、古里古怪、“罗里罗嗦”、“小里小气”、“流里流气” 疙里疙瘩、叽里呱啦、滴里嘟噜、“稀里马虎”、“稀里哗啦”；

(4) “一”：想一想、看一看、买一买、写一写、问一问、读一读、洗一洗；

(5) “来”：百来个、十来个、一丈来、三十来斤；

(6) “巴”：稀巴烂；

(7) “八”：仰八叉、胡说八道；

(8) “儿八”：正儿八经；

(9) “七八”：乱七八糟。

二、俄语中缀的界定

俄语中缀来源于拉丁语的 *inter* (между “之间”) 和 *fixus* (прикрепленный “附加”)。中缀称作连接词缀 (соединительный аффикс) 或连接元音 (соединительный гласный звук), 用于连接复合词中的简单词干。俄语中把中缀叫作 *интерфикс*。正如 В. Н. Немченко [1984, с. 39] 给中缀下这样的定义: “Части слова, не имеющие самостоятельного значения и выступающие как строевые средства языка, функция которых состоит в соединении морфем в слове”。译文: “词的一部分, 其没有独立意义并作为语言构词手段用于连接词素。”Л. П. Крысин [Крысин, 1998, с. 348] 在《Толковый словарь иностранных слов》(《外来语释义词典》) 中说中缀是“词的一部分, 用于连接两个词根或连接词根与词缀”。

Н. Г. Комлев [2006, с. 226] 在《Словарь иностранных слов》(《外来语词典》) 中指出: “位于词根之间并没有独立构词意义的连接词素叫作中缀”。

中缀主要有 -о-、-е-、-а-、-у-、-и-、-с-、-ух、-ёх 共 8 个, 其中 -о- 和 -е- 最为常用。例如: лесовоз (运材船, лес-о-воз) 中的 -о-、пешеход (步行者, пеш-е-ход) 中的 -е-、омбудсмен (申诉专员) 中的 -с-、двухметровый (两米高的, дв-ух-метровый) 中的 -ух、четырёхэтажный (四层高的, четырёх-ёх-этажный) 中的 -ёх。俄语中缀起着重要的构词作用。严格来讲, 中缀不应该属于词素, 它既不表示实物意义, 又不表示语法意义。中缀的主要类型与连接方式: “词干+中缀+后缀”, 如: *купейный*、*тринадцать*; “词干+中缀+词干”, 如: *белозеленый*、*сердцеед*。

II 汉俄语中缀的异同

汉语和俄语中都有中缀。二语的中缀都属于词的中间部分，也都用于连接其它词素的。那么，二者的概念是否一样呢？

首先，从两种语言的中缀概念来源不一。中缀这一概念源于西方语言的构词学理论而来的，就是通过中西语言比较研究归纳出来的，因为古代汉语自身没有中缀。这恰巧与俄语相反，其中缀概念是原来固有的。至于现代汉语里是否存在真正的中缀，对于这一点来说，不同语言学者没有统一的看法。但是没有学者否认俄语里存在着中缀。

从术语名称和定义角度来看，汉语俄语都称为中缀。汉语中缀这一名称来自于英语的 infix→инфикс，而俄语的中缀名称来自于拉丁语的 interfixus→интерфикс。汉语和俄语中缀的含义也有着细微的差别。前者是指用在词根词素中间的词缀词素，后者是指中缀属于词的一部分，用来连接两个词根或连接词根同别的词缀，而且俄语中缀多指的是连接元音。汉语中缀可算是虚词素，因为词素是音义结合的最小构词单位。虽然它的词汇意义已经基本虚化，但跟其它词素合起来表示某种抽象的附加意义。而俄语的中缀，严格地说，并不属于词素，它既不表示实在意义，又不表示语法意义。

从中缀的功能方面来看，汉语中缀涉及到构词和构形两个方面。汉语作为单词的词根插入中缀而岔开之后，使词根意义或词性发生变化，而产生派生词。如：“A 里 AB”（糊里糊涂）的“里”属于构形的中缀。俄语中缀则不能从中间分开一个词根放入其他构词成分，而只能把两个不同的词根用其它构词成分连接起来。例如：черн-о-кожий（黑皮肤的）中的-о-用于连接词根 черн-（黑）与词根-кож（皮肤）。俄语中缀起着重要的构词作用。

从数量来看，汉语和俄语中缀与其它词缀相比占少数。汉语中缀的数量大约 10 多个（如：得、不、里、一、来、巴、八、儿八、七八等），而俄语的只有 8 个（如 -о-、-е-、-у-、-а-、-с-、-и-、-ух、-ёх）。相比之下，俄语的中缀数量少一些。

从构词能力来看，汉语和俄语中缀都具有较强的能产性。但是，汉语的中缀比俄语的更能产。

从中缀的修辞方面来看：第一，汉语中缀具有特殊的衬音作用，使整个的词能达到音律、平衡、和谐；第二，汉语中缀有增强语气和贬义色彩的作用。相反，俄语中缀的作用就是连接两个词或连接一个词的几个部分，另外，俄语中缀不表示任何附加意义或语体色彩的意义。

III 结语

综上所述，汉语和俄语在中缀发展上各有各的自身特点。二者既有相同点，又有不同点。汉俄语中缀的对比有利于更好地了解构词结构、更快地掌握词汇、对于翻译也有一定的作用。另外，对外教学中，可以有

意识地指导留学生对这些带有中缀的词汇进行积累和观察,同时启发他们发现一些具有派生能力的词根结构,从而增强学生对学习的趣味性,爱上“构词学”这一门学科。

参考文献

- Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1984. 39 с.
- Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2006. 226 с.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1998. 348 с.
- Лунгов А. Структура китайского языка. Китайский язык, 1959. 39 с.
- Хотман Р., Сток Ф. С. Словарь языка и лингвистики. Шанхай : Издат. дом Шанхая, 1984. 193 с.
- 葛本仪. 现代汉语词汇学. 商务印书馆, 2014. 53 页.
- 任学良. 汉语造词法[文]—北京: 中国社会科学出版社, 1981. 41 页.
- 李荣嵩. 中缀试探. —天津: 天津师范大学学报(哲社), 1986(2).
- 刘叔新. 轻声“里”属什么单位的问题. 语言教学与研究, 1996. 63 页.
- 马庆株. 现代汉语词缀的性质、范围和分类. 著名中年语言学家自选集: 马庆株卷. —合肥: 安徽教育出版社, 2002. 42 页.
- 赵元任. 汉语口语语法. 商务印书馆, 1979. 133 页.
- 周荐. 汉语词汇研究史纲. 语文出版社, 1995. 137 页.
- 祝鸿杰. 汉语词缀研究管见. 武汉: 语言研究, 1991. 15 页.

УДК 372.881.1

Д. А. Жигульская

Московский государственный университет, Москва

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Рассмотрена роль кино в обучении китайскому языку. Предлагается методическая разработка по китайскому фильму «Потерявшиеся в пути».

Ключевые слова: китайский язык; виды речевой деятельности; аудирование; фильм.

D. Zhigulskaia

Lomonosov Moscow State University, Moscow

CHINESE FILM IS A TEACHING AID

Abstract. The article is devoted to the role of film in teaching Chinese. There are some exercises, which help students watch the Chinese film “Lost on way”.

Keywords: chinese language; language activities; listening; film.

В последнее время в процессе обучения иностранным языкам произошёл переход от традиционного грамматико-переводного метода к коммуникативному, в котором основное внимание уделяется развитию коммуникативной компетенции учащихся. В связи с этим именно

научить общаться на иностранном языке является первостепенной задачей преподавателя. «Общение – взаимодействие субъектов, при котором происходит обмен информацией, опытом, знаниями, навыками, умениями, а также результатами деятельности» [Азимов, 2009, с. 172].

Из всех навыков четырех видов речевой деятельности, формируемых у учащихся, чаще всего менее развит навык аудирования, хотя для общения он так же важен, как и говорение. Обычно это связано с тем, что преподаватели иностранных языков на аспект аудирования выделяют недостаточно времени. И только оказавшись в языковой среде, учащийся может довести этот навык до нужного уровня.

Ситуация с обучением китайскому языку является ярким примером вышеописанного. До недавнего времени на занятиях по китайскому языку важность аудирования сильно недооценивалась. Приоритет отдавался другим видам речевой деятельности: письму, чтению, говорению. Именно в такой последовательности. Обычно на развитие коммуникативных навыков не оставалось времени, так как изучение китайского языка – это трудоемкий процесс. Преподавателю на занятиях нужно охватить большой пласт работы (грамматика, словообразование, иероглифика, произношение).

Благодаря развитию технологий появляется всё больше возможностей упражняться в аудировании как во время урока, так и при самостоятельной подготовке. Сегодня есть множество вариантов, позволяющих развивать навыки восприятия речи на слух: слушать аудиозаписи и подкасты, смотреть фильмы и сериалы.

Правильный подбор материала – это одно из основных условий, чтобы вышеперечисленные средства развития навыков аудирования были эффективны. Вряд ли просмотр фильма или сериала будет полезен для учащихся, которые только начали изучать китайский язык.

На наш взгляд, просмотр фильма – очень эффективное средство обучения иностранному языку для тех, кто продолжает изучать или совершенствует свои знания. Многие смотрят фильмы на китайском, чтобы улучшить свои навыки восприятия речи на слух. Но просмотр фильма позволяет решить и целый ряд других задач.

Во-первых, просмотр фильма является для учащихся погружением в языковую среду. Фильмы, в которых отображается современная реальность, обычно демонстрируют более живой и разнообразный язык, чем учебники.

Учащиеся, выходя в коммуникацию вне аудитории, часто сталкиваются с тем, что тот язык, на котором говорят носители, очень отличается от того, что они учили. Так как фильмы ориентированы на носителей, то и язык в фильмах настоящий, живой. Соответственно учащиеся через просмотр фильма расширяют свой лексический запас.

Во-вторых, многие фильмы отражают через персонажей и место действия современные реалии страны. Фильм может быть хорошим материалом для изучения Китая изнутри.

В процессе просмотра учащийся углубляет свои знания по культуре, истории, географии, расширяет кругозор. Обычно в фильмах поднимаются те проблемы и вопросы, которые волнуют местное население. Благодаря просмотру фильма студенты могут узнать социально-бытовые проблемы китайцев, проникнуть в реальную китайскую жизнь.

В-третьих, фильм также помогает активизировать коммуникативные навыки учащихся. «Использование фильма помогает решить большую методическую проблему определить такие стимулы для естественной речи в учебных условиях, которые бы возбуждали у студентов подлинное и действенное желание говорить» [Бегийович, 2009]. Фильм побуждает учащихся к умственной и речевой активности. Студенты всегда с большим интересом и готовностью обсуждают происходящее в фильме.

Чтобы просмотр кинофильма как средство обучения мог выполнять все дидактические функции (развивать навыки аудирования, говорения, обогащать словарный запас, расширять кругозор), нужна соответствующая методика. Тогда просмотр фильма действительно будет эффективней, чем другие средства обучения.

Мы считаем, что грамотное и рациональное использование такого средства обучения, как фильм, не только позволит улучшить уровень китайского языка, но и заинтересует и замотивирует учащихся.

Предлагаем Вашему вниманию методическую разработку по фильму.

Мы выбрали фильм “人在囧途” («Потерявшиеся в пути» / “Lost on journey”), который вышел на экраны в 2010 г. Действие фильма происходит в канун китайского Нового года (春节). Главные герои отправляются в город Чанша, по пути с ними происходят разные приключения.

Несмотря на то что картина вышла девять лет назад, многие русскоязычные порталы о Китае рекомендуют именно этот фильм. Так как в нем очень хорошо отражены реалии современного Китая.

Мы разделили фильм на шесть эпизодов. Каждый эпизод длится около 10–15 минут. К каждому эпизоду выписаны новые слова и предлагается ряд однотипных заданий:

- после первого просмотра эпизода ответьте, верны ли следующие утверждения (задание типа 对不对);
- после второго просмотра ответьте на вопросы;
- после второго просмотра определите, кто и кому говорит следующие фразы;
- после третьего просмотра переведите на китайский предложенные фразы.

Все вышеперечисленные задания направлены на понимание увиденного. Кроме этих заданий есть также задания на развитие коммуникативных навыков. В зависимости от эпизода вам предлагается высказать собственное мнение, или пересказать увиденное, или продумать, как будут развиваться события дальше.

Так как в фильме встречается много реалий китайской жизни, то мы предлагаем учащимся найти в Интернете информацию про то или иное событие, про ту или иную знаменитость. Навык поиска в Интернете непременно пригодится студентам в дальнейшей работе.

Кроме этого, к каждому эпизоду есть задание на составление скрипта отдельных моментов. Данное упражнение направлено на развитие навыков восприятия речи. Здесь нет ограничения по количеству просмотров.

После просмотра шести эпизодов и выполнения всех соответствующих заданий предложены финальные задания. Здесь есть не только упражнения на развитие навыков говорения, аудирования, но и письменные задания: сделать краткое описание фильма, написать рецензию на фильм. А также есть творческое задание: учащимся предлагается разыграть по ролям любой понравившийся момент из фильма.

В качестве примера приведем задания к эпизоду 3.

Эпизод 3 (29:00–43:30) (до слов 醒醒醒)

生词

狗屎运

要不是

打断

误会

拖拉机

方便面

掏

掉(зд. ронять)

抬头(зд. поднять голову)

妆化

骗子

手术台

走投无路

押给

骗术

搜索

报警

捡

招(зд. приём)

拙劣

受骗上当

嘴硬

兜

困死
凑合 (зд. приспособиться)
大葱
被窝

Задание 1. Посмотрите эпизод 3 и ответьте, верны ли следующие утверждения (对不对):

- 1) 村长给牛耿和李成功安排了摩托车。
- 2) 大帅哥是汉口人。
- 3) 牛耿去买到长沙的车票，李成功去买包子。
- 4) 美女求人借钱，帮助她的儿子做手术。
- 5) 李成功相信美女的话，牛耿不相信她。
- 6) 牛耿把身上所有的钱都给了美女，之后她回来，还给了牛耿。
- 7) 李成功坐的大巴车晚上 10 点到了长沙。
- 8) 李成功把钱包丢在车里。
- 9) 李成功和牛耿在旅馆开了两个房间。
- 10) 他们住宿的房间只有一张床。
- 11) 他们住宿的房间很现代，很舒适。

Задание 2. Расположите события в правильной последовательности:

- 1) 李成功和牛耿在旅馆住宿。
- 2) 李成功买了两张到长沙的车票。
- 3) 村长找到了拖拉机，把牛耿和李成功送到汉口。
- 4) 李成功又回到了汉口。

Какие еще события произошли с героями в эпизоде 3?

Задание 3. Посмотрите эпизод 3 еще раз и ответьте на вопросы:

1. 牛耿和李成功在车站看见了一个美女，她做了什么？她遇到什么问题？
2. 为什么牛耿相信美女的话？他对李成功说什么了？
3. 为什么李成功不想帮助这个美女？
4. 为什么李成功没有顺利到长沙？
5. 李成功的钱包丢在哪儿？
6. 最便宜的标准间多少钱一晚上？
7. 旅馆办入住的服务员听到他们只开一间房时，为什么那么惊讶？
8. 他们住的标准间怎么样？你愿不愿意住在那个房间？
9. 在他们的客房里只有一张床。他们怎么办？
10. 你觉得，他们在这个旅店住宿享受吗？他俩睡得怎么样？

Задание 4. Определите, кто и кому говорит следующие реплики:

- 1) 先在这儿吃着住着，没事。

- 2) 不知道要打断多少条腿!
- 3) 两位, 可以搭个车吗?
- 4) 看不出来你会的挺多啊。
- 5) 好了两位, 我就在这儿下了。
- 6) 我看像真的。
- 7) 那你看我像不像是真的。
- 8) 我家里人就把钱送来了。
- 9) 你不知道身份证能造假吗?
- 10) 傻瓜, 活该被人骗。
- 11) 抱歉抱歉, 拿好自己的行李。
- 12) 骗了说明没人病, 没人病更好。
- 13) 冲你这句话我请你吃饭。
- 14) 你说丢了肯定丢了。
- 15) 我说你睡不了你还不信。

Задание 5. Посмотрите эпизод 3 в третий раз и переведите на китайский предложенные фразы из фильма:

- 1) наконец доехали;
- 2) вы двое можете доехать до вокзала Ханькоу, там есть автобусы до города Чанша;
- 3) я пойду за билетами, а ты купи баоцзы;
- 4) если не верите...
- 5) с какой стати ты ей веришь?
- 6) среди людей есть настоящие чувства;
- 7) приблизительно сегодня к 10 вечера доберемся;
- 8) господин, проснитесь (очнитесь);
- 9) все отдал;
- 10) у меня сейчас осталось лишь 80 юаней;
- 11) сколько стоит самый дешевый стандартный номер за ночь?
- 12) ты там не заснешь/уснешь;

Задание 6. Как перевести 标准间? Какие еще есть виды номеров в отеле? Давайте составим список слов, которые связаны с отелем.

Задание 7. Найдите, как по-китайски будет попрошайка. Как Вы думаете, девушка, которая просила деньги, обманщица или у нее действительно проблемы? Объясните свою версию.

Задание 8. Как вы понимаете фразу, которую постоянно Ли Чэнгун (李成功) повторяет в разговоре с девушкой-попрошайкой: 你这骗术太土了?

Задание 9. Давайте вспомним, какие приключения уже случились с нашими героями. Перескажите произошедшие события от:

- а) лица Ли Чэнгуна (李成功);
- б) лица Нью Гэна (牛耿) .

Задание 10. Посмотрите *отрывок 3* еще раз и сделайте скрипт:

а) разговора Ли Чэнгуна (李成功) и Нью Гэна (牛耿) во время их встречи ночью

李成功: 给了多少钱?

....

李成功: 走吧。

б) всего, что говорит девушка-попрошайка.

Задание 11. Расскажите про самую популярную китайскую сеть отелей/гостиниц.

Описанная нами в этой статье методика работы с кинофильмом «Потерявшиеся в пути», с некоторыми оговорками и дополнениями, может быть применена при просмотре с учащимися самых разных видеолент и произведений киноискусства.

Литература

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М. : Икар, 2009. 447 с.

Бегийович О. С. Кино в обучении иностранным языкам // Вестн. ЮУрГУ 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kino-v-obuchanii-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 22.02.2019).

УДК 11

Т. Ю. Жихарева

Тюменский государственный университет, Тюмень

СИМВОЛИКА ДЗЕН-БУДДИЗМА В РОМАНЕ ХАРУКИ МУРАКАМИ «НОРВЕЖСКИЙ ЛЕС»

Аннотация. Рассмотрены понятия «дзен» в контексте японской культуры и выявление символики дзен в романе Х. Мураками «Норвежский лес». В связи с этим рассматриваются основные принципы философии дзен-буддизма, прослеживается влияние этой философии на развитие мотивов любви, дружбы, одиночества, индивидуализма, смерти. Также делается попытка изучить роль природного мотива в романе, для этого некоторое внимание уделяется мотиву пейзажности, который переплетается с символикой дзен.

Ключевые слова: дзен, дзен-буддизм, сатори, пустота, иррациональность, ментальность, круг.

T. Zhikhareva

Tyumen State University, Tyumen

THE SYMBOLS OF ZEN-BUDDHISM IN HARUKI MURAKAMI'S NOVEL "NORWEGIAN WOOD"

Abstract. The aim of our article is to observe "Zen" in the context of Japanese linguoculture and to single out the symbols of Zen in the novel "Norwegian Wood" by H. Murakami. In this connection the main principles of Zen-Buddhist philosophy are observed and the influence of this philosophy on the motives of love, friendship, solitude, individualism, death is traced. Also an attempt

to study the Nature motive in the novel is taken up. For this purpose a certain attention is given to the paysage theme which runs together with Zen symbols.

Keywords: Zen, Zen-Buddhism, Satori, voidness, irrationality, instantaneousness, circle.

Постижение *дзена* является чрезвычайно важным для понимания мировосприятия дальневосточных культур, а именно японской или китайской культурной общности; этот элемент – как раз то, что отличает японскую или китайскую культуры от западноевропейской в науке, архитектуре, поэзии, живописи, искусстве создания парковых ансамблей, воинском искусстве. Достаточно интересно и необычно, что в XX в. философия *дзена* сильно повлияла на англосаксонский и германский мир, доказательством чему могут служить философские работы А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера, рассказы Сэлинджера, романы Р. Роллана, работа Эриха Фромма о буддизме и психоанализе и т. д. Данные авторы проповедовали именно иррациональное постижение реальности в противовес аналитическим построениям. Сущность *дзена*, скрытая от взгляда и постигаемая мистически, сродни некоей сути вещей и, в конечном счете, сути мира. М. Хайдеггер в известной работе «Вещь» (“*Das Ding*”) описал иррационально постигаемую сущность, используя слова-символы, метафорические образы («источник» (*die Quelle*), «скала» (*das Gestein*), «темная дрема земли» (*der dunkle Schlummer der Erde*), «роса неба» (*die Regen und Tau des Himmels*), «бракосочетание неба и земли» (*die Hochzeit von Himmel und Erde*). Все эти образы оказываются включены в понятие «чаша» (*der Krug*), которое имеет сакральный аспект [Жихарева, 2015, с. 10]. Сущностью чаши является *nyctoma* (*die Leere, dieses Nichts am Krug*), чаша и оказывается такой мистически постигаемой вещью.

Для понимания того, что же такое *дзен*, мы опирались на работу Д. Т. Судзуки «Дзен и японская культура». Д. Т. Судзуки отмечает, что *дзен* мистичен и является основой восточной культуры. «Именно этот мистицизм часто мешает Западу измерить глубину восточного ума в связи с тем, что по природе своей мистицизм отрицает логический анализ, а логичность является основной чертой западного ума. Восточный ум синтетичен, он не придает слишком большого значения несуществующим подробностям, а стремится, скорее, к интуитивному постижению целого. Дзен – это систематизация или, скорее, кристаллизация всей философии, религии и самой жизни Дальнего Востока, и в особенности Японии» [Судзуки, 2003]. С. В. Пахомов, комментируя работу Судзуки о *дзене*, замечает, что для *дзена* характерна «особая изысканность, утонченность, поэтическая отрешенность от мира» [Пахомов, 2003, с. 492]. Последователь *дзена* не привязан к своей жизни, «для него это всего лишь какое-то облачко, путешествующее по ясному небу сознания неизвестно куда и неизвестно зачем» [Пахомов, 2003, с. 492]. Кроме того, *дзен* связан с воинским сословием, характерно понятие «меч жизни», которое парадоксально: меч не способен убить; если смерть и наступает,

то только в результате агрессивного выпада нападающего, на которого оборачивается меч. Это меч «животворящей *пустоты*», которая креативна и просветляюща, убивает же она спонтанно и бессознательно. Эта пустота рассматривается как исток самой жизни, она затягивает в себя. «Центральная и наивысшая цель религиозной практики в традиции дзен – сатори. Сатори – это душа дзена, и без него нет дзена», – отмечает Д. Т. Судзуки [2003]. Сатори присущи некоторые важнейшие черты:

- иррациональность, необъяснимость, непередаваемость;
- интуитивное проникновение в сущность природы;
- ощущение необычности состояния сатори;
- испытание чувства восторга как результата реализации чего-то неосознанного;

– краткость, внезапность, мгновенность сатори [Буддизм, 2000]. С феноменом сатори тесно связана **природа**. Природа становится соучастником обретения человеком сатори. Она помогает человеку пробудиться от сна неведения. Она выражает абсолютный принцип, будучи бессознательной и нецеленаправленной, поэтому может считаться подлинным источником творчества [Пахомов, 2003, с. 498]. Обычная логика здесь отсутствует. Сатори должно стать результатом внутренней работы индивида. Говоря о вербальном выражении дзена, Судзуки отмечает, что вербализм дзена имеет свои собственные черты, «которые опровергают правила научной лингвистики» [Судзуки, 2003, с. 10]. Вербальные средства дзена иррациональны («если вы имеете посох, я дам вам свой, если у вас нет его, я его заберу»). Судзуки вводит понятие «живого» слова, с помощью которого и реализуется дзенский вербализм. Слово и действие – это в конечном счете одно. Практикуется обучение не словом, но *действием*, с действием же связан опыт просветления. Исследователь дзен-буддизма в японской, китайской и индийской культурах Г. Дюмулен свидетельствует, что символы дзен-буддизма «не только выражают абстрактные понятия, но и служат средством сосредоточения» [Дюмулен, 2003, с. 19]. Путем отрицаний и парадоксов, за счет «несоответствия рациональному осмыслению» открывается некий портал или «канал познания», «через который воспринимается конечная истина» [Там же, с. 44]. Судзуки также комментирует понятие **дао**, заимствованное из китайской философии, схожее с понятием дзена: дао не должно быть абстрактным, превосходящим наш обыденный опыт [Судзуки, 2003, с. 12]. Дао – «это нечто глубоко укорененное в каждом из нас, во всех существах, одушевленных и неодушевленных, и оно требует для своего познания чего-то такого, что совершенно отличается от научного анализа. Оно бросает вызов нашим интеллектуальным занятиям, так как является слишком конкретным, слишком близким, поэтому оно находится за пределами определмости» [Там же, с. 14].

Таким образом, можем выделить основные признаки дзена:

- пустота,
- бессознательность,
- иррациональность,
- неповторимость,
- моментальность,
- просветление,
- конкретность.

Цель нашей статьи – показать, как реализуется дзен у Х. Мураками в его романе «Норвежский лес» (“Norwegian Wood”), можно ли проследить какую-либо символику, связанную с этим феноменом, или же она отсутствует. Эту попытку мы предприняли не случайно: роман наполнен аллюзиями, ведущую роль играет природа, воспоминания автора переплетаются с мотивами пейзажа, один из основных мотивов – смерть, которая существует на одном уровне с жизнью. На фоне смерти и пейзажности звучит мотив любви, дружбы. Вместе с тем наблюдается растворение индивидуальности, исчезновение личности. Наша задача – показать, что взаимопереплетение указанных мотивов обусловлено не чем иным, как влиянием философии дзен-буддизма.

Первое, на что обращается внимание в начале романа, – это *воспоминания* главного героя (автора), в которых чувство переплетено с природой, с пейзажем: луг, горы, линия холмов, запах травы (“the mountains were a deep, brilliant green, a dome of frozen blue, the smell of the grass, the first chill of the wind, the line of the hills” [Murakami, p. 7]). Пейзаж абсолютно ясен в памяти Ватанабэ, главного героя, причем в памяти его присутствует *только* пейзаж – луг в октябре, – людей нет. Мы полагаем, что осенний луг (meadow) символичен: он связан в памяти Ватанабэ с событиями 1969 г. – с встречами с Наоко, подругой главного героя, с атмосферой тех встреч, основным моментом которой является печаль, нежность, отсутствие слов, некая пустота. Символ требует от главного героя пробуждения: «Wake up. I am still here. Wake up and think about it [Murakami, p. 8]. Символичен *колодец* в поле, спрятанный в траве, где-то на границе поля и леса, о котором говорила Наоко, выражая свой страх. Колодец очень глубокий (deep beyond measuring), очень темный («мировая тьма»); возможно, он существует в подсознании Наоко, а не в реальности. Страх Наоко перед окружающим миром находит выражение в создании этого ирреального образа. Чтобы преодолеть страх, она говорит, что необходимо быть вместе, как единое целое: вместе они дают отпор страху и ужасу. Это – вне логики, это чувствуется, не познается рационально (“I just know. I know these things. I’m always right. It’s got nothing to do with logic: I just feel it. For example when I’m really close to you like this. I’m not the least bit scared. Nothing dark or evil could ever tempt me” [Murakami, p. 10]). Но этот союз не вечен, Наоко говорит, что невозможно находиться вместе всегда – есть риск наскучить друг другу: “Can I be

glued to you every minute of our lives? What kind of equality would there be in that? ... Sooner or later you would get sick of me” [Ibid, p. 10–11]. Эти элементы пейзажа – осенний луг, темный пугающий колодец, осенняя светлая атмосфера печали – необходимы для постижения чего-то неопределенного, что подводит к озарению. Единение, нахождение вместе тоже является таким необходимым элементом интуитивного алогичного понимания Неопределенного.

Парадоксально, что пока воспоминания о Наоко свежи и отчетливы в памяти Ватанабэ, он не может вызвать в своем сознании ее образ; чем больше гаснет в памяти ее образ, тем глубже автор понимает ее – это сродни постижению дзена: нет образа, на место образа приходит некая *пустота*. Еще один момент важен для понимания философии автора: для Ватанабэ и Наоко слова были излишни, темы для разговора не было: “We had never really had much to say to each other” [Ibid., p. 24]. Для того чтобы разговор завязался, им нужен был третий человек – Кидзуки. Для чувства слова ненужны, лишни. Внезапно к Ватанабэ приходит некое озарение, просветление: он понимает *нечто* о ней: “Now I saw that her eyes were so deep and clear they made my heart thump” [Murakami, p. 23].

Пустота сопровождает Ватанабэ все время после того, как Наоко оставила его и не ответила на его письмо. Отношения с девушками после нее кажутся ему наполненными пустотой, бессмысленностью. Письмо Наоко ему рождает в нем чувство печали (*unbearable sadness*), эта же печаль сопровождает его воспоминания. Смутное воспоминание, сравнимое с ветром (*like the wind passing over my body*), оно не имеет формы, очертаний, веса (*it had neither shape nor weight*) [Ibid, p. 54]. Это аллюзия: отсутствие формы, очертаний, определенности говорит о дзене. Отсутствует концептуализация. Вместе с тем письмо Наоко пробуждает в герое целый поток внезапных чувств, ему кажется, что краски реального мира поблекли (“It seemed as if the colors of the real world around me had begun to drain away from my having done nothing more than read a few lines she had written”). Еще раз Ватанабэ испытывает такой поток чувств – поток сознания или памяти, когда посещает Наоко в санатории – в отдаленном уголке, отгороженном от цивилизации (*torrent of memory, it was a torrent like a spring gushing out of the rock* [Ibid, p.124]). Поток сознания сродни озарению, это происходит без участия слов, невербально, внезапно; импульсом служит нахождение Ватанабэ в комнате Наоко, где незримо присутствует ее дух (присутствие Наоко чувствуется во всем – в вещах, в посуде, в кровати). Чувство ее присутствия (*the sense of Naoko’s presence*) позволяет Ватанабэ расслабиться и крепко заснуть. Мы полагаем, в этом тоже присутствует постижение мира при помощи дзена: есть несколько моментов дзена – **иррациональность, моментальность, просветление** (понимание).

Место, где Наоко проходит восстановительную терапию, куда Ватанабэ приехал проведать ее, отгорожено от мира: больница расположена в лесу, среди сосен, здесь царит покой. Нет ни телевидения, ни радио (*isolation from the outside world, clean air, quiet* [Ibid, p. 116]. Расположение места, отдаленность от цивилизации предполагает обращение человека *внутрь*, в себя. Взаимопомощь, коллективизм, между докторами и пациентами нет разграничений, равенство (*everyone here is equal – patients, staff – and you*). Все основано здесь на принципе дзен-буддизма: не надо ничего понимать аналитически, надо постичь сердцем, через озарение: “First you decide that you want to help and that you need to be helped by the other person. Then you are totally honest. You will not lie...” [Ibid, p. 117–118]. Одно из правил больницы – нельзя оставаться вдвоем с посетителем; Наоко и Рейко мыслятся как единство. Пациентам нельзя ходить в город: “once you’ve left you can’t come back” [Ibid, p. 122]. Мы предполагаем, это связано с отрицательным влиянием города на сознание. Цивилизация затягивает и губит душу, поэтому необходимо сосредоточиться на себе, обратить свой взор внутрь своей души и черпать спасительные силы изнутри, а не извне. Шумная жизнь города, который развращает, подчиняет себе, не дает ничего положительного, и, мы полагаем, в романе имеет место оппозиция между санаторием, где царит мир и покой, и городом, с его шумом цивилизации:

hospital -----the outside world.

Ватанабэ говорит: “I was in the outside world now”: он покинул санаторий и Наоко. Несколько раз встречается выражение *space out, spaced out face*. “Why are you so spaced out?” “I probably still haven’t completely adapted to the world” [Ibid, p. 203]. Таким образом, возможно, обращение к дзен-буддизму – реакция на цивилизацию, на жизнь большого города. Д. Т. Судзуки тоже подчеркивает, что монастырь, изоляция от мира есть наилучший путь для реализации «инструмента» [Пахомов, 2003, с. 497]. Только будучи изолированным от мира, можно отдаться творчеству, которое совершенно бессознательно, иррационально. Творец, следующий дзен-буддизму, отключает индивидуальное «я» и настраивается на волну бессознательного: «творец превращается в автомат, лишенный человеческих установок» [Там же]. Показателен в этом отношении рассказ Наоко об их отношениях с Кидзуки: их индивидуальные «я» растворялись друг в друге, а не стремились доминировать одно над другим, поэтому они шли рука об руку и были неразлучимой парой (*...that’s how Kidzuki and I grew up together, hand in hand, an inseparable pair. ...where our egos were concerned, the way we absorbed and shared each other’s we had no strong awareness of them*) [Murakami, p. 155]). Вместе с тем их дальнейшее пребывание друг с другом сделало бы их несчастными – это признает Наоко, потому что им пришлось бы заплатить за существующее положение вещей, пришлось бы рано или поздно войти в общество (*that*

kind of thing doesn't last for ever. We grew up fast and had to enter society) [Ibid, p. 155]. Ватанабэ оказался в роли посредника между изолированной парой и обществом.

Телесное несовершенство (*imperfection*) – это то, что, возможно, мешает Ватанабэ постичь Наоко духовно: он разделяет сферу физического (*imperfect*) и сферу духовного (*perfect*), говоря, что в их физической близости нет ничего особенно, кроме «обмена несовершенством» (*But really this is nothing. It doesn't matter. It's nothing but the joining of the two bodies. ... we are sharing with our imperfection*) [Ibid, p. 159]. Он не может познать ее полностью, в ней есть некая непознаваемая субстанция (*some kind of stony foreign matter, something extra that I could never really draw close to*) [Ibid, p. 159]. Для Ватанабэ близкие отношения с Наоко сродни творчеству, он чувствует потребность слиться с ней воедино духовно. В этом мы видим также элемент дзен-буддизма, такой его аспект, как **иррациональность, бессознательность**.

Одним из центральных – и символических – моментов романа является **смерть**: на протяжении всего повествования мы наблюдаем самоубийства героев, причем самоубийства без объяснений, без предсмертных записок, без видимой причины. Первым совершает самоубийство Кидзуки, друг Ватанабэ и Наоко, – совершает он его просто, ничего не переступая, не борясь, ничего никому не высказывая, не жалуясь. Возникает предположение, что, вероятно, смерть и жизнь для него – примерно одно и то же, жизнь не имеет никакой ценности. Смерть Кидзуки поселила в Ватанабэ недоверие к миру, чувство холода (*and ever since a cold, stiffening wind had come between me and the world*) [Ibid, p. 96] – в английском варианте это – образ холодного ветра). Она лишила Ватанабэ части юности (*had robbed me forever of some part of my adolescence*). Ватанабэ не может ясно понять, осознать, что все это значит и к чему ведет (*But what that meant, and what would come out of it, were far beyond my understanding*). Он выражает свое восприятие жизни и смерти парадоксом: «... в царстве жизни все вращалось вокруг смерти»: **смерть** – как знак, некий символ, стоящий в центре всего мироздания. Нам представляется, что как раз отсутствие границы между жизнью и смертью и является выражением дзена.

Сестра Наоко совершает самоубийство так же, как и Кидзуки – необъяснимо, в 17 лет, даже не оставив записки. Ничто не предвещало ее ухода из жизни: она была успешна во всем. После ее смерти Наоко читала те книги, которые остались от ее сестры: все они с пометками на полях, с цветами между страниц. Наоко постигала ход мыслей сестры, плача над ее пометками. В том, как уходит из жизни сестра Наоко – без слез, без объяснений, без жалоб, ничего не преодолевая, – чувствуется такой аспект дзена, как **моментальность**. Состояние души сестры Наоко было невозможно описать как «плохое настроение» или «перепад

настроения», но как «подавленность» (*she would become very subdued*) [Ibid, p. 174]. Наоко рассказывает, как ее сестра отгораживалась от мира раз в два-три месяца, хотя это не было связано с ее подавленностью. Наоко обозначает это действие как *space out*, вместе с тем она была стабильной и последовательной (*steady girl*). Смерть сестры не прошла для Наоко бесследно, она пережила глубокий кризис (*For three days after that I couldn't talk. I just lay in bed like a dead person, eyes wide open and staring into space*) [Ibid, p. 176], поэтому она называет себя *a flawed person*, предлагая Ватанабэ не ждать ее в жизни. Hatsumi, подруга Нагасава, тоже совершает самоубийство, и Ватанабэ объясняет это таким образом: она достигла определенного предела в жизни (*a certain stage*) и разом решила покончить с этой жизнью (*on the spur of the moment*) – наблюдается такой аспект дзена, как **моментальность и необъяснимость, иррациональность**. Человек уходит из жизни без причины, достигнув некоего предела, рубежа.

Нечто монашеское, аскетическое есть в Нагасаве, нечто от постижения дзена: “Nagasawa is beyond liking or not liking. He doesn't try to be liked. ...he's a very honest guy, stoic even” [Ibid, p. 133]. В жизненной системе Нагасава есть элемент дзен-буддизма (Zen), в результате женщине с ним невозможно быть счастливой. Нагасава далек от реальной жизни, не имеет намерения жениться, иметь семью, детей. Ватанабэ выражает это так: разговаривая с ним, он как будто ходит кругами: “The same process that takes him higher and higher leaves me going around in circles. It makes me feel so empty” [Ibid, p. 257]. Опять же пустота, **пустотность сознания** достигается путем хождения по **кругу**. Мы предполагаем, что символ дзен-буддизма – **круг**. Это подтверждается данными об *энсо* – японском символе дзен-буддизма, представленном кругом или кольцом. Г. Дюмулен [Дюмулен] свидетельствует, что *энсо* может рисовать только просветленный, чистый духом человек, причем *энсо* имеет сакральный смысл в японской каллиграфии.

Э. Фромм вслед за Судзуки понимает дзен как освобождение от рабства, как путь к свободе, как высвобождение внутренней энергии человека: «...он побуждает человека к реализации своих способностей любить и быть счастливым» [Фромм, 2004, с. 30]. Дзен, в соответствии с этим взглядом, предполагает счастье, самодостаточность, способность любить. Но Нагасава не желает никого любить, создавать семью он не хочет, а подруге своей неверен. Далее, сатори понимается как просветление, доставляющее радость и счастье самому индивиду, как «истинное воплощение человеческого благополучия» [Фромм, 2004, с. 31]. «Пробуждаясь, человек делается открытым и отзывчивым для окружающего мира. Это становится возможным благодаря тому, что он перестает рассматривать самого себя как вещь» [Там же]. Этого нельзя сказать о Нагасаве: несмотря на то, что он честен, прям, он не отзывчив и не от-

крыт. Интересную мысль высказывает Д. Коваленин, переводчик романов Х. Мураками: Харуки Мураками пользуется интересным приемом – многие правильные мысли у него высказывают отрицательные персонажи (например, Нагасава, у которого были связи с 80 женщинами!), которым хочется возражать, подыскивать контраргументы, т. е. сознание пробуждается, и смысл высказывания буквально впитывается в подсознание. Все это близко дзен-буддистской практике [Коваленин Д. Мураками – это лечащий врач]. У Мураками много тем, затрагиваемых в его романах, в том числе и в романе «Норвежский лес», – пустота, отчаяние, бессилие, потеря. Автор предлагает некий выход – «логические ходы, психологические разборы с самим собой», поэтому Д. Коваленин называет его лечащим врачом. Достаточно знаковым обстоятельством является то, что отец и дед Мураками были буддийскими священниками (сам Мураками это скрывает в Японии), которые практиковали дзен-буддизм.

Известный японский критик Норихиро Като отмечает, что сверхзадача Мураками – вывести японскую литературу к принципиально новым горизонтам, конструируя повествование таким образом, чтобы оно рассматривало не только *исчезновение личности*, но и то, что происходит с человеком после этого. Задавшись этой целью, он сознательно стал использовать приемы, используемые в фильмах ужасов, кинофантастике, в фэнтези о зомби, шизоидах, призраках, медиумах... создав таким образом новый метод в литературе» [Коваленин Д. Работа с пустотой]. Д. Коваленин называет новаторский подход Х. Мураками прозой визуализованных ощущений. «Кукан» (яп.) – буквально «воздух между объектами», «элемент, без которого не обходится ни одна японская композиция» – необходимый элемент организации внутреннего пространства у японцев, являющий собой пустоту. «В дизайне, живописи, литературе, музыке, в отношении к жизни-смерти у японцев обязательно присутствует этот самый Кукан», – отмечает Д. Коваленин [Там же], говоря о превалировании традиции в японском менталитете. С другой стороны, М. Третьякова в статье о традиционном дизайне японского дома отмечает, что «под влиянием вестернизации японский дом частично утратил «промежуточное пространство» (произошла трансформация центральной идеи японского интерьера – концепции «дома-мембраны»), дом стал светлее, прозрачнее, яснее и при этом более явно отделился от окружающей среды» [Третьякова, 2014]. Это говорит о том, что на японский дизайн, вообще на японский стиль мышления в определенном смысле оказывают воздействие европейские идеи. Сам Х. Мураками отвергает влияние на его творчество японской традиции и говорит о воздействии на него европейского и американского духа. Тем не менее все то, что мы проследили и вычленили в романе «Норвежский лес», являет собой бесспорное, возможно, следование традиции дзен-буддизма.

Таким образом, сделаем выводы. Проанализировав роман Харуки Мураками «Норвежский лес», переведенный на английский язык, на предмет символики дзен-буддизма, мы можем видеть, что одно из центральных мест в романе занимает смерть, к которой персонажи приходят моментально и необъяснимо с точки зрения европейской философии, но достаточно «логично» в контексте философии дзена: достигнув некоего предела. Расщепление личности ведет в конечном итоге к смерти, к исчезновению. Через весь роман проходит иррациональная идея вчувствования в другого человека, идея постижения не разумом, но чутьем. Пустота играет особую роль в постижении окружающего мира и во взаимоотношениях. Она присутствует везде, как практически везде присутствует природа. Природа является не просто фоном, она исцеляет, помогает достичь просветления, сатори. Основным символом в романе, связанным с постижением сознания, с исчезновением личности, с пустотностью, является круг. Пожалуй, это единственный символ, которым визуально могло бы быть выражено понятие дзена.

Литература

Буддизм: четыре благородных истины. М. : ЭКСМО-ПРЕСС, Харьков: Фолио, 2000. 992 с.

Дюмулен Г. История дзен-буддизма. М. : Центрполиграф, 2003. 317 с.

Жихарева Т. Ю. Символика древнегерманского понятия “thing” как выражение категории сакрального в работе М. Хайдеггера “Das Ding” // Вестн. Том. пед. ун-та. 2015. № 4 (157). С. 9–12.

Коваленин Д. Мураками – это лечащий врач [Электронный ресурс]. URL: <http://novayagazeta-vlad.ru/79/Kultura/DmitriyKovaleninMurakamietolechashchiyvrach> (дата обращения: 21.01.2019).

Коваленин Д. Работа с пустотой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/culture/2006/10/31/55063.html> (дата обращения: 21.01.2019).

Пахомов С. В. Дзен как основа японской культуры // Судзуки Д.Т. Дзен и японская культура. СПб. : Наука, 2003. 522 с.

Судзуки Д. Т. Дзен и японская культура. СПб. : Наука, 2003. 522 с.

Третьякова М. С. Переосмысление традиционной эстетики в современных интерьерах Китая и Японии // Архитектон: известия вузов. 2011. № 35. С. 13.

Третьякова М. С. Традиционный и современный японский дом «минка»: переосмысление традиции в стилевых направлениях «Мингэй-тё» и «Ва-модерн» [Электронный ресурс] // Архитектон: изв. вузов / Урал. гос. архитектур.-худ. акад. 2014. № 45. С. 16. URL: http://archvuz.ru/2014_1/16.

Фромм Э. Дзен и психоанализ. М. : Айрис Пресс, 2004. 304 с.

Murakami H. Norwegian Wood. London : The Harvill Press. 353 p.

**ЭТНОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ
ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ЗНАНИЯ
В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
(РУССКИЙ, ЯПОНСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)**

Аннотация. Представлен анализ терминов медицинских словарей на русском, японском и английском с точки зрения этнокогнитивного аспекта репрезентации медицинского знания. Уточняются типы медицинского знания, способы их репрезентации, устанавливаются аспекты этнокогнитивного характера репрезентации знания в терминах.

Ключевые слова: репрезентация знания, медицинское знание, медицинские термины, этнокогнитивный аспект терминов.

K. Ivanova

Irkutsk State University, Irkutsk

**ETHNIC-COGNITIVE ASPECT OF THE MEDICAL KNOWLEDGE LANGUAGE
REPRESENTATION THROUGH THE TERMINOLOGICAL DICTIONARY
(RUSSIAN, JAPANESE AND ENGLISH LANGUAGES)**

Abstract. The article presents an analysis of the terminological dictionary medical terms (Russian, English, Japanese) from the ethnic-cognitive aspect of the medical knowledge language representation. The article also specifies the types of the medical knowledge and identifies the ethnic-cognitive aspects of the terminological knowledge representation.

Keywords: knowledge representation, medical knowledge, terminology, medical terminology, ethnic-cognitive aspect of the terminology.

Репрезентация знания является важной проблемой в современной когнитивной лингвистике. Знание с давних времен является объектом исследования представителей самых разных наук. Вопросы, касающиеся характера знаний, их содержания, форм репрезентации, принципов организации, особенностей усвоения, использования и преобразования и т. д., по-разному ставятся в рамках философии, социологии, психологии, психолингвистике и др. областях науки [Залевская, 1999]. В когнитивной лингвистике знание определяется как значительный спектр представлений, относящихся к итогам познавательной деятельности человека и результатам осмысленного им предметного опыта, и является объектом исследования ряда зарубежных и отечественных ученых – Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, А. А. Залевской, В. Б. Касевича и др. [Вайсгербер, 2004; Кубрякова, 1987].

Вопросы медицинского знания рассматриваются с древности теоретиками и практиками медицины от Гиппократом до В. П. Сеченова, С. П. Боткина, И. П. Павлова, в современной философии медицинское знание также занимает важное место в работах В. И. Моисеева, Ю. Я. Мирошникова, Ю. Л. Шевченко и др. [Заблудовский, 1960; Мирошников, 2013]. Языковая репрезентация медицинского знания занима-

ет центральное место в работах таких отечественных исследователей, как В.Ф. Новодранова, Е.В. Бекишева и др. [Бекишева, 2007].

Одним из важных аспектов является этнокогнитивный аспект репрезентации медицинского знания в терминологическом словаре, поскольку он связан с различными источниками знания, а также различными способами оязыковления существующей действительности. Через языковые знаки проявляется этнокультурная дифференциация репрезентации медицинского знания.

Актуальность исследования этнокогнитивного аспекта репрезентации медицинского знания в терминологическом словаре обусловлена:

1) дискуссионностью подходов к типам знания, способам их репрезентации, в том числе в терминологических словарях, в том числе медицинского знания;

2) вопросом о допустимости или недопустимости этнокультурного подхода к репрезентации научного, профессионального знания, в пресуппозиции имеющего универсальный, всеобщий характер;

3) вопросом о степени международного характера научного знания в настоящее время, степени влияния современного доминирующего американского, английского знания на репрезентацию знания, в т. ч. медицинского знания в терминологических словарях при том, что он во многом уже сформировался на основе других источников и языков (греческого, латинского и др.).

Задачами настоящего исследования являются:

1) уточнение категорий и понятий анализа языковой репрезентации медицинского знания;

2) сравнительный анализ терминов медицинского терминологического словаря на русском, английском и японском языках.

В качестве языкового материала и источников примеров в ходе исследования использовались «Энциклопедический словарь медицинских терминов» под ред. Б. В. Петровского, «Большая медицинская энциклопедия» А. Г. Елисеева, В. Н. Шилова, Practical dictionary of medical English, Nanehanu, а также материалы нейрохирургического форума «Иркутск – Фукуи», проведенного в г. Иркутске на базе Института травматологии и ортопедии в 2014 г.

Итак, уточним категории и понятия анализа в рамках исследования.

Вслед за В. фон Гумбольдтом, Л. Вайсгербером, Э. Сепиром и Б. Уорфом, Ю. Д. Апресяном и др. рассматриваем языковую репрезентацию как процесс вербализации знания, обусловленный антропологическими и этнокогнитивными факторами [Вайсгербер, 2004].

Учитывая два основных подхода к природе термина – как к специально созданной языковой единице в рамках классической школы Д. С. Лотте и как к языковой единице в специальной функции вслед за В. М. Лейчиком и др. [Лейчик, 2007], под термином в рамках работы бу-

дем понимать элементарный, составной или усложненный знак, который, выступая в рамках конкретной научно-деловой коммуникации, воплощает в своем означаемом понятие, относящееся к определенной области науки, техники, а также культурной, административной или политической деятельности [Пиотровский, 1985].

Отметим, что к анализу термина как лексической единицы применимы два подхода – семасиологический (от плана выражения к плану содержания) и ономазиологический. В настоящем исследовании, вслед за Е. С. Кубряковой, будем опираться на ономазиологический концептуальный подход, предполагающий отражение в термине уровня познания объекта и способы передачи знания [Кубрякова, 1978].

В вопросе классификации типов знания, репрезентируемых терминами, также наблюдаются различные подходы. Основными в данном ряду являются систематизации, основанные на дихотомии обыденного – специального (в котором выделяют профессиональное знание); на противопоставлении предметного онтологического знания и знания методологического, знания теоретического – практического плана [Залевская, 1999; Степин, 2000].

Под медицинским знанием понимают систему научных знаний о сохранении и укреплении здоровья человека, о лечении больных и предупреждении болезней [Заблудовский, 1960]. К специфическим чертам медицинского знания относятся:

- 1) наличие различных источников (помимо собственно научного, ритуального и др. виды знания);
- 2) иерархия и структурность;
- 3) синтез практики и теории;
- 4) гуманитарный аспект клинического взаимодействия пациента и врача;
- 5) «носительство» знания не только медицинскими специалистами, но и всеми членами общества [Мирошников, 2013].

Опираясь на структурную организацию статьи в медицинском терминологическом энциклопедическом словаре А. Г. Елисеева, В. Н. Шилова и др., в системе репрезентации медицинского знания выделяем следующие типы знания: этиопатогенетическое (этимология и патогенез, знание о причинах и источниках явления), эпидемиологическое (эпидемиология, знание о механизмах и особенностях распространения явления), симптоматико-диагностическое (клиническая картина и диагностика, знание о клинических проявлениях и дифференциальных признаках явления), а также инструктивное (объединяющее лечение и профилактику, т. е. знания, имеющие предписательный характер).

Учитывая данные теоретические положения, произведем сравнительный анализ репрезентации медицинского знания на материале терминологических словарей на русском, английском и японском языках.

Обратимся, в частности, к терминам, репрезентирующим болезненное состояние, обозначенное в словаре на русском языке термином «лихорадка». Русскоязычный термин «лихорадка» происходит от старославянских слов «лихо» – зло, и «радить» – желать, в славянской мифологии лихорадкой называли персонифицированную в образе женщины болезнь. Аналоговый термин английского языка *fever* образован от латинского слова *febris*, означающего определенное болезненное состояние, характеризующееся повышением температуры и др. симптомами. В японском языке зафиксирован термин 発熱 *хацунэцу*, где первый иероглиф китайского происхождения означает «возникновение, появление», а второй – «жар, высокая температура». Таким образом, фиксируем разницу с точки зрения репрезентации типов знания: русскоязычный термин репрезентирует специфическое мифологическое этиопатогенетическое знание, в то время как английский и японский термины репрезентируют симптоматико-диагностическое знание. Кроме того, русскоязычный термин имеет явную этнокультурную коннотацию за счет отнесенности внутренней формы с народным мифологическим знанием.

Рассмотрим следующую группу терминов, репрезентирующих такое явление, как «ветрянка» или «ветряная оспа». Внутренняя форма русского термина реферирует к ветру, как к механизму передачи заболевания воздушно-капельным путем, высокой контагиозности. Английское наименование *chiken pox* – досл. «куриная оспа», имеет различные версии происхождения – от искаженного варианта глагола «чесаться» до сравнения высыпаний со следами на коже после щипка курицы. Японский термин 水痘 *суйтто* состоит из иероглифов со значением «вода» и «оспа, оспина». Таким образом, можем сделать вывод о различных типах знания, репрезентируемых в терминах. Русский термин передает эпидемиологическое знание, в то время как английский и японский термины репрезентируют симптоматико-диагностическое знание.

При сравнительном анализе терминов, обозначающих заболевание «краснуха», отмечаем, что в основе русского и английского терминов «краснуха» и *rubella* (от лат. «красный») соответственно лежит репрезентация симптоматико-диагностического знания – оба термина по своей внутренней форме возводятся к цветовой характеристике высыпаний, по которым дифференцируется заболевание. Японский термин репрезентирует одновременно эпидемиологический и симптоматико-диагностический типы знания – термин 風疹 *фу:син* состоит из двух китайских иероглифов: «ветер» и «сыпь», таким образом, передается и характеристика заражения, и характерный симптом заболевания.

Целесообразно в этой связи отметить, что для японской культуры характерно тесное взаимодействие с китайской культурой, вместе с иероглифической письменностью кандзи были заимствованы многие понятия, в том числе, из сферы медицины. Однако, с течением времени,

появилось явление «обратного заимствования», в ходе которого уже китайская культура принимает составленные в Японии на основе китайских морфем лексемы, репрезентирующие некоторые понятия науки, техники и пр. В этой связи подчас трудно установить географию происхождения того или иного термина, записанного только с помощью китайских морфем.

При этом в японской медицинской практике активно используются и собственно японские термины, часто являющиеся безэквивалентной лексикой, имеющей непосредственное отношение к прецедентным феноменам японской культуры [Костомаров, 2005]. Например, в японской нейрохирургии для обозначения визуального симптома наличия жидкости в желудочках мозга, считываемого с МРТ-граммы, используется термин 河童サイン *каппа сайн* «симптом Каппы». Каппа – японский водяной, носящий тарелку с водой на голове. На МРТ-грамме больного с жидкостью в желудочках мозга желудочки окрашены в синий цвет – образ тарелки с водой. Следующий пример, термин ピカチュリン *пикачурин* – белок сетчатки глаза, участвующий в передаче электрических импульсов, названный в честь персонажа японского мультсериала «Покемон» по имени Пикачу (электрического монстра).

Подобные примеры характерны не только для терминов японского языка. Например, в английском языке существует термин *Pickwickian syndrome*, так называемый Пиквикский синдром (одно из названий крайней степени ожирения с альвеолярной гиповентиляцией), название произошло от имени героя Ч. Диккенса из произведения «Посмертные записки Пиквикского клуба».

В результате приходим к выводу о том, что этнокультурный аспект репрезентации медицинского знания в термине по данным сравнительного русско-английско-японского анализа показывает:

- разницу в репрезентации типов знания: в словарях в разной степени представлены этиопатогенетическое, эпидемиологическое, симптоматически-диагностическое знание;
- разницу в способах вербальной репрезентации знания, отражающих влияние этнокультурного способа осмысления концепта на уровне внутренней формы слова, принципов номинации, апелляции к архетипным образам или прецедентным феноменам культуры;
- наличие различных источников в обосновании «исторического признака» концепта, отражающихся в различной этимологии термина (заимствования из латинского; опора на собственную лексическую базу для формирования термина).

Литература

Бекишева Е. В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол.

наук. URL: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003160766 (дата обращения: 14.03.2019).

Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа : пер. с нем. / вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. 2-е изд. испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2004. 232 с. (История лингвофилософской мысли).

Гак В. Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация // Вопр. языкознания. М., 1987. № 2. С. 3–16.

Заблудовский П. Е. История отечественной медицины. М., 1960. С. 8–45.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999.

Залевская А. А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-obschenauchnyh-podhodov-k-probleme-znaniya-i-nekotorye-zadachi-psiholingvisticheskikh-issledovaniy.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).

Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии. Волгоград : Перемена, 2001.

Карасик В. И. Языковая пластика общения : монография. Волгоград : Парадигма, 2017. С. 8–20.

Костомаров В. Г., Верещагин Е. М. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1040 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : МГУ, 1987. 171 с.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М. : Наука, 1978. 114 с.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.

Мирошников Ю. И. Специфика медицинского познания и проблема целостности его предмета [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-meditsinskogo-poznaniya-i-problema-tselostnosti-ego-predmeta> (дата обращения: 10.03.2019).

Мирошников Ю. И. Ценностные аспекты научного познания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-aspekty-nauchnogo-poznaniya-i-znaniya> (дата обращения: 18.03.2019).

Пиотровский Р. Г., Билан В. Н., Боркун А. К. Методы автоматического анализа и синтеза текста : учеб. пособие. Минск : Высш. шк., 1985. 222 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Акад. проект, 2004. С. 42–67.

Стёпин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000.

Список источников примеров

1. Practical dictionary of medical English, Hanenaru., Tokyo : Kimmodo, 2010.
2. Большая медицинская энциклопедия / А. Г. Елисеев, В. Н. Шилов. М. : Эксмо, 2012.
3. Материалы Нейрохирургического форума «Иркутск – Фукуи» на базе Института травматологии и ортопедии, г. Иркутск, 2014.
4. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / под ред. Б. В. Петровского. М. : Сов. энцикл., 1982.

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ ТРАКТАТА «ЛУНЬ ЮЙ»

Аннотация. Статья написана в продолжение диссертационного исследования «Репрезентация идей конфуцианства в устойчивых единицах китайского языка». Рассматриваются культурные доминанты конфуцианского трактата «Лунь юй» и исследуется вопрос о наличии иерархической (или иной) структуры в группе выделенных ранее 19 ключевых концептов конфуцианской культурной парадигмы.

Ключевые слова: «Лунь юй», конфуцианская культурная парадигма, концепт, культурная доминанта.

N. Ivanchenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

CULTURAL DOMINANTS OF TRACTATE «LUN YU»

Abstract. The article is written in continuation of the dissertation research “Representation of the ideas of Confucianism in language units of the Chinese language” This article discusses the cultural dominants of the Confucian text “Lun Yu” and explores the question of the existence of a hierarchical (or other) structure in the group of previously identified 19 key concepts of the Confucian cultural paradigm.

Keywords: “Lun yu”, Confucian cultural paradigm, concept, cultural dominant.

Книги канонической конфуцианской и неоконфуцианской литературы являют собой основу культурной парадигмы, «словесно» и «знаково» подкрепляющую конфуцианскую идеологию, доминирующую на территории Китая и сопредельных регионов. Безусловно, нельзя утверждать, что на конфуцианство не повлияли другие идейные течения, однако именно гибкость конфуцианской культурной парадигмы позволила ей успешно существовать и в течение столь долгого времени, и, как и любая другая парадигма, она не смогла бы просуществовать века, не опираясь на авторитетные источники [博永聚, 2011].

Конфуцианство представлено обширным рядом первоисточников, описывающих традиции китайской цивилизации: 五经 («Пятикнижие», или «У Цзин»), которое было признано основой официальной идеологии и системы образования до 136 г. до н. э., и 四书 («Четверокнижие», или «Шу цзин»), окончательно ставшее каноническим уже в рамках неоконфуцианства в XII в. С конца XII в. оба набора были объединены под названием 十三经 («Тринадцатикнижие»). В рамках конфуцианского дискурса важное место занимает 论语 «Лунь юй», и как трактат, положивший начало конфуцианской культурной парадигме, и как письменный источник, в котором зародились культурные доминанты конфуцианства.

Конфуцианский канон посредством системы текстов затрагивает и регулирует значительную часть общественной жизни китайской нации, являясь при этом транслятором культурного знания, традиций от поко-

ления к поколению. В свою очередь канонический текст (первотекст), являясь собранием многих «моралей», как правило, посвящен конкретному вопросу (идее) или кругу вопросов, связанных общей идеей. Так, «Лунь юй» является сборником рассуждений и представлений о «правильном пути», которому следует «благородный муж»; в немалой степени трактат описывает «правильные» способы управления государством и исполнение ритуалов.

Ранее в исследовании мы предположили, что конфуцианская парадигма закреплена в пространстве национальной культуры средствами языка, а именно посредством чэньюй; также была выделена совокупность из 19 ключевых концептов, репрезентирующая конфуцианскую культурную парадигму: 道 *дао* – дао-путь; 德 *дэ* – благая сила; 和 *хэ* – симфония разнородных элементов; 礼 *ли* – этикет; 儒 *жу* – конфуцианское учение; 君子 *цзюнь цзы* – благородный муж; 小人 *сяо жэнь* – неблагородный человек; 小康 *сяо кан* – малое благоденствие; 大同 *да тун* – великое единение; 仁 *жэнь* – гуманность; 义 *и* – справедливость; 智 *чжи* – мудрость; 信 *синь* – искренность; 中庸 *чжун юн* – срединное и неизменное; 孝 *сяо* – усердное исполнение сыновнего долга; 悌 *ти* – почтительное отношение к старшим; 忠 *чжун* – преданность; 勇 *юн* – мужество; 文 *вэнь* – культура [Иванченко, 2018].

Каждый из перечисленных концептов тесно связан с «принципами Учителя» (Конфуция). Несмотря на значительные преобразования в китайском языке и культуре (в том числе под влиянием западной системы ценностей), данные концепты сохраняются в самосознании жителей КНР, по-прежнему определяя особенности их взглядов и представлений. В инокультурном восприятии содержание этих концептов ассоциируется с традиционной культурой Китая.

Проанализировав «Лунь юй» на предмет количественной репрезентации в тексте вышеупомянутых концептов, получим следующие данные (по убыванию): 仁 *жэнь* – гуманность упоминается в тексте 110 раз, 君子 *цзюнь цзы* – благородный муж – 107 раз, 道 *дао* – дао-путь – 90 раз, 礼 *ли* – этикет – 75 раз, 文 *вэнь* – культура – 42 раза, 德 *дэ* – благая сила – 40 раз, 信 *синь* – искренность – 38 раза, 小人 *сяо жэнь* – неблагородный человек – 24 раза, 义 *и* – справедливость – 24 раза, 孝 *сяо* – усердное исполнение сыновнего долга – 19 раз, 忠 *чжун* – преданность – 18 раз, 勇 *юн* – мужество – 16 раз, 和 *хэ* – симфония разнородных элементов – 8 раз, 儒 *жу* – конфуцианское учение – 2 раза, 中庸 *чжун юн* – срединное и неизменное – 1 раз. Не вербализованы в тексте концепты: 小康 *сяо кан* – малое благоденствие; 大同 *да тун* – великое единение; 智 *чжи* – мудрость; 悌 *ти* – почтительное отношение к старшим. Крайне скудно в

тексте представлены концепты 儒 жу – конфуцианское учение, 中庸 чжун юн – срединное и неизменное. В первом приближении концепты 仁 жэнь, 君子 цзюнь цзы, 道 дао, 礼 ли являются доминирующими в количественном отношении, однако обратимся к содержательной стороне текста.

Многочисленные цитаты, собранные в «Лунь юй», посвящены теме создания идеального общества и самосовершенствования индивида. Процесс самосовершенствования завершается формированием личности цзюнь цзы. 君子 цзюнь цзы – «благородный муж», носитель культурного знания, в котором, с одной стороны, реализована идея абсолюта, а с другой – воплощен нравственный образец, для достижения которого имелись подробные инструкции. Как было сказано выше, упоминание о цзюнь цзы неоднократно встречается в «Лунь юй» (см., например: «Лунь юй»: 14.42; 15.18-15.19, 15.22-15.23, 15.32, 15.34; 16.1, 16.6-16.8, 16.10; 17. 23-17.24).

Формирование личности цзюнь цзы происходит посредством приобщения к культуре 文 Вэнь:

棘子成曰：“君子质而已矣，何以文为？”子贡曰：“惜乎，夫子之说君子也！驷不及舌。文犹质也，质犹文也。虎豹之鞟犹犬羊之鞟。” [论语, 12.8]. Цзи Цзычэнь сказал: «Для благородного мужа важна его сущность, зачем ему вэнь-культура?» Цзы Гун ответил: «К сожалению, Вы ошиблись в оценке благородного мужа, а слетевшее с языка слово не догонит и четверка коней. Сущность и вэнь-культура одинаково важны [для благородного мужа]. Сняв шерсть, шкуру барса или тигра не отличишь от голой шкуры собаки или овцы» (здесь и далее перевод Л. С. Переломова).

Движение к идеалу благородного мужа происходит одновременно с постижением концепции 仁 Жэнь:

曾子曰：“君子以文会友，以友辅仁” [论语, 12.24] 。 Цзэн-цзы сказал: «Благородный муж обретает друзей благодаря вэнь-культуре и в дружбе совершенствует [свое] человеколюбие».

仁 жэнь – специфический атрибут благородного мужа, категория жэнь стала центральным понятием в конфуцианстве, определяющаяся как «спокойно-самодостаточная “любовь к людям”, рождающая правильный баланс любви и ненависти» [Кобзев, 2006, с. 262–264]. 仁 жэнь обычно трактуется как человеколюбие, человечность, гуманность. Однако Н. И. Конрад, В. С. Колоколов, Х. Крил, Л. С. Переломов предлагают несколько иную интерпретацию: «благорасположенность», «добродетель».

В «Лунь юй» зафиксировано большое количество упоминаний 道 дао, которое характеризуется как желаемый ход развития событий для личности [Духовная культура Китая, 2006, т. 1, с. 220–226] Носителем дао может выступать личность, государство или же все человечество

(Поднебесная). «В силу различия носителей различны и их *дао*: прямое и кривое, большое и малое, присущее “благородному мужу” и “ничтожному человеку”... Поднебесная может вообще утрачивать *дао*. В идеале единое *дао* должно быть познано. Его утверждение в мире исчерпывает смысл человеческого существования; при отсутствии *дао* в Поднебесной следует «скрываться», «отказываться от службы» [Духовная культура Китая, 2006].

子曰：“士志于道，而耻恶衣恶食者，未足与议也” [论语 4.10]。
Тот, кто стремится познать правильный путь, но стыдится плохой одежды и пищи, не достоин того, чтобы с ним вести беседу.

Однако зачастую под *дао* понимается правильное развитие государства:

子曰：“齐一变至于鲁，鲁一变至于道” [论语, 6.24]. *Учитель сказал: «Если в Ци произойдут перемены, то Ци может сравняться с Лу. Если в Лу произойдут перемены, то Лу достигнет вершин морального правления»* или же сам процесс управления государством: 子曰：“道千乘之国，敬事而信，节用而爱人，使民以时” [论语, 1.5]. *Учитель сказал: «Управляя царством, имеющим тысячу боевых колесниц, следует серьезно относиться к делу и опираться на доверие, соблюдать экономию в расходах и заботиться о людях; использовать народ в соответствующее время».*

В тексте трактата *дао* личности конкретизируется в различных этических понятиях. Согласно тексту канона, к нравственным основам *цзюнь цзы*, посредством которых воплощается *дао*, можно отнести:

- 德 *дэ* – благая сила, благодать, которую необходимо приумножать и воздействовать на мораль «низких людей»:

君子之德风，小人之德草，草上之风必偃 [论语, 13.19]。
Мораль благородного мужа [подобна] ветру; мораль низкого человека [подобна] траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер.

- 信 *синь* – искренность/правдивость:

子以四教：文，行，忠，信 [论语, 7.24]。
Учитель учил четырем вещам: пониманию книг, моральному поведению, преданности [государю] и правдивости.

- 义 *и* – справедливость/долг:

子曰：“群居终日，言不及义，好行小慧，难矣哉！” [论语, 15.18].
Учитель сказал: «Благородный муж ко всему подходит в соответствии с долгом; совершает поступки, основываясь на ритуале, в словах скромный, в поступках правдив. Именно таков благородный муж».

- 孝 *сяо* – усердное исполнение сыновнего долга:

子曰：“弟子入则孝，出则弟，谨而信，泛爱众，而亲仁，行有余力，则以学文。” [论语, 1.6]. *Учитель сказал: «Молодые люди должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его – уважитель-*

ность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми. Если после осуществления всего этого у них останутся силы, их можно тратить на чтение книг».

- 忠 чжун – преданность:

曾子曰：“吾日三省吾身：为人谋而不忠乎？与朋友交而不信乎？传不习乎？” [论语, 1.4]. Цзэн-цзы сказал: «Я ежедневно проверяю себя в трех отношениях: преданно ли служу людям, искренен ли в отношениях с друзьями, повторяю ли заповеди учителя?»

- 勇 юн – мужество:

子曰：“知者不惑，仁者不忧，勇者不惧” [论语, 9.29]. Учитель сказал: «Мудрый не испытывает сомнений, человеколюбивый не испытывает печали, смелый не испытывает страха».

- 和 хэ – симфония разнородных элементов, согласие, единство:

子曰：“君子和而不同，小人同而不和” [论语, 13.23]. Учитель сказал: «Благородные живут в согласии [с другими людьми], но не следуют за ними, низкие – следуют [за другими людьми], но не живут с ними в согласии».

Одним из основополагающих понятий в «Лунь юй» является 礼 Ли – этикет (ритуал). В целом в конфуцианской идеологии Ли рассматривается как мерило в управлении государством и в самосовершенствовании:

子曰：“恭而无礼则劳；慎而无礼则蕙；勇而无礼则乱；直而无礼则绞。 [论语, 8.2]. Учитель сказал: «Почтительность без ритуала приводит к суетливости; осторожность без ритуала приводит к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямота без ритуала приводит к грубости».

А. А. Маслов пишет: «...очевидно, что согласно учению Конфуция под ритуалом Ли подразумевалось не столько выполнение каких-то обрядовых действий, сколько особое переживание и отношение к духовному миру. Ритуал, согласно Конфуцию, связывает мир предков, духов и великих мудрецов. Не случайно тот, кто сумел до конца воплотить ритуал, мог из «маленького человека» (сяо жэнь) перейти в статус «благородные мужи» (цзюнь цзы). По сути, вся конфуцианская идеология говорит о тщательнейшем соблюдении того, что в современной науке именуется «ритуалом перемены статуса». Конфуций считал, что «благородный муж» должен быть искушен в “шести искусствах”: ритуале, музыке, стрельбе из лука, управлении колесницей, каллиграфии и математике, и предания говорят, что сам Конфуций преуспел во всех шести» [Маслов, 2005, с. 64–70].

Сам образ цзюнь цзы не может рассматриваться автономно. В пару ему приводится антонимичное понятие 小人 сяо жэнь – неблагородный

человек, маленький человек. Таким образом, в тексте трактата прослеживается диалектический принцип: этический тип людей 君子 *цзюнь цзы* раскрывается через 小人 *сяо жэнь* – такой принцип описания благородного человека становится традицией, сложившейся в конфуцианском каноне и характерной для всего дискурса. 小人 *сяо жэнь* – воплощение эгоистического прагматизма, человек, не способный выйти за рамки своей практической специализации и преодолеть духовно-нравственную ограниченность:

子曰：“君子上达，小人下达。” [论语, 14.23]. *Учитель сказал: «Благородный муж постоянно морально совершенствуется, а низкий человек – деградирует».*

Попробуем наглядно представить соотношение рассмотренных культурных доминант в виде схемы (рис.).

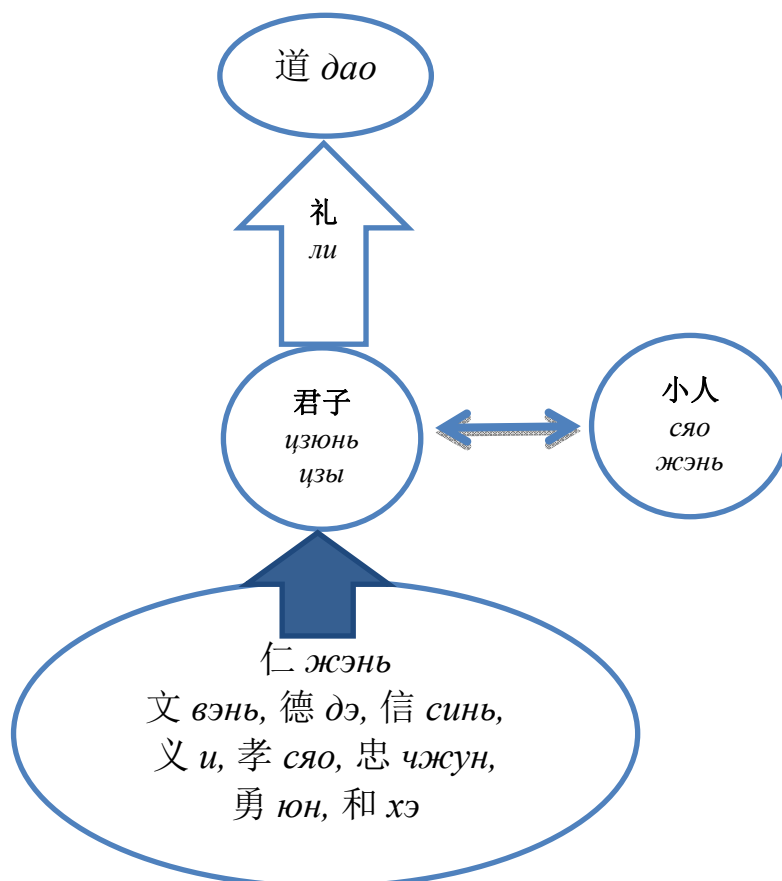

Рис.

Очевидно, что концепты-модели индивидов *цзюнь цзы* и *сяо жэнь* являются основополагающими понятиями трактата, через поведение и моральные константы которых раскрывается содержание текста, посвященное совершенствованию *дао*. Само же *дао* определяется через набор этических понятий 德 дэ – благая сила, 信 синь – искренность/правдивость, 义 и – справедливость/долг, 孝 сяо – усердное ис-

полнение сыновнего долга, 忠 чжун – преданность, 勇 юн – мужество, 和 хэ – симфония разнородных элементов. Доминирующей культурной константой, неразрывно связанной с *дао* и способствующей правильному его исполнению, является 仁 *жэнь*. *Жэнь*, как и другие этические характеристики, вписывается в ряд концептов, раскрывающих *дао*, однако, среди вышеуказанных *жэнь* является ключевой и доминирующей чертой *цзюнь цзы*. Инструментом для построения правильного дао-пути является ритуал-Ли, однако лишь своевременное и правильное соблюдение *ли* позволит достигнуть *дао*.

Литература

Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 1. Философия / гл. ред. М. Л. Титаренко ; ред. А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2006. С. 262–264.

Иванченко Н. В. Репрезентация идей конфуцианства в устойчивых единицах китайского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Екатеринбург, 2018. 177 с.

Маслов А. А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. СПб. : Алетейя, 2005. 375 с.

Переломов Л. С. Конфуций. «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. М., 1998. URL: <http://opentextnn.ru/data/files/konfut.pdf> (дата обращения: 15.03.19).

论语 – URL: <https://www.gushiwen.org/guwen/lunyu.aspx> (дата обращения: 10.03.19).

博永聚, 任怀国, 儒家政治理论及其现代价值。中华书局, 2011. 508 页。

УДК 394

Ю. А. Ишутина

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ «ВЕЛИКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ» В КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Рассматривается вопрос об особенностях претворения в жизнь национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» в рамках стратегии длительного развития «Китайская мечта». На современном этапе роль участия граждан КНР в реализации национальной политики претерпела некоторые изменения и подразумевает посильное участие в процессе, в отличие от предыдущих периодов, когда каждому предписывалась активная гражданская позиция, зачастую требовавшая жертвенности и полной самоотдачи.

Ключевые слова: национальная идея, Большой Китай, конструирование национальной идентичности.

Yu. Ishutina

Far Eastern Federal University, Vladivostok

IDEOLOGICAL MECHANISMS OF POPULARIZATION OF THE NATIONAL IDEA OF “THE GREAT REVIVAL OF THE CHINESE NATION” IN CONTEMPORARY CHINA

Abstract. The article deals with the question of the peculiarities of the implementation of the national idea of the “Great Revival of the Chinese Nation” in the framework of the long-term de-

velopment strategy “Chinese Dream”. At the present, the role of the participation of Chinese citizens in the implementation of national policy has undergone some changes and implies a feasible participation in the process, in contrast to previous periods, when everyone was required active citizenship, often demanding sacrifice and full dedication.

Keywords: national idea, Greater China, constructing national identity.

Лидерам КНР при построении официального дискурса, помимо заданных условий современной внешнеполитической обстановки и тотального включения Китая в процессы глобализации, приходится принимать во внимание факторы социальной инертности огромных народных масс и необходимости незамедлительного регулирования ситуаций с учетом актуального механизма традиционной культуры. Эффективное управление в таких условиях предполагает наличие надежной системы агитации, благодаря которой возможно наглядно (с помощью личного примера харизматичного лидера) или на материале проникновенных жизнеописаний мифологизированных народных героев реализовать политические установки КПК, формируя легкоузнаваемые специфические черты китайской повседневности.

Над вопросами эволюции политического дискурса КПК работали крупные отечественные ученые, представившие результаты многолетних наблюдений в своих фундаментальных работах [Виноградов, 2008; Титаренко, 2000; Тихвинский, 1987]. Нам видится актуальным проследить динамику развития претворяемых в жизнь стратегий долгосрочного развития КНР на современном этапе, для чего необходимо определить некоторые формы и способы репрезентации национальных идей в современных мегаполисах – городе центрального подчинения Шанхае и крупном провинциальном центре Северо-Востока Китая г. Харбине.

Выбранные города различны как по длительности существования, локализации, так и по степени включенности в сферы национальной экономики, численности населения и уровню жизни. С нашей точки зрения, риторическая фигура политического мифа, определенного Р. Бартом как «квантификация качества» [Барт, 1994, с. 110], наиболее ярко проявляется в мегаполисах, где качество мифологического материала сводится к количеству мифопотребителей, а осмысление реальности происходит недорого. В исследовании представлены эмпирические наблюдения, сделанные автором статьи летом 2018 г. в Северо-Восточном и Восточном Китае.

Исторический опыт китайских политиков говорит о том, что обеспечение стабильного развития в социально-экономической сфере, успешное управление процессами общественного сознания и насаждение официальной идеологии в густонаселенной КНР возможны только путем тщательного анализа успехов и неудач периода правления предыдущего национального лидера, а также в совершенствовании подхода к

решению возникающих проблем. Такому подходу свойственна цикличность, полемичность мнений и широкая обсуждаемость на всех уровнях парторганизаций и в СМИ.

Как результат проведенной критики и последующих дискуссий на различных этапах развития КНР последовал отказ от категоричности в политической риторике в духе Мао Цзэдуна; популяризировалась идея решения назревающих социальных противоречий путем *гармоничного социального регулирования* в политической парадигме 社会和谐 shèhuìhéxié Ху Цзиньтао; принималось эпохальное решение отложить кардинальное искоренение некоторых острых противоречий на ближайшую временную перспективу, для чего было необходимо конституционно закрепить право на пожизненное правление Председателя КНР Си Цзиньпина.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что пятое поколение китайских политиков успешно приступило к осуществлению новой национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» (中华民族伟大复兴 zhōng huá mín zú wéi dà fù xīng) в парадигме долгосрочной стратегии развития «Китайской мечты» (中国梦 Zhōng guó mèng xiǎng), значительно переосмыслив подход к реализации внутренней политики. Как заявлено, конечной целью является возрождение и процветание китайской нации в целом, но особое внимание в процессе уделяется роли простого гражданина, который, оставаясь в привычной социальной роли, функционирует в рамках актуализированных категорий конфуцианского общества (воспринимаемых как китайская специфика). Ценность личного вклада в осуществление китайской мечты как раз и заключается в том, чтобы не совершать героических поступков во имя идеи, а сосредоточиться на повышении качества жизни своей семьи, в то время как решающая роль отведена национальному лидеру, деловые и личностные качества которого соответствуют самым высоким ожиданиям.

Феномен «Китайской мечты» представляется ее создателями как масштабный проект, осуществление которого значительно повысит уровень жизни и выведет на новый виток социо-культурного развития великую китайскую нацию, а заодно придаст ускорение экономическому развитию сопредельных стран [Дай Муцай, 2016, с. 214]. Если в Восточной Азии Китай занимает позиции стержневого государства, то в Средней Азии на роль лидера он эксплицитно не претендует. В этом регионе КНР преследует цели улучшения политической обстановки (чтобы максимально стабилизировать СУАР) и соседского участия в развитии национальных экономик стран с преимущественно мусульманским населением. С нашей точки зрения, осуществление этих сугубо прагматических задач позволит качественно влиять на процесс внедрения национальных идей и укрепления китайской нации как «воображаемого сообщества» в понимании Б. Андерсона [Андерсон, 2000, с. 56].

Тщательное осмысление былых неудач в деле национального строительства привело к внешнему отказу от тотального насаждения ханьской культуры и к созданию полезной иллюзии необходимости присутствия культур национальных меньшинств в масштабной национальной картине КНР. С точки зрения «возраста» (5000 лет китайской и 400 лет тайваньской, к примеру), эти культуры молоды, но самобытны и колоритны, значимы по факту своего существования, их необходимо познавать на уроках китайской истории и даже отправиться в ставшее модным экологическое путешествие по Китаю.

Будучи составной частью идеологии, новая национальная идея имеет глубокое комплексное содержание, оперирует понятиями и нормами отношений, принятыми как в традиционной, так и в китайской марксистской культуре. Успешное и грамотное конструирование позволяет идее «Великого воссоздания китайской нации» занять место в системе национально-исторического бытия китайского народа. Стратегия долгосрочного развития общества «中国梦想 Zhōng guó mèng xiǎng» ведет к «возрождению китайской нации» и «созданию богатого, могущественного демократического, цивилизованного социалистического государства» [Си Цзиньпин, 2014, с. 366]. Умело сочетая использование марксистской и конфуцианской символики и идею преемственности, Председатель КНР Си Цзиньпин обозначил две промежуточные вехи: 2021 г. (столетний юбилей КПК) и 2049 г. (столетний юбилей КНР) как временные ориентиры, к которым необходимо осуществить задачу создания «общества средней зажиточности» (小康 xiǎo kāng) и становления КНР как сверхдержавы соответственно. На наших глазах актуализируется давний политический миф о единой большой семье народов Китая, формируется концептуальное ядро мифа – идеальный правитель (председатель Си), используется симулякр (псевдомиф о золотом времени всеобщего равенства и зажиточности *сяокан*), широко применимы архетипы (например, Герой), которые легко материализуются в образах народных героев эпохи социалистического строительства и Корейской войны (Лэй Фэн, Хуан Цзигуан и другие).

Содержательно «Китайская мечта» наполнена стратегическими проектами геоэкономического толка «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь для XX века», в 2013 г. объединенные под названием «Один пояс – один путь» (一帶一路 yí dài yí lù). Принятая стратегия универсальна: ее можно применить как при реализации масштабного проекта, так и на уровне повседневной жизни граждан [Печерица, 2017, с. 134]. На бытовом уровне транслируется возможность получения выгоды для Китая в целом, так как безопасность и стабильное развитие в эпоху турбулентности мирового рынка жизненно необходимы для мирного возвышения Китая. Тем не менее акцент делается и на формирование чувства сопричастности каждого китайского гражданина.

Так, например, на третьей линии метро г. Харбина среди других реклам социального назначения размещена и такая: «Активно участвуем в реализации проекта «Шелковый путь провинции Хэйлунцзян!» («深入推进龙江丝路带建设” shēn rú tuī jìn Lóng jiāng sī lù dài jiàn shè). Налицо не только активная поддержка внешнеполитического курса КПК, но и осознание местными властями важности работы в интересах жителей указанной провинции, которой предстоит подтянуться в экономических показателях. В данном случае под «Шелковым путем» подразумевается развитие транспортного сообщения и включенность территории в общегосударственную политику «Великого воссоздания нации» в современных условиях глобальных вызовов.

На уровне повседневности КПК предпринимает хорошо освоенные и эффективные меры пропаганды и внедрения национальных идей посредством СМИ и учебников, проведения партийных собраний в организациях, еженедельных уроков политинформации для школьников и студентов, а также агитации с помощью плаката. Последний видоизменился, отвечая требованиям времени и приобрел вид социальной рекламы, размещаемой либо в рекламных блоках на телевидении, либо в виде печатной продукции на улицах китайских городов и транспортных узлах. Удачным пропагандистским решением китайских властей стала деятельность по идеализации героев недавнего прошлого, например Лэй Фэна. Его образ лаконичен, близок к народу, подкупает доступностью в понимании и мироощущении, привлекает аскезой прижизненного бытия, стремлением к высоким идеалам. Кроме того, репрезентация образа Лэй Фэна уже вышла за рамки образцового бойца НОАК и благодаря трактовке пользы бескорыстности поступков легко применима в быту [Ишутина, 2018, с. 42]. Мы обнаруживаем точки роста национальной идеи «Великое возрождение китайской нации» в самом глубинном пласте китайского общества. Очевидно успешное приложение теоретических основ конструирования нации: благодаря таким простым и самоотверженным парням, молодым, идейным и патриотичным, возможно укрепление Китая в духе конфуцианских традиций и чувства национального достоинства. Лэй Фэн – яркий представитель целой плеяды таких же народных героев, с незамысловатыми историями жизни, поступки которых не были героическими. Само существование в заданных социальных условиях и полное соответствие своему положению стало для них нормальным проявлением гражданского долга.

Матрица новой национальной идеи на уровне пассивного освоения наглядно представлена в серии эргономичных плакатов, озаглавленной «Китайская мечта» (очень прагматично и способствует быстрому запоминанию). Они расположены на стенах и переходах крупных станций метро, на фасадах жилых домов, квартальных ограждениях. Обязательными являются изображения Великой Китайской стены, площади

Тяньаньмэнь и Памятника народным героям как значимых символов национальной идентичности. На красном фоне, который соответствует как традиционным представлениям о счастье, так и цвету революционной романтики, размещены призывы «под руководством партии всесторонне осуществлять построение общества *сяокан*, углублять реформы, управлять в соответствии с законом, следовать указаниям КПК».

Константным элементом этой серии также является наличие 24 иероглифов, формально отражающих все концептуальные понятия, связанные с реализацией стратегии «Китайская мечта»: 富强 *fù qiáng* «зажиточность и (само)усиление», 民主 *mín zhǔ* «демократия», 文明 *wén míng* «просвещенность», 和谐 *hé xié* «гармония», 自由 *zì yóu* «свобода», 平等 *píng děng* «равенство», 公正 *gōng zhèng* «справедливость», 法治 *fǎ zhì* «управление в соответствии с законом», 爱国 *ài guó* «патриотизм», 敬业 *jìng yè* «уважение к труду», 诚信 *chéng xìn* «душевная открытость», 友善 *yǒu shàn* «дружелюбие и забота о ближнем».

Как в скоростных поездах дальнего следования класса «和谐», так и в вагонах метро г. Шанхая на протяжении всего пути следования с перерывом в 20 минут рекламируются мультипликационные ролики социальной направленности, в которых персонажи, выполненные в технике традиционной бумажной вырезки, поясняют, что подразумевается под понятием 富强 *fù qiáng* «зажиточность и (само)усиление», 敬业 *jìng yè* «уважение к труду», в игровой форме разъяснены понятия стратегии развития «Китайской мечты». Видеоряд создан с учетом возрастных характеристик граждан, выполнен в привычной пятицветной гамме, не носит навязчивый характер и создает ощущение повторяющегося кадра в потоке рекламной информации и мастер-классов по приготовлению блюд китайской кухни.

Пропагандируемый материал продуман до мелочей как с точки зрения лексико-стилистических особенностей, так и с точки зрения оригинальной графики китайского письма и специфики культуры. Гармоничное сочетание иероглифики, репрезентирующей, с одной стороны, базовые конфуцианские, с другой – марксистские, адаптированные к китайской самобытности представления, идеально подходит для того, чтобы актуализировать давние (по времени), сложные (язык идеологии не прост для обывателя), близкие (по духу и жизненному укладу) составляющие парадигмы китайской мечты.

Таким образом, мы можем утверждать, что на современном этапе национальная идея «великого возрождения китайской нации» (中华民族伟大复兴) находится на стадии практического внедрения в массовое сознание граждан КНР и видится гармонично вписанной в парадигму долгосрочной стратегии «Китайская мечта» (中国梦 *Zhōng guó mèng xiǎng*). Учитывая национальные особенности китайцев, предпочитают

щих визуальные источники информации, репрезентация национальных идей происходит посредством общения к агитационному плакату, иллюстрации; повсеместно применяются интерактивные технологии, мультипликация, активно используются национальные символы и симулякры.

Удачным решением в реализации национальной политики стало намеренное определение гражданской позиции низового звена, граждан КНР, заключающейся в том, что привычный образ жизни, нормированный труд во благо семьи и общества как раз и есть проявление конфуцианского послушания и благодетели; от них больше не требуется самопожертвование по имя идеи или бытовые подвиги (типа изготовления стали в непроизводственных условиях). Тем не менее внимание к нуждам народа проявляется в мерах, направленных на улучшение бытовых условий, бесплатном полном среднем образовании, компенсации расходов на лечение, увеличение размера пенсий и снижения пенсионного возраста в рамках программы «17 шагов» и [Чжао Юн, 2017, с. 214]. Распределение социальных ролей согласно традиционным конфуцианским представлениям об общественном устройстве принесло ожидаемые результаты: рядовые китайцы гармонично вписаны в повседневность, в то время как сильный национальный лидер применяет свои таланты для управления Поднебесной, повышая качество жизни народа и укрепляя позиции Китая на мировой арене.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: рождений наций в эпоху книгопечатания и капитализма. М. : Канон-пресс, 2001. 224 с.

Барт Р. Миф сегодня. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс ; Универс, 1994. С. 72–130.

Виноградов А. В. Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности. М. : НОМФО, 2008. 368 с.

Дай Муцай. В чем секрет успеха Китая на пути социализма. Пекин : Межконтинент. изд-во Китая, 2016. 261 с.

Ишутина Ю. А. Китайский опыт нравственного воспитания: восхождение к идеалу. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2018. 107 с.

Печерица В. Ф., Бояркина А. В. Мягкая поступь желтого дракона : монография. Владивосток : ДВФУ, 2017. 164 с.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин : Изд-во лит. на иностр. яз., 2014. 630с.

Титаренко М. Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. М. : Ин-т ДВ РАН, 2000. 224 с.

Тихвинский С. Л. Китай и всемирная история. М. : Наука, 1987. 591 с.

Чжао Юн. Кто боится большого злого дракона? Почему в Китае лучшая (и худшая) система образования в мире / пер. с англ. И. Полонской. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2017. 302 с.

人民日报//共产党与中国社会前途。2012年十一月九日。

中国未来将会怎么样//样全球时报。第3431期，2014年十月十九日。

РОЛЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В США

Аннотация. Рассматривается роль аналитических центров в принятии политических решений в США. Исследуются этапы развития аналитических (мозговых) центров. Анализируется деятельность мозговых центров во внешней политике Соединенных Штатов. Приводятся примеры политических решений, принятых в соответствии с аналитической деятельностью мозговых центров.

Ключевые слова: политическое решение; аналитический центр; мозговой центр; внешняя политика США, правительство, политический деятель.

V. Kalinina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF THINK TANKS IN THE USA POLICY DECISION MAKING

Abstract. The purpose of the article is to examine the role of think tanks in political decision making in the United States. The article discusses the stages of development of think tanks. The activity of think tanks in the foreign policy of the United States is analyzed. The article also gives examples of political decisions made in accordance with the analytical activities of think tanks.

Keywords: policy decision making; think tank; US foreign policy; government, policy maker.

Сегодня вопрос политики США интересует многих. Современное общество терзается в догадках, как мировой державе удастся достичь политического влияния во всем мире и построить грамотную и взвешенную внутреннюю и внешнюю политику. Для этой цели США, как и большинство стран, прибегает к деятельности аналитических центров.

Под термином «аналитический центр», или «мозговой центр», понимается исследовательский институт, деятельностью которого является исследование и анализ определенного политического аспекта или различных политических проблем, а также осуществление консультативной функции политическим деятелям и информирование общества о политических проблемах. Как правило, эти организации создаются как неправительственные организации, но некоторые из них являются либо полугосударственными учреждениями, либо квазиавтономными единицами в правительстве [Handbook of Public Policy Analysis, 2007, с. 149].

Помимо анализа политики, аналитические центры также выполняют ряд вспомогательных функций, которые помогают усилить анализ политической деятельности и иногда предлагают свои консультативные услуги государственным структурам по принятию политических решений. В тандеме с правительством аналитические центры разрабатывают различные методы анализа политики, которые варьируются, с одной стороны, от высоконаучных, академических или технократических по стилю до явно идеологических, партизанских и пропагандистских, с

другой стороны. Взаимодействие правительства и аналитических центров дополняется стратегической практикой развития консультативных услуг для правительства, промышленности или общественности в качестве посредников анализа политики. Соответственно, анализ политики аналитического центра – это не просто интеллектуальная деятельность. Вместо этого анализ политики ориентирован на конкретные действия и зависит от политики предпринимательства, институционального строительства и конкурентоспособности аналитических центров на рынке идей.

Деятельность мозговых центров, конкурирующих на национальном и международном уровнях перед правительствами и международными организациями, усложняется пониманием влияния мозгового центра, основанного на долгосрочной способности формировать климат мнений и разрабатывать концепции, которые структурируют мировоззрение и политику убеждений. Следовательно, стратегии прямого воздействия на ход политических действий или формулировки политических инициатив должны рассматриваться наряду с более долгосрочным, косвенным и тонким влиянием на идеологические установки правительства. В США существуют различные открытые организации, активно влияющие на мировую политику. Данные организации получают финансирование от различных фондов и освобождены от налогов. Аналитические центры имеют собственную специализацию или нишу. Одни фокусируются на той или иной части политического спектра, другие пытаются быть двухпартийными или просто внепартийными. Некоторые мозговые центры нацелены на публикации своих научных сотрудников в средствах массовой информации, другие стремятся влиять на действующую администрацию [Сенченко, 2009].

Развитие аналитических центров началось в начале XX в. параллельно с развитием политического анализа. Можно выделить три этапа их развития. Первое поколение мозговых центров появилось до Второй мировой войны. Вторая волна развивалась во время холодной войны, когда аналитические центры проводили исследования и разработки в области мира, а также появлялись институты социальной и экономической политики. В 1980-х гг. начался третий этап, на который приходится глобальный бум аналитических центров. В США осуществление деятельности аналитических центров происходит при финансовой поддержке со стороны Национального фонда демократии, Агентства США по международному развитию, Всемирного банка или частных благотворительных фондов [Handbook of Public Policy Analysis, 2007, с. 150].

Мозговые центры первого поколения были реакцией на социальные и экономические проблемы, порожденные урбанизацией, индустриализацией и экономическим ростом. Аналитические центры были созданы в англоговорящих странах, но наиболее ярко их присутствие было в Соединенных Штатах. Существовало много причин неравномерного соци-

оэкономического развития: сильный филантропический сектор, благоприятная налоговая система, слабые политические партии, плюралистическая политическая система и разделение полномочий в ее федеральной структуре, а также между исполнительной и законодательной властью США. Эти факторы создавали благоприятные политические возможности и политические ниши для развития мозговых центров. Так, например, Эдвард Хаус, советник президента Вудро Вильсона, в конце 1917 г. проводил регулярные консультации с ведущими американскими учёными по выработке нового американского подхода к устройству мира после окончания Первой мировой войны [Мирзаян, 2011]. В целом аналитические центры появились в Северной Америке и британских владениях в ответ на рост государства – «прогрессивную эру» – с ростом грамотности и профессионализации государственной службы, что способствовало требованию независимого анализа политики для рационального улучшения общества. Такие организации, как Фонд Карнеги, Институт Брукингса, Фонд XX в. и Фонд Рассела Сейджа в Соединенных Штатах, а также Общество Фабиана и Национальный институт экономических и социальных исследований в Великобритании, типичны для первой волны [Погорельский, 2012].

Эпоха после Второй мировой войны принесла государству более широкую роль в социальных и экономических делах, вызвав вторую волну развития аналитических центров в Северной Америке и в европейских либеральных и социальных демократиях. В Соединенных Штатах период Нового курса и Великого общества, а также войны в Корее и Вьетнаме привели к созданию государственных исследовательских институтов. В Соединенных Штатах Корпорация RAND (корпорация исследования и разработки) и Гудзонский институт были образцами новой волны развития мозговых центров, которые все больше зависели от государственных контрактов, нежели чем от частной благотворительности. Существенный вклад в социальную политику внесли ряд других институтов, в первую очередь Институт городского развития. Основанный в 1968 г., он имел целью исследование и анализ американских социальных проблем, таких как: городской упадок, государственные программы социального обеспечения, выплаты по программе Medicare, транспортная политика и т. д. Многие из аналитических центров второго поколения впервые применили новые статистические методы, экономическое моделирование и анализ затрат и прибыли. По мере того как правительственный спрос на этот вид анализа расширялся, росло количество и разнообразие аналитических центров. Институты, ориентированные на социальную политику, все больше оставались в тени внешнеполитических институтов и центров по изучению безопасности в эпоху холодной войны, соперничества сверхдержав и проблем третьего мира [Handbook of Public Policy Analysis, 2007, с. 150].

С 1980-х гг. начался бум аналитических центров во всем мире. Особо уровня развития достигли мозговые центры в США. Будучи причиной или следствием повышения внимания к экологическим проблемам, стали развиваться институты экологической политики. Аналитические центры стали фокусировать свое внимание и на других направлениях, стали появляться институты женской политики, аналитические центры деловой этики и центры для продвижения демократии. Многие из новых институтов заняли более жесткую идеологическую позицию наряду с большей организационной склонностью к защите общественных интересов. Рост так называемых новых правых мозговых центров, таких как Институт Адама Смита в Лондоне, также иллюстрирует, как свободный рынок и консервативные аналитические центры были участниками процесса перехода парадигмы от кейнсианской политики к неолиберальным принципам правительственной организации. Сегодня, когда правительства требуют политики, основанной на фактических данных, аналитические центры готовы предоставить фактические данные в поддержку политических реформ и инноваций. Одним из примеров деятельности аналитических центров в 80-е гг. является влияние Фонда «Наследие» на политику США в отношении определенных стран. Так, Фонд «Наследие» сыграл роль в отмене в июле 1985 г. поправки Кларка, которая запрещала предоставлять помощь антиправительственным ополчениям в Анголе [Мирзаян, 2011].

Аналитические центры также могут исполнять роль «инсайдеров» в политических сообществах. Они представляют собой отраслевой режим управления, объединяющий участников внутри и вне правительства для облегчения принятия решений и их реализации. Предоставляя экспертные знания и анализ, сотрудники аналитических центров могут быть вовлечены в обсуждение политики в неформальной обстановке путем консультаций и личного общения либо в более официальной форме путем назначения консультативным органам. В таких ситуациях существуют доверительные отношения между аналитическим центром и правительственным органом или определенными должностными лицами, при этом учитывается опыт аналитического центра.

Аналитические центры имеют соответствующие полномочия на основе их научных статусов, поскольку квазиакадемические организации сосредоточены на тщательном и профессиональном анализе политических вопросов. Многие используют свой относительно независимый статус организаций гражданского общества для укрепления своей репутации, нейтральной по отношению к политике или государству. Этот статус дает мозговым центрам некоторую законность в попытках вмешаться в политические процессы своими консультативными услугами. Поскольку политика основывается на фактах, аналитические центры потенциально могут помочь правительству создать более рациональный

политический процесс путем расширения собственных исследовательских возможностей, обхода временных и институциональных ограничений и оповещения элиты об изменении политических условий. Таким образом, мозговые центры оказывают влияние на правительство. Более того, правительство или некоторые политические лидеры используют эти организации в качестве инструментов для преследования своих интересов и обеспечивают экспертные доказательства для осуществления своей политики.

Особого внимания заслуживает влияние деятельности аналитических центров на формирование внешней политики США по отношению к России. В 1990-е гг. западные мозговые центры проникли во многие сферы российского общества: юридическую, историческую, гуманитарную и т. д. Считалось, что их деятельность отличалась профессионализмом и их опыт поможет стабильному развитию. Агентство США по международному развитию принимало непосредственное участие в разработке Конституции РФ, Гражданского кодекса, Налогового кодекса, Земельного кодекса, а также содействовали реформе электроэнергетики [Мартынов, 2018].

Ранние американские исследования аналитических центров часто рассматривали их с точки зрения силы влияния на принятие политических решений. Исследования Института Брукингса подчеркивали, что мозговые центры являются ключевыми компонентами правящей элиты, где принятие решений сосредоточено в руках нескольких групп и отдельных лиц. Точно так же некоторые марксисты утверждали, что мозговые центры истеблишмента – это организации, формирующие консенсус, разрабатывающие и обсуждающие идеологию и долгосрочные планы и превращающие проблемы политической экономики в управляемые объекты государственной политики. Поскольку общие экономические интересы и социальная сплоченность среди правящей элиты или правящего класса недостаточны для достижения консенсуса по политике, для достижения согласия по таким вопросам требуется исследование, консультации и обсуждение. Правительство ориентируется на известные политические институты, имеющие прочные связи с политическими партиями или корпоративным сектором, пренебрегая ролью меньших, менее известных институтов. В целом современные аналитики скептически относятся к аналитическим центрам, оказывающим последовательное прямое влияние на политику. Вместо этого они разрабатывают более широкое и более детальное понимание влияния политики мозговых центров и социальной значимости своих ролей, определяющих политическую стратегию. Изменение влияния мозговых центров во многом связано с тем, как они со временем взаимодействуют в эпистемологических сообществах, правозащитных коалициях и дискурсивных коалициях. Концепция эпистемологического сообщества фокусируется на

конкретной роли экспертов в политическом процессе и повышенном влиянии экспертных знаний в условиях неопределенности политики. С этой точки зрения аналитические центры используют свой опыт и анализ как объективный научный вклад в политику.

Таким образом, вопрос о политическом влиянии мозговых центров на принятие политических решений остается спорным. Несмотря на значительный рост, аналитические центры не имеют автоматического политического доступа. Попытка провести анализ политики для лиц, принимающих решения, не означает немедленного воздействия мозговых центров на предстоящее законодательство или исполнительное мышление. Относительно немногие аналитические центры вносят ключевой вклад в принятие решений на местном, национальном или региональном глобальных форумах или оказывают парадигматическое влияние на политическое мышление. Вместо этого более уместно рассматривать их как составляющую часть сложного механизма управления.

Литература

Антироссийская деятельность западных «мозговых центров» / А. Мартынов, А. Гаспарян, А. Крылов, И. Каминник. URL: <http://www.grso.ru/articles/antirossijskoj-deyatelnosti.html> (дата обращения: 31.01.19).

Мирзаян Г. Мозговые центры и процесс принятия решений в США. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4567>. (дата обращения: 31.01.19).

Погорельский А. В. Роль аналитических центров в формировании внешней политики США // Панорама-2012 : науч. журн. Воронеж : ВГУ, 2012. Вып. 2. С. 75–78. URL: <http://h.120-bal.ru/ekonomika/19626/index.html?page=3>. (дата обращения: 31.01.19).

Сенченко Н. И. Теория и практика невидимых войн. М. : КИТ, 2009. 504 с. URL: <http://textarchive.ru/c-2493176-p4.html> (дата обращения: 31.01.19).

Handbook of Public Policy Analysis. Theory, Politics and Methods / ed. by F. Fischer, G. J. Miller, M.S. Sydney. CRC Press, 2007. 642 p.

УДК 911.2

А. Д. Калихман, Т. П. Калихман

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ К ЮГУ ОТ БАЙКАЛА

Аннотация. Рассматривается история Южного Байкала и территорий к югу от него, которую можно разделить на несколько периодов: древность, эпоха кочевых империй – Хунну, Тюркские каганаты, Монгольское государство и современный период. Отмечается, что наиболее важным по значимости вклада в язык, культуру и традиции местного населения стал длившийся более семи веков период тюркских каганатов – часть эпохи кочевых империй, на смену которым пришло монгольское государство, ставшее итогом борьбы степных монголоязычных племен за власть в Великой Степи. Подчеркивается, что поворотным в истории является последний пе-

риод – современный, связанный с усилением влияния доминирующих в этом регионе наций – русских и бурят. Сделан вывод, что в историю Южного Байкала были вовлечены народы четырех основных языковых групп северо-востока Евразии – китайской, тюркской, монгольской, славянской (восточно-славянской/русской).

Ключевые слова: Южный Байкал, тюркские каганаты, Монгольское государство, период Российской империи.

A. Kalikhman, T. Kalikhman

V. B. Sochava Institute of Geography of SB RAS, Irkutsk

THE PREREVOLUTIONARY HISTORY OF THE TERRITORY'S DEVELOPMENT OF LAKE BAIKAL SOUTH

Abstract. The entire history of Southern Baikal and the territories to the South of it can be divided into several periods: antiquity, the era of nomadic empires – Huns, Turkic khaganates, the Mongolian state and the modern period. The period of Turkic khaganates, which lasted for more than seven centuries, became the most important part of the nomadic empires in terms of the contribution to the language, culture and traditions of the local population. The Mongolian state replaced them and became the result of the struggle of the steppe mongol-speaking tribes for the domination in the Great Steppe. The recent period – modern – was a turning point in history. This is the time associated with the increasing influence of the dominant Nations in the region – the Russians and the Buryats.

Thus, the peoples of the four main language groups of the North-East of Eurasia – Chinese, Turkic, Mongolian, East Slavic (Russian) – were involved in the history of South Baikal.

Keywords: Southern Baikal, Turkic Kaganate, the Mongol state, Russian Empire period

Понимание исторических процессов способствует более эффективному исследованию истоков формирования сложившихся к настоящему времени культуры, языков, расселенческих особенностей народностей, проживающих к югу от Байкала.

Государство хунну

Этнос *хунну* (лат. Hunni, согд. Hwn, монг. Хүннү, Хүн Гүрэн, кит. 匈奴 – *Hsiung-nu*, Сюнну) сложился в VII–IV вв. до н. э. в степях Центральной Азии и Монголии. Предшественниками хунну были различные кочевые племена, связанные с культурами плиточных могил и оленных камней, говорившие на языках алтайской языковой семьи, в пределах которой еще не обособились тюркские и монгольские языки. На рубеже III–II вв. до н. э. появилось первое степное государство с вождем (шаньюем) по имени Тумань. Перемещение хунну, как и других степных кочевников, происходило по степным и долинным территориям, в высокогорные леса они заходили неохотно. Вероятно, поэтому возвышенная таежная территория к югу от Байкала осталась на периферии или в стороне от кочевых империй.

На Селенге опорным поселением являлось Иволгинское городище, занимавшее площадь более 75 тыс. м². Его окружала система оборонительных сооружений с четырьмя валами высотой до 2 м и тремя рвами глубиной до 1,5 м, еще с одной стороны поселение защищала болотистая старица реки. В городище обнаружено более 80 жилищ, имевших углубленные в землю котлованы, стены из сырцового кирпича и крыши из жердей, соломы и бересты, были найдены чугунные сошники, железные

серпы, песты, зернотерки и ямы для хранения зерна. Хунну владели производством железа и меди, умели изготавливать красивую глиняную посуду, знали ткачество [Историко-культурный атлас ... , 2001].

Существование государства хунну упоминается в китайских летописях [Каталог гор и морей ... , 2004], но эти описания не всегда соотносятся с материалами раскопок, которые ведутся уже более ста лет. Изучение курганов хуннской элиты и найденные предметы китайского производства позволили сделать вывод о заметном влиянии Китая на культуру кочевников. В погребениях хуннской знати, кроме китайских вещей, обнаружены шерстяные ткани, вышитые пологи, великолепные серебряные украшения и другие изделия, изготовленные далеко к западу от монгольских степей. Последние по времени палеогенетические исследования показали, что митохондриальная ДНК хунну обнаруживает большое сходство их генофонда со структурой генофонда современного монголоязычного населения Забайкальских степей [Лавряшина, 2016].

Говоря о судьбе хунну, нельзя не упомянуть о найденном недалеко от Иволгинского городища оленем камне, названном Иволгинским. Открыл и дал первое описание камня Дмитрий Давыдов, учитель Верхнеудинского училища в 1846–1859 гг., автор слов знаменитой песни «Славное море – священный Байкал» [Давыдов, 1856]. Изображения оленей на камне преобладают по числу и размерам, хотя их фигуры выглядят стилизованно, с вытянутыми головами и преувеличенно крупными рогами. Найденный Д. Давыдовым камень теперь установлен у входа в Иркутский краеведческий музей.

Тюркские каганаты

Распад государства хуннов в начале II в. сопровождался наступлением периода двухвековой засухи. Новыми хозяевами Великой Степи стали *сяньбийцы* – древние монголы, которые при поддержке динлинов и китайцев победили хуннов. Пик власти государства *сяньби* (монг. Сүмбэ; кит. 鮮卑 – *Xiānbēi*) на центральноазиатских степях пришелся на 155–181 гг. при правителе Таншихае. С завершением периода засухи в IV в. кочевники Великой Степи вновь обрели силу, объединенные одним из племен сяньби – *жуаньжуанями*, или жужжаниями (монг. Нирун; кит. 柔然 – *Róurán*, Жоужань). Они завоевали западносаянские племена динлинов и кыргызов. Жужжаньский каганат владел землями от пустыни Гоби до Байкала, огибая горы Восточного Саяна [Историко-культурный ... , 2001]. Именно в это время в южных предгорьях Алтая набирало силу племя *тюрк* (тур. Türk; др.-тюрк. Ṫṛṛḡṛ – Türk; кит. 突厥 – *Tūjué*, Туцзюе; старотибетский *duruggu* / *durgu*; греч. Τοῦρκοις – Туркоис), известное китайцам под именем *тюку*, которое переселилось сюда в середине V в. Вождь тюрков Тюмен победил зимой 552 г. войска ослабленного Жужжанского каганата и провозгласил создание Тюркского каганата, власть которого распространилась от Чер-

ного до Желтого моря. Удержать огромную территорию, населенную разными племенами, было сложно, поэтому он быстро распался на западный и восточный.

На восточной части после нескольких племенных восстаний против Китая и последующей консолидации в 682 г. образовался второй Тюркский каганат под предводительством Бильге-Кутлуг-кагана. Тюркоязычные племена, входившие в его состав, пользовались руническим письмом [Кляшторный, 2005]. На реке Орхон в Северной Монголии найдены памятники в виде вертикально стоящих каменных плит с руническими надписями. Борьба за престол и междоусобица ослабили второй тюркский каганат, подвластные тюркам племена подняли восстание, получив поддержку Китая. В 742 г. объединенные силы уйгурских племен разбили тюрков, а спустя два года погиб их последний каган Озмун. Территория уйгурского (тюркоязычного) каганата начала расширяться, и в 746–759 гг. уйгуры достигли наивысшего могущества. Уже при первом кагане Бильге Уйгурский каганат расширился от Маньчжурии до Алтая и от Китая до Байкала. В 750–751 гг. была завоевана Тува. Уйгуры строили окруженные стенами города и крепости, основали столицу Орду-Балык на Орхоне. Они продолжили использование рунического письма в своих государственных документах и провозгласили главной религией манихейство (греч. Μανιχαϊσμός; кит. 摩尼教 – *mónijào*) – смесь христианского учения с началами религии Зороастра, хотя многие оставались буддистами и шаманистами. Вскоре появилась новая письменность, менее приспособленная к используемому тюрками языку, зато передающая много гласных. Она произошла из согдийской графики и долго существовала параллельно с тюркской рунической письменностью. Позже эту письменность, которая получила название уйгурской, взяли на вооружение монголы (рус. Уйгурский язык; уйг. ئۇيغۇر تىلى, ئۇيغۇرچە, Уйғурчә; кит. 维吾尔语 – *Wéiwú ěr yǔ*, Вэйу эр юй).

Самым сильным врагом каганата было государство древних *хакасов* (хягас)* на среднем Енисее и Минусинской котловине – Кыргызский (тюркоязычный) каганат, который возник еще в VI в. Около 820 г. началась длительная война между уйгурским и кыргызским государствами. Она закончилась в 840 г. разгромом уйгурских войск, разобщенных распрями, и благодаря переходу на сторону кыргызов части уйгурского войска. Достижением государства стало создание бюрократической верхушки для управления с разделением чиновников на шесть разрядов. К IX в. каганат расширился до Ангары и устья Селенги на севере, границы его доходили до верховьев рек Урал и Амур [Историко-культурный ..., 2001].

* Здесь и далее: в случаях множественности вариантов транскрипций или простого звукового подражания наименований на иных языках перевод названий этносов не приводится.

Господство кыргызов в Центральной Азии и на территории Южного Байкала сохранялось до конца IX в. Начавшийся засушливый период привел к смещению племен в южносибирские владения. С начала X в. значительной частью региона уже владели монголоязычные племена. Окончательное вытеснение кыргызов из Центральной Азии произошло в XI–XII вв. под давлением расселявшихся в западном направлении племен кераитов и найманов. Кыргызы сохранили за собой только Туву и Минусинскую котловину, а в 1293 г. каганат был окончательно разорен. Новыми властителями в Центральной Азии становятся *кидани* (кит. 契丹 – Qìdān, Цидань), которых относят к протомонгольским племенам, владевшим, вероятнее всего, языком из монгольской группы алтайской языковой семьи. Созданное киданями государство (916–1125 гг.) было названо китайцами империей Ляо (монг. Кидан улс, кит. 遼朝 – Liao chao, Ляо чао), появилась собственная письменность на основе китайских иероглифов. Вскоре его сменило слоговое письмо на основе уйгурского языка, ставшего впоследствии основой для монгольского языка [Филлипс, 2004]. Доминирование киданей закончилось в начале XIII в. после захвата их найманами, одной из трех основных групп монгольского племенного союза, а затем окончательно поглощено империей Чингисхана.

Монгольское государство

С начала II тысячелетия западные границы империи Ляо проходили по Алтайским горам, северные – по реке Ангаре и Яблоновому хребту. Кидани продолжили освоение открытой части Великой степи, развивали поселения. В покрытой лесом зоне Восточного Саяна и Хамар-Дабана оставались тюркоязычные племена дубо́ (тума́ты), названные «лесными народами» или в монгольской версии «хойин ирген» [Историко-культурный ..., 2001]. Племена дубо вытеснялись на север с юга ойратами, монголоязычными племенами, не заходившими дальше лесостепи. Северные территории по границе империи Ляо со времени Тюркских каганатов именовались Баргуджин-Тукум (от тюрк. «баргу» – добыча). Одним из наиболее воинственных в империи был улус, населенный меркитами, имевшими контакты с «таежными народами». Они нападали на соседние племена, в том числе и на Хамаг-монгол улус, где правил Тимучин (или Темуджин). Войны Тимучина с меркитами шли почти 20 лет до их полного разгрома и рассеяния. В то же время, примерно с 1190 г., в возрасте 35 лет он начал борьбу за объединение монгольских племен в единое государство. В 1206 г. Тимучин на Курултае был провозглашен Чингисханом и главой Монгольского государства.

Из древних китайских источников следует, что «монголами» называлось одно из племен *Хамаг-монгол улус*, живших на территории нынешней Монголии. Затем наименование стало собирательным, подразумевавшим всю монголоязычную народность.

Создание Монгольской империи, реформирование армии и появление общегосударственного законодательства стали основными достижениями в период правления Чингисхана. Внедрение свода монгольских законов «Их Засаг» («Великая Яса») позволило не только закрепить новые нормы и правила жизни, но и сохранить традиционные обычаи. Великая Яса состояла из двух частей: первая «Билик» (изречения и наставления хана) и собственно «Яса» (свод военных и гражданских законов). Например, полностью были освобождены от податей лекари и омывающие тела покойников, ученые и религиозные деятели.

Великая Яса была написана в монгольском варианте уйгурского алфавита. Есть свидетельства, что Чингисхан не умел читать, но советниками, судьями и чиновниками в государстве являлись грамотные уйгуры и китайцы из числа 4000 освобожденных образованных пленных. Поэтому основные письма и указания фиксировались на уйгурском и китайском языках. В это же время многие слова из этих языков были заимствованы монгольским языком [Филлипс, 2004, с. 81]. В Ясе формулировались положения о нравственности, правилах сбора налогов и торговле, уголовном праве, устройстве государства и его особом органе – курултае (парламенте), а также армии, дорогах, международном праве [Намсрайн, 1998; Филлипс, 2004, с. 38; Папуев, 2005, с. 101].

Жизнь монголов была подчинена требованиям военных интересов и сопровождалась регулярными войнами. Часть степных племен Южного Байкала и Забайкалья вошли в государство добровольно. Но покорение «лесных народов» Восточного Саяна и Прибайкалья оказалось более сложным и длительным процессом.

Сразу после Курултая 1206 г. Чингисхан разделил многоплеменное население будущего государства на 95 частей и поставил управлять ими своих соратников. Один из нойонов (десятитысячников) – Хорчи – должен был завоевать южносибирские племена от Иртыша на восток. Такой приказ требовал установить имперский контроль на севере над «лесными народами». Нойон Хорчи пошел на туматов на крайнем востоке определенных ему владений и не только встретил сопротивление, но и попал в плен. Тогда на север было отправлено войско под командованием хана Джучи – старшего сына Чингисхана. Поход Джучи отражен в книге «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.» [Козин, 1941].

Великая империя Чингисхана, созданная за сравнительно короткое историческое время, привела к глобальным изменениям этнической карты Евразии. Высокогорье Хамар-Дабана и Восточного Саяна не было жизненно важным пространством для степных монгольских народов. Здесь стояли небольшие гарнизоны, что позволило обитателям горной тайги сохранить свою этническую целостность, тюркский язык, не быть ассимилированными в монгольский уклад жизни, как это случилось с иными «лесными народами» равнинной Тувы, Минусинской котловины,

Предбайкалья и Забайкалья. На степных и лесостепных пространствах возникли новые народы, с которыми встретились русские в начале XVII в.

Историки считают, что монголы явились государствообразующим этносом, создавшим многонациональную империю в Евразии. Однако судьба обширного монгольского государства в сравнении с тюркским периодом была достаточно короткой. В XIII в. по завещанию самого Чингисхана во владение четырьмя улусами, на которые была разделена империя, вступили его сыновья. Старший Джучи получил все территории к западу от Иртыша, улус второго сына Чатагая составляли Средняя Азия и Восточный Туркестан, третий сын Угэдэй получил Западную Монголию и Тарбагатай и был избран Великим ханом всей Монгольской империи, а коренной отцовский улус в Восточной Монголии наследовал четвертый сын Тулуй.

Джучи, умершего на полгода раньше Чингисхана, заменил в монгольской армии его второй сын Бату (Батый). Первый сын Орду-Ичэн стал во главе Белой Орды на Иртыше, а третий сын Шейбани возглавил Синюю Орду на территории от реки Урал до Арала. Сам же Бату получил верховную власть в Большой, или Золотой, Орде. Своими грандиозными завоеваниями он раздвинул границы государства со столицей Сарай-Бату в низовьях Волги, покорив основанную варягами Русь от Киева до Новгорода [Папуев, 2005, с. 102]. Золотая Орда стояла 240 лет. Но после известной в истории Куликовской битвы в 1380 г. и разгрома войска ее могущество начало таять. На месте Золотой Орды возникли Казанское ханство в среднем течении Волги и Астраханское – в нижнем, Крымское ханство под властью династии Гиреев, Ногайская Орда – от Каспийского до Аральского моря, Сибирское ханство в Западной Сибири на берегах Тобола, Ишима и Иртыша [Любавский, 1996, с. 257–258]. Целостность и евразийское доминирование монгольской империи постепенно утрачивалось, поскольку новые этнополитические образования все более обособлялись. К тому же государствообразующий монгольский этнос здесь был почти полностью поглощен тюрками, которые в процессе этнической консолидации дали начало современным тюркским народам этого региона.

Последним всемонгольским ханом в 1479 г. стал Бату-Мункэ, известный под именем Даянхана, и после его смерти в 1543 г. государство вновь распалось на несколько самостоятельных владений. Его старшие сыновья получили улусы в южной части Монголии, а младший Гэрэсэндэ наследовал отцовский улус на землях севернее пустыни Гоби, называемых Халха (щит). В первой половине XVII в. на территории Халха начались процессы этнической консолидации, в результате которых возник племенной союз местных народов. Они стали именовать себя халхи или халхи-монголы. До настоящего времени халхи являются наибольшим по численности народом современной Монголии. Ко времени по-

явления русских служивых людей в начале XVII в. территории Южного Байкала частично входили в эти монгольские государства.

Российская эпоха

Колонизация русскими Сибири дошла до Байкала в первой половине XVII в. Обращение к русским документам этого времени дает достоверную картину состояния территорий вокруг Байкала. Ссылный основоположник старообрядчества Аввакум Петров, который летом 1662 г. переправлялся с восточного на западный берег при возвращении из даурской ссылки, в своем «Житии протопопа Аввакума» так пишет о Байкале: «Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирни гораздо, – нельзя жарить на сковороде: жир все будет» [Житие ..., 1979].

В книге о путешествии через Сибирь в 1675 г. Николай Милеску Спафарий, молдавский боярин, возглавлявший русское посольство в Пекин, дает первое описание Байкала и его природных ресурсов [Спафарий, 1882]. В описании голландского купца Идеса Избранта, направленного Петром I в 1692 г. со следующим русским посольством в Пекин, в управлявшуюся маньчжурской династией Империю Цин (маньчж. ^{ᡩᠠᡳᠴᡳᠩ} – Дайцин гурунь; кит. 大清國 – *Dà qīngguó*, Да Цин го; монг. Манжийн Эзэнт гүрэн) для выяснения проблем с ратификацией Нерчинского договора о границах, говорится о зимнем Байкале и народах вокруг озера [Идес, 1967]. Дневники европейских подданных российских царей, даже весьма образованных и опытных, не отражают содержание происходивших в тот период процессов, точнее последствий внутренней колонизации, связанных с силовым военным продвижением русских казаков-первопроходцев через дремучую тайгу и большие реки при часто вооруженном сопротивлении местных племен [Ядринцев, 1892]. По словам историка Василия Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией». Ключевский, который был учеником известного историка Сергея Соловьева, повторял вслед за ним его идею «колонизирующейся страны» [Ключевский, 2009].

Александр Радищев в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири», сочиненным во время ссылки в 1790 г. в Илимский острог, трактовал захват Сибири как колонизацию. Он писал, что московские цари давали сибирским землепроходцам, например Строгановым, грамоты на земли, России не принадлежавшие, и избавили их от всяких податей в обмен на поставки меха в Москву [Радищев, 1938]. Все помнили итоги сибирского промысла казачьего атамана Ермака, после гибели которого в Москву отправили собранные им 24 тысячи соболиных, 2 тыся-

чи бобровых и 800 шкур чернобурой лисицы. Историк Афанасий Щапов, один из первых экологических историков Сибири, указывал на ключевую и исходную роль пушного промысла как основной цели ее колонизации. Он родился под Иркутском в семье матери-бурятки и отца русского дьякона, поэтому близко знал последствия добычи пушнины, определяя «зоологическую колонизацию» как истребление казачьими отрядами местных племен при насильственном принуждении их истреблять пушных зверей [Эткинд, 2013]. Поэтому прямая связь открытия и покорения Сибири с пушным промыслом кажется очевидной.

До конца XVII в. на землях вокруг Байкала военные действия царских атаманов и служилых людей привели к полному подавлению возникавших в течение столетия очагов сопротивления насилию и грабёжам, вымогательствам и принуждениям, убийствам и издевательствам, тактике захвата заложников (аманатов). Противодействие шло не только со стороны племен тунгусов, но и нередко вступавших с ними в союз племен булагатов, эхиритов и других монголоязычных этносов. По словам побывавшего в Сибири историка Г. Ф. Миллера, для «приведения под высокую государеву руку непокорных народов» строились остроги, опорные пункты колонизации: в 1619 г. Енисейский острог, в 1630 г. Илимский острог, в 1631 г. Братский и Усть-Кутский остроги. Ближе к Байкалу возникли остроги: Верхоленьский в 1641 г., Верхнеангарский в 1647 г., Баргузинский в 1648 г., Иркутский в 1661 г., Селенгинский в 1665 г., Верхнеудинский в 1666 г., Тункинский в 1676 г. [Миллер, 1937].

С середины XVII в. интеграция новых земель в состав Российского государства привела к увеличению площади страны почти в три раза, а термин Сибирь стал обозначать территории от реки Оби до берегов Тихого океана. Управление Сибирью возлагалось на созданный в 1637 г. специальный Сибирский приказ. Цель нового органа состояла в переходе от военных методов колонизации к административным и финансовым методам.

На территориях у Байкала Сибирский приказ дополнялся созданными с 1743 г. степными конторами, органами самоуправления бурят. В Прибайкалье появились Балаганская, Верхоленьская, Кудинская, Идинская, Ольхонская, а в Забайкалье Онинская (Хоринская), Кударинская, Селенгинская, Баргузинская степные конторы, которые существовали в 1743–1822 гг. для бесперебойного сбора ясака. Деятельность контор по решению этой основной задачи дополнялась устройством албанских (албан – подать) съездов (сугланов) для распределения податей и повинностей, решения общественных вопросов. Участие в сугланах принимали тайши, депутаты и родовые главы – зайсаны, шуленги, засулы. Решалась также задача перевода натуральной формы ясачного оклада в денежную с ежегодной разовой его выплатой в казну.

Таким образом, к концу XVII в. Сибирь была полностью колонизирована, а земли вокруг Байкала и населяющие их народы превратились в источник пополнения казны Российского государства. Оправданным оказались военное движение на восток и захват Сибири, выход казачьих отрядов на берега Охотского моря и Тихого океана, появление института управления в виде Сибирского приказа. На колонизации Сибири практически не сказались попытки вооруженного сопротивления отдельных племен коренного населения и попытки так называемого добровольного вхождения в состав России. Историк Н. М. Ядринцев в вышедшей в 1892 г. книге «Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия», так формулирует первые итоги покорения Сибири: «Можно удивляться, как при таких ничтожных средствах русский народ еще мог сделать то, что он сделал, т. е. проходил моря, степи и льды, проложил повсюду пути, основался и удержал огромную территорию, в два раза большую, чем занята всем русским народом. Положив основание повсюду будущей колонизации, он выполнил большую часть самой трудной работы и совершил половину исторической задачи. Едва ли можно отказать ему в героизме, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на многих высших, культурных свойствах и не сделала это население более грубым и отсталым» [Ядринцев, 1892, с. 242]. Приведение в подданство России территорий у Байкала продолжалось почти три столетия.

Век XVII. Выход к Байкалу в середине XVII в. казаков и служилых людей открыл пути к территориям Южного Байкала и долине реки Селенги. Курбата Иванова можно считать автором первого чертежа озера Байкал, который был им составлен 1643 г. после похода отряда из 48 служилых людей на Байкал для сбора ясака. Вернувшись в Верхнеленский острог, он составил отправленную затем в Москву отписку: «А пришел з Байкалу служилыми людьми и с промышленными в 152-м году сентября в 4 день и написав чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам, расспросные речи тунгусов и братских людей про мунгал и про Китайское государство и про иные землицы и на Байкале, где можно быть острогу».

В дошедшей до нас «рописи» о Байкале подробно сказано: «А по Ламе и по Байкалу живут неясашные тунгусы кумкагиры и чилкагиры, и иных родов много, а числа те тунгусы им не знают сколько их в роду. А соболей же у тех тунгусов много. ... А на другой стороне Ламы живут же брацкие ж люди, конные, а тунгусы оленные. ... А Енисей река, которую называют Тунгускою и Ангарию, вышла из Байкала озера, а где вышла из Байкала та река, и в вершине она мала и мелка. А течет та река под Енисейский острог. А вода в Ламе стоячая, пресная, а рыба в ней всякая и зверь морской. А где пролива той Ламы в море, того те тунгусы не ведают. Да в Ламу и впала река Селенга двенадцатью устьи. А по той Селенге, идучи от Ламы с правую сторону, живут мугалы кочевые люди.

Да тою же рекою Селенгою ходят в Китайское государство вверх по Селенге реке 10 день судового ходу. А от тое реки Селенги на левую сторону дорога на реку сухим путем дней в 8, переезжают конем. А та река течет в Китайское государство, а имени тунгусы той реки не ведают. Да на той реке мугалы емлют серебряную руду, а у той руды серебряной на той же реке стоит Китайского государства порубежной город, а серебро в Браты идет из Мугал, а покупают брацкие люди то серебро у мугал на соболи» [Краеведческий сборник, 1958, с. 5–6].

Из отписки казачьего десятника Осипа Васильева, отправленной 30 сентября 1665 г. енисейскому воеводе Василию Голохвастову, мы узнаем о выборе места и строительстве Селенгинского острога в устье реки Чикой. Около Селенгинского острога кочевали «Мунгальского Очироя-Саина-хана и Гыгана хана их тайши многие улусами своими, Мунгальские многие люди», есть тунгусы, которые жили по верховьям рек Хиллок и Чикой.

Почти все исследования тех времен не рассматривали отдельно такой сравнительно небольшой участок, как долина Селенги в нижнем течении, которая была самым доступным для многих народов транзитным путем между севером и югом. Но это сделал известный этнограф Б. О. Долгих. Его исследование отразило этнографическую структуру коренного населения Сибири в том виде, в каком она была известна по документам, которые составляли русские власти того времени. В основу работы положены так называемые ясачные книги, дополненные сметными, пометными, приправочными и сборными книгами. Русскими властями в Сибири XVII в. составлялись поименные списки для собирания со всего взрослого мужского населения натурального налога-ясака почти исключительно в виде пушнины, и в первую очередь соболями. Списки об обложенных ясаком мужчин ежегодно обновлялись подьячим ясачного стола в приказной избе или воеводской канцелярии каждого уезда. Б. О. Долгих в книге «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке» дал тщательное описание этнических группировок по сибирским уездам и составил карту расселения племен. Всего по его подсчетам в Сибири проживало примерно 236 тыс. коренных жителей [Долгих, 1960].

Большую группу тунгусов-кумкагиров представляли тунгусы Заектаева рода. Они были приграничной группой, часто сталкивавшейся с монголами и сойотами (восточносибирским тюркоязычным народом). На западе они доходили до Иркутка, часто бывали в Тунке, охотились и выше Тунки и по Зун-Мурину, иногда заходили даже на Китою, но больше всего кочевали в районе Култука вдоль юго-восточной оконечности Байкала до р. Мишихи. В челобитной 1698 г. тунгусы Заектаева рода называли своими урочища по рекам Безымянной, Утулику, Снежной, Паньковке, Хара-Мурину, Выдриной, Переемной, Мишихе. О Темнике не упоминали, поскольку низовья реки были освоены монголами, а вер-

ховья были освоены тунгусами. По архивным сведениям к концу XVII в. они вместе с подгородными тунгусами иногда появлялись у Кабанска и Селенгинска.

Век XVIII. Этот век стал временем освоения озера Байкал, развития рыбного промысла, подъема экономики и становления товарно-денежных отношений. Большие усилия предпринимались в связи с поиском и прокладкой новых путей сообщения по территориям Южного Байкала и по самому озеру. В Сибирь и на Байкал отправились серьезные научные и исследовательские экспедиции, возглавляемые русскими и иностранными учеными. Петровская эпоха кардинально изменила жизнь в недавно колонизированной Сибири. По указу Петра I рыбные угодья на Байкале стали оброчными статьями не только казны, но также монастырей и архиерейских домов. Самому первому на Байкале Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю принадлежали угодья в дельте Селенги, Свято-Троицкому Селенгинскому монастырю – южное побережье Байкала, Киренскому монастырю – Чивыркуйский залив, Иркутскому Вознесенскому монастырю – залив Провал. Интенсивный промысел соболя в Прибайкалье и превращение пушного промысла из «повинности» в товарную отрасль хозяйства эвенков привели в середине столетия к резкому сокращению численности локальных популяций этих животных. Развитие земледелия способствовало сокращению площади лесов, что частично связано с изданием в начале царствования Екатерины II указа от 1762 г. «О сборе оброка с сибирских крестьян деньгами». В то же время вырубка лесов требовалась для обеспечения древесиной работы горнорудных заводов. Тем не менее до конца века сохранялся сложившийся ранее традиционный щадящий режим хозяйственного использования природных ресурсов, допускавший естественное восстановление биоресурсов.

В самом начале нового века подвел итог прошедшего века Семен Ремезов, автор знаменитых исторических трудов «История Сибирская», «Описание о сибирских народах и граней их земель» и хронографа. Но более известен Ремезов как автор трех чертежных книг-атласов: «Хорографическая чертежная книга, 1697–1711 гг.», «Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году», «Служебная чертежная книга, 1702–1730 гг.». На картах помещена информация с названиями коренных народов и указанием мест их проживания, сведения о путях сообщения с указанием продолжительности пути между пунктами для разных средств передвижения, места добычи полезных ископаемых, названия острогов, заимок, зимовий, городов, озер и рек [Хорографическая ..., 2011].

Самым крупным городом оставался Селенгинск, который получил статус в 1685 г., а в 1688 г. после осады монгольской армией Тушетухана был укреплен земляными насыпями и рвом. Командовал успешной

обороной бывший украинский гетман Демьян Многогрешный, о чем свидетельствовал посол граф Федор Головин, находившийся в остроге на пути в Нерчинск для заключения мирного договора с китайской Империей Цин (у власти находились маньчжуры). Уже с 1709 г. город стал перевалочным центром караванной торговли с Китаем, здесь разводили верблюдов, лошадей, овец, выращивали рожь, пшеницу, гречиху, овес, большое значение имели рыболовство и охота. После подписания в 1727 г. Буринского договора с Китаем об установлении границы, Селенгинск стал центром уезда, где была воеводская канцелярия и канцелярия пограничных дел во главе с комендантом.

Селенгинск оставался в центре караванной торговли до середины столетия, когда Российское государство отправляло в Китай только казенные торговые караваны во главе с доверенным купцом, правительственным комиссаром, гвардейским офицером с военной охраной в составе 100 казаков. Караваны организовывались один раз в три года, их движение в одну сторону занимало один год по маршруту, названному «Чайным путем». Частная торговля, до 1762 г. соперничавшая с казной и нередко связывавшаяся с контрабандой, подвергалась непрерывным стеснениям со стороны властей, поэтому Екатерина II в 1762 г. отменила казенные караваны и передала торговлю с Китаем в частные руки. С этого времени вся торговля сконцентрировалась на границе, главным образом в Кяхте.

Другим важным пунктом на пути из Иркутска в Кяхту оставался в XVIII в. Посольский монастырь. Монастырь был крупным хозяйственным центром с основной статьей дохода – рыболовством. Монастырь владел несколькими рыбными статьями, переданными монастырю по указу царя Петра I после ходатайства от 1707 г. купца Григория Осколкова, комиссара торгового каравана в Китай. Он обеспечил строительство церкви во имя Преображения Господа, заготовив около 300 тысяч кирпича, известь и другой строительный материал, а также заказал двухставный резной иконостас. Владения монастыря имели площадь более 3000 кв. км с шестью деревнями и заимками, 220 крестьянами, санными покосами на 2200 копен, 33 десятинами пашни. В 1726 г. здесь установили казенную переправу из бота и морской лодки, а обитель стала начальным пунктом почтово-купеческого сообщения из России до границ Китая. Почтовые казенные и частные суда сопровождались военной командой. В 1739 г. в деревне Исток началось строительство кораблей с использованием лиственного корабельного леса из монастырской вотчины.

Век XIX. Новый век продолжил проекты прошлого века, связанные со строительством путей сообщения по суше, развитием торговли и промыслов, заселением Восточной Сибири и территорий Южного Байкала переселенцами из европейской части России на торговом Чайном пути.

Начало XIX в. стало временем реформ в системе управления территориями вокруг Байкала. В 1819 г. М. М. Сперанский был назначен генерал-губернатором Сибири с обширными полномочиями по ревизии действий местной администрации, связанных со злоупотреблениями, и для подготовки проекта изменений системы управления. В 1821 г. был создан особый «Сибирский комитет» для разработки проекта реформ системы управления. В результате комитетом были подготовлены нормативные правовые акты, и среди них: «Учреждения для управления Сибирских губерний», «Положения и правила о земских повинностях», «Положения и правила о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь» и «Устав об управлении инородцев». В последнем документе, который действовал до революции, для нерусских народов были выделены три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни – оседлые, кочевые и бродячие, а также законодательно введен термин «инородцы». К кочевым были отнесены буряты, якуты, хакасы, остяки, вогулы, тунгусы, коренные жители, составлявшие особенное сословие, в равной степени с крестьянами. К бродячим были отнесены охотничьи и оленеводческие коренные народы Крайнего Севера. Устав предусматривал обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов. Устанавливалось трехступенчатое управление кочевыми народами: родовое управление (низшая ступень самоуправления для отдельных улусов и стойбищ); инородная управа для нескольких стойбищ и улусов или нескольких родовых управлений; степная дума – административная единица, объединявшая много родов, могла состоять из нескольких родовых управлений или нескольких инородных управ, она подчинялась окружному управлению.

Н. М. Ядринцев так отозвался о реформе М. М. Сперанского: «Они не отличались ничем особенным, взгляды его во многом сходились даже со старинными воззрениями на Сибирь. В первое время он смотрел на нее, как “на место, пригодное только для ссылки, но не как на место для жизни и гражданственности, основанной на хлебопашестве и промышленности”» [Ядринцев, 1892]. Термин «инородец», переживший автора Г. С. Батенькова, был в обиходе и во время правления большевиков. Американский историк Джон У. Слокум в своей статье уловил это: «Неформально слово “инородцы” использовалось, часто с уничижительным оттенком, для обозначения всего нерусского населения империи» [Слокум, 2005].

Число ссыльных постоянно увеличивалось и, например, в Иркутской губернии на 1 января 1823 г. достигло 17 819 чел. Большую часть их общего числа – 9 574 – составляли сосланные в каторжные работы, 8 090 чел. отбывали ссылку на поселения. Известно, что в середине XIX в. в Иркутской губернии было около 40 тыс. ссыльных, а к концу века – более 60 тыс. ссыльных всех категорий. Наиболее известными были декабристы (например, в Селенгинске отбывали наказание братья Николай

и Михаил Бестужевы) и ссыльные поляки – участники национально-освободительного движения 1863–1864 гг. в Польше.

Заключение

Сложная история перемещения народов приводила к формированию новых государств, военным конфликтам, обмену культурными обычаями и религиозными воззрениями, а также к смешиванию и взаимному обогащению языков, а иногда к фактической их утрате. Например, почти исчезли тюркские наречия малочисленных народов Восточного Саяна в связи с «обурячиванием» окинских сойотов, «обрусением» тофаларов в Иркутской области, «омонголиванием» народности духа (цаатаны), «окультуриванием» языка тоджинцев тувинцами.

Активнее процесс взаимного влияния разных народов происходил вдоль долин рек и по Великой Степи в транзитных зонах торговли и завоеваний. Агрессивное продвижение первопроходцев и завоевателей всегда приводило за собой представителей торговых и культурных слоев каждого из этносов, открывало их народам новые территории, появлялось и обогащалось новое научное географическое знание, формировалось законодательство, составлялись схемы и карты новых земель.

В настоящее время прошедшие исторические события сказываются на всех сферах жизни народов Южного Байкала – культурной, экономической, природоохранной.

Литература

Давыдов Д. О древних памятниках и могильных остатках Верхнеудинского округа Забайкальской области // Зап. Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1856. Кн. 2. С. 89–100.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.

Житие протопопа Аввакума. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 368 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина. М. : ГРВЛ, 1967. С. 384–385.

Историко-культурный атлас Бурятии. Основной том / ред. Н. Л. Жуковская. М. : Дизайн, информация, картография, 2001. 606 с.

Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / предисл., пер. и комм. Э. М. Яншиной. 2-е изд., испр. М. : Наталис; Рипол Классик, 2004. 349 с.

Ключевский В. О. Русская история. М. : Эксмо, 2009. 912 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Памятники письменности тюркских племен Центральной Азии и Сибири в раннем Средневековье // Степные империи древней Евразии. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niᠷuca tobciyan*. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук АН СССР, 1941. 661 с.

Краеведческий сборник. Улан-Удэ, 1958. Вып. 3. 162 с.

Лавряшина М. Б., Ульянова М. В., Балановская Е. В. Коренные народы Сибири: Воспроизводство и динамика популяционных генофондов. Новосибирск : Наука, 2016. 302 с.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. / отв. ред. А. Я. Дегтярев ; вступ. ст. А. Я. Дегтярева, Ю. Ф. Иванова, Д. В. Карева. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 688 с.

- Миллер Г. Ф. История Сибири. М. ; Л., 1937. Т. 1. 609 с.
- Намсрайн Ням-Осор. Историческая роль закона «Их Засаг» («Великая Яса») Чингис-Хана в общественно-экономической жизни Монголии XIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1998. 45 с.
- Папуев В. Б. Монгольские народы. Атлас истории и этнографии : учеб. пособие. Элиста : Джангар, 2005. 160 с.
- Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. В 3 т. М. ; Л., 1938–1952. 676 с.
- Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет : антология. М. : Нов. изд-во, 2005. С. 502–535.
- Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария / введ. и прим. Ю. В. Арсеньева. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.
- Филлипс Э. Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. М. : Центрполиграф, 2004. 174 с.
- Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск, 2011. 692 с.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М. : Нов. лит. обозрение, 2013. 448 с.
- Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.

УДК 911.2

Т. П. Калихман

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Трансграничность обычно воспринимается как возможность преодоления границ, разделяющих территорию. Прозрачность границы, особенно государственной, находится в пределах осуществления регламентированной деятельности, например природоохранной при решении задачи сохранения биотического и ландшафтного разнообразия. Во многих случаях слабая вовлеченность приграничных территорий в хозяйственную деятельность обеспечивает достаточную степень сохранности экосистем. Возможность организации трансграничных особо охраняемых природных территорий появляется на наиболее значимых с точки зрения сохранения природного разнообразия участках, прилегающих к границам смежных государств, и планирование здесь особо охраняемых природных территорий является чрезвычайно важным фактором.

Рассматриваются действующие и наиболее важные планируемые трансграничные особо охраняемые природные территории.

Ключевые слова: трансграничные природные территории, территориальная охрана природы, заповедники, национальные парки, заказники

T. Kalikhman

V. B. Sochava Institute of Geography of SB RAS, Irkutsk

TRANSBOUNDARY SPECIALLY PROTECTED AREAS IN SIBERIA AND THE FAR EAST

Abstract. Transborderness is usually perceived as an opportunity to cross the boundaries dividing the territory. The transparency of the border, especially the state border, is within the scope

of regulated activities, for example, nature protection in solving the problem of conservation of biotic and landscape diversity. In many cases, the weak involvement of border areas in economic activities provides a sufficient degree of preservation of ecosystems. The possibility of creation cross-border of specially protected natural areas appears on one of the most important from the point of view of preserving the natural diversity areas adjacent to the borders of neighboring States, and the planning of specially protected natural areas is an extremely important factor.

The article deals with the functioning and the most important planned transboundary specially protected natural areas.

Keywords: transboundary natural areas, territorial nature protection, natural reserves (zapovedniks), national parks, natural refuges (zakazniks).

Понятие «трансграничные охраняемые природные территории»

Одним из важнейших направлений развития регионоведения Сибири и Дальнего Востока признано природоохранное, требующее участия управленческих структур соседствующих стран и проведения научных геоэкологических исследований на прилегающих к межгосударственным границам территориях, а также понимания различий в институциональных основах разных государств.

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) – заповедники, национальные парки, заказники и другие категории ООПТ – составляют основную часть территориальной охраны природы. Этот вид природоохранной деятельности чрезвычайно важен для сохранения окружающей среды, биотического и ландшафтного разнообразия в естественных условиях. Для этого выделяются специальные, как правило, достаточно обширные, малоизмененные и нетронутые территории.

С наземными и водными границами Российской Федерации в Сибири и на Дальнем Востоке соприкасаются Казахстан, Монголия, Китай, КНДР и Япония, темпы социально-экономического развития и характер межгосударственных отношений с которыми весьма различаются. Эти трансграничные территории характеризует большое разнообразие природных условий: от степных ландшафтов российско-казахстанского и российско-монгольского пограничья, горно-лесных ландшафтов Алтая, Саяна, Большого и Малого Хингана, Восточно-Маньчжурских гор (российско-монгольские и российско-китайские трансграничные геосистемы) до водно-болотных угодий среднего Амура, озера Ханка и реки Туманная. Вместе с тем государственной границей пересекаются целостные природные и природно-ресурсные системы различных типов, например бассейны рек Иртыш, Селенга, Амур, даурские степи и др. Большое разнообразие трансграничных территорий требует дифференцированного перечня требований и информации для формирования программ устойчивого развития приграничных территорий России в ее азиатской части [Приграничные и трансграничные территории ... , 2010], в том числе и природоохранных.

Главным международным документом, регулирующим территориальную охрану природы, является «Конвенция о сохранении биологиче-

ского разнообразия». Это международное соглашение принято на сессии ООН в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г. Конвенция вступила в силу 29 декабря 1993 г. Руководства вышеназванных стран, сопредельных Сибири и Дальнему Востоку, подписали Конвенцию в июне 1992 г. Россия ратифицировала Конвенцию в 1995 г. В соответствии с целями этого документа доля ООПТ в странах, подписавших Конвенцию, к 2020 г. должна быть не менее 17 %. Достижению этого результата должно способствовать и создание трансграничных ООПТ.

Трансграничные ООПТ – это охраняемые территории, расположенные по обе стороны межгосударственной границы, имеющие единое или сходное юридическое основание и управляемые по единому плану. Трансграничные ООПТ способствуют сохранению биотического и ландшафтного разнообразия и снимают проблему разделения единых по составу природных территорий, что особенно важно для широкоареальных и мигрирующих животных. Трансграничные ООПТ действуют в соответствии со специальными межгосударственными соглашениями. Соглашения могут быть заключены между двумя, тремя и более странами.

Принципиальными в организации трансграничных ООПТ являются:

- высокая (глобальная) значимость с точки зрения сохранения биотического и ландшафтного разнообразия;
- хорошая сохранность природной среды в сравнении с иными подобными территориями;
- сходство законодательства об охраняемых природных территориях и возможность принятия согласованных решений по их сохранению, поддержанию и восстановлению;
- возможность совместного или сходного управления.

Таким образом, создание трансграничных ООПТ позволяет исключить противоречия в осуществлении территориальной охраны природы вследствие учета естественных границ природных сообществ, регламентировать единые и/или сходные законодательные установления и реализовать единый или сходный менеджмент территории.

Понятие трансграничных охраняемых природных территорий (*transboundary protected area*) широко применяется в научной литературе. Функционирующие в соответствии со специальными межгосударственными договоренностями, такие территории составляют единое целое с точки зрения сохранения биотического и ландшафтного разнообразия, поддержания традиционного природопользования коренных малочисленных народностей. Практика показывает, что в их состав могут входить ООПТ различных категорий, а также территории традиционного природопользования коренных малочисленных народностей. Нередки случаи, когда соседствующие с границей охраняемые территории имеют общую администрацию (совет, комиссию), общие научные и туристские программы.

Действующие трансграничные ООПТ

По состоянию на начало 2019 г. в Сибири и на Дальнем Востоке функционируют следующие трансграничные ООПТ: «Алтай», «Даурия», «Истоки Амура», «Озеро Ханка», «Убсунурская котловина» [Калихман, Богданов, Огородникова, 2012; Особо охраняемые природные ... , 2018; Сохранение степей России ... , 2014]. Краткая информация об этих территориях приведена ниже в порядке их создания.

Даурия. Трехсторонняя кластерная трансграничная заповедная территория «Даурия» создана в 1994 г. в соответствии с Соглашением между Министерством охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации, Министерством природы и окружающей среды Монголии, а также Агентством охраны окружающей среды Китайской Народной Республики с включением в ее состав заповедника «Даурский» (Забайкальский край, РФ), строго охраняемой территории «Монгол дагуур» (аймак Дорнод, Монголия) и природного заповедника «Далайнор» (кит. 达赖自然保护区, *Dálài zìrán bǎohù qū* – *Далай цзыжань баоху цюй*) (провинция Внутренняя Монголия, КНР). Все три названные ООПТ являются кластерными: «Монгол дагуур» состоит из двух, «Далайнор» – из трех, «Даурский» – из девяти участков (последние объединены охранной зоной в три основных кластера – озерный, урочище Адон-Челон со скальными останцами и лесостепной). В ведении заповедника «Даурский» находятся также два заказника федерального значения: «Цасучейский бор» (1981 г., 57 900 га) и «Долина Дзерена» (2011 г., 213 838 га) [Кириллук, Богданов, Огородникова, 2006; Кириллук, 2007; Калихман, Горошко, Кириллук, 2012].

Эти три заповедника включены и в иные перечни ООПТ международного значения: биосферных резерватов (программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера»), водно-болотных угодий (Рамсарская конвенция), ключевых орнитологических территорий (международная программа BirdLife International), и, кроме того, российская часть в 2017 г. стала объектом всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Ландшафты Даурии».

Краткая информация о названных ООПТ:

1. Заповедник «Далайнор» (название озера – кит. 达赉湖, монг. *Далай нуур*) создан в 1986 г., общая площадь – 740 000 га. Кроме одного из пяти крупнейших озер Китая – озера Далайнор (или Хулун-Нур), ООПТ включает несколько средних по размеру водоемов (Новый Далайнор, Улан-Нур, часть Буйр-Нура и др.) и реку Оршун-Гол.

2. Строго охраняемая территория «Монгол дагуур» (рус. Монгольская Даурия) образована в 1992 г., общая площадь – 108 154 га.

3. Заповедник «Даурский» начал функционировать с 1987 г., общая площадь составляет 49 764 га, кроме того, отдельные небольшие участки заповедника окружает охранная зона в 173 201 га.

Одно из наиболее значимых следствий сотрудничества в рамках международного заповедника – возвращение в Россию дзерена. За несколько лет численность этих антилоп, постоянно обитающих в Даурском заповеднике и на прилежащих территориях, увеличилась с 15–20 особей в начале 1990-х гг. до почти 4 000 к началу 2010-х гг.

Озеро Ханка. Международное соглашение между правительствами РФ и КНР о создании трансграничной охраняемой природной территории было подписано в 1996 г. В состав трансграничной ООПТ вошли российский заповедник «Ханкайский» и китайский «Синкай-ху».

Ханка (кит. 兴凯湖 – *Синкайху*) [Ханка, 1986] – озеро на границе Приморского края России и провинции Хэйлунцзян Китая. Ханка – уникальный и самый крупный по площади пресноводный водоем на Дальнем Востоке. Его относят к объектам тектонического происхождения. На китайской территории значительная часть водосбора относится к озеру Малая Ханка, отделенного от основного водоема узкой песчаной косой. Между озерами существует обмен за счет дренажа, а в многоводные годы они соединяются протокой [Квасов, 1989].

Российский заповедник был создан в 1990 г., общая площадь – 32 289 га, площадь охранной зоны вокруг небольших участков заповедника составляет 75 510 га. Эта ООПТ имеет и иные международные статусы: водно-болотное угодье, биосферный резерват, ключевая орнитологическая территория. Заповедник кластерный и состоит из пяти участков (Чертово болото, Журавлиный, Речной, Мельгуновский, Сосновый).

ООПТ на китайской стороне была создана в 1986 г., а статус национального резервата она получила в 1994 г. Площадь составляет 222 488 га. В отличие от российского заповедника, в его состав, помимо прибрежных участков, включена акватория озер Малая и Большая Ханка.

Убсунурская котловина. Охраняемая природная территория (Россия/Монголия), несмотря на создание здесь двустороннего объекта всемирного природного наследия, долго не имела статуса трансграничной. Тем не менее между ООПТ двух стран научные обмены возникли вскоре после их создания. И только в 2011 г. председателем Правительства РФ было издано официальное распоряжение № 709-р «О подписании соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о создании трансграничного резервата «Убсунурская котловина».

Заповедник «Убсунурская котловина» (Республика Тыва, 323 198 га) был организован в 1993 г. Он состоит из девяти участков, но в объект всемирного наследия и трансграничную ООПТ включены семь из них (87 830 га): Монгун-Тайга, Арысканныг, Улар, Убсу-Нур, Оруку-Шынаа, Ямаалыг, Цугер-Элс.

Строго охраняемая территория «Увс-Нуур» (аймак Увс, Монголия) создана в 1993 г. Ее площадь составляет 755 244 га, состоит из четырех

кластеров (Увс-Нур, Алтан Элс, Цагаан Шувуут и Турген Уул), а также находящегося в его подчинении резервата «Тэсийн голын сав газар» (или «Тэс-Хем»), созданного в 2006 г., площадь которого сейчас составляет 103 704 га.

Алтай. Идея создания трансграничной охраняемой природной территории возникла в рамках Алтайской конвенции в 1999 г. [Красноярова, Орлова, Рыбкина, 2004]. О создании этой территории между правительствами Республики Казахстан и Россией в 2011 г. заключено межгосударственное соглашение. В состав территории вошли национальный природный парк «Катон-Карагайский» (Восточно-Казахстанская область, 2001 г., 643 477 га) в Казахстане и биосферный заповедник «Катунский» (Республика Алтай, 1991 г., 151 664 га).

В 2017 г. ЮНЕСКО одобрило проект создания первого трансграничного биосферного резервата «Большой Алтай» общей площадью 1,5 млн га на территории России и Казахстана [ЮНЕСКО утвердило создание ... , 2017].

При начальном проектировании этой территории планировалось заключение соглашения между Россией, Китаем, Монголией и Казахстаном, поскольку она находится на стыке этих четырех государств [Винокуров, Суразакова, Красноярова, 2006]. Таким образом, можно надеяться, что соглашение между Казахстаном и Россией стало первым этапом в процессе создания четырехсторонней трансграничной территории.

Истоки Амура. В 2014 г. подписано Соглашение о создании двусторонней трансграничной территории «Истоки Амура», включившей биосферный заповедник «Сохондинский» (1973 г., 210 988 га), заказник регионального значения «Горная степь» (2003 г., 5 273 га) в Забайкальском крае и состоящий из двух кластеров национальный парк «Онон-Балдж» (2000 г., 397 379 га) в аймаке Хэнтий Монголии. Вскоре после ратификации международного соглашения распоряжением Правительства РФ № 490-р от 03.04.2013 г. было одобрено создание обширной охранной зоны (318 000 га) Сохондинского заповедника, которая должна служить буферной зоной для стыковки с охранной зоной монгольского парка.

Первые планы совместных мероприятий с монгольскими коллегами стали составляться еще с 2000-х гг. – времени организации национального парка «Онон-Балдж», первоначально действовавшего как филиал крупнейшего заповедника Монголии «Хан Хэнтий» (1992 г., 1 748 104 га), с которым Сохондинский заповедник всегда поддерживал дружественные связи. В перспективе рассматривается возможность получения трансграничным резерватом статуса биосферного [Минеральные воды ... , 2011; Малков, 2013; Сохранение степей России ... , 2014].

Планируемые трансграничные ООПТ

Перспективными для организации новых трансграничных двусторонних охраняемых территорий являются следующие участки.

Хэнтэй-Чикойское нагорье. Двусторонняя трансграничная ООПТ, в которую войдут национальный парк «Чикой» (Забайкальский край, 2014 г., площадь 666 468 га), строго охраняемая территория «Хан Хэнтэй» (аймак Тов Монголии, 1992 г., 1 748 104 га) и национальный парк «Горхи-Тэрэлж» или «Тэрэлж» (округ города Улан-Батора Монголии, 1993 г., 291 839 га). В эту площадь могут войти также обособленные части Хэнтэйского нагорья – территория строго охраняемой территории «Богдхан уул» (аймак Тов и округ города Улан-Батора Монголии, воссоздана в 1957 г., 42 192 га), природный резерват «Нагал хаан» (аймак Тов Монголии, 1957 г., 1 861 га) при условии создания дополнительных связующих фрагментов лесостепи [Савенкова, Оюунгэрэл, 2004; Улсын ТХГН-ийн ... , 2019].

«Хэнтэй-Чикойское нагорье» расположено на востоке бассейна Байкала. Рассматриваемая территория представляет собой типичный для этих мест переход от горной тайги к горной степи, а также свойственные этой части Азии обширные участки так называемой экспозиционной лесостепи. Здесь хорошо сохранились большие площади кедровой (сосна сибирская) тайги – ареал распространения особой популяции чикойского соболя, который сейчас вытесняется более многочисленной баргузинской популяцией. В пределах ООПТ отмечены такие редкие виды животных, как ирбис (снежный барс), тарбаган, беркут, орлан-белохвост, могильник, сапсан, большой подорлик.

Особую значимость «Хэнтэй-Чикойскому нагорью» придает природоохранная история этих мест. Здесь расположена строго охраняемая территория «Богдхан уул» – старейшая азиатская ООПТ из известных в письменных источниках (1778 г.), со священной для монголов горой Цэцээ Гунн, а также высшая точка нагорья – гора Асралт-Хайрхан (2800 м).

В российской части расположены уникальные по живописности памятники природы «Ламский городок» и «Озеро Шебеты». Очевидна важность организации «Хэнтэй-Чикойского нагорья» для эффективного развития экологического туризма, а в российской части и для этнографического туризма, так как в Красночикойском районе Забайкальского края вот уже почти 250 лет живут старообрядцы (семейские) с хорошо сохранившимися укладом и традициями.

Селенга. Двусторонняя трансграничная территория. Она расположена в степной зоне бассейна Байкала, которая является наиболее заселенной и наиболее хозяйственно используемой. Площадь степных охраняемых территорий здесь мала, их число невелико, они находятся друг от друга на значительных расстояниях. В российской приграничной незалесенной части степные ООПТ представлены только одним заказником «Боргойский» (Бурятия, 1979 г., 42 180 га). Лесостепной федеральный заказник «Алтачейский» (Бурятия, 1982 г., 71 627 га) и степной региональный «Тугнуйский» (Бурятия, 1977 г., 39 360 га) размещены на некотором отдалении от государственной границы, а уникальный регио-

нальный заказник «Ацульский» (к юго-западу от озера Гусиное) в 2003 г. был ликвидирован. В монгольской части в среднем течении Селенги организованы строго охраняемая территория «Зэд-Хантай-Бутээлийн нуруу» (аймак Булган, 2011 г., 604 266 га), национальный парк «Тужийн нарс» (аймак Сэлэнгэ, 2002 г., 70 805 га), и на расстоянии от границы расположены природные резерваты «Намнан уул» (аймак Булган, 2003 г., 29 684 га) и «Хан Жаргалант уул» (аймак Булган, 2003 г., 62 919 га).

Для организации полноценной степной российско-монгольской трансграничной территории здесь необходимо создать несколько новых ООПТ для связывания их в единую кластерную систему: планируемые в Монголии строго охраняемая территория «Буренгийн нуруу», природный резерват «Товхохаан уул». Природоохранным ядром российской части должен стать кластерный национальный парк «Селенга» (или заповедник «Джидинский»), наиболее значимый с точки зрения сохранения природных сообществ и в некоторых случаях культурно-исторического наследия [В Бурятии может появиться ... , 2010]. Он будет состоять из следующих участков:

1) приустьевого участка реки Джиды между поселками Петропавловка и Белозерск (интересные природные объекты: пещера горы Сарбатуй, а также древние поселения Базино и Сарбадуй); включит действующий Боргойский заказник – ключевая территория Боргойской степи, который должен существенно расширяться; участок у села Дырестуй – «Урочище Дырестуйский Култук», где произрастает ковыль Клеменца, находятся живописные скалы и древние поселения;

2) приграничного участка на левом берегу Селенги (местность Цаган-Усун) с реликтовой рощей абрикоса сибирского, а также археологическими памятниками, ботаническим памятником «Гора Хараты» с абрикосом сибирским и тонкотрубочником скальным;

3) приграничных уникальных участков чистых сосновых боров на песках.

В состав трансграничной ООПТ «Селенга» также могут войти планируемые природные парки: «Междуречье» (или «Селенга») между устьями рек Чикой и Хилок, «Киранский» – между Кяхтой и Усть-Кираном, «Ацульский» взамен ликвидированного в устье реки Темник заказника с расширением его территории [Савенкова, 2004; Калихман Т., Калихман А., 2012].

От Хубсугула до Байкала. Двусторонняя трансграничная ООПТ. Располагается в юго-западной части бассейна озера Байкал и включает национальный парк «Тункинский» (Бурятия, 1991 г., 1 183 662 га), труднодоступную строго охраняемую территорию «Хорьдол сарьдаг» (аймак Хевсгел, Монголия, 1997 г., 226 672 га), национальный парк «Хевсгел» (аймак Хевсгел, Монголия, 1992 г., 1 175 602 га) и природный памятник «Даяндээрхийн агуй» (аймак Хевсгел, Монголия, 2006 г., 31 277 га), а

также, возможно, региональный заказник «Иркутный» (1967 г., 26 635 га) и южную часть Прибайкальского национального парка (1986 г., общая площадь – 417 297 га) в Иркутской области. Здесь планируются прилегающие к названным ООПТ природные парки «Пик Черского», «Теплые озера», «Утулик-Бабха» и заказник «Таловские озера» в Слюдянском районе Иркутской области, природные парки «Мунку-Сардык» и «Озеро Ильчир» в Окинском районе, природный парк «Хангарульский» и заказник «Хамней» в Закаменском районе Республики Бурятия, а также планируемые в монгольской части бассейна природные резерваты «Архан буурал-Бадарын нуруу», «Их Тунэл-Эмгэд овгод», «Тэрхэн цагаан уул», «Халхан булнай» [Савенкова, 2004; Калихман, Богданов, Огородникова, 2012].

В центре территории располагается долина реки Иркут между двумя высокими горными цепями (с севера Тункинские гольцы, с юга Хангарульский хребет) и между двумя уникальными водными экосистемами – озером Байкал с востока и озером Хубсугул на западе.

Объединяющими территорию аспектами являются: родство хорошо сохранившегося растительного и животного мира межгорных котловин и хребтов Большой Саян, Тункинские гольцы, Хангарульский, а также хребтов, окружающих озеро Хубсугул; высокое биотическое и ландшафтное разнообразие; принадлежность к Байкальской рифтовой зоне с системой впадин байкальского типа, включая как непосредственно Хубсугульскую и Байкальскую, так и котловины Тункинской долины – Торскую, Тункинскую, Туранскую, Хойто-Гольскую, Мондинскую (Тункинский национальный парк) и Быстринскую (Слюдянский район Иркутской области); богатая культурно-историческая составляющая – Тункинская долина на протяжении веков была местом контакта шаманистских, ламаистских и православных верований.

Саянский перекресток. Двусторонняя этноприродная трансграничная территория, находящаяся в наиболее возвышенной части Восточного Саяна, включающая заповедник «Азас» (1985 г., 300 398 га), кластер «Уш-Белдирский» (одноименный заказник существовал с 1975 г., частью природного парка стал в 2015 г., 442 870 га) природного парка «Тыва» (Республика Тыва), заказник федерального значения «Тофаларский» (1971 г., 132 700 га) в Иркутской области, заказник регионального значения «Тайбинский» (1987 г., 61 400 га) в Красноярском крае, национальный парк «Тэнгис-Шишгедийн голын ай сав» (2011 г., 875 711 га) в Монголии, планируемые природный парк «Горная Ока» и территории традиционного природопользования четырех малочисленных народностей Восточного Саяна – тофаларов, тоджинцев, окинских сойотов, монгольских духа (цаатанов) [Иванов, Калихман А., Калихман Т., 2008; Калихман А., Калихман Т., 2009].

Сайлюгем. Двусторонняя трансграничная ООПТ, включающая национальный парк «Сайлюгемский» (Республика Алтай, 2010 г.,

118 380 га) и в Монголии состоящий из двух кластеров национальный парк «Сийлхэмийн нуруу», или «Сыйлыкхэм» (аймак Баян Олгий, 2000 г., 147 875 га) для мониторинга численности редких высокогорных животных – снежного барса (ирбиса) и алтайского горного барана (аргали).

Делгер-Мурен. Двусторонняя трансграничная ООПТ в истоках одноименной реки на территории Республики Тыва (Россия) и в аймаке Хевсгел (Монголия). В ее состав могут войти проектируемый российский заповедник «Их-Тайрисин» по названию правого притока реки Делгер-Мурен, а также действующая строго охраняемая территория «Улаан-тайга» (2011 г., 431 695 га) и небольшая ООПТ аймака Хевсгел «Лам-тайга уул». Этот приграничный участок наименее изучен, но очень ценен для сохранения биоразнообразия и как один из важных истоков Селенги. Долина реки Делгер-Мурен, окруженная высокими горами (более 2500 м), располагает уникальными участками горных степей [Калихман Т., Калихман А., 2012].

Туманган. Трехсторонняя трансграничная ООПТ, находящаяся на стыке Китая, КНДР и России. С российской стороны здесь функционирует природный парк «Хасанский» (Приморский край, 1997 г., 52 778 га). В северокорейском городском округе центрального подчинения Насон (кор. 라진-선봉 직할시, *lajin-seonbong jighalsi*, или *Расон, Наджин-Сонбон*) пока не созданы особо охраняемые природные территории. В китайской провинции Гиринь (кит. 吉林, *Jílín – Цзилінь*) созданный национальный парк «Амурский тигр и леопард» (кит. 东北虎和豹国家公园, *dōngběihǔ hé bào guójiā gōngyuán – Дунбэйху хэ бао гоцзя гунюань*) самым южным участком касается этой территории.

С точки зрения ландшафтного и биотического разнообразия это очень ценные природные территории, особенно для России, поэтому в будущем организация совместной трансграничной природной территории весьма перспективна. Основой для этого может стать заключенное в 1988 г. между КНДР и СССР (провозглашена преемственность России) двустороннее соглашение об охране мигрирующих птиц [Соглашение ... , 1994].

Амурский тигр и леопард. Двусторонняя трансграничная ООПТ, включающая в Приморье заповедник «Кедровая падь» (1924 г., 18 045 га), национальный парк «Земля леопарда» (2012 г., 261 869 га) и заказник регионального значения «Полтавский» (1963 г., 119 000 га). С китайской стороны расположен недавно созданный национальный парк «Амурский тигр и леопард» (кит. 东北虎和豹国家公园, *dōngběihǔ hé bào guójiā gōngyuán – Дунбэйху хэ бао гоцзя гунюань*) (2016 г., 1 460 000 га), который вобрал в свои границы бывшие национальные резерваты «Хунчунь» в провинции Гиринь (или Цзилинь) и «Ванцин» в уезде Янь-Бянь

Корейского автономного округа провинции Гири (или Цзилинь) и «Лаоелин» в провинции Хейлундзян [Китай утвердил создание ... , 2016].

Цель создания этой трансграничной территории определена ее наименованием.

Южные Курилы. Двусторонняя трансграничная ООПТ между Японией и Сахалинской областью (Россия). В российской части здесь расположены островные ООПТ: заповедник «Курильский» (1984 г., 65 365 га) и подчиняющийся ему заказник федерального значения «Малые Курилы» (1982 г., 45 000 га). Заповедник состоит из трех кластеров (Северный Кунаширский, Южный Кунаширский и Малая Курильская гряда, последняя включает в свою очередь острова Осколки и острова Демина). Заказник также состоит из двух кластеров (остров Шикотан и острова Малой Курильской гряды, включающей острова Танфильева, Анучина, Юрий, Зеленый и Полонского). К северу от названных федеральных ООПТ находится региональный заказник «Островной» (южная часть острова Итуруп), который также мог бы войти в состав трансграничной ООПТ.

В непосредственной близости от этих двух ООПТ, отделенный Южно-Курильским проливом (Советский пролив и пролив Измены), расположен остров Хоккайдо (Япония), северная оконечность которого характеризуется сходством природных характеристик с южнокурильскими островами и хорошей сохранностью природной среды. Здесь расположен национальный парк «Дайсецусан» (яп. 大雪山国立公園 – *Daisetsuzan Kokuritsu Kōen*), название переводится как «большие снежные горы». Этот парк – крупнейший в Японии (создан в 1934 г., общая площадь 226 764 га) [大雪山国立公園, 2018].

Общее у этой трансграничной территории – вулканическое происхождение островов. Например, в японском национальном парке выделяются три вулканические группы: «Дайсецусан» находится в северной части парка и включает в себя самую высокую гору острова Хоккайдо (яп. 北海道の島) – Асахи (яп. 朝日山); хребет Токачи (яп. 十勝山脈) – на юго-западе парка к северу от гор Юбари (яп. 夕張山) и Хидака (яп. 日高山); «Шикарибецу» (яп. シカリベツ) – в восточной части парка включает в себя гору Исикари (яп. 石狩山). Река Исикари (яп. 石狩川) является третьей по длине в Японии и самой длинной на Хоккайдо. Эти вулканические группы лежат вокруг Центрального нагорья с преобладающей горой Томурауши (яп. トムラウシ山). Для парка характерны альпийно-типные луга и в целом нетронутая природа.

Следует особо подчеркнуть, что чрезвычайно важным в этом районе является сохранение акватории проливов между Тихим океаном и Охотским морем, в связи с чем требуется создание единой морской охранной зоны этих ООПТ с ограничением рыболовства. Кроме того,

создание трансграничной ООПТ, возможно, позволило бы снять с международной повестки вопрос о передаче островов Россией Японии, так как эта трансграничная территория будет находиться в ведении смешанной комиссии двух стран и управляться по единой научной и туристской программе.

Заключение

Приграничная территория может быть выделена как некоторая область с реальным или потенциальным воздействием соседних государств. Определенное взаимное влияние и взаимодействие формируются в пределах административных территорий, непосредственно прилегающих к государственной границе. На административных территориях, выходящих к государственной границе, в управленческой структуре появляются различные организации для приграничного сотрудничества. Таким образом, приграничные территории – это участки, непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и соседней страны и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества [Приграничные и трансграничные территории ... , 2010].

Возможности развития в приграничье разных видов деятельности на основе взаимовыгодного международного сотрудничества наблюдаются в сфере торговли, экспортно ориентированных производств, производств по переработке импортного сырья и полуфабрикатов, международных туристических компаний, культурно-образовательных обменов, а также природоохранных проектов.

В процессе взаимовлияния и взаимодействия приграничных территорий соседних стран происходит формирование особой целостной структуры – международной трансграничной территории. Общность международных трансграничных территорий усиливается, если в их основе лежат единые по составу природные системы (ландшафты, экосистемы), разработаны сходные институциональные установления, работают совместные или сходные государственные управленческие или общественные структуры.

Важное место в управлении такой системой должны занимать специальные межправительственные соглашения и смешанные международные комиссии. Для достижения устойчивого природопользования и развития таких территорий необходима разработка совместных международных программ и научных исследований соответствующих территорий и акваторий, которые в свою очередь максимально эффективно реализуются в рамках функционирования трансграничных особо охраняемых природных территорий.

Планирование новых трансграничных особо охраняемых природных территорий позволит развивать теорию и практику востоковедения и регионоведения Сибири и Дальнего Востока, изучать перспективы развития приграничных участков стран АТР.

Литература

В Бурятии может появиться новый заповедник // Фонд содействия сохранению Озера Байкал. 07.07.2010. URL: http://www.baikalfund.ru/news/fund/article.wbp?article_id=d354a58c-39b5-40a4-800d-1141a6895c49 (дата обращения 01.02.2019).

Винокуров Ю. И. Суразакова С. П., Красноярова Б. А. Трансграничная биосферная территория «Алтай»: идеи сохранения и развития // Регион: Экономика и социология. 2006. № 2. С. 156–163.

Иванов А. А., Калихман А. Д., Калихман Т. П. Б. Э. Петри в истории Саянского перекрестка. Иркутск : Отгиск, 2008. 260 с.

Калихман А. Д., Калихман Т. П. Проектирование трансграничной этно-природной охраняемой территории «Саянский перекресток». Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. 160 с.

Калихман Т. П., Богданов В. Н., Огородникова Л. Ю. Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа : атлас. Иркутск : Отгиск, 2012. 384 с.

Калихман Т. П., Калихман А. Д. Трансграничные охраняемые природные территории бассейна озера Байкал // Экология и жизнь. 2012. № 5. С. 72–77.

Квасов Д. Д. История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. Л. : Наука, 1989. 280 с. (Серия «История озер СССР»).

Кирилюк О. К. Критерии и принципы выделения и организации трансграничных ООПТ в Восточном Забайкалье // Трансграничные особо охраняемые природные территории. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2007. С. 86–71.

Кирилюк О. К., Горошко О. А., Кирилюк В. Е. Международный заповедник «Даурия»: 10 лет сотрудничества. Чита : Экспресс-изд-во, 2006. 60 с.

Китай утвердил создание Национального парка тигра и леопарда. 22.12.2016. URL <http://leopard-land.ru/news/5623> (дата обращения 23.01.2019).

Красноярова Б. А., Орлова И. В., Рыбкина И. Д. Трансграничная биосферная территория (ТБТ) «Алтай»: необходимость и возможность создания // Ползунов. вестн. 2004. № 2. С. 30–38.

Малков Е. Э. Создается трансграничная охраняемая территория «Истоки Амура» // Степ. бюл. 2013. № 38. С. 28–29.

Минеральные воды проектируемой трансграничной особо охраняемой природной территории «Истоки Амура» / А. И. Оргильянов, Е. Э. Малков, Б. И. Писарский, П. С. Бадминов, Д. Ганчимэг // География и природ. ресурсы. 2011. № 2. С. 46–54.

Особо охраняемые природные территории Дальневосточного федерального округа : атлас / Т. П. Калихман, А. В. Бардаш, В. Н. Богданов, Л. Ю. Огородникова, Е. М. Климина, В. Н. Бочарников. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2018. 588 с.

Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран: (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 610 с.

Савенкова Т. П. Природные парки в границах Байкальской природной территории // Заповедное дело: проблемы охраны и экологической реставрации степных экосистем. Оренбург, 2004. С. 163–166.

Савенкова Т. П., Оюунгэрэл Б. Трансграничные охраняемые природные территории Байкальского региона // Проблемы трансграничных территорий. Владивосток : Изд-во Тихоокеан. ин-та географии ДВО РАН, 2004. С. 343–346.

Сохранение степей России. В Улан-Баторе подписано соглашение о создании трансграничного резервата «Истоки Амура». URL: <http://savesteppe.org/ru/archives/11565> (дата обращения 22.01.2019).

Улсын ТХГН-ийн мэдээллийн сан // Национальная база данных государственных охраняемых природных территорий. Монголия. URL: <https://www.eic.mn/spa/> (дата обращения 23.01.2019).

Ханка // Словарь географических названий зарубежных стран / отв. ред. А. М. Комков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Недра, 1986. С. 523.

ЮНЕСКО утвердило создание первого трансграничного биосферного резервата на Алтае // Новости Горного Алтая. 17.03.2017. URL: <https://www.gornoaltaisk.info/news/75286> (дата обращения 25.01.2019).

大雪山国立公園. 04.07.2018. URL: <http://www.daisetsuzan.or.jp> (дата обращения 25.01.2019).

УДК 811.581

Л. В. Кирюхина, Е. Ф. Серебrenникова
Иркутский государственный университет, Иркутск

КАТЕГОРИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МА ЦЗЯНЬЧЖУНА

Аннотация. На материале первой китайской грамматики 《马氏文通》 «Ма ши вэнь тун» в диахроническом аспекте анализа рассматривается разряд вспомогательных слов. Постулируется актуальность развития граммотографии как направления теории китайского языка. Устанавливаются и сравниваются линии трактовки данной категории на начальном этапе лингвистических знаний и на современном этапе развития китайской языковедческой традиции. Представлены виды вспомогательных слов, варианты их сочетаемости, которые анализируются на примерах автора грамматики. Выявляется ориентированность Ма Цзяньчжуна на типологические особенности китайского языка и на достижения учёных традиционной китайской филологии.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика, китайская граммотография, Ма Цзяньчжун, «Ма ши вэнь тун», вспомогательные слова.

L. Kiryukhina, E. Serebrennikova
Irkutsk State University, Irkutsk

THE CATEGORY OF AUXILIARY WORDS IN MA JIANZHONG'S GRAMMAR THEORY

Abstract. The article discusses the category of auxiliary words using the material of the first Chinese grammar 《马氏文通》 «Ma shi wen tong». The diachronic approach is used: the understanding of this category at the initial stage of linguistic knowledge and at the modern stage is provided in the article. The importance of grammatography as a theoretical study is marked. Kinds of auxiliary words, variants of their compatibility, examples of the grammar's author were shown. The article emphasizes that Ma Jianzhong focused on the typological features of the Chinese language and on the achievements of scholars of traditional Chinese philology.

Keywords: Chinese; grammar; Chinese grammatography; Ma Jianzhong; “Ma shi wen tong”; auxiliary words.

Грамматика Ма Цзяньчжуна 马建忠 《马氏文通》 *Ma ши вэнь тун* (1898) представляет собой первый опыт описания китайским исследователем грамматической системы китайского языка. Изучение данного труда имеет определяющую роль для лингвоисторикографических исследований, поскольку появление 《马氏文通》 *Ma ши вэнь тун* свидетельствует о начале нового, современного этапа китайского языкознания. Углубленное изучение данной грамматики следует рассматривать как важнейший вклад в построение китайской грамματοграфии – теории грамматики китайского языка в комплексном, историкографическом и эпистемологическом аспектах исследования. Актуальность развития китайской грамματοграфии определяется необходимостью разработки установочно-предпосылочного и методологического оснований возникновения дискуссионного поля вокруг китайской грамматики, имеющей скрытый характер, в настоящее время представляющей одну из наименее освещенных направлений в китайской языковедческой традиции.

Термин «грамματοграфия» введён в лингвистику Б. А. Абрамовым в ходе функционального анализа грамматических единиц немецкого языка [Грамматология немецкого языка]. В то же время в научном сообществе сложилась традиция употребления термина в русле философии языка и сравнительно-исторического языкознания, принадлежащая немецкой научной школе [Грамматология]. Семантический потенциал термина, составленного двумя корнями «граммат» и «граф», открывает возможность более широкой в теоретическом плане его трактовки, которая может объединить существующие теоретические направления в грамматике: лингвофилософское, историкографическое и функциональное, логически дополнив его эпистемологическим измерением. В такой трактовке возможно построение комплексного-диахронического историкографического эпистемологического направления с особым вниманием к описанию и систематизации структур и выявлению их функций в значимых трудах по грамматике, что особенно важно для изучения грамматики восточных языков, прежде всего китайского.

Грамматика Ма Цзяньчжуна была написана в ключе французских универсалистских грамматик, постулирующих описание языка на основе общих для всех языков принципов. Однако Ма Цзяньчжун стремился включить в свою теорию достижения учёных в области традиционной китайской филологии, имеющей длительную историю, и тем самым показать преемственность своих воззрений, а также повысить ценность 《马氏文通》 *Ma ши вэнь тун* в глазах соотечественников. Объектом нашего диахронического анализа являются вспомогательные слова как один из типологически важных разрядов китайской грамматики.

В силу типологических особенностей языка порядок слов и специальные слова играют важную роль для понимания смысла текста на ки-

тайском языке. Поэтому китайские филологи издавна отмечали особенности употребления отдельных специальных слов, а начиная с эпохи Юань 元 (1279–1368) даже начинают создавать специальные словари служебных слов. Такие слова не передают конкретного лексического значения, однако «имеют строго фиксированные грамматические функции» [Крюков, 1978, с. 8], показывающие отношения между знаменательными словами. При разработке своей грамматической теории Ма Цзяньчжун использовал наработки китайских предшественников.

Уже литератор Кун Инда 孔颖达 (574–648) говорил, что существуют слова, выполняющие вспомогательную функцию, и относил к ним частицы и союзы. Такого рода «слова» отмечались многими учёными, однако назывались ими по-разному. В большинстве вариантов наименования использовался знак 助 *помогать* [Кирюхина, 2017, с. 91–92]. Ма Цзяньчжун в своей грамматике выделил 实字 *знаменательные слова* и 虚字 *служебные слова*, а 虚字 *служебные слова*, в свою очередь, разделил на 介字 *предлоги*, 连字 *союзы*, 助字 *вспомогательные слова*, 叹字 *междометия* [马建忠, 2010]. Как видим, для обозначения категории «вспомогательные слова» Ма Цзяньчжун также использовал знак 助 *помогать*, однако у него они являются одной из разновидностей 虚字 *служебных слов*. В грамматиках современного китайского языка также есть категория вспомогательных слов, или частиц (助词), которая является одной из подкатегорий служебных слов (虚词); к данной категории относятся структурные вспомогательные слова (结构助词), видо-временные (时态助词), сравнительные (比况助词) и др. [现代汉语描写语法, 2010, с. 226]. Ма Цзяньчжун определяет 助字 *вспомогательные слова* следующим образом:

凡虚字用以煞字与句读者，曰助字*[马建忠, 2010, с. 17]。

Все служебные слова, которые используют, чтобы [показать] конец предложения или фразы, называют вспомогательными словами.

К 助字 *вспомогательным словам* Ма Цзяньчжун относил конечные частицы, а не все служебные слова, как это делали его предшественники.

助字 *вспомогательные слова* делятся на 传信助字 *утвердительные* и 传疑助字 *вопросительные*. Аналогичное деление предлагал, например, Лю Цзунъюань 柳宗元 (773–819): 疑辞 *вопросительные* и 决辞 *утвердительные* [柳宗元]. О 疑辞 *вопросительных словах* говорили многие учёные: Ду Юй 杜预 (222–285) [邵敬敏, 1993, с. 37], Лу Ивэй 卢以纬 [刘

* Здесь и далее примеры из 《马氏文通》 «*Ма ши вэнь тун*» приводятся в упрощённом начертании.

燕文, 1986], Юань Жэньлинь 袁仁林 [袁仁林], Лю Ци 刘淇 [龚千炎, 1997, с. 15] и др.

Ма Цзяньчжун подробно разбирает правила употребления отдельных 助字 *вспомогательных слов*, приводит большое количество примеров, ссылается на пояснения своих китайских предшественников. В качестве иллюстрации возьмём описание слова 也:

广韵云: “也”, 语助也, 辞之终也。”顏氏家训 书证篇亦云: “也”, 语已及助句之辞。”然此不足以概“也”字之变。古人有谓“也”字三用, 有用于句末者, 有用于句中者, 有用于称谓者[马建忠, 2010, с. 331]。

В [словаре рифм] «Гуанъюнь» сказано: «也 – вспомогательное слово, указывает на конец [высказывания]». В главе «Доказательства» «Домашних наставлений господина Яня» также говорится: «也 – вспомогательное слово, [использующееся, когда] речь заканчивается». Однако значения 也 этим не ограничиваются. Издревле учёные отмечали, что у слова 也 существует три способа употребления: в конце предложения, в середине предложения, при указании на кого-либо (досл. «наименовании»).

Для сравнения: в «Словаре древнекитайских иероглифов» указывается два значения 也: 1) связка «быть, являться», которая ставится в конце именного предложения; 2) конечная частица [Словарь древнекитайских иероглифов, 2009, с. 16].

庄子天道云: “圣人之静也, 非曰静也, 善, 故静也, 万物无足以铙心者, 故静也。”节内第一“也”字, 助读, 所以为顿挫也。第二“也”字, 助实字, 所以助字也。第三第四“也”字, 助句, 所以表论断也。“也”字之用, 尽于是矣, 故先为隅举焉[马建忠, 2010, с. 331]。

В главе «Небесный путь» «Чжуан-цзы» сказано: «Спокойствие мудреца не означает спокойствия. Он спокоен потому, что добросердечен. И 10 000 вещей недостаточно для того, чтобы растревожить [его] сердце. Потому [он и] спокоен». Первое 也 в отрывке помогает чтению, поэтому служит для того, чтобы обозначить остановку. Второе 也 помогает [обозначить связи между] знаменательными словами, поэтому [является] вспомогательным словом. Третье и четвёртое 也 помогают [разграничению] предложений, поэтому показывают, что рассуждение прекращается. Во всех случаях своего употребления 也 показывает завершённость, поэтому прежде всего должен использоваться в этом значении.

Далее Ма Цзяньчжун детально разбирает вышеуказанные случаи употребления слова 也.

В грамматике Ма Цзяньчжуна рассматриваются *увердительные слова* 也, 矣, 耳, 已, а также *увердительные слова* 乎, 哉, 耶, 与, 夫, 诸. Кроме того, отмечается, что два или три слова могут сочетаться друг с другом, образуя так называемые *сложные вспомогательные слова*: например, сочетания двух утвердительных 已矣, 也已, 耳矣, 焉尔, 焉耳; утвердительных и вопросительных 矣哉, 耳哉, 矣乎, 矣夫, 也夫; вопросительных 乎哉. Подобные сочетания можно найти и в словарях служебных слов задолго до выхода 《马氏文通》 *Ма ши вэнь тун* (работы Лу Ивэя [刘燕文, 1986], Лю Ци [龚千炎, 1997, с. 15–16] и др.).

Сочетание двух *увердительных слов* Ма Цзяньчжун называет *двойным*, трёх – *тройным* (не случайно мы говорим о двойном/тройном сочетании слов, а не о двусложных/трёхсложных словах: слова вэньяня, на материале которого была написана грамматика Ма Цзяньчжуна, в большинстве своём являются однослогами). Автором отмечается, что такие *сложные вспомогательные слова* важны для чтения текста, а значение каждого составного слова складывается из значений составляющих его компонентов [马建忠, 2010, с. 385–386]. Это поясняется следующими примерами:

论语 *学而*云：“子曰：‘赐也始可与言诗已矣。’ [马建忠, 2010, с. 386]”.

В главе «Учиться и...» «Лунь юй» сказано: «Учитель сказал: «С Ци уже можно начинать беседы о Ши [цзин]»».

В данном предложении наблюдается сочетание двух *увердительных вспомогательных слов* 已 и 矣. Ма Цзяньчжун поясняет, что если в этом предложении использовать только 已, то получится, что «только-только настало время, когда можно обсуждать «Ши цзин»»; если же использовано 已矣, это значит, что «можно не просто обсуждать «Ши цзин», человек уже вполне готов к таким беседам» [Там же].

увердительные вспомогательные слова могут образовывать *тройные сочетания*, причём замыкающим может быть только слово 矣 (С Е. Яхонтов отмечает, что частица 矣 является очень распространённой в древнекитайском языке [Яхонтов, 1965, с. 63]): 也已矣, 焉耳矣. *увердительные вспомогательные слова* не могут образовывать *тройных сочетаний*:

论语 *泰伯*云：“子曰：‘泰伯其可谓至德也已矣。’ [马建忠, 2010, с. 387]”.

В главе «Тай Бо...» «Лунь юй» говорится: «Учитель сказал: «Тай Бо можно назвать в высшей степени добродетельным»».

В данном предложении 也 относится к 至德 в высшей степени добродетельный, а два слова 己 и 矣 образуют 双合字 двойное сочетание и употребляются так, как уже было рассмотрено выше.

论语 子路云：“子曰：‘庶矣哉！’” “矣哉”者，双合助字也。“矣”，助字之传信者，“哉”，传疑者。“庶”，静字，“矣”助“焉”，常例也。殿以“哉”字者，叹辞也 [马建忠, 2010, с. 387–388]。

В главе «Цзы Лу...» «Лунь юй» говорится: «Учитель сказал: «Как тут много народа!» «矣哉 – двойное сочетание служебных слов. 矣 – утвердительное служебное слово, 哉 – вопросительное. 庶 ‘многочисленный’ – прилагательное, 矣 соотносится с 焉 ‘здесь’, что является обычной практикой. В конце стоит междометие 哉.

Из 传疑助字 вопросительных вспомогательных слов наблюдается сочетание только 乎 и 哉:

论语 颜渊云：“为仁由己，而由人乎哉？”此句可以“乎”字煞句云。“而由人乎”，续以“哉”字者，为咏叹也 [马建忠, 2010, с. 389]。

В главе «Янь Юань...» «Лунь юй» говорится: «Быть [или не быть] гуманным – [зависит от] самого человека, разве [это зависит от других] людей?» Это предложение можно закончить словом 乎: 而由人乎 ‘[это зависит от других] людей’, но оно продолжается словом 哉 для выражения эмоций при чтении.

Таким образом, наш анализ позволяет сделать общее наблюдение об ориентированности Ма Цзяньчжуна на типологические особенности китайского языка и на достижения учёных в области традиционной китайской филологии при одновременном внимании к достижениям европейских авторов-грамматистов.

Грамматика Ма Цзяньчжуна была написана на основе европейских грамматик, однако категория 助字 вспомогательных слов была выделена исключительно исходя из фактов китайского языка и с опорой на труды китайских исследователей. Учёными традиционной китайской филологии категория 助字 вспомогательных слов понималась широко: к ней относились в целом все служебные слова; Ма Цзяньчжун же рассматривает её как одну из подкатегорий служебных слов. Он выделяет два вида вспомогательных слов; разбирает случаи двойного и тройного употребления 助字 вспомогательных слов, указывает варианты их сочетаемости и даёт комментарии данному явлению. Такой подход к анализу 助字 вспомогательных слов послужил образцом для авторов последующих грамматик. Предпринятый анализ выявляет значимость грамматики Ма Цзяньчжуна для целей разработки китайской грамматики.

Литература

Грамматика [Электронный ресурс]. URL: dok.opredelim.com/docs/index-58486.html?page=9 (дата обращения: 01.02.2019).

Грамматология немецкого языка. Функциональный анализ грамматических единиц немецкого языка [Электронный ресурс] // МПГУ. URL: <http://mpgu.su/obmpgu/struktura/faculties/fakultet-inostrannyih-yazykov-2/nauka/nauchnyie-shkolyi/grammatografiya-funktsionalnyiy-grammaticeskikh/> (дата обращения: 27.01.2019).

Кирюхина Л. В. О грамматической терминологии в традиционной китайской филологии // Филол. науки. Вопр. теории и практики. В 3 ч. Ч. 1. Тамбов : Грамота, 2017. № 3 (69). С. 90–93.

Крюков М. В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М. : Гл. ред. вост. лит., 1978. 512 с.

Словарь древнекитайских иероглифов: С приложением словаря наиболее частотных омографов, встречающихся в древнекитайском тексте, сост. Е. Г. Ивановой / сост. В. В. Бортко, В. П. Зайцев, Е. Б. Кондратьева, Т. Н. Никитина ; под науч. ред. Т. Н. Никитиной, В. П. Зайцева. СПб. : КАРО, 2009. 352 с.

Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1965. 115 с.

龚千炎. 中国语法学史 / 千炎龚. 北京: 语文出版社, 1997. 479 页.

Гун Цяньян. Чжунго юйфасюэ ши [История китайской грамматики]. Пекин : Юйвэнь чубаньшэ, 1997. 479 с.

刘燕文. 语助校注 / 燕文刘. 郑州: 中州古籍出版社, 1986. 85 页.

Лю Яньвэнь. Юйчжу цзяочжу [«Юйчжу» с редакторскими правками и комментариями]. Чжэнчжоу : Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1986. 85 с.

柳宗元. 复杜温夫书. URL: <http://wyw.5156edu.com/html/z7056m1500j2747.html> (дата обращения: 21.03.2019).

Лю Цзуньюань. Фу Ду Вэньфу шу [Ответ Ду Вэньфу].

马建忠. 马氏文通 / 建忠马. 北京: 商务印书馆, 2010. 473 页.

Ма Цзяньчжун. Ма ши вэнь тун [Грамматика письменного языка, написанная Ма]. Пекин : Шанъу иньшугуань, 2010. 473 с.

邵敬敏. 汉语语法学史稿 / 敬敏邵. 上海教育出版社, 1993. 360 页.

Шао Цзинминь. Ханьюй юйфасюэ шигао [Исторические наброски по грамматике китайского языка]. Шанхай : Цзяоюй чубаньшэ, 1993. 360 с.

现代汉语描写语法 / 张斌主编. 北京: 商务印书馆, 2010. 1306 页.

Описательная грамматика современного китайского языка / под ред. Чжан Биня. Пекин : Шанъу иньшугуань, 2010. 1306 с.

袁仁林. 虚字说. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=952087&remap=gb> (дата обращения: 21.03.2019).

Юань Жэньлинь. Сюйцзы шо [О пустых словах].

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Рассматриваются способы создания оценочных значений в русском и китайском языках. Материалом для статьи послужили эмоционально окрашенные слова и образные выражения. Дается уточнение термина «коннотация» / «стилистическая окраска», выделяются виды коннотаций и разновидности оценочной лексики в русском и китайском языках. Также рассматриваются наиболее продуктивные способы словообразования лексики с эмоционально-оценочным значением. В ходе анализа примеров выявляются культурно маркированные компоненты, которые придают словам и выражениям национальную окраску.

Ключевые слова: коннотация, эмоционально-оценочная окраска, словосложение, аффиксация, сравнение, метафора.

O. Kobzhitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

EMOTIONAL AND APPRECIABLE VOCABULARY OF RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES IN COMPARATIVE ASPECT

Abstract. The purpose of the article is to consider ways of creating appreciable meaning in the Russian and the Chinese languages. The material for writing the article is emotionally colored words and figurative expressions. The article specifies the term «connotation» / «stylistic coloration», the types of connotations and varieties of appreciable vocabulary in Russian and Chinese languages are distinguished. The most productive ways of word formation of vocabulary with emotional and appreciable meaning are also considered. In the course of analyzing examples, culturally-marked components are identified that give words and expressions a national coloration.

Keywords: connotation, emotional and appreciable coloration, composition, affixation, comparison, metaphor.

Стилистика любого языка уделяет особое внимание изучению эмоционально-оценочной лексики. Эмоционально-оценочное значение возникает тогда, когда говорящий дает оценку, выражает свое отношение к называемому лицу, предмету или явлению. Эмоционально-оценочная окрашенность слова также называется коннотацией, или экспрессивной окраской, и вбирает в себя все ее способы – стилистический, эмоциональный, оценочный, образный. В связи с этим стилистической оказывается не только отнесенность средств к определенной сфере, но также и эмоциональность, экспрессивность, оценочность. Исходя из этого, автор «Стилистики русского языка» М. Н. Кожина выделяет три разновидности коннотаций. Коннотации, в которых оценка заключена в самом значении языковой единицы, называются собственно эмоционально-экспрессивными [Кожина, 1993, с. 37]. Это могут быть случаи метафорического переноса или создания оценочности через аффиксацию: например, *пень* (о человеке), *скряга*, *слабак*, *жарница*. Другой разновидностью оценочной лексики выступают языковые единицы, в логико-

понятийном значении которых не заключена оценка, но она как бы сопутствует ему благодаря традиционному употреблению в контекстах, имеющих оценочную значимость [Там же]. Например, *стезя, грядущий, очи*. К третьей разновидности относятся коннотации, связанные с отнесенностью к обычной для данной языковой единицы сфере употребления, т. е. функциональной разновидности языка.

Из всех функциональных стилей литературного языка наибольшей эмоциональной насыщенностью обладает разговорный стиль. Это обусловлено его специфическими функционально-стилистическими особенностями. Разговорно-бытовой речи в большей степени, чем любой другой сфере речевого общения, свойственна непосредственность выражения эмоционального мира в интонациях, эллиптическом построении фраз, готовом фонде экспрессивно окрашенных слов. Поэтому, по мнению М. Н. Кожинной, этот слой лексики превосходит другие слои лексики (с книжными, высокими и прочими окрасками).

Благодаря продуктивности русских аффиксов в составе экспрессивной лексики русского языка встречаются разнообразные словообразовательные модели. Например, слова, образованные суффиксами:

- существительные с шутливой окраской (*старушенция, старикашка*);
- собирательные существительные с пренебрежительной окраской (*толкотня*);
- отвлеченные существительные с отрицательным оценочным значением (*кислятина*);
- прилагательные (*здоровенный*);
- глаголы (*провернуть, тормознуть*).

А также слова, образованные префиксами:

- глаголы (*поистратиться, прикупить*);
- существительные (*раскрасавица*)

В китайском языке доминирующим способом создания оценочной лексики является словосложение. Например, про очень скупого человека говорят 吝啬鬼 *скряга, жмот* (吝啬 *жадный, скупой* + 鬼 *черт*). В этом слове оценочность «вводится» за счет морфемы 鬼, утратившей свое номинативное значение «черт, дьявол», но сохранившей негативную окраску исходного значения. Еще одна морфема, участвующая в создании слов с эмоционально-оценочным значением как для негативной, так и позитивной характеристики человека, – это 迷 (страстно увлеченный чем-либо человек). Например, 财迷 *корыстолюбец, скупец* (财 *богатство* + 迷 *страстно увлечься, потерять голову*); 戏迷 *страстный театрал* (戏 *пьеса* + 迷 *страстно увлечься*).

С другой стороны, оценочные коннотации могут появиться в контексте, в окружении конкретных слов. Так, 饭桶 (букв. ведро с кашей), будучи употреблено для характеристики человека, приобретает ярко выраженное коннотативное значение – *туняедец*.

В составе экспрессивно окрашенной лексики русского и китайского языка нередко используются зоонимы – слова, которые обозначают собственно названия животных, а также имеют переносный метафорический вариант, проецируемый на человека, характеризующий и оценивающий его под разными углами зрения [Солнцева, 2004].

В русском языке перенос животное → человек является наиболее распространенным способом для создания отрицательной характеристики человека. Например, *лиса*, *жук*, *медведь* и др. В китайском языке используются зоонимы – простые и сложные слова. Так, «лисами» 狐狸 называют чиновников, сбежавших из Китая с деньгами, добытыми преступным путем. Образ лисы-оборотня, умного, хитрого и проворного существа, является ключевым в китайских народных сказках и преданиях [Адилханян, 2017, с. 13].

Сложные слова с зоонимом образованы двумя, чаще тремя компонентами. Большой частью они представлены атрибутивной структурой. В трехсложном слове первый двусложный компонент уточняет и описывает второй, являющийся зоонимом. Например, в связи с отрицательной коннотацией зоонима «собака» 狗 сложные слова с этим зоонимом также будут приобретать негативное коннотативное значение: 落水狗 *попавший в беду негодяй* (букв. собака, брошенная в воду); 看门狗 *цепной пес* (букв. сторожевой пес); 哈巴狗 *лакей* (букв. мопс). Иногда зооним предшествует двусложному компоненту: 狗腿子 *прихвостень, приспешник*; 狗仔队 *папарацци*. Как видно из примеров, собака ассоциируется у китайцев с недругом, ненавистным человеком, с низкими и подлыми качествами, заслуживающими презрения, – жестокостью, злостью, недовольством, заискиванием перед богатыми. У русских собака ассоциируется с верностью, преданностью и одновременно с заброшенностью, отсутствием комфорта. Отсюда и выражение «верный, как собака», «собачья жизнь» [Богаченко, 2016, с. 80].

По мнению В. Н. Телия, экспрессивно окрашенные слова в основной своей массе есть результат вторичной номинации. С помощью тропов создаются гибридные семантические формы, в которых понятия, уже ставшие объектом рациональной оценки, совмещаются с оценкой эмоциональной, доминирующей при восприятии какого-либо признака или явления [Телия, 1986, с. 10]. Например, в слове «книголюб» дается оценка человеку, который любит читать. Выражение «книжный червь» также содержит данную оценку и вместе с тем указывает на эмоциональное отношение говорящего с оттенком иронии и даже пренебрежения: *дотошный, заядлый читатель*. Самыми распространенными тропами, посредством которых осуществляется вторичная номинация, являются сравнение и метафора. Образная основа многих русских и китайских сравнений совпадает. Например, 眼睛是灵魂的窗户。Глаза – окно души (ср. в русском языке: Глаза – зеркало души).

Нередко сравнения имеют национальную окраску и отражают особый «взгляд на мир»:

她的脸红得像猪肝一样了。 *Ее лицо стало красным, как свиная печень* [Горелов, 1979, с. 29].

Данное сравнение дает характеристику традиционному быту китайцев, связанному с разведением домашнего скота.

我们胸前的领巾像那灿烂的朝霞一样耀眼。 *Наши галстуки на груди горят, словно утренняя заря.*

红星是咱工农的心。 *Красная звезда – сердце наших рабочих и крестьян.*

В двух последних примерах сравнения передают особую торжественность и воодушевленность, свойственные патриотическому духу китайского народа.

Особенно ярко национальное видение мира проявляется в устойчивых сравнениях. В русском языковом сознании при характеристике художника закрепилось сравнение: *худой, как палка*. Носители китайского языка про художника скажут: *худой, как обезьяна*. Ленивого человека русские обычно сравнивают с котом, китайцы – со свиньей.

Сравнения часто взаимодействуют с другими тропами, чаще с метафорами и эпитетами. Как отмечает Ю. С. Степанов, такое пересечение выразительных средств приводит к появлению «разных вариантов одного и того же содержания, разных выражений одной части семантического поля» [Степанов, 1965, с.162]. По мнению лингвиста, это связано с существованием в языке «излюбленных предметов», которые используются для сравнения, метафоры и образного определения – эпитета. Например, *нахлынули чувства, подобно приливу* (сравнение), или *ощутить прилив чувств* (метафора). В этих образных выражениях значение слова «прилив» переносится на слово «чувства». Метафора по сути выступает «свернутым сравнением».

Таким образом, рассмотрев и сопоставив примеры эмоционально окрашенной лексики, можно сделать следующие выводы. В русском языке богатство словообразовательных ресурсов, обладающих яркой стилистической окраской, обусловлено наличием префиксов и суффиксов. В китайском языке в силу особенностей его грамматического строя доминирует словосложение как основной способ создания слов с эмоционально-оценочным значением, в меньшей степени используется суффиксация и контекст. Лексические выразительные средства обоих языков демонстрируют широкие возможности в отражении фактов и явлений окружающего мира, в передаче эмоционального отношения к ним. Национально-культурная специфика образов подчеркивает своеобразие культуры носителей русского и китайского языков.

Литература

Адилханян Н. Л. Репрезентация образа коррупционера в китайском медийном дискурсе // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 11–14.

Богаченко Н. Г., Павлова О. В., Сальникова Ю. А. Лексико-фразеологическая составляющая кросскультурной коммуникации : кол. моногр. Ульяновск : Зебра, 2016. 190 с.

Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. М. : Просвещение, 1979. 192 с.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1993. 224 с.

Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте : дис. канд. филол. наук. Омск, 2004. 220 с.

Степанов Ю. С. Французская стилистика : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1965. 354 с.

王德春, 陈汝东. 对外汉语修辞学. 广西教育出版社, 2000年.

УДК 811.581

科瓦尔·叶卡捷琳娜

黑龙江大学国际文化教育学院, 文学院, 哈尔滨市

汉语同义词研究焦点概述

摘要.同义词在中国词汇学界一直是研究热点,而且已经有的成果很丰厚,池昌海(1998)曾对此进行过总结。由于有的内容较为模糊,因此本文章对汉语同义词的定义进行了全面的梳理,对汉语同义词确定的标准进行了探索。这篇文章主要介绍汉语同义词四个焦点方面:一是“意义同、近”说;二是“概念同一”说;三是“对象同一”说;四是“义位同一”说。针对汉语同义词中等义词的概念,也出现了不同的学说,其中有两种“全等说”与“微异说”。

关键词: 同义词, 学说, 词汇。

E. Koval

International Institute of Education,
Culture and Literature of
Heilongjiang University, Harbin

THE RESEARCH ON THE OVERVIEW FOCAL POINTS OF CHINESE SYNONYMS

Abstract. The research on synonyms is one of the important researches in Chinese vocabulary educational circles. There are a lot of results on Chinese synonyms nowadays, among them Chi Chang Hai (1998) made the brief summary. Due to the fact that the content of the most researches is confusing, the current article illustrates the past and the present studies on the Chinese synonyms. It explores the criteria for assessing Chinese synonyms and analyzes the relation between them. In this article the author distinguishes four focal points of Chinese synonyms: 意义同、近”说; “概念同一”说; “对象同一”说; “义位同一”说. In regard of expressing the concept of Chinese synonyms 等义词 the author found two theories: “全等说” and “微异说”.

Keywords: synonyms, theories, vocabulary.

在汉语中，同义词现象中对于词与词之间的关系问题进行研究的论著比较多，在这些研究同义词的著作当中，孙常叙对于同义词的研究是相对比较权威的，他的著作——《汉语词汇学》中，详细的分析和论证了具有相似意义或者相同意义的词以及相类似的事物（即近义词）。汉语语言研究学者在研究同义词定义的时候，将研究的视角放在了同义词和非同义词的特点研究上、一词多义和同义词的关系研究上、同音词和同义词之间存在着的关系层面上以及同义词排列在语言使用中有什么作用的问题上。他们在杂志或者词典上展开了争论在语义学研究——辞书中，义理理论一般作为同义词的开篇进行讨论，而研究也是基于空调理论之上展开的。一些学者在同义词研究的过程中主张进行宽泛的研究，而还有一些中国学者认为应该进行比较严格的分析和论述，即严格地态度对待同义词。而这种严格地同义词范畴也可以理解为“等义词”。不过，在这里笔者不得不说下，在50年代初的中国学术界，并没有同义词这一概念，关于它的问题也完全没有提到，一般在表示意义相同或相近的时候会用“近义词”和“本词”进行替代。汉语言学家曾经提到：同义词应该表示的意义相近或相似，然后再进一步的研究这些词之间的细微的差距，从而探讨这些词汇之间的差异，最后将研究的内容上升到理论的层面。还有一些汉语言学家提到要将意义相同的词拿出来，而基础的部分则是剩下来的其他意义相近的词，对于这些意义相近的词笔者应该按照不同的特点和相同的特点进行分类。这新理论其实是从实质和界限两个方面来阐述对同义词现象的不同理解。刘叔新前辈则在这一问题上表达了自己的反对的态度。在《同义词与相类似词的界线》一文中对同义词提出了新的解释。他认为决定成为同义词的事实应该是两个单位的所指事物拥有一致性，只有这样，两个词才能成为同义词。在相类似的词汇中，任何一个词本身应该有一个能够与之意义对应的客体，基本意义的不同成为了同义词和相类似词的主要不同因素。而同义词中两个词表达的应该是一个客体，比如：“繁华”和“繁荣”就表示同一个客体，所以它们是同义词。它们只是表达的词义色彩有一定的差异，但是在语义方面二者则是拥有着相同的单位。在同义词的界限问题讨论中，刘叔新完全不同意一些语言学家将类型词归纳整理，然后认为这就是同义词。比如：

“鼓励”和“煽动”、“坚强”和“顽固”，这些词汇之所以不被他认为是同义词的原因是，它们的概念内容的不同的，而且感情色彩也有着很大的差异。刘叔新认为在划分同义词界限的时候，概念应该被放在第一位，通过概念可以对词汇进行同义词的划分，在“行径”和“行为”这两个词的研究中刘叔新认为这两个词的概念是相同的，即使两个单位之间存在着情感上的不同但是依旧可以算是同义词，这也就遵守了他的概念至上的观点。

在诸多关于同义词的争论之后，中国学术界，对同义词进行了界定，提出了四种比较权威的说法：即“概念同一”说、“对象同一”说、“意义同、近”说以及“义位同一”说。

“概念同一”说主要是认为在几个词汇同时表示一个概念的情况下，具有细微差异的词笔者称为同义词。秉持着这一观点的学者有 1957 年发表论著的崔复爰、1982 年发表论文的张咏言、1961 年发表文章的石安石、1993 年发表论文的陆善采、1994 年发表论文的陈满华以及 1992 年发表论著的石毓智等等。不过，这几位学者的说法还有一定的差异，陈满华利用直观的图示进行详细的说明，他认为同义词是词义向外延伸的较为重要的部分互相交叉或者完全重合，并且这组词都共同拥有一个所属概念，这样的一组词就是同义词。而其他的学者则认为“同一概念内”这一限定是比较重要的对其他的方面的限定则并不是非常的关注，所以可以说，陈满华先生的研究更加的深入、直观和严密。

“对象同一”说的观点认为可不可以概括同一个对象是判别同义词的唯一标准，如果可以则这些词就是同义词。孙常叙在 1956 年发表的论文中提出了这一观点，不过后来响应这一观点的人并不是很多，响应者主要是刘叔新以及李行。

在孙常叙发表论文的 30 年后，刘叔新将孙常叙的观点发扬光大，并将孙常叙的观点作为区别近义词和同义词的唯一标准。他提到：如果两个词所表达的对象是一致的，那么即使它们意义上存在着差异，它们也应该属于同义词的范畴。不过如果两个词本身研究的对象就不是同一个事物的话，那么这两个词也不是同义词（就算是意义相同也不会构成同义词的），这也就是说指代对象保有相同性才是同义词的前提。如果不同的词语它们的意义是一个意义，而反映的对象的外延是同一个，那么这些词语就是同义词。与前面这三位学者有相似之处的说法的还有王勤和武占坤他们也将学说的立足点放在了“对象”上，并且提到词义的内容和逻辑基本相似，指称对象又相似的词语可以叫做近义词，如果词义逻辑内容和指称对象都相似或者相同的情况下，则成这样的词为等义词。

“意义同、近”说的观点认为：具有相近的或者相同意义的几个词笔者叫它们为同义词。这种说法属于支持着较多的一种学说。在不同的时期有不同的代表学者。比如：张志公、崔复爰、许威汉、周祖谟以及李润升、武占坤和王勤等人是 50 年代的代表人物，60 年代代表人物有高明凯、胡裕树以及石安石，70 年代的代表人物是濮侃、华中师院中文系、杨书忠、蔚群、廖序东以及黄伯荣等人，80 年代的代表人物是：葛本仪、刘叔新、徐青、谢文庆、张永言、武占坤、王勤、刘宁生以及《汉语大词典·3》，90 年代的代表人物—陆善采、刑福义、林祥楣以及《现代汉语词典》等等。刘叔新先生在同义词研究中提出：材料构造不

同、但是意义上基本一致的语言词汇就是同义词。笔者在这里还要强调一下“义近”说和“义同”说。前者代表学者有高明凯和孙汝建，他们认为，意义相近的词就是同义词。后者则认为意义相同的两个或者更多的词是同义词。

“义位同一”说是 80 年代后出现的，它的出现伴随着语义成分分析法的出现和运用而出现。主要的代表学者有钱乃荣和黄金贵两个人。钱学家认为：词语之间存在的类聚关系就是词的同义关系，他认为义位相同和相近也算得上是同义词的一个显著特点。他还通过对意素的相同度（义位的构成要素）进行划分，从而划分出同义词的不同形式。即同义词有两种——宽和严。要求义素基本相同的同义词就是较宽的同义词，如果要求义位中的义素必须完全相同的则是较为严格的同义词。

这四种观点基本是对于前人研究成果的归纳，在实际运用的过程中，还存在着比较复杂的情况。这几种情况并不能够在语境中单独出现，而是非常有可能出现三种学说混合在一个句子中的情况。比如：在分析同义词的时候，陆善采认为表示各种细微差距的同一概念中的一些词汇，就是同义词，而从另外的角度来说的话，他还提出同义词一般是意义比较相近或者相似但是读音不同的一组词汇。刘宁生在研究同义词的时候创新性的引进了数学的概念——“最大公约数”，他认为，在最大程度上概括几个词的共同点，即取出这些词的“最大公约数”，在这种情况下，笔者可以判断词汇之间是否具有同义关系。“最大公约数”也就是这些词的意义或者说是理性意义的最大共有成分，如果一个词的词义与词语之间的最大公约数基本一致，同义词就可以在语境中实现完全互换，而这种替换也应该不改变文章和句子的基本概念和意义。当然这里的“基本意义和概念”指的是最大公约数的基本概念，是一个相对比较含糊的概念。笔者认为刘宁生的手法其实是从属于“意义同、近说”的大类里的。刘叔新也发表了关于同义词概念的独特见解：他强调“义同义近”说，认为在有同义词关系的几个词中，这些词的理性意义成分必须是相同，理性的义素也必须是相同的，而表达的感情色彩方面则可以有一些不同之处，而同样的某个主要的理性意义成分或者是理性义素在意义方面是否需要被强调，则是不那么重要的。除了这种观点，刘叔新还提到另外的一种观点——他回避了“概念同一”说，不过还是引用了一些逻辑用语，比如说：“外延”和“内涵”等，他提到要同时将三种角度相互结合起来，在一些词语中，如果它们的反映对象的外延意义是一致的，那么这样的词就是同义词，这些词可能意义内涵可能会有所不同，不过依旧可以称其为同义词。

针对同义词中等义词的概念，中国学术界也出现了不同的学说，也成为了学术界争论的热点话题。主要的说法有两种——全等说和微异说。“全等说”认为同义词的理性意义和附加意义都应该相同，没有区别，赋

予的所有义项都相等并且可以互换的词就是等义词。谢文庆在 1982 年的学术论中用外来词、语素颠倒词或者方言词和普通话组成的同义词组来说明同义词。持有相同学说的还有黄伯荣(2002)、侯敏(1991) (侯敏还将附加意义详细化为语体意义、时代意义、风格意义、地域意义、语法意义、感情色彩。并且强调了等义词是以词为基本单位的,而同义词是以义项为基本单位的,所以等义词必须要保证所有义项都完全相同)。“微异说”则认为理性意义相同,附加意义有一些差别的词是等义词,比如,李大魁在 1984 年的论文中利用语素颠倒词、外来词和方言词等意义完全相同的词做了一个对比研究。在 1982 年的《现代汉语》中,作为主编的张志公提到——具有等义关系的词意义是完全一样的,不过会在情趣、风格色彩等因素上有所区分。他的学说在持有微异说的学者中算是比较明确的了。还有就是周荐,他认为同义词和等义词之间的差异主要是理解上的差距。比如:“啥—什么”、“力气—气力”;“连衣裙—布拉吉”,这几组词分别是方言、外来词和普通话组合的等义词,适用对象的不同以及俄语音译词和普通话词汇构成的同义词。

参考文献:

- 孙常叙.一汉语词汇[M].吉林人民出版社,1956.
- 李立冬.一对外汉语教学中的近义词辨析[D].河北大学,2007.
- 杨柳.一近而能远——对外汉语教学中同义词教学新解[J].河北农业大学学报(农林教育版),2008(04).
- 陈静.一对外汉语词汇教学之同义词辨析与教学方法研究[D].首都师范大学,2009.
- 陈杰.一对外汉语教学中的同义词辨析[J].理论界,2005(12).
- 塔玛拉.一试谈现代汉语同义词及其分类[J].语言与翻译,2000(02).
- 孟祥英.一谈对外汉语教学中的近义词辨析[J].天津师大学报(社会科学版),1997(03).
- 赵新,李英.一对外汉语教学中的同义词辨析[J].暨南大学华文学院学报,2001(02).
- 周莉.一对外汉语教学中的近义词辨析[J].理论观察,2004(01).
- 曹炜著.一现代汉语词汇研究[M].北京大学出版社,2004.
- 许晓华.一从对外汉语教学的视角看同义词的替换问题[J].现代语文(语言研究版),2007(04).
- 杨柳.一近而能远——对外汉语教学中同义词教学新解[J].河北农业大学学报(农林教育版),2008(04).
- 潘璠,冯跃进.一基于语料库的同义词差异性特征调查[J].山东外语教学,2000(04).
- 朱亚同.一从语义学角度透析同、近义词的意义关系[J].淮阴师范学院学报(哲学社会科学版),2002(03).
- 张继东,刘萍.一基于语料库同义词辨析的一般方法[J].解放军外国语学院学报,2005(06).

С. А. Козлова

Иркутский государственный аграрный университет
им. А. А. Ежевского, Иркутск

УЧАСТИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЯ В ИЗВОЗНОМ ПРОМЫСЛЕ НА КЯХТИНСКОМ ТРАКТЕ В XVIII–XIX ВВ.

Аннотация. Исследуется извозный промысел старообрядцев Забайкалья в XVIII–XIX вв. на Кяхтинском тракте. Извоз являлся одним из значимых видов хозяйственной деятельности в старообрядческих жизнеобеспечивающих системах. Приведены показатели грузооборота на Кяхтинском тракте в период его расцвета в сравнении с грузооборотом Московского тракта, а также показатели доходности занимающихся извозом старообрядцев. Внимание уделяется второстепенным трактам, отходящим от Кяхтинского тракта, образующим общую транспортную сеть в регионе.

Ключевые слова: старообрядцы, Кяхтинский тракт, извоз, гужевого транспорт.

S. Kozlova

Irkutsk State Agrarian University, Irkutsk

PARTICIPATION OF OLD BELIEVERS OF ZABAİKALYE IN CARRIER'S TRADE AT KYAKHTA ROUTE IN XVIII–XIX CENTURIES

Abstract. The article is devoted to carrier's trade of Old Believers of Zabaikalje in XVIII–XIX centuries at Kyakhta route. Carrier's trade was one of the most important trades in Old Believers' life-providing systems. The author provides data on the freight turnover of Kyakhta route at the peak of its development in comparison to the freight turnover of Moscow route, as well as data on the profitability of the trade for the Old Believers engaged in carrier's trade. The author pays attention to the minor paths of Kyakhta route that form a united transportation network in the region.

Keywords: Old Believers, Kyakhta route, carrier's trade, horse drawn transport.

Извозный промысел получил распространение у старообрядцев (самоназвание – семейские) Забайкалья прежде всего благодаря развитию торговли с Китаем через Кяхту в XVIII–XIX вв. [Спасский, 1858]. Большую работу по изучению транспортного вопроса в Сибири провёл О. Н. Катионов, сделав описание гужевого извоза, состояния транспортных систем, их обслуживания, а также социально-экономических аспектов в зоне влияния Большого Московского тракта [Катионов, 2004, 2006], куда входит территория исследования – Кяхтинский тракт.

По Большому Московскому тракту перевозили самые разнообразные грузы (хлеб, чай, промышленные товары, спирт, омуль и т. д.). Основные торговые линии, по которым население Забайкалья (русские крестьяне и буряты) перевозили на лошадях грузы, имели следующие направления: Верхнеудинск – Иркутск (по льду Байкала); Верхнеудинск – Кяхта; Верхнеудинск – Чита.

Таким образом, центральным (узловым) пунктом для ямщиков Забайкалья служил г. Верхнеудинск. Кяхтинский тракт начинался в г. Верхнеудинске (современный г. Улан-Удэ) и заканчивался на границе с Монголией в г. Кяхте, имея общую протяжённость около 220 км.

Помимо перечисленных выше направлений существовал Купеческий тракт – от станции Мысовой на берегу Байкала до Кяхты через хребет Хамар-Дабан, главный перевозимый груз этого тракта – чай, а также хлеб [Высочайше учреждённая ... , 1898].

Интересна история Гуляевского тракта – от Бичуры вдоль Малханского хребта до Ямаровки. Этот тракт соединил Бичуру с Чикойскими землями [Андронов, 2015]. Время, затрачиваемое на перевозки грузов, зависело не только от состояния и длины дорог, но также и от погоды. Например, от Верхнеудинска до Читы затрачивали в среднем девять дней [Попов, 1923, с. 92].

Кяхтинская торговля имела важное значение для всей экономики Российской империи, а в системах жизнеобеспечения многих семей старообрядцев, ввиду близости проживания, выполняла ведущую роль в XVIII-XIX вв. [Козлова, 2019]. Старообрядцы и скупщики-предприниматели доставляли продукцию на кяхтинские ярмарки по Чикою, Хилку и Селенге на плотах [Единархова, 2015, с. 144] или на лошадях по трактам, прилегающим к основному Кяхтинскому.

В 1842 г. грузооборот тракта составил 650 тыс. пудов (10,4 тыс. т) [Розанов, 1912], для сравнения: в эти же годы грузооборот большего в 4-5 раз по протяжённости Московского тракта (от Екатеринбурга до Читы) составлял около 20 тыс. т [Порхунов, 2011]. Кяхтинский тракт обслуживали около 10 тыс. ямщиков [Розанов, 1912], большая часть которых – выходцы из старообрядческих деревень.

Извозом занимались старообрядцы, проживавшие на территории современной Бурятии, в том числе Тарбагатайского, Мухоршибирского и Бичурского районов. Часть старообрядческих сел располагалась вдоль тракта. Население в таких селах охотно устраивало заезжие двory для проходящих обозов, это был довольно прибыльный вид деятельности. Кроме старообрядцев, в Забайкалье извозом занимались буряты [Санжиева, 2017, с. 189] и крестьяне православные.

В 1880-х гг. в Верхнеудинском округе, где половину населения составляли старообрядцы, в извозном промысле было занято 2644 хозяйства (более 10 % от общего числа хозяйств). В сравнении с остальными округами Забайкальской области эти показатели были средними. Лидерами являлись Селенгинский уезд (23,5 %), где также частично проживали старообрядцы, и Нерчинский (21,6 %) [Григорьев, 1921].

Семейские Красночико́йского района извозом в больших объёмах не занимались ввиду того, что проживали в стороне от торгового Кяхтинского тракта. Однако на территории этого района имелись золотые прииски, куда необходимо было подвозить продовольствие, поэтому некоторые жители старообрядческих сёл по Чикою практиковали данный род деятельности. Обустроенной дорожной сети не было, только тропы проходили в чикойской тайге: «...Пути сообщения по Чикойской си-

стеме, будучи сходны с таковыми же по Баргузинской тайге, отличаются от последних далее пересечённой местностью с очень крутыми склонами хребтов, что сильно затрудняет даже верховую езду. Можно сказать, что пути сообщения между приисками Чикойской системы существуют только зимою, когда производятся доставка на эти прииски нужных предметов. Летом сообщение между приисками только верховое, колёсного же пути от ближайших селений ни на один из приисков не существует» [ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 67. Л. 33].

Несмотря на то что извозный промысел для старообрядцев, проживающих на территории Бурятии, перестал приносить большие доходы и постепенно стал неактуальным уже в начале XX в., в Красночико́йском районе им занимались почти до начала 1940-х гг. В 1932 г. в извозном промысле было занято 1,5 % от всего населения района (42 тыс. чел.), а лошадей – 3,5 % [Отчёт..., 1934, с. 18].

В среде ямщиков существовало расслоение на богатых, состоятельных и мелких, в зависимости от количества лошадей и числа взрослых мужчин в одном хозяйстве, а также расслоение определялось местом жительства ямщиков. Наибольшее количество лошадей держали крестьяне Верхнеудинского округа, селения которых находились непосредственно на самих трактах [Попов, 1923]. Летний заработок крестьян в данном промысле составлял от 5 до 10 рублей, а в зимний – от 3 до 8 рублей за каждую лошадь в один конец [Высочайше учреждённая..., 1898, с. 115]. Стоимость провоза могла рассчитываться и другим способом: за один пуд (16 кг), перевозимый на расстояние 100 вёрст, ямщики брали от 10 до 15 копеек [Забайкалье..., 1891].

Старообрядцы, проживавшие рядом с Кяхтинским трактом, наиболее активно занимались извозом зимой, когда устанавливался санный путь [Болонев, 1994]. Кроме зимних месяцев, семейские дополнительно занимались перевозками в мае до начала сенокоса и в сентябре. Летом альтернативой лошадиному извозу нередко служили водные пути по реке Селенге. Особенность извозного промысла семейских состояла в том, что он тесно был связан с земледелием. Лошадей, используемых в перевозках грузов, зимой прокармливали за счёт заработанных денег, а летом этих лошадей задействовали на сельскохозяйственных работах. Это мотивировало крестьян содержать большее поголовье лошадей [Высочайше учреждённая ... , 1898].

Отдельно следует сказать о лошадях, которые использовались в перевозках. Несмотря на большое разнообразие пород, выше всех ценились лошади, пригоняемые из Томской губернии. Они были более крепкими, одной лошади под силу было перевозить около пятидесяти пудов груза, помещенного в телеге. Стоимость такой лошади превышала 100 рублей. Почти наравне с томскими лошадьми оценивались монгольские, весьма работоспособные и выносливые, однако нередко купленным

монгольским лошадям приходилось достаточно долго адаптироваться в хозяйстве, поскольку они были дикими и не привыкли к человеку. Поэтому, несмотря на высокие рабочие качества, необученные монгольские лошади стоили меньше, чем лошади из Европейской России [Попов, 1923]. Для перевозки груза использовались телеги-двуколки или четырёхколёсные повозки: первые – как грузовые, вторые – для перевозки людей [Высочайше учреждённая ... , 1898]. По трактам устраивались постоянные дворы, где лошади и люди могли отдыхать. Интересно то, что вывесок на таких дворах раньше не было, их владельцы прикрепляли над воротами пучки сена. Извозный промысел относился к одним из самых опасных видов деятельности, каждый ямщик всегда рисковал жизнью при перевозке грузов из-за многочисленного криминального контингента, промышленявшего на трактах [Попов, 1923].

В 1900-х гг. со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали промысел для старообрядцев перестал быть актуальным. Китай начал торговлю с Российской империей по морю через Владивосток [Попов, 1923].

Таким образом, извозный промысел приносил старообрядцам Забайкалья вполне существенные доходы. В дополнение к этому можно сказать, что тракты между Китаем и европейской Россией для старообрядцев и прочего населения Забайкалья выполняли своеобразные культурные функции. Среди многих ямщиков было распространено пьянство, чего нельзя сказать о старообрядцах, которые всегда отличались трезвостью и рациональностью в поведении, продиктованными религиозностью, поэтому они были востребованы, и их нанимали купцы. Благодаря высоким заработкам на извозе у многих забайкальских старообрядцев в домах были дорогие предметы быта, некоторые зажиточные выписывали периодические издания из центральной части страны и др. Извозный промысел можно назвать и одним из способов адаптивных стратегий старообрядцев, переселённых из Европы в Сибирь. На примере этого рода деятельности показаны высокие предпринимательские и деловые качества старообрядческих локальных сообществ в целом.

Литература

Андронов Д. А. Гуляевский тракт. Исторические впечатления [Электронный ресурс]. URL: http://bichura.ru/istoriya/gulyaevskiy_trakt/.

Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994. 174 с.

Высочайше учреждённая под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области : материалы. Вып. 5: Исторические сведения. СПб., 1898. 130 с.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 67. Л. 33.

Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Изв. Ин-та исслед. Сибири. Томск, 1921. № 6.

Забайкалье. Свод материалов высочайше учреждённой комиссии для исследования местного землевладения и землепользования под председательством статс-секретаря Куломзина. СПб. : Изд. канцелярии комитета министров, 1889. 380 с.

Единархова Н. Е. Влияние кяхтинской торговли на экономическое развитие России, Монголии и Китая // Россия и Монголия в первой половине XX в.: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука) : сб. науч. тр. Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. С. 136–158.

Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. 567 с.

Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири: 30-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XIX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2006. 40 с.

Козлова С. А. Значение торговли в системах жизнеобеспечения старообрядцев (семейских) Забайкалья в XVIII в. – начале XX в. // Науч. диалог. 2019. № 2 С. 237–253.

Отчёт 3-й кедровообследовательской партии 1933 г. : рукопись // Архив АМО Красночикийский район, 1934. 241 с.

Попов Н. Очерки старой ямщины в Прибайкалье // Жизнь Бурятии. 1923. С. 91–95.

Порхунов Г. А., Воложанина Е. Е., Воложанин К. Ю. История Сибири : хрестоматия [Электронный ресурс]. М. : Флинта, 2011. URL: <http://historylib.org/historybooks/Istoriya-Sibiri-Khrestomatiya/>.

Розанов Н. Перевозка чая по Забайкальской железной дороге // Вестн. Забайкал. ж/д. 1912. 25 февр. № 8. С. 1–3.

Санжиева Т. Е. Участие бурят Забайкалья в торговле в XIX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник: Байкальский государственный университет, Региональный центр научных исследований экономической истории России. Иркутск, 2017. С. 187–195.

Спасский Г. О торговых сношениях Сибири с Западным Китаем. М., 1858. С. 180–210.

УДК 811.584

И. Н. Комарова

Институт языкознания РАН, Москва

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Представлена словообразовательная характеристика распространенных отглагольных имен (неолексем) по их средствам и способам окказионального создания. Отглагольные имена отсутствуют даже в самых больших тибетско-китайских словарях. В результате анализа выявляются тесные словообразовательные связи отглагольных имен с их производящими основами. Широко известна такая окказиональная модель неолексем, как «глагол + суффикс». При создании неолексем функционирует более двадцати многообразных словообразовательных формантов. Важными аспектами деривационно-семантических образований неолексем являются следующие типы: «лицо», «действие», «предмет». Окказиональные способы образования отглагольных имен значительно увеличивают возможности словообразовательной системы тибетского языка.

Ключевые слова: тибетский язык, словообразовательная система, отглагольные имена, суффиксы.

I. Komarova

Institute of Linguistics, RAS, Moscow

WIDESPREAD VERBAL NOUNS IN THE WORD-FORMING SYSTEM OF THE TIBETAN LANGUAGE

Abstract. This paper presents word-formation characteristic of the considerably widespread verbal nouns (neolexemes) in accordance to their manners of the occasional creation. Verbal nouns are absent in the most of the big Tibetan-English dictionaries. The result of the analysis is as follows: the narrow word-formation ties have been clearly revealed with the underlying stems. The occasional model of the neolexeme “veb + suffix” is wide-known. More than twenty suffixes are used in the creation of various word-formants. Next types such as “face”, “action”, “object” are the important aspects of the derivation-semantic formations of the neolexemes. Occasional manners of the verb nouns increase the possibilities of the word-formation system of the Tibetan language.

Keywords: Tibetan language, verbal nouns, derivational suffixes, word-formation system.

Глагол является средоточием наиболее существенных типологических характеристик тибетского языка. Анализ способов образования отглагольных имен (неолексем) как особого разряда слов, обладающих двойственной сущностью (сочетанием глагольных и именных свойств), выявляет их зависимость от прагматического уровня, т. е. от социально-стратификационной дифференциации языка, территориального, национального, возрастного и прочих статусов участников коммуникативного акта. Широкое распространение процессов номинализации, которое наблюдается в тибетском языке, связано с образованием отглагольных имен, свободно конструируемых по словообразовательным моделям и представляющих открытый класс. Как правило, они не фиксируются в словарях, их употребление ограничивается конкретными ситуациями речевого общения. Упомянутые выше прагматические аспекты имеют несомненное значение при выборе способов образования отглагольных имен. Важнейшим из них является аффиксальное словообразование, нашедшее фрагментарное описание в некоторых работах тибетологов [Roerich, 1957; Ну Тан, 1991]. Аффиксальное словообразование имен действия целесообразно представить комплексно в формальном, семантическом и структурном аспектах.

В этой связи весьма значительными были размышления Олега Марковича Готлиба о реализации особенностей аспектуальности и темпоральности, свойственных китайским глаголам. Его работа «Категория времени в китайском языке» отличается изысканным научным стилем и филигранным анализом [Готлиб, 1985].

Анализ производных отглагольных имен позволил выявить их некоторые существенные черты: словообразовательные типы, словообразовательные форманты и семантические отношения между мотивирующей (производящей) базой и мотивированным словом.

Поскольку исходной базой является глагол, обратимся к тибетским глагольным формам.

Как известно, грамматические категории времени в тибетском языке выражаются аналитическими морфологическими формами глагола, представляющими комплекс знаменательного глагола в сочетании с частицами и вспомогательными глаголами, восходящими к знаменательным глаголам с посессивным и экзистенциальным значениями, обладающими основными темпоральными характеристиками и выражающими отношение к лицу. Что касается знаменательного глагола, то он имеет парадигму из двух или трех синтетических форм, различающихся значениями настоящего, прошедшего или будущего времени. Эти синтетические временные формы основного глагола образуются посредством внутренней флексии – чередования гласных и согласных фонем, а также тоном [а – ε: – а], [II восходящий тон – III восходяще-нисходящий тон]:

настоящее время $sa^2 ki y\emptyset^{23}$ ‘(я) ем’ (sa^2 – основа глагола настоящего времени, ki – частица, $y\emptyset^{23}$ – вспомогательный глагол 1-го лица);

прошедшее время $se^{23} pa yin^2$ ‘(я) ел’ (se^{23} – основа глагола прошедшего времени, pa – частица, yin^2 – вспомогательный глагол 1-го лица);

будущее время $sa:^2 ki yin^2$ ‘(я) буду есть’ ($sa:^2$ – основа глагола будущего времени, ki – частица, yin^2 – вспомогательный глагол 1-го лица).

Тибетское отглагольное имя, опираясь на первичные единицы языка, утрачивает компоненты аналитической глагольной формы (частицы и вспомогательные глаголы) и, сохраняя лишь основу глагола (настоящего, прошедшего, будущего времени), выступает в виде синтетической формы, осложненной аффиксами. Например:

$yong^2 wa yin^2$ ‘(я) приехал’ ($yong^2$ – основа глагола ‘приехать’, wa – частица, yin^2 – вспомогательный глагол);

$yong^2 wa$ ‘приехавший’; ‘тот, кто приехал’;

$lop^4 ki y\emptyset^{23}$ ‘(я) преподаю’ (lop^4 – основа глагола ‘преподавать’, ki – частица, $y\emptyset^{23}$ – вспомогательный глагол);

$lop^1 ngen^1$ ‘преподающий’; ‘тот, кто преподает’ (lop^1 – основа глагола, $ngen^1$ – суффикс).

В деривационном процессе участвует более двадцати этимологически имеющих различное семантическое содержание суффиксов [Ни Тап, 1991]: pa^1 , ya^{23} , kyu^2 , $ngen^1$ и др.

Образованные ими отглагольные имена могут соответствовать предметным актантам со значением субъекта действия, объекта действия и места действия: например, $l\emptyset^1 tong^1$ ‘приносить жертву’ – $l\emptyset^1 tong^1 ngen^1$ ‘приносящий жертву, тот, кто приносит жертву’, $phy:^2$ ‘дарить’ – $phy:^2 wa^1$ ‘подарок, подношение’, $z\emptyset p^4$ ‘резать’, ‘колоть’ – $z\emptyset p^1 pa^1$ ‘колун’.

В словообразовании тибетских отглагольных имен (ОИ) можно выявить несколько типов словообразовательных процессов, выделенных

Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1981]: словообразование по аналогии, корреляционное словообразование и дефиниционное словообразование.

1. Словообразование по аналогии с ориентацией на словообразовательную модель: *zho² ngen¹* ‘идуший, тот, который идет’, *yong² ngen¹* ‘прибывший, тот, который прибыл’, *ta¹ ngen¹* ‘смотрящий, тот который смотрит’. Значение нового производного имени предсказуемо благодаря глагольному происхождению ОИ и лингвистическому контексту, который включает лексическое, грамматическое и тематическое единство. Семантические отношения, связывающие ОИ и исходные глаголы, Е. С. Кубрякова [1977] определила как семантическую выводимость.

2. Корреляционное словообразование тибетских ОИ, сопровождающее транспозицию или грамматическую перекатегоризацию исходного слова. При этом производное отглагольное имя реализует значение мотивирующей единицы, отличаясь от последней частеречной принадлежностью и, соответственно, синтаксической функцией. Так как глагол является мотивирующей частью речи по отношению к ОИ, в корневой основе этих классов слов заключен некий единый состав грамматических категорий, который наследуется отглагольными именами отглагольной производящей базы в усеченном виде и предстает уже в виде временных форм ($V \rightarrow N$).

Глагольные категории лица и наклонения, являющиеся специфической отличительной чертой глагольных финитных форм, не выражаются в ОИ. Однако имена действия опосредованно обладают категорией времени, которая реализуется через оппозицию временных форм:

cong¹ ‘продавать’ – *cong¹ kyu¹* – то, что будет продано’;

sa² ‘есть’, ‘кушать’ – *sa² kyu¹* ‘еда’;

nyo² ‘покупать’ – *nyo² ya⁴* ‘покупка’, *nyo² kyu¹* ‘покупка’.

3. Дефиниционное словообразование тибетских ОИ, при котором новое слово мотивируется суждением, высказыванием, содержащим дефиницию предмета. Некоторой аналогией этого типа является образование тибетских ОИ на основе исходных глагольных предикативных структур:

bla-mas bgegs btul ‘лама усмирил демона’ – *bla-mas* ‘лама’, *bgegs* ‘демон’, *btul* ‘усмирил’;

bla-mas bgegs btul-pa ‘усмирение демона ламой’ – *bla-mas* ‘ламой’, *bgegs* ‘демона’, *btul-pa* ‘усмирение’;

khrom-la khyag-pa-ntson ‘продают лед на рынке’ – *khrom-la* ‘на рынке’, *khyag-pa* ‘лед’, *ntson* ‘продают’; *khrom-la khyag-pa-ø ntson-pa* ‘продажа льда на рынке’ – *khrom-la* ‘на рынке’, *khyag-pa* ‘лед’, *ntson-pa* ‘продажа’.

* Примеры цит. по: Beyer S. V. Classical Tibetan Language. New York, 1992. P. 294, 296.

Препозитивные валентности транспонируются в отглагольные имена, образованные по моделям синтаксической деривации для обозначения фактов, отвлеченных понятий, событий и ситуаций:

nyø²² nyø²² pa¹ ‘давно купленное’;

xe¹ xe¹ pa¹ ‘давно известное’.

Структурно-морфологическая формула отглагольного имени выглядит следующим образом: R + Suf_N, где R – глагольный корень/основа, Suf_N – именной суффикс.

Словарный состав языка, призванный служить потребностям коммуникации, потенциально безграничен. Развитие лексической системы языка происходит благодаря постоянному появлению новых единиц, возникающих на основе различных способов номинации. Так осуществляются акты вторичной номинации и образуются вторичные наименования – имена действия, которые в аспекте семантических отношений между мотивирующей и мотивированной единицами на уровне синхронного среза языка относятся к производным словам и воспринимаются как образованные на определенном историческом этапе от однокоренных глагольных слов. Каждое производное отглагольное имя обладает особой семантикой, тем не менее ощущается общее значение глагольности, «начинает “светиться” огонь старого значения». Приведем примеры типа тибетских слов *thung¹ ya²⁴* ‘питье; то, что пьют’ (*thung¹* ‘пью’ + *ya²³⁻* суффикс); *khe¹ kyū¹* ‘взятое с собой (вещи); то что взято с собой’ (*khe¹* ‘беру с собой’ + *kyū¹* – суффикс).

Поскольку глагол является мотивирующей частью речи по отношению к отглагольному имени, в корневой основе этих двух классов слов заключен единый для них состав грамматических категорий. Как известно, в системе тибетского финитного глагола имеются такие грамматические категории, как время, наклонение, лицо.

Отглагольные имена имеют, тем не менее, существенные отклонения от глагольной парадигматики. Если в системе тибетского финитного глагола реализуются синтетические и аналитические формы, то в отглагольных именах функционируют только синтетические глагольные формы. В именах действия темпоральная семантика проявляется не столь явственно, хотя грамматическая категория времени все же фиксируется в корневой морфеме отглагольного имени через оппозицию форм, маркированных по времени (настоящее/будущее – прошедшее).

В работах, посвященных тибетской грамматике, приводимые отглагольные имена, как правило, извлекаются из лексикографических источников, поэтому в основном они представляют лишь те лексические единицы, которые вошли в лексикон. Однако имена действия, свободно конструируемые по словообразовательным моделям и входящие в «открытый класс» обычно не фиксируются в эксплицитной форме в словарях, даже в таком фундаментальном (самом лучшем, по мнению китай-

ских тибетологов) 3-томном словаре, как «Тибетско-китайский словарь» (отв. ред. Чжан Исюн, Пекин, 1984 г., более 50 тыс. лексических единиц).

Образование отглагольного имени представляет собой чрезвычайно сложный процесс, в результате которого посредством многообразных форм и методов образуются языковые знаки для обозначения отдельных предметов, лиц, а также фактов, отвлеченных понятий, событий и ситуаций. Таким образом, семантическое поле отглагольных имен может охватывать процессуальные, орудийные, локальные и субъектные значения. В соответствии с этим тибетские отглагольные имена можно разделить на две группы слов: со словообразовательным значением «носитель процессуального признака» и со значением отвлеченного действия и состояния.

В словах первой группы общее значение «носитель процессуального признака» актуализируется как «субъект действия», «орудие действия», «объект или результат действия». В словах второй группы семантически абсолютизируется присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действия или состояния). Таким образом, отглагольные имена характеризуются свойством двойной референции – референцией к обозначаемым сущностям и референцией к исходным единицам [Кубрякова, 1981].

Важным вопросом исследования структуры и семантики словообразовательных типов отглагольного имени является исследование их грамматических форм – грамматических маркеров, т. е. суффиксов, которые структурно, семантически и функционально различаются.

Сложная связь словообразования с лексикой и грамматикой, взаимодействие лексических и грамматических категорий предопределяют специфику способов образования имен действия, значительное число которых создано по продуктивным и широко употребительным моделям тибетской словообразовательной системы.

Известный китайский тибетолог Ху Тань выделяет около двадцати различных суффиксов, встречающихся в составе отглагольных имен [Ни Тан, 1991]. Рассмотрим отглагольные имена (неолексемы) в их соотношении с мотивирующими глаголами и деривационными суффиксами. К самым распространенным тибетским словообразовательным формантам относятся: $ngen^1$, pa^1 , ya^{23} , kyu^2 .

Суффикс $ngen^1$ употребляется после основы глагола в форме настоящего времени, чаще всего обозначает субъект действия, названного глагольной морфемой:

lap^4 ‘изучаю’ – $lap^1 ngen^1$ – ‘учащийся, изучающий; тот, кто изучает’.

Суффикс pa (нулевой тон) употребляется после основы глаголы в форме прошедшего времени, образуя имена артефактов, т. е. продуктов, результатов действия: chi^{23} ‘написал’ – $chi^2 pa$ ‘написанное; то, что уже написано’; $sø^{23}$ ‘сделал’ – $sø^{22} pa$ ‘сделанное; то, что уже сделано’.

Суффикс *pa* (нулевой тон) может употребляться после редуцированной формы глагола прошедшего времени, означать продукт, результат законченного действия с дополнительным перфективным оттенком. Структурно-морфологическая формула подобных отглагольных имен выглядит иначе: $R_1 + R_2 + \text{Suf}_N$: $ny\emptyset^2$ ‘купил’ – $ny\emptyset^2 ny\emptyset^2 pa$ ‘давно купленное’; xen^4 ‘знал’ – $xen^1 xen^1 pa$ ‘давно известное’.

Суффикс ya^{23} употребляется почти с любым глаголом. В сочетании с непереходными глаголами выражает действие или состояние, а в сочетании с переходными глаголами – предмет или лицо, имеющие отношение к действию, выраженному глагольной морфемой: na^2 ‘болею’ – $na^2 ya^{24}$ ‘болезнь’; la^4 ‘изучаю’ – $la^1 ya^{24}$ ‘изучающий; тот, кто изучает’.

Суффикс kyu^2 употребляется после глаголов в форме настоящего/будущего времени и обозначает объект действия, которое будет закончено с дополнительным оттенком возможности завершения действия: sa^2 ‘ем’ – $sa^2 kyu^1$ ‘то, что будет съедено’; $x\emptyset^{24}$ ‘говорю’ – $x\emptyset^1 kyu^1$ ‘то, что будет сказано’.

Основным средством словообразования является суффиксация, но наблюдаются и другие способы образования отглагольных имен, например сложение двух глагольных основ (антонимические или синонимические пары):

$ny\emptyset^{23}$ ‘покупать’ + $cong^1$ ‘продавать’ – $ny\emptyset^2 cong^1$ ‘торговля’;

lop^4 ‘учиться’ + $jong^1$ ‘учиться’ – $lop^1 jong^1$ ‘учеба’.

Особо отметим малопродуктивный способ образования отглагольных имен не только суффиксальными средствами, но и сочетанием в результате морфонологических процессов, а именно чередованиями тоном.

I тон – 0 тон: sam^4 ‘думал; мыслил’ – $sam^1 pa^1$ ‘мысль’ – $sam^1 \underline{pa}$ ‘то, о чем думал’.

I тон – 0 тон: qe^{23} ‘делал’ – qe^2 ‘трудовые достижения’ – $qe^2 \underline{pa}$ ‘сделанное; то, что сделано’.

В морфемном облике отглагольных имен проявляется ряд таких типичных явлений тибетской морфематики, как несовпадение современной фонетической оболочки морфемы и ее графического отображения, что равно относится и к именным деривационным суффиксам, и к глагольным корневым морфемам:

$bslab + mkan$ (письм. форма, транслитер.) – $l\emptyset p^1 ngen$ (фонет. транскрип.) ‘тот, который учится’; ‘учащийся’, $byas + yas$ (письм. форма, транслитер.) – $qe^2 ya^{24}$ (фонет. транскрип.) ‘сделанное; то, что сделано’.

Перечисленные выше способы суффиксального образования представляют сложную семантико-функциональную сущность тибетских отглагольных имен.

В морфологической и семантической структуре отглагольного имени отображаются не только категории глагола (время, наклонение), но и категории имени существительного через субстантивную суффиксацию, через аналоги падежных маркеров и т. п. Получив от глагольного корня/основы важнейшие категориальные свойства, отглагольное имя выражает их в совокупности с именными. Таким образом, отличаясь весьма оригинальными чертами, тибетское отглагольное имя обладает двусторонней глагольно-именной парадигматикой. Оказиональные способы образования отглагольных имен (неолексем) увеличивают возможности словообразовательной системы тибетского языка.

Литература

- Готлиб О. М. Категория времени в китайском языке (о значении суффиксов *-le* и *-guo*) : автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985, 23 с.
- Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразования // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. С. 147.
- Beyer S. V. The Classical Tibetan Language. New York, 1992. P. 294, 296.
- Ни Тан. Zang yu dongci de mingcihua // Journal of Asian and African Studies, 1991. N 41. P. 71–81.
- Ху Тань. Номинация глаголов тибетского языка (на кит. яз.).
- Labov W. The Social Stratification of English of New York City. Washington, 1966.
- Roerich G. N. Tse-Trung Lopsang Phuntsok. Textbook of Colloquial Tibetan (Dialect of Central Tibet). West Bengal, 1957.
- Zang yu jianzhi. Zin Peng zhubian. Beijing. Minzu chubanshe. 1984. P. 38.
- Краткий очерк китайского языка / гл. ред. Цзинь Пэн. Пекин : Миньцзу, 1984. С. 38.
- Wang Zhijing. Zang yu Lasa kouyu yufa. Beijing, 1994.
- Ван Чжицзин. Грамматика лаосского диалекта тибетского языка. Пекин, 1994.
- Phø²³ kya² cin¹jø²⁴ gen¹ mo¹. Zhang yixiun¹ ki² zong¹ken¹ xe²³ ne² zom¹ zhi²⁴ qe²³ pa. Beijing, 1984.
- Большой тибетско-китайский словарь / гл. ред. Чжан Исюн. Пекин, 1984.

Н. Н. Котельникова
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

**ОДИНОЧЕСТВО В ТОЛПЕ: ФЕНОМЕН
«МОЛОДЕЖИ ПУСТОГО ГНЕЗДА»
В МЕДИАУРБАНИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ***

Аннотация. Стремительные темпы урбанизации в Китае способствовали появлению большого количества молодых горожан, ведущих одинокий образ жизни, что неизбежно находит свое отражение в семиосфере современных китайских мегаполисов, трансформирующихся с учетом потребностей и ожиданий своих жителей. Статья посвящена изучению социального феномена «молодежь пустого гнезда», выявлению его влияния на преобразование социокультурного пространства китайских мегаполисов и его места в конструкции современного медиаурбанистического дискурса.

Ключевые слова: Китай, медиаурбанистический дискурс, «молодежь пустого гнезда», одиночество.

N. Kotelnikova
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd

**LONELINESS IN THE CROWD: THE PHENOMENON OF «EMPTY-NEST YOUTH»
IN THE URBAN DISCOURSE OF CHINA'S MEGAPOLISES**

Abstract. The rapid pace of urbanization in China has led to the emergence of a large number of young citizens living alone. These changes in the structure of the urban community are reflected in the appearance of modern Chinese megapolises, which are constantly transforming to meet the needs and expectations of their residents. The article is devoted to the study of the social phenomenon of “empty-nest youth”, its influence on the transformation of the sociocultural space of Chinese megalopolises and its place in the construction of urban discourse.

Keywords: China, urban communication, «empty-nest youth», loneliness.

Современное общественное развитие характеризуется беспрецедентным ростом городов-гигантов, а урбанизация как исторический процесс повышения роли городов в развитии общества наполняется новым социальным содержанием. Как отмечает В. М. Савченкова, «особенности современной урбанизации состоят в ее динамизме, в активном воздействии на организацию социального пространства, в универсальности стилей и, одновременно, в появлении новых качественных показателей в ряде решающих для городской жизни сфер» [Савченкова, 2005, с. 1].

Большие города выполняют цивилизирующую роль, являясь благоприятной средой для дифференциации человеческой деятельности, предоставляя значительно больше возможностей и вариантов реализации способностей индивида, перспектив его роста в профессиональном, культурном, экономическом и социальном планах.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09114.

Вместе с тем урбанизация – это противоречивый процесс, который неоднозначно сказывается на социально-экономическом, национально-культурном, демографическом развитии и провоцирует ряд значительных проблем. Урбанизация непосредственным образом влияет на социальную стратификацию общества. Мегаполисы постоянно подпитываются переселенцами из сельской местности, где люди живут в другом темпе, ритм их жизнедеятельности значительно ниже, чем в крупных городах. Сотни тысяч людей становятся жителями мегаполисов, и их образ жизни претерпевает значительные перемены, у них возникает круг новых разнообразных интересов и сфер деятельности. Однако влияние урбанизации на человека неоднозначно. С одной стороны, в мегаполисе существует множество возможностей для поиска своей конструктивной «группы поддержки»: профессиональные объединения, дискуссионные клубы; сообщества, создающиеся вокруг развивающих, развлекательных, спортивных, политических и других социальных институтов. С другой, чтобы воспользоваться этими возможностями, необходимо совершить самостоятельный поиск, выбор, обладать определенным уровнем открытости и уверенности в себе, быть готовым к психотравмирующим воздействиям мегаполиса [Бахурина, 2011, с. 13]. Следует отметить, что каждый из крупных городов выступает как социальный организм и в нем не только создаются благоприятные условия для развития человеческой личности, но и неизбежно возникают очаги социальной патологии [Федоров, 2012, с. 27].

Одной из таких «социальных патологий» можно считать феномен одиночества в большом городе. Специалистами во всем мире, в том числе и в России, и в Китае, давно замечено, что в крупных мегаполисах количество одиноких людей в процентном отношении значительно превышает это число в провинции. И это становится серьезной проблемой, вызывающей всеобщую озабоченность, необходимость изучения причин этого явления и его места в конструкции современного медиаурбанистического дискурса. Используя в своем исследовании термин «медиаурбанистика» как «наиболее полный для отражения обширного спектра городских коммуникативных исследований» [Бакумова, 2018, с. 132], под медиаурбанистическим дискурсом мы понимаем сложное лингвосомиотическое и информационное образование, текст (в широком смысле), помещенный в городскую среду, транслирующий существующие в этой среде смыслы, отражающий городские коммуникативные практики.

«Один из самых распространенных критических упреков городу заключается в том, что город производит одиночество, отчуждает людей друг от друга, превращает их в бездушных исполнителей мелких ролей, “массу” одиноких рассудочных индивидов» [Куренной, 2017, с. 18]. На Западе жизнь в одиночестве осознанно выбирают все больше людей. Они называют себя синглтонами – от английского *singleton* – единич-

ный. Владелец Европейского сертификата психотерапевтов М. Сандомирский говорит, что в богатых европейских странах среди молодежи и людей среднего возраста синглтонов уже 20–30 %. По его словам, стремительно набирает популярность такой образ жизни и в России, особенно в Москве и других мегаполисах, где царит быстрый темп жизни [Одиночество – заразно ... , 2018]. Считается, что основой этой социальной группы являются представители middle-класса, т. е. хорошо оплачиваемые профессионалы, мелкие бизнесмены, чиновники средней руки, представители творческих профессий [Одиночки по убеждению, 2010].

Согласно последним данным, опубликованным Министерством гражданских дел КНР, по состоянию на конец марта 2017 г. на территории Китая проживает более 58 млн одиноких граждан, более 20 млн из них – молодые люди в возрасте от 20 до 39 лет. Наибольшее количество одиноких граждан КНР проживает в крупных мегаполисах – Пекине, Шанхае, Шэньчжэне и Гуанчжоу. Причем прогнозы социологов неутешительные: к 2020 году общая численность одиноких жителей Китая превысит отметку в 65 млн человек [Одиночество в мегаполисе ... , 2017], следовательно, увеличивается и число молодых людей, которые предпочитают (или вынуждены) вести изолированный образ жизни. Наличие и массовость этой социальной категории китайской молодежи как «явления общего характера» [半月谈 ... , 2018] не может не предопределять ее место в структурной организации медиаурбанистического дискурса современных мегаполисов.

Прежде чем обратиться к рассмотрению места феномена «молодежь пустого гнезда» в конструкции дискурса современных китайских городов, необходимо определиться собственно с самим этим понятием. Ранее о «синдроме опустевшего гнезда» в Китае говорили лишь применительно к пожилым людям. Понятие «пустое гнездо» основано на метафорическом сравнении с птичьим гнездом, из которого улетели выросшие птенцы, и обозначает семью, состоящую из престарелых родителей (или одного родителя), повзрослевшие дети которых, начав самостоятельную жизнь, покинули отчий дом [陈晓敏, 2004, с. 35].

Последние несколько лет популярность приобрело новое понятие – «молодежь пустого гнезда» (空巢青年), которое широко используется и в СМИ, и в публицистике, и в научных изданиях для обозначения молодых людей, преимущественно рожденных в девяностые, *миллениалов в возрасте от 20 до 35 лет, как правило, с высшим образованием, которые, уехав из родного провинциального городка, ищут удачу в мегаполисе и в конечном итоге живут в одиночестве, вдалеке от родных* [何绍辉, 2017, с. 41; 常进锋, 2017, с. 79]. Ван Юаньюань [王媛媛, 2018] отмечает следующие основные черты, свойственные этой социальной группе:

1) высокий уровень образования. Большинство представителей «молодежи пустого гнезда» имеют как минимум одно высшее образование, некоторые – степень магистра, доктора наук или опыт обучения за рубежом. Они стремятся построить карьеру в большом городе, опираясь на полученные профессиональные навыки;

2) обостренное чувство независимости и свободы. «Молодежь пустого гнезда» – представители поколений «родившихся после 80-го года» (80 后) и «родившихся после 90-го года» (90 后). Они родились и росли в эпоху политики «реформ и открытости», были, как правило, единственными детьми в семье. Им свойственно наличие собственных воззрений, сформированных взглядов, четко осознаваемых устремлений;

3) плохие условия жизни. Переехав в большие города, эти молодые люди чаще всего живут в арендованных квартирах, часто переезжают, а желание сэкономить деньги заставляет их снимать жилье на окраинах и в отдаленных районах городов, так что ежедневно приходится тратить много времени на проезд между работой и местом жительства;

4) дефицит эмоциональной поддержки. Напряженная работа, вынужденная подчиненность новым жизненным обстоятельствам, удаленность от родных лишает их привычной эмоциональной поддержки и реального общения, которое почти полностью заменяется виртуальным общением в социальных сетях;

5) самоуважение и самоуверенность. Молодые люди, приехавшие в мегаполисы, чтобы добиться успеха, получить признание общества и семьи, реализовать свои жизненные идеалы, как правило, обладают развитым чувством собственного достоинства и уверенности в себе.

Оказавшись в одиночестве в новом для себя окружении, «молодежь пустого гнезда» неизбежно сталкивается со множеством проблем. По результатам исследования, проведенного Центром социальных опросов издательства газеты «Китайская молодежь» (中国青年报), представители этой социальной категории в качестве своих основных проблем называют следующие: отсутствие эмоциональной поддержки (57,9 %), плохие условия жизни (57,8 %), материальные затруднения (49,5 %), узкий круг общения (48,1 %), отсутствие ухода и заботы (41,9 %), отсутствие развлечений (33,2 %), сложности на пути карьерного роста (12,9 %) [胡玉宁, 2016, с. 37].

Зарубежные и китайские аналитики отмечают, что за каждым стилем жизни лежит неизмеримый рыночный потенциал, а значит, и «молодежь пустого гнезда» меняет общую модель потребления в Китае. В 2018 г. в китайских СМИ впервые был озвучен термин «экономика одиночества» (孤独经济) как особый сектор экономики, направленный на удовлетворение потребностей и создание комфортных условий для жизни одиноких людей, преимущественно «молодежи пустого гнезда». Молодые люди без особой семейной ответственности, естественно, стре-

мятся больше сосредоточиться на себе, уделяя внимание индивидуальному комфорту, здоровью, отдыху. На их запросы чутко реагирует бизнес, ориентированный на то, чтобы создавать условия для удовлетворения проявляемых новых интересов и потребностей. Наличие люксовых брендов является для молодежи символом самореализации и выражением внешнего статуса, что открывает больше возможностей для производителей предметов роскоши и брендов во многих категориях – от индустрии красоты и одежды до изысканных ресторанов и услуг турагентств. Они гораздо охотнее тратят деньги на вкусную еду, одежду, цифровую технику, стремясь при этом приобрести товары высокого качества.

Социологические опросы показали, что 75 % «одинок» тратят как минимум 1000 юаней в месяц на то, чтобы «развезать» свое одиночество [为孤独 ... , 2018]. Это приводит к стремительному развитию индустрии развлечений, предоставляющей одинокой молодежи возможности избавиться от скуки и рутины повседневности. Так, например, в настоящее время в китайских городах работает более 30 тыс. мини-караоке-киосков, созданных для любителей попеть в одиночестве, – одно из наиболее быстро развивающихся направлений бизнеса в КНР. Не исключено, что в дальнейшем некоторые из таких киосков будут использоваться в качестве терминалов для видеоигр, фильмов, интернет-услуг. Ожидается, что национальный рынок караоке-киосков в 2019 г. превысит 14 млрд юаней [迷你 KTV ... , 2018].

Но все же подавляющее большинство представителей «молодежи пустого гнезда» проводят свое свободное время дома, в сети Интернет. Для этой молодежи феномен социальных сетей фактически воспроизводит механизм межличностной коммуникации, значительно упрощая поддержание коммуникационных контактов, и порождает проблему виртуальной коммуникации как псевдозаменителя реального общения, что в свою очередь усугубляет проблемы одиночества. Интернет для «молодежи пустого гнезда» – это не только форма социальной коммуникации, способ получения информации и организации свободного времени, но и основная практика потребления [秦玥, 2019, с. 136], дающая мощный импульс развитию сегмента онлайн-торговли и сервисов доставки. Китайский День одинок (单身节) – неофициальный, нетрадиционный праздник превращен предприимчивыми коммерсантами в Global Shopping Festival и стал днем, когда одинокие люди сами покупают себе подарки. В День одинок 11 ноября 2018 г. за 24 часа гигант электронной коммерции компания Alibaba осуществила продажи на сумму 30,8 млрд долларов [The world's ... , 2018].

При рассмотрении феномена «молодежь пустого гнезда» как одного из факторов, влияющих на формирование целостной конструкции дискурса современных китайских городов, мы уделяем внимание эволюции

визуальных коммуникаций городских пространств. Понятие визуальной коммуникации мы представляем как комплекс рекламных щитов, витрин, сооружений, вывесок, которые наполнены понятной и необходимой информацией, помогающей человеку ориентироваться в городском пространстве. *Облик современных китайских городов* стремится к *визуальной* насыщенности, в нем ярко отражено своеобразие образа жизни различных категорий и социальных слоев горожан, в том числе и «молодежи пустого гнезда».

Яркие рекламные образы сопровождают молодых людей в их ежедневных поездках из дома на работу и обратно, причём это касается не только одежды, авто или досуга, а буквально всего – от продуктов питания до предметов интерьера и роскоши, относящихся к сегменту *middle-up* или премиум. Помещения, в которых располагаются кафе, магазины и салоны со множеством услуг для одиноких людей, такие новшества последних лет, как спортивные боксы (индивидуальные кабинки для занятия спортом) (健身仓), рестораны «хого», специализирующиеся на обслуживании тех, кто пришел поесть в одиночестве (一人一锅小火锅), караоке-киоски (迷你 KTV), размещенные в торговых центрах, вокзалах, аэропортах, кинотеатрах и даже на станциях метро, уже стали неотъемлемым атрибутом урбанистических ландшафтов китайских мегаполисов.

Наружная реклама, представленная в Китае, в основном в виде крупногабаритных плакатов и электронных табло, – визуальное решение, мотивирующее молодежь на покупку товаров «для одного», например таких как кофеварки на одну чашку (单杯咖啡机), сэндвич-машины (多功能早餐机), мини-рисоварки (迷你电饭煲) и т. п., широко используется предпринимательскими структурами, продвигающими свои товары или услуги. В результате продажи микроволновых мини-печей и грилей, подходящих для небольших жилых помещений, выросли в 2018 г. почти в десять раз, а стиральных мини-машин – в шесть раз, сообщает Tmall.com, популярный торговый сайт, которым управляет технологический гигант Alibaba [Chinese singletons take ... , 2018].

Таким образом, новые сектора экономики, корпорации и компании, осуществляющие более персонализированный подход к рекламированию своей продукции, адресованной одинокой молодежи, оказывают непосредственное влияние на эволюцию *визуального облика* китайских мегаполисов.

Исследуя связь между таким относительно новым явлением в китайской действительности, как «молодежь пустого гнезда», и медиаурбанистическим дискурсом, следует рассмотреть роль СМИ, которые, несомненно, способствуют процессу формирования целостной конструкции этого дискурса. Именно СМИ первыми реагируют на изменения, происходящие в развитии городского сообщества, способствуют

оценке окружающей действительности, вводят в широкий оборот новые понятия, названия явлений, через них в первую очередь идет обогащение словарного запаса языка.

Следует отметить, что китайские СМИ оказывают мощное влияние на общественное сознание, что предопределяет их существенную роль в формировании общественного мнения. Судя по количеству распространяемой СМИ информации, проблемы, факты, события, касающиеся «молодежи пустого гнезда», вызывают повышенный общественный интерес. В этой ситуации многое зависит от того, каким образом преподносится и с какой точки зрения освещается интересующая людей информация. Часто китайские журналисты трактуют жизнь «молодежи пустого гнезда» как асоциальное поведение и, говоря об этой социальной группе, используют следующие эпитеты: 弱势青年 (*слабая молодежь*), 自闭青年 (*замкнутая молодежь*), 纠结青年 (*удрученная молодежь*), 迷茫青年 (*растерянная молодежь*), 任性青年 (*капризная, своенравная молодежь*), 孤僻青年 (*нелюдимая молодежь*). Подчеркивая нестабильное положение в обществе «молодежи пустого гнезда», молодым людям навешивают ярлыки “没能耐” (*ни к чему не годный*), “混不好” (*неустроенный*), акцентируя внимание на отсутствии семьи – “剩女” (*женщина, засидевшаяся в девках*) и “光棍” (*холостяк*), делая упор на способе времяпрепровождения – “宅男宅女” (*домосед, проводящий все время за компьютером*) и “家里蹲” (*домосед*). Описывая образ жизни «молодежи пустого гнезда», употребляют метафоры 漂泊 (*носиться по волнам, вобр. знач. скитаться, не иметь постоянного местожительства*), 茧房 (*дом-кокон*), 孤岛 (*одинокий остров*) и др.

Использование подобных языковых средств создания образа «молодежи пустого гнезда» порождает набор клише, характеризующих эту категорию молодых людей преимущественно как негативный феномен: людей, исповедующих «городские индивидуалистические ценности», для которых карьера, деньги и самовыражение важнее, чем семья, дети, друзья. Такое проявление профессиональной некорректности и интолерантности журналистов способствует навязыванию определенного отношения к «молодежи пустого гнезда», а также транслированию стереотипного отношения к ним.

Молодым людям приходится сталкиваться с проявлениями косвенной социальной дискриминации – местные жители неохотно взаимодействуют с «людьми-одиночками», поскольку чувствуют, что они «ненадежны», очень мобильны, с ними трудно установить и поддерживать стабильные и длительные отношения. Вместе с тем одинокие молодые люди испытывают давление и со стороны родственников, исповедующих традиционные семейные ценности, в том числе и такие, как необхо-

димось вступления в брак. Это привело к тому, что отчаявшиеся молодые люди разместили на станции метро г. Пекина большой транспарант с таким текстом: «Дорогие папа и мама, не беспокойтесь обо мне. Мир такой большой и есть много разных видов образа жизни. Синглтоны тоже могут быть очень счастливы» [北京 ... , 2018].

Китайские психологи призывают журналистов освещать сложившуюся ситуацию с ростом численности «молодежи пустого гнезда» более тактично, не упоминания о них в уничижительном или оскорбительном контексте, предупреждают о недопустимости использования грубых словесных ярлыков, которые могут привести к проявлениям косвенной дискриминации и даже социальной изоляции этой категории молодых людей [王媛媛, 2018]. Вместе с этим они настаивают на необходимости объективного и всестороннего изучения феномена «молодежи пустого гнезда», считая его общенациональной проблемой и явлением, на необходимости создания атмосферы понимания и толерантности в среде городского сообщества.

Результаты нашего исследования позволяют расширить понимание социального феномена «молодежь пустого гнезда» с точки зрения его места в конструкции медиаурбанистического дискурса современных китайских городов и сделать следующие выводы.

1. Сам факт существования в Китае «молодежи пустого гнезда» подтверждает очевидность тенденции к стремительному омоложению категории одиноких людей в современных мегаполисах.

2. Современные китайские мегаполисы, чутко реагирующие на любые преобразования в структуре городского сообщества, трансформируются с учетом потребностей и ожиданий новой и весьма многочисленной социальной группы «молодежи пустого гнезда», создавая более комфортную среду для их жизни.

3. Проблема одиночества в большом городе в целом и феномен «молодежи пустого гнезда» в частности находят свое отражение в медиаурбанистическом дискурсе китайских мегаполисов как непосредственно, в виде многочисленных сообщений в СМИ, так и опосредованно – через повсеместно присутствующие в городском ландшафте рекламные тексты и вывески заведений, предлагающие товары и услуги для одиноких людей.

Литература

Бакумова Е. В. Городской ландшафт Волгограда: «китайский след» в эпиграфике // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2018. № 10 (133). С. 132–135.

Бахурина Е. С., Литвинова О. Б. Психотравмирующие факторы мегаполиса // Психологическая безопасность в мегаполисе : материалы конф. М. : Когито-Центр, 2011. С. 12–14.

Куренной В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города / под ред. И. Фурмана. М. : Strelka Press, 2017. С. 14–29.

Одиночество в мегаполисе: Более 58 млн граждан КНР не имеют пары // ИА REGNUM. URL: www.regnum.ru/news/2261681.html (дата обращения: 5.03.19).

Одиночество – заразно, мир ожидает эпидемия // Область культуры. URL: www.okultureno.ru/news/27112-odinochestvo-zarazno-mir-ozhidaet-epidemiya/ (дата обращения: 5.03.19).

Одиночки по убеждению // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: www.wciom.ru/index.php?id=241&uid=13482 (дата обращения: 5.03.19).

Савченкова В. М. Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.

Федоров В. В., Овчарова А. Ж. Феномен города: ценностно-смысловой аспект // Вестн. МГОУ. Сер. Философские науки. 2012. № 2. С. 25–30.

Chinese singletons take pleasure in the little things // The Sunday Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/chinese-singletons-take-pleasure-in-the-little-things-05pbjzn90> (дата обращения: 5.03.19).

The world's biggest shopping holiday is in China – not the US. Here's how Singles Day became No. 1 // CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2018/12/04/how-chinas-singles-day-became-the-worlds-biggest-shopping-holiday.html> (дата обращения: 5.03.19).

半月谈: 中国空巢青年已超 5800 万 你中枪了吗? // 新浪新闻. URL: <http://news.sina.com.cn/o/2018-02-08/doc-ifyrkrva5209916.shtml> (дата обращения: 5.03.19).

北京地铁现反逼婚广告: 人生有很多种, 单身也可以很幸福 // АНТВ 新闻频道. URL: <http://www.ahtv.cn/c/2016/0427/00762311.html> (дата обращения: 5.03.19).

常进锋. «空巢青年»缘何«空巢»——一个时空社会学的解读 / 常进锋 // 中国青年研究. 2017. № 5. 页 79–83.

陈晓敏. 现代化进程中的空巢家庭 / 陈晓敏, 杨柳 // 中华女子学院学报. 2004. № 1. 页 35–38.

何绍辉. “空巢青年”群体的多维解读 / 何绍辉 // 中国青年社会科学. 2017. № 36(03). 页 40–45.

胡玉宁. 从«空巢»心态到«集群»行为: «空巢青年»现象透视与网络映射 / 胡玉宁, 祁彬斌, 朱学芳 // 中国青年研究. 2016. № 8. 页 36–43.

迷你 KTV 存在多项隐患 // 正义网. URL: http://news.jcrb.com/jxsw/201802/t20180221_1842846.html (дата обращения: 5.03.19).

秦玥. 基于«空巢青年»消费行为特点的服务创新研究 / 秦玥, 王凯, 张昕 // 合作经济与科技. 2019. № 1. 页 136–137.

王媛媛. «空巢青年»的心理困境及对策 // 中国社会科学报. URL: http://soci.cssn.cn/shx/shx_shxlx/201804/t20180424_4211837.shtml (дата обращения: 5.03.19).

为孤独埋单: “孤独经济”带来消费行为变迁 // 经济日报. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1589530503661578811&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 5.03.19).

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОСНОВА ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Аннотация. Исследование посвящено понятию языковой абстракции. Грамматическая природа языка, как и культура, есть продукт двух процессов – восприятия и мышления, результатом которых являются грамматический тип языка и значимые культурные коды. Соотношение языковой и культурной абстракции – это отражение и взаимодействие базовых структурных элементов языка и культуры. Выделение базовых конструкторов в структуре китайского языка есть определение типа его языковой абстракции.

Ключевые слова: китайский язык, языковая абстракция, грамматический тип языка, базовые конструкторы, культурные коды.

O. Kochetkova

Zabaykalsky State University, Chita

GRAMMATICAL NATURE OF THE CHINESE LANGUAGE AS A BASIS OF TRADITIONAL CHINESE LINGUISTIC CULTURE

Abstract. The study focuses on the concept of language abstraction. The grammatical nature of a language, as well as culture, is a product of two processes – perception and thinking, which result in the grammatical type of a language and meaningful cultural codes. The correlation of linguistic and cultural abstraction is reflection and interaction of the basis structural elements of language and culture. Selection of basic constructs in the structure of the Chinese language is the definition of the type of its language abstraction.

Keywords: Chinese language, language abstraction, grammatical type of a language, basic constructs, cultural codes.

Язык и культура представляют тип абстракции, обусловленный особенностями восприятия человеком окружающего мира природы, влияния на него климатических условий, а также историческим процессом развития общественных отношений.

«В отношении связи языка и мышления одним из основных вопросов является тип абстракции, которая пронизывает весь язык, но различна по его структурным ярусам, лексическому, грамматическому и фонетическому, что и определяет специфику лексики, грамматики и фонетики и особое качественное различие их единиц и отношений между ними. Язык и мышление образуют единство, так как без мышления не может быть языка и мышление без языка невозможно. Язык и мышление возникли исторически одновременно в процессе трудового развития человека» [Реформатский, 1998, с. 26].

Тип языковой абстракции – это способ выделения сознанием человека значимых элементов структуры в процессе речемыслительной деятельности, в результате которого происходит формирование базовых конструкторов системы языка, представляющих его грамматический тип.

Базовые конструкты – это единицы языка, взаимодействие которых образует язык определённой грамматической структуры. Базовые конструкты являются типологической составляющей любого языка. Взаимодействие базовых конструктов в языках мира – это отношение грамматической формы к грамматическому способу её реализации. В языках мира существует четыре типа грамматической формы: изолирующая, флективная, агглютинативная, инкорпорирующая.

В китайском языке базовые конструкты – это основные единицы языка: слог, морфема, слово; взаимодействие которых посредством совпадения границ их формы обуславливает грамматический тип китайского языка. Данное совпадение границ формы основных единиц языка определяет китайский язык как язык изолирующего типа.

Взаимодействие базовых конструктов – это отношения между единицами разных уровней языковой системы, выполняющих разные функции в языке, которые осуществляются посредством совпадения основных единиц (слога, морфемы и слова) как базовых конструктов в их границах, а также сумма функций слога, морфемы и слова. Функция слога – сегментировать (делить) высказывание на количественные отрезки, минимальным сегментом которых является слог. Функция морфемы – словообразовательная. Функция слова – быть носителем лексического значения и грамматической формы, обладающей синтаксической самостоятельностью в языке. Сумма этих функций, при условии совпадения границ слога и морфемы, согласно закону о морфологической значимости слога деления образует неизменяемую грамматическую форму слова, грамматический способ реализации которой в китайском языке – порядок слов, служебные слова, просодические средства.

Сумма функций слога, морфемы и слова есть взаимодействие базовых конструктов, которые образуют грамматический тип языка. Закон морфологической значимости слога деления как совпадение слога и морфемы в своих границах устанавливает неизменяемую грамматическую форму слова, которая в свою очередь определяет грамматический способ реализации формы в китайском языке, а также грамматический тип китайского языка.

Взаимодействие базовых конструктов подтверждает закон морфологической значимости слога деления, но не является его тождеством, потому что данное взаимодействие включает три основные единицы – слог, морфему, слово, в котором слово является центральной единицей взаимодействия, так как именно оно есть носитель грамматической формы.

Неизменяемая грамматическая форма слова соотнеслась в сознании носителей китайского языка с иероглифом, который, являясь письменным знаком, носит сакральный характер для китайской культуры.

Тип культурной абстракции – это процесс восприятия и формирования сознанием человека значимых составляющих окружающей дей-

ствительности: природного ландшафта, духовного пространства, системы общественных отношений.

Культурная абстракция представляет совокупность кодов культуры, функция которых – репрезентировать отличия данной культуры от других культур. Коды китайской культуры – это такие понятия, как: «河» – «река», «黄» – «жёлтый», «文» – «письменный знак», «美» – «эстетика», «礼» – «ритуал», «人» – «гуманность», «孔» – «конфуцианство».

Сущность данных кодов раскрывает содержание основ китайской культуры, которое включает в себя следующие составляющие: «河» – «река» – это среднее течение бассейна реки Хуанхэ, место зарождения и формирования китайской цивилизации. Названия китайских провинций «河北省» – «провинция, севернее Реки», «河南省» – «провинция, южнее Реки», наряду с другими примерами, это свидетельствует о характере отношения китайцев к реке Хуанхэ, представляющей в их сознании основу для всего, что называется китайской цивилизацией. «黄» – «жёлтый» – это цвет речного песка реки Хуанхэ, ставшего символом императорской власти в Древнем Китае. «文» – «Письменный знак» – понятие, от которого происходит слово «культура» в китайском языке, так как культурным является только тот человек, чьё сознание трансформировалось посредством письменного знака. В Древнем Китае слово произнесённое считалось пустым, профанным, слово написанное приобретало сакральный характер. Благодаря наличию иероглифической письменности были записаны древние памятники китайской литературы: «诗经» – Книга песен, «书经» – Книга исторических преданий, «易经» – Книга перемен, являющиеся в сознании китайцев основанием китайской культуры. «美» – «эстетика» – это один из ключевых кодов китайской культуры, отражающий представления китайцев об их миропонимании внешнего мира. Гармония по-китайски – это созерцание природы на уровне ощущения, чувствования и, как следствие, её отражение в красоте внешних проявлений человеческой жизни. «礼» – «ритуал» – основа традиционной китайской культуры, содержание которого – уважение к внешней стороне жизни, правила, устанавливающие отношения между людьми как проявления духовной культуры. «人» – «гуманность» по-китайски – это не проявление доброты и терпимости, а разумное отношение к решению всех значимых территориальных, этнических, социальных и других вопросов. «孔» – «Конфуцианство» – это этическая норма для китайского общества, учение, вне которого не существует китайской культуры.

Грамматическая природа китайского языка, формируясь в результате речемыслительной деятельности человека, является способом отражения внешнего мира, границы которого есть код культуры китайской цивилизации.

Литература

Реформатский А. А. Введение в языкознание / под ред. В. А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 1998. 536 с.

Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Частеречный синтаксис и китайский язык // Сб. тез. III конф. по кит. языкознанию. М., 1986. С. 92–94.

Софронов М. В. Введение в китайский язык. М. : Муравей, 1996. 256 с.

УДК 811.581

В. В. Круглов

Центр педагогического мастерства, Москва

НАУЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА «МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ»

Аннотация. Рассматривается инновация в иноязычном образовании – «межкультурное лингвострановедение». Безусловно, чтобы говорить о новом лингводидактическом феномене – интегративной модели уже двух существующих подходов, необходимо вывести научные основания, которые были разделены на несколько групп: социальные, лингводидактические и культурологические, на которых и делается основной акцент в статье.

Ключевые слова: лингводидактика, межкультурный подход, межкультурное лингвострановедение.

V. Kruglov

Center of Pedagogical Proficiency, Moscow

SCIENTIFIC BASIS OF THE LINGUO-DIDACTIC PHENOMENON “INTERCULTURAL LINGUO-REGIONAL APPROACH”

Abstract. The article describes the innovation in foreign language education – «intercultural linguo-regional approach». Undoubtedly, it is necessary to introduce the scientific basis of the new pedagogical phenomena, which can be divided into several groups: social, linguo-didactic and cultural.

Keywords: linguodidactics, intercultural approach, intercultural linguo-regional approach.

В отечественной лингводидактике два подхода – лингвострановедческий и межкультурный – сосуществуют в относительной изоляции друг от друга. Будучи оба направленными на освоение фактов культуры, они тем не менее редко пересекаются, отсутствуют попытки их интеграции в практике преподавания иностранных языков в целом, китайского в частности. Назрела необходимость установки отношений взаимодействия этих двух методологически значимых подходов. Цель такого взаимодействия – достижение синергического эффекта и повышение уровня владения не столько знаниями в области иностранного языка, навыками их применения в различных речевых обстоятельствах, умениями решения коммуникативных задач, сколько лингвострановедческой информацией на пересечении двух стран и культур – родной и иной [Тарева,

2011, с. 239]. Интегративная модель двух уже существующих подходов выразилась в нашей работе в лингводидактическом феномене «межкультурное лингвострановедение».

В нынешнюю динамично меняющуюся эпоху, когда трансформация системы международных отношений проходит стремительными темпами, Россия, будучи крупнейшей евразийской державой, не может не оставаться не задействованной во всех глобальных процессах. Для сохранения статуса мировой державы своей страны и активного вовлечения во все сферы жизни мирового сообщества современный гражданин Российской Федерации должен уметь вести межкультурный диалог, учитывая при этом культурные и цивилизационные особенности каждого этноса, специфику той страны, с представителями которой выстраивается этот диалог. Соответственно, во всех нормативных документах, касающихся как средней, так и высшей ступени образования, зафиксированы требования к уровню владения иностранным языком, а именно какие навыки и умения должны быть сформированы в образовательном процессе. Все эти требования продиктованы социальным заказом государства. По словам министра просвещения РФ О. Ю. Васильевой, «с 2020 года иностранный язык станет обязательным экзаменом в пилотных регионах, а с 2022 года – во всех школах». С каждым годом благодаря различным образовательным проектам Министерства просвещения РФ (ранее – Министерства образования и науки РФ) идет активная популяризация изучения иностранного языка на всех ступенях образования. Например, с 2014 г. в перечень всероссийских олимпиад школьников были введены три новых иностранных языка – итальянский, испанский и китайский, а с 2019 г. официально введён ЕГЭ по китайскому языку. Данные нововведения продиктованы социальным заказом, который зависит от многих факторов: вектора развития внешней политики Российской Федерации, требований рынка труда, участия Российской Федерации в мировых экономических процессах, научно-технического прогресса.

Важным показателем является уровень человеческого капитала, по которому Россия занимает 26-е место в мире, опережая все страны БРИКС (Китай (64-е место), Бразилия (78-е место), ЮАР (92-е место) и Индия (100-е место)). Одним из важных факторов, влияющих на индекс человеческого капитала, является не что иное, как образование, составной частью которого неотъемлемо становится владение иностранным языком. По результатам проведенного компаративного анализа* уровня владения английским языком установлено, что Россию среди стран БРИКС обгоняет только Индия в силу объективных исторических причин. Среди особенностей владения иностранным языком в России ученые, проводившие данное исследование, отметили, что россияне доста-

* Индекс EF EPI.

точно хорошо знакомы с лингвокультурой Великобритании, однако презентовать родную страну им представляется сложным. Особую актуальность презентация приобретает ввиду проведения международных мероприятий на территории Российской Федерации, таких как чемпионат мира по футболу в 2018 г., Зимняя универсиада в Красноярске в 2019 г., чемпионат мира по профессиям WorldSkills в Казани в 2019 г. В первую очередь, российские граждане должны достойно представить свою страну: рассказать об особенностях культуры, традициях, историческом процессе – тем самым показать гостеприимство русского народа, а без владения этой информацией на иностранном языке это сделать достаточно сложно. Более того, для иностранца, плохо знакомого с российской действительностью, лингвокультурный обзор стоит проводить в сравнительном измерении с его собственной культурой, только тогда объективный образ России сформируется в его сознании. В дальнейшем это будет способствовать привлечению инвестиций в российскую экономику благодаря развитию туризма, усилению роли нашей страны на международной арене и продвижению «мягкой силы» государства. Таким образом, «межкультурное лингвострановедение» в социальном измерении может способствовать формированию умений и навыков владения иностранным языком, которые помогут обучающемуся участвовать в межкультурном диалоге, от успеха которого напрямую зависит множество социальных факторов.

Научным основанием для интегративной модели двух подходов (межкультурного и лингвострановедческого) можно считать лингводидактические параметры. В данном измерении «межкультурное лингвострановедение» оказывается на стыке разных дисциплин – педагогики, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики. И центральным понятием «межкультурного лингвострановедения» в призме лингводидактики становится «межкультурное общение», принципы которого эксплицитно и имплицитно указывают на необходимость синергии двух существующих подходов.

По определению Е. Ф. Тарасова, крупнейшего специалиста в области психолингвистики, межкультурное общение следует понимать как «общение носителей разных культур (и обычно разных языков)», при этом учёный делает особый акцент на культурном аспекте. Языковое «овнешнение» вторично, а процессы сознания стоят на первом месте: знания человека формируются сначала в виде образов сознания и представлений, а затем, ассоциируясь со словами (телами языковых знаков), используются говорящими для построения мыслей при кодировании и декодировании речевых сообщений. При межкультурном общении необходимо учитывать как специфику построения речевой цепи в соответствии с грамматическими, лексическими, стилистическими правилами конкретного языка, так и специфику образов сознания, отображающих предметы

конкретной национальной культуры. Главную роль в успешном межкультурном общении играет взаимопонимание на ментальном уровне, знание особенностей национального сознания коммуникантов.

Чтобы сформировать отчетливое представление о специфике национального сознания другого этноса, необходимо постигать инокультурную деятельность при помощи образов предметов и деятельностей своей культуры, потому что иного способа, как понять новое через старое, не существует. Итак, идея диалога культур реализуема только тогда, когда он протекает в сознании носителя конкретной культуры, «которому удалось постигнуть образы сознания носителей другой (чужой) культуры в ходе рефлексии над различиями квазиидентичных образов своей и чужой культур». [Тарасов, 1996, с. 9–11] При этом чрезвычайно важна лингвистическая составляющая, что и отличает «межкультурное лингвострановедение» от межкультурного подхода. Когда человек актуализирует различные страноведческие реалии своей родной страны на иностранном языке, он еще глубже начинает осознавать ранее не осознаваемые особенности и специфику своей национальной культуры, он ставит себя на место иностранца, который посредством своего родного языка постигает инородную культуру. Психолингвистический процесс человека проецируется в «системе координат» иной лингвокультуры и создает зеркальный образ своей страны. Таким образом, достичь взаимопонимания в процессе диалога культур становится гораздо легче.

Второй значимой интегративной матрицей, сближающей два подхода, становится языковое сознание. Как определяет крупнейший лингвист Б. А. Успенский, языковое сознание – это «рефлексия над языком и модусами его существования» [Лотман, 1973, с. 172]. Рассматривая языковое сознание в призме теории деятельности А. Н. Леонтьева, можно констатировать, что оно представляет собой образы сознания, овнешняемые языковыми знаками, практически большинство образов сознания имеют языковое овнешнение, которое сильно действует на образ мышления людей [Леонтьев, 1974, с. 50].

Интересным представляется следующий пример изучения межкультурного общения в Европе. Процессы экономической интеграции стран Западной Европы сыграли положительную роль в формировании принципов межкультурного общения как сплачивающего звена на Европейском континенте. Именно благодаря этим принципам удалось создать единое европейское сознание – некую общность представления о мире, присущую народам европейского культурного региона и выражающуюся в заметной схожести образов предметов, а также образцов общения и деятельности европейцев. Эта общность объясняется единством источников европейских национальных культур – античной культуры, римского права и христианства.

Безусловно, межкультурное общение становится качественно новой онтологией анализа сознания, исследования сознания, прежде всего языкового сознания, функционирующего в межкультурном общении. Оно обладает бесспорными преимуществами: сопоставление образов сознания дает возможность рефлексировать над неосознаваемыми знаниями в образе сознания своей культуры, которые не осознаются и не замечаются, на этой почве и было построено европейское единство.

Безусловно, описанные нами феномены межкультурного общения и языкового сознания легко проецируются на методику преподавания иностранных языков. В «межкультурном лингвострановедении» своя культура выступает в качестве средства познания чужой культуры, а также чужая культура – для познания своей, и это является неотъемлемой частью образовательного процесса. Стоит отметить, что чужая культура всегда «отклоняется от нормы». Норма в данном контексте понимается как реалии родной культуры. Таким образом, обучающийся подыскивает «эквивалентный» образ и знания в своей родной культуре, входящие в содержание чувственной и умственной части образа, затем переносит на предмет чужой культуры. Следовательно, новые знания при постижении чужой культуры формируются обучающимися только тогда, когда они побуждаются к этому необходимостью искать различия между образами своей и чужой культур на иностранном языке и выяснять суть этих различий, а это происходит в случае, когда познаваемый образ воспринимается как чужой, еще сохраняющий нечто непознанное.

Итак, важными научными обоснованиями для интеграции двух подходов – межкультурного и лингвострановедческого – в единое «межкультурное лингвострановедение» является налаживание эффективного межкультурного общения, которое представляет собой качественно новую и перспективную онтологию анализа языкового сознания и предлагающее пути решения многих вопросов в межнациональном аспекте. В то же время, процессы сознания также активно вовлечены в моделирование межкультурной компетенции, которая темпорально и имплицитно формируется в подсознании, а затем эксплицитно аккумулируется в процессе «диалога культур».

Среди культурологических научных оснований предлагаемого нами нового лингводидактического феномена можно выделить принципы компаративной культурологии, которая зарождается еще до нашей эры. В восточной традиции первой сравнительной работой по культурологии стал «Шань хай цзин» («Каталог гор и морей»), где были детально описаны культурно-исторические реалии соседних с Китаем земель и создания, которые там обитали. В повествовании постоянно шло сравнение жителей Поднебесной и варваров, обитающих на вассальных Китаю территориях. Интересно, что в данном трактате часто указываются лингвокультурные различия собственно китайцев и их соседей, т. е. с

помощью языковых средств также проводился компаративный анализ, что, собственно, принципиально для рассматриваемого нами явления – «межкультурного лингвострановедения». В западной традиции первыми классическими трудами, где бы описывались другие культуры и их представители, стали «Иллиада» и «Одиссея» Гомера. В них также дается компаративный анализ образа Древней Греции через призму ее героев (Одиссей, Пенелопа, Агамемнон и т. д.) и соседних земель, описываются события Троянской войны. Однако лингвокультурная составляющая представлена крайне мало, лишь в некоторых местах Гомер приводит примеры из «вражеских» языков. Таким образом, принцип лингвокультурной компаративистики, положенный нами в основу «межкультурного лингвострановедения», сформировался еще в доосевую эпоху и активно развивался как минимум на протяжении трех тысяч лет (рис.).

Рис. Научные основания интегративной модели «межкультурное лингвострановедение»

Итак, необходимо внедрять в образовательную практику «межкультурное лингвострановедение», с помощью которого обучающийся сможет принимать активное участие в «диалоге культур». Более того, научными основаниями для интегративной модели уже двух существующих подходов – межкультурного и лингвострановедческого, выражающейся в новом лингводидактическом феномене «межкультурное лингвострановедение», служат социально значимые, психолингвистические, педагогические и культурологические факторы, этот лингводидактический феномен объединяет в себе лучшие идеи предшествующих подходов и развивает современные лингводидактические тенденции – межкультурность и многоязычие. Российская лингводидактическая школа, являясь флагманом мирового масштаба, очень восприимчива к передовым идеям, а «межкультурное лингвострановедение» является той необходимой

реалией, требующей тщательного изучения и апробирования. Учет особенностей этого феномена позволяет модернизировать и улучшать образовательный процесс в целом.

Литература

Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. 368 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Учен. зап. Тартус. ун-та. Т.С.З. Тарту : Тартус. ун-т. 1973. Т. 6. С. 282–303.

Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н. В. Уфимцевой. М. : Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 7–22.

Тарева Е. Г. Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов // Проблемы теории, практики и дидактики перевода : сб. науч. тр. Сер. Язык. Культура. Коммуникация. Нижний Новгород : НГЛУ. 2011. Вып. 14. Т. 1. С. 237–244.

УДК 002.5

О. В. Кузнецова, Н. С. Карачева

Иркутский государственный университет, Иркутск

У. АЙЗАРД И ЗАРОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ РЕГИОНОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ*

Аннотация. Анализируется ранний период деятельности американского ученого У. Айзарда, выделяются теории, оказавшие влияние на становление его научных интересов, а также изучаются предпосылки появления американской регионоведческой школы и вклад Айзарда.

Ключевые слова: Айзард, трансдисциплинарная регионология, регион, региональные исследования, экономика, региональная наука.

O. Kuznetsova, N. Karacheva

Irkutsk State University, Irkutsk

W. ISARD AND FOUNDATION OF AMERICAN REGIONAL SCIENCE

Abstract. The article is devoted to the analysis of W. Isard first steps in regional science. The authors sum up basic theories that influenced the formation of his scientific approach. The factors that led to the emergence of American regional science and Isard's contribution to it are studied.

Keywords: Isard; transdisciplinary regionology; region; regional studies; economics; regional science.

В условиях глобализации и многополярного мира, постоянно расширяющегося спектра внешних контактов и сохраняющегося большого количества глобальных региональных конфликтов изучение проблем ре-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

гионального развития с целью создания интегративной комплексной системы регионоведческих знаний и методологической базы исследования представляется крайне актуальным.

Целью статьи является анализ роли выдающегося американского экономиста и географа, автора более 300 статей и 20 книг, Уолтера Айзарда в зарождении американской регионоведческой школы, оказавшей впоследствии решающее влияние на становление и развитие науки о регионах как в России, так и во всем мире.

У. Айзард родился в Филадельфии 19 апреля 1919 г. Осенью 1939 г., в возрасте 20 лет закончив с отличием бакалавриат в Филадельфийском университете, Айзард поступил на экономический факультет в Гарвардский университет. Во время обучения большое воздействие на него оказали идеи американских экономистов Элвина Х. Хансена и П. Эббота Ашера. Можно предположить, что именно под влиянием «американского Кейнса» Э. Хансена Айзард стал в дальнейшем последователем кейнсианского направления в экономической науке. В Гарварде Айзард впервые серьёзно заинтересовался теорией размещения производства – экономико-географической дисциплиной, крайне популярной в те годы в США.

В 1941 году, не окончив обучение в Гарварде, ученый перевелся в Чикагский университет, где учился у профессоров-экономистов Фрэнка Х. Найта и Оскара Ланге, которые привили ему интерес к изучению математики, и Джейкоба Вайнера, чей курс экономической теории оказался также важным для его будущих исследований. В следующем году Айзард начал сотрудничество с Национальным советом по планированию ресурсов в Вашингтоне, округ Колумбия, где он познакомился с Робертом Б. Митчеллом и Г. Холмсом Перкинсом, позже поспособствовавшим его переводу в Университет Пенсильвании.

После завершения докторской диссертации по развитию сотрудничества в области строительства, в связи с началом Второй мировой войны, Айзард был назначен на гражданскую государственную службу, так как отказался участвовать в военных действиях по соображениям совести. В ночные часы, будучи санитаром в государственной больнице, он переводил на английский язык труды немецких теоретиков, которые были еще неизвестны англоязычным экономистам, А. Лёша и других ученых. Кроме того, он подробно проанализировал расходы на атомную энергию, задаваясь вопросом, будет ли атомная энергия когда-либо экономически выгодным источником электроэнергии из-за высоких инвестиционных затрат на нее.

Как пишет сам Айзард в своей работе «История региональной науки и международная ассоциация региональной науки», можно выделить по крайней мере три ключевых фактора, сыгравших важную роль в развитии региональной науки и образовании Международной ассоциации региональной науки: 1) положение дел в США в то время, когда ре-

гиональная наука начала развиваться; 2) события и процессы в мире, которые привели к становлению и развитию предпринимательской деятельности; 3) наличие необходимых ресурсов и потенциала для развития науки [Isard, 2003, p. 1].

По его словам, положение дел в стране после Второй мировой войны охарактеризовалось внезапным повышением интереса к региональным исследованиям. В Америке, как и во многих других частях мира, множество региональных проблем проявились или обострились из-за войны. Повсюду были разрушения и хаос. В это время городское планирование, которое до войны широко не признавалось, стало набирать популярность. Однако до сих пор не существовало площадки для комплексного обсуждения городских и региональных проблем. Вплоть до второй половины шестидесятых годов некоторые фундаментальные дисциплины не принимали всерьез подобные проблемы. На поле экономических исследований просто не существовало понятий городской или региональной экономики [Ibid].

Значительным достижением стало то, что усилиями социологов Ховарда Т. Одума и Руперта Ванса в Университете Северной Каролины стала широко изучаться региональная социология, однако, не получив должного развития, новая научная область начала угасать. Географические исследования также не соответствовали требованиям времени – напрямую они были связаны только с картографией, сбором данных и их примитивной обработкой [Isard, 2003, p. 1].

Стоит отметить, что процессы восстановления стран в послевоенные годы непосредственно были сопряжены со становлением и развитием предпринимательской деятельности. Изменения, произошедшие на мировой арене, также обусловили необходимость разработки новой научной области, которая концентрировалась бы на региональных проблемах. По мнению Айзарда, важнейшими предпосылками усиления интереса к изучению регионов в США стали:

1) снижение авторитета и влияния Британии (к 1939 г. британцы настолько отступили в своих позициях, что Оксфорд потерял ведущее положение в экономике, уступив лидерство Гарварду);

2) усиление могущества Гитлера, распространение его взглядов о превосходстве арийской расы, что явилось «погребальным звоном» для развития экономической науки в Германии;

3) внедрение и широкое использование математических методов в экономике;

4) кейнсианская революция, которая началась с книги Мейнарда Кейнси «Общая теория занятости, процента и денег» [Ibid, p. 3].

Совокупность всех этих факторов обусловила острую необходимость проведения городских и региональных исследований, для которых ни одна из существующих тогда научных областей не могла предложить методологическую базу.

В 1943–1944 гг. Уолтер Айзард, занимаясь исследованиями в рамках стипендиальной программы, пришел к выводу, что географическое положение и транспортные сети непосредственно связаны между собой, а анализ местоположения и анализ размещения транспортных сетей взаимно дополняют друг друга. Впоследствии этот вывод лег в основу региональных исследований. Научные дискуссии с Робертом Б. Митчеллом и Дж. Холмсом Перкинсом, основоположниками «золотого века» городского планирования в Университете Пенсильвании, продемонстрировали пересечения интересов и возможности для взаимовыгодного сопряжения сфер размещения транспортных сетей в зависимости от расположения регионов и городского и регионального планирования. В дальнейших исследованиях Айзард продолжил интегрировать новые технологии размещения транспортных сетей (в частности, в области авиации) и теорию размещения производства и городского развития [Ibid].

В 1945 г. Айзард вернулся в Гарвард, где начал работать преподавателем на полставки. В Гарварде он познакомился с американским экономистом российского происхождения, создателем теории межотраслевого анализа В. В. Леонтьевым. Впоследствии именно Леонтьев предложил свою помощь в разработке сбалансированной региональной модели, что привело к назначению Айзарда научным сотрудником в Гарварде в 1949–1953 гг. После назначения Айзард начал настаивать на преподавании курса на экономическом факультете, результатом стало включение курса по теории местоположения и региональному развитию в гарвардскую учебную программу по экономике. Как отмечает Д. Бойс, этот курс был освоен многими аспирантами, которые впоследствии внесли свой вклад в региональную науку [Bouse, 2004].

В 1946 г. американский ученый продолжил исследования в области размещения производства в Гарварде. Металлургическая промышленность все еще оказывала внушительное влияние на экономику страны, поэтому работы Айзарда о принципах размещения металлургических производств были приняты с большим интересом. Промышленники и бизнес-лидеры снова подтвердили ценность регионального анализа. В послевоенные годы также возникла острая необходимость наряду с преподаванием чисто теоретических знаний давать студентам возможность овладеть и практическими навыками, которые помогли бы в дальнейшем устроиться на работу. Следовательно, курс по теории размещения производства отвечал нуждам и студентов, и страны в целом.

Таким образом, к 1949 г. предприниматели, овладевшие знаниями в теории размещения производства, в академическом сообществе обрели статус *locational theorist / analyst*. Однако, поскольку региональная наука Айзарда формировалась на стыке нескольких дисциплин (экономика, география, городское планирование, политология, социология сельских районов и др.), для обсуждения проблем и развития науки требовалась дис-

куссионная площадка, роль которой в настоящее время выполняет Американская ассоциация региональной науки (Regional Science Association).

Следует отметить, что в рамках исторического времени и в сравнении с фундаментальными науками *regional science* можно считать молодой областью. Международный статус организации и вовлеченность специалистов со всего мира породили проблемы лингвистического характера, с которыми столкнулся и Айзард даже в рамках одного языка. Наибольшую трудность представляет термин *regional science* [Карачева, 2018, с. 20]. К примеру, Нильс Хансен говорит о существовании тринадцати определений этого термина только в английском языке. Сам Уолтер Айзард говорил, что «из разнообразия определений понятно, что ни одно из них не может считаться наиболее полным или самым правильным. Каждый исследователь и студент столкнется с необходимостью дать или синтезировать свое собственное определение после прочтения многих научных работ». Айзард придерживался утверждения о том, что «региональная наука как дисциплина с осторожностью и терпением относится к изучению социальных проблем в региональном или пространственном измерении, используя различные комбинации аналитических и эмпирических исследований». Другими словами, региональная наука – это то, как ученые решают проблемы, имеющие пространственное измерение.

Ошибочно полагать, что, создавая Ассоциацию региональной науки, Айзард не сталкивался с трудностями. Ученый неоднократно пытался организовать различные встречи ученых по обсуждению проблем регионального анализа. Так, в 1948–1950 гг. он обращался к президентам Американской экономической ассоциации с предложением провести секцию по вопросам регионального анализа и развития, позднее сам он называл эти попытки «безуспешными» [Isard, 2003, p. 11].

Представляется необходимым упомянуть, что на формирование научных взглядов Айзарда также оказала влияние немецкая школа пространственного анализа, постулирующая географическое положение основным фактором экономического развития. Он начал разрабатывать междисциплинарный подход (стык положений географии и экономики) к явлениям региональных экономик. Айзард инициировал встречи ведущих экономистов, географов, социологов и демографов и призывал их пересекать дисциплинарные границы и применять аналитические методы для развития городской, региональной и экологической политик. Так, ему удалось привлечь внимание американского экономиста Д. Спенглера к работам немецкой школы. Однако доминировать в экономической географии новая концепция стала только после выхода в 1956 и 1960 гг. первых работ Уолтера Айзарда, представлявших новую методологию географического исследования, основанную на математическом моделировании размещения населения, промышленности, формирования сбытовых зон и транспортных сетей. Целью географии Айзард провозгласил

анализ территориального распространения социально-экономических явлений для выявления законов их развития.

29 декабря 1950 г. в рамках заседаний Американской экономической ассоциации проходит не спонсируемая ассоциацией неофициальная встреча по вопросам региональной экономики, на которой присутствуют в том числе и специалисты из ведущих университетов США. Встреча, на которой Айзард выступает председателем, оказалась чрезвычайно успешной. В качестве целей заседания в протоколе зафиксированы следующие: 1) обмен идеями по вопросу о том, какие исследования в области региона необходимо проводить; 2) обсуждение предложения о создании комитета по региональным экономическим исследованиям. Результатом встречи стала договоренность ежегодно проводить конференцию исследователей региональных проблем, кроме того, было решено ежегодно в ходе заседаний Американской экономической ассоциации планировать по крайней мере одну закрытую встречу, посвященную региональным проблемам [Isard, 2003, p. 14].

Таким образом, мы считаем возможным считать именно неофициальное заседание 1950 г. заключительной вехой в зарождении американской регионоведческой школы. В дальнейшем У. Айзард продолжил свою активную деятельность по формированию данного научного направления. Так, в 1956 г. Айзард публикует *Location and Space Economy*. Эта работа становится первым шагом к общей теории равновесия, описанной им в книге «Общая теория» 1969 г. В 1960 г. выходит книга «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах», определившая дальнейший ход исследований в этой области на ближайшее десятилетие. Работа была переведена на русский, японский, испанский, французский и другие языки. Она, по сути, является презентацией и интеграцией методологии Айзарда, призванной дополнить теоретическую базу в области экономики размещения, заявленную в предыдущей работе. Из всех работ ученого именно эта оказала наибольшее влияние на формировании границ региональной науки, анализ ее эмпирических исследований и определение новых теоретических направлений в 1960-х гг. [Chatterji].

Литература

Карачева Н. С., Кузнецова О. В. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур [Электронный ресурс] : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (26 апр. 2018 г., г. Иркутск). Киров : Изд-во МЦИТО, 2018. С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35021776>.

D. Boyce A Short History of the Field of Regional Science [Electronic resource] // Review Economic Design. URL: <https://www.researchgate.net/publication/23805327> (24.03.2019).

M. Chatterji Walter Isard and the Role of Regional Science and Peace Science for the Poor Countries [Electronic resource] // International Regional Science Review. URL: https://www.researchgate.net/publication/274331215_Walter_Isard_and_the_Role_of_Regional_Science_and_Peace_Science_for_the_Poor_Countries (24.03.2019).

W. Isard History of Regional Science and the Regional Science Association International . The Beginnings and Early History. Berlin: Springer, 2003.

教学评估最新发展趋势

摘要。近 20 年来对外汉语教学的历史演变经历了起源、萌芽、发展三个阶段。最新发展趋势提出了知识与技能、过程与方法、情感与态度三维价值观的目标。

根据最新发展趋势，教学评估要求被评估主体的多元化、个性化。针对单一的他评形式的不足，让被评估对象也称为评估活动的主体，并对其自身进行评估，认识自己的成败得失，进而对自己的行为进行调整，变外部的被动刺激为自身内部的主要发展。

关键词：推动，发展趋势，教学因素。

O. Kumyalova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE LATEST DEVELOPMENT TRENDS OF TEACHING ASSESSMENT

Abstract. The latest trends in teaching Chinese as a foreign language set out the goals of three-dimensional values: knowledge and skills, processes and methods, emotions and attitudes.

According to the latest development trend, the teaching assessment requires diversity and individuation of the subject of evaluations. The subject of the evaluation activity evaluates itself, recognizes the success or failure of oneself, and then adjusts its own behavior, and changes the external passive stimulation into their own internal is the main part of assessment development.

Keywords: motivation, trend of development, factors of teaching.

近 20 年来，对外汉语教学测试与评估研究发展较快。从它的历史演变来看，经历了起源-萌芽-发展三个不同的阶段。关注的范围和层次也经历了从单一进行期中、期末考试到开发多种测试，从只关注成绩测试到关注汉语教学多元评估的过程。回顾它的历史演化过程，将有助于深入了解汉语教学测试与评估的现状与不足，更好地推动汉语教学测试与评估研究的发展，更好地服务于汉语教学。从历史演化过程来看，汉语教学评估研究源于早期的汉语测试研究。二者关系虽然很密切，但又有所不同。“评估”是综合性活动，需要经历若干阶段和步骤，而“测试”却是单一性活动，作为一种测量工具，它只是“评估”的某一阶段中的某一步骤。“评估”的方式也是多种多样的，而“测试”只是其中的一种方式。需要指出的是，目前发生了很多不同的教学评估趋势。

最新发展趋势提出了知识与技能、过程与方法、情感与态度三维价值观的目标。具体说就是，学生掌握知识与技能的程度，在教学过程中采用了何种教法，引导学生掌握了哪些学法，学生在学习过程中获得了哪些良好的学习体验，是否激发了学习兴趣，树立了学习信心，这些都是考察教学质量的重要方面。

最近十年之内产生了许多评估趋势，但是以下 6 个是最基本的。

第一个趋势是对真实性的重视。这是最流行的趋势。真实性评估旨在评价学生在真实世界情境中的能力，或者说是学生把自己所习得的技能运用到真实任务和项目中的能力。真实性评估不鼓励机械学习和被动地考试，相反，它关注的是学生的分析能力、综合运用所学知识的能力、创造性、协同工作的能力，以及书面和口头表达技能。与传统评估重结果不同，真实性评估把学习过程与学习结果看成一样重要。

在真实性评估中，学生从事的任务包括：进行科学实验，从事社会科学的研究，撰写故事和报告，阅读和解释文献，解答应用于现实生活的数学问题等等。

真实性评估通常以学生的行为表现样例为依据。所谓行为表现样例，是指鼓励学生运用高级思维技能的学习活动。相应地，真实性评估重点关注五个方面的信息来源：

1. 行为表现评估

行为表现评估检测的是学生在各种真实情境中运用技能的能力。这通常需要学生协同工作，运用所学的知识技能解答复杂的问题。学生的任务可以长短不一，如下列活动：书写、修改并向全班提交一份报告；进行为期一周的科学实验，并分析实验结果；组建一个小团队，一起工作，准备参加班级辩论赛。

2. 小调查

大多数小调查可以起始于一个刺激材料，如数学问题、政治卡通画、地图或者文章摘录等。教师可以要求学生对他们所看到的事物、现象、事件做出解释、描述、计算、阐述或预测。伴随这些小调查所产生的问题可以是多元的、开放的，学生的回答形式也可以是丰富多样的。但是无论学生回答的结果如何，都能很好地反应出他对现实世界的关注，和对一些实际问题的解决能力。

3. 答案开放的问题

答案开放的问题，与小调查一样，可以激发学生做出各种思考，反映出他们的高级思维技能。学生对这类问题的回答形式可以是多样的，如：简短的书面或口头回答；数学解答方案；绘画作品；示意图、表格、图表。教师对学生的各种回答，都应给予充分的关注，因为这些回答都是评估其学习的有用依据。

4. 学习档案

学习档案记录了学生在一段时间内的学习情况，它能很好地反映出学生的进步，也有助于学生据此进行自我评估和修正。学习档案应该包括：日志与反思性的作品；同学的评论；艺术作品、示意图、图表等；小组报告；学生的笔记和提纲；粗略的手稿和精炼的作文。

5. 自我评估

自我评价要求学生评价自己的参与程度、学习过程和学习结果。评价性的问题通常是自我评估的基本工具。例如，学生可以对如下问题作出口头或书面回答：该项目对你来说最难的部分是什么？你认为自己下一步该做什么？如果让你重做这项任务，你会采取哪些不同的做法？从该项目中你学到了什么？

鉴于真实性评估强调学习过程和实际的行为表现，它有助于学生进行批判性的思维，掌握真实技能，体验到学习带来的愉悦之情，所以教师们应在自己的课堂上多加尝试和应用。

第二个趋势就是“替代评估”。替代评估包括真实性评估，绩效评估，投资组合，展览和其他形式的评估要求，而不是孤立的事实陈述。

用这些替代评估的形式从事有意义的学习，要求学生高层次思考技能，如概念的形成，分析和解决问题。这种评估更好地代表严格的学术标准和先进的知识与技能，学生将得到成功的和富有成效的结果。研究表明，对大多数学生来说，替代评估方法比传统的好多了。

第三个趋势是对知识与技能是评估的不可分割的部分的认可。相反，它是将必要的评估程序与知识和技能一起使用。而不是以一个单一的正确答案为重点，新形式评估依赖于信息，定性与定量，正式和非正式多种来源。

根据下一个趋势，教学评估按照其方法可以分为定量评估与定性评估两种类型。随着中国教育事业的不断发展，教学评估也从以往外延性评估转向了注重内涵性评估，由评估学校环境条件转向促进教师和学生不断发展，可见，教学评估的重心已转移到教育质量上了。

定性评估侧重于事物的本质方面，在面对教育工作纷繁复杂的问题时，定性评估能够抓住事物的本质。但是，定性评估在很大程度上依靠人们的知识和经验，没有固定的操作方案，很容易受到主观因素的影响。所以，在当代的教学评估活动中，定性评估与定量评估日趋结合，已成为一种趋势，并得到了广泛的应用。

另一个重要的趋势是学生参与设计任务和评分标准，以应用在学生自我评价和评估他人的工作中的所有方面。对学生的评估要求来说，学习和评估类型是最受影响的教育的因素。发展一些对于学生的评估往往意味着加强学习。参与评估的学生可以采取自我与同行的非传统的形式多样的评估方法。因此，教师可以大大有助于解决这样的问题，它是由学生自己挖掘的资源，他们带来的学习环境和丰富的快速反馈给学生解决问题提供了一些方法。

这所涉及的各方面评估学生的过程是有助于学生的，因为它有利于学生的学习动机和信心。从长远来看，作为积极的参与者自信地评价学生学习的其他学生的表现自己的能力。

第五个趋势是形成性评价。形成性评价获得越来越多的欢迎，因为它有助于学生指导的学习过程。通过接受他们不断反馈的进步，学生能够更好地比较有针对性的性能的实际表现，并作出相应的调整。在替代评估方法多使用形成性评价的途径之一是说服学生，评估是说明自己的长处，弱点和进步，除了评估成果的水平和他们的目的，还对他们的学习和指导目标。

它并不意味着一个教师多年来一直做的是不恰当的或应该一定是完全替代的。相反，现在需要的是一种平衡的方式进行考核，其中适当的策略和技术，网站管理和可靠的方法用于对教师和学生的决策，改进教学，提高学习效果。

总之，随着教育改革的深入与教学水平的提高，教学评估内容越来越专业化，其指导建议功能不断突出，在不同阶段、不同领域的教学评估已需要由专业人员来实施，由他们提出具体的、合乎学科发展的专业指导建议。这就要求对原有参与教学评估活动的成员进行调整，使更多的业内同行专家进入到教学评估队伍中，深入到教学活动的第一线，参与到教学、教研活动中，对教师的整个教学过程进行指导，从而使教学质量得以保证。

根据最新发展趋势，教学评估要求被评估主体的多元化、个性化。针对单一的他评形式的不足，让被评估对象也成为评估活动的主体，并对其自身进行评估，认识自己的成败得失，进而对自己的行为进行调整，变外部的被动刺激为自身内部的主动发展。这样既尊重了被评估对象的主体地位，又体现了“以人为本”的思想，并且调动了被评对象参与教学评估活动的积极性和主动性，提高了评估活动的效度。

参考文献

形成性评估在我国外语教学中的应用与研究，王红艳著。大连：辽宁师范大学出版社，2010。

语言测试理论及汉语测试研究，张凯主编。北京：商务出版社，2006。

对外汉语教育学引论，刘珣著。北京：北京语言大学出版社，2000。

语言测试和它的方法，刘润清著。北京：外语教学与研究出版社，1991。

ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НАУЧНОМУ ИЗУЧЕНИЮ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. При научном осмыслении любого языка огромную роль играет системность, основанная на принадлежности к той или иной парадигме, равно как и формирование или дополнение парадигмы данными конкретного языка. По отношению к предикационной концепции языка (которую можно охарактеризовать как динамически структурную, в отличие от классического структурализма) «исходную роль» играет осмысление фактов нефлективных языков, в частности китайского как изолирующего и топикового. В статье описываются основные типологические структурные характеристики китайского языка, в основном упущенные в классических исследованиях советского и постсоветского периода: топиковый характер, отличная от «флективной» ценность уровней языка, позиционность морфологических категорий.

Ключевые слова: предикационная концепция, динамический структурализм, выдвигание топика, уровни языка, позиционная морфология.

V. Kurdyumov

Moscow City University, Moscow

DYNAMIC APPROACH TO EXPLORING CHINESE

Abstract. In the exploration of any language, a systemic role based on belonging to one or another paradigm plays an enormous role – as well as the formation or addition of a paradigm by the data of that language. In relation to the predication concept of a language (which can be characterized as dynamically structural – as opposed to classical structuralism) – the “initial role” is played by understanding the facts of non-inflective languages, in particular, Chinese as isolating and topic-prominent. The article describes the main typological structural characteristics of the Chinese language, mainly omitted in the classical studies of the Soviet / post-Soviet period: the topic prominence, the language levels with the values different from the «inflectional», the positionality of the morphological categories.

Keywords: predication concept; dynamic structuralism; promotion of the topic; language levels; positional morphology.

Огромную роль при осмыслении и изложении фактов языка, их интерпретации в научных целях или целях прикладного описания играет следование определенной научной парадигме, что его обеспечивает системность, последовательность, завершенность. В то же время не менее важную роль играет то, что лингвистическая парадигма может формироваться и дополняться на основе конкретного языкового материала (как, собственно, и случилось с «общим» языкознанием, целиком построенном на греко-латинском материале).

Китайский язык лег в основу создания предикационной концепции языка, изложенной нами и нашими последователями в ряде трудов [Курдюмов, 1999; Курдюмов, 2005; Гнилорыбов, 2005; Коцик, 2019; Яковлев, 2002]. Китайский язык, типологически отличный от европейских языков, постоянно требовал не только уточнения традиционных

требований и понятий, но и пересмотра базиса языкознания. В России (и СССР) традиционно базисной теорией являлись представления, близкие к сосюрианскому структурализму [Соссюр, 1933; Соссюр, 1990], несколько «усовершенствованные» в учебниках советского периода. В целом подобный подход по отношению к китайскому языку мог себя оправдывать для каких-то относительно примитивных описаний (школьные учебники, грамматики В. И. Горелова [1982; 1989]), но при серьезных научных описаниях постоянно давал сбой.

С нашей точки зрения, более чем столетняя история осмысления китайского языка в России – непрекращающаяся череда попыток уподобить этот язык типичным европейским и найти в нем все привычные «поверхностные» категории: слова, части речи, члены предложения. Отсюда и серия достаточно противоречивых трудов «постмарристовского» периода в отечественном языкознании: Н. Н. Короткова [1968], В. И. Горелова [1982; 1989], В. М. и Н. В. Солнцевых [1985; 1995] и др., где главной парадигмальной направленностью было доказательство «непримитивности» китайского языка, т. е. отсутствия необходимости выводить изолирующий характер из примитивности / доисторичности общественного уклада.

В западных источниках такого противоречия не наблюдается: во-первых, в силу их доминирующей эмпиричности, во-вторых, господства генеративной теории, которая требует структурного разложения, но обходит стороной онтологические проблемы. Ярким примером таких работ являются труды современного китайского/гонконгского исследователя профессора Ши Динсюя [Shi Dingxu, 1989; Shi Dingxu, 1998].

С нашей точки зрения, китайский язык позволяет гораздо глубже взглянуть на проблемы онтологии языка. Именно благодаря ему можно строить методiku динамического анализа, предполагая, что каждый из этапов порождения-восприятия (а также уровней языка) может быть описан как представленный типичными единицами (а не только этапами и операциями, как принято в отечественной психолингвистике). Собственно, у генеративистов в традиции, идущей от Н. Хомского, речь также идет о структурном представлении, но при этом единственная поверхностная структура противопоставляется единственной глубинной. В рамках предикационной концепции мы говорим о множественности структур «вскрытия» поверхностного представления, о языке как процессе, бесконечной совокупности предикационных цепей, т. е. (процессов) порождения и восприятия. Такой подход исключает сосюрианскую дихотомичность: язык не противопоставляется речи, речь становится (достаточно частными) этапами языка, необходимость искать грань между языком и речью, языком и мышлением снимается. Если говорить о структурно представимом процессе, то предикационная концепция оказывается воплощением парадигмы динамического структурализма как

описания бесконечного движения языка от одного структурного этапа («по горизонтали») и уровня («по вертикали») к следующему.

Основой создания подобного описания послужили исследования китайского языка, в частности труды американских ученых Чжао Юаньжэня [Chao, 1968], Чарльза Ли и Сандры Томпсон [Li, 1981; Ли, 1982], предложивших понятия топика и комментария (далее Т-К; *англ. Topic & Comment*).

В своей «Грамматике китайского языка» Чжао Юаньжэнь [Chao, 1968] выдвинул революционную идею о том, что подлежащее и сказуемое в китайском языке не воплощают «европейскую» модель «действие – действие» (*Книга лежит на столе; Время идет быстро; He was a teacher*). Такие подлежащее и сказуемое он назвал топиком и комментарием. Ли и Томпсон в известной статье 1976 г. [Ли, 1982] и грамматике 1981 г. [Li, 1981] описали основные критерии выделения топика и комментария (выделенность, тематичность, формирование кореферентных связей) и противопоставили эти категории подлежащему и сказуемому в целом. Они предложили выделить четыре типа языка, открыв до настоящего времени не исследованную область: возможное соответствие четырех типов Гумбольдта – Шлейхера типам языка по критерию выдвижения топика и/или подлежащего. При этом Ли – Томпсон выдвинули гипотезу о смене типов языка в диахронии, реальность которой сложно и доказать и отследить, но именно эти авторы в значительной степени открыли пути к динамическому осмыслению языка.

Советские труды по лингвистике текста и психолингвистике [Ахутина, 1989; Леонтьев, 1997] показали, что Т-К-структуры являются инициальными при порождении речи и могут быть финальными в от-вербальном представлении результатов восприятия.

Таким образом, весь процесс порождения-восприятия может быть представлен как постоянное преобразование Т-К-структур как «по горизонтали» (переформирование с учетом прагматики, стилистики, когезии), так и «по вертикали» уровней (развертывание в предложения и СФЕ*, свертывание до словосочетаний, лексем, междометий и пр.).

Наши дальнейшие исследования [Курдюмов, 1999; Курдюмов, 2005] показали, что в принципе любая категория языка представима как трансформация Т-К-структур: это верно и для синтаксиса, и для морфологии, и для лингвистики текста, как и для остальных областей. Язык воплощается как постоянный поток бинарных Т-К-структур, претерпевающих бесконечные изоморфные преобразования. Таким образом, анализ китайского языкового материала лег в основу создания новой парадигмальной концепции.

* Сверхфразовое единство.

Исходя из такого понимания, может быть преобразовано и представление об уровнях языка. До настоящего времени лингвисты предпочитают говорить о традиционных уровнях, выделенных еще Соссюром (фонема – морфема – слово), с добавлением синтаксического. С огромным трудом утвердившееся в 1960–1970 гг. представление о тексте как уровне языка в настоящее время фактически забыто; дискурс, так широко обсуждаемый и исследуемый, мало кто относит к уровням языка. Между тем топик и комментарий позволяют построить стройную систему координат, где по горизонтали будут представлены этапы порождения – восприятия, а по вертикали – уровни. Нулевой единицей при этом станет монопредикативное нераспространенное предложение как итог порождения первичной коммуникативно автономной единицы, все остальные уровни станут свертыванием и развертыванием такого нуля – базовой Т-К-структуры. Количество уровней /подуровней не ограничено, но принципиальными являются: свертки («вниз») – словосочетание, лексема, морфема, фонема; развертки («вверх») – СФЕ, текст, дискурс, речь, язык, отрицание языка. Бесконечное число подуровней включает, к примеру, идиомы и аббревиатуры – между лексемой и предложением; распространенное, сложносочиненное и сложноподчиненное предложение – между «нулевым» предложением и СФЕ.

В такой системе уровней каждый из них получает адекватное описание и определение, решается проблема якобы монологичности фонемы: в диахронии она соотносима с междометием как поверхностно предикативно нерасчлененным высказыванием и, таким образом, становится билатеральной – в диахронии. Дискурсы представляют собой область бесконечных единиц, в отличие от уровней ниже, которые конечны.

Если говорить об определениях, то текст – не что иное, как целостное личное послание, дискурс – бесконечное порождение текстов с общим топиком, лексема – самостоятельная, но коммуникативно неавтономная синтаксическая единица (безусловно, производная от коммуникативно автономного смысла – в диахронии).

Факты китайского языка позволяют выделить сильные и слабые уровни, которые могут быть диаметрально противоположными в языках разной типологии.

Сильными являются уровни, выделяемые в национальном сознании, те, на которых концентрируется внимание носителей языка, слабыми – наоборот. Именно поэтому можно говорить, что в русском языке есть слово, но в изолирующих языках типа китайского – его нет, и все дискуссии, что является, а что не является словом, бессмысленны. Лексический уровень в китайском языке – слабый и представлен размытыми, легко соединяющимися в целое и легко разъединяющимися единицами. При этом морфема, соответствующая слогу и иероглифу, имеющая четкую фонетическую формулу (1-2-3-4), для китайца – сильная единица,

воплощение иероглифа, фактического божества китайского языкового сознания. В китайском языке сильными единицами не являются ни фонема (которая достаточно произвольна по артикуляции в сильно фиксированном слоге), ни предложение, четко разделенное на топик и комментарий. Но слог, словосочетание-синтагма, СФЕ являются сильными. В русском языке сильными единицами не являются морфема, словосочетание, при этом фонема и предложение – наоборот.

Такое типологически обусловленное противопоставление уровней играет огромную роль при научном (и неизбежно – для русского – контрастивном) описании китайского языка.

Следующим воплощением трансформации Т-К-структур является система частей речи. В диахронии части речи неизбежно формировались как производные частей высказывания – синтаксических категорий. Система частей речи позиционна в диахронии (первичные междометия разделились на Т-К, затем сформировались второстепенные позиции определения, дополнения и пр.) – в общем плане и в синхронии – для китайского языка.

В принципе любая лексическая единица может выступать в функции любой части речи, однако узус современного разговорного языка ограничивает частеречные колебания диапазоном из 2-5 позиций. К примеру, в серии сочетаний: 來自中國、中國人民、他很中國、他中國了, где третий пример относительно узуален, а четвертый – понятен, почти не-узуален для нормы и сильно стилистически окрашен, очевидно, что лексическая единица 中國, чаще всего переводимая как «Китай» (если не разлагать в диахронии до «Серединно-империи»), принимает следующие частеречные значения: *Китай* (существительное), *китайский* (относительная форма существительного – относительное прилагательное), *китайский* (качественное прилагательное), *окитаиться* (глагол). Подобные цепочки являются типичными, и мы может говорить не о «европейских» («традиционных») частях речи, а о морфологических позициях, универсальных для всех языков (и бесконечных по числу и нюансам) и коррелирующих с позициями синтаксическими.

Таким образом, в китайском языке нет традиционных частей речи, а существуют: конкретные позиции (при конкретном употреблении), диапазон, с которым лексическая единица может быть представлена в словаре (типичный набор позиций), и маршрут – возможность выхода единицы за пределы диапазона в стилистически окрашенной речи.

Для современного китайского языка (именуемого «разговорным») типичны следующие диапазоны: «глагол – предлог», «существительное – относительное прилагательное», «относительное – качественное прилагательное», «прилагательное – наречие», «наречие – союз» и ряд других.

В классическом китайском литературном языке *вэньянь* (с нашей точки зрения, неотъемлемой части китайского языка в целом, равно как и региональные языки-диалекты) диапазон доходил фактически до пределов маршрута, т. е. частеречная принадлежность лексических единиц (совпадавших с морфемами) была максимально абстрактна и размыта. Фактически речь шла о языке абстрактных корней, что и отражено в традиционной типологической классификации *вэньяня* (до начала XX в. – литературного стандарта) как корнеизолирующего.

Таким образом, сжато описав узловые моменты проблематики китайского языка как парадигмообразующего, мы показали, что этот язык а) позволяет пересмотреть многие традиционные представления как построенные на материале флективных языков и, следовательно, недостаточные, б) построить методику рассмотрения любых уровневых единиц: от фонемы до дискурса – в языках разных типологий.

К примеру, подобным же образом можно описывать агглютинативные и инкорпорирующие языки.

Литература

Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М. : Изд-во МГУ, 1989. 215 с.

Гнилорыбов С. А. Структурные детерминанты и категории дискурса в свете представлений о динамической природе языка (На материале системы документов ООН) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.

Горелов В. И. Грамматика китайского языка. М. : Просвещение, 1982. 280 с.

Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М. : Просвещение, 1989. 318 с.

Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М. : Наука, 1968. 400 с.

Коцик К. Э. Топиковые структуры в современных лингвистических парадигмах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 25 с.

Курдюмов В. А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика. М. : Цитадель, Лада, 2005. 576 с.

Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Воен. ун-т, 1999. 194 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с.

Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М. : Прогресс, 1982. С. 193–235.

Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М. : Вост. лит., 1995. 352 с.

Солнцева Н. В. Проблемы типологии изолирующих языков. М. : Наука, 1985. 253 с.

Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М. : Прогресс, 1990. 280 с.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М. : Соцэкгиз, 1933. 273 с.

Яковлев Г. Ю. Категория модальности в свете представлений о динамической природе языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 18 с.

Chao Y. R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley: Univ. of California Press, 1968. XXXI. 848 p.

Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkley : Univ. of California Press, 1981. XVIII. 691 p.

Shi Dingxu. The Nature of Chinese Topics // Modern Foreign Languages. 1998. N 2. P. 40–50.

Shi Dingxu. Topic Chain as a Syntactic Category in Chinese // Journal of Chinese Linguistics. 1989. N 17. P. 223–262.

УДК 316

Л. А. Лебединцева, А. А. Авакян

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Анализируется состояние современного высшего образования в Китае, в частности, стремительное развитие китайских университетов и их выход на мировой уровень. Отмечается сопряженность государственных планов, нацеленных на становление Китая как мирового образовательного центра, с проектом «Один пояс, один путь». Показано, что китайские университеты обладают важным интеллектуальным потенциалом в деле развития китайской инициативы Шелкового пути. В заключение проводится анализ организационных механизмов, направленных на интернационализацию высшего образования в Китае, в частности, анализируется не так давно возникшая Сеть университетов Шелкового пути.

Ключевые слова: проект «Один пояс, один путь»; Сеть университетов Шелкового пути; интеллектуальный потенциал.

L. Lebedintseva, A. Avakyan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE CHINESE PROJECT «ONE BELT, ONE ROAD»: PROBLEMS AND TRENDS

Abstract. The article analyzes the situation concerns with the modern higher education in China, in particular, the rapid development of Chinese universities and their access to the world level. It is noted that the state plans aimed at the formation of China as a world educational center are connected with the project «One belt, one road». It is shown that Chinese universities have an important intellectual potential in the development of the Chinese Silk Road initiative. In conclusion, the authors analyze the organizational mechanisms aimed at the internationalization of higher education in China, and, in particular, analyze the Silk Road Universities Network, which has recently emerged.

Keywords: One belt, one road project, Silk Road Universities Network, intellectual potential.

Цели развития образования на 13-ю пятилетку в КНР включают в себя создание высших учебных заведений мирового уровня и формирование продвинутой научной базы. Государство оказывает поддержку нескольким высшим учебным заведениям, с тем чтобы они вышли на ведущие мировые позиции и повысили свой инновационный потенциал. В

число национальных проектов приоритетного развития вузов в Китае входит проект под названием «Проект 211» (название возникло из сочетания числительных 21 (21-й век) и 1 (одна сотня вузов) и «Проект 985» (название проекта возникло из сочетания числительных 98 (1998 год) и 5 (май – 5-й месяц).). Первый из перечисленных проектов, разработанный Министерством образования КНР в 1995 г., представляет около ста вузов, входящих в приоритет развития по ключевым направлениям. В этих элитных вузах должны проходить подготовку специалисты, которые впоследствии будут осуществлять реализацию национальных проектов развития в экономической и социальной сферах в КНР. На начальном этапе осуществления проекта в 1990-х гг. около трети из отобранных вузов Китая не соответствовали международным стандартам научных исследований и подготовки специалистов [Гурулева, 2017, с. 154; Marginson, 2018, с. 501]. Последовательные политические изменения 1990-х гг. расширили финансовые свободы и обязанности руководителей университетов. Высшие учебные заведения начинают становиться корпоративными университетами (как и во многих других национальных системах высшего образования). В основе корпоратизации лежит сближение принципов и практики организации управления в вузах с принципами управления частными юридическими лицами, в том числе крупными корпорациями [William, 1999]. В конце 1990-х гг. были пересмотрены задачи государственного аппарата в сфере высшего образования, которые приняли форму «от государственного контроля к государственному надзору». В Законе «О высшем образовании» КНР 1998 г. университеты определяются как юридические лица, что изменяет организационно-экономические механизмы деятельности университетов.

Цель «Проекта 985» – приоритетная поддержка части высших учебных заведений для создания университетов высокого уровня (World Class Universities – WCU). Первыми в проект вошли два вуза: Пекинский университет и Университет Цинхуа. Всего на первом этапе реализации проекта в него вошли 34 вуза, а на втором этапе – 5. Усилия Китая нашли отражение в мировых рейтингах вузов. Так, рейтинг THE World University Ranking – 2019 г. включает 35 российских вузов, 72 вуза континентального Китая, 6 вузов Гонконга, 36 вузов Тайваня. При этом МГУ им. М. В. Ломоносова занимает только 199-е место, далее следует МФТИ – 251-е–300-е место, замыкает тройку НИУ ВШЭ – 301-е–350-е место. В первой сотне вузы континентального Китая распределены следующим образом: 22-е место – Университет Цинхуа (Tsinghua University); 31-е место – Пекинский университет (Peking University), 93-е – Университет науки и технологий Китая (University of Science and Technology); вузы Гонконга: 36-е – Гонконгский университет (The University of Hong Kong), 41-е – Гонконгский университет науки и технологии (The Hong Kong University of Science and Technology), 53-е –

Гонконгский университет китайского языка (The Chinese University of Hong Kong) [THE Emerging Economies University Rankings, 2019].

Динамика развития китайского общества и экономики, в том числе высшего образования, убеждает нас в том, что остановки на достигнутом уровне не будет. Очевидно, что Китай встал на путь достижения новой цели в области образования – последовательного превращения из страны с высоким уровнем образования (цзяюй даго) в мировую образовательную державу (цзяюй цянго) [Гурулева, 2018, с. 165]. На последнем, XIX съезде КПК было официально заявлено о социализме с китайской спецификой новой эпохи, а также впервые было сказано о необходимости поддерживать и ввести в нормативное поле образование, организуемое силами общественных институтов (организаций, объединений и т. д.). Новыми концепциями в области развития образования на XIX съезде КПК были названы следующие: создание мировой образовательной державы; создание образования, удовлетворяющего потребностям народа; поддержка и введение в нормативное поле образования, организуемого силами общественных институтов; уважение педагога, проявление внимания к образованию во всем обществе.

Таким образом, помимо решения внутренних образовательных проблем, Китай усиливает свои позиции в международном образовательном пространстве. Нельзя не заметить, что новые планы Китая в области образования как нельзя лучше вписываются в реализацию масштабного проекта «Один пояс, один путь». Сопряженность этих двух проектов очевидна. Так, Т. Гурулева отмечает, что «реализация Китаем проекта Экономического пояса Великого шёлкового пути (ЭПШП) через восемнадцать стран Европы, Азии и Африки – с одновременной «координацией развития образования», с созданием вдоль этого пути сети СМИ на китайском языке для китайцев, проживающих за границей, строительством вдоль пути космического информационного коридора и другими проектами на территории ЭПШП – должна отвечать не только интересам Китая, но и интересам стран – участников ЭПШП» [Гурулева, 2018, с. 168]. После периода сяокан (малое процветание) должен совершиться переход в состояние «великого единения и процветания». Си Цзиньпин в 2017 году состояние достижения гармонии природы и общества, власти и народа, центра и окраин назвал сообществом единой судьбы человечества, или иначе – глобализацией по-китайски.

В 2015 году была создана Сеть университетов Шелкового пути (SUN – The Silk-road Universities Network). Инициатива создания масштабного международного проекта принадлежит Университету зарубежных исследований Ханхук (HUFS) и правительству провинции Кенсан-пукто (Республика Корея).

В структуре SUN создана Международная научная ассоциация по изучению аспектов Шелкового пути (IASS – The International Association

for Silk-road Studies) как международная академическая площадка для профессоров и исследователей из стран, расположенных вдоль и вблизи Великого шелкового пути, которые стремятся изучать и освещать историческую и современную ценность Шелкового пути и готовы сотрудничать в создании нового концептуального поля исследований Шелкового пути как самостоятельной научной области знаний. Миссия проекта заключается в восстановлении исторической значимости Великого шелкового пути, в рамках которого на протяжении многих веков сосуществовали великие цивилизации [The Silk-Road Universities Network ...]. В 2019 году президентом IASS избрана ректор Московского государственного лингвистического университета проф. Ирина Краева.

12 февраля 2019 г. состоялась встреча ректора МГЛУ И. Краевой с делегацией Сети университетов Шелкового пути во главе с генеральным секретарем SUN, профессором южнокорейского Университета иностранных языков Хангук Хван Сунгдоном. Генеральная ассамблея состоится в сентябре 2019 г. в Казахском национальном университете им. Аль-Фараби.

15 февраля 2019 г. профессор Хван с делегацией посетили СПбГУ. По словам Хван Сунгдона, задачи, стоящие перед Сетью университетов, описаны формулой ACE: academic, cultural, expedition; а в век конфликтов и войн мирное будущее – за преодолением политических, религиозных и культурных границ, ведущую роль в процессе установления диалога между государствами будут играть университеты – сосредоточие интеллектуального потенциала и энергии молодежи [СПбГУ предложили присоединиться ...]. Было отмечено, что Сеть университетов стремится создать международную карту нового Шелкового пути, которая была бы политически нейтральна и отражала историческое и культурное наследие всех стран.

Культурная сторона работы включает в себя такие конкурсы для студентов, как PHOCOS и WRICOS, которые направлены на поиск талантов из числа молодых фотографов и писателей. Третье направление – экспедиции – подразумевает организацию путешествий по регионам Великого шелкового пути и территориям, прилежащим к нему. Так, подобные экспедиции уже прошли в Юго-Восточной Азии – по территориям Вьетнама, Таиланда, Камбоджи и Малайзии (в них приняли участие более 200 студентов), Центральной Азии – в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане, а в этом году в планах посетить Монголию и Северный Китай [СПбГУ предложили присоединиться ...].

Один из принципов объединения – квота для вхождения в сеть – пять университетов от одной страны. В России в это объединение входят МГИМО, Московский государственный лингвистический университет, Иркутский национальный исследовательский университет, было предложено СПбГУ, но решение пока не принято.

В качестве примеров использования высшего образования как средства расширения влияния Китая в Центральной Азии и связанного с развитием проекта «Один пояс, один путь» называют следующие:

1) за 10 лет Китай планирует выделить 30 000 стипендий для студентов из стран – участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на обучение в китайских университетах и пригласить в Китай 10 000 преподавателей и студентов из расположенных в регионе Институтов Конфуция для участия в образовательных программах [Ли, 2018, с. 20];

2) началось активное развитие интернационализации высшего образования в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Северо-Запад Китая считается одним из самых неразвитых китайских регионов, граничащий с центральноазиатскими странами (прежде всего с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном). Студентов из Центральной Азии привлекает географическая близость, развитая инфраструктура, низкая стоимость жизни и обучения [Ли, 2018, с. 21].

Интернационализация высшего образования в Китае, усиление потоков академической и студенческой мобильности, развитие трансграничного образования в форме открытия филиалов иностранных вузов привело к созданию университетов мирового класса, повысило рейтинговые позиции китайских вузов в международных сравнительных исследованиях.

Ведущие китайские университеты – так называемая китайская Лига плюща – финансово обеспечены. Западные исследователи сравнивают их по обеспеченности с передовыми американскими вузами. Правда, в пересчете на одного студента ситуация оказывается гораздо скромнее. Так, сопоставление расходов первой пятерки самых крупных вузов выглядят следующим образом: Университет Цинхуа – расходы в 2016 г. составили около 3,57 млрд долл. США на ППС (13,7 млрд юаней), что сравнимо с расходами Массачусетского технологического института (3,34 млрд долл. США) и Йельского университета (3,36 млрд долл. США) за 2014 г. Вторым по размеру финансирования идет Пекинский университет: расходы в 2016 г. составили примерно 2,45 млрд долл. США, что сопоставимо с расходами Калифорнийского технологического института и Университета Вашингтона в Сент-Луисе. Следующие места – третье и четвертое – занимают Чжэцзянский университет и Шанхайский университет Цзяотун, чьи расходы достигли 2,3 млрд и 2,1 млрд долл. США соответственно. На пятом месте Фуданьский университет с 1,5 млрд долл. США, что примерно равно расходам Принстонского университета [Ашер, 2018, с. 33].

Одновременно на Западе складывается ситуация непонимания специфики внутреннего социального развития Китая, в сфере высшего образования в том числе [Альтбах, 2018, с. 31]. Как отмечают многие западные эксперты, Китай критикует за попытки контроля за контентом

научных публикаций, особенно там, где содержится критика Китая (прежде всего в социальных науках), и особенно в зарубежных журналах; за ограничения на доступ в сеть Интернет; за повышение значимости идеологических дисциплин; за попытки следить за китайскими студентами и преподавателями, работающими и обучающимися за рубежом посредством Институтов Конфуция и не только; и в целом за ограничение академических свобод университетов [Альтбах, 2018, с. 32].

Литература

Альтбах Ф. Дж., Вит Х. Закрытие Китая? Возможные последствия для университетов мира // *Междунар. высшее образование*. 2018. № 93. С. 31–33.

Ашер А. Снижение скорости роста китайских университетов // *Междунар. высш. образование*. 2018. № 93. С. 33–34.

Гурулева Т. Л. Система образования в Китайской Народной Республике: структура и основные направления развития // *Высшее образование в России*. 2017. № 7. С. 152–164.

Гурулева Т. Л. XIX Съезд КПК о развитии образования в новую эпоху социализма с китайской спецификой // *Новая эпоха: Китай после XIX Съезда КПК: материалы ежегод. науч. конф. М. : ИДВ РАН, 2018. С. 164–171.*

Ли А. Инициатива «Один пояс, один путь» и Центральная Азия: новая тенденция в интернационализации высшего образования? // *Междунар. высш. образование*. 2018. № 93. С. 20–22.

СПбГУ предложили присоединиться к сети университетов Шелкового пути [Электронный ресурс]. URL: www.spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-predlozhili-prisoedinitiya-k-seti-universitetov-shelkovogo-puti (дата обращения: 12.03.2019).

Marginson S. National/Global Synergy in the Development of Higher Education and Science in China since 1978 // *Frontiers of Education in China*. 2018. N 13. С. 486–512.

THE Emerging Economies University Rankings 2019. URL: www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2019/emerging-economies-university-rankings (дата обращения: 02.03.2019).

The Silk-Road Universities Network <http://www.sun-silkroadia.org/eng/main/main.php> (дата обращения: 16.03.2019).

William W. Bostock. *The Global Corporatisation of Universities: Causes and Consequences*. University of Tasmania, Australia. 1999.

Е. В. Лесниковская, Е. В. Кремнёв
Иркутский государственный университет, Иркутск

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ*

Аннотация. Рассматривается процесс формирования российских научных школ по изучению регионального развития – страноведения, проблемного комплексного регионоведения, школы глобальных исследований. Анализируется каким образом две важнейшие тенденции – популяризация универсальных социологических теорий и глобализационные процессы – оказали влияние на формирование траекторий развития российской и мировой науки о регионах.

Ключевые слова: наука о регионах, регионоведение, регион, комплексное регионоведение, проблемное регионоведение, страноведение, глобалистика, регионология, трансдисциплинарная регионология.

E. Lesnikovskaya, E. Kremnyov
Irkutsk State University, Irkutsk

DEVELOPMENT OF RUSSIAN SCHOLARLY TRADITIONS OF AREA STUDIES IN THE CONTEXT OF THE MODERN PARADIGM OF REGIONAL KNOWLEDGE

Abstract. The article covers the process of developing Russian scholarly traditions of area studies – area studies, problem area studies, global studies. The authors analyze how two crucial trends – the popularization of universal sociological theories and globalization process – have affected the changing trajectories of the development of area studies in Russia and the world.

Keywords: regional science, area studies, region, complex area studies, problem area studies, country studies, global studies, regionology, transdisciplinary regionology.

Концептуальные параметры знания о регионе претерпевали значительные изменения на протяжении XX в. Несмотря на то что регион как часть территории, региональные процессы и закономерности изучались столетиями, со второй трети XX в. отчетливо прослеживаются тенденции, выдвинувшие на первый план регион как объект знания. Это повлекло за собой необходимость пересмотра концептуальных рамок науки о регионе. Представим, каким образом важнейшие мировые тенденции, значимые для региональных исследований, повлияли на формирование и развитие крупнейших научных направлений и школ, а именно школ проблемного страноведения, историко-географического страноведения, мирового комплексного регионоведения, школ интеграционных и глобализационных исследований, а также на зарождение новых научных направлений в поле исследований о регионе.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

Импульсом к повышению интереса к наукам о регионе послужило начало холодной войны. Противостояние двух сверхдержав вызвало необходимость глубоких, разносторонних знаниях о стратегическом сопернике. Как отмечают современные западные исследователи, состояние географической науки в США в те годы оказалось не в силах удовлетворить запрос на комплексное знание о политически значимых регионах и странах [Sideway]. Именно поэтому в конце 40–60-х гг. XX в. в университетах США открываются специальности по советским исследованиям, исследованиям Восточной Европы (Soviet Studies, Russian and East European Studies), а в СССР, в свою очередь, – Институт США и Канады при Академии наук, а также специальности в области широкого ряда регионов мира – «Иберо-американистика», «Востоковедение», «Западно-европейские исследования», «Африканистика» и т. д. В декабре 1954 г. состоялось первое заседание Ассоциации региональной науки, созданной американским ученым Уолтером Айзардом [Boyse, p. 34].

Необходимо отметить, что в течение последующего полувека перед регионоведением возникает ряд вызовов. Так, развитие и популяризация современных социологических теорий, по мнению отдельных исследователей, может привести к снижению значимости изучения региона [Ludden]. Применение таких современных теорий, как теория принятия решений, теория рационального выбора, теория игр, не предполагает исследования региональных и культурных различий. Так, использование теории рационального выбора позволяет проанализировать потребительское, или электоральное, поведение населения любой страны, в любом регионе мира. В этом смысле современная социальная наука, претендуя на универсальный подход, представляет определенный вызов для дальнейшего развития наук о регионе. Как отмечает Р. Бейтс, «сдвиг» от регион специфичного в сторону социального знания привел к заметным изменениям как в подготовке специалистов-регионоведов, так и в финансировании региональных исследований [Bates, 1997]. Вместе с тем успешное применение современных социологических теорий в исследовании регионов открывает широкие перспективы для развития этой области знания, поскольку позволяет изучать и выделять культурные и институциональные различия, тем самым обогащая научное знание о конкретном регионе.

Второй важнейшей тенденцией, оказавшей влияние на трансформацию траекторий развития мирового регионоведения, выступает актуализация интеграционно-глобализационных процессов. Глобализация и регионализация, интеграция и «фрагментация» (в терминологии Д. Розенау [Rosenau]) – разнонаправленные и в то же время взаимозависимые и взаимообусловленные явления. Расстановка сил противодействующих тенденций постоянно изменяется – так, ставшее актуальным в последней четверти XX в. размытие национальных границ сменяется в

начале XXI в. тенденцией к усилению национальных государств. В контексте глобализационно-фрагментационных процессов регион как объект исследовательского интереса обретает новое звучание, а динамика этих процессов в настоящее время определяет концептуальную направленность науки о регионе.

В контексте вышеуказанных тенденций чрезвычайно важным представляется исследование развития крупнейших научных школ по изучению региональных процессов на протяжении второй половины XX в. Особого внимания заслуживает вопрос о том, как именно отразилась на них интенсивная смена парадигм в науке о регионе.

Необходимо отметить, что в нашей стране знание о регионе сопряжено с укоренившейся традицией комплексности региональных исследований, синтеза дисциплинарных подходов. Советско-российские школы, изучавшие региональное развитие, во второй половине XX в. опираются на прочный фундамент методологии, разработанной в сферах экономической и социальной географии в 1920–1930-е гг. Наибольшее влияние на традиции комплексных регионоведческих исследований в нашей стране оказала научная экономико-географическая школа Московского университета (Н. Н. Баранский, И. А. Витвер, Н. Н. Колосовский и др. [Баранский, 1956; Витвер, 1998; Колосовский, 2006]).

Одной из важнейших заслуг Н. Н. Баранского представляется привлечение внимания к региону и выявление комплексных связей (прежде всего природных, экономических и социальных) внутри района. Здесь прослеживается современное системное понимание региона, представление о регионе как о комплексе взаимосвязанных элементов. Важно и то, что Н. Н. Баранский как руководитель школы противопоставил свое видение отраслевому направлению, ставящему в центр изучения отрасли производства. Научная школа Н. Н. Баранского способствовала зарождению и развитию междисциплинарного подхода в изучении региона – так, наряду с экономико- и социально-географическими принципами активно применялся исторический принцип, придававший особенную теоретическую глубину региональным исследованиям.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый исторический период развитие регионоведческого направления, траектории изучения региональных особенностей и процессов, задавались, исходя из стратегических задач государства и определялись процессом индустриализации, задачами и механизмами плановой экономики, необходимостью регионального и районного планирования. Следуя требованиям времени и особенностям национальной экономики, во второй половине XX в. в СССР создаются комплексные характеристики как внутренних регионов страны, так и зарубежных стран (комплексные страноведческие характеристики).

1. Методология комплексной характеристики и междисциплинарного подхода к описанию зарубежных стран развивалась и в рамках со-

зданного в МГУ И. А. Витвером вместе с учеником Н. Н. Баранского И. М. Маергойзом страноведческого направления. И. А. Витвер и И. М. Маергойз использовали разработанную Н. Н. Баранским комплексную стандартизированную программу страноведческого исследования для написания работ по зарубежным странам, дополнив ее историко-географическим подходом [Витвер, 1998] и схемой анализа экономико-географического положения и территориальных структур [Маергойз, 1981].

Комплексный подход к исследованию региона явился основополагающим и для школы проблемного страноведения Я. Г. Машбица [Машбиц, 1998]. Помимо основания, развития и продвижения проблемного подхода в страноведении, Я. Г. Машбицем был интерпретирован, переработан и дополнен алгоритм комплексного исследования территории. Как и Н. Н. Баранский, Я. Г. Машбиц исследовал пути синтеза данных о регионе. Центральное место в комплексной характеристике территории, по схеме Я. Г. Машбица, занимает анализ ее ключевых проблем. Таким образом, комплексный аналитико-синтетический подход к исследованию территории, заложенный школой Н. Н. Баранского, был переосмыслен, модифицирован и дополнен в рамках школы проблемного страноведения (Я. Г. Машбиц, В. М. Гохман).

С 80-х гг. XX в. на траектории исследовательского интереса в области изучения региональных процессов оказывают значительное влияние такие общемировые тенденции, как международные интеграционные и глобализационные процессы. Это не могло не отразиться на развитии отечественных научных школ о регионе. Отечественная школа глобалистики (глобальных исследований) представлена рядом ученых и их работ [Уткин, 2001; Чешков, 2005; Делягин, 2003; Лейбин, 1982; Чумаков, 2005; Иноземцев, 2000] и др. Относительно такой новой и до конца все еще не оформившейся, не устоявшейся области знаний, как глобалистика, – ее предмета, методологии, парадигмы, перспектив более двух десятилетий ведется оживленная дискуссия. Вместе с тем можно отметить два утверждения, признанных большинством отечественных исследователей глобализации. Во-первых, именно в России уделяется столь значимое внимание конструированию глобалистики как науки. Так, согласно Лейбину и Василеску, именно в России глобалистика получила развитие как отдельная область знаний, в то время как в западных странах предметом глобальных исследований (Global Studies) выступают глобализационные процессы и мировые проблемы [Лейбин, 1982; Василеску, 2010]. Во-вторых, признается наддисциплинарный характер глобалистики [Чешков, 2005, с. 76; Королев, 2005, с. 91–92]. Отличительной чертой отечественной глобалистики является повышенное внимание к цивилизационному вопросу, становлению нового типа человека, развитию человеческого сознания, соответствующего глобальному миру [Королев, 2005, с. 93–94].

Междисциплинарный подход лег в основу научной школы мирового комплексного регионоведения МГИМО. Данное научное направление сформировалось на фундаменте исторического страноведения; особое влияние оказала школа востоковедения. В рамках востоковедения, а также других направлений региональных исследований – американистики, страноведения Европы и др. – активно применялся междисциплинарный подход – на стыке политологии, права, истории.

Значительный вклад в формирование теории регионоведения в современных условиях внес А. Д. Воскресенский и другие представители научной школы МГИМО, в том числе А. А. Байков, В. Я. Белокреницкий, А. О. Ермолаев, Е. В. Колдунова, А. А. Киреева. Мировое комплексное регионоведение, вместе со сравнительной мировой политикой, рассматривается ими в качестве «новых предметных полей науки о международных отношениях» [Воскресенский, 2013, с. 95]. Направления самого зарубежного регионоведения, например европейские исследования или американистику, А. Д. Воскресенский оценивает как «единый комплекс исследовательских направлений и учебных дисциплин» [Воскресенский, 2013, с.83], снимая таким образом вопрос о противопоставлении регионоведения как исследовательской науки и регионоведения как учебной дисциплины. А. Д. Воскресенский подчеркивает, что мировому комплексному регионоведению свойственна не просто междисциплинарность, а интегральность. В основу мирового комплексного регионоведения легло классическое регионоведение (в частности, востоковедение), а его современным ядром становится комплексный анализ регионов мира, разработанный в рамках западного регионоведения [Воскресенский, 2013, с. 83–85]. Таким образом, традиции классического регионоведения получают новое звучание в контексте современных реалий глобализационных и регионализационных процессов в мире. Такой анализ включает как глобальные регионы и, соответственно, трансграничные и транснациональные проблемы, так и внутреннее, национальное регионоведение, изучающее страну как регион. В этой связи мировое комплексное регионоведение как одно из направлений науки о международных отношениях в интерпретации А. Д. Воскресенского предстает интегральным в двух смыслах: объединяющим западнцентристский и востокоориентированный подходы и объединяющим зарубежное/глобальное и «внутреннее»/классическое регионоведение.

Кроме того, «отдельные стороны научно-теоретического анализа науки о регионе отражены в рамках изучения регионоведения (Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев, В. А. Дергачев, Л. Б. Вардомский, Ю. Г. Волков, В. Г. Игнатов, В. И. Бутов, Т. Г. Морозова, М. В. Иванова, М. А. Штанько, М. Д. Шарыгин, Ю. Ф. Абрамов); рассмотрения процессов регионального развития через призму регионалистики (Н. В. Зубаре-

вич, Е. В. Вавилова, Д. Л. Лопатников, Э. Н. Кузьбожев, И. А. Козьева)» [Макеева, 2018].

Таким образом, на протяжении XX в. в отечественных научных школах о регионе четко прослеживаются две исследовательские траектории: комплексное страноведческое направление и глобалистское направление. Подчеркнем, что императивом для развития страноведческого направления, на наш взгляд, послужила стратегическая необходимость «добора» знаний о странах-игроках в условиях изменившейся после 1945 г. расстановки сил на мировой арене. Трансформация же траектории изучения региона от страноведческого анализа к исследованию региональных процессов, группировок и сил в глобальном мире была вызвана как объективной интенсификацией глобализационных процессов, так и актуализацией научных идей и философии глобализма.

Возникновение глобальных регионов мира, интенсификация регионализационных процессов, усиление мировых позиций незападных регионов мира явились одними из основных причин трансформации традиционного регионоведения в интегральную дисциплину с особым местом региона в ней. Такой вывод подтверждается появлением новейших научных школ в российской науке. Так, в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева одним из исследовательских направлений является регионология. Ежеквартально издается научный журнал «Регионология / Regionology», посвященный актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

В Иркутском государственном университете при грантовой поддержке РФФИ в настоящее время разрабатывается теоретико-методологическая основа трансдисциплинарной регионологии [Макеева, 2018]. Ее объектом выступает регион в социально-политическом, экономическом, культурно-историческом, этнокультурном, природно-географическом и языковом своеобразии. Такой объект диктует трансдисциплинарность указанной научной отрасли, опирающейся на теоретико-методологическую базу изучения процессов развития в регионах изучения [Макеева, 2019]. Предметом трансдисциплинарной регионологии становятся процессы неравномерного регионального развития. Кроме того, подключение методов и достижений различных наук позволяет преодолеть описанные ранее вызовы, вставшие перед современным регионоведением: популяризация универсальных социологических теорий и необходимость осмысления новых глобализационно-фрагментационных процессов. В частности, включение в предметную область трансдисциплинарной регионологии социальных, экономических, культурных аспектов развития региона позволяет задействовать новейшие достижения социологии в исследовании региональных процессов, а изучение исто-

рических, политических, природно-географических и языковых особенностей регионального развития – проанализировать неравномерность процессов развития регионов с точки зрения самых различных факторов, в том числе таких сугубо специфичных, как языковая политика, национальная ментальность, национальная идентичность, процессы ассимиляции.

Современные российские школы региональных исследований используют наследие классических подходов с присущим им комплексным анализом физико- и экономико-географических, экономических, социальных, политических и культурных особенностей региона. В то же время тренды и процессы конца XX – начала XXI в. обусловили развитие регионоведения в интегральные, трансдисциплинарные региональные исследования, в которых особое внимание уделяется процессам регионализации, политике регионализма, формированию глобальных регионов, межрегиональным взаимодействиям и региональному развитию через трансдисциплинарный анализ совокупности различных характеристик региона.

Литература

- Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956. 366 с.
- Василеску Г. Методологические аспекты глобалистики // Век глобализации. 2010. № 1. С. 18–29.
- Витвер И. А. Избранные сочинения. М. : МГУ, 1998. 592 с.
- Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Полит. исслед. 2013. № 6. С. 82–96.
- Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М. : Инфра-М, 2003. 768 с.
- Иноземцев В. Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль – XXI. 2000. № 1. С. 26–36.
- Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск : Ойкумена, 2006. 336 с.
- Королев А. А. О предмете, структуре и методах глобалистики // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 88–96.
- Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека (Критический анализ идей Римского клуба). М. : Наука, 1982. 568 с.
- Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М. : МГУ, 1981. 137 с.
- Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. 2: Тр. I Междунар. науч.-практ. регионведч. конф. Кн. 2 (Санкт-Петербург, 7 дек. 2018 г.) / сост. и гл. ред. В. В. Яковлев ; отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. С. 6–14.
- Макеева С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 1. С. 225–236.
- Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск : СГУ, 1998. 238 с.
- Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М. : Логос, 2001. 271 с.
- Чешков М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М. : НОМФО, 2005. 224 с.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект ; Велби, 2005. 428 с.

Bates R. H. Area studies and the discipline: A useful controversy? // PS: Political Science and Politics. 1997. N 30 (2). С. 166–169.

Boyce D. A short history of the field of regional science // Papers in Regional Science. 2004. N 83. P. 31–57.

Ludden D. Area studies in the age of gobalization. URL: <http://www.sas.upenn.edu/~dludden/GlobalizationAndAreaStudies.htm> (дата обращения: 07.04.2019).

Rosenau J. N. Globalization and governance: bleak prospects for sustainability. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2003-3/artrosenau.pdf> (дата обращения: 07.04.2019).

Sideway J. D. Geography, globalization and the problematic of area studies. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00045608.2012.660397> (дата обращения: 07.04.2019).

УДК 75.011.2

Ли Мэндэ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

ТРАДИЦИОННЫЙ ТИБЕТСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ СКАЧЕК

Аннотация. Рассматривается один из самых популярных у тибетцев фестивалей – фестиваль скачек. Для наглядности в статье использованы работы двух художников, раскрывающие праздничную атмосферу конного фестиваля и характеризующие тибетскую традиционную культурную коннотацию, содержащуюся в данном фестивале.

Ключевые слова: фестиваль скачек, Тибет, культура.

Li Mengdie

Far Eastern State University, Vladivostok

TRADITIONAL TIBETAN FESTIVAL OF RACES

Abstract. This article is devoted to one of the most popular festivals for Tibetans – the festival of horseracing. As an illustration, the article used the work of two artists in order to reveal the festive atmosphere of the equestrian festival and the Tibetan traditional cultural connotation contained in this festival. Horse Racing Festival is an important festival that best reflects Tibetan folk culture. Through the introduction of traditional ethnic events at Tibetan folk festivals, we can understand that entertainment at Tibetan festivals not only have deep cultural connotations, but also have various folk customs and beautiful cultural performances.

Keywords: Horse Racing Festival, Tibet, culture.

Небо Тибета отличается глубокой синевой, его земли широки, люди красивы, а обычаи и традиции чрезвычайно интересны. Тибет привлекает туристов и исследователей своей культурой, традициями, религиозными особенностями и почти нетронутой природой.

Фестиваль скачек – это важный фестиваль, который лучше всего отражает тибетскую народную культуру. Конная стрельба из лука была очень распространена по всему Тибету, в качестве состязания берёт своё начало в 1408 г. В прошлом этот фестиваль включал только скачки,

стрельбу из лука и верховую стрельбу из лука. Современный конный фестиваль объединил различные культурные и спортивные мероприятия, а также мероприятия по обмену и торговле материалами и изделиями, таким образом он стал самым популярным региональным фестивалем в Тибете, который проводится ежегодно в июне – августе. Участники фестиваля многочисленны. Ввиду удаленности тибетских поселений он длится не один день. Этот фестиваль проводится на бесконечно широких тибетских пастбищах, поэтому его также называют «фестивалем пастбищ».

Из-за широкого распространения поселений по территории Тибета время проведения фестиваля в разных регионах отличается, но самым известным является фестиваль лошадей в Нагку. Исследователь Тибета Цзян Фэйбо отмечает, что в городах округа Нагку устраивается фестивали скачек, а в северной части Тибета унаследована и развита традиционная культура пастбищ. Пастухи называют август «золотым сезоном», поэтому город Нагку отмечает фестиваль скачек с 10 по 14 августа [Цзян Фэйбо, 2018].

Фестиваль скачек – самая живописная сцена тибетского лета. Особое географическое положение плато сделало невозможным установление связи с другими регионами на лошадях.

Данное празднование привлекает внимание не только китайских и тибетских исследователей. К примеру, австрийские ученые также проявляют большой интерес к тибетскому фестивалю скачек. В своей статье австрийский исследователь пишет, что любимый вид спорта тибетцев – это конная езда. Изучение исторического развития фестиваля скачек играет важную роль в понимании современного тибетского фольклора [Studer elke ... , 2018, с. 34].

Фестиваль скачек всегда был важной частью жизни тибетского народа, и он стал лучшей возможностью для наездника продемонстрировать силу и скорость лошади, а также свой стиль езды. Большой интерес людей к фестивалю скачек сделал его популярным, и он стал одним из самых распространенных культурным и спортивным мероприятием Тибета. Конечно, главное мероприятие – это скачки, они, как правило, являются добровольными и без каких-либо ограничений. Соревнования проводятся на время, они состоят из большого пробега, где от старта до финиша нужно преодолеть дистанцию заданное количество раз. Существуют соревнования с установленными характеристиками и определенным стилем езды, такие как рысь и галоп. Этот вид соревнования также берется в расчет. Достоинства и недостатки лошадей, уровень ездового мастерства и мнения наблюдателей – основные параметры, которые учитываются в оценивании участников. Есть выступления, которые выполняются одновременно, такие как верховая езда и сбор хадаков (哈达) , верховая езда и стрельба.

Во время фестиваля скачек часто организуются спортивные игры, такие как тибетская борьба, метание камней или мешков с песком, стрельба из лука и перетягивание каната. Тибетские мужчины, которые участвуют в фестивале, полны энергии и энтузиазма. Дикий характер мужского темперамента заставляет и людей, живущих вне Тибета, прочувствовать красоту тибетских мужчин.

Одной из особенностей фестиваля скачек является тибетская Хада. Многим известно о тибетской Хаде, но понимание Хады не очень полное. Объяснение хадак можно найти в статье А. А. Конгу, она пишет: «Отметим, что хадак – полоса ткани, как правило шелковой, один из буддийских символов. Он является особым символом уважения, чистого, дружеского и радушного отношения, бескорыстия дарящего. В буддийской культуре хадак является универсальным даром, который может быть уважительно и с чистыми помыслами преподнесен по любому праздничному поводу в жизни человека, в семейной обрядности – ритуалах, связанных с важнейшими вехами жизненного пути человека (рождения ребенка, свадьбы, похорон и т. д.)» [Конгу, 2015, с. 126]. Потибетски «Ха» – это «рот» означает «вверх» является «Мо» означает «Хад» буквальное значение: “лошадь во рту”, т. е. эквивалент дареного коня. Использование лошадей в описании Хада показывает её ценность. «Хада бесценна», хотя вовсе не является дорогой, но воспринимается дороже, чем золото. Потому что она символизирует золотоподобное буддийское сердце, представляет самые искренние чувства и содержит наилучшие пожелания, отмечая высочайшее уважение, означает дружбу, гармонию, доброту и благополучие. Таким образом, добавление Хады к соревнованию фестиваля скачек говорит о том, что человек, который выигрывает титул чемпиона в скачках, не только преуспел в соревновании, но и получил благословение от людей.

Народные праздники в Тибете – это окно в тибетскую культуру, а скачки на фестивале – важные аспекты для понимания тибетской культуры всеобъемлющим и образным способом. Традиционные мероприятия, предусмотренные народными гуляниями, внесли большой вклад в сохранение национальной традиционной культуры, а также её развитие и продвижение. Через эту серию соревнований традиционная культура тибетского народа была передана и продолжена, а эмоции обменены. Дух тяжелой работы, продемонстрированный в скачках, показывает нам, как тибетцы демонстрируют свою прогрессивную и творческую жизнь через собственную фестивальную культуру. Они подчеркивают скрытый творческий потенциал и энтузиазм тибетского народа и показывают миру его таланты, мудрость и упорство. Тибетские народные гуляния наследуют традиции прошлого и продолжают оставаться живой культурной формой, пополняя записи национальной истории тибетской культуры, а спортивные мероприятия на фестивале являются истинным

отражением народных обычаев. Народные праздники в Тибете – это не только огромное духовное богатство тибетцев, но и огромное материальное богатство. Культурные формы забегов, скачек, стрельбы из лука традиционных тибетских фестивалей были перенесены в настоящее время и стали отличительным туристическим ресурсом для Тибетского региона. Во время этих фестивалей у туристов появляется возможность почувствовать себя тибетцами благодаря осмотру достопримечательностей и самостоятельному участию и наблюдению. Это также приносит значительный доход экономике региона.

Страна и культура нации не изолированы, а интегрированы со всеми аспектами общества, такими как религия, история, искусство и т. д., они не статичны и заимствуются из поколения в поколение. Основываясь на необычной культуре, наследуя отличительные местные традиции и впитывая достижения времен и цивилизаций, тибетцы продолжают трансформировать и вводить новшества в свою культуру, также создавая новые обычаи. В современную эпоху тибетские национальные обычаи имеют прекрасное обновление и наследие, старые обычаи и преобразования, а также новое создание и развитие. Они в полной мере демонстрируют национальный характер тибетской фестивальной культуры, имеют четкие характеристики, обладают мощной жизненной силой в реальности и обогащают прекрасную и праздничную культуру китайской нации ее уникальным богатством.

Можно привести в пример множество живописцев, создавших работы на тибетскую тему. Они использовали кисть для воспроизведения традиционной культуры и истории Тибета. Их картины богаты красками и событиями. Например, китайские художники Чжун Цзяньцю и Вэн Сянсянь запечатлели в своих картинах сцены фестиваля тибетских скачек.

Соревнования на фестивале скачек являются основным событием. Как уже было сказано ранее, фестиваль скачек Нагку проводится в августе. На картине мы можем наблюдать: северный тибетский луг в августе, разгул прохладного ветра и палящее солнце, зелень травы, полевые цветы. Этот пейзаж несёт в себе нечто чрезвычайно нежное и приятное, люди на картине одеты в праздничные костюмы, и с полотна словно можно услышать тибетские песни. Масляная картина Вэна «Скачки» – это самый захватывающий пейзаж фестиваля скачек, композиция которого тщательно продумана, чтобы показать волнующий момент верховой езды в хадак. В момент динамичного движения на масляной картине «Лошадь» всадник наклонился, чтобы поймать хадак – это миг за мгновение до кульминационного момента соревнований, напоминающий о предыдущих скачущих лошадях, подковах и прелюдии борьбы и о более интенсивных спринтах после, и аплодисментах, и криках публики. Картина здесь не только создает огромное пространство, но также передаёт атмосферу состязания. Таким образом, работа производит особую неповто-

римую сцену: вздымающиеся облака, скачущие лошади и подвижное положение персонажей перекликаются друг с другом. Каждый штрих картины отражает ритм движения. Художник изобразил лошадей, костюмы и облака на соревнованиях с богатой и красочной текстурой. Живость картины позволяет наблюдателю додумать дальнейшие события, происходящие за пределами застывшей на полотне сцены.

«Я Йи • Художественные персонажи» в 42-м выпуске журнала за 2018 г.: «Отчитываться перед людьми – углублять живость, укореняться в стези народного художника», из темы доклада можно догадаться, что художник очень хороший и узнаваемый, в статье в основном упоминается, что работа художника очень важна. У картин широкая цветовая градация, с четкой черно-белой структурой и порядком цветов, а также согласованное общее настроение картины с максимально насыщенным цветовым блоком. Цвет соответствует гармонии и напряженности сцены. Вэн Сянсянь обладает выдающимися способностями для передачи особенностей произведения зрителю [Фэн Чжигу, 2018].

Также можно упомянуть художника Чжун Цзяньцю, который изображает тибетский фестиваль скачек, однако его воспроизведение сильно отличается от стиля живописи и выбора сцены Вэнь Сянсяня. В творчестве Чжун Цзяньцю уделяется внимание общей обстановке фестиваля скачек, который является хорошим примером сцен скачек и тренировок перед гонкой. Содержание очень богато, движение между лошадьми гармонично, от этого картинка становится более захватывающей. Передний план использует толстый мазок, чтобы реалистично изобразить сильное и энергичное тело тибетского наездника. Вторая сцена – участники соревнований. Видно, что соревнования жесткие. Более примечательно то, что трава и небо занимают довольно большую область полотна, смягчая образы и границу между людьми и лошадьми на картине. Это взаимодействие сформировало сильный контраст, идеальное сочетание движения и статичности, чистого и таинственного, умиротворенного тибетского пейзажа и дикого характера тибетцев.

Репортер информационного агентства Синьхуа Ван Циньюу однажды отметил: «Если самый большой летний праздник в сельскохозяйственных районах Тибета – это «фруктовый фестиваль», на котором отмечают урожай и молятся об удаче, то праздник лошадей является не менее важным праздником для скотоводов». Здесь также можно написать об истинных чувствах туриста из Нидерландов Йорона, который сказал, что несмотря на то что он побывал во многих странах, в том числе в Европе и Соединенных Штатах, он заявляет, что «нет больше такого места, как Тибет». «В Нидерландах все хорошо организовано. Люди не могут просто так приблизиться к лошадям. Я смог увидеть своими глазами, что традиционная культура Тибета все еще так важна и необычна сегодня» [Ван Циньюу, 2018].

Рис. 1. Вэн Сянсянь. Триумфальная арка. 60×73 см. 2013 г. Холст, масло

Рис. 2. Вэн Сянсянь. Скачки. 60×73 см. 2013 г. Холст, масло

Рис. 3. Вэн Сянсянь. Соревнование среди пастбищ. 60×73 см. 2013 г. Холст, масло

Рис. 4. Чжун Цзяньцзю. Тибетский фестиваль скачек. 190×320 см. 2001 г. Холст, масло

В дополнение к высокой оценке Тибета туристами из Нидерландов российским ученым было любопытно узнать больше о Тибете. Они решили проследить за туристической группой в Тибете в течение трех дней, а затем написали статью на 30 страниц. В своей статье они отмечают: «Мы – побывавшие на всех шести материках планеты, на которых проживают люди, –впервые сталкиваемся с такими честнейшими и добрейшими людьми. Именно этот фактор снова потянул нас в Тибет, нашим душам хотелось еще глубже узнать эту загадочную страну. Тибетцы очень любят лошадей и в знак уважения к этому животному освятили его и вознесли в один из атрибутов буддизма» [Ховалыг, 2013, с. 170–183]. Это также вызывает искреннее восхищение настойчивостью верующих и полностью доказывает, что Тибет все еще является священным местом и привлекательным направлением для иностранцев, которые надеются узнать больше о Тибете.

Благодаря внедрению традиционных этнических мероприятий на тибетских народных фестивалях мы можем понять, что развлечения на тибетских фестивалях не только имеют глубокие культурные коннотации, но также имеют различные народные обычаи и красивые культур-

ные представления. Это неотъемлемая часть тибетской культуры. Это кристаллизация таланта и мудрости, накопленных тибетским народом в течение длительного времени. Это всё также способствует развитию традиционных тибетских видов спорта. Наслаждаясь этим культурным феноменом, можно заметить, что тибетцы любят и ценят природу и своих людей. Именно поэтому так важно, что мы можем наследовать и развивать фестивальную культуру Тибета, обогащать фестивальную жизнь людей через развитие богатых и ярких форм тибетской деятельности и способствовать построению духовной цивилизации.

Фестиваль скачек в Тибете проводится каждый год в различных регионах страны, но из-за отдаленности регионов содержание и смысл обычаев скачек различны. В соревнованиях на скачках сопровождаются молитвами и просьбами о благословении. Тибетские скачки носят массовый характер. Фестиваль демонстрирует дух боевых искусств, показывает спортсменов и закаляет тело и волю. Помимо самих скачек, молодые люди также исполняют песни и танцы, чтобы выразить свою внутреннюю радость и любовь к жизни. Способ выразить любовь и найти партнера – это сочетание песни и танца, естественных пейзажей, полных поэтичности и особого очарования. Это очень красиво. В этих обычаях отражается красочный национальный стиль и национальные особенности Тибета.

Культура фестиваля любима людьми за ее богатое содержание и разнообразные выражения. Поэтому социальное внимание к ней становится все выше и выше, и развитие национальных фестивалей становится все более и более стремительным. Традиционные этнические фестивали являются важным способом улучшения коммуникации и общения между этническими группами. Культура фестиваля постепенно расширяется и развивается, а самобытность китайской нации укрепляется, это позволяет народу идти в ногу со временем, в то же время сохраняя традиции прошлого.

Литература

Ван Цинью. Тибетский фестиваль скачек в глазах голландского туриста. Лхаса ежедневная газета, 13 августа 2018 г. 4-е изд. (王沁鸥. 一名荷兰游客眼中的西藏赛马节. 拉萨日报, 2018年8月13日. 第4版).

Фэн Чжигоу. Йи я, деятели искусства – Вэн Сянсянь | Отчетность перед людьми – глубокая жизнь // Уходящая корнями в людей. 2018, № 42. [Электронный ресурс]. URL: <http://wemedia.ifeng.com/91025385/wemedia.shtml>. (易雅, 美术人物志, 翁诞宪 | 向人民汇报–深入生活、扎根人民. 2018年, 第42期) (дата обращения: 14.3.2019).

Конгу А. А. Ритуально-обрядовые действия во время шагаа // Нов. исслед. Тувы. 2015. № 1. С. 120–129.

Ховалыг М. Б. Три дня вместе с тибетцами // Нов. исслед. Тувы. 2013. № 3. С. 167–196.

Цзян Фэйбо. Фестиваль скачек в Тибете в культуру пастбищ «визитная карточка». Китайская сеть новостей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinanews.com/cul/2018/08-14/8599288.shtml> . (江飞波. 西藏赛马节成草原文化“名片”. 中国新闻网) (дата обращения: 15.03.2019).

Studer elke. Tibetan horse races – continuity and change // Стратегии и практики развития национальных видов спорта: опыт поколений и новые технологии. 2018. С. 34–46.

УДК 94(510)(091)

С. Б. Макеева

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КНР В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ ЛИ ВЭНЬЯНЯ, ПАНЬ ЮЙЦЗЮНЯ, У ЧУАНЬЦЗЮНЯ, ХУ ЧЖАОЛЯНА*

Аннотация. Анализируется вклад китайских ученых-географов Ли Вэньяня, Пань Юйцзюня, У Чуаньцзюня, Ху Чжаоляна в исследование проблем регионального развития Китая во второй половине XX в. Основными направлениями научно-исследовательской деятельности китайских специалистов в области экономической географии, регионального планирования территории КНР являлись теоретические вопросы, связанные с практическим применением экономической географии, региональной экономики, теории местоположения. Ключевыми проблемами регионального развития Китая, нашедшими отражение в работах китайских ученых-географов, стали проблемы промышленного и сельскохозяйственного развития отдельных районов Китая, формирования законов пространственного развития территории КНР.

Ключевые слова: региональное развитие, китайские ученые-географы, пространственное планирование, промышленные районы КНР.

S. Makeeva

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF REGIONAL DEVELOPMENT OF CHINA IN THE WORKS OF THE CHINESE SCIENTISTS LI WENYAN, PAN YUICUN, IN CHUANJUN, HU CHEHOLYAN

Abstract. The article analyzes the contribution of Chinese geographers Li Wenyan, Pan Yujun, Wu Chuanjun, Hu Zhaoliang to the study of China's regional development problems in the second half of the 20th century. The main areas of research activities of these Chinese geographers, experts in the field of economic geography, regional planning of the PRC territory were theoretical issues related to the practical application of economic geography, regional economics, location theory. The key problems of China's regional development, reflected in the works of Chinese geographers, were the problems of industrial and agricultural development of certain regions of China, the formation of laws for the spatial development of the China territory.

Keywords: regional development, Chinese geographers, spatial planning, industrial areas of China.

* Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» № 19-011-00040.

На протяжении XX в. исследование проблем регионального развития в Китае осуществлялось в рамках традиционной китайской географии. География (диликэсюэ 地理科学) как наука в Китае стала формироваться ещё в начале 1920-х гг. Она складывалась под влиянием западноевропейских идей, и главной задачей этой отрасли науки было комплексное изучение природных ресурсов в разных районах Китая. Значительная часть основных региональных изысканий проводилась иностранцами, выбиравшими для изучения наиболее интересующие их районы. Так, английские ученые осуществляли экономико-географические исследования района бассейна нижней Янцзы, французские ученые – район Юньнани, японские – район Маньчжурии, немецкие – район Шаньдуна. Необходимо отметить, что в первой половине XX в. практически вся территория Китая была охвачена физико-географическими и экономико-географическими исследованиями, но Западный регион оставался почти не изученным. Иностранные ученые выпускали большое количество работ по комплексному географическому исследованию разных регионов Китая. На китайский язык переводились произведения таких западноевропейских ученых, как Геттнер, Хентингтон, Хартсхорн, Мальтус, Чизхольм, Стэмп, Вебер. Под влиянием работ данных ученых в изучении регионального развития Китая преобладало статистическо-описательное направление. Кроме того, китайские ученые-географы проявляли интерес к достижениям в изучении регионального развития в рамках советской экономической географии. На китайский язык были переведены работы И. А. Витвера «Экономическая география зарубежных стран», Н. Н. Баранского «Экономическая география СССР», А. И. Воейкова «Климаты земного шара», Л. С. Берга «Климат и жизнь», Б. Ф. Добрынина «Физическая география Западной Европы», которые стали основными пособиями в китайских учебных заведениях в рамках преподавания географии.

Со времени основания Китайской Народной Республики были достигнуты большие успехи в экономико-географическом изучении основ регионального развития Китая. Китайские географы по примеру своих коллег – советских ученых-географов направляли свои усилия на решение проблем регионального развития КНР, связанных с экономическим строительством и хозяйственным освоением разных районов Китая. В 1950-е гг. основное внимание было направлено на практическое использование экономико-географического районирования в строительстве национальной экономики. Все результаты научной работы по изучению природных ресурсов находили применение в крупных проектах ирригационного и дорожно-транспортного строительства.

Прогрессу в изучении проблем регионального развития способствовала активная деятельность Китайского географического общества, которое присоединилось к Международному географическому союзу в

1949 г. Геологическое общество в 1950 г. вошло в состав Географического общества Китая. В каждой провинции были созданы географические общества или их филиалы, в задачи которых входило использование результатов географических исследований в рамках реализации различных проектов регионального развития Китая. В 1960-х гг. также были основаны специальные географические комитеты. В 1953 г. ведущий китайский ученый-географ Чжу Кэчжэн был назначен председателем Географического общества Китая. Необходимо отметить значительную роль Чжу Кэчжэна в учреждении Института географии в период образования Китайской академии наук, перед которым стояли задачи развития сельскохозяйственной отрасли национальной экономики. Вскоре в Нанкине началась подготовка штата и оборудования для основания специализированного географического исследовательского учреждения. И в 1953 г. появился Институт географии. Чжу Кэчжэн был назначен руководителем организационного бюро, Хуан Бинвэй, Чжоу Лисань стали руководить самим рабочим процессом. Также в организационном бюро китайского института географии работали такие географы, как Ло Кайфу, Цэн Шиин, Чжоу Тинжу, Фан Цзюнь, Ли Чуньфэнь, У Чуаньцзюнь и др. В 1956 г. был создан комитет по комплексному исследованию полезных ископаемых Китайской академии наук, группа по географическим исследованиям шаг за шагом расширяла свой состав. Таким образом, в 1950-е годы Институт географии Академии наук КНР превратился в крупный центр географических исследований тех проблем регионального развития Китая, которые касались геоморфологических и экономико-географических направлений. Были развернуты большие экспедиционные и исследовательские работы по анализу осуществляемых строек на тот период времени, преимущественно в юго-западном и северо-западном районах, бассейнах Хуанхэ, Янцзы, Хуайхэ, Юндинхэ и других районах КНР [中国现代地理学的发展历程].

В начале 50-х гг. XX вв. учёные Института географии Академии наук Китая, Нанкинский и Чжэцзянский университеты начали исследование географии сельского хозяйства, сосредоточив свое внимание на освоении водных ресурсов. Наряду с этим специалисты в области экономической географии из образовательных и исследовательских структур проводили комплексное региональное обследование Синьцзяна, Цинхая и Ганьсу, Нинься и Внутренней Монголии [50年来我国经济地理学的发展]. Организованные в 1950-е гг. Институтом географии экономико-географические исследования имели большую практическую направленность, так как были напрямую связаны с проводимым гидростроительством на реках, железнодорожным строительством и освоением новых районов. Сельскохозяйственное районирование Китая оказало большое влияние на развитие национального сельскохозяйственного производства в период 1950–1980-х гг. В Китае уникальная природная

среда, сельскохозяйственное производство имеет свои особенности, и уже давно встал вопрос рационального размещения сельскохозяйственного производства с учётом местных условий. Важную работу по формированию теоретико-методологической базы экономической географии проводила кафедра экономической географии при Народном университете Китая в Пекине. Этой кафедрой в 1953 г. был издан учебник по экономической географии Китая для средних школ, который представлял собой серьёзную попытку дать полную характеристику экономико-географических исследований в Китае и за рубежом.

«Анализ работ китайских учёных по региональным проблемам исследования является актуальным, так как современный Китай демонстрирует мировому сообществу беспрецедентный продолжительный по времени экономический рост, сопровождающийся социальными преобразованиями и построением социально ориентированной экономики» [Макеева, 2019, с. 226].

Одним из ведущих ученых-географов, внёсших значительный вклад в изучение регионального развития Китая во второй половине XX в., был Ли Вэньян (1929 г.). После окончания в 1950 г. факультета геологии Университета Цинхуа он начал свою научно-исследовательскую деятельность в Институте географии Академии наук Китая. В 1960 г. он был переведён в Комитет по комплексным исследованиям Академии наук Китая, где занимал должность заместителя директора Управления комплексных экономических исследований. В 1972 г. он вернулся в Институт географии и работал младшим научным сотрудником (1978–1986 гг.), заместителем директора и директором Исследовательского бюро по экономической географии (1980–1994 гг.). В течение долгого времени Ли Вэньян в основном занимался исследованиями в области экономической географии, уделяя особое внимание планированию промышленности, развитию энергетики и анализу основных проблем регионального развития Китая. Также он проводил исследования региональной экономической географии и участвовал в подготовке монографий по экономическо-географической характеристике Внутренней Монголии, Северного Китая, Центрального Китая и Северо-Западного Китая. В конце 1950 – начале 1960-х гг. Ли Вэньян участвовал в научно-исследовательском проекте по комплексному анализу и выявлению особенностей регионального развития района Цинган (1958–1960 гг.) и района Менгнин (1961–1964 гг.). В ходе данной работы были определены экономико-географические условия размещения промышленности в этих районах. В 1963 г. Ли Вэньян принимал участие в исследовании регионального промышленного развития района Баотоу и Внутренней Монголии, по результатам которого было определено соотношение сельскохозяйственного и промышленного развития данных районов, а также перспективы формирования металлургической базы на этой территории [李文彦, 2008].

Различные аспекты регионального развития Китая нашли отражение в работах китайского ученого-географа Пань Юйцзюня (1965). Эксперт по китайской национальной географии, физической географии, экономической географии, методике и методологии географических исследований занимался исследованиями регионального развития различных районов КНР [潘玉君, 2012]. Пань Юйцзюнь в своей научно-исследовательской деятельности выступал за применение междисциплинарного подхода, поэтому в рамках изучения проблем регионального развития Китая он обращался к теоретико-методологической базе не только географии, но и философии, экономики, этнологии, педагогики, экологии и истории. Пань Юйцзюнь является автором таких работ, как «Введение в географическую науку», «Методы географии в национальном планировании», в которых рассматривался вопрос экономической географии, комплексной характеристики населения Китая, анализа природных ресурсов и окружающей среды КНР. Определяя векторы регионального развития Китая, Пань Юйцзюнь изучал различные идеи устойчивого развития территории Китая. Он проанализировал пространственную структуру и особенности регионального экологического развития КНР [潘玉君, 2014].

Значительный вклад в изучение регионального развития внёс китайский ученый-географ У Чуаньцзюнь (1919–2009 гг.). После основания КНР он работал в Институте географии Китайской академии наук, являлся почетным председателем Общества китайской географии. У Чуаньцзюнь опубликовал более 200 работ в китайских и зарубежных журналах, проводил экономико-географическую оценку разных регионов Китая. В 1959 г. выходят его основные работы «Экономическая география Западного региона Китая», «Экономическая география Северо-Восточного региона Китая». К главным вопросам регионального развития У Чуаньцзюнь относил особенности территориального управления, а также основные правила землепользования. В 1989 г. он входил в состав рабочей группы по составлению Национального сельскохозяйственного атласа КНР. Кроме практического применения основ экономической географии в процессе решения различных региональных проблем, У Чуаньцзюнь занимался формированием теоретико-методологической базы экономической географии в Китае. Он посвятил множество статей истории географической науки в Китае, обоснованию места экономической географии в системе гуманитарных наук [中国现代地理学的发展历程].

Проблемы регионального развития Китая нашли отражение в работах китайского ученого-географа Ху Чжаоляна (1933). После окончания в 1952 г. факультета геологии Университета Цинхуа он был переведен на факультет геологии и географии Пекинского университета. С 1972 по 1982 г. он работал в Министерстве металлургической промышленности КНР в качестве директора, а с конца 1982 г. преподавал экономическую

географию в Пекинском университете. Ху Чжаолян относится к первому поколению китайских ученых, изучающих экономическую географию и применяющих результаты этих исследований на практике, в процессе строительства национальной экономики Китая. Длительный период времени он был председателем Китайской ассоциации исследований экономической географии и председателем Китайского общества бизнес-географии. По мнению Ху Чжаоляна, экономическая география – это научная отрасль с прочной теоретической базой и тесной связью с национальным экономическим строительством. Именно Ху Чжаолян внёс значительный вклад в формирование теоретико-методологической базы экономической географии. Он является автором таких работ, как «Введение в экономическую географию», «Географическая среда», «Китайские города в новых условиях». Ху Чжаолян разработал авторский курс по экономической географии, который в дальнейшем использовали преподаватели вузов КНР. Ученый выступал научным редактором китайских исследовательских работ по проблемам регионального развития Китая, в том числе таких, как «Региональный экономический анализ», «Социально-географическое развитие Китая», «Обзор культурной географии Китая», «Введение в региональное развитие Китая» и «Региональное развитие промышленных и горнодобывающих городов», «География окружающей среды».

Ху Чжаолян использовал результаты научных изысканий в сфере экономической географии на практике в процессе национального строительства КНР. Различные проблемы регионального развития Китая, включая вопросы урбанизации, географ рассматривал, применяя теории и методы экономической географии. Ху Чжаолян разработал методику планирования крупных городов КНР как ведущих промышленных центров, принимал участие в планировании металлургической промышленности Китая, занимался изучением особенностей размещения городских промышленных районов в горной местности КНР, применял достижения экономической географии в формировании законов пространственного развития территории Китая [胡兆量, 2006].

Таким образом, китайские ученые Ли Вэньянь, Пань Юйцзюнь, У Чуаньцзюнь, Ху Чжаолян внесли значительный вклад в экономико-географическое изучение регионального развития КНР. Результаты научных исследований в области экономической географии учитывались в рамках преобразований национальной экономики Китая во второй половине XX в. Ученые принимали активное участие в разработке региональных моделей экономического развития, качественной и количественной оценке природных ресурсов, планировании промышленных и городских районов КНР. Пространственный анализ физико-географических и экономико-географических характеристик Китая являлся предметом долгосрочных научных исследований.

Литература

Макеева С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 1. С. 225–236. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.20>.

李文彦. 经济地理研究拾零与经历回厄页. 北京, 2008. 160 页.

潘玉君. 地理学基础. 昆明, 2012. 217 页.

潘玉君, 伊继东. 中国民族. 北京, 2014. 580 页.

50 年来我国经济地理学的发展 URL: <http://www.docin.com/p-990261214.html> (дата обращения: 17.10.18).

胡兆量. 中国城市发展的经济背景 //城市规划. 2006. № 30. 页. 29-31.

中国现代地理学的发展历程 URL: <https://www.douban.com/group/topic/93019088/> (дата обращения: 27.02.19).

УДК 811.521

松村 瑞子

九州大学大学院言語文化研究院、福岡

日本語のジェンダーとアサーティブネス

Yoshiko Matsumura

Kyushu University, Fukuoka

JAPANESE GENDER AND ASSERTIVENESS

Abstract. The purpose of this paper is to consider the assertiveness of Japanese women and men. Robin Lakoff (1975) states that women sound less assertive than men in various scenes because they use question intonation where we might expect declaratives, hedges of various kinds such as “well,” “y’know,” “kinda,” and so on. However, the uses have long been regarded as characteristics of “Japanese language” rather than “Japanese women’s language.” Are Japanese men and women non-assertive in the same way? This paper analyzes Japanese conversations at the workplace and shows that both Japanese men and women use various kinds of hedges and sound non-assertive, but that only male superiors use direct expressions for subordinates and female superiors treat peers and subordinates indiscriminately. The result leads to Tannen (1989) who discusses “Women talk in harmony but men talk in position.”

Keywords: gender, assertiveness, hedges.

1. はじめに

ロビン・レイコフ (1975) は、女性は男性よりも種々の場面で断定性 (アサーティブネス) に欠けると述べた。しかし、この特徴は、女性に限らず男性も含めた日本人の表現形式の特徴とされてきたものである。では、日本人の男女は同様に断定性に欠けているのだろうか。本論文では、実際の会話を分析しながら日本人男女のアサーティブネスについて論じていく。

2. ジェンダーとアサーティブネス: 問題の所在

ロビン・レイコフ (1975) が挙げた自己主張 (アサーティブネス) に欠ける女性の特徴、即ち垣根表現 (well, y’know, kinda, etc.) を使用し

て自分の言っていることが不確かで述べている内容が正確かどうか請け合うことができないことを表す、また断定文の前に I guess や I think を、疑問文の前に I wonder を

使用して断定や質問の発話行為に囲いをして語調を和らげる等は、女性に限らず男性も含めた日本人の表現の特徴とされてきたものである。日本語のぼかし表現（「なんか」「ちょっと」「ていうか」「みたいな」等）の研究は数多く行われており（中山(1989)、堀尾(2014)等）、これらの表現の使用は日本語に特徴的であるとされている。

デボラ・タネン(1989)（田丸美寿々訳(1992)）も自己主張に欠けると受け取られやすい女性の特徴として、男性であれば直接的に依頼するところを女性は間接的に依頼するため男性には力の欠如と受け取られてしまう、女性は人の話を聞くときに聞いているということを示す信号即ち相槌を発する頻度が男性より高く相手の話に聞き手の反応を示していく傾向が強い、沈黙の使用が男女で異なる解釈をされる、女性は頻繁に謝罪を行っているため非力や卑下のしるしと取られてしまう等を挙げる。しかし、間接表現を使用する、相槌を多く用いる、沈黙する、頻繁に謝罪を行う、という特徴もまた、男女を問わず日本語の特徴とされてきたものである。デボラ・タネン(1992: 243-245)自身も「間接表現を重視し、発展させた文化もたくさんある。例えば日本などもその一つで、...、人をちょっと夕食に招待するといった場合にすら、そこには微妙な間接表現のやりとりがある。」と述べ、日本語では男女共に間接表現を用いると述べている。また、日本人が相槌を頻繁に用いているということは、Clancy (1982)、水谷(1983, 1985)、メイナード(1992)、堀口（1998）など数多くの先行研究で論じられてきた。では、日本語ではアサーティブネスに関して男女差がないのであろうか？

そこで、本論では以下の3点を中心に考察をしていきたい。

1. 先行研究で挙げられていた女性に特徴的な特徴は、日本語自体の特徴である。では、日本人は男女ともに同じ方略をとるのだろうか？

2. 違いがあるとしたら、それはどこにあるのだろうか？

3. また、その違いはどこから起こるのだろうか？

3. 談話分析に基づくアサーティブネスとジェンダー

第2節で述べたように、ノン・アサーティブネスという特徴は、統計だけでみると男女を問わず日本人に当てはまる特徴である。しか

し、日本人男女は同様の方略をとるのであろうか、男女の相違はないのであろうか。本節では、『女性のことば・職場編』『男性のことば・職場編』から不同意表明の会話例を分析することで、日本語におけるアサーティブネスとジェンダーに

ついて考察をしていく。会議の場面において、上下関係のある男性、女性がどのように反対意見を表明しているかをみていく。

以下は男性同士の会話であるが、断定性を弱めながら意見を述べていることが分かる。

(1) 会話例 6 23A 男 40 代大学教授・23I 男 60 代大学教授・23B 男 50 代大学教授

23I2341: たとえばあの、ほかの研究室でね↑、あの一、演習室に
そういう設備があるのに、[研究室名]だけないってゆうのは不公平感
が。

23A2342: いやあの一、ほかんところはあんまり入ってない、と思
いますね一、あの一ちゃんとよくわかんないんですけど。

23I2343: →はいつてない、じゃー。←<笑い 不明男>

23B2344: 書道科ぐらいですよ、入っているのは、書道科。

23I2345: →あ、そうですか←

23Iの「たとえばあの」「あの一」のように躊躇いがちに述べた意見に対して、23Aは反対意見を述べているが、「いやあの一」「と思います」「あの一ちゃんとよくわかんないんですけど」のように断定性をかなり弱めて発言している。さらに、23Bも「書道科ぐらいですよ」と23Aの意見に同意をしたため、23Iは自らの意見を引っ込めた。日本語の男性の発話にも、このような断定性の低いものが多い、しかし、男性同士の会話の中では、取り分け上下関係がはっきりしている場合に、男性上位者が直接的に意見を述べるものも見られた。

(2) 会議の場面 29A 男 50 代会社経営者で 29G の上司・29G 男 20 代主任

29A5953: 次回からではなく、主要店舗一の、うちが一、...わかる
ためにはどうしたらいいのか、そういうことが大切じゃないんですか↑

29G5954: はい。<間 10 秒>

29G5955: え一、え一と今現在、そのメールってゆう話が出まし
た...その、店舗のかたをですね、メールアドレスを、あの一、確認で
きるような###を、していただければなあと##。<間 3 秒>

29A5956: いや、現在でもわかってんじゃないの↑

29G5957: あの一、ショッ。

29A5958: ただ[自社名]として一、そういう意識を持って、てん、主要店舗の一、担当者の一、その担当者リストっていうのが一、こしらえてないだけじゃないの↑

29A5958: そうです。

会話(2)は、上下関係のある男性同士の会話である。29G（下位者）が、出張の報告の中で、各店舗の担当者に関する情報が少ないから、店舗の担当者のメールアドレスを集めた方がいいと提案しているが、29A（上位者）は、担当者のメールアドレスがあるから、もう一度収集する必要はないと言っている。波線の下位者 29G は丁寧体で、「えーと」「あの一」のようなフィラー、「していただければなあ」とのように授受表現や言いさし表現を用いて、間接的に意見を述べているのに対して、上位者 29A は、下線部で普通体を使い、上り音調で和らげてはいるものの、「じゃないの」のような砕けた表現を用いて、直接的に反対意見を述べていることが分かる。上下関係がある場合は、男性下位者は断定性を弱めているが、男性上位者は普通体を用いて直接的に意見を述べていることが分かる。

次は、会議場面における、女性同士の会話である。

(3) 会議の場面 14A 女 33 歳会社員・14B 女 52 歳社長で 14A の上司

14B8897: それとあと[名字]さんが一、アップでやるのを、（ええ）1 時間半のものを（ああ、ええ）開発してほしいと。

14A8998: 1 時間半ってゆうのは 1 時間半動きっぱなしってゆう感じなんですか↑

14B8999: そう。

14A9000: あ一

14B9001: だから、あの一。

14A9002: →<笑いながら>死ん←じゃうんじゃないの、みんな。

<笑い>

14B9003: →死んじゃわない←と思うけど、でもほらおばあさんたちがやるから、あ、おばあさんったら悪いけどさ。

14A9004: →<笑いながら>おばあさんたち。←

14B9005: ま一、ゆってみれば年齢層が高い人たち(えーえーえーえーInf (女))がやる、あれだから、(はい Inf (女)) そんなになにも、あの、大きいものじゃないでしょ。

14A9006: そう★ですね、そうですね。

14B9007: →激しいものじゃない。←

会話(3) は、女性の社長と社員の会話である。上位者である 14B 社長が 1 時間半ものを開発してほしいということを伝えているが、下

位者である 14A 会社員は、先ず 14A8998 で情報を求め、次に 14A9002 で「死んじゃうんじゃないの、みんな」と笑いながら冗談を言うことで反対意見を出している。それに対して、14B も下線部の発話で 14A の冗談に「死んじゃわないと思うけど」と反対意見を述べ、さらに砕けた表現を用いて「おばあさんたちがやるのだから大変なものであるはずはない」と 14A を説得しようとしている。ここで収集したデータでは、女性の場合は、上司であってもあまり直接的な表現をするものは見つからなかった。また、鈴木(1997)の議論とは異なり、親しい関係であれば、女性下位者が取り分け女性上位者に冗談など積極的な方略を使っている例も見つかった。

次は、会議場面における男性上司と女性会社員の例である。

(4) 打ち合わせの場面 13G 男 50 歳購入課次長・13A 女 24 歳会社員 13G は 13A の上司

13G7517: ちょいとさー

13A7518: はい。

13G7519: 手数かけちゃうけどー、直接電話しちゃってよ。

13A7520: はい。

13G7621: これ、間違ってるといっちゃうとー、悪いもん。

13A7522: あっ、これー、じゃ、もう、なんにもいわないとー、来月からこのまんまー、できちゃ、てしまう。

取引先の請求書について話し合っている場面である。男性上位者 13G は「これ、間違っているといっちゃうとー、悪いもん。」と言う理由で、女性下位者 13A に普通体の非常に砕けた表現「手数かけちゃうけど、直接電話しちゃってよ」を用いながら、指示を出している。それに対して、女性下位者 13A

は、それだと来月から困る事態になるということを伝えることで、間接的に「間違っているということを伝えるべきだ。」という反対意見を述べようとしている。会話(2)の場合と同様男性上位者は直接的表現を用いることがある。

基本的には、日本語の会話では間接的に意見を述べるものが多かったが、会話(2)(4)に見られたように、男性上位者が下位者に対して反対意見を直接的に述べる例もしばしば見られた。それに対して、女性上位者では、下位者に対しても直接的に意見を述べることは少なかった。

これらの会話例から分かるのは、日本語では男女とも間接的に意見を述べるものが多いのであるが、上下関係が断定性に影響を与えており、男女に関わらず下位者は間接的に意見を述べること、上位男性

については直接的に意見を述べることもあるが、上位女性については少なかったということである。

4. ノン・アサーティブネスは日本人女性の特徴か、日本人の特徴か？

第2節で立てた3つの疑問点については、本稿で分析したデータからは、以下のような結果を得ることができた。

1. アサーティブネスに関して、日本人は男女共に同様の方略をとるのだろうか？

・日本人男女は間接的に意見を表明する傾向があった。それ故、アサーティブネスに関しては、いずれも断定性があまり高くないという点は類似していた。断定性の低さは日本人女性のみならず、日本人男女に当てはまる特徴であると考えられる。

・また、男女に関わらず日本人は、下位者は上位者に対して、丁寧体を基調として、断定性を和らげる話し方をしていた。

2. 違いがあるとしたら、それはどこだろうか？

・上位男性の場合のみ、下位男女性に話すときに直接的表現を使用する例が複数見られた。

・女性の場合、上位者・同位者のみならず下位者であっても、冗談を言って反対意見を表明する等の積極的なポライトネス・ストラテジーを用いながら反対意見を表明する、という例が見られた。これは、鈴木(1997)の述べた「女性は女性としてのアイデンティティを保つためには、積極的な丁寧さよりも消極的な丁寧さの方を優先させなければならない」とは異なる結果となった。

3. またその違いはどこから起こるのだろうか？

・女性の上位者は下位者に対しても直接的表現を用いることは少ないこと、女性下位者は親しい関係であれば積極的方略を使うこと、男性上位者は下位者に対して直接的表現を使うことがあることは、タネンの述べる男女差、男は「地位」で話し女は「和合」で話す傾向が強いという違いとも関わっているのではないかと推測できる。

5. おわりに

本稿では、女性の言葉の特徴とされた、いろいろな種類の垣根表現を使用すること、断定や質問の発話行為に囲いをして語調を和らげること等が、女性に限らず男性も含めた日本人の表現形式の特徴とさ

れてきたものであることから、日本人の男女は同様に断定性に欠けているのだろうか、また断定性について、日本人にはジェンダー差がないのだろうかという点について、職場でのデータを分析することで議論した。その結果、日本人は男女共に断定性が低いという特徴をもつが、男性上位者のみが下位者に対して直接的表現を用いていたこと、女性上位者は下位者に対しても同位者と同様の方略を使っていたこと等から、タネンの述べる「女性は和合で話す但男性は地位で話す」という特徴があることが、示唆された。

References

Clancy, Patricia (1992) "Written and spoken style in Japanese narratives," Deborah Tannen (ed.), *Spoken and written language*, 55-76. Norwood, NJ: Ablex.

Lakoff, Robin (1975) *Language and Women's Place*, New York: Harper and Row.

[かえ・あきば・れいのるず訳 (1990) 『言語と性：英語における女の地位（新訂版）』有信社]

Tannen, Deborah (1989) *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation.*, New York : William Morrow. [田丸美寿々訳(1992) 『わかりあえない理由』講談社]

現代日本語研究会編 (1997) 『女性のことば・職場編』東京：ひつじ書房.

現代日本語研究会編 (2002) 『男性のことば・職場編』東京：ひつじ書房.

鈴木睦 (1997) 「女性語の本質—丁寧さ、発話行為の視点から」 『女性語の世界』明治書院, 59-73.

中山治 (1989) 『「ぼかし」の心理—人見知り親和型文化と日本人—』創元社

堀尾佳以(2014) 『若者言葉にみられる言語変化に関する研究』九州大学大学院芸術工学府博士論文

堀口純子 (1998) 「コミュニケーションにおける聞き手の言語行動」 『日本語教育』64号、13-26

水谷信子(1983) 「あいづちと応答」 『話し言葉の文法』水谷修編、37-44, 東京：筑摩書房

_____ (1985) 『日英比較話しことばの文法』東京：くろしお出版

メイナード・K・泉子(1992) 『会話分析』東京：くろしお出版

ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ АТТРАКТИВНОСТИ ДИСКУРСА КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Рассматривается вопрос о связи событийности как одного из параметров дискурса с понятием аттрактивности. Обосновывается положение о роли конструирования противоречия в разных его видах в реализации лингвокогнитивных механизмов аттрактивности дискурса. На основе выборки репрезентативных текстов дискурса «продвигающего» типа на корейском языке выделяются когнитивные механизмы аттракции, в основе которых лежит конструирование противоречия.

Ключевые слова: эффективность дискурса, событийность дискурса, аттрактивность, дестинация дискурса, дискурсивный механизм аттрактивизации, противоречие.

A. Orsoeva

Irkutsk State University, Irkutsk

CREATION OF A CONTRADICTION AS A METHOD OF ACHIEVING THE ATTRACTIVITY OF DISCOURSE OF A COMMUNICATIVE EVENT

Abstract. The article is devoted to the issue of the connection of eventfulness as one of the parameters of discourse with the concept of attractiveness and destination of discourse. It substantiates the position of the role of various forms of contradiction in the implementation of linguocognitive mechanisms of discourse attractiveness. Cognitive mechanisms of attraction are distinguished, as well as ways of representing attractors based on the creating of contradiction on the basis of a sample of representative texts of a discourse of the advancing type in the Korean language.

Keywords: discourse effectiveness, discourse eventfulness, attractiveness, discourse destination, discursive mechanism of attraction, contradiction.

В современной лингвистике в рамках лингвопрагматического и когнитивно-дискурсивного подходов активно разрабатывается проблема эффективности дискурса, реализуемого в тексте определенного типа, вида, жанра. Были сформулированы основные положения теории речевых актов, обосновано понятие «перлокутивного эффекта» [Остин, 1986; Серль, 1986] высказывания в речевой ситуации в связи с достижением прагматического эффекта. В рамках изучения эффективности дискурса исследуются различные проблемы, в том числе вопрос эффективности рекламного текста, обладающего особым воздействующим эффектом [Чернявская, 2017, с. 47]. Кроме того, выделяется текст «продвигающего» типа, обладающий ярко выраженным прагматическим эффектом [Ухова, 2012; Ухова, 2019, с. 48–56]. Разрабатываются модели и формулы эффективного речевого воздействия, в частности разрабатывается анализ дискурса по формуле AID, согласно которой воздействие происходит с помощью эффектов, находящихся в иерархической связи и включающих такие компоненты воздействия и аргументации, как при-

влечение внимания, пробуждение интереса, активизация интеллектуальной деятельности и воображения [Чернявская, 2017, с. 74–75]. В ряду типа «продвигающего» дискурса выделяется вид «дискурса события», под которым понимается дискурс, создающий или сопровождающий ситуацию, планируемую в качестве события (акции, мероприятия, собрания и т. п.).

Важно отметить, что исследование качества эффективности дискурса проводится при соотношении с другими качественными характеристиками. В виде значимого, выводного, результативного аспекта реализации дискурса рассматривается параметр событийности [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Активно разрабатываются аспекты данной категории: оценивается онтологический статус события и событийности [Арутюнова, 1988; Демьянков, 1983], способы обозначения события языковыми средствами [Арутюнова, 1988, с. 169–181; Гольдин, 1997, с. 23–34], текстовая репрезентация события [Шабес, 1989, с. 45–49]. Намечаются пути разработки событийности дискурса [Трещева, 2012, с. 25; Степанова, 2003, с. 61–64] как категории, которая оказывает влияние, определяет степень его эффективности [Гаврилова, 2018, с. 37].

Событийность понимаем как способность произведения к изменению положения дел в мире в ходе и результате некоторого действия [Шмид, 2003, с. 182–183], в том числе и в более общем смысле – в процессах когнитивно-дискурсивной деятельности. Считаем, что к категориям, обеспечивающим событийность дискурса, следует отнести категорию аттрактивности, экстраполированную из теории синергетики [Николис, 2003, с. 84] и активно используемую в современной лингвистике [Герман, 2000], в анализе текста [Москальчук, 2003], в дискурсологии [Плотникова, Серебренникова, 2013]. Язык рассматривается как открытая нелинейная смыслопорождающая система, подверженная хаотическим состояниям, в то время как аттрактор – область и способ упорядочения открытой неравновесной системы. Хаос, хаотические состояния характеризуются неопределенностью и привлекают к себе повышенное внимание, создают ожидание упорядочения. Таким образом, рассматриваем «аттрактивность» как качественную характеристику некоторого значимого дискурса, происходящую благодаря аттракции – привлечению к себе лингвокогнитивных процессов концептуализации и оценивания в коммуникации за счет аттракторов – носителей смысла, упорядочивающих когнитивную ситуацию неопределенности, обуславливающих интеллектуальную и иного типа привлекательность дискурса в коммуникативном пространстве и придающих ему событийность. При этом утверждение о синергичном, креативном характере аттракции, активизирующем и ориентирующем сложную и гетерогенную когнитивную систему человека, поддерживается и объясняется теориями дискурса как способа конструирования «живого знания» [Залевская, 2009,

с. 14–65] в ментальных пространствах в процессах концептуальной интеграции [Fauconnier, 1998, с. 133–183] и теории реализации дискурса как оператора конструирования «альтернативного мира» [Степанов, 1995, с. 34–72].

Возьмем за основу положение о том, что аттрактивность дискурса достигается за счет когнитивных механизмов эвристического характера и возникает вследствие помещения дискурса на границу между когнитивными контрастами: ожидаемым и неожиданным, известным и неизвестным, банальным и оригинальным, привычным и непривычным, создающими координаты большей или меньшей когнитивной неопределенности [Серебренникова, 2018]. В данном случае аттрактор задает направление конструирования смысла для преодоления контраста и выступает как средство репрезентации когнитивных механизмов аттракции – интерпретативного акта, способствующего событийности дискурса в коммуникативном пространстве [Серебренникова, 2013, с. 158–167].

В качестве одного из способов аттрактивизации, по нашему мнению, можно рассматривать конструирование контраста в структуре дискурса на основе некоторого противоречия. Данное явление выступает неотъемлемой частью языковой картины мира и ментального мира человека как одно из средств познания, развития мышления и оценивания [Вольф, 1987, с. 145–164]. Противоречие – это взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самовыдвижения и развития объективного мира и познания [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 264]. Обладая нелинейной структурой, контраст, парадокс, антитеза нарушают привычную структуру сознания, осуществляя нарушение логических границ [Грибова, 2011, с. 210–213], и создают проекцию трансгрессии – преодоления воспринимаемого противоречия: знание человека нацелено на решение возникающих противоречий, препятствующих процессу категоризации и классификации, без которых невозможен процесс познания [Болдырев, 2004, с. 14–16; Аллаhverдов, 2000, с. 319–328]. Сознание, столкнувшись с нарушением логических установок, стремится разрешить противоречие, так как возникающее несоответствие в системе знаний приводит к появлению когнитивного диссонанса, психологического дискомфорта [Фестингер, 1999, с. 17]. В таком случае сообщение вынуждает адресата заострить внимание на конструируемом в дискурсе диссонансе, интенсифицируя «обработку» информации в когнитивных структурах опыта переживания и познания, приводя к эффекту трансгрессии противоречия. Таким образом, можем сделать вывод о том, что структурирование противоречия обладает определенным эвристическим воздействующим потенциалом и может являться основой лингвокогнитивных механизмов, способствующих аттрактивности дискурса, обеспечивающей, в свою очередь, его событийность.

Задачей исследования является моделирование когнитивных механизмов аттракции, имеющих в своей основе противоречие, и выявление средств его конструирования в текстах продвигающего типа южнокорейского интернет-пространства. Материалом для анализа послужили медиатексты «продвигающего» типа разных форматов и жанров на корейском языке, в которых реализуется дискурс события, в том числе плакаты, рекламные тексты, лозунги. Источниками корпуса текстов выступили интернет-ресурсы южнокорейского интернет-пространства. Основным критерием отбора текстов был критерий событийного статуса: роль дискурсов, создающих и/или сопровождающих ситуацию, планируемую и ожидаемую в статусе события, прежде всего коммерческого события. Интенционально медиатексты, отобранные для анализа, направлены на привлечение внимания к планируемому событию и инициацию адресата выполнить ожидаемые действия: прочесть статью, приобрести рекламируемый товар, присоединиться к группе людей и т. д. Дестинацией – когнитивной предназначенностью в данной коммуникативной ситуации [Плотникова, 2013, с. 183–189] такого типа дискурсивных формаций – является изменение отношения адресата и его вовлечение в событие.

Путем интерпретации были выявлены следующие механизмы аттракции, в основе которых лежит противоречие, конструируемое в высказывании/дискурсе в виде контраста.

1. Парадоксальное структурирование

Конструирование аттрактора происходит на границе противопоставления: *할 일 없는 초리한 슈퍼맨 – бедный супермен, оставшийся без работы* [YTN]; *부드럽고 딱딱한 토슈즈 – мягкие твердые пуанты* [블랙 워터].

Конструируемое противоречие открывает и интенсифицирует интерпретативную перспективу совмещения, по форме представляя яркий пример языковой игры.

В примере «*할 일 없는 초리한 슈퍼맨 – бедный супермен, оставшийся без работы*» вторая часть текста/дискурса приводит к активизации ментальной сферы «фантастики», связанного с концептуальным миром волшебства, неограниченной волшебной силы, добра, его бесконечной борьбы со злом, уверенности. *Супермен* должен, согласно контексту и как следует из восприятия и концептуализации второй части дискурса, осмысляться в совершенно иной – противоположной сфере «обыденности», «неудачи», связанной с концептуальной сферой отчаяния, беспомощности, жалости. Аттрактор создаёт эвристическую «загадку», которая способна иницировать желание её преодолеть, разгадать, что потребует более глубокого вовлечения в ситуацию путем версификации интерпретационного поиска ответов на вопросы о том, возможна ли такая ситуация, при каких условиях «всесильный» супермен может оказаться в обыденной ситуации безработицы.

Таким же образом действует механизм аттракции в заголовке текста, посвященного острой проблеме снижения уровня интереса к балетному искусству в Южной Корее: *부드럽고 딱딱한 토슈즈 – мягкие твердые пуанты* [SBS [http](#)]. Противоположные друг другу качественные характеристики мягкости и твердости нарушают логический ряд, одновременно описывая один и тот же предмет, тем самым вызывая интерес и активизируя воображение адресата.

2. Конструирование противоречия по принципу сравнения

Аттрактор формируется на основе создания потенциального выбора между двумя противостоящими друг другу утверждениями:

은 세상이 좋아하는 나보다 내가 좋아하는 나의 길 – Мой путь, который выбираю я сама, превыше той меня, которую любит весь мир [미샤].

Данный текст является слоганом рекламной кампании, целью которой являлось убедить корейских женщин использовать декоративную косметику естественных оттенков и избегать кричащего образа в макияже. Механизм формирует для адресата некий иллюзорный выбор между двумя вариантами разного уровня: выбор всего мира или выбор каждого отдельного человека, при этом ответ на вопрос помещают в рематической части текста, тем самым подчеркивая его значимость, выделяя её: *мой путь, выбранный мною*.

В слогане медиатекста *지킬 것인가? 버릴 것인가? – Защитить ли? Бросить ли?* [MBN [http](#)] (вопрос о защите культурного наследия Южной Кореи) эффект сравнения и выбора между двумя вариантами усиливается прямым вопросом как актом речи, персонализирующим высказывание. Адресата не просто информируют о наличии проблемы и выбора ее решения, перед адресатом ставят вопрос и, таким образом, вовлекают в проблему ради принятия решения.

3. Конструирование противоречия на основе полюсных пар, способствующее проблематизации ситуации

Аттрактор конструируется на грани диалектического противопоставления.

Подобным образом строится противоречие в слогане антиалкогольной кампании, боровшейся с принуждением сотрудников корейских компаний пить алкоголь во время обедов или ужинов, являющихся неотъемлемой частью корпоративной культуры Южной Кореи:

*후배가 안 마셔서 아쉬워? Жаль, что младший коллега не пьет?
역지로 마시는거 아쉬워! Жаль, когда пить приходится против воли!* [SBS [http](#)].

Перед адресатом конструируется проблема, касающаяся не только лично его, но и всего общества, побуждающая его занять позицию. Путем противопоставления традиционных взглядов на правила обществен-

ного поведения и современных взглядов на мир формируется новый уровень культуры корейского народа – более свободной и раскрепощенной, делается попытка изменить картину мира корейского общества в целом и каждого жителя Южной Кореи в частности. Контрастная проблематизация вопроса пробуждает внимание и интерес, активизируя интеллектуальную деятельность и затрагивая эмоциональную сферу человека.

유인영의 ‘블랙 VS 화이트’ 극과 극 매력 – очарование «Белого и черного», очарование двух полюсов Ю Ин Ён [SBS].; 미세먼지가 큰 문제다 – мельчайшая пыль – большая проблема [SBS].

Данные тексты демонстрируют противодействие и сочетание противоположных понятий: «маленький – большой», «черный – белый», «Северный полюс – Южный полюс», инициируя трансгрессию данных антитетических качеств у адресата-интерпретатора.

4. Разрыв шаблона

어두워도 밝아도 언제나 완벽한 사진. 기억하고 싶은 순간은 낮과 밤을 가리지 않고 찾아옵니다. 어둠 속에서도 선명한 카메라 – Когда светло, когда темно – великолепные фотографии. Моменты, которые вы хотите запомнить, можно запечатлеть вне зависимости от того, день сейчас или ночь. Четкие и яркие фотографии даже в темноте [삼성]; 경찰차가 날다 – полицейская машина летает [경찰청].

Данный способ структурирования дискурса реализуется в интерпретационных процессах на границе совмещения возможного и невозможного. Особенностью его является то, что он основан на использовании устоявшихся суждений – «общих мест», доксы. В основе противоречия лежит нарушение стереотипного мнения, в том числе явления прецедентного характера. Непривычные для сознания образы, такие как летающая машина, легко осуществляемая ночная фотосъемка не только противоречат привычным установкам, но и создают новые грани реальности. Таким образом, использование нарушения шаблонной, стереотипной модели мышления, неосознанно используемой человеком в повседневной жизни, является механизмом, позволяющим оказать наибольшее воздействие на адресата, так как именно в этот момент сознание наименее защищено и подвержено внушению, порождая эффект фасцинации.

5. Импликация ценностного статуса по противопоставлению. Реализуется преимущественно в стратегии повышения статуса новизны репрезентируемого объекта. В основе самого понятия «новый» лежит противопоставление устаревшему, неактуальному, немодному, несовершенному. При этом аттрактивность дискурса достигается путём импликации концептуальных признаков новизны как сквозной контрастной линии структурирования дискурса. Рассмотрим данный механизм на примере текста, продвигающего новую модель телефона южнокорейской компании «Самсунг».

갤럭시는 지난 10 년간 모바일 시장의 혁신을 이끌어 왔습니다. 이제 새로운 시대의 혁신을 만나볼 시간입니다. 갤럭시 S10e, S10, S10+. 새로운 시대를 이끌어갈 갤럭시를 소개합니다. 뛰어남을 뛰어넘은 새로운 시대의 스마트폰. 완벽에 가까워진 새로운 디자인. 넓은 세상을 보는 더 넓은 시야. 스트리밍도 공유도 쉽고 빠르게. 남보다 늘 한발 앞서갈 수 있도록. 갤럭시와 새로운 생활을 시작하세요 – Galaxy S10e, S10, S10. Представляем модель телефона Galaxy, который ведет за собой новую эпоху. При создании Galaxy мы следовали принципу применения инновационных технологий на протяжении 10 лет. Смартфон новой эры. Новый дизайн, еще ближе к совершенству. Более широкий обзор, благодаря которому виден огромный мир. Общаться и делиться информацией еще легче и быстрее. Так, чтобы всегда опережать остальных на один шаг. Начните новую жизнь с Galaxy [삼성].

Каждое предложение основано на имплицитии и игре с контрастом: «инновации» имплицитируют «устаревшие технологии», «опережать на один шаг» – «отставать», «широкий обзор» – «узкий обзор, отсутствие обзора». Тем самым сохраняется основной принцип аттрактивизации дискурса – интенсификация эвристической деятельности адресата-интерпретатора, активизирующая ожидание, интеллект, воображение, эмоции в конструировании «живого знания» в поиске решения «загадки» – проблемы и, как следствие, способствующая достижению событийности дискурса.

Таким образом, механизмы аттрактивизации, в основе конструирования которых лежит противоречие, являются одним из эффективных способов достижения событийности дискурса. Аттрактор в этом случае формируется в локусе преодоления противоречия в интегративной концептуализации информации адресатом-интерпретатором, инициируя его вовлечение в коммуникативное событие.

Литература

- Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб. : ДНК, 2000. С. 319–328.
- Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
- Болдырев Н. Н. Свойства и границы оценочных категорий в свете новых представлений о процессах категоризации // Языковые категории: границы и свойства : материалы Междунар. конф. М. : МГЛУ, 2004. С. 14–16.
- Вольф М. К. К вопросу о гегелевском учении о противоречии // Философия Гегеля: проблемы диалектики. М. : Наука, 1987. С. 145–165.
- Герман И. А. Лингвосинергетика : монография. Барнаул : Изд-во Алт. акад. экономики и права, 2000. 168 с.
- Грибова М. В. Противопоставление как один из приемов языкового манипулирования в рекламе // Соц.-экон. явления и процессы. 2011. № 8(30). С. 210–213.

Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // *Жанры речи*. 1997. Вып. 1. С. 23–34.

Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // *Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1983. Т. 42, № 4. С. 320–329.

Залевская А. А. Проблема знания в различных ракурсах // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. С. 14–65.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М. : Наука, 1994. 238 с.

Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М. : УРСС, 2003. 296 с.

Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М. : Едиториал УРСС, 2003. 605 с.

Остин Дж. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике* / под ред. Б. Ю. Городецкого. 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–130.

Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология. *Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та*. 2013. № 1. С. 183–189.

Серебренникова Е. Ф. Многозначность в аспекте аттрактивности знака в коммуникации // *Многозначность языковых единиц в когнитивном аспекте : кол. моногр. / под ред. Л. М. Ковалевой [и др.]*. Иркутск : ИГЛУ, 2013. С. 158–168.

Серебренникова Е. Ф., Орсова А. А. Эффективность дискурса: взаимодополнительность событийности, аттрактивности, дестинации // *Язык – культура, мышление – познание. Интегративные исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (28–30 июня 2018 г.)*. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. С. 41–48.

Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике* / под ред. Б. Ю. Городецкого. 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170–194.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // *Язык и наука конца XX в. : сб. ст.* М. : РГГУ, 1995. С. 34–72.

Трещева Е. Г. Имена ситуаций-событий и типология их ассоциативных полей : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. С. 25.

Ухова Л. В., Аниськина Н. В. Коммуникативно-стилевая мимикрия как важный прием создания «продвигающего» текста. Ярославль : ЯГПУ, 2012. С. 52.

Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста : монография. М. : ФЛИНТА, 2019. С. 48–65.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Ювента, 1999. С. 15–52.

Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Сов. энцикл., 1983. 840 с.

Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М. : Ленанд, 2017. 176 с.

Шмид В. Нарратология. М. : Яз. славян. культуры, 2003. 312 с.

Fauconnier G. Mentalspaces, languagemodalities, and conceptual integration // *The new psychology of language: Cognitive and Functional approaches to Language structures*. Ed. by M. Tomasello. Lawrence Erlbaum, 1998. P. 133–183.

Список источников примеров:

1. MBN [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.co.kr/> (дата обращения: 13.03.2019).

2. SBS [Электронный ресурс]. URL: <https://news.sbs.co.kr/news/news-Main.do?plink=GNB&cooper=SBSNEWS> (дата обращения: 14.03.2019).

3. YTN [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ytn.co.kr/> (дата обращения: 23.03.2019).

4. 광고정보센터 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kfaa.org/> (дата обращения: 14.03.2019).
5. 삼성 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.samsung.com/ru/> (дата обращения: 16.03.2019).
6. 경찰청 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.police.go.kr/main.html> (дата обращения: 11.03.2019).
7. 미샤 [Электронный ресурс]. URL: <http://missha.beautynet.co.kr/main.do> (дата обращения: 13.03.2019).
8. 블랙위터 [Электронный ресурс]. URL: <http://bwissue.com/> (дата обращения: 24.03.2019).

УДК 339.37

逢卉一 李静宜 石国华
山东工商学院, 烟台

新零售环境下配送终端的社群共享整合模式研究

—以“90后”大学生样本为例

摘要.“新零售”的出现不仅冲击着传统零售业的发展,也必将推动着物流配送模式的转变。极具个性的“90后”消费群体是网络购物的主力军也是与物流终端配送接触最紧密的群体之一。本文选取“90后”大学生作为研究样本,针对消费者对配送终端服务满意度进行问卷设计与调查分析,分析得出影响消费者对终端配送满意度的敏感指标。并以此为基础结合新零售“高效率、重体验、数据化”的本质特点,针对物流企业的配送终端提出了社群共享整合模式。该模式以信息技术为基础,通过创新渠道通路、业务流程、客户关系等手段,对利益相关者进行深度整合并使其各取所需、提升价值;该模式可以快速进行复制并具有一定的趋势性,为物流企业的转型升级提供了有效的借鉴思路。

关键词: 社群用户, 共享整合模式, 新零售, 配送终端。

Pang Huiyi, Li Jingyi, Shi Guohua
Shandong Technology and Business University, Yantai

RESEARCH ON COMMUNITY SHARING AND INTEGRATION MODE OF DELIVERY TERMINAL UNDER NEW RETAIL CIRCUMSTANCES

— Based on Sample from Post-90s College Students

Abstract. The emergence of the “New Retail” will impact on development of traditional retail industry and will surely promote the change of the distribution mode. The highly-featured post-90s are main force in e-shopping and they are also one of the groups who have the closest contacts with the terminal delivery. This essay selects the post-90s college students as the research sample and designs questionnaire and survey analysis on consumer satisfaction with the services of delivery terminal. The article analyzes and obtains the sensitive indicator which affects the consumer satisfaction degree to the delivery terminal. Based on the results of the data analysis and the new retail thinking, the essay puts forward a new mode of sharing and integration for the consumers who are characterized as densely populated, fast spread and easy to get data. Based on information technology and other means such as creative channels, business procedures and customer relationship, all deeply integrated interest-concerned parties in the new mode can get what they want and value themselves respectively. This community sharing and integration mode can not only be imi-

tated quickly with strong tendency but also provide an effective reference for the transformation of logistics enterprises.

Keywords: community customer; sharing and integration mode; new retail; delivery terminal.

一、问题的提出与文献综述

2017 年是“新零售”发展元年，随着阿里“盒马”的面纱揭开，新零售即将全面爆发。今年 3 月《C 时代 新零售—阿里研究院新零售研究报告》中对“新零售”做出了明确的定义：即“新零售”是以消费者体验为中心的数据驱动的泛零售形态。它的核心在于供应链的重构从而产生新的商业业态，最大程度地提升流通效率。“新零售”主要是“线上+线下+物流”的深度融合，数据技术驱动为消费者提供全渠道、全面化的服务。

物流与线上线下的协同也是“新零售”的关键点，“新零售”不仅冲击着传统零售，它对目前的物流模式也提出了新的要求。“新零售”是 O2O 的延伸，它更加注重物流的协同与客户的体验，它不仅要解决传统零售的时空限制与成本高的问题，还要改善网络购物的物流短板效应和场景化缺失的问题。从这个角度看，“新零售”给物流支线配送末端的服务驿站提供了非常好发展空间。

2018 年随着“双十一”的结束，其快递陆续到达末端，大学校园成为“重灾区”，这里简直就是包裹的海洋。北京、天津、福州三地，大学生使出浑身解数找快递，平均每找一个至少花费 20 分钟，有的甚至用行李箱、板车来装快递。可见，当下作为网络原住居民的九零后群体正逐步成为网络消费的主流，他们成为了与物流配送行业接触较为频繁的一个重要群体。这种校园现象也折射出目前网络环境下社会普遍存在的快递现象。

关注如何提升网络消费者的客户体验并且如何与零售行业高效率、重体验、数据化的特点相一致，去探索服务于社群用户的物流配送终端的改革模式,这对于物流企业运作模式的转型升级是一个有趣而有意义的研究话题。

Gevaers R, Van de Voorde E 和 Vanelslander T 的实证研究表明，在最后一公里的配送过程中，单位配送成本会随着单位平方公里收件人的数量增多而减少 [Gevaers, 2014]。齐严利用扎根理论对创新领先企业进行研究发现，在零售企业商业模式创新过程中，技术创新是基础，价值主张创新是目标，渠道通路、关键业务、客户关系创新是手段，在技术创新、竞争驱动、需求拉动的共同作用下，零售企业最终实现商业模式的整体创新 [齐言, 2017]。目前关于物流服务质量的认可度最高，应用最为广泛的是 Parasuraman、Zeithaml 和 Berry（简称 PZB）在 1988 年提出的关于服务质量的 SERVQUAL 评价模型 [Parasuraman, 1988] 和 Mentzer 等学者以顾客为对象进行调研，从而构建出测量物流服务质量

的 9 个维度、25 个指标的 LSQ 模型[Mentzer, 2001]。国内朱美虹等以 SERVQUAL 量表为基础并结合我国快递行业新标准,在原有的五个一级指标基础上加入了安全性这一指标,通过数据分析最终建立起测量快递业服务质量的量表[朱美虹, 2011]。闫景民在深入研究了服务质量差距分析模型和 SEVRQUAL 模型之后,结合我国快递物流业中存在的问题,构建出我国物流服务质量满意度评价指标体系[闫景民, 2012]。杨永清、于本海在回顾文献的基础上,提出关于物流服务过程质量包含四个方面,分别为交付服务质量、信息服务质量、人员服务质量和服务的规范性。并且深入探究了这四个物流服务质量维度对消费者在线购买行为的影响[杨永清]。

由于“新零售”刚刚起步,学者只是从概念、成因、本质等角度进行理论的研究,对于新零售环境下配送模式的研究比较少。本文选择高校学生作为研究样本,针对类似高校学生这样的社群消费者,探讨了新零售环境下的配送终端的共享整合模式。

二、研究设计

(一) 测量体系的构建

SERVQUAL 模型从维度的层面来测量消费者对服务质量的感知,LSQ 模型构建的 9 个要素涉及到物流配送服务质量的一些核心要素。本文借鉴物流服务质量的这两个测量体系,然后根据网购物流配送服务的流程特点,将影响网购物流配送满意度的要素归纳为时间效率、服务水平、安全质量和价格四个维度。网购物流配送满意度体系详细内容如表 1 所示。

1. 时间效率

时间效率主要是指在物流配送过程中运输人员的运输速度,派件人员的发货速度以及物流公司准时率。其二级指标主要测量的是物流配送的技术水平,人员和作业工具的衔接程度。

2. 服务水平

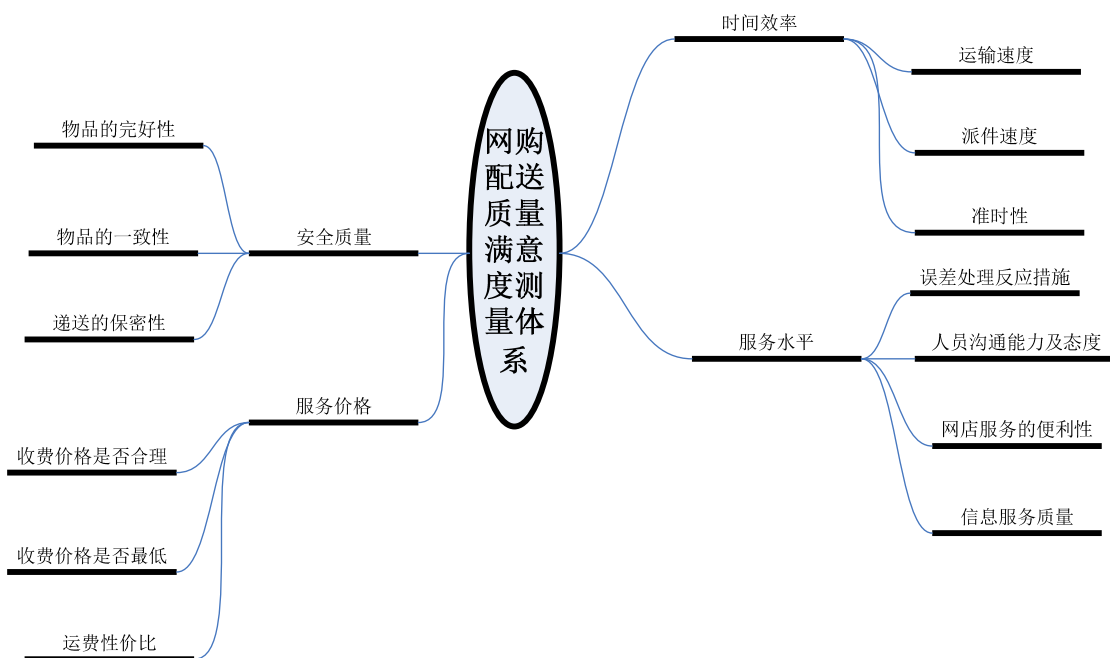
服务水平主要指的是物流公司能给消费者提供的享受程度及利益。具体体现在为消费者提供配送服务的过程中,包括服务的便捷性、服务方式、服务环境以及服务人员在履行自己职责时的态度,还包括处理误差时的反应速度和补救措施等方面。

3. 安全质量

安全质量从配送的物品角度来讲,是指实际配送的商品品类、数量和规格是否一致的,另外配送物品的外包装及内在质量的完好程度也是测量安全质量的一个重要因素。从整个配送的流程来讲,就是指的配送过程中对消费者个人信息的保密性。

4.服务价格

服务价格主要指物流配送企业为消费者提供服务的货币表现形式。包括收费价格的合理性、标准化以及对消费者而言是否具有更高的性价比。

图

1 网购物流配送质量体系表

(二) 问卷编制

问卷主要包括三个部分的内容。第一部分是个人基本资料的调查。被调查者绝大多数为 18-25 岁的年轻群体，差别不大，故只调查性别这一基本情况。第二部分是使用快递情况的调查。包括被调查者网购次数，最多使用的快递公司，经常遇到的物流问题，比较注重的物流因素。第三部分是对近期使用的快递公司服务质量满意程度的调查，根据构建的测量体系中的指标内容，参考国内学者所设计的调查题项，对问题进行进一步斟酌和修改，一共设置 13 个题项。问卷中每个题项采取五点李克特量表测量，请大学生对自己所接受过的物流配送服务做评价。

(三) 问卷的发放与回收

本次问卷调查采用了网上问卷和实地调查两种方法来进行。网上问卷是将问卷通过的 QQ、微信、Email、微博等方式邀请大学生填写；实地调查主要是在学校内发放调查问卷进行数据回收。调查一共进行了近 20 天的时间，共计发放 200 份问卷，回收 185 份问卷，问卷回收率为 92.5%。剔除作答不完整和填写不清的无效问卷，共计收到有效问卷 180 份。其中纸质问卷 70 份，网上问卷 110 份，问卷有效率 90%。

三、样本分析

(一) 描述性统计分析

由表 1 受访者基本情况统计表所示, 从性别比例上来看, 男生占 47.22%, 女生占 52.78%, 男女比例没有太大的偏差。

表 1 受访者基本情况统计表

	变量	样本量	百分比 (%)
性别	男	85	47.22
	女	95	52.78

从表 2 快递使用基本情况调查表中可以看出, 抽样的 180 位大学生, 全部都有网购经历, 这是测量物流配送服务满意度的条件。每月有 3 次以下网络购物的学生数比例为 49.44%, 每月有 3-5 次网络购物的学生数比例为 33.33%, 每月从来不在网上购物的学生为零。这些完全符合大学生群体热衷于网上购物的消费特点。在大学生网络购物过程中遇到的物流配送问题以及对物流配送所关注的要素中: 最多的为送货拖延的问题, 其比例占到 63.89%, 其次是物流信息更新不及时的问题, 其比例占到 56.67%。在大学生最关注的物流配送要素中, 速度所占的比例最高, 达到了 83.89%, 其次是安全性, 比例占到 62.22%, 其他因素只有 2.22% 的比例。

对于物流公司的选择, 圆通的选择率最高, 比例为 29.44%。“三通一达”的选择率占到了 77.22%, 选择其他物流公司的有 4.44% 的比例, 这说明调查问卷中的物流公司不具有单个局限性, 更符合研究条件。同时从对我们学校大学生的调查和访谈来看, 学生在选择快递公司时最注重价格, 更注重便捷效率, 同时对于服务条件和服务态度也较为敏感。因此, “三通一达”的服务质量虽然不及“顺丰”, 价格不及“天天”等便宜, 但是大学生仍然十分青睐。这也是非常符合实际的。

表 2 快递使用情况统计表

	变量	样本量	百分比 (%)
网购频次	从不	0	0.00
	3 次以下	89	49.44
	3-5 次	60	33.33
	5 次以上	31	17.22
经常遇到	经常出现快件丢失或破损的情况	20	11.11

的物流问题	物流人员服务恶劣	45	45.00
	物流信息更新不及时	102	56.67
	送货拖延, 快递变慢递	115	63.89
	运费高于您的期望值	49	27.22
	其他	15	8.33
最看重物流的哪些因素	价格	90	50.00
	速度	151	83.89
	安全	112	62.22
	服务质量	68	37.78
	便捷	58	32.22
	其他	4	2.22
选择物流公司的情况	顺丰	20	11.11
	中通	21	11.67
	圆通	53	29.44
	韵达	33	18.33
	申通	32	17.78
	EMS	13	7.22
	其他	8	4.44

(二) 样本的信度分析

本次数据分析采用 SPSS19.0 软件进行的内在信度分析, 即对调查问卷中出现的 13 个满意度测量题项的一致性进行检验。本问卷的具体分析结果如下:

表 3 总体信度表

Cronbach's Alpha	基于标准化项的 Cronbach's Alpha	项数
0.851	0.892	13

表 3 总体信度表结果显示, 本问卷整体的克朗巴赫系数为 0.892, 接近 0.9, 表示问卷测得的结果是可信的。

(三) 样本的效度分析

效度分析又称为有效性分析, 是问卷在多大程度上测出了研究者想要测量的目标以及所测的结果是否能正确、有效地说明所要研究的现象。效度越高, 测出的结果与所要研究的目标就越一致。表 4 的结果可以看出: 首先, 要进行 KMO 值测算和巴特利 (Bartlett) 球体检验, 当 KMO 值大于 0.7 时, 可放心进行因子分析。其次, 在巴特利球体检验表中, 显著性概率即 P 值为 0 小于 0.01, 因此非常适合进行因子分析。

表 4 KMO 和 Bartlett 的检验

Kaiser-Meyer-Olkin 测量值	0.856
Bartlett 的球形度检验近似卡方值	703.614
df	78
Sig.	0

由表 5 总方差分解表可知，共有四个特征根大于 1，即提取出四个主因子，其累计方差贡献率达到 67.832%。

表 5 总方差分解表

成份	初始特征值			提取平方和载入			旋转平方和载入		
	合计	方差的 %	累积 %	合计	方差的 %	累积 %	合计	方差的 %	累积 %
1.00	4.7	36.382	36	4.73	36.382	36.382	2.7	20.923	20.92
2.00	1.4	11.112	47	1.44	11.112	47.494	2.5	19.838	40.76
3.00	1.2	8.004	55	1.24	8.004	55.497	1.9	14.736	55.49
4.00	1.0	7.147	63		7.147	63.055	1.6	12.335	67.83
5.00	0.8	6.47	69						
6.00	0.6	5.375	74						
7.00	0.6	5.081	80						
8.00	0.5	4.503	84						
9.00	0.4	3.835	88						
10.0	0.4	3.429	91						
11.0	0.4	3.143	94						
12.0	0.3	2.947	97						
13.0	0.3	2.573	100						

根据表 6 旋转载荷矩阵表的结果显示：主因子 1 对应主要用 Q6.1-Q6.3 来解释，对应所测时间速率维度；主因子 2 主要用 Q6.4-Q6.7 来解释对应所测服务水平维度；主因子 3 主要用 Q6.11-Q6.13 来解释，对应所测维度服务价格；主因子 4 用 Q6.8-和 Q6.10 来解释，对应所测维度安全质量。可以推断问卷设置的满意度测量体系合理。

表 6 旋转载荷矩阵

	成分			
	1	2	3	4
Q6.2	0.747	0.032	0.039	0.033
Q6.1	0.716	0.114	0.245	0.185
Q6.3	0.714	0.184	0.282	0.136
Q6.5	0.247	0.765	0.023	0.093
Q6.4	-0.04	0.734	0.124	0.323
Q6.6	0.365	0.538	0.059	0.204

Q6.7	0.268	0.599	-0.007	0.023
Q6.11	0.164	0.203	0.756	0.017
Q6.12	-0.072	0.207	0.747	0.088
Q6.13	0.376	-0.04	0.734	0.055
Q6.10	0.188	0.232	0.123	0.585
Q6.9	0.355	0.267	0.088	0.511
Q6.8	0.388	0.181	0.053	0.501

四、结果分析

将选项“非常满意、满意、一般满意、不满意、很不满意”分别赋值为 5 分、4 分、3 分、2 分、1 分。得出各题项的满意度情况具体如表 7 所示。大学生消费者相对满意的问题是物品的一致性，完好性和服务的便利，这些问题都是大学生对于网络购物配送所关注的问题。

表 7 网购配送质量满意度调查结果表

质量维	测量题项	最大值	最小值	均	排
时间速率 3.05	Q6.1 商品发货之后的运输速度	5	1	2.9	12
	Q6.2 派件员的派件速度	5	1	3.0	6
	Q6.3 物流约定时间与实际收货	5	1	3.0	9
服务水平 3.11	Q6.4 客服人员对误差处理的反	5	1	2.8	13
	Q6.5 网点覆盖率和便利程度	5	1	3.3	3
	Q6.6 物流追踪信息可得性和充	5	1	3.1	5
	Q6.7 物流人员沟通能力和服务	5	1	3.0	7
安全质量 3.36	Q6.8 配送物品与您订购物品的	5	1	3.5	1
	Q6.9 商品的完好性	5	1	3.3	2
	Q6.10 递送的保密性	5	1	3.1	4
服务价格 3.04	Q6.11 支付价格与期望的运费接	5	1	3.0	10
	Q6.12 与其他物流公司相比运价	5	1	3.0	11
	Q6.13 运费与服务等价程度	5	1	3.0	8

由表 7 网络购物配送质量满意度调查结果表可以看出，每个题项的得分呈现出一定的波动性。说明不同消费者对同一指标的满意度是不尽相同的。四个维度中大学生最不满意度的是时间速率和服务价格。在 13 个满意度测量的题项中，客服人员对误差处理的反应措施是最不让大学生消费者满意的问题，其次是运输速度，运输价格等问题。

第一，客服人员对误差处理的反应措施不及时甚至是没有措施经常在校园中出现，也就是客户没有得到很好的服务体验。其表现在：学校的快递驿站多是“先签字后验货”，一旦货物发生破损，很难确定责任的归属。校园的所有快递在取货的时候都是报出姓名、电话号码，很容易

发生冒领错领的情况。而且在包裹到达高峰期，在有限的范围内堆积了大量的包裹，学生在自行查找时，也容易发生丢失、破损的情况。

第二，物流服务人员的态度，这也是大学生在意的一个指标。服务的好坏非常直接的影响大学生的客户体验，当下大学生都是九零后具有较强的维权意识、自我意识强，他们更看重服务。服务人员态度的好坏，关系到企业的形象问题，特别是对大学生这个庞大的消费群体来讲，负面影响传播很快。

第三，快递店面的便利程度在大学校园里普遍存在问题。由于快递公司众多“三通一达”、顺丰、EMS、天天快递等等，所以不同的公司在校园里设置不同的终端店面，导致校园内快递网点零散纷乱，学生在取包裹的时候地点和时间都受到局限。

第四，快递的运输的速度和派送时间以及快递的价格，这些也是学生关注的问题。大学生基本上是属于无收入群体，经济不独立，对价格的敏感度较高，在快递运输速度相差无几的前提下价格是影响大学生选择的重要因素。这也是调查中顺丰快递安全且快但大学生依然热衷于选用“三通一达”的原因。

管中窥豹可见一斑，在写字楼、社区都存在着这样的问题。调查结果的分析显示了消费者对于快递服务的体验、快递便利程度以及快递成本是最关注的指标。并且响应速度慢、物流成本高、社群用户体验差的特点也是目前物流企业遇到的最大难题。在当前的信息时代，消费者成为了新的权力中心，物流逐渐围绕用户体验而设计，物流服务的好坏直接影响消费者的购物体验及购买行为。因此，结合新零售“高效率、重体验、数据化”的本质特点，针对物流企业的配送终端提出了社群共享整合模式。

五、结论和启示

（一）模式的阐述

物流行业的每次变革都是消费与产业升级和技术突破交互推动的结果，随着消费场景多元化、消费者拥有更大的自主权，以及无人仓、无人机、配送机器人等的常态化运营，物流行业也需要全新的突破。社群共享整合模式是物流企业配送终端发展的方向，它整合已有的分布在各个社区的线下驿站，对整合后的线下店铺进行的赋能升级，利用数据分析对社区用户提供精准的服务，同时为线上零售提供物流服务和线下渠道的拓展。在这种模式下，物流企业不仅仅是连通了线上零售商和线下客户，它还具有信息共享与运作整合的作用。这种模式赋予了物流企业拥有“商流”的作用，使之具备了对客户的粘性。

社群共享整合模式是以社群为场景的。社群是一个半封闭场所，社交关系固定，社群相对稳定，有效利用社交关系有助于开展线上线下的融合。该模式中的社群有两层含义：一是基于社群内已有的社交关系来

辅助社区零售业务发展，服务周到、体验更佳、情感归属都会影响到消费者的消费选择。二是利用线上社交关系与工具反向带动线下社区消费的粘性和频次。国内社群成员的深度社交需求并不强，利用大数据挖掘出这些地理位置相近的社群成员之间的消费偏好，深度维护社群内的消费群体，通过更低的营销成本来刺激消费和转化。

社群共享整合模式是以共生为基础的。与线上零售商共生，通过全程可视化将消费洞察反馈给商家，通过数据分析帮助其进行销售预测、库存部署等，持续优化供应链效率，以应对需求市场的快速变化。与线下零售渠道共生，和线上零售商一起进行消费数据的分析，为不同地域的线下零售商提供更为精准、高效的产品与服务。与品牌制造商共生，帮助品牌制造商改变多级渠道，直接了解消费者的真实需求赋予制造端更多的信息和服务。与其他物流企业共生，物流业内部互相链接，除了实现物流设施、商家业务、信息系统等资源的互补与共享，更重要的是将已成熟的能力和模式全面推广，形成合力，推动整个物流行业的发展。

（二）模式的优势

该模式可以快速复制。物流企业可以利用现有的终端网络迅速开展业务。沃顿商学院高级管理项目学术主任、哈佛大学美国营销科学学会学术理事大卫·贝尔教授提出了新零售时代“位置”非常重要，在线客户群体的位置以及实体店选择的位置都很重要，同时他也指出在地域或者社会上相互连接的个体之间，信息和思想的传播关键在于消费者之间的“趋同性”以及相邻消费者之间的相互影响，这些都可以促进购买。因此社区便利店、高校物流驿站都必将成为新零售中物流和线下服务的终端店铺。物流企业可以把分布在城市（尤其是二、三、四线城市）、乡村的高校或者社区的驿站赋能升级，帮助线上的零售商实现“线下+物流”的概念。利用现有布局好的终端网络，可以省去布局规划选址的成本，并且业务开展速度能快，而且具有精准的客户群。

利益相关者的需求得到满足。社群共享整合模式是通过配送终端把物流企业、线上零售商、制造商、线下零售店的利益都绑定在一起。线下的终端店铺不再是以前的仅提供零售或者物流服务的普通店面，它们被线上大的零售平台赋能并利用其线上数据，降低成本为客户提供精准的体验式服务。同时这些配送终端可以为线上零售商以及制造商提供准确的消费者购买行为数据，打通消费者的营销阵地。物流企业可以通过与线上、线下零售商、制造商的协同运作、数据共享，提供更为高效的服务。物流企业利用数据进行分析，帮助线上零售商更精准的找到渠道用户；帮助制造商更高效的传递客户产品；帮助客户更快速的寻找商品。在这种模式下，品牌制造商可以减少渠道，直接对接终端客户；线上零售商可以通过线下的终端店铺更好的完善客户体验；线下零售商可

以通过线上数据的分析更准确的进行补货；物流企业也通过配送终端的整合，被赋予了“商流”的功能，对客户更具粘性。所有利益相关者各取所需，共生共长。

该模式具有趋势性。未来的物流业态一定是智慧（Smartness）与共生（Symbiosis）。该模式可以充分收集到社群消费者的信息，通过数据分析找到消费群体的消费特征以及需求点，利用线上零售平台共享，快速找到与产品匹配的生产制造商，并且高效的把产品运到配送终端，为用户提供精准营销。该模式为线上与线下的融合提供了必要的保障，并且解决了物流企业“最后一公里”配送成本高效率低的难题，尤其是对于高校校园、社区、办公写字楼的配送。在消费、产业升级和技术变革的作用之下，物流企业必将迈入新的时代，该模式一定会为物流企业的转型提供思路。新的消费环境下物流企业承载着更多的作用，它不仅仅只是提高物流的效率，还要拓展思路通过为消费者提供更为灵活弹性的服务去控制商流，成为供应链的掌舵者。

参考文献:

Gevaers R., Van de Voorde E., Vanelslander T. Cost Modelling and Simulation of Last-mile Characteristics in an Innovative B2C Supply Chain Environment with Implications on Urban Areas and Cities. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, 125: 398-411.

齐言.商业模式创新与“新零售”方向选择[J].中国流通经济,2017,(10):3-11.

Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. SERVQUAL: A multiple Item scale for measuring consumer perceptions of service quality. *Journal of Retailing*, 1988, 64(1): 12-40.

Mentzer J. T., Flint D. J., Kent J. L. Logistics service quality as a segment-customized process. *Journal of Marketing*, 2001, 65(4): 82-104.

朱美虹,缪圣陶,卓骏.基于 SERVQUAL 的中国快递业服务质量评价实证研究[J].科技管理研究, 2011, (8): 8-45.

闫景民.面向顾客的快递业服务质量评价指标体系研究[D].大连:大连理工大学, 2012.

杨永清,于本海.基于物流服务的消费者在线购买后行为实证分析[J].管理学报, 2014, (3):434-448.

李怀勇,张贵鹏.基于共享经济的商业模式创新[J].商业经济研究, 2017, (1):120-122.

阿里研究院.C时代新零售—2017新零售研究报告[R].北京: 2017.03.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Рассматриваются проблемы взаимодействия языка и культуры на теоретическом уровне и в процессе преподавания иностранного языка. Формирование у обучающихся межкультурной коммуникации, которая включает несколько составляющих компонентов, является целью обучения иностранному языку. Для анализа особенностей изучения лингвострановедения Китая автором было проведено сравнение содержания курсов «Страноведение Китая» по российским и китайским учебникам, сформирован перечень тем, которые будут способствовать более успешному освоению китайского языка.

Ключевые слова: лингвострановедение, межкультурная коммуникация, обучение иностранному языку, Китай, китайский язык.

T. Prutckikh

Baikal State University, Irkutsk

COUNTRY STUDIES AS A MANDATORY COMPONENT OF CHINESE TEACHING

Abstract. The article deals with the problems of language and culture interaction at the theoretical level and in the process of foreign language teaching. The formation of students' intercultural communication, which includes several components, is the goal of learning a foreign language. To analyze the characteristics of the study of China Linguistic and Cultural Studies the author has made a comparison of the content of China Country Studies courses in Russian and Chinese textbooks. The list of topics that will contribute to a more successful development of the Chinese language skills has been compiled.

Keywords: linguistic and cultural studies, inter-cultural communication, foreign language teaching, China, Chinese.

Владение иностранными языками (ИЯ) уже давно является показателем уровня образованности и интеллигентности человека в современном мире. Процессы интернационализации высшего образования и академической мобильности студентов, преподавателей и исследователей нацелены на решение важных задач подготовки кадров нового поколения – специалистов с глубокими профессиональными знаниями и уникальными компетенциями, владеющих иностранными языками и имеющих опыт межкультурной коммуникации.

Наше исследование посвящено важной проблеме обучения ИЯ, а именно анализу эффективности использования такой дисциплины, как «лингвострановедение».

Термин «лингвострановедение» в отечественной лингвистике был впервые использован в работе В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина «Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам» [Верещагин, 1971]. В 1973 г. авторы разработали теоретический и лингводидактический курс «Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного», в

котором на основе компонентного анализа семантики слова были определены национально-культурные компоненты значения слова, указаны языковые единицы – носители национально-культурного значения, представлены способы работы с культурологической информацией с иностранцами.

Гораздо раньше, еще в XIX в., В. фон Гумбольдт заложил в своих трудах основы культурологического и этнолингвистического подхода к изучению языка, он считал, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт, 2000, с. 304].

В современном языкознании существуют разные подходы и термины к определению взаимодействия языка и культуры [Фомина, 2011]. Приведем несколько примеров в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Подходы к содержанию понятия «лингвострановедение»

Термин	Основное содержание	Авторы
Лингвокультурология	Изучает материальную и духовную культуру, воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах	В. В. Воробьев, В. Г. Гак, В. А. Маслова, В. Н. Телия и др.
Этнолингвистика	Изучает взаимодействие языковых, этнокультурных, этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка	В. Гумбольдт, А. А. Потемня, Э. Сепир, С. М. Толстая, Б. Л. Уорф и др.
Когнитивная лингвистика	исследует соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия	В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.
Лингвоконцептология	Рассматривая концепт как единицу мыслительной деятельности человека, эксплицированную в языке, исследует специфику формирования национальных концептов как отражение особенностей национального видения мира, национального менталитета	Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, Ю. С. Степанов и др.
Этнопсихология, этнопсихоллингвистика	Изучает лингвистические типы представителей разных этносов, языковые картины мира представителей разных этнических сообществ, национальные стереотипы поведения людей	В. Вундт, А. А. Залевская, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева., Р. М. Фрумкина и др.
Лингвострановедение	Изучает языковые единицы с национально-культурным компонентом значения, а также способы семантизации и презентации данных единиц в процессе изучения языка	Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров и др.

На современном этапе развития науки наибольшую актуальность приобретают междисциплинарные исследования, способствующие решению сложных научных и практических задач [Маслова, 2018, с. 7]. Лингвострановедение является одной из интегративных дисциплин, объединяющей в себе элементы географии, культуры, истории, экономики, политики, поведенческого и коммуникативного этикета, однако в центре ее внимания находится проблема категоризации и концептуализации знаний в единицах языка.

Язык как социальное явление выступает важнейшим средством человеческого общения, он закономерно является отражением духовной и материальной культуры определенной нации, поэтому для каждого языка характерны национально-культурные особенности, обусловленные жизнью и развитием конкретного общества. Овладение ИЯ неразрывно связано с изучением иноязычной культуры. Л. В. Щерба писал: «Изучая язык того или другого народа, мы изучаем исторически сложившуюся у него систему понятий, сквозь которую он воспринимает действительность» [Щерба, 1974, с. 33]. «В обход человека язык изучать нельзя. Все исследовательские координаты должны перекрещиваться на человеке. А это, в свою очередь, значит, что язык следует изучать в контексте и во взаимодействии со всеми другими видами физической и психической деятельности человека, так как человек – целостное «устройство» [Звегинцев, 1996, с. 29].

Основной целью обучения ИЯ является формирование коммуникативной компетенции, при этом выделяется несколько её составляющих [Цели обучения иностранному языку]:

1. Лингвистическая компетенция – это владение знанием о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи и способность с помощью этой системы выражать собственные мысли в устной и письменной форме.

2. Социолингвистическая компетенция – знание способов формирования и формулирования мыслей с помощью языка, а также способность пользоваться языком в процессе общения.

3. Социокультурная компетенция – знание национально-культурных особенностей, социального и речевого поведения носителей языка: их истории и культуры, обычаев, традиций, этикета, социальных стереотипов, а также способов пользоваться этими знаниями в процессе общения.

4. Стратегическая (компенсаторная) компетенция – это компетенция, с помощью которой обучающийся может восполнить пробелы в знании языка, а также речевом и социальном опыте общения в иноязычной среде.

5. Социальная компетенция проявляется в желании и умении вступать в коммуникацию с другими людьми, в способности ориентиро-

ваться в ситуации общения и строить высказывание в соответствии с коммуникативным намерением говорящего и ситуацией.

Как уже было отмечено ранее, основной целью изучения ИЯ является овладение способом участвовать в межкультурной коммуникации. Однако знание правил грамматики и наличие определенного лексического запаса явно недостаточно для того, чтобы преодолеть языковой барьер и активно пользоваться языком как средством общения. Прежде всего необходимо преодолеть барьер культурный, а для этого нужно изучать особенности национальной культуры страны изучаемого языка. Лингвострановедение целенаправленно рассматривает именно эту сторону обучения ИЯ « [Карапетян, 2012, с. 117–118].

Оставаясь языковой дисциплиной, лингвострановедение включает в себя сразу несколько сфер знаний, поэтому с точки зрения лингводидактики, выделяются несколько важных аспектов обучения ИЯ [Прудникова, 2014, с. 181], [Цели обучения иностранному языку]:

- учебный практический аспект: предполагает освоение ИЯ как средства межличностного общения, а именно овладение четырьмя видами речевой деятельности: аудированием, чтением, говорением и письмом, а также получение навыков самостоятельной работы в процессе изучения иноязычной культуры.

- познавательный (образовательный) аспект: подразумевает приобретение знаний о культуре страны изучаемого языка, в том числе литературе, музыке, архитектуре, живописи, истории и т. д., а также знаний о строе языка, его системе, характере, особенностях, сходствах и различиях с родным языком; является способом обогащения духовного мира личности;

- развивающий аспект: обеспечивает стимулирование речемыслительной активности обучаемых, формирование коммуникативно-речевых умений и навыков, развитие чувства языка, сенсорного восприятия, мотивационной сферы;

- воспитательный аспект: способствует формированию мировоззрения, патриотизма, нравственно, эстетически и духовно развитой личности, расположенной к иноязычному общению.

Уже совершенно очевидно, что знания не передаются, а усваиваются в процессе лично значимой деятельности, а сами знания вне определенных навыков и умений их использования не решают проблему образования человека и его подготовки к реальной профессиональной деятельности. В соответствии с выделенными Советом Европы пятью базовыми компетенциями обучение ИЯ должно быть направлено на решение следующих задач:

- 1) формирование готовности к решению различных проблем;
- 2) развитие стремления учиться всю жизнь – идея непрерывного образования;

3) совершенствование билингвальной коммуникативной компетенции в устном и письменном общении с учетом социокультурных отличий современного поликультурного мира.

Далее предлагаем проанализировать особенности изучения лингвострановедения Китая, для этого предлагаем сравнить содержание курсов по страноведению/лингвострановедению Китая российских и китайских авторов (табл. 2, 3).

Таблица 2

Содержание курсов по страноведению Китая
некоторых российских авторов

Содержание оглавления	О. М. Готлиб «Китай. Лингвострановедение»	И. В. Кочергин, В.Ф. Щичко «Страноведение Китая»	Н. А. Демина, Чжу Канцзи «Страноведение Китая»	О. Н. Волкова «Лингвострановедение первого иностранного языка (китайский язык)»
Географическое положение	+	+	+	+
Биологические ресурсы	+	+		
Административно-территориальное деление	+	+		
Нации и языки Китая	+			
Государственное устройство Китая	+	+		+
Флаг, герб и гимн КНР	+			+
Столица Китая – Пекин	+			+
Китайские иероглифы / Китайский язык	+	+	+	+
Традиционные праздники		+	+	+
История Китая		+	+	+
Религия Китая		+		+
Китайская литература		+		
Население Китая		+		+
Новый Китай			+	
Расходы китайской семьи			+	
Реформы и открытость. Политика открытости внешнему миру		+	+	
Промышленность КНР		+	+	
Сельское хозяйство		+	+	
Транспорт и почтово-телеграфная связь		+	+	
Наука и техника		+	+	
Образование		+	+	
Обычаи и нравы / Традиционные ритуалы			+	+
Китайская культура		+	+	
Традиционное искусство		+	+	+
Пекинская опера			+	

Окончание табл. 2

Содержание оглавления	О. М. Готлиб «Китай. Лингвострановедение»	И. В. Кочергин, В.Ф. Щичко «Страноведение Китая»	Н. А. Демина, Чжу Канци «Страноведение Китая»	О. Н. Волкова «Лингвострановедение первого иностранного языка (китайский язык)»
Городские переулки (хутуны)			+	
Китайская медицина			+	+
Ушу, цигун и спорт / Боевые искусства		+	+	+
Туризм		+	+	
Мифология Китая / Народные предания и мифы		+		+
Великие достижения и открытия Китая		+		+
Специфика национальной кухни				+
Основные достопримечательности		+		+
Имена собственные				+
Национальный костюм. Символика цветообозначений				+

Отмечается большое разнообразие учебных пособий по китайскому языку, в то время как по страноведению Китая удалось найти совсем немного материалов. Однако следует обратить внимание, что во многих учебных комплексах к каждой теме представлен страноведческий материал – тексты, картинки, видеоматериалы и т. д. По итогам сравнения содержания курсов по страноведению/лингвострановедению Китая можно сделать вывод, что тематика курсов очень разнообразна, лишь две темы – «географическое положение Китая и китайский язык», «Китайская письменность» – встретились у всех авторов. Большинство российских авторов также единодушны в необходимости изучения истории Китая, традиционных праздников и искусства.

Таблица 3

Содержание курсов по страноведению Китая
некоторых китайских издательств

	中国 外文出版社	中国国情 北京大学出版社	中国国情 北京语言大学出版社	中国国情 吉林俄语专修学院
基本信息	+			+
国土与资源	+	+	+	+
历史轨迹	+	+	+	+
行政区划	+	+	+	+

	中国 外文出版社	中国国情 北京大学出版社	中国国情 北京语言大学出 版社	中国国情 吉林俄语专修学 院
人口与民族	+	+	+	
政治体制	+	+	+	+
中国与世界	+			
国民经济	+	+	+	+
生态环境	+			
教育科技	+		+	+
社会民生	+	+		
文化艺术	+		+	+
现代生活	+			+
政府机构		+	+	+
国防事业			+	
外交			+	+
医疗保健				+
体育运动				+

В Китае также читаются отдельные курсы по страноведению Китая (中国国情), многие учебные заведения издают собственные учебники по данной программе. Страноведение с точки зрения китайского образования, должно содержать следующие темы:

- Территория и ресурсы (国土与资源)
- Исторический очерк (历史轨迹)
- Административное деление (行政区划)
- Политическая система (政治体制)
- Национальная экономика (国民经济)

У некоторых авторов совпадают темы:

- Образование, наука и техника (教育科技)
- Культура и искусство (文化艺术)
- Правительственная структура (政府机构)

Принимая во внимание, что культурологическая, историческая и страноведческая ценность, аутентичность и достоверность являются важнейшими критериями отбора лингвострановедческого материала, а также учитывая разные подходы российских и китайских специалистов к определению содержания курса «Страноведение/Лингвострановедение Китая», предлагаем следующий перечень тем, который, по нашему мнению, независимо от того, станет ли данный курс самостоятельной дисциплиной или будет «встроен» в программу практического курса китайского языка, может способствовать более успешному освоению предмета:

1. География (территория, административное деление, природные ресурсы)
2. История (краткий обзор)
3. Политическая система
4. Национальная экономика (особенности)
5. Образование, наука и техника
6. Культура и искусство
7. Китайский язык и китайская письменность
8. Современная жизнь

Отобранные автором темы, тщательный подбор текстов, яркий иллюстративный материал, наличие информации об известных людях Китая и интересных фактах помогут привлечь внимание обучающихся к своеобразию китайской культуры, дадут общее представление об особенностях политического и экономического устройства страны, познакомят с жизненным укладом, с естественно-природными условиями и историческими событиями Китая. Кроме того, необходимо учитывать, что одной из важных задач обучения ИЯ является формирование знаний о соотношении культур родного и изучаемого языков, что может быть достигнуто посредством перевода, сравнения и освоения реалий, устойчивых сочетаний и фразеологических оборотов. Междисциплинарный характер лингвострановедения обеспечивает формирование коммуникативной компетенции, гарантирует возможность успешного межкультурного общения и развитие таких важных качеств личности, как толерантность, гибкость, уважение к культуре и личности собеседника.

При включении лингвострановедческого компонента в содержание обучения ИЯ требуются адекватные средства для его усвоения. Такими средствами являются аутентичные материалы: литературные, театральные и музыкальные произведения, предметы реальной действительности и их иллюстративные изображения, аудио-, видео- и электронные материалы, которые смогут приблизить обучающегося к естественной культурологической среде. Для полного приобщения студентов к языковой и национальной картина мира носителей изучаемого языка исключительно важным становится их непосредственное общение с носителями языка и посещение страны изучаемого языка.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Язык рус. культуры, 1999. 896 с.
- Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов. М., 2001.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. М. : Рус. яз., 1971.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973.
- Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филол. науки. 2005. № 4. С. 76–83.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография. М. : Изд-во РУДН, 1997.

- Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб. : Питер, 2001. 159 с.
- Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М., 1989. С. 5–17.
- Готлиб О. М. Китай. Лингвострановедение. 2-е изд., испр. и доп. М. : Вост. кн., 2011. 192 с. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785787306422.html>.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
- Демина Н. А., Канци Чжу. Страноведение Китая. В 2 ч. : учебник. 4-е изд., испр. и доп. М. : Толмач СТ, 2009.
- Денисова М. А. Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР. М., 1983.
- Дубкова О. В., Селезнева Н. В. Китайский язык. Лингвострановедение. В 2 ч. Ч. 1 : учеб. пособие. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. 132 с.
- Залевская, А. А. Введение в психолингвистику. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. 384 с.
- Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 336 с.
- Карапетян О. В., Мясковская Т. В. Лингвострановедение как наука // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота. 2012. № 4 (59) . С. 117–120. URL: www.gramota.net/materials/1/2012/4/34.html (дата обращения: 30.03.2019).
- Когнитивная лингвистика XXI в. : сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. Вып. 21. Сер. Концептуальные исследования. Бишкек ; Волгоград ; Екатеринбург ; СПб., 2015. 314 с.
- Кочергин И. В., Щичко В. Ф. Страноведение Китая : учеб. хрестоматия. М. : Муравей, 1999. 336 с.
- Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М. : Гнозис, 2001. 270 с.
- Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2001. С. 4–10.
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1999.
- Лингвострановедение первого иностранного языка (китайский язык). Модуль 2. Культура Китая. Версия 1.0 [Электронный ресурс] : электрон. учеб. пособие / О. Н. Волкова [и др.]. Электрон. дан. (2 Мб). Красноярск : ИПК СФУ, 2008.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках // Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
- Маслова В. А. Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Гуманит. вектор. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-lingvistika-nauka-o-cheloveke-ego-soznanii-yazyke-i-kulture> (дата обращения: 31.03.2019).
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
- Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989.
- Прохоров Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному. М., 1996.
- Прудникова В. А., Гриценко А. А. Страноведческий аспект в обучении английскому языку. // Изв. МГТУ. 2014. № 4 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stranovedcheskiy-aspekt-v-obuchenii-angliyskomu-yazyku> (дата обращения: 28.03.2019).
- Рум А. Р. Лингвострановедческий словарь. Великобритания. М., 1980.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сорокин Ю. А. Культурология и психолингвистика // Вопр. психолингвистики. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-i-psiholingvistika-tseli-i-metody> (дата обращения: 30.03.2019).

- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
Толстая С. М. Этнолингвистика // Институт славяноведения. 50 лет. М., 1996. С. 235–248.
Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960.
Успенский Б. А. Избранные труды. В 2 т. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры; Т. 2: Язык и культура. М., 1994.
Фомина Т. Г. Язык и национальная культура. Лингвострановедение. Казань, 2011. 129 с.
Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.
Цели обучения иностранному языку // ДЮ Центр современных методик преподавания. URL: <http://www.dioo.ru/sovremennyiy-etap-2.html> (дата обращения: 15.05.2019).
中国国情 / 宵立编. 北京 : 北京大学出版社, 2015. 245 页.
中国国情 / 宵立编. 北京 : 北京语言大学出版社, 2001. 194 页.
中国. 2014 / 钟欣编. 北京 : 外文出版社, 2001. 238 页.
中国国情 (俄汉对照) / 孙文方编. 长春 : 吉林俄语专修学院出版社, 2009. 258 页.

УДК 316.334:81

И. А. Савченко

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Аннотация. В чем состоит действие лингвистического фактора на социокультурную динамику? В каких случаях оно имеет ценностную природу, а в каких – инструментальную? Могут ли иметь место ситуации, при которых лингвосоциокультурные процессы развиваются независимо от идеологии? Автор делает попытку дать ответы на эти вопросы.

Ключевые слова: лингвокультурная динамика, инструменты и ценности, концептосфера, лингвокультурная идентичность, языковое сознание.

I. Savchenko

Nizhny Novgorod State Linguistic University
named after N.A. Dobrolyubov,
Nizhny Novgorod Academy of Ministry
of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod

LINGUOCULTURAL DEVELOPMENT OF MULTIETHNIC COMMUNITIES: CURRENT TRENDS AND PROSPECTS

Abstract. What is the impact of the linguistic factor over sociocultural dynamics? In what cases does it have the valuable or instrumental nature? Can situations at which linguo-cultural processes develop irrespective of ideology take place? The author of article makes an attempt to give answers to these questions.

Keywords: linguocultural dynamics, valuable or instrumental, conceptosphere, linguocultural identity, language consciousness.

Является ли язык фактором этнокультурной динамики? Или языковеды склонны преувеличивать роль языка в развитии современных этнически разнородных сообществ? В целом существуют ли какие-либо закономерности в протекании социолингвистических процессов в обществе? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной работе, чтобы в какой-то мере достичь ее **цели** – понять, как язык проявляет себя в интегративно-деинтегративной динамике современных сообществ и в каких случаях это проявление имеет ценностную или, напротив, инструментальную природу.

Методологической основой работы явился системный подход, включая теорию систем, с позиции которых система должна быть обязательно гетерогенной, чтобы иметь импульсы к развитию. Мы также опирались на диалектический метод познания и поэтому по возможности рассматривали изучаемые явления во всей полноте противоречий, сопровождающих их социальный эффект...

С тех пор как в 2008 г. Дэвид Кристал подсчитал, что примерно каждые две недели где-то в мире умирает один язык, так как умирает последний его носитель [Crystal, 2008, p. 27], данное наблюдение обсуждается достаточно часто и с различных исследовательских позиций.

Инструментальный подход предлагает бесспорные аргументы в пользу того, что язык является универсальным инструментом коммуникации и, даже если случится так, что на Земле останется только один язык, люди не перестанут обмениваться информацией. Эмоциональный заряд такого обмена будет невелик, но при этом эмоции не станут барьером для делового общения.

Однако если мы будем говорить о языке в аксиологическом контексте, то неизбежно возникнет вопрос об иерархии ценностей и о месте языков в этой иерархии. Есть ученые, которые в этой иерархии не находят языку места, по-прежнему считая язык лишь инструментом обмена, полагая настоящей ценностью сближение народов и стирание культурных границ. Джон Макуортер, автор книги «Космополитический язык. Универсальность английского», признает «языковую смерть» макропризнаком взаимного сближения людей. Евреи, по словам Макуортера, говорили на идиш не потому, что упивались своим отличием, а поскольку жили «в апартеидном обществе» [McWhorter, 2009]. Макуортер, однако, забыл, что евреи в Европе создали весьма самобытную культуру, разрушенную нацистами, и перестали говорить на идиш, чтобы сохранить себе жизнь. Так, польскому фантасту Станиславу Лему нужно было притвориться неевреем в период войны и фактически искоренить из себя родной язык, чтобы выжить. В течение тысячи лет идиш был ценностным ядром и одновременно гарантом целостности еврейской диаспоры в Европе.

Если народ рефлексивен к своему языку как ценности (а такая рефлексия свойственна в большей степени письменным культурам), он будет

всеми силами бороться за сохранение своего языка, и только естественный страх за свою жизнь и/или жизненные перспективы может заставить людей от родного языка отказаться. Сегодня количество говорящих на идиш в двадцать раз меньше, чем сто лет назад. И это не единственный пример, когда язык был изгнан из повседневного дискурса с помощью репрессий.

В наши дни в Ирландском государстве очень сложно встретить человека, говорящего на гэльском языке, и это объяснимо. С 1831 до 1871 г. на фоне насильственной англофонизации в Ирландии был запрещен ирландский язык. Ирландские дети носили в школе деревянные таблички на шее, на которых за каждое произнесение слова на гэльском языке делалась зарубка, означавшая телесное наказание от учителя в конце учебного дня. Родители учеников, которые знали, насколько опасно владеть родным языком, одобряли эту систему [Шарапова, 2013. с. 208].

Уверенность в том, что лингвистическое разнообразие мешает людям «сближаться», равносильна убеждению, что препятствием для интеграции является разнообразие музыкальных жанров или танцевальных стилей. Утверждать, что общий язык объединяет, все равно что всерьез доказывать, что людей способны сплотить поп-культура или кока-кола. Лингвист или социолог, знающий лишь один язык, подобен певцу, исполняющему всегда одну и ту же песню. Не случайно именно С. Лем, переживший войну с «плотно сомкнутыми губами», стал автором многочисленных антиутопий, описывающих культурно гомогенное общество.

И все же во многих из нас еще сильно убеждение, что, хотя язык и является ценностью, его принесение на алтарь прогресса – не более чем «локальная трагедия». Здесь мы уподобляемся К. Марксу [Маркс, 1986а; Маркс, 1986б], который, посокрушавшись о культурных утратах, понесенных Индией в период британского вторжения, все же приходит к выводу, что такие утраты необходимы на пути к прогрессу, капитализму и, далее, согласно формационной теории – к мировой революции.

Теоретики национализма доказывали, что языковое единство все же способствует единству нации и процветанию государства. Так ли это? Здесь показателен пример Франции, которая до 1815 г. была ведущей европейской державой. Но именно до 1815 г. только пятая часть населения Франции говорила по-французски, оставшаяся доля населения предпочитала лангедокский, гасконский языки, провансальский, пикардский, бретонский... В 1815 г. Франция переориентировала себя на строительство национального государства, а все перечисленные и многие другие региональные языки подверглись преследованиям и были изгнаны из книжной и периодической печати и школьного образования. Обрела ли Франция таким образом единство и величие? Если в войске Жанны Д'Арк люди порой друг друга не до конца понимали, так как говорили

на разных языках, но всё же совершали сообща героический подвиг, то с 1815 г. Франция не одержала ни одной сколько-нибудь крупной победы в военных действиях, а пассионарный заряд начал стремительно угасать во французской культуре, которая сегодня оказалась настолько маргинальной, что фактически предстала беззащитной перед инокультурным влиянием. Стоило ли ради этого ломать копыя и совершать лингвистическое насилие?

Язык как инструмент культурного насилия. Лингвистическое насилие как политический инструмент стало применяться только с XVIII в. И этому есть свое объяснение. Средневековая и ранняя Новая история (до XVIII столетия) знает многочисленные примеры насилия, применяемого одним народом в отношении другого. Помимо различных форм вооруженного и политического насилия, известны также отдельные примеры культурного принуждения, прежде всего религиозного. Так, Ближний Восток стал мусульманским в результате великого джихада аравийских воинов. И отнюдь не все люди в средневековой Европе стали христианами по индивидуальной доброй воле. Экономическое же насилие, хотя и не имело индустриализированных форм до начала XVIII в., все же осуществлялось. Так, примером экономического принуждения в русской истории служит ордынское иго, основной целью которого было получение дани от русских земель. Необходимость политического контроля над русскими князьями была производна от контроля экономического, а о культурной ассимиляции русского народа монгольские ханы и не помышляли.

Таким образом, вплоть до XVIII в. экономическое принуждение ограничивалось сбором податей и обыкновенным грабежом, а культурное насилие – религиозной ассимиляцией. Однако в XVIII в. стали набирать силу процессы, которые будут проявлять себя и в последующие столетия. Новый социальный порядок, который сначала назывался капитализмом, а затем – рыночным обществом, имел экспансивную природу, которая выражается в изменении социально-экономического уклада тех народов и этнических общностей, на которые рыночное общество распространяло свое влияние. Так, темнокожему населению Соединенных Штатов, оказавшемуся там не по своей воле, на двести лет пришлось смириться с участием рабов, приспособить тип своего экономического поведения к навязанному стандарту, интегрируясь таким образом в социально-экономический порядок доминирующего сообщества и сохраняя таким образом себе жизнь. Коренное население Америки, индейцы, отказались стать рабами и в целом не желали менять свой жизненный и экономический уклад и поэтому, будучи не интегрированными в новое общество, были уничтожены [Агеев, 2005].

Экономическое насилие, которое распространилось с развитием капитализма, проявлялось, в частности, в виде внутреннего и внешнего

колониализма. Положительная коннотация экономического насилия была аргументирована в концепциях модернизации [Смит, 2004; Breuilly, 2009; Манн, 2002], включающих в себя теории национализма (имеются в виду концепции создания нации-государства) и индустриального конструктивизма, а отрицательная – в теориях зависимого развития [The Underdevelopment..., 1996; Mouzelis, 1978; Hechter, 1998], или, по терминологии А. Г. Франка, развития недоразвитости (*the developpement of underdevelopment*).

Легитимное экономико-правовое и политическое насилие не всегда способно обеспечить все аспекты экономической экспансии. Свойственные рыночному обществу поиск новых рынков, недорогой рабочей силы и стремление к универсализации стандартов потребления зачастую требовали мировоззренческой и социокультурной трансформации всей системы жизнедеятельности покорённых народов и регионов.

XVIII в. был веком Просвещения и, как следствие, тотальной секуляризации. Религиозная ассимиляция в форме миссионерства, хотя и продолжала использоваться как один из инструментов культурной и одновременно экономической экспансии, в условиях секуляризации уже не могла выполнять все ассимиляционные функции. Именно в этот период начинают применяться методы лингвистического насилия.

Лингвистическая ассимиляция имела место и раньше: например, весь Ближний Восток стал говорить по-арабски в результате арабийских завоеваний, но она не была целенаправленной, а являлась следствием иных процессов политического и социокультурного порядка.

Теперь же колониальные державы начали использовать язык как инструмент ассимиляции в процессе внешнего и внутреннего колониализма. Если говорить о внешнем колониализме (за пределами метрополии), то здесь лингвистическая ассимиляция имела крайне неоднородный и бессистемный характер. Так, многие страны, сбросив колониальный гнет, оставили язык колонизаторов в качестве государственного. Так произошло, например, в бывших французских колониях в Африке. Такое колониальное наследие вполне объяснимо, поскольку языки африканских народов были бесписьменны. В других странах от языка колонизаторов практически не осталось следа. Во Вьетнаме, например, люди сегодня не владеют французским, а французское лингвистическое наследие ограничивается словом *ga* – от франц. *gare*, вокзал. Однако жители Африканского континента, в отличие от тех же вьетнамцев, считают колониальную эпоху самой ужасной страницей своей истории.

Языковая ассимиляция, которая сопровождала культурно-экономическую инкорпорацию регионов внутри метрополии (внутренний колониализм), как правило, имела более системный и жесткий характер. Действительно, народ начинает осознавать свой язык как ценность тогда, когда именно в языке фиксируются системные ценности этого народа. Это относится в первую очередь к письменным культурам.

Ирландцы и шотландцы в Британии, бретонцы в Бретани рефлексировали свой язык как ценность, поэтому языковая ассимиляция этих регионов имела жесткий репрессивный характер, в отличие, например от языковой ассимиляции многих африканских народов. Шотландцы и ирландцы должны были отказаться от своих школ в пользу английских, тогда как, например в африканских странах до прихода англичан и французов школ не было.

Насильственная языковая ассимиляция базируется на убеждении, что ассимилированный народ изменит свое языковое сознание и, как следствие, свое поведение, прежде всего экономическое, и послушно займет отведенную ему нишу в рыночном обществе. Здесь возникает вопрос, касающийся в целом языкового сознания: действительно ли люди, говорящие на одном языке, отражают мир относительно сходным образом?

Языковое сознание и концептосфера: научный факт или научная фантазия? Концептосфера – понятие, обозначающее ментальное закрепление языкового сознания. Иными словами, под концептосферой понимается эмоционально-мировоззренческое внутреннее единство людей, объединенных языковым сознанием, т. е. говорящих на одном языке [Лихачев, 1993; Кирнозе, 2001].

Получается, что мы можем говорить о языковом сознании русскоговорящих, туркоговорящих, англоговорящих, финноговорящих и т. д., но не русских, финнов, англичан и т. д. В этом контексте нужно отличать языковое сознание и лингвокультурную идентичность, которая является частью культурной идентичности определенного народа.

Здесь можно вспомнить Л. Н. Гумилева, который в принципе, отвергал значимость языкового сознания как фактора социально-психологического единства. Гумилев, в частности, приводил в пример османских воинов, для которых родными были сразу несколько языков, чей полилингвизм нисколько не мешал сплоченности империи. Приводил он в пример и в социокультурном плане весьма далекие друг от друга народы, говорящие тем не менее на одном языке [Гумилев, 2010].

Размышляя над поставленной проблемой, можно задаться вопросом: действительно ли африканцы, став англофонами, франкофонами и лузофонами, поменяли свое мировоззрение? Или они поменяли язык таким образом, чтобы приспособить его к своему мировоззрению? И в целом можно ли говорить, что население Гамбии и Нигерии говорит на языке Шекспира и Байрона? Или, возможно, наследием колонизации стало распространение не языка, а новояза?

Можем ли мы говорить о едином языковом сознании и общей концептосфере, например, африканских лузофонов (жителей Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау), бразильцев и португальцев? Ведь все они говорят на португальском.

На все эти вопросы нет однозначного ответа. Проще всего предположить, что идея концептосферы и в целом категория языкового созна-

ния являются иллюзорными, поскольку не отражают реального состояния вещей. Но с другой стороны, возможно, насильственная лингвистическая ассимиляция подрывает концептосферу? Конструктивисты и инструменталисты, возможно, скажут, что на смену старой концептосфере приходит новая. Однако концептосфера органична, она имеет ценностное архетипическое начало. Ее можно разрушить, но выстроить искусственным путем весьма сложно. «Потеря языка порождает глубочайшее безмолвие, – говорит директор Института языков Грегори Андерсон, – вы общаетесь в ваших мыслях со своими предками, но они не говорили по-английски. Это создает разрыв в вашей истории» [К концу XXI века ... , 2014].

Итак, лингвистическое поглощение может быть целенаправленным, а может лишь сопутствовать другим формам культурного, экономического, политического господства. Возникает вопрос: есть ли в процессах лингвистического поглощения какие-то закономерности?

Языковая конкуренция и поиск идентичности. Бесспорной закономерностью является то, что культура с развитой письменной и тем более литературной традицией поглощает бесписьменную культуру или культуру с менее развитой письменной традицией. Именно так произошла романизация кельтоязычных Галлии и Иберии. Между тем великие моголы, у которых письменная традиция была практически не развита, хотя и установили господство в Индии, в лингвистическом и в целом в социокультурном плане не испытали на себе ассимилирующего влияния индийской культуры. Сходная ситуация имела место на Руси в период монголо-татарского ига. Древние греки также не испытали на себе ассимилирующего влияния Рима, напротив, римляне изучали греческий язык, и латынь развивалась во многом под влиянием греческого.

Вместе с тем в ряде случаев обстоятельства таковы, что на едином территориальном пространстве соперничают два языка. Как показывает практика, победителем в такой конкуренции часто оказывается третья сторона. Например, на территории современных Британии, Швейцарии, Голландии, Люксембурга, частично Германии к моменту упадка Римской империи все еще продолжалась языковая конкуренция между кельтскими языками и народной латынью, но в конце концов народы, проживавшие на этих территориях, испытали германскую языковую ассимиляцию.

Аналогичный пример – имевшая место в Шотландии до XIX в. конкуренция шотландского германского (скотс) и шотландского гэльского. Данное соперничество закончилось доминированием третьей стороны – британского английского [Джозеф, 2006, с. 537]. Безусловно, судьба шотландских языков была в любом случае predetermined, так же как и ирландского, однако шотландцы утратили лингвистическую самобытность значительно раньше ирландцев.

Уже в наши дни в ряде случаев лингвистические оппоненты достаточно рано начинают ощущать инородное лингвистическое влияние и начинают ему сопротивляться. Так, широко известна проблема русскоязычного населения в странах Балтии. Традиционно она выражается в том, что русскоязычное население борется за право говорить и учиться на родном языке, в то время как другие жители Прибалтики, для которых русский язык не является родным, склонялись к идее изгнания русского языка из социокультурного дискурса своих стран. Однако последние социологические опросы показали интерес, в частности эстонцев, к русской культуре. Выяснилось, что 78 % эстонцев считают обязательным владение русским языком, тогда как 97 % русских полагают необходимым знание эстонского языка. Откуда такое «взаимное притяжение» после почти тридцатилетнего холода в отношениях эстонцев и неэстонцев? Дело в том, что в рамках миграционной программы ЕС 206 Эстония приняла достаточно ощутимое для небольшой страны количество беженцев с Ближнего Востока и из северо-восточной Африки. Оказалось, что всех респондентов – эстонцев и русскоязычных – сближает отрицательное отношение к беженцам: в подавляющем большинстве жители Эстонии (77 %) не хотят видеть чужеземцев своими соседями [Куликов. 2016]. В данном случае в социолингвистическом пространстве появился новый элемент, который обе группы-оппоненты восприняли как более инородный, нежели каждый из лингвистических конкурентов по отношению к другому. Это и стало причиной относительной взаимной языковой толерантности.

Стремление народа сохранить самобытность иногда принимает причудливые формы. Раз уж мы заговорили об Эстонии, приведем в пример другой финно-угорский народ, который также познал эффект лингвистической конкуренции и который сегодня в поисках своей идентичности буквально вновь творит свою историю.

До сих пор остается загадкой, почему бывшая римская провинция Паннония (нынешняя Венгрия), где жили преимущественно праславянские племена и весьма немногочисленные потомки римлян и гуннов (отсюда – лат. *Hungaria, королевство гуннов*), побывавших на этих землях в VI в. н. э., подверглась примерно в VIII в. н. э. языковой ассимиляции со стороны угорских разбойников-кочевников, не имевших письменности, часть которых на тот момент уже мигрировала далеко на северо-восток и составила генетическую и лингвистическую основу ханты и манси. Может быть, это произошло как раз потому, что на территории Венгрии имела место пресловутая языковая конкуренция между праславянами (составившими основной генетический субстрат современных венгров) и потомками гуннов?

Сегодня венгры, будучи ближайшими лингвистическими родственниками двух других угорских народов – ханты и манси, всячески отка-

зываются от этого родства. Не хотят они быть похожими и на другие центральноевропейские народы и поэтому объявили себя потомками гуннов и ежегодно проводят в Будапеште курултаи, приглашая туда представителей многочисленных тюркских народов. Свой язык венгры очень ценят и практически не знают иностранных языков, но с недавних пор они относят венгерский язык к числу тюркских.

Почему это происходит? Стремление сохранить свою самость – экзистенциальная потребность как отдельного человека, так и целого народа. В финно-угорском братстве венгры не увидели эмоционального заряда и духовной перспективы, а тюркский мир – явление весьма реальное и имеет большой потенциал. В глобальном мире важно сохранить свой язык и свою культуру, но сделать это в одиночку весьма непросто.

Современная лингвокультурная картина мира является, если можно так выразиться, многополярной. Ядром каждого из полюсов является язык (или группа родственных языков), вокруг которого формируются многие народы. Так, существует русский мир, тюркский, арабский, латинский мир (Латинская Америка). Некоторые авторы говорят также о французском [Седых, 2011]. Возможно, и английский мир тоже существует, хотя такого сочетания вы нигде не встретите...

Современная цивилизация, безусловно, представляет собой единую социокультурную систему, но до тех пор, пока эта система будет разнородной и многообразной, она будет развиваться. Нечто моногенное уже не является системой и поэтому не развивается.

Литература

Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М. : Аспект-Пресс, 2005. 334 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ, 2010. 560 с.

Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. 1991–2005. Избр. В 2 т. Т. 1. М. : Территория будущего, 2006. С. 515–550.

К концу XXI в. исчезнет половина языков мира // Мир прогнозов. URL: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/society/k-kontsu-xxi-veka-ischeznet-pоловина-yazykov-mira/>.

Кирнозе З. И. О национальной концептосфере // Филология и культура. Тамбов, 2001. Ч. 2. С. 55–62.

Куликов Д. Хвостов: правила игры в интеграционном процессе не понятны ни русским, ни эстонцам // rus.err.ee 07.03.2016. URL: <https://rus.err.ee/225773/hvostov-pravila-igry-v-integracionnom-processe-ne-ponjatny-ni-russkim-ni-jestoncam>.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. 1993. № 1. С. 99–106.

Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм : сб. ст. М. : Праксис, 2002. С. 381–405.

Маркс К., Энгельс Ф. Британское владычество в Индии. Избр. соч. В 9 т. Т. 4. М. : Политиздат, 1986. С. 96–101.

Маркс К., Энгельс Ф. Будущие результаты Британского владычества в Индии. Избр. соч. В 9 т. Т. 4. М. : Политиздат, 1986. С. 102–107.

Седых А. П. Французский мир и языковая личность // Науч. ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113).

Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. : Праксис, 2004. 464 с.

Шарапова Ю. В., Чупина И. А. Английский язык в Ирландии. Тамбов : Грамота, 2013. № 4 (71). С. 207–209.

Breuilly, J. Nations, states, and violence // International history review. 2009. 31 (3). P. 706–708.

Crystal D. By Hook or by Crook: A Journey in Search of English. N.-Y. : HarperPerennial, 2008. 320 p.

Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in the British National Development. L. : Transaction Publishers, 1998. 390 p.

McWhorter J. The Cosmopolitan Tongue: The Universality of English // World Affairs Journal. Fall 2009. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/cosmopolitan-tongue-universality-english>.

Mouzelis N. P. Modern Greece: Facets of underdevelopment. L. : Macmillan, 1978. 222 p.

The Underdevelopment of Development: Essays in Honor of Andre Gunder Frank / ed. by S. Chew and R. Denmark. Thousand Oaks: Sage Publications, 1996. 427 p.

УДК 811.531

Е. Ф. Серебrenникова, Е. С. Салангина
Иркутский государственный университет, Иркутск

**ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
КАК КОГНИТИВЫ МЕДИАТИЗАЦИИ
В ДВУЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЕРСИЙ МИССИЙ КОРЕЙСКИХ
УНИВЕРСИТЕТОВ)**

Аннотация. Предпринимается попытка определить способ репрезентации транснациональных элементов-когнитивов в корейских версиях двуязычных медиатекстов. На материале текстов миссий университетов устанавливаются отношения между транснациональными и этнонациональными когнитивами медиатизации, приводится количественная представленность транснациональных элементов.

Ключевые слова: медиатизация, когнитивы, транснациональные элементы, гибридизация, интердискурс.

E. Serebrennikova, E. Salangina
Irkutsk State University, Irkutsk

**TRANSNATIONAL ELEMENTS AS COGNITIVE UNITS OF MEDIATIZATION
IN BILINGUAL TEXTS (A CASE STUDY OF VERSIONS OF MISSIONS OF KOREAN
UNIVERSITIES)**

Abstract. This article has an attempt to determine the way of representation of transnational cognitive units in Korean versions of bilingual media texts. Relations between transnational and ethno-national cognitives of mediatization are established, and quantitative representation of transnational elements is given based on the texts of university missions.

Keywords: mediatization, cognitive units, transnational elements, hybridization, interdiscourse.

Современное «информационное» общество отличается открытостью сопряженным средам, сетевым характером, интерпретативностью, а также культурологической, коммуникативной, экономической и иного рода проницаемостью и включенностью в процессы глобализации, объектами которой являются как индивиды, так и этнокультуры. Объективно происходящие глобализационные процессы создают новые условия для национальных языков и культур. Под глобализацией в общем смысле понимают интенсификацию широкомасштабных связей между людьми и странами, ведущую к формированию разнопланового общемирового пространства [Robertson, 1992; Одегова, 2017].

Медиатизация информации рассматривается в динамическом конструктивном плане как такой процесс информирования, который имеет когнитивно-коммуникативную природу и ориентирует интерпретационные процессы восприятия и освоения социальным адресатом. Конструктивный потенциал медиатизации включает в себя не только передачу новых сведений, но и экстерииоризацию явных, неявных или вымышленных явлений, фактов, событий, а также их экспликацию и продвижение на основе дискурсивных правил и установок для обработки, освоения и присвоения, т. е. когнитивно-оценочного введения нового знания в существующую систему мировидения, понимания мира.

В качестве единицы медиатизации целесообразно принять, вслед за И. В. Рогозиной, её структурный компонент – медийный знак – когнитив как носитель определенного «кванта» знания, мнения и оценки о ситуации, событии, факте, лице в сообщении и, как следствие, оператор формирования медийной картины мира [Рогозина, 2003]. Когнитив может быть репрезентирован в дискурсе языковыми образованиями разного статуса [Викулова, 2014, с. 55 – 64].

В ряду медийных когнитивов выделяются «транснациональные» знаки медиатизации, определяемые в корреляции с этнокогнитивными национальными элементами языка. Номинативно подчеркивается их особый статус в национальном медийном пространстве как «ино-элементов», происхождение и активное функционирование которых принадлежит сфере транснациональных медиа, формирующих «глобальное медиапространство» [Кастельс, 2000, 29]. Транснациональным когнитивом (далее ТНК) будем называть элемент национального медиадискурса, связанный отношением происхождения и эквивалентности с источником в глобальном медиапространстве – интердискурсом транснациональной сферы функционирования.

По преимуществу в качестве исходного элемента ТНК выступает элемент «глобального английского», американского варианта английского языка [Одегова, 2017, с. 11]. С точки зрения лингвоконтактологии и теории межкультурной коммуникации транснациональные знаки могут толковаться как «интеркультураны» [Привалова, 2005] – семантиче-

ские маркеры контакта языков и культур. С точки зрения собственно медийной данные знаки являются показателями контакта с глобальным интердискурсом. Уточним, что под интердискурсом понимается совокупность перекликающихся, связанных между собой дискурсивных формаций, к которой реферирует данный дискурс эксплицитно или имплицитно [Maingueneau, 2009, с. 77–78]. Категория интердискурсивности стоит рядом с категорией интертекстуальности и характеризует медиатекст с точки зрения его открытости, проницаемости и включенности в глобальные медийные процессы [Чернявская, 2009]. Понятие «транснационального» компонента медиадискурса связано, таким образом, с современными процессами заимствования, неологизации и близко понятию «интернационализм», но шире его [Кочурова, 2010], включает в себя не только собственно номинативные аспекты, но и когнитивно-коммуникативные параметры функционирования. Отметим, что, руководствуясь критериями, представленными в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», такими как совпадение внешней формы, смыслов, выражение понятий международного характера и функционирование в разных, прежде всего неродственных, языках, статус лексических единиц следует квалифицировать как интернационализмы [ЛЭС, 1990, с. 197].

Определение роли транснациональных элементов как когнитивов медиатизации связано с подходами к определению сущности взаимоотношения этнонационального и транснационального. С одной стороны, соотношение может рассматриваться как доминирование глобального над этнокогнитивным, национальным, ведущее к единообразию и унификации. С другой стороны, соотношение трактуется как взаимодействие, ведущее к формированию транскультуры, основанной на многообразии, существовании единства во множестве. В лингвокультурном контексте концепция глобализма настаивает на гомогенизации, ассимиляции языков и культур посредством американского английского. Концепция транскультуры фиксирует внимание на спонтанных процессах гибридизации, происходящих в виртуально-реальном пространстве, образованном современными средствами массовой коммуникации и информационными компьютерными технологиями. Акцентируя интенсификацию взаимодействия глобального и локального, гибридизация отражает тенденцию в описании глобализации в форме глокализации («сочетания глобального и локального» в терминологии Р. Робертсона), в связи с чем процессы гомогенизации отрицаются в пользу гибридизации [Gradoll, 1997]. В рамках гибридизации взаимодействие рассматривается как сложный процесс присвоения глобального в виде адаптации элементов «глобального медиaprостранства» либо в виде некоторого замещения ими этнокультурных языковых элементов. При этом процессы гибридизации наиболее очевидно проявляются в случае семантических сдвигов, свидетельствующих об интенсивности интерпретативных процессов в репрезентации знания.

Задачей нашего анализа является установление отношений между транснациональными и этнонациональными когнитивами медиатизации на материале эквивалентных версий двуязычных медиатекстов. Двуязычные медиатексты, которые служат версиями друг друга, имеют одинаковое, одномоментное происхождение, содержание и дестинацию продвижения объекта медиатизации в глобальном интердискурсе, единого адресата (глобальный адресат, любой индивид, владеющий «глобальным английским») и поэтому служат ярким примером взаимодействия этнонационального и транснационального элементов структурирования медиаконтента. Данные тексты имеют разный национальный код, в этой связи необходимо, с одной стороны, проанализировать тексты с точки зрения этнокультурной специфики содержания, с другой стороны, установить, насколько этноспецифичной остается версия, предназначенная для глобального адресата, и как «глобальная» версия влияет на «национальную». Анализ соотношения транснациональных когнитивов с концептуально родственными структурами принимающей лингвокультуры осуществляется на основе положений концепции А. М. Дальхеевой [Дальхеева, 2009]. К двуязычным медиа-текстам относятся в том числе тексты миссий университетов, которые были выбраны нами в качестве объекта анализа. К анализу были привлечены тексты миссий ведущих университетов Республики Корея, таких как Сеульский национальный университет, Университет Ёнсе, Университет Корё, Женский университет Ихва, Университет Кёнхи.

Проведенный анализ материала показал, что по способу репрезентации транснациональные элементы-когнитивы в двуязычных медиатекстах в корейской версии можно разделить на пять групп:

1. ТНК, передаваемые концептуально родственной структурой принимающей лингвокультуры. При передаче иноконцептуального содержания лексической единицей корейского языка в скобках дается уточнение, понятие конкретизируется с помощью лексемы глобального английского: *진리 (truth)*, *자유 (freedom)*, *기독교 정신 (Christianity)*, *창의성 (Creativity)*, *연결성 (Connectivity)*.

2. ТНК, передаваемые транскрипцией: *비전 (om англ. vision)*, *글로벌 (om англ. global)*, *거버넌스 (om англ. governance)*, *네트워크 (om англ. network)*, *미션 (om англ. mission)*, *에너지 (om англ. energy)*, *아젠다 (om англ. agenda)*, *임팩트 (om англ. impact)*. В некоторых случаях для уточнения в скобках даётся лексема глобального английского языка: *비전 (vision)*, *미션 (mission)*.

3. ТНК, передаваемые лексическими единицами глобального английского языка, при этом в скобках даётся концептуально родственная лексема корейского языка: *Christianity (기독교정신)*, *Creativity (창의성)*, *Connectivity (연결성)*.

4. ТНК, передаваемые лексемами глобального английского языка, которые вводятся в текст, составленный на корейском языке, без какого-либо уточнения, комментария, перевода: *Middle-up-down*, *Empowerment*, *Engagement*, *Exploration*, *Power*. Однако следует отметить, что такого рода лексемы встречаются в основном в схемах, таблицах и графиках.

5. ТНК-дескриптивные номинативные структуры, в которых номинирующая лексема передается при помощи транскрипции с глобального английского языка, а дескриптивная лексема передается при помощи концептуально родственной структуры корейского языка, ТНК данного типа во всех проанализированных нами текстах сопровождались конкретизацией (структурами на глобальном английском языке) *사회적비전 (Social Vision)*, *밖으로 향한 비전 (Outward Vision)*, *조직변화비전 (Organization Vision)*, *안으로 향한 비전 (Inward Vision)*, *밖으로 향한 미션 (Outward Mission)*, *안으로 향한 미션 (Inward Mission)*.

С точки зрения соотношения между ТНК и этнокогнитивами можно выделить два типа отношений.

1. Отношения тождества. Некоторые ино- и этнолексемы одновременно сосуществуют, конкурируют в лингвистическом пространстве, при медиатизации контента чаще всего данные лексемы конкретизируют друг друга, при этом возможно как использование этноструктуры, которая уточняется иноструктурой глобального английского, *진리 (truth)*, *자유 (freedom)*, *기독교 정신 (Christianity)*, *창의성 (Creativity)*, *연결성 (Connectivity)*, так и включение в текст, полностью составленный на корейском языке, иноструктуры глобального английского языка, которая конкретизируется этноструктурой: *Christianity (기독교정신)*, *Creativity (창의성)*, *Connectivity (연결성)*.

2. Отношения включения. Лексемы *비전 (от англ. vision)*, *글로벌 (от англ. global)*, *거버넌스 (от англ. governance)*, *네트워크 (от англ. network)*, *미션 (от англ. mission)*, *에너지 (от англ. energy)*, *아젠다 (от англ. agenda)*, *임팩트 (от англ. impact)* представляют собой случаи параконцептуального заимствования. В данном случае ТНК подключается к более широкой и довлеющей концептуальной системе в этнокультуре. Данные языковые единицы зафиксированы в некоторых электронных словарях и не имеют концептуально родственных структур в южнокорейской лингвокультуре. В проанализированных нами текстах этнокогнитивные структуры не вступали в «конкуренцию» с приведенными ТНК.

Проведенный нами контент-анализ текстов миссий университетов показал, что количество транснациональных элементов в корейской версии достигает 10–20 % от всех знаков в тексте. Частотность употребле-

ния транснациональных элементов именно в данной сфере медиакартины мира может объясняться глобальной адресацией двуязычных текстов, а также открытостью именно сферы высшего образования глобальным информационным потокам.

Транснациональные элементы как когнитивы медиатизации в двуязычных медиатестах могут быть репрезентированы транскрипцией, концептуально родственной структурой корейской лингвокультуры, конкретизированной лексемой глобального английского языка, а также лексемой глобального английского языка (которая может уточняться или не уточняться концептуально родственной лексемой корейского языка). При вхождении в южнокорейскую лингвокультуру ТНК, источником которых является глобальный английский язык, вступают с этнокогнитивными структурами в отношения тождества и включения.

Литература

Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном пространстве // Вестн. МГПУ. 2014. № 2 (14). С. 55–64.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.

Кочурова Ю. Н. Интернационализмы французского происхождения в диахронии и синхронии : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 229 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 197.

Одегова О. В. Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности : монография. Томск : Издат. дом ТГУ, 2017. 168 с.

Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак. Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации : монография. М. : Гнозис, 2005. 472 с.

Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003. 430 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие. М. : Либроком, 2009. 248 с.

Maingueneau D. Les termes clés de l'analyse du discours. P. : Editions du Seuil, 2009. 143 p.

Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London : Sage publications Ltd, 1992. 203 p.

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Изучается процесс изменения на протяжении времени статуса женщины в сфере японской политики. В рамках исследования произведен анализ положения женщин в японской политике в основные исторические периоды с древности до наших дней.

Ключевые слова: гендерное неравенство, женщины в политике Японии, изменение статуса женщины.

T. Serykh

Irkutsk State University, Irkutsk

STATUS OF WOMEN IN JAPANESE POLITICS: HISTORY AND THE PRESENT

Abstract. The purpose of this article is to view how women's status in Japanese politics has been changing over the time. In the context of the study, an analysis of women's position in Japanese politics in main historical periods was carried out.

Keywords: gender inequality, women in Japanese politics, change of woman's status.

Статья посвящена изменениям, происходившим в политической сфере жизни японского общества на протяжении его существования, в частности изменениям статуса женщины.

Считается, что в древности в Японии, как и в других странах, сложилась система матриархата – форма социального устройства, в которой семейная и политическая власть принадлежит женщинам [Денисова, 2003]. Об этом говорят археологические находки эпохи неолита (период Дзёмон в японской периодизации, 8000–300 л. до н. э.) [Белявский, 1956]. Женщины имели высокий статус в обществе, что отразилось в синтоизме, а именно в культе богини солнца Аматаэрасу.

Во II–III вв., к началу периода Кофун (250(300)–538 гг.), женщины перестали заниматься социально значимыми видами деятельности (охотник, воин) и таким образом оказались вне экономической сферы, постепенно попадая в зависимое от мужчин положение; усилилась социальная дифференция по гендерному признаку [Суханова, 2013]. Женщины еще сохраняли важную роль в обществе, но японские племена уже перешли на стадию патриархального рода, т. е. мужчины стали занимать господствующее положение в обществе [Белявский, 1956]. В китайских хрониках «Вэй чжи», охватывающих период с 220 по 265 г., говорится о распространении в «стране Ва» (Японии тех времен) полигамии, а также упоминается царица Химико, которая заняла престол «страны Ва» после крупной внутренней войны и принесла дань Вэйской династии [Мещеряков, 2010, с. 110]. Таким образом, следует, что женщина в те времена могла обладать политической властью и заниматься дипломатией.

Наследование долгое время происходило по матрилинейному принципу: император женился на представительнице приближенного ко двору рода, и престол в дальнейшем занимали наследники мужского пола, которые при этом находились в зависимости от рода матери; эта система позволяла родам укреплять свое влияние, «поставляя невест для императорского дома». Также стоит отметить, что у императора обычно было несколько жен, главная жена происходила из «рода-партнера», т. е. главным критерием отбора жен был политический [Мещеряков, 2010, с. 335], и женщины играли роль инструмента для получения власти. Однако в 592 году, ставшем годом начала нового исторического периода Асука, после гибели брата на престол взошла императрица Суйко. Она считается первой «настоящей» императрицей Японии, так как правившая ранее полулегендарная императрица Дзингу не была официально возведена на престол. При этом в действительности Суйко не осуществляла политической власти, вместо нее правили ее дядя и племянник, т. е. она обладала политической властью только номинально. Через некоторое время на престол взошла еще одна императрица – Когёку, однако она вскоре отреклась от престола. После нее правителем стал император Котоку, при котором были проведены реформы Тайка [Мещеряков, 2010, с. 152–156].

В ходе реформ Тайка в конце VI – начале VII в. был составлен свод законов Тайхо, сформировалось централизованное государство и укрепилась императорская власть. Так как большое влияние на содержание реформ оказало конфуцианство, многие принципы были заимствованы из китайской модели государства, где женщины имели больше ограничений и постепенно теряли возможность принимать политические и другие решения [Там же, с. 336]. Также примерно в VI–VII вв. на территорию Японии проникает буддизм, при этом женщины становятся первыми, кто принимает новую религию.

Монахини сохраняли равный мужчинам статус на протяжении всего периода Нара (710–794 гг.) [Суханова, 2013], начавшегося с правления императрицы Гэммэй и переноса столицы в Хэйдзё-кё.

Однако несмотря на реформы, женщины пользовались большой самостоятельностью на протяжении VIII в (конец периода Асука и период Нара) и императрицы все же вели политическую деятельность, причем не всегда считаясь с традициями. До наступления нового периода императрица Дзито отреклась от престола, приняла новый (не существовавший ранее) титул «действующей экс-императрицы» и стала осуществлять реальное правление, возведя на престол своего семилетнего внука – сына императрицы Гэммэй, взошедшей на престол после его смерти (что было нарушением порядка престолонаследия). Позже она отреклась от престола в пользу своей незамужней дочери Гэнсё (подобный вариант передачи полномочий тоже не действовал ранее). В 749–758 гг. на пре-

столе была императрица Кокэн (правнучка Гэммэй), которая силой снова пришла к власти в 764–770 гг. под именем императрицы Сётоку. Отмечалось, что наибольшая значимость в ее правление придавалась поддержке буддизма и «магическим способам обеспечения жизнедеятельности государства». Однако из-за нереализованного намерения Кокэн возвести в императоры приближенного монаха Докё были отменены права женщин императорской семьи занимать трон [Мещеряков, 2010, с. 200–202]. Это ограничило политическую власть женщин в дальнейшем.

Существенные изменения положения женщины в обществе наступили в период Хэйан (794–1185). Именно в этот период истории в Японии наиболее сильны были конфуцианство и влияние буддизма, а также считается, что власть императоров достигла своего высшего значения. При этом политическая роль женщин ощутимо снизилась. Как ранее это делал род Сога, род Фудзивара выдавал своих дочерей замуж за императоров, долгое время оставаясь при этом у власти, но сами женщины не правили.

Новые буддийские школы, широко распространившиеся в стране, объявили женщину нечистой и неспособной достигнуть просветления. Женщине для освобождения от грехов было предписано подчиняться отцу, мужу и сыновьям, что, таким образом, стало первым четко оформленным указанием на гендерную роль женщины и поставило ее в полностью зависимое от мужчин положение [Суханова, 2013]. При этом стоит отметить, что самые известные литературные памятники того времени были написаны именно женщинами.

В средние века, с начала периода Камакура (1185–1333) и до конца периода Муромати (1392–1603), происходило множество военных столкновений, что временами приводило к политической децентрализации страны. Как итог, строгие социальные рамки были временно разрушены: в условиях военных конфликтов женщины нередко сами должны были обеспечивать защиту своих детей и имущества, могли руководить обороной городов и проводить политику по управлению подвластными территориями. В связи с этим стали появляться легенды о женщинах-воинах, и улучшилось восприятие женщин в буддизме, появились идеи о том, что женщины тоже могут достигнуть просветления. Таким образом, на протяжении Средневековья женщина вновь занимает высокое положение в обществе, однако все меняется с приходом новой эпохи [Суханова, 2013].

С наступлением периода Эдо (1603–1867) наблюдается закрепление существующих социальных классов, которому способствовала политическая централизация страны под руководством Токугава Иэясу. Женщины лишились всех прав и должны были полностью подчиняться мужу. Считалось, что мужчины отвечают за внешнюю сферу деятельности семьи, а женщины – за внутреннюю, таким образом, о ведении женщина-

ми политической деятельности не могло быть и речи: политика воспринималась как внешняя, сугубо мужская сфера, задачей женщин же было рождение сына-наследника и ведение домашних дел [Sheel, 2003].

С началом периода Мэйдзи (1868–1912) ситуация стала постепенно меняться, но в основном внешне, действительное же представление о должном положении женщин изменилось мало. Женщины получили право подавать на развод, а также право на получение образования (образование стало обязательным для девочек с 6 до 12 лет), однако женское образование считалось необходимым для воспитания примерных жен, способных поддерживать мужа и оказывать правильное влияние на детей, другими словами, представление о роли женщины не изменилось.

Открытие страны привело к проникновению в общество западных идей и зарождению демократического движения, в котором активно участвовали и женщины (например, Народное движение за права 1878 г.) [Суханова, 2013]. Известная как «бабушка народных прав» Ку-суносэ Кита, первый японский адвокат по правам женщин, утверждала, что должна иметь право голоса, так как в качестве главы семьи платила налоги после смерти мужа. Однако, несмотря на усиление активности женщин в политической деятельности, нельзя говорить о том, что это поддерживалось государством: в 1889 г. законом об императорской семье было закреплено наследование только по мужской линии, и женщины были окончательно отстранены от власти; в 1890 г. женщинам было запрещено участвовать в политических митингах и собраниях [Стулов, 2014]. Таким образом, в период Мэйдзи статус женщины в действительности практически не изменился.

Демократизацией был отмечен период Тайсё (1912–1926), в который зародилось японское движение за права женщин. Появляются женские организации, деятельность которых была направлена на получение равных с мужчинами прав в политике, экономике и семейной жизни. Одной из первых в масштабах целой страны в 1920 г. стала Новая женская ассоциация (新婦人協会 *син фудзин кё:кай*) под началом Хирацука Райтё и Итикава Фусаэ. Благодаря совместной деятельности организаций в 1922 г. женщины снова получили право участвовать в политических митингах. Помимо политических объединений, появлялись женские образовательные учреждения – школы и колледжи, направленные на разностороннее развитие девушек и воспитание в них стремления отстаивать свои права. Возникло и литературное движение писательниц, создающих новый образ японок и поднимающих актуальные проблемы в прессе.

С наступлением периода Сёва (1926–1989) разворачивается милитаризация Японии и крупные социальные движения сходят на нет. Новый виток в изменении статуса женщин в японской политике приходится на период после Второй мировой войны, начавшийся с оккупации американскими войсками и радикальных изменений в политическом строе Японии.

10 апреля 1946 г. состоялись первые после войны выборы в нижнюю палату японского парламента, куда были избраны 39 женщин (11,9 % от общего числа депутатов) [Маюми, 2015]. Токуко Огаи выдвигает следующие предположения об избрании такого большого количества женщин:

1) выборы проходили по новой системе, и некоторые избиратели решили, что им нужно выбрать по одному мужчине и одной женщине из бюллетеня;

2) по одному только имени кандидата не всегда можно было определить, какого он/она пола;

3) (данная причина считается самой главной) женщины больше ассоциируются с мирной деятельностью, чем мужчины, а времена требовали радикальных перемен в политике [Ogai, 2001].

Женщины-парламентарии принимали участие в разработке новой конституции, и в 1947 году первая новая конституция, юридически уравнивавшая мужчин и женщин в Японии, вступила в силу. Женщины получили равные с мужчинами права во всех сферах: право избирать и быть избранными, равенство перед законом по Конституции, равное участие в политической, экономической и социальной жизни, равные принципы оплаты труда; была ликвидирована дискриминация в образовании, женщинам была предоставлена юридическая самостоятельность и равенство в семье, право на развод и наследование [Суханова, 2013]. Данные изменения пробудили у многих женщин желание принимать более активное участие в жизни страны.

Но при изменении правового статуса женщин представления о ее гендерной роли остались прежними, традиционные взгляды не могли так быстро трансформироваться, и сами женщины зачастую не были готовы воспользоваться новыми правами [Суханова, 2013]. Правительство не было заинтересовано в изменении гендерной политики в разных сферах, помимо образовательной [Стулов, 2014]. Это привело к новой активизации феминистских движений, которые вели активную просветительскую деятельность, организуя различные лекции о новых возможностях, открывшихся для женщин. Правительство не оказывало поддержки этой деятельности, считая, что созданию действительно равных условий мешают исторически сложившиеся устои [Суханова, 2013]. Политика оставалась сферой, куда женщинам было сложнее всего попасть: в 1955 г. в Палате представителей было всего 8 женщин.

В 1985 г., в последний год Декады женщин ООН (1975–1985 гг.), под давлением международной общественности был принят Закон о равных возможностях найма, нацеленный на устранение дискриминации по половому признаку на рабочем месте, однако он носил рекомендательный характер и не учитывал многие факторы, поэтому оказался малоэффективен [Мизинова, 2014]. При этом 1980-е гг. считаются перио-

дом, когда женщины стали принимать активное участие в политике. Это связывается с «феноменом Мадонны»: в 1986 году Такако Дои стала первой женщиной в Японии, возглавившей политическую партию (социал-демократическую). Ее энергичная деятельность, в том числе взаимодействие со СМИ, способствовала повышению активности женщин в политике. Как итог в июле 1989 г. женщины получили рекордные 22 места в Палате советников. Многие избиратели надеялись, что женщины «очистят политику» [Ogai, 2001]. Но при этом число женщин в политике остается очень низким, особенно по сравнению с другими развитыми странами.

Женщины-избиратели также составляют важную часть электората в Японии, интересующую кандидатов на различные посты: женщины активно участвуют в выборах (число голосующих женщин превышает число мужчин [Sheel, 2003]), часто помогают в предвыборных кампаниях в качестве волонтеров и оказывают влияние на выбор их мужей кандидата. Эти факторы активно используются политиками, и для привлечения женщин-избирателей часто поднимаются проблемы, интересующие именно их.

С 1989 г. началась продолжающаяся по сей день эпоха Хэйсэй. В конце XX в. японское общество столкнулось с демографической проблемой и нехваткой рабочей силы; эти проблемы актуальны и сейчас, что приводит к необходимости активнее вовлекать женщин в экономическую деятельность страны. В 1999 г. вступил в силу Основной закон о создании общества равных возможностей для мужчин и женщин, призванный уравнивать права мужчин и женщин в различных сферах жизни общества. Важным здесь является то, что теперь правительство действительно нацелилось на устранение гендерного неравенства и активное внедрение в общество «нового образа женщины – активной участницы всех сфер деятельности страны» [Сакамото, 2017, с. 132]. Были поставлены задачи по увеличению числа женщин в системе высшего образования, политике, бизнесе и т. д. [Суханова, 2013]. Правительство Синдзо Абэ объявило о своей цели создать общество, «в котором женщина будет сиять», и в рамках этой цели реализует политику вуменомики, призванную повысить экономическую активность женщин. Японское правительство приняло на себя официальное обязательство к 2020 году, когда в Токио будет проходить Олимпиада, нарастить представительство женщин на лидерских позициях в японском обществе до 30 % [Маюми, 2015].

Одной из ветвей политики, где женщины смогли добиться наибольшего представительства и успеха, стала дипломатическая сфера. В 1990-е гг. страна была представлена четырьмя женщинами-послами, одна из которых возглавляла делегацию Японии на конференции по разоружению в 1995 г. Пять женщин-японок занимали весьма высокие посты в Организации Объединенных Наций [Стулов, 2014].

Все так же существуют различные организации, поддерживающие женщин в политической деятельности, которые организуют различные курсы и тренинги; действуют неформальные объединения, направленные на то, чтобы женщины могли свободно интересоваться политикой и участвовать в обсуждениях, не боясь порицания окружающих. Так, с 2012 г. существует «Всеяпонская партия тетенек» (全日本おばちゃん党 *дзен нихон обатян то:*) [Маюми, 2015], которая образовалась как сообщество в социальных сетях, позволяющее обсуждать любые интересующие участниц темы. В 2015 г. создательница партии, доцент Осакского международного университета Танигути Маюми, была признана одной из 12 женщин года по версии «Фэйсбук».

Число женщин в политике и важность занимаемых ими постов действительно постепенно растет. Так, в 2000 г. Фусаэ Ота стала первой женщиной-губернатором в Японии, заняв пост губернатора Осаки. Однако случаи дискриминации по половому признаку сохранились и на таком высоком уровне: в течение нескольких лет ей, находившейся в статусе губернатора, отказывали в праве подняться на дохё (круг для проведения состязаний в сумо) для награждения победителей, так как по традиции на дохё могут выходить только мужчины.

И все же, несмотря на имеющиеся изменения, в сравнении с западными странами Япония сильно отстает по показателям гендерного неравенства во всех сферах, кроме образования. Согласно отчету о гендерном разрыве по версии Всемирного экономического форума, в 2018 году Япония заняла 125-е место из 149 по степени вовлеченности женщин в политику. Для сравнения: в 2013 г. Япония занимала 118-е место из 135 – можно видеть, что изменения незначительны [The Global Gender Gap Report 2013, 2018]. Отрыв от других развитых стран, возглавляющих списки по всем критериям, огромен. При этом нельзя быть уверенными, что в случае достижения плана по увеличению представительства женщин на руководящих позициях в обществе до 30 % к 2020 г. показатели улучшатся. Отмечается, что политические партии нередко имеют «семейную» структуру, сходную с крупными корпорациями, где женщины считаются зависимыми от своих мужей. Поэтому женщинам все еще непросто попасть в политику, и еще сложнее удержаться – в случае рождения ребенка и ухода в декретный отпуск женщины практически теряют шансы на карьеру в политике. Интересно то, что число женщин в оппозиционных партиях выше, чем в правящей Либерально-демократической [Sheel, 2003].

Таким образом, на протяжении всей истории развития японского общества статус женщины в политике постоянно изменялся: первоначально женщины были наравне с мужчинами, но со временем потеряли свои права и надолго перешли в абсолютно подчиненное положение. В наше время увеличиваются темпы и масштабы глобализации, «одной из

последствий которой во всем мире является обострение проблемы идентичности личности, в том числе и вопросы гендерных отношений» [Макеева, 2010, с. 20], что способствует изменениям статуса женщин в обществе Японии. С начала XX в. наметилась тенденция к возвращению равных с мужчинами прав, но даже при официально закрепленном с конца прошлого века равенстве во всех сферах в действительности сохраняются проблемы дискриминации и низкого уровня вовлеченности женщин в политическую и экономическую деятельность. Это позволяет говорить о том, что процесс реального установления гендерного равенства на одном уровне с другими развитыми странами все еще не завершен и требует времени.

Литература

Большая энциклопедия Японии от А до Я. URL: <http://japantoday.ru/entsiklopediya-yaponii-ot-a-do-ya.html> (дата обращения: 14.02.2019).

Всемирная история. В 10 т. Т. 2 : энциклопедия / ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956. С. 900.

Денисова А. А. Тезаурус терминологии гендерных исследований. М. : Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты, 2003. 256 с.

Макеева С. Б. Особенности социологического осмысления процесса глобализации современного мирового сообщества // Сб. ст. по итогам науч.-исслед. работы Ин-та соц.-полит. систем Чит. гос. ун-та за 2009–2010 гг. Чита : Экспресс-изд-во, 2010. С. 15–23.

Маюми Т. «Всеяпонская партия тетенек»: женщины среднего возраста и новая политическая вовлеченность // Nippon Communications Foundation 2011–2019. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a04602/?pnum=1> (дата обращения: 25.01.2019).

Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии : учеб. пособие. М. : Наталис, 2010. 544 с.

Мизинова А. Е. Проблема вовлечения женщин в трудовую деятельность в современной Японии // Ежегодник. Япония. 2014. № 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vovlecheniya-zhenschin-v-trudovuyu-deyatelnost-v-sovremennoy-yaponii> (дата обращения: 08.02.2019).

Периоды истории Японии // Fushigi Nippon. URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=23> (дата обращения: 11.01.2019).

Положение женщины в Японии. URL: <http://yuki-onna.ru/?p=603> (дата обращения: 14.01.2019).

Положение женщины в японском обществе. URL: <http://bukvi.ru/obshestvo/kulturologia/polozhenie-zhenshhiny-v-yaponskom-obshhestve.html> (дата обращения: 07.02.2019).

Спасут ли женщины японскую экономику? – URL: <https://www.nippon.com/ru/features/h00066/>. (дата обращения: 15.02.2019).

Стулов И. В. Гендерное неравенство в Японии. Изменение роли женщины в современном японском обществе: Текст ВКР // НИУ ВШЭ. М., 2014. С. 51.

Суханова Н. Н. Социальный статус женщины в Японии: вехи истории // Изв. ИГУ. Сер. История. 2013. № 2 (5). С. 106–112.

Friedman S. Women in Japanese Society: Their Changing Roles. URL: <http://www2.gol.com/users/friedman/writings/p1.html> (дата обращения: 17.01.2019).

Ogai T. Japanese Women and Political Institutions: Why Are Women Politically Underrepresented? // PS: Political Science and Politics. 2001. Vol. 34, N 2. P. 207–210.

Osaka governor barred from ring // Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/sports/2004/02/19/sumo/osaka-governor-barred-from-ring/#.XIBBRIPVLIW> (дата обращения: 20.01.2019).

Sheel R. Women in Politics in Japan. URL: <https://www.jstor.org/stable/4414071> (дата обращения: 05.02.2019).

The Global Gender Gap Report 2013 // World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2013.pdf (дата обращения: 07.02.2019).

The Global Gender Gap Report 2018 // World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2018.pdf (дата обращения: 07.02.2019).

坂本恵・ナジェージダ ウェインベルグほめの諸相 — 日本語母語話者は何をほめと認識するか — // 東京外国語大学留学生日本語教育センター論集 43, 2017. 121~135 ページ.

新婦人協会 // コトバンク. URL: <https://kotobank.jp/word/新婦人協会-82489> (дата обращения: 15.02.2019).

日本婦人有権者同盟 // コトバンク. URL: <https://kotobank.jp/word/日本婦人有権者同盟-1574340> (дата обращения: 15.02.2019).

УДК 94

С. А. Силакова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

КИТАЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ XIX ВЕКА В РАБОТАХ АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДИЯ (КАФАРОВА)

Аннотация. Изучается происхождение, история и повседневный быт китайских мусульман XIX в., описанных в работах отечественного синолога, главы XIII и XV Православных миссий в Китае архимандрита Палладия (в миру Петра Ивановича Кафарова). Особое внимание в своих работах отец Палладий уделяет специфике существования данной национально-религиозной группы, проживавшей довольно закрытыми общинами, однако не избежавшей некоторой ассимиляции в результате многосотлетнего взаимодействия с китайской культурой. Ценность работ отца Палладия (Кафарова) заключается в достоверности и уникальности многих данных, так как они были получены в результате личных исследований миссионера.

Ключевые слова: Китай, мусульмане, ислам, Пекинская духовная миссия, архимандрит Палладий, Петр Иванович Кафаров.

S. Silakova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

CHINESE MUSLIMS OF THE XIX CENTURY IN THE WORKS OF ARCHIMANDRITE PALLADIUS (KAFAROV)

Abstract. This article is devoted to the study of the origin, history and daily life of Chinese Muslims of the XIX century, described in the works of the Russian synologist, the Head of XIIIth and XVth Orthodox Missions in China, Archimandrite Palladius (Peter Ivanovich Kafarov). In his works, Palladius particularly focuses on the specifics of the existence of this national-religious group, which lived in rather closed communities, but did not avoid some assimilation as a result of many years of interaction with Chinese culture. The value of the works of O. Palladius (Kafarov) lies in the authenticity and uniqueness of many data, since they were obtained as a result of the personal research of the missionary.

Keywords: China, Muslims, Islam, Beijing Orthodox Mission, archimandrite Palladius, Peter I. Kafarov.

Мусульмане появились в Китае во времена династии Тан. Ещё до Таласской битвы в 751 году ислам проник в Китай через торговцев, прибывавших по водам Персидского залива через Индийский океан в Юго-Восточный Китай или по Шёлковому пути через Центральную Азию, Бухару и Самарканд в Северо-Восточный Китай [Pillsbury, 2007, 10]. В дальнейшем расширение Танской империи на запад, столкновения с населением Центральной Азии способствовали увеличению количества населения различных приграничных провинций Китая, исповедовавшего ислам [Chang, 2007, 63–64].

Официальное знакомство Китая с исламом произошло во времена правления династии Сун: в XI в. в Китай из Мавераннахра с семьей прибыл бухарский эмир Суфейр, потомок Мухаммеда, который был принят сунским императором при дворе, а прибывшие с ним люди расселились по провинциям Аньхой, Хунань, Хубэй, Шаньси. К XIII в. численность мусульман в Китае существенно выросла, люди занимали посты и служили сильным домам. Так, например, в XII в. на службе у одного из северных сильных домов состоял полк мусульман (предположительно, персидского происхождения). За три века число исповедовавших ислам приумножилось [Палладий, 1866, с. 438; Chang, 2007, р. 65].

Ислам значительно распространился в Китае после завоеваний Чингисхана в XIII в. Основными носителями религии являлись торговцы, ремесленники, военнопленные, добровольные переселенцы и особенно учёные, пользовавшиеся особым уважением у монгольских властей. Учёные-мусульмане занимали довольно высокие должности даже на уровне провинций. Так образовалась основная масса китайских мусульман.

После падения династии Юань влияние мусульман в Китае заметно снизилось, произошло закрытие религиозного круга, но при этом стёрлась важность национального происхождения человека, так как на первое место встала принадлежность к исламу. Появились мусульманские общины без национального единства, и ко времени воцарения маньчжуров мусульмане стали представлять единую религиозно-культурную группу, противопоставлявшую себя другим представителям китайского общества [Палладий, 1866, с. 440].

Согласно материалам архимандрита Палладия, лишь со времени воцарения маньчжуров китайские мусульмане начали проявлять воинственные настроения и недовольство. В 1640-х гг. один из последних князей династии Мин бежал на Северо-Восток Китая и попытался укрыться в одной из общин. Мусульманская община не только приютила князя, но и поддержала разгоревшийся бунт против власти маньчжурских завоевателей. После подавления восстания маньчжурское прави-

тельство относилось к китайским мусульманам максимально лояльно, отвергало предложения чиновников по закрытию мечетей и запрету ислама. Задачей правительства было скорее не уничтожение данной религиозной группы, а ассимиляция ее с остальным населением. Однако данная правительственная линия не всегда поддерживалась чиновниками на местах [Dillon, 1999, p. 45–48].

Так, в конце XVIII в. проживавшие на Северо-Востоке Китая уйгуры имели собственную систему управления, делились на 12 родов, в каждом из которых был свой духовный глава. Однако с возникновением разногласий в общине на фоне попыток внедрения религиозных нововведений с Запада (белые одежды, громкое чтение Корана и т. д.) стали происходить столкновения родов и восстания. Наиболее громким и жестоко подавленным было восстание Ма Минсина в провинции Ганьсу [Палладий, 1866, с. 443]. После ряда восстаний китайские власти пошли на крайние меры: мусульманам были запрещены поездки на Запад, строительство новых мечетей, был запрещён въезд иностранных мулл и духовных глав.

Начальник XIII и XV Православных миссий в Китае архимандрит Палладий (Кафаров) также занимался изучением истории, культуры и литературы китайских мусульман. Во время работы XIII миссии в Пекине он начал интересоваться историей ислама в Китае. Отцом Палладием были обнаружены документы, касающиеся истории появления мусульманских общин в Поднебесной. Однако особенная ценность работ архимандрита заключается в том, что он проводил личные исследования, общаясь с представителями китайского мусульманства. Описания мусульманской литературы присутствуют в его работах «Китайская литература магометан» [Палладий, 1874]. Жизнь китайских мусульман, их быт, традиции изображены в «Дорожных заметках на пути от Пекина до Благовещенска чрез Маньчжурию» [Палладий, 1872] и «О магометанах в Китае» [Палладий, 1866]. По возвращении из миссии Палладий продолжил изучение данной темы. После его смерти часть работ по литературе китайских мусульман были дополнены членом Пекинской духовной миссии, будущим епископом Оренбургским и Уральским Николаем (Адоратским) [Куликов, 2016, с. 97–98].

Мусульмане во второй половине XIX в., по сообщению архимандрита Палладия, составляли лишь небольшую часть от китайского населения. Китайцы называли их «хой-хой» или «хой-цзы», а религию «хой-цзяо» или «цзы-цзяо» (транскрипция отца Палладия), «то есть «вера запрещения», так как в их культуре запрещены вино и свинина» [Палладий, 1866, с. 438]. Изначально термином «хой-хой» называли только уйгуров, однако в дальнейшем он стал нарицательным для всех китайских мусульман.

Архимандрит Палладий утверждает, что статистические данные о мусульманах, предоставляемые властями, сильно искажены. Количество мусульман, по его сведениям, во второй четверти XIX в. составляло около 3–4 миллионов. Большинство населения, исповедовавшего ислам, проживало на Северо-Западе Китая и почти не занималось земледелием. В основном люди торговали с Монголией рогатым скотом и лошадьми. Мусульмане Шаньси также растили опиум для внутреннего потребления. В мусульманской общине не было богатых домов, однако каждый род имел собственный промысел [Палладий, 1866, с. 450].

Многие мусульмане XIX в. проживали в городах общинами, имели собственные кварталы, расположенные вокруг мечетей. Они закупали продовольствие преимущественно у единоверцев из сельской местности, чтобы избежать «осквернения пищи». При этом мусульманские районы были достаточно закрытыми; китайское население редко их посещало и никогда не заходило в мечети.

Китайские мечети «ли байсы» (礼拜寺, lǐbàisì) строились входом к Мекке. У них не было минаретов, вместо них были возвышенные павильоны для наблюдения новой луны, которые назывались «лунными павильонами». Палладий писал: «Вместо турецкой луны на верху мечетей обыкновенно водружается позолоченный шар» [Палладий, 1866, с. 453].

При мечетях обычно организовывались училища, которые по праздникам использовались как ритуальные «обливальни», где стояли медные чайники с водой. Стоит уточнить, что китайские мусульмане, как правило, перед намазом (молитвой) проводили не омовение, а обливание водой.

Мечеть была не только местом проведения ритуала, но и местом проживания имама (духовного главы) и ахуна (мусульманского богослова). Имам избирался из числа прихожан и, помимо своих прямых обязанностей, отвечал за порядок в мечети и мусульманском квартале перед городской полицией. В свою очередь ахун, как правило, приглашался из-за границы или из другого города.

Архимандрит Палладий упоминает о 13 мечетях, построенных в Пекине. Он описывает собственный опыт посещения одной из пекинских мечетей. Когда он вошел в мечеть, его «ввели в небольшую опрятную комнату, где сидел на кану (традиционная печь-лежанка Северного Китая) ... молодой ахун ... с небольшой белой чалмой на голове; при нём был мальчик сын, которого он учил арабской грамоте...» [Палладий, 1866, с. 454]. В дальнейшем во время каждого посещения мечетей архимандрита встречали весьма радушно, провожали по мечети, показывая особенности архитектуры. Отдельно он отмечает тот факт, что при личном общении все ахуны были очень вежливы и благодушны, в то время как в своих трудах и проповедях они обличали инаковерцев, критикуя и даже оскорбляя их.

Так, отец Палладий описывает внутреннее убранство одной из пекинских мечетей: «... мечеть была китайской архитектуры, но с поперечными перегородками внутри, в которых устроены деревянные пиластры; посреди храма висела европейская люстра; в северозападной части возвышалась кафедра; в глубине храма, на западе, полукруглое святилище отгорожено было низкой балюстрадой. Пустое святилище ... оно ничем особым не отличалось, кроме того, что стены его были испещрены арабскими надписями, вырезанными из золоченой бумаги и наклеенными на стене; впрочем, такие надписи виднелись и в других местах, по сторонам мечети. В притворе мечети, на востоке, стоял стол, со дщицею (доской), на которой вырезана была обычная надпись многолетия царствующему императору; перед дщицею стояла жаровня с потухшими курительными свечами. Ахун уверял меня, что это чествование особы иноверного государя в доме молитвы, обязательное для всех больших кумирен и монастырей в Китае, не включает в себе ничего предосудительного...» [Палладий, 1866, с. 454–455]. Как мы видим из описания, строение китайских мечетей и их внутреннее содержание довольно отличались от ближневосточных мечетей. Особенным кажется и наличие в храме таблички с именем императора.

Как и во всех мусульманских странах, китайские муллы и ахуны были так же хорошо образованны. Знание арабского и персидского языков было обязательным, эти же языки преподавались и при мечетях. Однако, как отмечал отец Палладий, письменная речь их была намного лучше устной, так как все говорившие на арабском и персидском имели очень сильный китайский акцент, а также не выговаривали согласную «р» и многие гортанные звуки, заменяя их на «л» и «х», что затрудняло понимание речи говорящего.

Архимандрит Палладий был особенно впечатлен библиотеками при мечетях, так как мусульмане бережно хранили множество старинных книг, в том числе и времен ранней династии Юань (XIII в.). Однако переводов различных изречений и трактатов на китайский язык практически не было, т. е. паства доверяла устным пересказам и толкованиям самого ахуна. На китайский язык были переведены лишь те работы, к которым мусульманин должен был обращаться ежедневно: это труды, посвящённые мусульманским обрядам и нравственности верующего. Не был переведён и сам Коран, который китайцы называли «фургани». Также в библиотеках отсутствовали книги на турецком языке, о существовании которого китайские муллы даже не знали.

Убранство дома китайского мусульманина также зачастую отличалось от привычного убранства мусульман Ближнего Востока и Средней Азии. Китайцы часто вырезали на стенах изречения из Корана и вешали на стены карты Мекки и Медины или карты с указанием пути от Китая до Аравии, однако при этом на стенах размещались описания на араб-

ском и китайском языках внешней красоты пророка Мухаммеда с указанием, что каждый, кто представит себе лик пророка, сможет избавиться от бед. Очевидно, эта традиция несла в себе уже подражание буддистам и даосам [Палладий, 1866, с. 456–457].

Что касается хаджа (паломничества в Мекку), то по причине затруднительности передвижения и опасности пути ахуны заменили хадж равноценным, по их мнению, постоянным посещением мечети и обязательными жертвоприношениями на крупные религиозные праздники (например, Курбан-байрам).

Разумеется, жизнь китайских мусульман не могла не подвергнуться влиянию китайской культуры. Однако изменения испытали те стороны повседневной жизни, которые не имели особого религиозного значения. Так, архимандрит Палладий писал о том, что браки заключались по китайским обычаям, но только с единоверцами. Однако стоит упомянуть, что в XVIII–XIX вв. мусульмане часто брали в жёны китайянок.

Преобразования коснулись и похоронных обрядов мусульман: перед гробом стали ставить курильницы с благовониями, что копировало исконно китайские обычаи. Однако покойных хоронили по мусульманскому обычаю: без гробов, лицом на запад.

Также были заимствованы и китайская повседневная одежда: не только простые мусульмане, но и ахуны и имамы носили китайские платья. Отец Палладий писал, что «ахуны и имамы также носят китайские платья, с тем различием, что не надевают сапогов, а ходят в башмаках, которые снимают с ног, при вступлении в мечеть для молитвы, при чём обертывают голову небольшим куском белого холста» [Палладий, 1866, с. 458]. Помимо китайской одежды, многие женщины переняли традицию чаньцзу – бинтования ног.

Многие китайские мусульмане состояли на правительственной службе, что не считалось предосудительным в общинах, так как занимаемые ими посты, как правило, были невысокими, им не приходилось проводить ритуальных конфуцианских церемоний.

В Китае среди последователей ислама было запрещено употребление как алкоголя, так и табака. Последнее отличалось от традиций Средней Азии, однако объяснялось тем, что по легенде пророк Мухаммед, увидев табак, неодобрительно покачал головой, что и способствовало распространению запрета на курение не только наркотических веществ, но и табака.

Длительное время пребывания в Китае позволило архимандриту Палладию (Кафарову) лично изучить культуру, историю и литературу китайских мусульман, пообщаться с простыми представителями мусульманских общин и исламского духовенства, посетить пекинские мечети. Фактически наряду с Василием Павловичем Васильевым, он был одним из первых европейских востоковедов, затронувших эту тему. Бла-

годаря работам архимандрита в среде востоковедов были развеяны некоторые мифы, обозначена особая специфика культуры и быта китайских мусульман, так как эта религиозная группа представляла собой своеобразный сплав различных культур: среднеазиатской, ближневосточной, китайской. Китайских мусульман невозможно отождествлять с представителями данной религии из других регионов, потому что окружающая социокультурная среда отразилась на формировании их отличительных особенностей.

Литература

Куликов А. М. Китаеведческая и дипломатическая деятельность архимандрита Палладия (Кафарова) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 669 с.

Палладий (Кафаров). О магометанах в Китае // Тр. членов Рос. Духов. Миссии. 1866. Т. 4. С. 437–461.

Палладий (Кафаров). Китайская литература магометан. СПб. : Тип. император. акад. наук, 1872. 334 с.

Палладий (Кафаров). Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска чрез Маньчжурию в 1870 г. СПб. : Тип. В. Безобразова и компании, 1872. 130 с.

Dillon M. China's Muslim Hui Community: Migration, Settlement and Sects. L. : Routledge, 1999. 232 p.

Haiji Yu. The Hui (Muslim) minority in China: a history overview // Institute of Muslim Minority Affairs. 2007. N 8. P. 62–78.

Pillsbury B. Muslim history in China: a 1300-year chronology // Institute of Muslim Minority Affairs. 2007. N 3. P. 10–29.

УДК 101

Д. А. Снеткова

Забайкальский государственный университет, Чита

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ КОНФУЦИЯ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Аннотация. Рассматривается роль исторической личности Конфуция в философском, политическом и социальном аспектах китайского общества, а также значение духовного наследия Конфуция в культуре и языке. На основе анализа устанавливается значимость конфуцианского учения в современном обществе и языке.

Ключевые слова: Конфуций, духовное наследие, культура, философия, конфуцианство, политика, китайское общество, язык.

D. Snetkova

Zabaykalsky State University, Chita

CONFUCIUS' SPIRITUAL LEGACY IN CULTURE AND LANGUAGE OF CHINA

Abstract. In this article the author analyzes the role of the historical personality of Confucius in the philosophical, political, and social aspects of Chinese society, and also examines the importance of Confucius's spiritual legacy in culture and language. In terms of the analysis, the author establishes the significance of Confucianism in the modern society and language.

Keywords: Confucius, spiritual legacy, philosophy, Confucianism, politics, Chinese society, language.

Различные элементы формируют культурное наследие той или иной страны, и все они, безусловно, связаны между собой. Культурное наследие – это опыт, накопленный веками; этот опыт заключен в различных формах искусства – литературе живописи, музыке – но прежде всего он заключен в самом народе. Понятие культуры можно трактовать по-разному, однако в первую очередь мы понимаем под этим именно то, что создается человеком, – материальное или духовное. Это и есть наследие, которое по своей сути затрагивает все стороны человеческой жизни.

Философия также является частью духовного наследия, которая неразрывно связана с культурой страны. Понимание Китая, его настоящего и будущего невозможно без понимания центрального ядра китайской культуры – философского знания. Идеи философии формировались с давних времен, и личности, которые являются основоположниками определенных философских мыслей, играли большую роль в жизни народа на ранних этапах создания общества. Хотя политическое, общественное и духовное устройство Китая за длительный исторический период претерпело достаточно изменений, философия и сейчас продолжает играть важную роль во всех сферах государства.

Основными философскими направлениями (учениями) являлись: конфуцианство, моизм, легизм, даосизм. Но именно конфуцианство сформировалось как совокупность идей, которые сильно повлияли на все аспекты жизни китайцев.

Зарождение конфуцианства ознаменовало новую веху в формировании китайского общества. Философские идеи Конфуция имеют огромное значение для китайского народа – как для простых людей, так и для государственных верхов. Как отмечает В. А. Семенов, конфуцианство является не просто философией, а национальной психологией. Конфуцианство наряду с даосизмом и буддизмом выступает главным фактором формирования духовного облика китайцев, а также частью духовной культуры. Будь то традиции или обычаи, политическое или общественное устройство, культура или язык – конфуцианство в той или иной форме находит во всем этом свое отражение, создавая связь между данными аспектами.

Что касается политической и социальной сфер, главной идеей Конфуция был так называемый патернализм – отношения младших и старших. Так как государство в понимании Конфуция и являлось семьей, то такая иерархия была характерна как для верхов, так и для низов. Помимо этого, важнейшей считалась этическая модель традиционного Китая, которая наиболее полно отражается в системе 五伦 – «пять этических норм» – Четверокнижия: «论语» («Лунь юй»), «大学» («Да сюэ»), «中庸» («Чжун юн»), «孟子» («Мэн цзы») [Тань, 2004, с. 86]. «Лунь юй» – трактат, представляющий собой основу наследия Конфуция в политике. Изложенные в нем высказывания объединяет исключительно идейное

содержание: в них так или иначе нашли отражение конфуцианское мировоззрение и морально-этические принципы.

Параллельно очень четко прослеживается роль Конфуция как педагога: его мысли, зафиксированные в канонах, не просто составляли основу для управления государством или служили некими правилами формирования личности «благородного мужа». Конфуций был одним из создателей первых частных школ в Китае, и именно в тот период, когда система образования в Китае приходила в упадок [李木生]. Будучи педагогом детей из бедных семей, он сумел вложить в них то, что закладывает учитель в ученика, что впоследствии оказывало огромное влияние на политическую сферу – ведь только те, кто сумел освоить учебную программу, разработанную Конфуцием, могли пойти на государственную службу и внести свой вклад.

Конфуцианство является важнейшей составляющей китайской духовной культуры. Однако наибольшее внимание данное учение уделяло музыке и ее общественной роли. Считалось, что музыка, помимо своей эстетической функции, выполняла функцию своеобразной движущей силы в формировании мысли, а также была способом достижения гармонии. Вместе с тем огромную роль в учении играли стихи – об этом свидетельствует известный канон «Ши цзин» («Книга песен»), который был составлен и отредактирован самим Конфуцием.

Влияние конфуцианского наследия на язык настолько глубоко, что даже по сей день китайцы на основе вышеупомянутого патернализма (который даже спустя века сохраняется в обществе) реализуют процессы общения. Китайцы используют вежливые формы приветствия и прощания, по-особенному выражают благодарность, чаще всего проявляют сдержанность и избегают категоричности, стараясь не задеть чувства достоинства собеседника. Принципы, формирующие такое поведение, напрямую исходят из конфуцианских канонов.

Все описанное дает понять, насколько глубоко влияние духовного наследия Конфуция и его учения на культуру Китая и язык. Конфуцианские мысли воплотились в политических идеологиях и легли в основу педагогики и образования, в то же время глубоко закрепились в культурном пласте и нашли свое отражение в языке. Китайцы по-прежнему верны принципам этики и вежливости, так как именно они благоприятствуют процветанию в социуме.

Максимы вежливости и скромности, которые соответствуют принципам иерархии, заложенной Конфуцием, фразеологизмы, афоризмы, исходящие из древних конфуцианских канонов, – это то, что по сей день отражает величие духовного наследия данного учения и его основоположника. Конфуций сформировал не просто течение, а именно целую систему факторов, которые повлияли на жизнь общества Поднебесной.

Таким образом конфуцианство – основа жизни китайского общества. Оно и есть фундамент того, что мы называем национальной психологией китайцев. И хотя на данный момент Китай – это одна из быстро развивающихся стран, в культуре и языке которой также происходят разной степени изменения, духовное наследие, оставленное Конфуцием, по-прежнему сохраняет свою монолитность.

Литература

Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность : сб. ст. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 240 с.

李木生 . 孔子的教育思想 // 网易 URL: <https://3g.163.com/dy/article/CTS1ILVP0521CR8C.html>.

УДК 911.3+631.2: 633.2

В. Н. Степаненко

ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», Иркутск

ОРОШАЕМОЕ ЛУГОВОДСТВО В ПРИБАЙКАЛЬЕ – ЖИВОЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Приводятся сведения об имеющемся в Прибайкалье оригинальном способе повышения продуктивности ландшафта – орошаемом луговомодстве. Этот приём хозяйственной деятельности широко применялся в древности, а сейчас это органичная часть культуры коренного населения Прибайкалья, проживающего в нескольких посёлках на севере Ольхонского района. Представляется необходимой работа по изучению и сохранению действующего памятника древней культуры.

Ключевые слова: культурное наследие, животноводство, кырыкане, каналы, оросительные системы.

V. Stepanenko

“Zapovednoe Pribaikalie” the Western Baikal Protected Areas, Irkutsk

IRRIGATED MEADOWS IN THE REGION IS A LIVING MONUMENT OF AN ANCIENT CULTURE

Abstract. The article provides information about the original method of increasing the productivity of the landscape in the Baikal region – irrigated meadow farming. This method of economic activity was widely used in ancient times, and now it is part of the culture of the indigenous population of the Baikal region, living in several villages in the North of the Olkhon district. It is necessary to work on the study and preservation of the existing monument of ancient culture.

Keywords: cultural heritage, animal breeding, kurykane, channels, irrigation system.

Сохранение культурного наследия народов страны – одна из важнейших составляющих государственной политики. Все народы создали свои оригинальные способы адаптации к среде обитания, т. е. к кормящему ландшафту, в результате среда обитания оказала определяющее влияние на национальную самобытность и менталитет каждого народа. Основа любой национальной культуры – это комплекс связей с землёй-

кормилицей в виде адаптированных к местному климату приёмов хозяйственной деятельности и комплекса ресурсосберегающих традиций, обеспечивающих народу возможность проживания на своей земле неограниченно долгий срок. Прогресс, миграции населения, социальные причины изменяют условия жизни и приводят к отрыву основной массы населения от исторически сложившегося традиционного образа жизни, что способствует утрате национальных культур. Наиболее уязвимы культуры коренных народов. Именно поэтому сохранение оригинальных национальных культур – задача государственной важности, без этого невозможно сохранить самобытность и менталитет народов страны.

Материалом для статьи послужили наблюдения автора в Прибайкалье и Забайкалье, в том числе на северо-западном побережье оз. Байкал, в историческом ареале бурятского народа.

Основой жизнеобеспечения у бурят повсеместно было скотоводство: в степном ландшафте – кочевое с круглогодичным выпасом скота, в лесостепном – полукочевое. В лесостепи выпас скота шёл весь бесснежный период в традиционных для каждой семьи урочищах, зимовка проводилась стационарно, в местах заготовки сена. Главными домашними животными у бурят в лесостепи были крупный рогатый скот (КРС), в степи – овцы и повсеместно – лошади. Другие способы жизнеобеспечения (охота, рыбная ловля, ремёсла и т. д.) имели подсобное значение. Аналогичные системы адаптации к ландшафту были выработаны всеми народами Евразии в сходных природных условиях, в степном и лесостепном ландшафтах, где проблематично земледелие. В XX в. в нашей стране коренные народы перешли на оседлый образ жизни в постоянных населённых пунктах, освоили растениеводство, но основой благосостояния населения, проживающего в сельской местности, остаётся домашний скот.

Не исключение и культура жизнеобеспечения бурят на севере Ольхонского района Иркутской области. Но она имеет особенности, нигде больше не встречающиеся, поэтому её можно признать оригинальной. Благодаря близости Байкала с его ресурсами важную роль играют лов рыбы и добывание байкальской нерпы, но это типично для всего населения берегов Байкала ещё в недалёком прошлом.

Животноводство бурят севера Ольхонского района имеет неповторимые особенности. Условия Западного Прибайкалья специфичны: здесь Приморский, а затем Байкальский хребты подступают почти вплотную к береговой линии оз. Байкал; участки со сглаженным рельефом, пригодные для поселений и скотоводства, имеются только в приустьевых частях речных долин, а также в районе северной части Приморского хребта, где он удаляется от берега оз. Байкал больше чем на 10 км. Это участок байкальского побережья от мыса Зама до мыса Онхой. Севернее пригодные для скотоводства места встречаются отдель-

ными участками у подножия Байкальского хребта вплоть до мыса Малый Солонцовый, совпадая с распространением горной лесостепи. Именно эти площади были освоены и обжиты с древности, здесь в историческое время использовались все пастбища и сенокосы. Поголовье домашнего скота здесь лимитируется только возможностью его зимовки, т. е. продуктивностью здешних сенокосов. Зимовка на свободном выпасе в этих местах возможна только для лошадей, причём подкормка сеном для них в многоснежные зимы необходима, а в обычные – желательна. Успешная зимовка КРС возможна только при его подкормке, а для дойных коров стойловое содержание обязательно.

Именно на севере Ольхонского района, где площадь естественных лугов, потенциальных сенокосных угодий, минимальна, практикуется нигде больше не встречающееся орошаемое луговое хозяйство [Степаненко, 2015]. Практически все ровные участки у подножия Приморского и Байкальского хребтов покрыты системой искусственных каналов и орошаются. Источник воды – горные реки, притоки оз. Байкал, от которых проведены водозаборные каналы. Иногда основной водоток закрыт дамбой, и вода из реки уходит на орошаемые сенокосы на расстояние более 5 км. В зависимости от условий конкретного места практикуются как постоянное, в течение всего летнего сезона, орошение, так и сезонное – при весеннем и летних паводках. В результате этого приёма воздействия на ландшафт все орошаемые участки степей превратились в продуктивные сенокосные луга.

Распространение культуры орошаемых сенокосов ограничено севером Ольхонского района Иркутской области. Это участок у подножия Приморского и Байкальского хребтов протяженностью около 60 км, с населёнными пунктами Зама, Большой Онгурён, Ближнее Кочериково, а также несколькими исчезнувшими посёлками. Кроме этого участка, орошаемое луговое хозяйство практикуется ещё в одном пункте Ольхонского района – жителями села Тонта. Больше нигде подобный приём повышения естественной продуктивности ландшафта скотоводами не встречается вообще. Применение орошения в земледелии в Восточной Сибири – обычный, а часто необходимый хозяйственный приём, проникший сюда относительно недавно, одновременно с освоением земледелия.

Скотоводство же в Прибайкалье существует несколько тысячелетий. Местное население посёлков Зама и Большой Онгурён поддерживает систему каналов и пользуется сенокосами. Культура орошаемых сенокосов для них естественна и привычна, это обязательная составляющая жизни и окружающего мира. Но о времени создания оросительных систем никто не знает, считается, что они были всегда.

Искусственное орошение, по мнению известного археолога, академика А. П. Окладникова [Окладников, 1989], было обычным приёмом хозяйственной культуры курыкан, государство которых существовало в

лесостепном ландшафте Прибайкалья и Забайкалья вплоть до начала второго тысячелетия нашей эры. Следы древних оросительных систем им наблюдались в местах поселений курыкан повсеместно. А. П. Окладников [Там же] считал, что орошение в Прибайкалье пришло из бассейна верхнего течения р. Енисей, где оно было распространено у енисейских кыргызов. Последние же позаимствовали культуру орошения в Средней Азии у земледельческих народов. Считается, что эта культура в Сибири повсеместно исчезла, хотя следы оросительных систем на местности можно наблюдать в Хакасии, Иркутской области и Бурятии.

В Прибайкалье орошаемое луговое хозяйство стало быстро исчезать после освоения этой территории русскими. Злоупотребления И. Похабова, обладавшего неограниченной властью, привели к тому, что буряты Прибайкалья в 1658 году восстали и организованно откочевали в Монголию. Через несколько лет начался процесс их возвращения, растянувшийся на несколько десятилетий. Вернувшиеся из вынужденной эмиграции люди обнаруживали на местах своих зимовок быстро растущие русские поселения, а на месте покосов – пашни [Окладников, 2014]. В этом случае древняя культура, требующая постоянного труда и опыта, передающегося от поколения к поколению, исчезла из-за вынужденной миграции её носителей. В отдельных пунктах Бурятии, например в селе Бичура, русское население приспособило оросительные системы для собственных нужд – для орошения огородов. Известно, что последние оросительные системы на покосах в Гусиноозёрской котловине, действовавшие здесь ещё в первой трети XX в. [Антонова, 2016], исчезли после коллективизации.

Но на севере Ольхонского района оросительные системы поддерживаются до настоящего времени, причём во время действия здесь колхоза сохранению этой культуры уделялось особое внимание. В колхозе имелась должность луговода, т. е. ответственного за действие оросительных систем. Эти системы поддерживались в рабочем состоянии постоянно. После ликвидации колхоза (последнего в регионе) ремонт и прочистка главных каналов проводятся регулярно силами местного населения. Но если в районе поселка Большой Онгурён система оросительных каналов пока действует полноценно, во всех других пунктах она деградирует и исчезает.

Например, в районе мыса Покойный она была утрачена в середине XX в. в связи с коллективизацией и исчезновением постоянного населения. Здесь вода на степной участок у побережья оз. Байкал поступала из горной речки по деревянному акведуку и затем по каналу. К настоящему времени главный канал заметен очень хорошо, оросительные почти исчезли, а от акведука сохранились только остатки деревянных желобков и срубов, на которых они были установлены. В нежилом посёлке Дальнее Кочериково, на сенокосы которого вода подаётся из реки Хейрем по каналу протяжённостью более 5 км, действует только часть местной оро-

сительной системы. Вероятно, даже сократившаяся площадь сенокосов потребности местных землепользователей удовлетворяет. В пос. Зама к концу XX в. местное население почти исчезло, а для нового основной жизнеобеспечения вместо скотоводства стал турбизнес. В результате значительная часть бывших сенокосов уже не орошается, луга здесь сменились низкотравной степью и застраиваются. Севернее поселка Зама, в местности Кулгана, оросительная система перестала действовать уже в нашем тысячелетии. Но в целом древняя культура природопользования – орошаемое луговое хозяйство – ещё живёт благодаря её востребованности местным населением.

Сохранившийся участок орошаемого лугового хозяйства – живой, действующий осколок древней культуры, а местное коренное население – хранители этой культуры. Возможно, что курыканы ушли из региона не полностью, а остатки этого народа слились с бурятами, расселение которых в Прибайкалье происходило во втором тысячелетии нашей эры. Вероятный возраст местных оросительных систем – не менее 1000 лет. В этом случае посёлки Большой Онгурён, Зама и другие – самые древние населённые пункты региона. Наследство, оставленное древними жителями Прибайкалья, можно считать роскошным. Плодами труда их рук пользуются их прямые потомки, наши современники. Высокая продуктивность сенокосов, постоянная во времени, обеспечивает устойчивость поголовья домашнего скота, а сложившаяся за тысячелетия система животноводства идеально адаптирована к местным условиям, отрицательного её влияния на ландшафт не наблюдается. Следует также отметить высокое качество местной продукции животноводства. Считается, что в Иркутской области самое лучшее мясо производится в Ольхонском районе, а в Ольхонском районе лучшим признано мясо из поселка Большой Онгурён.

Байкальская природная территория с 1996 г. признана ЮНЕСКО объектом всемирного природного и культурного наследия. Действующий на этой территории живой памятник древней культуры заслуживает охраны и изучения, он может стать привлекательным рекреационным ресурсом. Вполне вероятно, что сохранение и восстановление орошаемого лугового хозяйства в местах его бывшего распространения может иметь не только культурно-историческое, но и практическое значение. В частности, все действующие каналы препятствуют распространению низовых лесных и степных пожаров.

Литература

Гусиноозёрская экспедиция П. С. Михно 1927 г. (Динамика природных комплексов Гусиноозёрской котловины и аспекты природного наследия), научно-популярное издание / Ю. Е. Антонова, Э. А. Батоцыренов, А. Н. Бешенцев, Э. Н. Елаев, Л. Г. Намжилова, Д. В. Санданов, Д. А. Серкина, Ц. Ц. Чугумов. Улан-Удэ : ЭКОС, 2016. 168 с.

Окладников А. П. Олень – золотые рога. Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1989. 208 с.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв. Улан-Удэ : НоваПринт, 2014. 512 с.

Степаненко В. Н. Живой памятник древней культуры // Форум устойчивого развития сельских территорий и поселений Сибири и Дальнего Востока : материалы (10–13 нояб. 2015). Иркутск : Отгиск, 2015. С. 17–21.

УДК 81-2

С. В. Стефановская

Иркутский государственный университет, Иркутск

СПЕЦИФИКА КОННОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ 右 ПРАВО И 左 ЛЕВО В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Рассматривается семантика и коннотации лексических единиц китайского языка 左 лево и 右 право. Через призму исторических, религиозных и философских реалий национальной культуры выявляется их семиметрия (положительное и отрицательное смысловое наполнение).

Ключевые слова: антропоцентризм, семиметрия, китайская культура, коннотативное значение, знак 右 право, знак 左 лево.

S. Stefanovskaia

Irkutsk State University, Irkutsk

SPECIFICITY OF CONNOTATIVE MEANINGS OF LEXICAL UNITS 右 RIGHT AND 左 LEFT IN CHINESE CULTURE

Abstract. The article discusses the semantics and connotations of the lexical units of the Chinese language 左 left and 右 right, and through consideration of the historical, religious and philosophical realities of the national culture, their semiometry (positive and negative semantic content) is revealed.

Keywords: anthropocentrism, semiometry, Chinese culture, connotative meaning, 右 right sign, 左 left sign.

Отличительной чертой современной лингвистики является антропоцентризм, проявляющийся в том, что научные объекты изучаются, прежде всего исходя из их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования. Антропоцентрический подход обнаруживается в том, что человек становится центром отсчёта в анализе тех или иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели.

Вступая во взаимодействие с окружающим миром, человек свой ценностный набор знаний выражает через оценку предметов, признаков, явлений и т. д., следовательно, аксиологический (оценочный) аспект

рассмотрения языковых явлений следует считать одним из направлений антропоцентризма.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что изучению аксиологических аспектов языка и речи уделяется в настоящее время значительное внимание. Занимаясь этой проблемой, лингвисты стремятся понять, какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющих его, их интеллектуальные, психические, антропологические особенности становятся объектами оценки.

Цель работы видится в рассмотрении основных коннотативных значений лексических единиц *左 лево* и *右 право* в китайском языке и выявлении их семиометрии (положительного и отрицательного смыслового наполнения).

По мнению Е. Ф. Серебренниковой, ценность семиометрии состоит в том, что выведенное по данным одного смыслового пространства (контекста) содержание может быть поставлено в такой когерентный ряд других выделенных таким же образом смыслов, который дает возможность обобщения: установление некоторой семантической закономерности, тенденции, линии развития смысла, выявления доминант для придания им характеристик общего и специфицирующего свойства [Серебренникова, 2011].

Оценки, формируемые эмоционально-оценочным компонентом сознания, условно называют первичными, простейшими. Они непосредственно фиксируют эмоциональное отношение коллективного носителя языка к обозначаемому. Более сложные оценки являются результатом работы нравственно-ценностного компонента сознания, при этом сложность распространяется как на объект оценивания, так и на саму оценку. Таким образом, оцениваются уже не отдельные объекты или простейшие ситуации, а наиболее типичные социально значимые ситуации, модели поведения в таких ситуациях, жизненно важные для любого социума категории. Это уже не столько результат эмоционального восприятия, сколько обобщение коллективного жизненного опыта, результат осмысления общественной практики, квинтэссенция народной мудрости. Сама оценка этого типа уже не является простейшей оппозицией «хорошо – плохо», она может иметь довольно сложную логическую структуру: указывать на закономерные связи между отдельными явлениями, раскрывать причинно-следственные зависимости, предписывать определенные действия в определенных ситуациях, определять относительную ценность явлений, формировать саму иерархию ценностей и т. д. [Корнилов, 2011].

Носителями эмоциональных оценок являются специальные слова, составляющие в любом языке семантическое поле субъективных оценок, и вся коннотативная зона национального языка. Носителями нравственно-ценностных оценок выступают отдельные слова, обозначающие кон-

цепты, из области нравственно-ценностных категорий, однако в наибольшей степени таковыми являются пословицы и поговорки того или иного национального языка.

Для выявления национальной специфики оценивания чаще всего сопоставляют лексико-семантические группы эмоциональных оценок исследуемого языка с соответствующими семантическими группами родного языка, «однако в гораздо большей степени национальная неповторимость эмоциональных оценок отражается не непосредственным арсеналом специальных лексических средств, созданных языком исключительно для этих целей, а, если так можно выразиться, вспомогательными средствами, каковыми являются коннотации слов» [Корнилов, 2011, с. 236].

О. С. Ахманова дает следующее определение: коннотация – это «добавочное значение, окраска, окрашенность. Дополнительное содержание слова, его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-социальнооценочных обертонов» [Ахманова, 1966, с. 203–204].

Любое коннотативное значение понятия национального языка можно с полным основанием считать феноменом национальной культуры, сложившимся исторически, передающимся от поколения к поколению и проникающим в ткань национального сознания, особенно если этимология этого коннотативного значения непосредственно связана с историческими, религиозными или философскими реалиями национальной культуры.

В работе мы обратились к лексическим единицам, коннотативное значение которых имеет тесную связь с пластами историко-философской информации, а именно пространственным понятиям китайского языка – 右 *право* и 左 *лево*.

Антропоцентрическое восприятие пространства опирается на то, что человеческое тело является первоначальной основой ориентации. Большинство координат системы ориентации порождается при четкой фиксации естественного положения человека: стоящего на земле, с устремленным вперед взором. По мнению М. Мерло-Понти, в основе приобретения человеком пространственного опыта лежит изначальная «закрепленность» его в пространстве – «исходная» пространственность [Мерло-Понти, 1999]. Многие исследователи сегодня придерживаются мнения о том, что понятия «перед – зад», «право – лево», «верх – низ» носят ярко выраженный антропоморфный характер [Ли Тоан Тханг, 1993].

Человек не рождается с «чувством времени» и с «чувством пространства», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит.

Большинство языков ассоциируют правую сторону (право) с чем-то заслуживающим положительной оценки, а левую сторону (лево) – с чем-

то заслуживающим оценки отрицательной, т. е. слово «правый» ассоциируется с «хорошим», а слово «левый» – с «плохим».

Лингвисты, обращавшиеся к этой теме, указывали на зависимость характера сложившегося отношения к каждому из понятий от религиозных факторов, в частности (для стран Европы) от того, как христианство относится к правой и левой сторонам. Положительные коннотации понятия «правый» и отрицательные коннотации понятия «левый» они связывают именно с тем, что христианство почитает правую сторону как обозначающую добро, правду, честь, высокое положение, ссылаясь при этом на Новый Завет. Однако возможно и то, что положительные и отрицательные ассоциации у каждого из понятий сформировались еще в дохристианскую эпоху, когда люди отметили большую роль правой руки в процессе трудовой деятельности или охоты, что и послужило причиной именно такой эмоционально-оценочной «загрузки» понятия «правый» [Корнилов, 2011].

Рассмотрим коннотативные значения (и их исторические мотивировки) лексических единиц *右 право* и *左 лево* в китайской культуре.

Профессор Тань Аошуан в работе «Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность» характеризует китайцев следующим образом: «Китайцы антропоцентричны, но личность рассматривается не в отрыве от человеческого рода. Доминирующее положение человека по отношению к «десяти тысячам вещей», очевидно, отражает желание строго отграничить человека от остального мира. Только человек стоит, сидит, лежит. Все остальное существует либо само по себе, либо так, как человек его “поставил”» [Тань Аошуан, 2004, с. 48].

Китайцы рациональны в своем мышлении, благодаря аморфности и дискретности знаковой системы в отношении как формы, так и звучания. Поэтому их семантическая система отличается высокой степенью прагматизма, выражающегося в избирательности маркировки [Там же].

Особенностью китайского языкового сознания является совмещение в каждом из понятий «право» и «лево» диаметрально противоположных коннотаций. «У китайцев (ханьцев) с давних времен существуют две системы взглядов на левую и правую сторону. Первая система предполагает положительное отношение к правой стороне и отрицательное к левой. Вторая, наоборот, положительное отношение к левой стороне и отрицательное к правой» [Корнилов, 2011, с. 91].

Этимологическое значение знака *右 право* восходит к начертанию правой руки, держащей орудие труда, его первоначальным значением было «помогать», которое позже стало записываться с помощью знака 佑. 右”是“佑”的本字。右，甲骨文 为象形字，字形与“左”相反，像一只手伸向左边，表示右手。Что же касается знака *左 лево*, его этимологическое значение восходит к начертанию левой руки и его первоначаль-

ным значением также было «помогать», которое позже трансформировалось в знак 佐. 左”是“佐”的本字。左, 甲骨文 为象形字, 字形与“右”相反, 像一只手伸向右边, 表示左手.

Обратимся к семантике данных лексических единиц, знак 右 согласно Большому китайско-русскому словарю [6] имеет следующие значения:

- *прил./наречие*: 1) правый; справа, вправо; правосторонний, правофланговый – 右端 *правая оконечность, правый край*; 2) правой рукой, в правой руке – 右执戈 *держат в правой руке копье*; 3) правый (о политических взглядах); 4) уважаемый, знатный; первостепенный; правильный, ортодоксальный – 右道 *правильное (ортодоксальное) учение*; 5) (в чередовании с 左) с другой стороны; этак; 6) второй (после 左), менее важный – 右相 *второй из сянов (министров)*; 右司 *второй департамент*; 7) *офиц., эпист. вышеуказанный, вышеизложенный* – 右照会 *изложенная выше (данная) нота*; 右货 *вышеуказанный товар*;

- *сущ./последлог*: 1) правая рука (сторона); справа, направо – 河右 *справа от реки*; 2) запад; на запад от... – 江右 *на запад от реки (Янцзы)*;

- *гл.*: 1) * ийти (сворачивать) направо – 子反将右 *Цзы-фань готов был повернуть вправо*; 2) ставить высоко, почитать, уважать; помогать, поддерживать – 我亦右之 *я тоже помогаю ему*, 右鬼 *почитать демонов*.

Главным образом данные морфемы в современном китайском языке употребляются для обозначения пространственного положения (ср. находится справа). Вместе с тем в системе значений лексической единицы 右 с аксиологической точки зрения наибольший интерес представляют следующие *семь*:

1) почтение, уважение: 右族 *уважаемый (знатный) род*; 右姓 *аристократия, знать*; 右鬼 *почитать демонов*; 右贤 *поддерживать мудрых, продвигать талантливых людей*; 右武 *почитать военное искусство*; 右文 *почитать литературу (гражданственность, культуру)*; 右戚 – 1) *родственники и свойственники государя*, 2) *высоко ставить родню*; 右仗 *предпочитать дубинку; охотно братья за оружие*; 右学 *правая (высшая) школа (дин. Инь)*; 无出其右 *нет никого, кто был бы выше (лучше) его, непревзойдённый, недостижимый*;

2) важный, главный: 右职 *высокая должность, важный пост*; 右地 *важный пункт, господствующая позиция*; 右臂 *правая рука (обр. в знач.: главная сила)*; 豪右 *влиятельный дом; местный заправила (владыка)*;

3) помогать, помощник: 右贤 *поддерживать мудрых; продвигать талантливых людей*; 右袒 *обнажать правую руку (перен.)*; *помогать*

(симпатизировать, отдавать предпочтение) *одной стороне*; *заявлять себя* (чьим-л.) *сторонником*; *одобрять*; 右援 *помогать, способствовать*; *выручать из беды*; 右与 *помогать, поддерживать*; 右手 *правая рука* (помощник); 右序 *помогать поддерживать порядок*; 拥右 *оказывать помощь*; *защищать, спасать*.

Мы можем предположить, что положительные коннотации лексических единиц, содержащих знак 右 *право*, возникли по ряду причин. Так, поясняя появление семы *уважение*, можно вспомнить из истории тот факт, что в древности дома богатых людей располагались справа от императорского дворца, а в левой стороне жили крепостные земледельцы и бедные люди, отсюда и слова 右族, 右姓 и т. д.; сема *помогать, помощник*, по всей вероятности, связана с этимологией, первоначально знак «право» имел значение «помогать», что привело к появлению следующих слов 右与, 右序, 拥右 и т. д.

Далее рассмотрим систему значений знака 左 *лево*:

- *прил./наречие*: 1) левый, влево, слева, налево; левосторонний; левofланговый – 左转 *повернуться налево*; 2) левый, революционный (*о политических взглядах*) – 太左 *чересчур левый, левацкий*; 3) слабый; дурной; неудобный, неправильный, ошибочный; чудаковатый, странный; еретический; низкий, худородный; вульгарный – 左道 *еретическое учение*; 4) (*в чередовании с 右*) с одной стороны; так – 左改右改 *изменять на все лады*; 5) *уст., офиц.* первый (*сравнительно с 右*), более важный – 左相 *первый (старший) из сянов*; 6) * (*при дин. Хань*) второй (*сравнительно с 右*), менее важный; 7) указываемый ниже, перечисляемый ниже, нижеследующий – 如左 *как следует ниже*;

- *сущ. / послелог*: 1) левая рука; левая (*почётная*) сторона; налево от, слева от – 道左 *слева от дороги*; 2) восток; на восток от – 山左 *восточнее горы*; 3) обочина, край; близ, около, вблизи – 亭左 *вблизи павильона*;

- *гл.*: 1) идти налево, поворачивать налево; отклоняться, сходить с верного пути; впадать в ересь; отступать от принципов, нарушать нормы – 两人意见相左 *они двое разошлись во взглядах, их мнения разошлись*; 此语与时左 *эти слова расходятся с современностью*; 2) ставить на худшее (*второе*) место; презирать, чуждаться; не одобрять; относиться отрицательно; отстранять; понижать (*в должности*); не оказывать помощи – 天子所左, 我亦左之 *кому не помогает сын Неба, тому не помогаю и я*.

Отрицательная коннотация проявляется в следующих лексических единицах, содержащих знак 左 *лево*: 1) сема со значением *неправильный, ошибочный*: 左道 *еретическое учение*; 他想左了 *он думает неправиль-*

но; он просчитался; 左道旁门 – 1) окольный путь; 2) колдовство; ересь; еретическое учение; неправедный путь – 左计 неправильный (ошибочный) план (расчёт); просчёт; 左嗓子 человек, поющий мимо нот; 左言=左语 – 1) чужеземный язык, язык неверных (инородцев); 2) безграмотность, ересь; 左衽 запахивать полу налево (обычай варваров, по старым понятиям признак некультурности);

2) сема со значением *понижать, увольнять*: 左迁 перемещать (быть перемещённым) по службе с понижением; 左转=左黜=左授=贬职 *понижать (понижение) в должности*; 左除 *сместать, удалять, отстранять (от должности)*.

Поясняя данные примеры, можно сказать следующее: в годы реформ Шан Яна (ок. 390–338 гг. до н. э.) была разработана иерархическая система, определившая двадцать титулов для заслуженных военных чинов. Самым низким титулом был титул первого класса, а самым высоким – титул двадцатого класса. «Левые» чиновники, т. е. чиновники, в названии титулов которых использовался знак 左 *лево*, были по рангу ниже «правых» чиновников, у которых в названии соответствующих титулов использовался знак 右 *право*: 左庶长 (*левый шучжан*) – титул десятого класса, а 右庶长 (*правый шучжан*) – титул одиннадцатого класса. 左更 (левый гэн) – титул чиновников 12-го класса, 右更 (правый гэн) – чиновник 14-го ранга (дин. Цинь-Хань).

Однако во времена династии Тан (618–907 гг. н. э.) мы видим уже другую картину. Система государственно-административного управления страной была сложной, но достаточно стройной. При императоре существовал Государственный совет из наиболее видных сановников, включая подчас близких родственников правителя. Исполнительную власть представляли в нем обычно два канцлера (цзайсаны или чжичэны) – *левый (он обычно считался старшим)* и *правый*, каждый из которых ведал тремя из шести ведомств палаты Шаншушэн, своего рода Совета министров.

Рассмотрев первую систему взглядов, в основном совпадающую с европейским отношением к концептам *правый* и *левый*, попробуем обозначить, что же лежит в основе противоположного эмоционально-оценочного отношения к данным знакам. По мнению китайских лингвистов, причиной для появления таких коннотативных значений послужило философское учение 阴阳 инь-ян. Согласно данному учению, дома в Китае строились фасадом на юг, а если южную сторону считать лицевой, то левая сторона оказывается восточной, и именно левая сторона ассоциируется с солнцем, светом, теплом, жизнью, мужским началом в природе (всем тем, что соотносится с понятием 阳 ян), правая же сторона оказывается западной, соотносимой с мраком, смертью, женским

началом в природе, т. е. с понятием 阴 инь (отсюда и выражение 男左 女右). На формирование противоположных коннотативных значений оказали влияние и существующие в Китае мифы. Так, в мифе о Пань Гу говорится: «...Перед кончиной с его телом произошли огромные изменения. Его *левый* глаз превратился в яркое золотое солнце, а *правый* – в серебристую луну...» Другой миф гласит, что богом солнца был император-первопредок Фу-Си, а богиней луны – Нюйва, что также соотносится с учением 阴阳 yīnyáng (женским и мужским началом). Доказательством положительного отношения китайцев к левой стороне и отрицательного к правой может служить пословица 左眼跳财, 右眼跳灾 *левый глаз дёргается – к богатству, правый – к беде*.

Положительное отношение к левой стороне проявляется, например, в традиции предлагать почетным гостям сесть слева от хозяина дома – 虛左以待 *оставить пустым почётное место в ожидании [гостя], встречать гостя слева от дороги* 道左. Почетный караул в древнем Китае назывался 左哨.

Следует отметить, что лексически единицы 左 и 右 активно применяются парно в составе фразеологических комплексов и несут, как правило, обобщающее значение (всюду, повсеместно, со всех сторон), ср.: 左右逢原 *везде (и слева, и справа) находить источники* (обр. в знач.: всюду иметь успех); 左思右想 *прикидывать в уме так и этак, раздумывать, всесторонне обдумывать*; 左拥右抱 *обхаживать со всех сторон*; 左辅右弼 *оказывать всестороннюю помощь*; 左支右绌 *налево – расходы, направо – нехватка* (обр. в знач.: испытывать денежные затруднения, не сводить концы с концами); 左支右调 *то держаться слева, то метаться вправо* (обр. в знач.: поступать непоследовательно, действовать противоречиво); 左右为难 *и слева, и справа приходится туго* (обр. в знач.: и так и сяк плохо), дилемма.

Рассмотрев семантику и коннотативные значения лексических единиц 左 и 右, мы пришли к выводу, что особенностью китайского языкового сознания является наличие у одного и того же знака (а именно знаков 左 и 右) диаметрально противоположных эмоционально-оценочных значений. Данное явление можно рассматривать как результат специфического философского осмысления мира китайцами, которое в дальнейшем должно быть подвергнуто более тщательному изучению через призму исторических, философских и культурных реалий Китая.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966. С. 203–204.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.

Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков). М. : [б. и.] 1993. 189 с.

Лю Гуаньчжунь. Понятия о левой и правой стороне в русской и китайской культурах // Русский язык за рубежом. 1998. № 2. С. 89–93.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, Наука, 1999. 287 с.

Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс] / Гл. ред. Вост. лит. изд-ва «Наука» // Профессиональный востоковедческий форум. <http://bkrs.info/> (дата обращения: 02.02.2019).

Серебренникова Е. Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов [Электронный ресурс]. Иркутск : ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», 2011. 352 с. <https://rucont.ru/efd/218921> (дата обращения: 02.02.2019).

УДК 821.161.1

Су Лицзе

Аньшаньский педагогический институт, Аньшань

РЕЛИГИЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА*

Аннотация. Русская литература всегда была тесно связана с религией. Религиозность – важная черта русского национального духа и жизни. Автор статьи демонстрирует на ряде примеров то, как религиозная культура оказывает влияние на русскую литературу.

Ключевые слова: религия, русская литература, религиозная литература, религиозное сознание.

Su Lijie (Anshan)

Anshan Normal University

RELIGION AND RUSSIAN LITERATURE

Abstract. Russian literature has always been closely related to religion. There is a natural and inseparable connection between Russian literature and religion. Russian postmodern literature has obvious national characteristics. Religion is an important feature of Russian national spirit and life. This paper holds that religious culture affects Russian literature, and religion is an important part of Russian literature.

Keywords: religion, Russian literature, religious literature, religious consciousness.

Религия играет важную роль в исторической, социальной и культурной жизни России, она долгое время управляла русской духовной жизнью и до сих пор оказывает огромное влияние на развитие русской философии, литературы и искусства. Автор статьи ставит своей целью осветить роль религиозной культуры в русской литературе, опираясь на работы советских и российских исследователей [Бухаркин, 1996; Дуна-

* *Статья представляет результаты исследования, выполненного при поддержке Фонда социальных наук провинции Ляонин КНР в рамках научного проекта № L17AWW001 «Исследование религиозного сознания в русской литературе» / 此文是辽宁省社科基金重点项目《俄罗斯文学中宗教意识的研究》(项目编号为L17AWW001)的研究成果.*

ев, 1996; Есаулов, 2004; Захаров, 1994; Митрохин, 1994; Миронова, 1992; Панарин, 2003].

Важной особенностью истории русской литературы является то, что она тесно связана с религией. В творчестве русских писателей большую роль играли религиозно-этические элементы, определявшие тематику произведений и арсенал художественных средств [Золотухина, 2010]. Связи эти сложны и многообразны, а их изучение остается актуальным и на сегодняшний день.

Религиозно-этическая проблематика рассматривается как необходимый элемент в целостной культурной системе того или иного писателя, а иногда и литературного направления в целом [Русская литература, 1997]. В древнерусской литературе подробно описывали жизнь святых, подвижников, праведников – князей. Спаситель в то время не был героем произведений: отношение к Христу было благоговейным и трепетным. Однако религия всегда была теснейшим образом связана с литературой, поскольку в библейских книгах сохранились разнообразные произведения древней литературы: религиозные мифы, исторические легенды, народный героический эпос и т. д. [Авдиев, 1953]. Библейская литература в свою очередь оказала влияние на древнехристианскую литературу. После долгой истории развития религиозное сознание стало важной частью русского национального сознания и духовного ядра русской литературы. Религиозный дух всегда сопровождается русской литературой. Религия, став важным явлением культуры всего мира, в большой степени повлияла и на литературное художественное творчество.

Среди взглядов российских исследователей, посвятивших свои работы взаимовлиянию литературы и религии, мы хотели бы выделить два направления. Первое: религиозность – это одна из важнейших черт русской литературы [Дунаев, 1996; Есаулов, 2004; Захаров, 1994]. Второе: русская литература – это христианская литература как таковая. И то, и другое утверждения имеют под собой основу.

В качестве яркого примера нам хотелось бы привести Л. Н. Толстого. Лев Николаевич Толстой был и остается одной из самых масштабных фигур в русской литературе XIX–XX вв. Его произведения ещё при жизни самого писателя облетели весь мир и были известны не только российскому читателю, но и зарубежному. И сегодня имя Л. Н. Толстого не кануло в Лету, что говорит о популярности творчества этого человека. В своих работах он рассматривает вопросы, касающиеся смысла нашего существования, добра и зла, любви, красоты, свободы и т. д. Особое место в творчестве Льва Николаевича занимает тема, посвященная Богу, вере и религии.

Литература и религия в России, по мнению большинства исследователей, всегда имели более тесные отношения, чем в западных культурах. Проблема «христианство и русская литература» плодотворно разра-

батывалась отечественными учеными еще в XIX в., что подтверждается в библиографическом указателе «Христианство и новая русская литература XIX-XX вв.», составленном А. П. Дмитриевым, Л. В. Дмитриевой [Золотухина, 2010]. Религия как особая идеология накладывает глубокий отпечаток на русскую культуру. Анализ русской религиозной культуры и ее проявления в русской литературе демонстрирует, что литература оказалось под гораздо большим влиянием религии, чем прочие виды искусства. Художественная литература – это один из способов выражения религиозных идей. Религия наполняет русскую литературу и искусство особой духовной атмосферой, она является источником вдохновения для литературного и художественного творчества. Понимание религиозной составляющей литературы может стать одним из важнейших ключей к пониманию русских и русской культуры.

Взаимосвязь литературы и религии в тот или иной исторический период подразумевает, в широком смысле степень их взаимовлияния и природу их взаимодействия, в узком смысле – значение религиозных тем и мотивов в художественных текстах. Если говорить о современной России, то она является светским государством, поэтому литература и религия в современном обществе сосуществуют параллельно и пересекаются не так много. Однако и в современной литературе библейские мотивы проявляются достаточно часто. Ряд библейских образов четко просматривается в важнейших произведениях русской литературы XX в. (Л. Андреев, М. Булгаков, Л. Леонов, Вен. Ерофеев).

В современной критике существуют две основные точки зрения на так называемые литературные апокрифы. Первая не дает право на существование апокрифическим текстам, вторая оправдывает писателей в их праве на творческую фантазию. На наш взгляд, влияние церкви на литературу в современной культуре России нельзя назвать систематическим, основополагающим, однако закрепленные в православной традиции ценности в подавляющем большинстве случаев являются константными как для писателей, так и для читателей. Это обусловлено, главным образом, самой национальной ментальностью, так как воцерковленные участники литературного процесса не составляют большинства и не играют в нем ведущей роли. Русская литература как таковая озабочена смыслом жизни, обеспокоена судьбой мира и человечества, что в небольшой степени продиктовано ее связью с религией. Дух религии проходит через историю русской литературы, влияя на идеологию русских людей и в конечном счете воздействуя на их культурное сознание.

Можно сказать, что религиозность стала коллективным бессознательным русского народа, укорененным в его крови. Несмотря на то что литература Нового времени была наполнена иными идеями относительно содержания художественного творчества, а слово больше не имело того высокого религиозного значения и все более обретало светский ха-

ракти, позволяя идеологическим концепциям замещать собой религиозные, однако отсылки к христианству и истории религии, героям Библии и ее основным идеям продолжали иметь большое значение даже для светской литературы. Так происходит и сегодня. Многие исследователи приводят подобные примеры. Они считают, что возникновение и развитие русской литературы тесно связано с христианством, признавая, что христианство очень воздействует на развитие русской литературы и на сознание русских писателей. Богатое религиозное и культурное наследие, накопленное российской нацией, оказало огромное влияние на русские литературные произведения.

Религия, повлиявшая на сохранение целостности культуры, была мерилем истины, с ней сравнивались все остальные важные ценности русской культуры. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в русской литературе достаточно четко обозначилась проблема взаимодействия религии и литературы, а проблема «религиозной литературы» существует независимо от того, принимают исследователи данный термин или нет [Золотухина, Особенности...]. В связи с этим изучение религиозной составляющей русской литературы в современном мире приобретает все большую актуальность.

Литература

- Авдиев В. И. История Древнего Востока. Л. : Госполитиздат, 1953. 771 с.
- Бухаркин П. Е. Православная Церковь и русская литература в XVIII–XIX вв. (Проблемы культурного диалога). СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1996. 172 с.
- Дунаев М. М. Православие и русская литература: учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 6 ч. Ч. 1. М. : Христиан. лит., 1996. 320 с.
- Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М. : Круг, 2004. 560 с.
- Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 5–11.
- Золотухина О. Ю. Особенности изучения проблемы «Христианство и русская литература» в современной российской филологии. URL: <http://transformations.russian-literature.com/osobennosti-izuchenija-problemy-hristianstvo-i-russkaja-literatura-v-soveremennoj-ros-filologii>.
- Золотухина О. Ю. Религиозный поиск В. П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя : автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. Красноярск, 2010. 20 с.
- Митрохин Л. Н. Философия религии. М. : Республика, 1994. 324 с.
- Миронова М. Н. Религия в системе культуры. М. : Наука, 1992. 322 с.
- Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Экономика, 2003. 441 с.
- Русская литература и религия : сб. науч. тр. / под ред. Р. Грюбеля, В. Одинокова. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 314 с.

ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЗОВЫХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Аннотация. Предпринимается попытка комплексного анализа подходов к интерпретации базовых знаков Сюй Шэня и к интерпретациям ряда современных ученых. Рассматриваются основные подходы к интерпретации знаков китайской письменности. Осуществляется сопоставительный анализ толкований знаков Сюй Шэнем и современными учеными.

Ключевые слова: Сюй Шэнь, Шо вэнь цзе цзы, китайский иероглифический знак, базовый знак китайской письменности, интерпретация, этимология китайских иероглифов.

T. Tatarenko

Irkutsk State University, Irkutsk

APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF CHINESE BASIC CHARACTERS

Abstract. This article attempts to make a complex analysis of Xu Shen's approach to the interpretation of Chinese basic characters and modern linguists' approaches to this interpretation. It considers the main approaches to the interpretation of Chinese characters. The article includes a comparative analysis between interpretation of Xu Shen and interpretations of modern scientists.

Keywords: Xu Shen, Shuo wen jie zi, Chinese hieroglyphic character, Chinese basic character, interpretation, Chinese etymology.

Китайская письменность образует давнюю традицию изучения в китайской классической филологии. В 121 г. н. э. вышел в свет словарь «Шо вэнь цзе цзы», разработанный ученым эпохи Хань Сюй Шэнем. «Шо вэнь цзе цзы» является первой работой в истории китайской лексикографии, в которой слова располагались в зависимости от формы знака. Иероглифы классифицировались по базовым знакам – «ключам», основным, общим для ряда слов элементам [Ким, 2011, с. 112]. Базовые знаки «Шо вэнь цзе цзы», являясь важным грамматологическим источником, представляют собой объект разносторонних исследований. Одним из ключевых вопросов изучения базовых знаков китайской письменности является их систематизация и интерпретация. После открытия в XIX в. древних стилей *цзягувэнь* и *цзиньвэнь* [Крюков, 1973, с. 11] наиболее остро встал вопрос об интерпретации базовых знаков, так как Сюй Шэню не были известны иероглифические знаки более ранних периодов развития китайского письма [Шишмарева, 2016, с. 32–33]. Соответственно, его толкования были основаны на поздней измененной графической форме знаков *сяочжуань*; характер толкований показывает, что его интерпретация формировалась под влиянием социально-культурных, филологических и идеологических взглядов эпохи династии Хань [Там же, с. 33]. В современной китайской филологии базовыми знаками письменности и

их этимологией занимались Ван Нин (王宁), Цзоу Сяоли (邹晓丽), Тан Лань (唐兰), Цю Сигуй (裘锡贵). В отечественном китаеведении китайская письменность исследовалась в работах В. П. Васильева, С. М. Георгиевского, Ю. В. Бунакова, И. М. Ошанина, А. Я. Шера, М. В. Крюкова, О. М. Готлиба в русле грамматологического подхода. Авторы впервые предприняли попытку структурного анализа китайских иероглифов в сравнении с европейской морфологией, с концепцией выделения шести категорий китайских иероглифов Сюй Шэня, и в соотнесении с западной теорией знака Ч. Пирса. В диахронической перспективе проводились лингвокультурологические, структурно-функциональные исследования особенностей китайских иероглифических знаков. Таким образом, вопрос об интерпретации базовых знаков актуален в современной синологии и связан с выявлением и анализом существующих подходов.

В данной работе предпринимается попытка комплексного анализа подходов к интерпретации базовых знаков Сюй Шэня и к более поздним интерпретациям, вышедшим в свет после открытия цзягувэнь и цзиньвэнь. Гипотеза состоит в положении о том, что интерпретация знаков Сюй Шэня имеет односторонний характер и критикуется современными учеными. В соответствии с этим перед нами стоят следующие задачи: 1) установить проблемные аспекты в интерпретации и систематизации базовых знаков; 2) выявить основные подходы к интерпретации базовых знаков; 3) раскрыть их содержание; 4) произвести сравнительный анализ.

Материалами для исследования послужили: интерпретации базовых знаков, данные Сюй Шэнем в словаре «Шо вэнь цзе цзы»; работы современных ученых (Цзоу Сяоли, Ван Сянчжи, Доу Вэньюй, О. М. Готлиб) по этимологическому анализу базовых знаков китайской письменности; этимологические данные из пиктографического словаря «Сян син цзы дянь» 象形字典. В качестве основных методов анализа выступают сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический и интерпретативный методы.

Прежде всего приведем краткую характеристику словаря «Шо вэнь цзе цзы». Эпоха Хань (III в. до н. э. III в. н. э.) характеризуется крупными научными достижениями, которые остаются актуальными и на сегодняшний день [Шишмарева, 2014, с. 33]. В этот период возникла ведущая в китайской лингвистике словарная традиция, и в 121 г. н. э. первый классик китайского языкознания Сюй Шэнь создал фундаментальную работу «Шо вэнь цзе цзы» [Алпатов, 1999, с. 4], которая считается первым словарем, где слова располагаются не по смыслу, а в зависимости от формы знака. В основе работы лежит принцип синсюнь (形训) – толкование значения через структуру знака [王, 2012, 页 88]. Предметом описания в этом словаре являются простые знаки, неразложимые на

компоненты *вэнь* 文 и сложные знаки, состоящие из более простых компонентов *цзы* 字 [Максименкова, 2011, с. 118]. Иероглифы расположены по ключам, которые Сюй Шэнь назвал *бу* 部, а сама система получила название *бушоу цзян цзыфа* 部首 检字法. Ключевой знак выступает в роли смыслового показателя, указывая, к какой сфере относится слово, записываемое данным иероглифом [Шер, 1968, с. 31]. Всего в «Шо вэне» насчитывается 540 базовых категорий иероглифов – ключей, которые объединены в разряды. Ключевая поисковая система словаря отличается тем, что ключом может выступать не только простой, но и сложный знак, в соответствии с чем автор разделил знаки словаря на простые и сложные и классифицировал их по шести категориям: пиктографической, указательной, идеографической, фоноидеографической, видоизменной и заимствованной [Ким, 2011, с. 112].

Однако стоит обратить внимание на то, что знаки китайской письменности служат в первую очередь для записи определенных значащих единиц без указания на их звучание. Как отмечает О. М. Готлиб, в древнем состоянии языка приоритет отдавался графической форме знака, который в основе своей является пиктографичным [Готлиб, 2007, с. 8]. К тому же структурно-семантический анализ иероглифов Сюй Шэня касался в основном изобразительных, указательных и идеографических письменных знаков. Большинство знаков изобразительной категории подвергались анализу с точки зрения более ранних на тот момент форм. Помимо этого, в работе Сюй Шэня прослеживается тесная связь толкований с социально-культурными и идеологическими характеристиками его эпохи, использование фактических значений знаков для описания их графической формы. Грамматолог И. М. Ошанин отмечал, что подход Сюй Шэня к иероглифическому письму был сформирован под сильнейшим влиянием философии Лао-цзы и Конфуция, вследствие чего его подход считается субъективным, отражающим мировоззрение господствующих классов феодального общества, и далеким от образа мышления первобытного общества. Данный факт И. М. Ошанин относит к существенным недостаткам словаря [Готлиб, 2014, с. 166]. Обусловлено это тем, что знаки «Шо вэня» представляют собой малую печать сяочжуань 小篆. Единственный, более ранний вариант письма, известный в период правления Цинь Шихуана, представлял собой большую печать дачжуань 大篆. Еще более ранние знаки китайского письма не были тогда известны ученым, их открытие произошло лишь в конце XIX в. [Шишмарева, 2016, с. 34]. Этим можно объяснить несовпадение некоторых интерпретаций Сюй Шэня с этимологическими значениями знаков, открытыми позже.

Тем не менее многие современные лингвисты при описании знаков опираются на древнекитайский толковый словарь Сюй Шэня в качестве

базового источника этимологического анализа китайских знаков. Выделение основных этапов эволюции китайских письменных знаков производится на основе традиционной для китайской историографии династической периодизации [Готлиб, 2007, с. 17]. Несмотря на это, во всей совокупности современных этимологических работ, отобранных для данной статьи, не прослеживается общего подхода к анализу китайского знака с точки зрения единых критериев, компонентов данного анализа, последовательности описания этапов развития графической формы. Согласно О. М. Готлибу, это может быть обусловлено тем, что на сегодняшний день не существует единого подхода к периодизации этапов эволюции китайской письменности. Одна группа ученых придерживается идеи связи эволюционных этапов письменности с династическими эпохами, другая – с появляющимися во времена разных эпох видами письменности [Готлиб, 2007, с. 17–22]. Помимо прочего, самые древние виды китайского письма, такие как *цзягувэнь* 甲骨文 и *цзиньвэнь* 金文, недостаточно изучены в силу их вариативности; по мнению профессора Цю Сигуя, вариативность знаков была обусловлена территориальной вариативностью, что приводило к появлению неких письменных диалектов [Там же, с. 21].

Рассмотрим кратко разницу в подходах Сюй Шэня и нескольких современных ученых (Цзоу Сяоли, Доу Вэньюй, Ван Сянчжи, О. М. Готлиб) на примере интерпретаций знаков 示, 王 и 士. В качестве источника активных значений знаков эпохи Хань был использован Большой словарь китайских иероглифов (汉语大字典). Результаты анализа представлены в таблице:

Знак	Активное значение знака	Интерпретация Сюй Шэня	Интерпретация современных ученых
示	Указывать, наставлять	Указание – явление, ниспосланное небом, предвещающее удачу или неудачу. Горизонтальные черты взяты от числительного 二; три нижние черты символизируют небесные светила	Алтарь предков, жертвоприношения духам. Горизонтальные черты символизируют небо; три вертикальные черты символизируют природные явления, посылаемые небом
王	Правитель, император	Правитель – тот, кому подчиняется вся Поднебесная. Горизонтальные черты символизируют небо, землю и человечество; вертикальная черта, про-	Боевой топор, секира. Полководец, не имеющий себе равных на поле боя. В стилях цзягувэнь и цзиньвэнь знак имел форму . Верхняя горизонтальная черта символизирует руко-

		ходящая посередине, объединяет эту триаду. Как утверждал Конфуций, тот, кто способен объединить триаду, есть правитель	ять, крепящуюся к остроугольному концу лезвия боевого топора. Позднее к знаку была добавлена еще одна горизонтальная черта, после чего знак обрел более близкую к современной форму
士	Аристократ, чиновник, неженатый молодой человек	Ученый, чиновник, занимающийся умственным трудом. Знак образован от числительных 一 и 十	Боевой топор, рукоять топора. Мужской детородный орган. Идеограмма, образованная от знака 王 или

Таким образом, мы можем наблюдать, что интерпретации базовых знаков Сюй Шэня совпадают с их активными значениями эпохи Хань. Это может указывать на то, что Сюй Шэнь отталкивался от них и на их основе описывал графическую форму. Отсюда следует разница в интерпретациях представленных выше знаков Сюй Шэня и современных ученых. Наибольшее несовпадение прослеживается в описаниях происхождения знака, его графической формы. В современных толкованиях знаков мы также можем видеть частичные расхождения. Например, знак 王 толкуется одними учеными только как «боевой топор» [邹, 1990, 页 111; 王, 2009, 页 420; Готлиб, 2007, с. 186], в то время как в словаре пиктографических китайских иероглифов «Сян син цзы дянь» к нему добавляется значение «полководец, не имеющий себе равных»; знак 士 интерпретируется одними учеными как «боевой топор, рукоять боевого топора» [窦, 2005, 页 59], другие ученые добавляют значение «мужской детородный орган» [王, 2009, 页 136; Готлиб, 2007, с. 178]. Знак 士 также является единственным, относительно образования формы которого расходятся мнения современных ученых. В отличие от остальных лингвистов, Цзоу Сяоли утверждает, что данный знак преобразован из формы знака 立, что представляет собой объединение двух «ног» (вертикальных черт) в одну [邹, 1990, 页 20]. Разнообразие интерпретаций современных ученых подкрепляет идею о том, что толкования Сюй Шэня носят односторонний характер.

Итак, мы провели сравнительный анализ словаря Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы» и работ современных ученых-лингвистов и пришли к следующим выводам: интерпретация Сюй Шэня действительно носит односторонний характер в силу использования активных значений знаков его эпохи при толковании. Имеющиеся несовпадения в интерпретации базовых знаков китайской письменности Сюй Шэня и в толкованиях, созданных на основе древних видов письма цзягувэнь и цзиньвэнь, дают современным ученым весомый повод для критики. Тем не менее это не умаляет великого вклада Сюй Шэня в развитие китайской лингвистической традиции.

Литература

- Алпатов В. М. История лингвистических учений. М. : Яз. рус. культуры, 1999. 368 с.
- Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М. : Восток-Запад, 2007. 284 с.
- Ким, В. С., Фаткулин Б. Г. Словари китайского языка и современность // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 21, вып. 11. С. 110–115.
- Крюков М. В. Язык иньских надписей. М. : Наука, 1973. 136 с.
- Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. / В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин: монография / О. М. Готлиб, Е. В. Кремнев, Т. Е. Шишмарева. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.
- Шер А. Я. Что нужно знать о китайской письменности. М. : Наука, 1968. 212 с.
- Шишмарева Т. Е. Китайский словарь «Эрья» в идеографическом и этнокультурном аспектах : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 289 с.
- 象形字典. URL: <http://vividict.com/> (дата обращения: 25.02.2019).
- 汉典. URL: <http://www.zdic.net/> (дата обращения: 27.02.2019).
- 徐中舒. 汉语大字典 / 徐中舒主编的. 湖北: 湖北长江出版集团, 1990. 5727 页.
- 许慎. 说文解字. URL: <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi> (дата обращения: 28.02.2019).
- 王宁. 训诂学概念 / 王宁. 上海: 上海教育出版社, 2002. 200 页.
- 邹晓丽. 基础汉字形义释源 – «说文» 部首今读本义 / 邹晓丽. 北京: 中华书局, 1990. 265 页.
- 王祥之. 图解汉字起源 / 王祥之. 北京: 北京大学出版社, 2009. 514 页.
- 窦文字. 汉字字源: 当代新说文解字 / 窦文字, 窦勇. 长春: 吉林文史出版社, 2005. 536 页.

УДК 378.096

范士明

北京大学燕京学堂, 北京

立足本来、吸收外来、面向未来 ---北京大学燕京学堂的中国学项目建设

摘要. 本论文的研究目标在于探讨在全球化和中国崛起的背景下如何建设一个英文的中国学硕士教育项目。文章从跨学科培养、跨文化培养、实践培养等方面, 介绍了北大燕京学堂把学位教育项目与青年人文交流相结合的探索。文章提出“立足本来”, 依托北大百年人文、社科学科的积淀诠释中国逻辑; “吸收外来”, 利用校内外国内外资源, 从实践层面、从全球视角, 对中国的发展变化提供跨文化解读; “面向未来”, 让中外青年人文交流贯穿学堂的培养过程, 为世界培养具有人文关怀的未来领袖。同时也讨论了这一探索面对的挑战。

关键词: 中国学, 跨学科, 跨文化, 人文交流。

Фань Шимин

Янцзинская академия Пекинского университета, Пекин

**«ОПОРА НА ТРАДИЦИИ», «ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ОПЫТА» И
«ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ» КАК ТРИ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПА ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОГРАММ ПО ИЗУЧЕНИЮ СИНОЛОГИИ В ЯНЦЗИНСКОЙ АКАДЕМИИ
ПЕКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Аннотация. Цель данной работы – системное исследование принципов организации профилей магистратуры по Китаеведению на английском языке в условиях глобализации и успешного развития Китая. В статье излагается опыт Янцзинской академии Пекинского университета по объединению магистерских программ с программами молодежного культурного обмена. Для организации подобных проектов предлагается опираться на три базовых принципа: «опора на традиции», «привлечение иностранного опыта» и «взгляд в будущее». Кроме того, в статье обсуждаются проблемы, с которыми сталкиваются проекты такого рода.

Ключевые слова: Китаеведение, междисциплинарный, межкультурный, гуманитарный обмен.

Fan Shiming

Yenching Academy of Peking University, Beijing

**“RELIANCE ON TRADITIONS”, “USE OF FOREIGN EXPERIENCE” AND “OUTLOOK
INTO THE FUTURE” AS THREE BASIC PRINCIPLES OF ORGANIZIG PROGRAMS
IN CHINESE STUDIES IN YANDZIN ACADEMY OF BEJING UNIVERSITY**

Abstract. The article is aimed at the systematic research of the principles of organization of Master’s Studies major programs in Chinese Studies in the conditions of globalization and the successful development of China. The article covers the experience of Yandzin Academy of Beijing University in the consolidation of Master’s Studies programs with youth cultural exchange programs. To organize such projects, the author proposes three basic principles: “reliance on traditions”, “use of foreign experience” and “outlook into the future”. In addition, the article describes the problems such projects face.

Keywords: China Studies program, interdisciplinary education, cross-cultural study, people-to-people exchange.

北京大学燕京学堂正式成立于 2014 年 5 月，是一个以英文课程为主、以中国问题研究为导向的两年制中国学硕士项目。它重点面向优秀国际学生，以跨学科和跨文化的方法为主要培养路径，也是一个中外青年人文交流的平台。学堂利用校内外、国内外多种资源，从课内和课外两个维度，为世界培养了解中国的优秀人才。目前，学堂已经招收、培养的 4 届共 440 名中外学生，来自于全球 222 所著名大学，国籍分布于 73 个国家和地区（附件一）。

北京大学建立燕京学堂的背景

北大创立燕京学堂中国学英文硕士项目的一个重要背景是高等教育的国际化趋势。根据联合国教科文组织(UNESCO)所属的国际大学联合会(IAU)的定义，高等教育国际化是：“把跨国和跨文化的观点和氛围与大学的教学、科研和社会服务等主要功能相结合的过程”。* 国际化是衡

* 任友群：“双一流战略下高等教育国际化的未来发展”，《中国高等教育》2016 年第 5 期，16 页。

量大学办学水平的重要指标，因此世界上很多大学把国际化作为发展战略之一。根据2014年IAU的第四次全球调查，在131个国家的1336所高校中，认为国际化很重要和重要的分别占到69%和25%；53%的高校专门制定了国际化战略，22%的高校正在准备之中，16%的高校虽无专门的国际化战略，但将国际化作为学校发展战略的组成部分。^{*} 欧盟、日本、美国等纷纷在地区、国家、学校等同层面上推出了大学国际化的战略。2015年底，中国政府也颁布了《统筹推进世界一流大学和一流学科建设总体方案》(简称“双一流方案”)，国际化也成为其中重要的组成部分。学者们对“高等教育国际化”的定义有不同的解读，不过大致说来，一般包括教育理念、教育管理、教育内容与方法、师生的国际构成等主要方面。北京大学一直重视对于高等教育国际化趋势的应对。在过去这些年里，在参加区域性国际教育合作、推进大学国际联盟、建设“世界课堂计划”、吸引国际学生等方面，北大进行了诸多努力。[†] 创建一个高水平的中国学英文硕士项目，正是北大的又一个举措。

北大创立燕京学堂中国学英文硕士项目的另一个重要背景是国际社会在中国快速发展、转型的时代了解、理解中国的需要。中国独特的历史文化、政治制度和经济崛起，引发了各国的广泛关注和兴趣。2010年以后，中国已经成为世界上第二大的经济体，中国政府继而提出“一带一路”倡议。对中国模式、中国经验、中国政策的讨论成为新闻界、学术界、政治经济各界的重要现象。很多国家的学者和学生，希望有机会来中国学习和交流。据统计，2017年共有来自204个国家和地区的各类外国留学人员48.92万人在中国31个省、自治区、直辖市的935所高等院校学习，中国已是亚洲最大留学目的国。[‡] 就北京大学来说，2018年秋季学期，北大招录了来自118个国家及地区的1908名攻读学位的国际学生。[§] 尽管如此，很多希望来华留学的优秀学生，由于语言障碍还是无法在中国的一流大学攻读学位。创立高水平的中国学英文学位项目，吸引有志于中国问题研究的年轻学者有机会更好地在北大“理解中国、贡献世界”，在2013年左右成为一个大胆的想法。

燕京学堂“中国学”项目的培养方式

对于什么是“中国学”，在燕京学堂创立的过程中发生了争论。中国学与传统的“汉学”(Sinology)到底是什么关系？燕京学堂“中国学”的

^{*} 顾建民：“高等教育国际化的前景展望与建设方略”，《苏州大学学报》(教育科学版)，2018年第1期，第10页。

[†] 参加 李岩松：“高等教育国际化的几点思考”，《世界教育信息》2013年第2期。

[‡] 教育部 <http://www.jsj.edu.cn/n2/7001/12107/1183.shtml>，2019年3月20日检索。

[§] 北京大学 <http://www.isd.pku.edu.cn/info/1284/5183.htm>，2019年3月27日检索。

内涵，比传统的“国学”或者“汉学”更广阔一些，既包含对于文史哲等中国古典学问的研究，更着眼于对于中国现实问题的观察和思考，以期在传统学问的基础上，进一步系统地研究和讲授中国的社会、政治、经济、法律等，总结和提炼中国发展的知识体系。^{*}

跨学科教育是北大燕京学堂倡导的学习和培养方式之一。对当代中国的观察和思考，本来就不是单一学科能够完成的任务，需要依靠多学科、多视角的解释。北大具有人文、社科领域的历史积淀和学术传承，能够提供跨学科的教育资源。学堂依托北大这一优势，设立了政治与国际关系、经济与管理、法律与社会、哲学与宗教、文学与文化和历史与考古六个方向，延聘 26 个院系的百余位教授，为学生开设了 37 门中英文课程，促进人文、社科领域的交叉和融合（附件二）。这正是“立足本来”。学堂的学生不仅可以在学堂内跨专业选课，也可以相对自由地选修北大其它院系开设的课程，丰富自己的研究。以学堂的必修课“转型中的中国”为例，该课程由来自校内外、国内外的 14 位教授联袂主讲，涉及中国由传统向现代转变中政治、经济、社会、法律、环境、教育、传播和对外关系等诸多侧面，从内容到方法提供了一个以多学科视角综合了解中国的独一无二的机会。

跨文化学习是北大燕京学堂探索的另一种重要培养方式。不同国家、文化背景迥异的同学共处一堂，在讨论中总是能带来独特的国际视角，促使学生以更加多元和开放的思维方式，互相借鉴。用全球化的眼光，来看待中国的问题，此可谓“吸收外来”。国际知名汉学大师、美国夏威夷大学教授、北京大学人文讲席教授安乐哲先生（Roger T. Ames），加州大学圣地亚哥分校（Joseph W. Esherick）周锡瑞先生等学者应邀授课于学堂。驻华大使系列讲座增添了来自不同国家的观点和看法。多种文化在课堂内外的交融和碰撞，促发了各国学生的自我文化审视和重新定位。南非学生天佑说：“在学堂的这两年时间，是一个发现与重新发现的过程……我对于中国的了解更加立体了，特别让我没想到的是，我对于非洲的了解也更加深刻了。”[†]

在实践中培养“了解中国、贡献世界”的人才是燕京学堂的又一个重要探索。纸上得来终觉浅，绝知此事要躬行。学堂鼓励师生走出象牙塔，把中国大地作为课堂，建设书本以外的“中国学”，这是另一种“吸收外来”。为了更好了解的中国改革开放，学堂聘请前外交部副部长何亚非、国家开发银行前首席经济学家王沅等具有丰富经验的实践家，为学

^{*} 冯璐：“梳理中国逻辑，讲好中国故事”-- 访燕京学堂王曙光教授，http://www.sohu.com/a/237340985_488777，2019年3月20日检索。

[†] 北京大学燕京学堂举行 2018 年毕业典礼 <http://yenching.pku.edu.cn/index.php?v=show&cid=87&id=302>，2019年3月20日检索。

生授业解惑。很多学堂开设的课程，也都结合了实地调研的部分：学习《中国农村》课程的学生走进田间地头，参访了京郊的农业合作社；对私人企业发展转型感兴趣的学生，调研了浙江的丝绸企业和互联网巨头；为了更好地认识中国的历史、艺术和文化，老师们带领学生走进了西安和敦煌；“一带一路”倡议激发学生重走丝绸之路、创立咨询公司……几年来，学堂师生的足迹从北京的三里屯街道、义乌的小商品城，到贵州苗寨和重庆的高科技园区，遍布了国内 23 省市区和直辖市以及港台地区（附件三）。他们亲身体验、亲自交流，亲眼看见了一个全面而亦古亦新的中国。

教育就是人文交流

人文交流始终伴随着燕京学堂对中外学生的培养过程。一个高起点、高质量的教育项目，其目标和过程都应该凝聚人文关怀，其最终产生的作品应该是有温度的知识和有温度的人。归根到底，北京大学燕京学堂的中国学项目，要塑造能够连接中外、理解中国、关怀世界的明日领袖。这就是我们说的“面向未来”。燕京学堂的中国学教学项目，也因此成为一个中外青年人文交流的平台。

学堂鼓励国际学生深度融入北大：住宿制式学院使中外学生共处一室；学堂组队参加北大的学生足球赛、篮球赛、歌咏比赛等等，分享校园生活。学堂创造机会让学生进行中外思想交流和对话：学生有机会在习近平主席视察北大期间与他讨论马克思主义；也在浙江农村与 50 岁的女村主任探讨农村治污。学堂举办的“燕京全球青年中国论坛”，每年从世界各地的数千名申请者中选拔 100 名左右代表，来学堂与中外学生讨论中国问题、争辩中国方案、寻求凝聚共识（附件四）。多层次、有厚度的人文交流让年轻一代收获了友谊，更体会到了中国的博大和复杂。来自美国学生艾文，在北大的毕业典礼上发表了题为“君子和而不同”的发言，他说：“表面上我们普通人似乎无法左右国际问题，但是每一个人，各行各业的，实际上都可以通过跨文化交流一点点改变这个世界。”⁸

作为古老燕园中一个年轻的学院，北京大学燕京学堂正在对中国高等教育的国际化改革和中外青年人文交流进行有益的摸索。我们“立足本来”，依托北大百年人文、社科学科的厚重积淀，为中国学提供跨学科的诠释；我们“吸收外来”，利用校内外国内外资源，从实践层面、从全球视角，对中国的发展变化提供跨文化解读；我们“面向未来”，让中外青年人文交流贯穿学堂的培养过程，为世界培养具有人文关怀的未来领袖。学堂在探索和摸索中，虽然积累了初步的经验，也深刻意识到，

8 燕京学子 CodyAbbey 在北京大学 2017 年研究生毕业典礼上的发言 <http://yenching.pku.edu.cn/index.php?v=show&cid=87&id=241>，2019 年 3 月 20 日检索。

面对多元复杂的学生主体和巨变的国内外环境，我们的任务不会一蹴而就。一方面，作为全新的主要面向国际学生的英文项目，学堂在教学、管理、实习等各方面需要与原有体制对接；另一方面，多元文化的学生背景也给学生的培养、课程等带来诸多困难。作为一个创新实验，北大燕京学堂将继续迎接来自各方面的挑战，努力塑造一个高起点、高质量的中国学硕士项目。

УДК 327.7

Н. В. Федоров

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

ЗОНА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ЕАЭС И АСЕАН: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Целью статьи является определение перспектив и препятствий для образования зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и АСЕАН. Проблема исследуется в контексте развития евразийской интеграции и отношений между Россией и АСЕАН. Автор приходит к выводу, что создание зоны свободной торговли ЕАЭС – АСЕАН представляется невозможным в ближайшем будущем, однако в настоящее время можно говорить о формировании основы для дальнейшего сотрудничества в этом направлении.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; АСЕАН; евразийская интеграция; Вьетнам; зона свободной торговли.

N. Fedorov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

THE FREE TRADE ZONE BETWEEN THE EAEU AND THE ASEAN: PERSPECTIVES AND OBSTACLES FOR FORMATION

Abstract. The purpose of the article is to define perspectives and obstacles for formation of the free trade zone between the Eurasian Economic Union and the ASEAN. The problem is considered in the context of development of Eurasian integration and Russia – ASEAN relations. The author makes the conclusion that establishment of the EAEU – ASEAN free trade zone seems to be impossible in the nearest future, but at the moment we can speak of creation of ground for further cooperation in this field.

Keywords: Eurasian Economic Union; ASEAN; Eurasian integration; Vietnam; free trade zone.

Евразийская интеграция является одним из приоритетных направлений современной внешней политики России. Ключевым проектом в этой сфере стал Евразийский экономический союз (ЕАЭС), официально функционирующий с 1 января 2015 г. При этом важной задачей для ЕАЭС считается не только укрепление интеграции в рамках союза, но выстраивание взаимодействия в различных форматах с «внешними» акторами. Среди партнеров ЕАЭС (как существующих, так и потенциальных) можно назвать и государства Юго-Восточной Азии, объединенные

в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). При этом одной из форм взаимодействия ЕАЭС с АСЕАН видится зона свободной торговли. По мнению российских ученых Н.А. Васильевой и М. Л. Лагутиной, в условиях кризиса ВТО подобный формат взаимодействия представляется оптимальной формой сотрудничества для многих стран и объединений, включая ЕАЭС [Васильева, 2016, с. 30].

Важность сотрудничества с АСЕАН определяется целым рядом обстоятельств. Связь евразийской интеграции и укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе неоднократно подчеркивалась и в официальных документах, и в экспертных оценках [Караганов, 2016]. Страны Юго-Восточной Азии играют все более весомую роль в региональной экономике и политике. Государства АСЕАН демонстрируют растущие экономические показатели, а сама Ассоциация является центром многих интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Россия и Вьетнам в новой Азии, 2019, с. 18–19]. АСЕАН, в свою очередь, заинтересована в расширении взаимодействия с «внешними» акторами, включая своих партнеров по диалогу [Колдунова, 2017, с. 59–60]. Россия с 1996 г. обладает статусом партнера АСЕАН по диалогу и участвует в работе различных структур, функционирующих под эгидой Ассоциации. Кроме того, у России сложились прочные связи с отдельными странами АСЕАН, в первую очередь с Вьетнамом. Российский исследователь Я. Д. Лисоволик также подчеркивает геополитическую закономерность взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН, которое можно рассматривать «как проект гибридной континентально-океанической коалиции, в которой основу интеграции формируют не только торговые и инвестиционные эффекты, но и транспортно-логическая комплиментарность» [Лисоволик, 2017, с. 51].

Сотрудничеству с АСЕАН отводится важная роль в реализуемой Россией инициативе Большого евразийского партнерства. Впервые об идее подобного партнерства было объявлено в послании Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. В выступлении, в частности, говорилось: «Предлагаю вместе с коллегами по Евразийскому экономическому союзу начать консультации с членами ШОС и АСЕАН, а также с государствами, которые присоединяются к ШОС, о формировании возможного экономического партнёрства» [Послание Президента Федеральному Собранию, 2015]. Сам термин «Большое евразийское партнерство» был впервые упомянут в выступлении В. В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2016 г. [Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 2016]. Также в отношении Большого евразийского партнерства использовались такие определения, как «Большая Евразия» [Караганов, 2016] или «всеобъемлющее евразийское партнерство» [Бордачев, 2016]. Подобный формат взаимодействия

нашел свое отражение и в Концепции внешней политики России, утвержденной 30 ноября 2016 г.: «Россия настроена на формирование общего, открытого и недискриминационного экономического партнерства – пространства совместного развития государств – членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» [Указ Президента Российской Федерации, 2016]. Эта инициатива России не была оставлена без внимания и самой Ассоциацией. В декларации, принятой по итогам саммита Россия – АСЕАН в Сочи 19–20 мая 2016 г., говорилось о готовности сторон «рассмотреть вопрос о возможности взаимовыгодного сотрудничества» между АСЕАН, ЕАЭС и ШОС [Сочинская декларация юбилейного саммита Россия – АСЕАН, 2016]. При этом следует отметить, что Большое евразийское партнерство пока «лишено четкой повестки, географических рамок и институциональных механизмов» [Россия и Вьетнам в новой Азии, 2019, с. 6]. Впрочем, как представляется, данные особенности являются в большей степени преимуществами, чем недостатками для выстраивания сотрудничества с АСЕАН. Нормативная культура взаимодействия, на которую опирается АСЕАН (так называемый путь АСЕАН, или ASEAN way), основывается на «неприятии жестких форм институционализации, отказе от создания наднациональных органов, принятии решений путем консультаций и консенсуса, движении к общей цели со скоростью, комфортной для каждого из участников» [Колдунова, 2017, с. 60]. По словам российского исследователя Е. А. Канаева, «институционализация Большой Евразии при помощи ресурсов и опыта АСЕАН отвечает как духу евразийского сотрудничества, так и приоритетам его участников» [Канаев, 2017, с. 87]. Впрочем, сотрудничество между ЕАЭС и АСЕАН в рамках Большого евразийского партнерства находится пока на начальной стадии, что и отражается в достаточно сдержанных формулировках официальных документов.

Первые шаги к развитию сотрудничества в евразийском формате с АСЕАН были сделаны еще до объявления инициативы Большого евразийского партнерства и начала работы ЕАЭС. В частности, речь шла о сотрудничестве отдельных стран АСЕАН с Таможенным союзом в формате зоны свободной торговли. В марте 2013 г. начались переговоры по этому вопросу с Вьетнамом. 29 мая 2015 г. было подписано соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом, а в октябре 2016 г. оно вступило в силу. Это стало первым (и пока единственным) документом такого рода, подписанным между ЕАЭС и государством АСЕАН. Переговоры с рядом других стран Юго-Восточной Азии продолжаются, и в качестве важного промежуточного достижения можно отметить подписание Евразийским экономическим союзом меморандумов о взаимопонимании и сотрудничестве с Таиландом, Камбоджей, Сингапуром и другими государствами.

Успеху переговоров с Ханоем во многом способствовал политический фактор – у Вьетнама из всех стран Юго-Восточной Азии сложились наиболее прочные связи с Россией [Мазырин, 2016, с. 72]. Также Вьетнам последовательно проводит курс на создание сети зон свободной торговли с широким кругом стран и региональных объединений [Мазырин, 2016, с. 76]. Соглашение ЕАЭС – Вьетнам уже стало приносить первые плоды. К примеру, за 2017 г. торговый оборот между странами ЕАЭС и Вьетнамом вырос на 35,7 % и составил 5,7 млрд долл. [Шахматов, 2019].

Соглашение между ЕАЭС и Вьетнамом носило, впрочем, компромиссный характер и должно было служить в качестве своеобразной «модели» для взаимодействия Евразийского экономического союза с другими странами в подобном формате [Цветов, 2015]. Кроме того, зона свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам часто трактовалась как первый этап на пути к развитию сотрудничества с АСЕАН в целом. По словам первого заместителя министра экономического развития России А. Е. Лихачева, у Вьетнама появляется возможность стать торгово-инвестиционным «мостом» между двумя региональными объединениями – ЕАЭС и АСЕАН [Алексей Лихачев, 2015]. В Сочинской декларации было отмечено согласие АСЕАН «рассмотреть предложение о проведении совместного исследования перспективы создания всеобъемлющей зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН» [Сочинская декларация юбилейного саммита Россия – АСЕАН, 2016].

Впрочем, создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН сталкивается с объективными препятствиями.

Прежде всего это проблематичность заключения соглашения между АСЕАН и региональной организацией, связанная со сложной процедурой согласования и принятия решений в рамках Ассоциации. Именно в силу этого переговоры об установлении зоны свободной торговли между АСЕАН и Европейским союзом окончились неудачей [Цветов, 2017]. Формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) с участием АСЕАН и стран, у которых с Ассоциацией заключены отдельные соглашения о зоне свободной торговли, также далеко от завершения [ЕАЭС и АСЕАН, 2017, с. 207–208].

Существенной проблемой является относительно низкий уровень экономического сотрудничества стран АСЕАН с государствами ЕАЭС. Например, по данным на 2015 г., доля стран АСЕАН в экспорте ЕАЭС составляла 1,7 %, а в импорте – 3,3 %. В свою очередь, доля ЕАЭС в общем экспорте и импорте АСЕАН была соответственно 0,5 и 1 % [ЕАЭС и АСЕАН, 2017, с. 52]. При этом из участников ЕАЭС больше 90 % торговли с АСЕАН приходится на Россию [ЕАЭС и АСЕАН, 2017, с. 54].

Также нужно отметить, что сама идея взаимодействия с ЕАЭС встречает мало интереса в странах АСЕАН, в которых евразийская инте-

грация рассматривается в первую очередь через призму отношений с Россией [Коростиков, 2018].

Как отмечают российские эксперты, формой взаимодействия между ЕАЭС и АСЕАН может стать всеобъемлющее (непреференциальное) соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Выход же на создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН может быть достигнут после формирования серии двусторонних соглашений о зонах свободной торговли между ЕАЭС и отдельными государствами Ассоциации [ЕАЭС и АСЕАН, 2017, с. 75]. Пока же, как уже говорилось выше, Вьетнам остается единственной страной Юго-Восточной Азии, подписавшей договор о зоне свободной торговли с ЕАЭС.

Российский исследователь Б.А. Хейфец полагает, что одним из вариантов сотрудничества является разработка многостороннего инвестиционного соглашения ЕАЭС – АСЕАН, которое привело бы к созданию зоны свободных инвестиций и стало бы основой для всестороннего соглашения об экономическом партнерстве [Хейфец, 2018, с. 117]. Впрочем, по словам эксперта, «задача подготовки большого соглашения о всесторонней ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН представляется вполне решаемой в среднесрочной перспективе» [Хейфец, 2018, с. 118]. Китайский ученый Ли Синь считает, что зона свободной торговли с АСЕАН в рамках Большого евразийского партнерства может быть создана только примерно к 2040 г. [Ли Синь, 2016, с. 15]

В то же время можно предполагать, что для развития сотрудничества между АСЕАН и Евразийским экономическим союзом наметились благоприятные предпосылки. Прежде всего это общее укрепление отношений между Россией и АСЕАН. В августе 2017 г. было открыто постоянное представительство России при АСЕАН, которое должно также содействовать развитию контактов с Ассоциацией в евразийском измерении. 14 ноября 2018 г. в Сингапуре состоялся саммит Россия – АСЕАН, на котором было принято совместное заявление об установлении стратегического партнерства между Россией и Ассоциацией. В заявлении говорилось в том числе и о договоренности «изучить возможность взаимовыгодного сотрудничества между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и АСЕАН» [Совместное заявление 3-го саммита Российская Федерация – АСЕАН, 2018]. Также в ходе мероприятий в Сингапуре был подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и АСЕАН [Между ЕЭК и секретариатом АСЕАН будет установлен постоянный диалог, 2018]. Хотя в указанных документах нет упоминания о зоне свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН, можно полагать, что сделан важный шаг на пути оформления площадки для ведения диалога о взаимодействии с Ассоциацией в евразийском формате. Укрепление сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН также будет зависеть от развития отношений между Россией и

Ассоциацией, дальнейших успехов зоны свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам и заключения подобных соглашений с другими странами Юго-Восточной Азии.

Создание зоны свободной торговли ЕАЭС – АСЕАН представляется возможным лишь в отдаленной перспективе, но основа для нее формируется уже сегодня.

Литература

Алексей Лихачев: Вьетнам может стать торгово-инвестиционным мостом между ЕАЭС и АСЕАН. 27.11.15. URL: <http://komitet.info/eurasian-integration/history/9548/>. (дата обращения: 19.03.19).

Бордачёв Т. Поворот на Восток и евразийское всеобъемлющее партнерство. 31.08.16. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-na-vostok-i-evraziyskoe-partnerstvo/>. (дата обращения: 15.03.19).

Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Евразийский экономический союз в условиях трансформации системы международной торговли // Евраз. Юрид. журн. 2016. № 1. С. 29–31.

ЕАЭС и АСЕАН: Открывая новые горизонты сотрудничества. Аналитический доклад / Т. М. Алиев [и др.]. М. : ВАВТ, 2017. 229 с.

Канаев Е. Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии // Междунар. процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 81–89.

Караганов С. С Востока на Запад, или Большая Евразия. 24.10.16. URL: <https://rg.ru/2016/10/24/politolog-karaganov-povorot-rossii-k-rynkam-azii-uzhe-sostoialsia.html> (дата обращения: 17.03.19).

Колдунова Е. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Междунар. процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 55–66.

Коростиков М. Большое евразийское партнерство не дошло до Юго-Восточной Азии. 03.08.18. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3702711> (дата обращения: 11.03.19).

Ли Синь. Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 18.11.16. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/kitayskiy-vzglyad-evraziyskogo-prostranstvo/> (дата обращения: 11.03.19).

Лисоволик Я. Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости // Междунар. процессы. 2017. Т. 15, № 3 (50). С. 46–54.

Мазырин, В. Вьетнам: зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 3. С. 72–82.

Между ЕЭК и секретариатом АСЕАН будет установлен постоянный диалог. 15.11.18. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15-11-2018-3.aspx> (дата обращения: 18.03.19).

Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 30 нояб. 2016 г. № 640. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 17.03.19).

Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 17.06.16. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 18.03.19).

Послание Президента Федеральному Собранию. 03.12.15. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 17.03.19).

Россия и Вьетнам в новой Азии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 25.02.19 / А. Цветов [и др.]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiya-i-vietnam-v-novoy-azii/> (дата обращения: 16.03.19).

Совместное заявление 3-го саммита Российская Федерация – АСЕАН о стратегическом партнерстве. 14.11.18. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5360> (дата обращения: 18.03.19).

Сочинская декларация юбилейного саммита Россия – АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН. 20.05.16. URL: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 18.03.19).

Хейфец Б.А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук. 2018. № 5. С. 107–120.

Цветов А. Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России. 17.10.17. URL: <https://carnegie.ru/publications/73368> (дата обращения: 11.03.19).

Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам. 29.06.15. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shest-voprosov-o-zst-eaes-vietnam/?sphrase_id=22823810 (дата обращения: 11.03.19).

Шахматов В. ЕЭАС – важный элемент Большого евразийского партнерства. 14.03.19. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/eaes-bolshaya-evraziya/?utm_source=newsletter&utm_campaign=110&utm_medium=email&fbclid=IwAR1z6BhiJ3eUBpPM76XkZmMDr838834MBuyAv48xldYh83fDuQi6TLmuLOQ (дата обращения: 17.03.19).

УДК 356.251.2(52)(091)

Т. В. Федорова

Иркутский государственный университет, Иркутск

А. В. Степанов

МБОУ г. Иркутска СОШ № 18, Иркутск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ И КОРЕИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. На основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, анализируется деятельность японского правительства в Китае и Корее в начале XX в. с целью расширения сфер влияния на правительства этих государств. Рассматриваются проникновение японской агентурной разведки на территории Китая и военная экспансия в Корее.

Ключевые слова: японская агентурная разведка, шпионаж, военный конфликт, Китай, Корея.

T. Fedorova

Irkutsk State University, Irkutsk

A. Stepanov

MBOU of Irkutsk school N 18, Irkutsk

THE ACTIVITIES OF THE JAPANESE GOVERNMENT IN CHINA AND KOREA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. In this article, based on archival documents introduced into scientific circulation for the first time, the authors analyze the activities of the Japanese government in China and Korea at the beginning of the twentieth century in order to expand the spheres of influence on the governments of these states. The authors consider the penetration of Japanese human intelligence agents in China and military expansion in Korea.

Keywords: Japanese human intelligence, espionage, military conflict, China, Korea.

В настоящее время глобализация является одним из основных трендов развития современного мира, однако данные процессы имеют не только положительные аспекты, но и негативные, бросающие вызов всему мировому сообществу и угрожающие международной безопасности, а также несущие в себе опасность для отдельных стран. «Внутренние угрозы, в том числе такие как терроризм, экстремизм, сепаратизм, способны привести к развалу страны. Но существуют и дестабилизирующие ситуацию внешние аспекты, такие как транснациональная преступность и шпионаж, которые не дают сиюминутного результата, а скорее наоборот, нацелены на значительные перспективы в условиях военных конфликтов» [Степанов, 2018, с. 95]. Исторически сложилось так, что Дальний Восток очень часто привлекал внимание европейских держав как основной рынок сбыта товаров, но постепенно данная ситуация стала меняться, после того как в конце XIX в. Япония устремила свой взгляд на соседний Китай и Корею. В результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. и огромных затрат на ведение боевых действий японское правительство пришло к выводу, что эффективным методом решения вопроса расширения сфер влияния является не военный конфликт, а ведение активной разведывательной и подрывной деятельности.

Стоит отметить, что Китай имел значительные преимущества в обеспечении безопасности границ благодаря географическим факторам, таким как Тихий океан с восточной стороны и пустыня Гоби – на севере страны, которые были естественным барьером, защищающим государство. Но в периоды ослабления власти Китай подвергался угрозе вторжения со стороны таких государств, как Англия, Франция, Германия и Япония. Вторгаясь в пределы страны, они постепенно превратили Китай в полуколонию и полуфеодальную страну. Начиная с 1840 г. «Китай был вынужден подписать более 1100 неравных договоров с великими державами» [Liu Dexi, 2003, p. 266], в соответствии с которыми он лишался территорий, был вынужден платить контрибуции, а также терял суверенитет в решении торговых вопросов, осуществлении правосудия в отношении иностранных граждан на территории Китайской империи и т. д.

Существует мнение, что после 1840 г. политика безопасности Китая постепенно переходила от «самоутверждения» к «самоотречению», и, как отмечается в китайской историографии, государство с 1840 по 1949 г. переживало период «ста лет унижений» [Zheng Wang, 2012, p. 104].

В результате в начале XX в. наибольшее внимание Япония сосредоточила на распространении сфер влияния в Китае. Уже с 1907 г. в японских газетах высказывалось мнение о необходимости иностранного вмешательства в дела Китая. Основанием, достаточным для этого, газеты считали китайское неустройство, слабость китайской администрации, выказанную ею в борьбе с хунхузничеством. По-видимому, эти рассуждения о вмешательстве являлись отголоском решений и взглядов япон-

ского правительства на внутренние дела Китая [ГАИО, 1907, л. 39]. Революционное движение в Китае стало принимать все более и более широкий размах. Особое развитие начало приобретать общество Сун-вэнь, стремящееся образовать из Китая республику, с предоставлением самой широкой автономии Монголии и всем инородцам.

Осведомленность об этом положении Китая, по-видимому, и легла в основу политического курса японского правительства, которое высказывалось по этому вопросу в своем официальном органе печати настолько открыто, что не подлежало сомнению, что в Токио влияние на дела Китая признавалось вопросом решенным. Тяготение китайской нации к политическим реформам способствовало формированию оппозиции, но вдовствующая императрица была противницей конституции. Поэтому Япония, заинтересованная в делах Китая, для которой удачное разрешение китайского вопроса имело непосредственное значение в реализации её политики в Маньчжурии и управления этим краем, стремилась к активизации подрывной деятельности на территории этой страны.

В районе Имяньпо – Ханьдахецзы японскими разведчиками проводилась усиленная работа по сбору сведений о числе нижних чинов пограничной стражи и других родов оружия. В Нингуту в 1907 г. приезжало три японских разведчика, которые нанесли визит местному фудутуну и в подарок ему поднесли японскую саблю. В ответ на это фудутун подарил японцам настенную надпись в стихах, что среди китайцев считается очень ценным подарком. За обедом у фудутуна старший из японских разведчиков, Хыйсиниги, коснулся вопроса о численности китайских войск. В ответ на это фудутун напомнил японцам, что они приехали в качестве путешественников и что вопросы по военной специальности потому не должны бы их интересовать. Несмотря на этот отпор, японцы все же не придерживались своей роли путешественников и демонстративно проявили свою власть, арестовав нескольких японцев за игру в банковку, на что пожаловались им местные китайцы. Японцами были сняты окрестности Нингуты, после чего они поехали в Одуньчень и дорогой снова производили маршрутную съемку [ГАИО, 1907, л. 40].

Кроме того, на территории ст. Маньчжурия активизировался поток интеллигентных японцев с фотографическими аппаратами, следующих преимущественно на Стретенск и Нерчинск.

«Агентурная разведка Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, который осуществлял деятельность по сбору информации, в частности, в таких китайских городах, как Цицикар, Гирич, Куанченцзы и др., выявила нестабильность в отношениях с Китаем и усиление давления на его правительство Японии» [Федорова, 2017, с. 109]. Из г. Куанченцзы сообщалось, что «японцами устроено разведывательное бюро. При входе в это бюро вывешена таблица с надписью по-китайски, воспрещающая вход в бюро посторонним лицам» [Там же].

Наблюдалась также усиленная корреспонденция, ведущаяся японцами – содержателями домов терпимости. Корреспонденция по правительственной почте не пересылалась, а отправлялась по назначению при посредстве проезжих китайцев и японцев.

Борьба с японским шпионством на территории Китая становилась совершенно невозможной ввиду последовавшего разьяснения по делу о задержании на 1077 версте южной ветки трех японцев, производивших съемку. Разьяснением этим указано, что японцы, как и все иностранцы, проживающие на полосе отчуждения, пользуются правами экстерриториальности и могут быть задерживаемы лишь в случае совершения преступного деяния, караемого уголовными законами того государства, к подданству которого принадлежит заподозренный. Таким образом, шпионство японцев, не составляющее деяния, преступного по законам Японии, как производящееся в пользу своего государства, является не наказуемым [ГАИО, 1907, л. 45 об. 46].

Что же касается Кореи, то летом 1907 г. для подавления возникших в Корее беспорядков сюда были переброшены японские войска. 3 августа отправлены на трех транспортах в Корею части 12-й дивизии (Штаб Кокура). Из этих двух полков 12-й дивизии, пополненных из частей дивизии, стоящей в г. Хиросиме, предполагалось составить под командой генерал-майора Иода сводную бригаду для службы в Корее.

28-го июля в Гензане высадились две роты японцев для защиты этого города (перевод из *The Nagasaki Presse*). В качестве высших чинов в Корею отправились: начальник дивизии генерал-лейтенант Асада, командир 12-й бригады генерал-майор Иода, командир 14-й бригады полковник Кикуцы, командир 47-го полка подполковник Кидани, командир 23-й бригады генерал-майор Имаму, командир 24-го полка полковник Ямамура, 46-го полка полковник Такэсига.

«После отречения императора среди находящихся в Сеуле японцев появились лица, служащие шпионами для японцев и подстрекателями антияпонского движения и беспорядков» [Andrew Reed Hall, 2003, p. 117]. Несмотря на доказанность этого факта, управление японского резидента против них мер не принимало, а ограничивалось только наблюдением за их деятельностью. Два таких агента состояли при экс-императоре в Корее, и, следовательно, все приготовления к отправке делегатов в Гаагу заблаговременно были известны маркизу Ито. И потому весь дальнейший ход событий в Корее был намеренным попустительством для удобного ее захвата.

Официоз «Зиюцусин» писал, что если корейский двор не воздержится от интриг, то бывший император подвергнется заключению в тюрьму. Мнение держав, по словам этой газеты, сводилось к тому, чтобы Япония взяла в свое владение Корею, так как иначе она досталась бы России. «Япония жертвует независимостью полуострова ради сохранения мира на

востоке. Япония не желает территориального увеличения, а заботится только о благосостоянии востока. Согласно японской пословице: «если нет губ, зубам холодно». Корея губы для Японии, поэтому для сохранения мира необходимо взять ее всеми мерами» [ГАИО, 1907, л. 55 об.].

В результате захвата японским правительством Кореи началось постепенное разоружение корейской армии, которое в первое время шло спокойно. Корейские офицеры были собраны на квартире японского главнокомандующего генерала Хасигавы, и в его присутствии им был прочитан указ корейского военного министра о роспуске корейской армии. Сеульские корейские войска состояли из бригады пехоты, одной батареи, эскадрона кавалерии, роты саперов и батальона юнкеров военной школы. Церемония роспуска заключалась в том, что корейские части выводились на учебный плац без оружия и там в присутствии японского генерал-майора Надзу и двух рот японцев, стоявших с заряженными ружьями, должны были сдать свои шинели, поясные ремни, офицеры свои сабли, после чего плечевые знаки отрывались. 2-й и 3-й батальоны 1-го пехотного полка, 3-й батальон 2-го полка, кавалерия, артиллерия, саперы и батальон юнкеров покорно исполнили это требование. Командир 1-го батальона 1-го полка на чтении указа не присутствовал по болезни. Когда вернувшийся с заседания старший офицер батальона доложил ему содержание указа, командир Пао-чи-куань не мог перенести позора и, взяв винтовку, застрелился. Известие это взволновало военных из других батальонов, которые отказались исполнять требования указа, напали на японских инструкторов и, захватив ружья, вступили в бой с японскими войсками у южных ворот города. Другая часть бежала к западным воротам. Инсургенты после жаркой перестрелки были разбиты, понеся большие потери. Часть корейцев бежала, сохранив оружие, большинство же его побросали.

Беспорядки и возмущения войск происходили в то время в разных местах Кореи. В ночь на 25 июля 1907 г. 80 корейских солдат напали на главную квартиру японской полиции в Чин-наме. К нападавшим присоединилась толпа, семь домов было разрушено, пять человек ранено – японские женщины и дети.

В результате в Корее образовалось японское акционерное общество «Токио токусиоку кабусики кайси» – Восточное колонизационное общество. Общество это возникло по инициативе президента Японии Кацуры. Цель его состояла в колонизации Кореи японцами. Общество субсидировалась японским правительством. Обществом был учрежден свой колонизационный банк, открывающий кредит японцам, намеревающимся поселиться в Корее и приобрести земли, которые таксировались правительством по минимальной оценке. Представителем был генерал Усагава, служивший в Главном штабе, один из выдающихся японских генералов, членами – депутаты обеих палат японского парламента, предста-

вители торгово-промышленного и финансового мира и чиновники. Всего 116 членов, из них японцев 83 и корейцев 33. Среди членов общества были известная в Японии фирма «Мицун-Бусан-Кайся», Ивасита – директор Южно-Маньчжурской железной дороги, Хорита – бывший министр, Такахаси – директор банка «Сиокин Гинкоо» и др. Основной капитал общества составлял 10 млн. На 3 млн корейским правительством были приобретены акции. 200 акций остались за директорами общества, оказались нераспространенными 139 800 акций. При приобретении акций допускалась рассрочка на 4 срока. Главное внимание общества было обращено на колонизацию северной части Кореи в целях развития в этом районе горной и земледельческой культуры. Пресса предсказывала обществу полный успех. Колонизацию свободных участков планировалась завершить в два года.

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XX в. японское правительство было заинтересовано в расширении сфер своего влияния в Китае и Корее. После Русско-японской войны Япония начала активное изучение территории Китая, используя методы агентурной разведки, в том числе проявляя активный интерес к офицерскому составу и численности войск китайской армии. Что касается Кореи, то методы правительства Японии были здесь гораздо жестче и заключались в том числе в применении военного устрашения местного населения.

Литература

О современном политическом состоянии соседних государств: Китая, Кореи, Маньчжурии, Японии; военная разведка 1907–1912 гг. // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. ОЦ. Д. 10.

Степанов А. В., Федорова Т. В. Разведывательная деятельность японских консулов на территории Маньчжурии в начале XX в. // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2018. С. 95–98.

Федорова Т. В., Степанов А. В. Деятельность российской военной разведки на территории Китая в конце XIX – начале XX в. // Междунар. науч.-исслед. журн. Екатеринбург, 2017. № 3-1(57). С. 106–110.

Andrew Reed Hall. Constructing a ‘Manchurian’ Identity: Japanese Education in Manchukuo, 1931–1945 // University of Pittsburgh. 2003. 339 p.

Liu Dexi (ed.) WTO yu Guojia Zhuquan (WTO and State Sovereignty) // Beijing, Renmin Publishing House. 2003. P. 266–267.

Zheng Wang. Never Forget National Humiliation. Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations. New York : Columbia University Press. 2012. 312 p.

Е. Хамаева

Московский государственный институт
международных отношений (университет), Москва

КИТАЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Рассматривается проблема грамматической сущности китайских антропонимов как наиболее репрезентативного класса имени собственного. Предлагается критический разбор предположения о том, что категория собственности выходит за рамки лексики, поскольку имена собственные нередко включают в свой состав элементы разных частей речи (не только имена существительные). Обосновывается положение о том, что материал китайского языка, грамматический строй которого является изолирующим, наглядно иллюстрирует механизм образования сложных слов синтаксическим способом. Китайские антропонимы, образованные синтаксическим способом в соответствии с разными моделями – атрибутивной, сочинительной, глагольно-объектной и др., тем не менее являются словами, именами существительными.

Ключевые слова: китайский язык, имя собственное, антропоним, модели словообразования, сложное слово.

E. Khamaeva

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow

CHINESE ANTHROPONYM: STRUCTURAL AND WORD FORMATIVE ANALYSIS

Abstract. The article deals with the problem of the grammatical essence of Chinese anthroponyms as the most representative class of the proper name. Some researchers have suggested that the category of property is beyond the scope of lexical language level, since proper names often include elements of different parts of speech (not just nouns).

The material of the Chinese language, whose grammatical structure is isolating, clearly illustrates the mechanism of the formation of complex words in a syntactic way. Chinese anthroponyms, formed by the syntactic method in accordance with different models – attributive, composing, verbal-objective, etc., however, are words, nouns.

Keywords: Chinese, proper name, anthroponym, word formation models, compound word.

Имена собственные в некоторых языках мира представляют собой «слово, словосочетание или предложение» [ЛЭС, 1990, с. 473]. В связи с этим исследователями высказываются предположения, что категория собственности должна выходить за рамки лексики: имена собственные не являются лексико-грамматическим разрядом существительных, «это, скорее всего, самостоятельный класс слов, особая часть речи, имеющая свое категориальное значение» [Матвеев, 2004, с. 9], а «слово – только одна ипостась имени». Таким образом, подвергается сомнению существующий на протяжении нескольких тысячелетий постулат о том, что имена собственные, наряду с именами нарицательными, относятся к классу имен существительных.

В качестве доказательства своей правоты сторонники данной точки зрения обычно приводят примеры имен из так называемых экзотических языков. Например, *Сат-хум-хайтум-лох* – «лог семи бежавших мужчин», *Нял-пахвтын-керас* – «скала, в которую пускают стрелы» [Хайдаков, 1964, с. 204]; в языках аборигенов Австралии встречаются глагольные топонимы как в личной, так и в неопределенной форме, ср.: *Jingubullaworrige* – «я пойду туда», *Ningoola* – «не могу выйти», *Woollongong* – «там, где прошло чудовище» [Беленькая, 1980, с. 179.; цит. по Матвеев, 2004, с. 9].

Для носителей индоевропейских языков существование таких имен может показаться довольно странным, так как обычно «полная субстантивация меняет словоизменительную и словообразовательную парадигму слова, а вместе с тем и его морфологическую и синтаксическую валентность» [Суперанская, 1973, с. 110], не говоря уже о семантическом наполнении имени.

Китайские антропонимы также представляют собой «слова, словосочетания или предложения». Однако объективные характеристики китайского языка (изолирующий строй грамматики, особенности словообразования) позволяют наглядно проиллюстрировать данный механизм субстантивации и, соответственно, дать ответ на вопрос о том, являются ли сложные по структуре имена именами существительными.

Антропонимическая модель китайцев включает два элемента: стоящую на первом месте фамилию, или наследственное имя (姓 *xìng*), и следующее за ним индивидуальное имя (名 *míng*). Фамилия обычно односложна, например Ван (王), Чжоу (周), Ма (马), редко двусложна, например Сыма (司马), Оуян (欧阳). «Индивидуальное имя чаще двусложно, реже односложно, поэтому полное имя китайца, включающее фамилию и имя, записывается чаще всего тремя иероглифами, например: Ли Дачжао (李大钊)» [Крюков, 1986, с. 164].

Основным способом словообразования в китайском языке является словосложение. Это касается и имен существительных: любое сложное по структуре имя существительное (а таких в современном китайском языке большинство) образуется из сочетания отдельных корневых морфем. В результате этого «соединения» между ними возникают определенные отношения: сочинительные (копулятивные), атрибутивные, глагольно-объектные, субъектно-предикативные [Готлиб, 2002, с. 14]. Например, слово «родители» (父母) состоит из элементов «отец (父)» и «мать (母)», соответственно, связь между элементами – сочинительная. Слово «землетрясение (地震)» состоит из элементов «земля (地)» и «трястись (震)», значит, связь в слове субъектно-предикативная. Учение о типах сложных слов китайского языка (бинамах), как известно, было разработано и убедительно описано еще в 1946 г. И. М. Ошаниным, который, в свою очередь, развивал идеи Е. Д. Поливанова.

Китайское имя собственное по своей структуре также представляет собой сложное образование, так как состоит из сочетания как минимум фамилии и имени (односложного или двусложного). В результате между именем и фамилией или двумя элементами имени тоже возникают определенные отношения: сочинительные (копулятивные), атрибутивные, глагольно-объектные, субъектно-предикативные, т. е. китайские имена собственные в принципе образуются по тем же структурам, что и обычные (нарицательные) имена существительные. Следует учесть, что определенные связи между элементами выстраиваются исходя из их семантики, что принципиально возможно только при условии наличия этой семантики (прозрачной внутренней формы) у единиц, входящих в китайское имя. Таким образом, с точки зрения структурно-словообразовательных свойств китайское имя собственное, как и имя нарицательное, может представлять собой сложное слово, которое образовано в соответствии с разными синтаксическими моделями, и даже предложение (предикативную связь). Например, Чжи Линь (枳林) «апельсиновый лес»; Шоу Ли (守礼) «соблюдать церемонии»; Шу Чжэнь (淑贞) «целомудренная и добродетельная»; Цун Фэнь (聰奮) «ум воодушевляет». Таким образом, основным способом образования имен собственных, как и имен нарицательных, в китайском языке является словосложение.

Способ образования слов путем словосложения также называют синтаксическим. Синтаксический способ имяобразования, по всей видимости, был довольно распространенным в ономастических системах мифологического типа, что объясняется той важностью, которые древние придавали именам: имена выражали сущность своего носителя и, соответственно, должны были обладать семантикой, сложное имя способно выразить более точное значение.

В некоторых языках наличие в сложном (двусложном) имени морфологических формантов позволяет установить грамматические отношения между элементами имени. В частности, Т. В. Топорова с точки зрения грамматических отношений выделяет четыре типа древнегерманских ономастических композитов: 1) координативные (сочинительные с равноправными компонентами); 2) детерминативные (с управлением и зависимостью одного члена от другого); 3) посессивные (имена собственные со вторым членом, выраженным именем существительным, и трансформированные в прилагательные, причем флексия второго элемента относится ко всему имени (имя цельнооформленно). Наиболее обобщенный смысл таких имен передается сочетанием «имеющий отношение к чему-либо (кому-либо)»; 4) «композиты, в которых первый член (в большинстве случаев предлог) управляет вторым» [Топорова, 1996, с. 153].

Китайский язык относится к числу изолирующих, для которых характерны «невыраженность в формах слов их отношения к другим словам», «независимость форм друг от друга», «синтаксическая равноценность форм» [Солнцев, 1995, с. 19]. Соответственно, определить грамматические отношения внутри китайского имени не всегда легко. Во-первых, это связано с тем, что двусложное или трехсложное сочетание, образующее китайское имя, это слишком небольшой контекст (микрo-контекст), в рамках которого семантика сочетания нередко может интерпретироваться несколькими способами. Во-вторых, семантика имён не так проста, как может показаться на первый взгляд. Так как китайский антропоним функционирует по законам мифологии, то и понимать его следует не линейно, а в нескольких измерениях – оно может читаться и переводиться как слева направо, так и справа налево, семантика будет иметь «глубину» в несколько слоёв как минимум. Возможно, число интерпретаций будет привязано к числу интерпретаторов, следовательно, оно бесконечно. Семантическая прозрачность не дает оснований считать, что имена в мифологических традициях в целом однозначны.

Причина этого парадокса «кроется не в невозможности подобрать синтетическое значение для двух компонентов, а в реконструкции на основании исходных данных не одного, а нескольких значений (или амальгамы значений), не всегда поддающихся строго научной верификации» [Топорова, 1996, с. 127]. Выявить грамматические отношения единиц внутри китайского имени бывает сложно, так как они «не выражены в форме». Это дает основания для широкого круга возможных интерпретаций заключенного в имя значения.

С грамматической точки зрения сам факт такого способа словообразования в китайском языке вскрывает целую цепочку «классических» в китаеведении сопутствующих вопросов – вопросов о границах слова и словосочетания, слова и морфемы и т. д. В цели и задачи данной статьи не входит поиск ответов на эти вопросы. Вместе с тем следует пояснить, что сложные комплексы, состоящие из нескольких компонентов, мы (вслед за И. М. Ошаниным) признаём именно словами.

Три модели образования сложных слов в китайском языке под названием «типы инкорпорации» (атрибутивная, копулятивная и глагольно-объектная) введены в обиход Е. Д. Поливановым в 30-х гг. XX в. И. М. Ошанин указал еще две модели – субъектно-предикативную и результативную. В анализе сложных слов, таким образом, следует учитывать тип связи и характер компонентов. При этом необходимо понимать, что полученное сложное образование по своей форме действительно может напоминать и словосочетание, и предложение, но, заключаясь в рамках имени, оно выполняет функцию имени. Поскольку в именах собственных редко используются элементы морфологии (аффиксы и пр.), в данном случае срабатывает семантико-функциональный подход: быть

именем собственным в китайском языке – это функция. Представляется, что «сущность категории собственности в данном языке сводится к вторичной номинативной функции имен нарицательных или вторичной семантической функции в терминологии Е. Куриловича. Китайские имена собственные – это своеобразные метафоры, метонимии, образованные посредством «мифологического тропа» (в терминологии М. М. Маковского)» [Хамаева, 2005, с. 282].

Стоит отметить, что в китайском языке морфологический способ словообразования также существует, но он преимущественно используется в образовании имен нарицательных и не используется в образовании имен собственных. Данный факт, по всей видимости, объясняется мифологическими представлениями о важности имени, о важности семантического наполнения имени. Морфологические же форманты (в китайском языке) нередко обладают лишь грамматическим значением, чего для того, чтобы слово стало именем в мифологии, недостаточно. Вместе с тем в состав китайских имен иногда входят и местоимения, и вопросительные частицы, и предлоги, союзы. Роль последних преимущественно сводится к тому, чтобы более точно показать отношения двух других элементов имени, выразить более точные отношения между ними.

Например, в состав имени могут входить местоимения как из современного языка, так и из классического письменного языка вэньянь. В антропониме Ань Тайво (安泰我) сочетание фамилии Ань и первого знака имени Тай (Ань Тай 安泰) значит «благополучный, спокойный», затем следует местоимение «я (во)». В результате получается «благополучный я». Оним Янь Восы (严我斯) дословно значит «строгий по отношению к себе» и т. д.

Личные имена в китайском языке могут представлять собой сочетание знаменательных и служебных слов. Служебные слова в имени могут выражать различные значения: направление, причинность, противопоставление, следование. Например, в антропониме Чжоу Эрфу (周而复) «описывать круг за кругом, совершать круговорот; повторять круг за кругом» встречается служебное слово «эр (而) сочинительный и подчинительный союз в вэньяне», который в данном случае подчеркивает последовательность во времени двух действий.

В имени Фан Ичжи (方以智) служебным словом является предлог и союз вэньяня «и (以)». В случае его отсутствия первый и последний знаки в имени могли находиться между собой в глагольно-объектных, субъектно-предикативных, копулятивных и даже атрибутивных отношениях. Присутствие служебного слова «и 以» в середине имени позволяет установить, что первый знак в сочетании – субъект (лицо), а третий – объект (мечты, надежды). В итоге имя является пожеланием определен-

ному лицу добиться своей цели, реализовать мечту. Однако выражено это пожелание опосредованно, деликатно, косвенно.

Онимы (антропонимы, топонимы и т. д.) такой сложной структуры существуют во многих языках мира, в связи с чем некоторые исследователи выразили предположение, что категория «собственности» должна выходить за рамки лексики. Такие предположения действительно могут возникнуть, если анализировать имена собственные определенного языка без учета особенностей образования остальной лексики. Поскольку в китайском языке основным способом словообразования является словосложение, то явление, когда в состав слова (имени, глагола и т. д.) входят единицы разных частей речи, не является чем-то необычным. Типичным это является и в образовании имен собственных, и антропонимов в частности. Впрочем, еще несколько тысячелетий назад, наблюдая над этим языковым явлением, ученые выявили закономерность, что «...любой языковой материал, вплоть до глагольного, включаясь в состав собственных имён, подвергается субстантивации, а имя собственное, из скольких бы элементов оно ни состояло, занимает в предложении место существительного» [Суперанская, 2009, с. 50]. На наш взгляд, данное определение исчерпывающе описывает этот механизм: имена собственные, из чего бы они ни состояли, – это имена существительные. Однако на материале китайского языка, языка с изолирующим строем грамматики, данный механизм субстантивации и образования имени собственного выглядит более прозрачным и становится более понятным.

Литература

- Готлиб О. М. Практическая грамматика китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Муравей, 2002. 304 с.
- Крюков М. В., Джарылгасинова Р. Ш. Китайцы. Системы личных имен у народов мира. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1986. 382 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- Матвеев А. К. Апология имени // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2004. № 1. С. 7–13.
- Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М. : Вост. лит., 1995. 352 с.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука; 1973. 352 с.
- Суперанская А. В. Ономастика начала XXI в. М. : Ин-т языкознания РАН, 2009. 80 с.
- Топорова Т. В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М. : Яз. рус. культуры, 1996. 253 с.
- Хайдаков С. М. Глагол в лакских топонимах // Топонимика Востока. Новые исследования. М. : Наука, 1964. С. 203–204.
- Хамаева Е. А. Китайские антропонимы: монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 308 с.

丝路记忆：里海南岸（马赞达兰）与中国的交往考察*

—纪念俄罗斯著名中国学家东方学家奥列格·马尔科维奇·郭特立博
(Oleg Markovich Gotlib)

提要。今天伊朗的马赞达兰省位于里海南岸地区，波斯（伊朗）历史上占有显要的地位，多个王朝曾在此地区割据，与波斯、大食（阿拉伯）中央王朝分庭抗礼，甚至一度控制了巴格达。这个也是重要的交通要道，多条干道从这里到东边的中亚、北边的里海，南边的波斯湾，西边的两河流域、小亚细亚、罗马等地，由此成为古代丝绸之路和今天道路的重要一环。本文在前人研究的基础上，梳理了马赞达兰地区的地理、物产、城市、交通，尤其利用我国文献进行比较研究，由此发现中国对这一地区有相当深的了解，且与中国交往频繁。

关键词：丝路记忆 马赞达兰 大食 中国 交往 郭特立博

Han Zhongyi

Shaanxi Normal University, Xi'an

SILK ROAD MEMORY: AN INVESTIGATION OF THE SOUTH COAST OF THE CASPIAN SEA (MAZANDARAN) WITH CHINA

— *Commemorating the famous Russian Sinology Orientalist Oleg Markovich Gotlib*

Abstract: Today, Iran's Mazandaran province is located in the southern part of the Caspian Sea. Persian (Iranian) has a prominent position in history, where many dynasties have been setup powers of separating from their central nations, and even once controlled Baghdad. Here is also an important traffic centers of the ancient Silk Road and today's road, in which is to the Central Asia in the east, the Caspian Sea in the north, the Persian Gulf in the south, the Mesopotamia, Asia Minor, Rome and other places in the west. Based on the previous studies, this paper is focused on the geography, property, city, and transportation of the Mazandaran, especially through the comparative study of Chinese literature to find the relationship between two areas.

Keywords: silk road memory Mazandaran Arab communication Gotlib.

今伊朗北部的马赞达兰省，历史上我国文献称其为陀拔思单，是伊朗具有重要影响的地区，也是丝绸之路上的重要通道。本文对地区的地理环境、所指范围、主要城市、与中国的交往等问题作初步的考察，不足之处者，望读者指正。

一 陀拔思单（马赞达兰）的地理环境、行政区划、名称之变化、物产略探

陀拔思单*即为今伊朗北部马赞达兰（Māzandarān，玛咱答儿[†]）省[‡]。这一地区名所指范围不同时期有所不同，有时用陀拔思单之名来称呼

*本文得到 2018 国家社科基金“冷门‘绝学’和国别史等研究专项”项目：9-14 世纪中亚历史地理研究（批准号：2018VJX021）的资助。

里海南岸的陀拔思单、岐兰（低廉）地区；有时则用低廉来称呼上述地区。13世纪后采用杓咱答儿之名。斯特朗格先生称此后陀拔思单废弃不用[§]。从行政区划而言，这种说法不误，但作为地名仍出现于15世纪文献之中**。

大食古典地理学家将里海南岸高山地区称为陀拔思单或塔巴里斯坦（*Tabaristān*）地区，其绝大部分地区位于今天所称厄尔布尔士（*Alburz*）山脉地区，包括吉兰、马赞达兰、古丽斯坦等地。此名常出现于《塔巴里编年史》（*Ta'rikh al-rusul wa'mulūk*）^{††}、亚库比《地理志》（*Kitāb al-Buldān*）^{‡‡}、巴拉祖里《大食征战史》（*Futūh al-Buldān*）^{*}、

* Ibn Isfandiyar: *History of Tabaristān*（《塔巴里斯坦（陀拔思单）史》）称：陀拔思单的“整个区域包括从迪纳尔·居伊（*Dīnār-jāy*）城的马拉特（*Malat*）村，以及从雷伊（*Ray*）城、库米斯（*Qūmis*）城到（里海）海岸的地区，这一地区农业发达，人口稠密。”陀拔（*Tabar*）在当地语言中意为“山”，因此陀拔思单的含义应是“山地”。trans by E.G. Browne, Leyden, E. J. Brill, 1905, p.28.

† 刘郁：《西使记》作杓咱苍（答）儿，王国维：《王国维遗书》第13册，第10页；《元史》卷149《郭侃传》，作禡糴答而，第3524页。杓咱答儿一词在 *History of Tabaristān*（p.14）中解释说：“该词原初称作穆兹·安达伦（*Mūz-andarūn*），因穆兹是靠近岐兰或吉兰（*Gīlān*）地区的一座山的名称，其一直延伸到拉尔（*Lār*）城、卡斯兰 *Qaṣrān*（即雷伊）城和贾贾尔姆（*Jajarm*）城；由于所在的地区‘在穆兹山范围之内’，因此称此名（穆兹·安达伦）。”Sādik Isfahānī: *The geographical works of Sādik Isfahāni* 称：“陀拔思单（*Tabaristān*），是伊朗或波斯的一个地区，也叫做马曾德兰（*Māzinderān*，即马赞达兰，引者）。这里的主要城市为阿模里或阿莫勒（*Āmul*）城；除此之外，还包括娑里或萨里（*Sārī*）城、法拉罕巴德（*Farrahānbād*）城和其他城市。”Trans by J.C. from original Persian mss. in the collection of Sir William Ouseley, the editor. London: Printed for the Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland; Sold by J. Murray, 1832, p.34.

‡ V. Minorsky: *A History of Sharvān and Darband in the 10th–11th Century*（《10-11世纪沙尔万与达尔班德史》），Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd. 1958, p.132.

§ *The Lands of Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia, and Central Asia From the Moslem conquest to the time of Timur*（《大食东部历史地理研究——从阿拉伯帝国兴起到帖木儿朝的美索不达米亚、波斯和中亚诸地》），后简称 *Lands*），Cambridge 1905, p.368.

** Mu'in-nod Din Muhammad Zamchī Esfazārī: *Rauzāt Jannat fī Owsāf-e Madinat-e Herāt*, ed. Seyyed Mohammad Kāzim Imām. Tehran: Intishārāt-i Dānishgāh-Tihārān, 1959, Part 1, pp.280, 301.

†† Ab Ja'far Muhammad b. Jarr al-Tabarī (hereafter: al-Tabarī): *the History of Prophets and Kings* (*Ta'rikh al-rusul wa'mulūk*), edited by Ehsan Yar-Shater, trans by C. E. Bosworth, Philip M. Fields and others, Albany: State University of New York Press, 1985-1989.

‡‡, *BGA*, V7.

《大食艺文志(*Fihrist*)》[†]等文献中。《新唐书·西域传》称：“又有陀拔斯单者，或曰陀拔萨憐。其国三面阻山，北濒小海。居婆里城，世为波斯东大将。波斯灭，不肯臣大食。”[‡]这段文献记述了陀拔思单的范围、城市、被管辖地等内容，尤显珍贵。

9世纪这里一度受制于萨曼(Saman)王朝[§]。10世纪以后，一般被称作低廉地区，这应和兴起于此地布伊(Buway)王朝有关。随着该朝强大和掌控黑衣大食实际权力，由此该地区变得声名显赫。《世界境域志》称陀拔思单是“低廉地区是很大的地区。其边界(Hadud)从恰卢斯(Chālūs)到塔密萨(Tamisha, 即 Tamisa, 引者), 是富庶之地, 有大量财富和很多商贾。”^{**}也就是说上述著者将陀拔思单包括在大低廉地区, “这是一个广阔的地区, 有不同的语言(Zabān)和长相(Sūrat), 被称作低廉地区(Nāhiyat)。此地区东边为呼罗珊; 其南为吉巴勒(Jibāl)之地; 其西以阿扎拜甘(Adharbāgān, 即阿塞拜疆)之境为界; 北为可萨海(里海)。”^{††}

自10世纪末, 随着哥吉宁王朝强大, 里海南岸, 包括陀拔思单名誉上归该王朝控制^{‡‡}。但实际由地方割据势力统治^{*}。12世纪, 随着塞尔

* Ahmad ibn Yahyā Balādhurī: *The Origins of the Islamic State (Kitāb Fitūh Al-buldān)*, 后简称 *Origins*, trans by Philip Khūrī Hittī, New York: Columbia University press, 1916.

† Al-Nadīm: *the Fihrist of al-Nadīm* (后简称 *Fihrist*) 说: 著名诗人、学者哈里发麻苏·迷地之子易卜拉欣(Ibrāhīm), “其母施克腊(shiklah), 陀拔思单人, 是陀拔思单王之女。” ed and trans by Bayard Dodge, New York: Columbia University press, 1970, p.253.

‡ 《新唐书》卷221《西域传》, 第6259页, 中华书局本。

§ Al-Narshakhī: *The History of Bukhara (Tārikh Bukhārā)*, trans by R.N.Frye, Cambridge: Harvard University Press, 1954, p.95. Tehran (Persian): Danishgāh Tehrān, 1363 (1985), p.130. *History of Tabaristān* 较详细记述了萨曼王朝在陀拔思单的军事活动。pp.213-224, 226-228.

** Anonymous: *Hudūd al- 'Ālam* (世界境域志, 后简称 *Hudūd*), p134 (Trans and explained by V. Minorsky, London: Luzac & Co., 1970.) 提到了 Barryāt al-Turk, 汉译本《道里邦国志》(宋岷译, 中华书局, 1991年) 翻译成了“突厥荒原”, 法文译本翻译成突厥沙漠 (Désert des Turc, BGA, V6, p.196.) 但笔者怀疑 Barryāt 是笔误, 应是《世界境域志》的“Ghūz”, Qaz: 记为“al-Ghuzyah”。因9-11世纪这里就是古兹突厥人活动, 游牧地区, 今在土库曼西北部还保留着“达绍古兹 (Tashoguz)”、“外温古兹-卡拉库姆 (On-oguz, ughuz, ghuuz, Qaraqum, 十姓古兹黑沙漠)”。

†† Anonymous: *Hudūd al- 'Ālam* (世界境域志 heresafter: *Hudūd*), p133, Trans and explained by V. Minorsky, London: Luzac & Co., 1970.

‡‡ Abu al-Fadl Bayhaqī: *Tārikh-i Ma'sūdī ma'rūf bih tārīkh-i Bayhaqī*, Tehrān: Kitābkhanah-'i Sinā'ī, 1319/1940, V2, p.430.

柱王朝崛起，这里又成了塞尔柱诸王控制地或采邑地[†]。13世纪被蒙古征服，后为伊利汗朝一行省一部分。枹咱答儿地区首府从传统的阿模里转到朱里章地区朱里章城。因此，从13世纪起，枹咱答儿之名一直流传今天。

就地理环境而言，陀拔思单呈现多样地貌形态，既有山地，也有平原，还有丘陵。而沿海岸地势平坦，物产丰富[‡]。此地为多条流向里海河流的发源地。历史文献记录这里以潮湿而闻名，布满树木和森林[§]。十世纪的穆卡达斯说：“当地多以米为食；盛产鱼、大蒜、水禽。这里种植的亚麻、家麻很有名。”萨利比称：“这里的特产包括一种叫 Utrujj 的香橼、斗篷、粗亚麻毛巾、亚麻内衣、棉布头帕。”^{**}足见陀拔思单地理环境之优越，物产之丰富。

二 陀拔思单的主要城市

陀拔思单或枹咱答儿地区有如下的城市：

阿模里（Āmul）城^{††}，或河（阿）没国，即为陀拔思单的首府。

《新唐书·地理志》称岐兰（今岐兰）“之东南二十日行，得阿没，或曰阿昧。”^{‡‡}《册府元龟》称：唐玄宗天宝六载（750）二月“阿没国王俱般胡没为恭信王。”^{§§}《唐会要·杂录》将此地与周边坐标框定起来，其称：“东至南陀拔国十五日程，西北至岐兰国二十日程；从南至沙兰国一月程；从北至海两月程。”^{***}《新唐书·西域传》基本抄录王忠嗣的记载，但其称作阿没，或阿昧。此地在岐兰之东南二十日行，“东南距陀拔斯十五日行；南沙兰一月行；北距海二日行。”^{†††}张星烺先生准确地考订出阿昧就是陀拔思单的阿模里城。王忠嗣所记载的北距海（里海）距离，与《新唐书》出入颇大，前者说有“二月程”，日行40公里计，有1200公里；而后者说有“二日行”，显然2程路是符合阿模里距离里海里程的。由此可知前项的“月”为“日”笔误，这就可很好地解释两处文献纪录之出入。大食文献也记载了阿模里距离可萨海（里海）沿岸里程。当

* C. E. Bosworth: *On the chronology of Ziyārids in Gurgān and Tabaristān*, in *The Medieval History of Iran, Afghanistan and Cenral Asia*, London: Variorum Reprints, 1977.

† Alī al-Husaynī: *The History of the Seljuq State (Akhhār al-dawla al-saljūqiyya)*, trans by Clifford Edmund Bosworth, Routledge, London. New York: Taylor & Francis 2011, pp. 61, 63, 71..

‡ *History of Tabaristān*, p. 28.

§ IH, pp. 381.

** *Tha`ālibī: The Latā`if al-ma`ārif of Tha`ālibī*. trans by C.E. Bosworth, Edinburgh: Edinburgh University Press, 1968, p. 130.

†† Yaquḅī: *Buldān*, p. 286.

‡‡ 《新唐书》卷43下《地理志》，第1154页。

§§ 《册府元龟》卷965《外臣部·封册第三》，第11349页上下栏。

*** 《唐会要》卷100《杂录》，第1777页。

††† 《新唐书》卷43下《地理志》，第1154页。

代出版地图也可知阿模里距离里海不足 50 公里*。黑衣大食在 757 年攻占了阿模里，尔后“陀拔思单地区实际上被穆斯林占领。”†其驻军 3000 人‡

黑衣大食初叶，陀拔思单地区首府为阿模里城§。《世界境域志》说内城（Shahristān）只有护城河，无城墙，内城外是外城区。商人云集，城市繁荣，崇尚学术。这里水源丰富，产亚麻布、亚麻家麻混纺手帕、陀婆离毯、陀婆离垫、木盒、柑橘、酸积、各种金线织品等**。但 9 世纪有段时间，塔西儿王朝定都于撒里牙（Sāriyah）城，而阿模里仍显重要。此朝统治时，该城所在地区税收达 140 万银币（Dirham）††。伊本·豪卡勒说阿模里城规模比可疾云城要大，且很繁华‡‡。穆卡达斯详细记述了此城，诸如医院（Bīmarstān）、聚礼清真寺、市场、物产、磨坊、饮食、降雨、居住条件等§§。穆斯陶费说这里气候炎热潮湿，盛产椰枣、葡萄、核桃、柑橘、柚子、柠檬、香精等***。

娑里（Sārī）城†††：也被称作撒里牙（Sāriyah）*城，是陀拔思单第二大城，一度是首府，位于阿模里城东边。大食历史学家巴拉祖里称白

* East view map link(distributed):*Middle East*(Reference Map),Minneapolis,US:East View Press,2010.

†*History of Tabaristān* ,p.122.

‡*History of Tabaristān* ,p.123.

§*History of Tabaristān* 提到最初两位来自低廉地区居住在阿模里附近，后来其女嫁给了巴里黑地区的国王费鲁兹（Fīrūz），应她之请修建了阿模里城，并“用土坯修建了城墙，且很宽，其上足可以四位骑士并排行进，城墙周边开凿了一条深 33 腕尺（Arash），宽一箭射程之远的护城河；城墙有四门，即分别被称为朱里章门、岐兰门、山门和海门。这座城市占地面积 400Jarīb。这位国王皇后阿模刺（Āmula）的宫殿位于现在的洗衣工街（Kūcha-i-Gāzarān）上，其背后是‘服装市场’。”p.25.

***Hudūd*:p.134.

††*History of Tabaristān* ,p.29.

‡‡IH,p.381.

§§MUQ,p.316.

****al-Qulūb*,p.156.

†††*History of Tabaristān* 称：“娑里城是由古代的奴匝儿（Nūdhār）之徒思（Tūs）修建的，位置在（作者时代的）现在叫做徒散（Tūsān）的地方。”“（后来）在陀拔思单国王大忽鲁汗（Farrukhān）时代，奉其贵族八吾（Bāv）之命（又）在奥哈儿（Awhār）村修建了娑里城，选择此址原因就是这里地势较高，河流较多，环境宜人。”“娑里城的清真寺是诃论·刺失底位时期异密哈合牙·本·哈合牙（Yahyā b.Yahyā）初建，最后由麻匝牙儿·本·喀林（Māzyār b. Qārin）完成。八万丹宫（Bāvandān）对面为四门拱北（Gunbadh Chahār Dar），其在已故（萨珊）国王阿儿达喜儿私人御花园内。”pp.16-17。还称：“萨保·忽萨木·道刺（Ispahbad Husāmu`d-Dawla wa`d-Dīn Ardashīr b.Husayn），在陀拔思单统治 35 年（大约到 13 世纪初该书著者时代，引者）。”p.67。其又称：“他的都城设在娑

衣大食苏利漫（Sulaymān）时代攻打过此城[†]。黑衣大食初期，驻军 1000 人[‡]。塔西儿王朝时期，该城包括塔密萨（Tammīsha）在内地区税收达 130 万银币（Dirham）[§]。《塔巴里编年史》不同卷次中对此城的政治史作了详细的记述，但地理内容涉及较少^{**}。穆卡达斯称撒里牙城是座繁华城市，有城墙、护城河、桥梁、聚礼清真寺等。还提到了学术、衣着、修养、物产等内容^{††}。《世界境域志》说娑里城很繁华、舒适，多居民，商人云集。产丝织品和水蕃红花、沉香木、香水，出口各地^{‡‡}。13 世纪，蒙古西征时，此城遭到洗劫，穆斯陶费时代差不多成了废墟，但城周边盛产葡萄、粮食、蚕茧、丝绸等^{§§}。穆斯陶费说此城曾是座中型城市，城周长为 4000 步，位于沃野中央^{***}。

除上述主要城市外还有阿因·忽木（ʿAyn-al-Humm）城^{†††}、秃马温（Damāvand）^{‡‡‡}、威麻（Wīmah，或 Vīma）城^{§§§}、沙兰八合（Shalanbah）城^{****}、费临（Firrim，或 Pirrim）城^{††††}、思合麻儿（Sihmār，或 Shihmār，Sāmār）城^{‡‡‡‡}、拿乞儿（Nātil）或拿乞刺（Nātilah）城^{§§§§}、喀必刺（Al-Kabīrah）城、喀贾（Kajjah）城^{*****}、鲁养（Rūyān）城^{†††††}、赛夷答八（Saʿīdābād）城^{‡‡‡‡‡}、密刺（Mīlah）城^{§§§§§}、八儿吉（Barjī）城^{*}、麻木乞儿（Māmṭīr，或 Māmaṭīr）城[†]、拿密

里城，这里居住着他的大臣，并设有各部（Dīvān），叫做联合部（Dīvān-i-Wasl）。”p.69.

*《元史》卷 63《地理志·西北地附录》作“撒里牙”，第 1573 页。

†*The Origins of the Islamic State*,p.559.

‡*History of Tabaristān* ,p.123.

§*History of Tabaristān* ,p.29.

***Tabari*,V33,pp.144,149,157,158,165. Yāqūt.V.3,pp.170-171.

††MUQ,pp.316-317.

‡‡*Hudūd*:p.134.

§§I.H.,p.271,272,275. MUQ,pp.354,359.

****al-Qulūb*,p.157.

†††*Murūj*,1853,Tome.2,p25.

‡‡‡*History of Tabaristān* ,p.29.

§§§*Hudūd*,p.134.

*****Tabari*,V33,p.168. *History of Tabaristān* ,p.28.

††††*Hudūd*,pp.135-136.

‡‡‡‡*Hudūd*,pp.135-136.喀林地区的记述。

§§§§*History of Tabaristān* 提到了拿乞儿城，黑衣大食时期驻防着 500 人的军队。p.123.

*****I.H.,275.MUQ.,p.359.

†††††*Sebeos:The Armenia History attributed to Sebeos* 中鲁养城作罗延（Rōyeān），trans by R. W. Thomson, historical commentary by James Howard-Johnston with Tim Greenwood, Liverpool:Liverpool University Press,voll p.44.

‡‡‡‡‡Yāqūt.,v.3,p.407.

§§§§§*Hudūd*,p.134.

牙 (Nāmiyah, 或 Nāmishah) 城[†]、密合刺万 (Mihrawān) 城[§]、塔密思 (Tamīs), 或塔密萨 (Tamīshah) 城^{**}、沙合刺八 (Shahrābād) 城^{††}、哈里 (Harī)、布达 (Būd) 城^{†††}等。

中世纪历史、地理学家提到了陀拔思单地区很多城堡和城市^{§§}。其中有些城市毁于 13 世纪蒙古西征；有些毁于 14 世纪末帖木儿之手^{***}。

三 陀拔思单与中国的交往

1 陀拔思单与唐之关系陀拔思单在大食历史上既属偏远之地，又是个小国，但与唐王朝保持着良好的关系。唐册封其国，《新唐书·西域传》说：“波斯灭，不肯臣大食。天宝五载（747 年），王忽鲁汗遣使入

*MUQ,pp.372.

[†]*History of Tabaristān* 称麻木乞儿 (Māmūr) 最初叫做“麻·瓦·乞儿 (Mā wa tūr)”，后来讹误为麻木乞儿。马合木·本·哈里 (Muhammad b. Khālid) 任总督时，修建一个市场和其他建筑，在伊斯兰历 160 (公元 776/777 年)，麻匝牙儿·本·喀林 (Māzyār b. Qārin) 曾修了一座清真寺。”p.28.

[‡]*The Origins of the Islamic State*,p.558.

[§]*History of Tabaristān* ,p 123.

^{**}I.H.,p.275.

^{††}*al-Qulūb*,p.157.

^{†††}MUQ,pp.354.

^{§§}陀拔思单地区有关的城市在 *History of Tabaristān* 中有较详细的记述，兹摘录如下：28 座城市，其中陀拔思单平原地区有：“（1）阿模里 (Āmul) 城，（2）娑里 (Sārī) 城，（3）麻木乞儿 (Māmūr) 城，（4）鲁八思 (Rūbast)，（5）阿刺兹木 (Ārazm, B 本作阿拉尔木 Ārarm)，（6）徒里察 (Turīcha) 城，（7）木撒刺 (Muthla) 城，（8）密合刺万 (Mihrawān) 城，（9）麻楚里 (Machūrī, B 本作比俱里 Bījūrī) 城，（10）阿合刺木 (Ahlam) 城，（11）贾鲁思 (Jālūs, B 本作萨鲁思 Sālūs) 城，（12）Mlsrāyk (B 本作 Blsraayk) 城，读音均无法确定，（13）乞思 (Tīs 或，苦思八 Quhsibah, 或 B 本作麻哈思乞牙 Mahastiyah) 城，（14）塔密沙城 (Tamīmsha, 似是正文中的塔密萨 Tamīshah) 城，（15）古儿干 (Gurgān) 城。”山区有：（16）喀拉尔 (Kalār) 城，（17）鲁养 (Rūyān) 城，（18）那麻儿 (Namār) 城，（19）喀俱牙城 (Kajūya)，（20）威麻 (Wīma) 城，（21）沙兰八合 (Shalanba) 城，（22）瓦八 (Wabād, B 本作瓦麻 Wamād) 城，（23）阿卜哈麻 (Abkhama) 城，（24）萨儿麻木 (Sārmām) 城，（25）法临 (Farīm, 似是费临 Firrim) 城，（26）哈匝儿·伽里 (Hazār-garī) 城，（27）秃马温 (Damāwand) 城，（28）刺里建 (Lārjān) 城, pp.28-29。从这一记载可知：1，陀拔思单地区与朱里章地区合并在了一起；2，这部 13 世纪的文献与其他大食文献相比较，对该地区城市的记载有一定的出入，有些城市名称和其他文献的记载无法对应起来，或者有些城市的名称拼写不尽一致，可能的原因就是有些地名发生了变化，或者各文献本身拼写出现了差异。3，实际上这一地区不止这些城市，因在同一书其他地方，尤其在提到了很多地名，其中有些就是城市之名。pp.122-123。

^{***}MUQ,p.367. *al-Qulūb*,p.156. A.Y. v.1,p.349.

朝，封为归信王。后八年，遣子自会罗来朝，拜右武卫员外中郎将，赐紫袍、金鱼，留宿卫。为黑衣大食所灭。”*《册府元龟·外臣部》除了和《新唐书》相同内容外，还保存了新材料。《册府元龟·外臣部》称：唐玄宗天宝三（745）年“闰二月封陀拔萨憚国王为恭化王册曰：维天宝三年岁次甲申闰二月乙未朔二十二日丙辰，皇帝诏曰：於虐王化所及礼在於怀柔蕃部有归义存于册命咨尔陀拔萨憚国王阿鲁施多，志怀恭顺，深达智谋，宾以使臣，修其职责，信义昭著，深可褒称，是用命尔，为恭化王，尔其祇奉，典册懋遵，风教忠勤，自励始终，无违用率，於遐邦以，宣我朝命，可不慎欤。”†《册府元龟·外臣部》记：唐玄宗天宝五载三月“施（陁）拔斯单国王遣使来朝，献马四十匹。”同年“闰十月，陀拔斯单国王忽鲁汗遣使，献千年枣。”‡《册府元龟·外臣部》称：天宝六载“二月封陀拔斯单国王忽鲁汗为归信王。”§

上述文献中提到的阿鲁施多（Khurshīdh）和忽鲁汗（Farrukhān）**，实际为同一人††。《新唐书·西域传》还提到了自会罗之名，而《陀拔思单史（*History of Tabaristān*）》称为 Dazmīhr。这些人物均是达波（Daboe）王朝或岐兰沙（Gīlānshah，或 Jīlānshah），或萨保（Iṣfahbad，或 Ispahbid）王朝的君主。应注意的是唐宋文献提到的人名不完全为其本人，而是其子嗣，这点要在后文略作说明。为了节省篇幅，现根据相关文献和前人研究基础上，现将此王朝王统列如下：

1）忽鲁汗：是达波（Daboe）王朝或岐兰沙（Gīlānshah，或 Jīlānshah）王朝的建立者，是达布亚（Dabya）‡‡之子，号为大忽鲁汗（Dhu'l-Manaqib Farrukhān-i-Buzurg），一般称作萨保·忽鲁汗（Ispahbad Farrukhan），王号为岐兰沙（Jīlānshah），波斯语意为岐兰王。在位时间为 660-676 年，约 17 年；唐高宗显庆四年至仪凤元年。此人征服陀拔思单地区，势力扩大到你沙不耳（Nishapur），由此促进了社会发展，达到了空前繁荣§§。

2）阿鲁施多一世（Khurshīdh I）：忽鲁汗弟，在位于 676-709 年，约 33 年；高宗仪凤元年至中宗景龙二年。

*《新唐书》卷 221《西域传下》，第 6259 页。

†《册府元龟》卷 965《外臣部·封册第三》，北京：中华书局，1960 年影印本，第 11348 页下栏。

‡《册府元龟》卷 971《外臣部·朝贡第四》，第 11412 页上栏。

§《册府元龟》卷 965《外臣部·封册第三》，第 11349 页上栏。

**此问题笔者检阅相关研究资料时，发现西方学者早已注意到了，只是没有详细考订。相关成果见 A.Remusat: Nouveaux mélanges asiatiques, Paris:Schubart et Heideloff,1929,V1,p.254, 又见 *EI*,V5,p.69.

††*History of Tabaristān*,pp.99-109.

‡‡*EI*.V2,p74.

§§*History of Tabaristān*,p.109.

3) 萨保 (Ispahbadh)·忽鲁汗 (Farrukhān) : 忽鲁汗·达波子, 在位于 709-722 年*, 共 13 年; 中宗景龙二年至玄宗开元九年。其在位之时, 白衣大食兵攻陀拔思单, 塔巴里记述战争过程, 其与大食签订了停战协定†。巴拉祖里称后与大食立盟, 贡纳银 400 万迪尔汗, 以金 70 万迪尔汗, 400 驮蕃红花, 征税男 400, 每人一盾、波斯弩、银杯和丝鞍垫‡。塔巴里也记载了这一事件§。

4) 自会罗 (Dadhburzmihr, Dadhmihr) : 萨保 (Ispahbadh)·忽鲁汗子, 在位于 722-734 年, 共 12 年; 玄宗开元九年至开元十九年。《册府元龟·外臣部》记曰天宝“十四载三月丁卯, 陀拔国遣其王子自会罗来朝, 授右武卫员外中郎将, 赐紫袍、金带、鱼袋七事, 放还藩。”**

5) 萨罗 (Saruya, Saroe) : 自会罗弟, 在位于 734 年, 就位数月; 开元十九年。

6) 阿鲁施多二世 (Khurshīdh II) ††: 自会罗子, 在位于 734-759 年‡‡, 共 25 年; 开元十九年至肃宗乾元二年。此王朝为大食所灭§§。

稍加注意就会发现尽管大食文献和汉文史料所记事件、人名可对接, 但和时间上有出入, 其根结在于父子联名制之故。就大食或波斯姓氏制度而言, 一般将本名放于前, 姓氏放置于后, 于是就出现了与中国姓氏恰好相反的情形。这样中国文献中记载人名往往实际是其祖父、曾祖父之名, 而非全是本名。由此可知我国文献出现的阿鲁施多、忽鲁汗、自会罗等本人或其先祖, 根据时间和文献记载做出判定, 由此两种文献相衔接, 也就起到互证的作用。

此外, 我国文献对陀拔思单国所在的位置、道里亦有记载, 《唐会要·杂录》称: “在疏勒西南二万五千里; 东至渤达国一月程; 南至罗刹支国十五日程; 北至海两月程。”*** 也就是在今喀什 (疏勒) 相距 2 万 5 千里, 大致应在 1 万公里, 看来此里程应是准确的。需要说明的是《唐

* Ispahbadh, 此为《隋书》卷 27、28 卷《百官志》萨甫、萨保, 第 756 页, 第 790 页。

† al-Tabarī: V24, pp.42-47; pp.52-56.

‡ *The Origins of the Islamic State*. p.562.

§ al-Tabarī: V24, p.46.

** 《册府元龟》卷 975 《外臣部·褒异第三》, 第 11459 页上栏。

†† *EIKhurshīdh* 条中对有两个 Khurshīdh 的说法提出猛烈批判, V5, pp.68-70.

‡‡ 马夸特根据钱币材料说: 阿鲁施多二世 (Khurshīdh II) 在位到 764 年. Dr. J. Marquart: *Éranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorena-c'i*, Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901, pp.132-133.

§§ 此世系是根据 *EI*, V2, p.74; *History of Tabaristān*, 以及中国文献记载制成的, 但具体王统很模糊, 有待于进一步考证。 *History of Tabaristān* 称歧兰沙 (Jilānshah) 王朝共存续了 119 年, p.122.

*** 《唐会要》卷 100 《杂录》, 第 1777 页。

会要·杂录》所称“北至海（里海）两月程”之说，显然有误，应是“二日”的笔误，因陀拔思单就在里海沿岸，无需两月之程。

我国文献*与大食文献均记载萨珊波斯失国于 650 年。尽管如此，但大食并未很快征服地理偏远，形势复杂的陀拔思单之地，因此“不肯臣大食”，且此萨珊波斯遗族长期盘踞于此。[†]9 世纪，黑衣大食马门之时，彻底将其降服，而后成为塔西儿（Tāhir）王朝封地。该朝衰落后，又成了萨曼王朝名誉控制地。

2 里海南岸与宋元交往

宋代史料提供了与里海南岸交流的信息，有来自陀婆离、或陀婆黎人员。《宋史》卷 20《神宗本纪》载：六年秋七月“丙午，大食陀婆离来贡。”[‡]。《宋史》卷 490《大食传》记：咸平“三年，舶主陀婆离遣使穆吉鼻来贡。吉鼻还，赐陀婆离诏书并器服鞍马。”“天禧三年，遣使蒲麻勿陀婆离、副使蒲加心等来贡。”“其国部属各异名，故有勿巡，有陀婆离，有俞卢和地，有麻啰跋等国，然皆冠以大食。”[§]《宋史》卷 204《艺文志》载：《诸蕃进贡令式》十六卷，其中有“大食陀婆离一”^{**}。此处所称陀婆离、或陀婆黎皆为“Tabarī”之音，即为陀婆之人，这是大食人的习惯，常将自身出生地附于名后，以示其籍，也即唐代文献之陀拔思单。宋代碑刻记提到里海西岸的亚美尼亚哈拉提（Khalat）、里海东南岸的贾杰鲁姆（Jajarm）人来到泉州^{††}。

元代，里海南岸及其附近之地人多到中国。泉州出土的阿拉伯文碑记有设拉子人、布哈拉人、花刺子模人、纳萨（Nasa）、伊斯法罕（亦思法杭）人、哈马丹人、贾杰鲁姆人、吉兰（岐兰）人^{‡‡}、大不里士（桃里寺）人^{§§}，即《宋史》之陀婆离慈*。这些祖籍地人恰好反映了后文要讨论的呼罗珊大道网络体系之内，并与中国联系起来。

*《册府元龟》卷 1000 卷《外臣部·强盛》载：“大食国以高宗龙朔中击破波斯。”第 11733 页下栏。

[†]*The Lands*, P.368.

[‡]《宋史》卷 20《神宗本纪》，北京：中华书局，1977 年标点本，第 284 页。

[§]《宋史》卷 490《大食传》，第 14120，第 14121 页。

^{**}《宋史》卷 204《大食传》，第 5137 页。

^{††}福建省泉州海外交通史博物馆编：《泉州伊斯兰教石刻》图 30、31，福州 银川：宁夏人民出版社 福建人民出版社，1984 年，第 15 页。

^{‡‡}《泉州伊斯兰教石刻》，图 7，第 3 页；图 37—1.2，第 17 页；图 47，第 21 页；图 48，第 22 页，图 151，第 44；图 54，第 23 页；图 62，第 26 页；图 87，第 31 页；图 88，第 32 页。

^{§§}《元史》卷 122《俺木海》载：“癸丑，从宗王旭烈兀征刺里西番、斜巨山、桃里寺、河西诸部，悉下之。”，第 3010 页。《泉州伊斯兰教石刻》，图 57，图 60，第 25，24 页。

前文所说，陀拔思单地区历史上有时包括了朱里章地区。同时，陀拔思单和杓咱答儿差不多是等同的，但起初前一名称主要指高海拔的山区；后一名称则仅指低海拔的狭长地带。而行政上有时归于呼罗珊总督管辖[†]。

小结：伊朗尽管和我们相距遥远，但文献中对两国往来多有记载，有些较为准确，有些比较模糊，这恰好反映了历史交往中的本来面目，也是那个时期交通艰险的具体反映。今天我们站在历史的门槛上，回望起来有很多惊人的相似：一方面我们彼此想热切地进行交往，另一方面又是那样的模糊，好像是传说。今天情势又发生了改变，迎来了丝绸之路新时代，那条曾经的道路变成了通途，再现历史的辉煌。通过此文可以了解历史上的交往。

УДК 339.92

郝明东

布里亚特国立大学, 乌兰乌德市

俄罗斯远东地区中俄合作的机遇和发展

摘要：俄罗斯远东发展区给中俄合作带来的新机遇主要表现在俄远东发展战略和中国“一带一路”战略高度相容。中俄深化合作需要确立互利共赢的理念，政府实质推动和企业自律等条件的完善，并且要解决一系列制约因素，比如远东地区常年冻土，气候酷寒，交通不便，中国劳动力成本提高，劳动生产效率低下等。

关键词：中俄合作，远东地区，发展，经贸领域，资源领域，政府推动，跨国企业。

Hao Mingdong

Buryat State University, Ulan-Ude

OPPORTUNITIES AND DEVELOPMENT OF SINO-RUSSIAN COOPERATION IN RUSSIAN FAR EAST

Abstract. The new opportunities brought by the Russian Far East Development Zone to Sino-Russian cooperation are mainly reflected in the fact that the Russian Far East Development Strategy is highly compatible with China's "One Belt, One Road" strategy. Sino-Russian deepening cooperation needs to establish the concept of mutual benefit and win-win, the government's substantive promotion and enterprise self-discipline and other conditions, and to solve a series of constraints, such as the permafrost in the Far East, the climate is cold, the transportation is inconvenient, the labor cost in China is improved, labor Low production efficiency, etc.

* 《宋史》卷 490《大食传》载：“熙宁中，其使辛押陀罗乞统察蕃长司公事，诏广州裁度。又进钱银助修广州城，不许。六年，都蕃首保顺郎将蒲陀婆离慈（Abu Tabrizi）表令男麻勿奉贡物，乞以自代，而求为将军，诏但授麻勿郎将。”第 14121 页。此处蒲陀婆离慈为 Abu Tabrizi，是大不里士人，位于里海西南。

[†] *The Origins of the Islamic State*, pp.565.566.

Keywords: Sino-Russian cooperation, Far East, development, economic and trade field, resource field, government promotion.

近年来由于中国的崛起，国际格局发生了重大变化。为实现俄罗斯重新崛起，普京主导形成了构筑欧亚联盟，融入欧洲和东进亚太的三大战略布局。从俄罗斯的外交政策顺序可以得知，欧美国家一直优先于亚太地区，但俄罗斯要是想和欧洲国家建立紧密的联系，就需要在亚太地区拓展合作领域，建立共同的利益基础。俄罗斯远东地区发展的规划就是俄罗斯借助中国加速远东地区的发展，寻求经济长远发展而拓展亚太利益空间的举措。在俄罗斯远东发展的实施中，对中国而言也意味着新的机遇，但同时也面临着许多挑战。

一、中俄合作的新机遇

2009 年底，俄罗斯总理普京签署第 2094 号俄罗斯联邦政府令，批准俄联邦《2015 年前远东和贝加尔地区经济社会发展战略》，将远东和贝加尔地区纳入国家长期发展战略。在 2014 年底，普京签署《俄联邦社会经济发展区联邦法》，计划在远东建设 14 个超前发展区，其中包括 3 个海港，2 个物流枢纽，3 个农工集群，2 个化工集群，1 个飞机制造中心，1 个建设生产基地，1 个钻石首饰制造基地、1 个科研教育中心。以立法的形式推动战略的实施，俄罗斯远东地区的发展的成功与否关系到国家的前途命运[朱显平，刘峰，2014]。根据《远东区域法》的规定，该法律实施的前三年在远东地区，三年之后，可以适用在俄罗斯其他联邦主体，这意味着远东开发对全俄罗斯具有试验和引导的作用。俄罗斯加快发展远东地区给中俄双方带来重要的合作机遇，主要原因在于，中国在同一时期发布了“一带一路”发展战略，双方有共同的发展目标和需求。

俄罗斯远东发展战略和中国“一带一路”战略高度一致，俄罗斯远东发展战略目标是在 2011-2025 年间，远东和贝加尔地区通过实施“加速战略”，使该地区各联邦主体的 GDP 增长速度超过全俄平均增速 0.5 个百分点，来推动相关联邦主体，创造生活较舒适，经济较为发达的发展环境，使该地区经济社会发展达到全俄平均水平，使远东和贝加尔地区深度融入到世界发展的变化当中，巩固俄罗斯在世界经济中的地位[罗会钧，戴薇薇，2018]。这个战略的发布标志着俄罗斯战略方向的变化。在 2014 年 3 月，普京支持的《作为国家优先发展方向的互联互通的欧亚基础设施体系》的报告中指出了“跨欧亚发展带”的战略构想，这一构想的核心内容是大规模兴建横贯欧亚的大通道，特别是进行远东地区的交通等基础设施建设。2013 年习近平提出“一带一路”战略，随后在 2014 年启动服务于“一带一路”战略的亚投行建设[高际香，2011]。这一战略的总体目标是实现沿线各国以政策沟通、设施联通、贸易畅通、民心相通为主要内容的互联互通，促使沿线各国市场要素自由流动，实现政策协

调，开展更高水平，更深层次的区域合作；共同打造开放，普惠，均衡，包容的区域经济合作架构，打造命运共同体。尤其是 2014 年 8 月国务院又发布了若干振兴东北的重大政策举措，要求抓紧实施一批重大政策举措，巩固扩大东北地区振兴发展成果、努力破解发展难题，推动东北经济增效发展。

东北地区与俄罗斯远东地区有过经济合作，政治互助的基础，边境贸易的繁荣促进了哈尔滨，满洲里，黑河等一批城市的发展。近几年，随着东北经济的衰落，俄罗斯远东发展的限制，双方的合作有所减少，产业结构转型困难，造成了发展窘境。国家大力提倡中国优质企业走出去，一大批在工程设备，电力、冶金、建材、资源、能源加工等方面的优质产能企业正在“走出去”，寻求新的市场，这为两国产能合作提供了难得机遇。中国可以在修建高速铁路，公路、桥梁以及和平利用核能等方面发挥自身优势，俄罗斯可以在共同研究远程宽体客机上发挥其发动机的优势，两国可以共同提升两国石油天然气管道建设，在航空航天领域联合研究生产，共享知识产权。目前在贝加尔湖地区，中国企业开发贝加尔湖，通过搭建天然气和水管道，给中国东北及华北地区解决水资源紧缺的问题。此外还有正在启动的贝阿铁路，西伯利亚大铁路现代化改造等项目，开发北极和东西伯利亚新油气田，建设东线天然气管道和东西伯利亚-太平洋石油运输管道，兴建远东石油天然气产业集群，建设阿穆尔州别洛格尔斯克的天然气加工产业等，不仅可以获得亚投行的资金支持，也给中国企业的参与带来了机遇。不仅促进双方边境贸易的发展，充分拉动就业，为中俄深度合作助力。

二、俄罗斯远东开发的初步成果

中国自古以来是农业大国，在农业方面，中国的农业开发技术和人力资源都是俄罗斯远东地区开发所急需的，中国每年从国外进口大量蔬菜，粮食，奶制品，随着远东地区土地的开发和利用，牛羊产业聚居群的拓展，大量农作物被种植，利用，中国可获得远东地区优质农产品的可持续供应，实现两国发展经济发展双赢局面。除种植农作物之外，一些东北企业已经开始租赁远东地区土地，开展农业项目经营，俄罗斯远东地区为中俄之间的大项目合作开启绿灯，包括土地出租和经营，并给投资商提供最大限度的优惠条件。在政治合作方面，两国签署了《中俄进一步深化平等互信的中俄全面战略协作伙伴关系的联合声明》，在 2013，2014 短短两年期间普京和习近平会面多达 12 次，在 2015 年的会面中，两人同时强调，坚定不移发展中俄全面战略协作伙伴关系，扩大全方位，多层次，宽领域的合作。不仅在农业，更在金融，投资，能源，航天，科技，制造业等领域进行合作。

两国将制定好丝绸之路经济带建设和欧亚经济联盟建设对接合作的长期规划纲要，落实好合作项目，加强双方在联合国等国际和地区组织

中的协调配合。在这种背景之下，2014年中俄两国签署总额约4000亿美元、期限长达30年的供气协议，结束两国历时10年之久的天然气供应谈判。此外，中俄两国领导人在2014年APEC会议期间，签署中俄西线天然气项目的合作框架。并且在同一年，双方签署了卫星导航合作谅解备忘录，决定合作构建北京-莫斯科的欧亚高速运输走廊，优先实施全长770公里的莫斯科-喀山高铁项目。中俄之间以“合作取代对抗，以共赢取代零和”为标准，建立了合作共赢，相互尊重，不冲突的新型大国关系。这种新型大国关系在国际上也是值得学习和参照的。中俄两国作为命运共同体，不仅能够有力推动两国经济社会的持续发展，也促进世界的和平和稳定。

三、中俄开发面临的主要困难

在中俄合作开发远东西伯利亚地区的愿景上，有一系列障碍和制约因素。交通和网络问题首当其冲，虽然远东和贝加尔地区的面积占俄罗斯总面积的45%，但是铁路运营里程进展全俄的13%，公路占8%，公里铁路运营网密度低，并且很多现有公路倒塌，凹陷，没有维护和更新。交通设施，车辆，道路的陈旧，磨损量高达70%，造成道路运输安全隐患，多式联动发展水平低下，难以形成有效的物流系统，影响俄连接亚太国家和欧洲的过境运输能力。交通对经济发展有着重要的推动作用，因此，要推动远东西伯利亚的开发，必须改善交通情况。

此外，人才也是制约发展的一大要素，在我国东北地区，人才流失严重，远东地区也是类似的情况，尽管俄罗斯政府颁布了幅度较大的税收优惠措施，但从全局来看，减税不是主要的，最主要要吸引管理人才和大量的务工人员。从上个世纪90年代开始，远东地区大量人口向外迁徙，人口数量持续减少，下降速度超过全俄平均下降速度，在21世纪初，远东联邦人口减少150万，贝加尔地区流失人口60万[姜毅, 2017]。一些在苏联时期繁荣的村庄已经人去楼空，只留下一座破旧的城镇，这样的情况持续10年之后，城市与城市之间的差距越来越大，广袤的黑土地被抛荒闲置。显然，目前要真正进行规模开发需要大量的外来劳工，但是在俄罗斯政府和民间的眼中，远东地区中国人口的迅速增加，又对当地进行了安全危险，是一道难以逾越的心理障碍。所以，中国投资者和中国移民很难大量在远东地区工作和生活。在2008年金融危机之后，大量在俄罗斯远东地区中小企业倒闭，破产，卢布贬值，外来劳工纷纷离开俄罗斯，返回中国，只剩下木材，加工等几个产业领域，有少量中国劳工。这些劳动力的流失，使得中俄双方合作难以深入，俄罗斯居民的排外心理也占了一部分原因。除了上述几个原因之外，远东地区存在比较严重的官僚主义问题，歧视商人，行政效率低下，这些对深化中俄合作来说都是刻不容缓的。

四、远东发展合作的推动力

中俄合作重点在经贸领域。现阶段，中俄经贸远东发去区给中俄合作带来了新的机遇和挑战，双方合作的质量和水平同两国战略合作伙伴关系的要求还不相适应，与两国现在的经济和社会发展水平不符合。中俄两国经贸合作的潜力还远远没有发挥出来，为了充分发展两国在中俄各领域的协调合作，还要在以下几个方面进行完善。

首先，政府推动是国家间经济合作体制的保障，中俄经济贸易关系长期滞后于政治关系，两国目前都处在向市场经济过渡的过程中，市场经济体制不发达，不完善，因为更需要政府发挥作用。以往区域间合作的经验告诉我们，如果仅仅依靠市场来调动人才，资金，资源等要素，会发生意外的情况，结果并不理想，凡是成功的国际合作案例表明，即使在发达国家之间进行合作，也需要政府的推动。与上个世纪相比，21世纪初的世界经济和国际政治环境发生了巨大变化，使得中俄两国政府开始重新在政府层面认识中俄经贸关系。中俄双方应该继续共同努力，相互信任，尊重的原则来创造公平的法治环境，通畅两国开发道路，为双方商品，投资和服务进入本国市场提供有力支持。同时完善双边协调机制，保持渠道畅通，及时解决经贸交往中出现的问题，确保双方经济平稳健康的发展。

其次，坚持中俄双方互利共赢的基础，几十年来，中俄在政治，外交方面确立了平等的合作关系，但是在其他领域，进展并不明显，存在强调单方面利益的情况，合作难以进行。所以，如果进行中俄深入发展，必须取得中俄双方信任，互有得失，遵循互利双赢的原则，在教育，经济，科技等方面才可以找到更多的利益交汇点。

最后，跨国公司，企业是中俄两方合作的主要载体。但是，目前存在比较大的问题在于中俄双向投资规模小，缺乏大项目的支撑，经济发展没有可持续性，贸易额达到一定程度不会再有突破，在西伯利亚，远东地区投资的中国企业多数是小微企业，没有大量资金和人才，合作的领域也较为狭窄，集中在传统衣食住行领域之中。投资公司的主体素质不高，不尊重远东当地的实际情况，存在开发乱局，对中俄合作进一步发展产生了恶劣影响，当地居民也会产生抗拒心理，这些都违背中俄双方合作共赢的愿景。这些年来，中俄两国领导人每次会晤都会提到促进投资的问题，而投资的主体正是企业，跨国公司。中国企业跨国投资意识不强，缺乏专业管理人才。因此，未来中俄发展的主要趋势来看，加强相互投资尤其中国大型企业，公司是今后拉动中俄贸易快速增长的重要推动力，也是对俄产生吸引力，加强两国经济纽带的重要条件。

振兴东北，加快与俄罗斯共同开发西伯利亚远东地区，为中国企业家提供了发展的重要机遇，但机遇也意味着挑战和要求，中国企业家应该认识到秩序规范化的标准，加快体制创新，树立法制观念。

参考文献

- 朱显平, 刘峰等. 俄罗斯面向亚太的东部能源开发战略及中俄合作研究 [J]. 吉林大学社会科学学报, 2014 年 04 期.
- 高际香. 俄罗斯《2025 年前远东和贝加尔地区经济社会发展战略》解读 [J]. 俄罗斯中亚东欧市场, 2011 年 1 月.
- 姜毅. 《以中俄合作促进东北新一轮改革和调整》 [J]. 西伯利亚研究. 2017 年 05 期.
- 从分歧到契合: “一带一路”下俄罗斯的战略调整与选择 [EB/OL], 2015 年 7 月.
- 罗会钧, 戴薇薇. “一带一路”背景下中俄合作的动力、风险与前景 [J]. 中南大学学报 (社会科学版) 2018 年 01 期.

УДК 372.881.111.1

Н. Ю. Хлызова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: ВЗГЛЯД АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. Изучается роль медиаобразования и медиаграмотности в процессе формирования критического мышления личности в исследованиях США. Критическое мышление исследуется как компонент медиаграмотности личности. Приведены и изучены работы выдающихся медиапедагогов, выявлена и подтверждена эффективность формирования критического мышления в ходе медиаобразовательных занятий, проводимых в американских учебных заведениях на разных этапах обучения.

Ключевые слова: критическое мышление, медиаграмотность, медиаобразование, медиа, средства массовой информации, США.

N. Khlyzova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE EFFECTIVENESS OF MEDIA EDUCATION TO DEVELOP CRITICAL THINKING: AMERICAN RESEARCHES

Abstract. The article deals with media education and media literacy, their potential to develop critical thinking of the personality given by American researches. It studies critical thinking as a part of media literacy of a person. It describes the works done by outstanding media teachers. It studies and analyzes the effectiveness to develop critical thinking at media literacy training in American school and universities.

Keywords: critical thinking; media literacy; media education; media; mass media; USA.

На сегодняшний день нет сомнений в необходимости формирования новых компетенций личности, позволяющих ей полноценно функционировать в современном информационном обществе. Одной из актуальных компетенций является медиаграмотность, предполагающая систему специальных знаний и умений для взаимодействия с информационным потоком: находить, отбирать, воспринимать и оценивать инфор-

мацию, критически её осмысливать, уметь противостоять её манипулятивному влиянию.

Критическое мышление является значимым компонентом медиаграмотности личности, поскольку представляет собой умение осмысливать и оценивать получаемую информацию, основываясь на собственные суждения.

Вопросами формирования и развития медиаграмотности занимается отдельная научная отрасль – медиаобразование.

В американском медиаобразовании отмечается терминологический разнобой. Рени Хоббс говорит о медиаобразовании в США как о «ребенке с тысячей имен» [Hobbs, 2007, с. 459]. Американские ученые по-разному определяют понятие медиаобразования, его цель, расставляют разные приоритеты в процессе его формирования. Разные термины используются для определения одних и тех же компетенций. Наиболее распространённым термином в этой области является понятие медиаграмотности (*media literacy*), которая рассматривается как цель медиаобразования. Существует ряд его определений, анализ которых показывает, что в большинстве случаев это: «способность декодировать, воспринимать, анализировать, критически оценивать информацию и осуществлять коммуникацию в разнообразных формах» [Aufderheide, Firestone, 1993; Carnegie Council on Adolescent Development, 1992; Chen, 2007; Hobbs, Frost, 2001].

Распространение средств массовой коммуникации (СМК) в США дает импульс для развития медиаобразования, медиаграмотности и критического мышления американских граждан. В новых условиях расширяется понятийный аппарат, появляется терминологическая полисемия, нарушается такое свойство термина как однозначность. Так, термин «медиа» имеет несколько значений: 1) сообщения, распространённые на массовые аудитории; 2) средства массовой коммуникации, такие как: телевидение, радио, пресса, реклама, веб-сайт, блог, социальные сети и т. д.; 3) содержание медиасообщений [Ward-Barnes, 2010, с. 37].

Нет единого взгляда на оценку эффективности формирования медиаграмотности и ее составляющих, таких, например, как, критическое мышление. Одним из способов выявить и оценить уровень сформированности является тестирование. Разработаны различные показатели, критерии, уровни сформированности. Но данный способ очень стандартизирован и не всегда может выявить уровень критического мышления личности [Considine, 2002, с. 9]. Отсутствует возможность оценки уровня вовлеченности личности в медиaprостранство. Для эффективного тестирования необходимо проведение нескольких замеров и объективный анализ результатов.

Более рациональным вариантом признано комбинированное тестирование, которое включает в себя:

- 1) стандартизованный тест, направленный на выявление предполагаемых промежуточных медиазнаний, медиаумений, медиаотношений;
- 2) выявление уровня критического мышления;
- 3) мониторинг медиаграмотности личности по критериям Национальной ассоциации связи США (NCA) [Ward-Barnes, 2010, с. 141].

По мнению американских исследователей, такое всестороннее оценивание сформированности медиаграмотности личности проводится с целью обеспечения контроля необходимых знаний и умений личности и выявления возможности медиаобразования снизить отрицательное влияние медиа на личность.

Медиаобразовательные программы США направлены на формирование медиаграмотности личности и призваны помочь ей существовать в информационном потоке. Возникает вопрос об их эффективности.

По словам Эвы Ворд-Барнес, медиаобразование нацелено не только на снижение рисков отрицательного влияния медиа на личность, у медиаобразования есть большой образовательный потенциал. Прежде всего, это формирование технических и творческих умений, которые также должны выявляться и оцениваться для определения эффективности медиаграмотности [Ward-Barnes, 2010, с. 41].

Оценивание эффективности формирования медиаграмотности происходит в соответствии с возрастом учащегося, сроком реализации медиаобразовательной программы и с учетом на поведенческие риски [Austin, 1997, с. 340].

Часто медиа транслируют негативные шаблоны поведения, такие как неправильное питание, употребление алкоголя, курение, промискуитет, насилие, и пропагандируют их в обществе.

Многочисленные исследования выявили распространенность таких тенденций, как нездоровый образ жизни, привычки неправильного питания и низкая самооценка у детей. Под воздействием медиа большинство подростков (особенно женского пола) ориентируются на нездоровую худобу, подвергаются депрессии и низкой самооценке. Результатом в ряде случаев становится анорексия и булимия [Watson, 2007; Wilksch, 2009].

Исследователи С. М. Вилкш и т. д. Вейд проводили эксперимент в течение двух с половиной лет по медиаобразовательной программе, направленной на борьбу с негативными образами, транслируемыми медиа: необходимость диеты, красивая фигура, низкий вес. В исследовании приняли участие 540 учеников и учениц восьмого класса. По окончании испытания результаты показали снижение интереса респондентов к стандартным пропорциям тела, отсутствие у них депрессии [Wilksch, 2009, с. 652–661].

Еще одним распространённым поведенческим риском, связанным с медиа, является употребление алкоголя.

По мнению американских медиаисследователей, медиаинформация имеет большое влияние на мышление ребенка и его систему ценностей.

Медиаграмотность, критическое мышление помогает личности противостоять отрицательным моделям поведения в реальной жизни [Wilksch, 2006, с. 660].

В эксперименте, проведенном медиапедагогами Е. В. Остином и К. К. Джонсоном, эффективность сформированности медиаграмотности личности оценивалась в соответствии с пониманием истинной цели и снижением восприятия действительности в СМК. Медиаобразовательные занятия способствовали повышению уровня выявленности истинной цели и должного восприятия действительности в СМК. Испытуемые экспериментальной группы, которую составили учащиеся со сформированной медиаграмотностью, менее подвержены пропаганде алкоголя в СМК и подражанию моделям поведения, в отличие от учащихся из контрольной группы [Austin, 1997, с. 323–349].

Таким образом, медиаобразование и формирование медиаграмотности, критического мышления личности способствует снижению поведенческих рисков учащихся.

Промискуитет, беспорядочные половые связи, незащищенный секс среди молодежи является результатом их популяризации медиа. По статистике, в США самый высокий процент подростковой беременности в Западном полушарии. Результаты многочисленных исследований [Austin, 1997; Fitzgerald, 1999; Chen, 2007; Pinkleton, 2008 и др.] свидетельствуют, что медиа являются основным источником сексуальной информации для молодежи. Некоторые исследователи указывают на непосредственную связь этих двух фактов [Pinkleton, 2008, с. 469].

Медиаобразование нацелено на улучшение ситуации. Для оценки его эффективности было проведено исследование, в котором приняло участие 532 учащихся средней школы. Медиаобразовательная программа предполагала пятнадцать занятий, направленных на коррекцию восприятия школьниками сексуальных моделей, транслируемых медиа. Результаты, полученные по завершении цикла занятий, показали, что учащиеся экспериментальной группы менее подвержены желанию подражать половой активности подростков с экрана, не имеют намерения к промискуитету. В целом формирование медиаграмотности учащихся оказало положительное влияние на восприятие сексуальных моделей, транслируемых СМК [Ward-Barnes, 2010, с.38].

К поведенческим рискам, вызванным СМК, относится насилие и агрессивное поведение.

Часто медиа транслируют насилие как приемлемое и даже эффективное средство, производя положительное и желательное впечатление от него [Trend, 2007, с. 10], в то время как эффект насилия, пропагандируемого СМК, сложно измерить.

Американские исследователи [Cantor, 2002; Centerwall, 1992; Cornstock, 1981] отмечают связь между экраным насилием и ростом

агрессии в обществе. С другой стороны, некоторые ученые полагают, что модель насилия в медиа не вызывает агрессивного поведения зрителя, но способствует проявлению беспокойства и страха [Trend, 2007, с. 150].

В то же время большое количество экспериментов указывает на связь насилия, транслируемого СМК, и агрессивного поведения личности. Так, в ходе двухлетнего исследования была проверена корреляция между взаимодействием с медиа и агрессией личности. 169 учащихся начальной школы взаимодействовали с медиапродукцией, содержащей насильственные действия. Программа состояла из двух блоков. Первый блок был интерактивным и учил школьников не подражать экранному насилию. Участники эксперимента искали оправдания потенциально отрицательным аспектам экранного насилия.

Второй блок предполагал привлечение ребят к созданию фильма, нацеленного на обучение других детей вредному воздействию экранного насилия. Выявленные результаты свидетельствовали о более высокой эффективности второго блока в противостоянии медиа. Участники исследования показали низкую вероятность подражания экранному насилию, сформированная медиаграмотность, критическое мышление личности значительно снизили склонность к агрессии в поведении. Учащиеся контрольной группы, не обучающиеся по медиаобразовательной программе, выражали желание воспроизвести увиденное насилие.

Данное исследование доказало непосредственную связь экранного насилия и агрессивного поведения личности; эффективность даже фрагментальных медиаобразовательных программ; более высокую эффективность продолжительных программ и интерактивных форм [Huesmann, 1983, с. 906].

Медиаобразование, медиаграмотность, критическое мышление личности способствуют минимизации поведенческих рисков, транслируемых медиа.

Медиаобразование направлено на снижение установочных рисков, таких как потребительская активность, сексизм и расизм. Медиаграмотность личности способствует выявлению и критическому анализу содержания медиапродуктов, в том числе рекламных сообщений.

Изначально медиаграмотность американского гражданина была нацелена на формирование умений личности выявлять и анализировать рекламные объявления. Исследования показали, что аудитория, особенно дети в возрасте 5–8 лет, обладали низким уровнем умения оценивать содержание рекламы и были подвержены её влиянию [John, 1999, с. 186].

С появлением скрытой рекламы ребенку стало сложнее выявлять рекламное сообщение, а также оценивать его и критически осмысливать [Greenfield, 2004, с. 751].

Любая реклама направлена на развитие и пропаганду потребительской активности в соответствии со своей целью, заключающейся в уве-

личении продажи продукта или услуги. Задачи личности – выявить, оценить и критически проанализировать содержание рекламы. В рамках медиаобразования формируются необходимые знания и умения [Hoffmann, 2000, с. 221].

Ниже рассмотрены исследования американских медиапедагогов, посвященные изучению влияния традиционной рекламы и скрытой её формы на личность.

В одном из экспериментов студентам бакалавриата был показан медиаобразовательный фильм продолжительностью 60 минут. Фильм иллюстрировал типовую рекламу, анализ её контента и арсенал средств воздействия на потребителя. После просмотра студенты показали более высокий уровень восприятия рекламной продукции и такой же высокий уровень критической оценки в отношении рекламы [Ford, 1999, с. 77–87].

В похожем исследовании 145 американских студентов колледжа были вовлечены в медиаобразовательные тренинги, направленные на работу с рекламой. В ходе просмотра рекламной продукции студентам предлагалось ответить на вопросы типа: кто создатель рекламного сообщения? какова цель создания рекламного сообщения? какие методы воздействия использованы при создании рекламного сообщения?

По результатам исследования были выявлены гендерные различия восприятия рекламы. Студенты женского пола более активно анализировали рекламную продукцию, их уровень критического анализа был выше, чем у участников мужского пола. Участницы отметили все основные методы воздействия на зрителя [Reichert, 2007, с. 81–92].

Медиаобразовательные тренинги широко используются в американских начальных школах. Их главная цель состоит в формировании у учащихся умения выявлять и критически оценивать рекламную продукцию. Просмотр рекламной продукции сопровождается анализом целей создателя и заказчика.

Медиаисследователи выделяют в особый тип рекламной продукции промоигры (advergames), которые являются рекламой или содержат рекламный компонент. Например, компания Post Cereal разработала промоигру для детей о своей продукции.

Для 138 четвероклассников было проведено медиазанятие, направленное на формирование умения обнаруживать рекламу в развлекательной деятельности, критически её анализировать и выявлять её мотивы. Ученикам рассказали про механизмы работы рекламы и их закономерностях, по итогам занятия количество учащихся, способных выявлять рекламу и её мотивы, значительно выросло. По результатам подобных исследований медиаобразование в США признано эффективным способом формирования критического мышления личности как школьника, так и студента с целью защиты их от манипулятивного влияния рекламы.

По мнению М. Феюрштайн, в дополнение к идентификации и пониманию рекламной продукции, её мотивов, скрытых и явных, критическое мышление также способствует восприятию потенциальных проблем общества, составлению собственного суждения. Медиаобразование дает студентам возможность взаимодействия с медиаинформацией, умение ориентироваться в ней, понимать методы воздействия, мотивы, умение анализировать и делать собственные умозаключения. Не зря критическое мышление рассматривается как “мышление о мышлении”, или метапознание [Feuerstein, 1999, с. 43]. Это ценный инструмент, направленный на снижение поведенческих рисков, связанных с отрицательными моделями поведения в медиа.

Ряд научных исследований, по вопросам медиаобразования посвящены оценке эффективности целенаправленного обучения критическому мышлению.

Г. Хоффман провел трехлетний эксперимент, в котором приняли участие 300 детей в возрасте от 5 до 15 лет. Целью данного эксперимента выступало формирование критического мышления через медиаобразовательные занятия. Результаты опроса, беседы, контрольных замеров и др. показали, что с ростом уровня медиаграмотности личности увеличивается уровень критического мышления. Г. Хоффман доказал, что медиаобразование имеет положительное влияние на процессы формирования критического мышления учащихся при взаимодействии с медиатекстами разных жанров [Hoffmann, 1999, с. 165–172].

В том же, 1999, году М. Феюрштайн провела подобное исследование со школьниками в возрасте от 10 до 12 лет, целью которого была проверка эффективности медиаграмотности личности в процессе формирования критического мышления. 273 участника прошли данный медиаобразовательный курс в течение пяти недель. Периодичность занятий составила два часа в неделю. Занятия проводились на базе шести муниципальных школ. Учащиеся анализировали медиатекст, критически его оценивали, составляли собственное суждение. В конце курса тестирование учащихся выявило рост уровня их критического мышления, увеличение навыков анализа и оценки медиатекста. Таким образом, ученые подтвердили эффективность медиаграмотности в процессе формирования критического мышления [Feuerstein, 1999, с. 43–54].

Исследователи С. Ливингстоун и Е. Хелспер в 2006 г. установили, что в процессе взросления личность ребенка легче и быстрее поддается медиаобразованию, формированию критического мышления [Livingstone, 2006, с. 560–584].

Направленные на формирование критического мышления занятия являются эффективными для учеников начальной школы, хотя их результативность в учебной программе средней школы, выпускных классов, колледжей и университетов выше. Это объясняется более частыми

контактами этого контингента со средствами медиа, использованием медиаинформации. Умение личности ориентироваться в информационном пространстве, уровень медиаграмотности способствуют более эффективному и быстрому формированию критического мышления.

Итак, анализ работ, посвященных медиаобразованию в США, нацеленный на изучение вопросов формирования медиаграмотности и критического мышления личности, показал, что:

- формирование медиаграмотности личности, её критического мышления является актуальной проблемой для науки и образования США;

- интерес к данной проблематике увеличивается с развитием медиа;

- большое количество исследований посвящено выявлению эффективности медиаобразования в целом и эффективности медиаграмотности в частности;

- критическое мышление как компонент медиаграмотности зависит от уровня медиаграмотности личности.

По мнению американских исследователей, роль медиаобразования и медиаграмотности в процессе формирования критического мышления личности американских учащихся на разных этапах обучения значительна. Их эффективность изучена на теоретическом уровне и проверена на практическом в ходе многочисленных экспериментальных работ.

Литература

Aufderheide P. Media literacy: From a report of the National Leadership Conference on Media Literacy. In Kubey R. (Ed.) Media literacy in the information age: Current perspectives. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 2004. С. 79–86.

Austin E. W., Johnson K. K. Immediate and delayed effects of media literacy training on third graders' decision making for alcohol // Health Communication. 1997. 9(4). С. 323–349.

Cantor J. The Psychological Effects of Media Violence on Children and Adolescents // Paper presented at the Colloquium on Television and Violence in Society. Montreal, Canada, 2002. URL: joannecantor.com/montrealpap_fin.htm (дата обращения: 22.01.19).

Carnegie Council on Adolescent Development. Fateful choices: Healthy young for the 21st century. New York : Carnegie Corporation, 1992. 255 p.

Centerwall B. S. Television violence: the scale of the problem and where we go from here // The Journal of the American Medical Association. 1992. 267. P. 3059–3063.

Chen G. M. Media (literacy) education in the United States // China MediaResearch. 2007. 3(3). P. 87–103.

Comstock G. New emphases in research on the effects of television and film violence. In E. L. Palmer & A. Dorr (Eds.), Children and the faces of television: Teaching, violence, selling. New York : Academic Press, 1981. P. 287–305.

Considine D. M. Media literacy: National developments and international origins // Journal of Popular Film and Television. 2002. 30(1). P. 7–16.

Feuerstein M. Media literacy in support of critical thinking // Journal of Educational Media. 1999. 24(1). P. 43–54.

Ford J. B., LaTour M. S., Middleton C. Women's studies and advertising role portrayal sensitivity: How easy is it to raise 'feminist consciousness?' // *Journal of Current Issues and Research in Advertising*. 1999. 21. P. 77–87.

Greenfield P. Developmental considerations for determining appropriate internet use guidelines for children and adolescents // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2004. 25(6). P. 751–762.

Hobbs R., Frost R Measuring the acquisition of media literacy skills: An empirical investigation // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association. Washington, DC.130, 2001. P. 123–148.

Hobbs R. Reading the media: Media literacy in high school English. New York : Teachers College Press. 2007. 190 p.

Hoffmann G. Media literacy study // *ETC: A Review of General Semantics*. 1999. 56(2). P. 165–172.

Hoffmann G. Visual literacy needed in the 21st century // *ETC: A Review of General Semantics*. 2000. 57(2). P. 219–224.

Mitigating the imitation of aggressive behaviors by changing children's attitudes about media violence / L. R. Huesmann, L. D. Eron, R. Klein, P. Brice, P. Fischer // *Journal of Personality & Social Psychology*. 1983. 44(5). P. 899–910.

John D. R. Consumer socialization of children: A retrospective look at twenty – five years of research // *Journal of Consumer Research*. 1999. 26. P. 183–213.

Livingstone S., Helsper E. Does advertising literacy mediate the effects of advertising on children? A critical examination of two linked research literatures in relation to obesity and food choice // *Journal of Communication*. 2006. 56. P. 560–584.

Effects of a peer-led media literacy curriculum on adolescent's knowledge and attitudes toward sexual behavior and media portrayals of sex / B. E. Pinkleton, E. W. Austin, M. Cohen, Y. Y. Chen, E. Fitzgerald // *Health Communication*. 2008. 23(5). P. 462–472.

Test of media literacy effects and sexual objectification in advertising / T. Reichert, M. LaTour, J. Lambiase, M. Adkins // *Journal of Current Issues and Research in Advertising*. 2007. 29(1). P. 81–92.

Trend D. The myth of media violence: A critical introduction. Malden, MA : Blackwell Publishing, 2007. 152 p.

Ward-Barnes A. Media Literacy in the United States: A Close Look at Texas // Thesis. Georgia State University, 2010. 144 p.

Watson R., Vaughn L. M. Limiting the Effects of the Media on Body Image: Does the Length of a Media Literacy Intervention Make a Difference? *Eating disorders the journal of treatment and prevention*, 2007. C. 385–400.

Wilksch S. M., Wade T. D. Reduction of shape and weight concern in young adolescents: A 30-month controlled evaluation of a media literacy program // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2009. 48(6). P. 652–661.

汉俄心理动词语义搭配对比

摘要。 在每一语言词汇中，动词都是作为重要组成部分，其中对心理动词的研究得到广泛关注。由于汉俄心理动词对比研究尚有空缺，因此本文的研究对象是汉俄心理活动动词。笔者在这方面的研究从语义角度对汉俄语言心理活动动词进行对比和分析，即考察动词与对象语义搭配的情况。

关键词： 语义；搭配；汉语；俄语；对比；心理动词。

CHINESE AND RUSSIAN PSYCHOLOGICAL VERBS SEMANTIC COLLOCATIONS COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. Verb is an important part of every language vocabulary, and the research of psychological verbs has been attracting more and more attention. Since there is still a gap in the contrastive study of psychological verbs in Chinese and Russian languages, the author takes psychological verbs as a starting point for semantic comparative study, namely on verbs semantic collocation.

Keywords: semantics, collocation, Chinese, Russian, comparative, psychological verbs.

学外语时，不仅要研究其语义系统和语义结构规律，而且要了解词语组合关系。无论在何种语言，语义和搭配都存在相互影响（语义决定搭配，搭配决定语义），这种影响涉及词组、句子和句群层面。可以说搭配是语义研究中的不可缺少的部分。

不同的语言学家有不同的搭配分类，比如：G. Leech 把语义分为七个种类（理念语义、内涵语义、情感语义、社会语义等），其中的“搭配意义”意味着词语通过和一些经常同时出现的词的联想来传递的意义 [Leech, 1974, 23 页]。Benson 等人分出了两种类型，即语法搭配与词汇搭配。李明根据不同的角度把英语的搭配分为七个类型（句法、词汇、语篇、变异、临时等搭配）[李明，1999, 17-20 页]。搭配意味着一种可能性，并不是词语组合的必然性。要实现语义的正确表达，需要语义与语境的配合，从这个意义上讲语言环境使语言的含义多产化。它对语言的理解起到制约作用，也加速了语言理解的速度，使语言的理解更为准确，为了更准确的了解说话人的意思，必须把语境因素考虑在内。

Firth, Halliday 等学者认为搭配是语言中一个词和别的词的习惯上的连用而相互搭配的词项之间是以语义为其联系的基础的，也就是说两个词连用的时候，在特殊的语境中它们在语义上必然是有联系的，只是每个词可接受搭配的范围是不一样的 [唐香南, 2008, 137-138 页]。词与词之间的语义关系，在对常规性的，习惯性的搭配分析时可以根据语义规则来确定。Chomsky 认为语言语义特征决定该词与什么词搭配，比如：

run=(Activity), (Physical), (Movement), (Object), (To flow), < (Liquids)v(Sand)>由这些语义特征可以看出当 run 表示为 to flow 时，与其搭配

的主语应是带有 (Liquids) 或 (Sand) 特征的词语, 如 tears 等, 因此 Tears ran down his face 是成立的[陈玉, 2003, 106 页]。

词语共现后的语义是否符合客观外界现象, 符合文风表达, 复合逻辑的需要是搭配主要问题。语义是客观外界的必然反映, 所以客观外界决定语义, 语义决定搭配[王寅, 2001, 243-245 页]。比如, 提到 учитель (老师), 人们脑海中会联想到 школа 学校, аудитория 教室, урок 课程, учебник 课本, образование 教育等词。

根据 Trier 提出的语义场理论, 同处在一个语义场中的词在语义上有着密切的关系, 语义场强调的是这个词跟全体词在语义上存在着密切的联系, 只有通过比较、分析词与词之间的语义关系, 才能确定这个词真正的内涵。

从句子层面分析, 句子是语言运用的基本单位, 由词按照语法规则构成的, 能表达一个完整的思想, 必须结合所处环境、思维规律、语法规律, 掌握有关的知识和技能, 能把话说(写)得完整、通顺、清楚、明白, 并且比较具体生动。

从句群层面上说, 句群可以根据不同的标准进行分类。可分为叙述句群、描写句群、抒情句群、议论句群、说明句群等, 人们往往用几个句子或分句接续使用表述一个思想或观点, 使语义具有连贯性, 达到前后一致。

从篇章结构层面上说, 一篇文章在语义上表述相得益彰, 实现相辅相成, 达到承上启下, 总领下文, 总结上文, 呼应前文的效果。

在交际方面上, 词汇的搭配意义体现的是一种语言习惯。语言使用者应该遵守这种习惯, 否则就会词不达意, 让人难以理解[王惠萍, 2004, 113-114.]。比如, уважать стол 尊敬桌子是不搭配的, 而 уважать человека 尊重人, уважать труд 尊重劳动, уважать мнение 尊重意见等是成立的, 因为 уважать 之后应该有值得重视的对象。

语义与搭配是紧密相连的, 它们之间存在着相互依赖, 相互决定的关系。语义决定搭配, 搭配决定语义。一方面词语的语义特征决定了该词与什么词搭配, 搭配的根本问题是词语共现后的语义是否符合客观外界现象, 复合逻辑, 符合文风表达的需要。另一方面, 当一些语言单位结合在一起使用时, 它们就会相互限制、相互影响, 不同词语组合、不同的词序, 都可能生成一个不同的意义。任何一个语言形式都不是孤立存在的, 而是处于一个语言的结构体系之中, 它们只有按照语言规律组合成词组或句子, 置于上下文和特定情景之中, 才富有生命力。因此我们还有待于进一步全面的研究语义, 研究搭配, 这对于我们的语言教学和研究很有意义。

两种语言的语义结构是很复杂的问题。研究汉俄的语义组合问题, 会涉及到很多因素, 就像张志公先生说的那样: “语义问题和组合的法

则问题特别复杂。所谓组合的法则，包含着进行组合的词的语义搭配问题，这在任何语言里都是十分麻烦的，因为既有比较客观的，在各种语言中或多或少带有共同性的因素，例如词所指称的客观事物能不能那样搭配，逻辑事理上容许不容许那样搭配，又有特定语言社会中比较独特的因素，例如社会风俗、文化背景、思维习惯、语言心理等[林杏光，1987, 23 页]。”

本文从语义搭配角度，以动词的对象指人为主，对汉俄心理活动动词进行对比和分析。首先笔者把能加指人对象的汉语动词列出来，然后对汉俄动词做出比较。

一般指人对象的汉语心理活动动词有：

爱戴、爱怜、抚、爱、牵挂、思慕、溺爱、宠溺、关爱、敬爱、怜爱、宠幸、娇、娇宠、疼、疼、体贴、宠、宠爱、怀恨、轻蔑、侮慢、器重、高看、饶、怜悯等。

悼念、哀悼、追悼的对象表示死者或相关的词语（烈士、英雄、去世的丈夫等），比如：

1) 人们哀悼死去的亲人。

娇宠、宠溺、宠爱的对象可以是孩子、孙子、女儿、儿子等，比如：

2) 他很娇宠女儿。

3) 大家都知道不应当溺爱孩子。

虽然这些动词的对象被认为一般指人，但是有一些动词在口语或书面语能够加指物的对象，比如：“疼爱”（老奶奶很疼爱这只狗，把它当做自己的家人。解释：一般不说她疼爱小狗，但是这种例子有语境说明情况，即“她把狗看作人”）、“怜爱”（她很怜爱受伤的小猫，因为她对世界上的事物都怀有一种同情心）、“牵挂”（小男孩回家以后一直牵挂小狼崽，希望以后有机会能与它们再相遇）等。

跟俄语对比：

“哀悼”翻译成俄语的意思是 1) *соболезновать*（表示哀悼）；*скорбеть*（因...而悲伤），2) *оплакивать*（哀悼）。

这些俄语心理活动动词的对象能指人，也能指物，比如：

4) Я соболезную вам.（对象：你）。

5) Я соболезную (сочувствую) вашему горю.（对象：悲伤）。

6) Я соболезную.（我深表悲痛）。

“悼念”翻译成俄语的意思是 1) *со скорбью вспоминать*；2) *почитать [память умершего]*（怀念[死者]、表示哀痛、沉痛悼念、悼念亡友）。俄语的 *со скорбью вспоминать*（还有怀念的意思）的对象也可以指人和物，比如：

7) Со скорбью вспоминать о покойном.（对象：死者）。

8) Со скорбью вспоминать об ушедших днях своей молодости.
(对象: 时光)。

在俄语中 почитать 的对象可以指人和物 (不能指动物), 比如:
Чтить память солдат (缅怀士兵); Почитать память умерших предков
(缅怀去世的祖先/怀念去世的祖先)。Почитать память великих лю-
дей (缅怀伟大的祖先)。

“追悼”(哀悼与悼念的同义词)翻译成俄语的意思是 1) [со скор-
бью] поминать; 2) оплакивать (покойника)。

Оплакивать 的对象不仅能指人, 也可以指物, 比如:

9) Оплакиваю раны, нанесённые мне судьбой. (对象: 创伤。哀
痛命运给我造成的创伤)。

俄语的 (со скорбью) поминать 的对象只能指人, 比如:

10) Поминать погибших товарищей. (沉痛地哀悼失去的同志)。

Поминать 另外一个意思是回忆、提起、想起。Поминать деяния
Господа. (缅怀上帝的圣绩)。

下面的同义词: 爱戴、爱怜、抚爱、溺爱、宠溺、关爱、敬爱、怜
爱、宠幸、娇、娇宠、疼爱、疼表示各种各样的“爱”或程度高的“爱”。
由于中文属于表意文字, 所以其词语的含义很丰富, 比如: 一个心理活
动动词包含两种感情, 像“敬爱”有敬与爱、“怜爱”有怜与爱, “抚爱”有
抚与爱。爱怜的意思是由于怜悯而有爱, 俄语里边没有对应的表示这种
爱情的动词, 所以通常汉语动词翻译成俄语时要用短语 (联合两个动
词, 动词带程度副词或动词带状语等方法) 来表达动词的意义。

“爱戴”с любовью (с уважением) поддерживать; почитать, превозно-
сить; преклоняться перед (кем-л.);

俄语的 поддерживать (包含爱与尊敬的意义), 这种动词的对象
可以指人和物, 比如:

11) С любовью поддерживать членов семьи. (对象: 家人)。

12) Я с любовью поддерживаю твои начинания. (对象: 创意)。

Почитать, превозносить, преклоняться. 这些动词的对象指人和物,
但是指物的对象经常跟人有关系 (人的作品、创作、美丽、行为、贡献
等), 比如:

13) Почитать отца. (对象: 父亲)。

14) Превозносить ее красоту. (对象: 美丽)。

15) Преклоняться перед творчеством поэта. (对象: 创作)。

16) Почитать законы и традиции. (对象: 法律和传统)。

“爱怜”– любить (爱), сочувствовать (同情, 怜悯),
сострадать (哀怜)。Любить, сострадать 与 сочувствовать 这三个俄语
动词的对象可指人, 也可指物。比如:

17) Сочувствовать близкому человеку. (对象: 人)。

18) Сострадать бедности. (对象: 贫穷)。

19) Я сочувствую твоему горю. (对象: 悲伤)。

“怜爱” любить, жалеть; заботливо относиться; проникаться симпатией, 比如:

20) Жалеть о прошлом. (对象: 过去的时间)。

“抚爱” ласкать, заботиться, любить, лелеять, опекать (照顾, 爱护)。这些表示抚爱的俄语动词除了指人的对象也可以加指物的对象, 比如:

21) Ласкать ее губы. (对象: 嘴唇)。

22) Заботиться о репутации. (对象: 名誉)。

23) Лелеять надежду. (对象: 希望)。

23) Опекают свое имущество. (对象: 财产)。

“敬爱” почитать, любить; уважать и любить (尊敬和爱):

25) Почитать творчество художника. (对象: 创作/创造)。

下面的汉语动词表示程度高的爱:

“溺爱” чрезмерно любить; баловать; обожать;

“宠溺” чрезмерно любить;

“疼” сердечно сочувствовать, болеть душой за (кого-л.); относиться с нежностью, обожать, сильно любить;

“娇” любить, баловать;

“娇宠” потворствовать, потакать, баловать;

“疼爱” горячо (крепко, сильно, страстно, пламенно, пылко) любить; относиться с нежностью (о старших к младшим)。

程度高的爱在俄语中由 обожать, боготворить, баловать 来表达, 不过, 常用的方法是动词 любить (爱) 加程度副词 (очень / 很, чрезмерно / 过度, страстно / 狂热, горячо, пламенно, пылко / 热烈, сильно / 非常等)。

在俄语中 обожать (崇拜, 特别喜爱, 宠爱) 的对象可以指人, 物和事, 比如:

26) Она обожает своего мужа. (对象: 丈夫)。

27) Я обожаю слушать музыку. (对象: 听音乐)。

28) Она обожает балет. (对象: 芭蕾舞)。

Боготворить 与 баловать 的对象多指人, 一般不指物:

29) Он боготворит эту женщину. (对象: 女士)。

“宠幸” любить и жаловать; оказывать милости; питать благосклонность (часто об императоре и чиновничестве)。这个动词都只能加指人的对象, 宠幸主要表示地位高的人对地位低的人的宠爱, 不过, 在俄语

中在地位平等的情况下也可以使用。“宠幸”的同义词是溺爱、偏爱、宠爱，在俄语中除了这些之外还有重视、赏识的意思，比如：

30) 皇帝很宠幸新入宫的妃子。

31) Начальство не очень жалуется подчиненных. (对象：职员)。

32) Она не жалуется своего соседа. (对象：邻居)。

“器重”ценить (талант, способности); уважать 与 “高看” высоко ценить, быть высокого мнения; придавать большую важность 都有重视、看重的意思比如：

33) 老师很器重这个学生。

俄语的 ценить, уважать (быть высокого мнения)，象除了指人的对象之外，还可以加指物的对象（跟人有关系的），比如：

34) Мы очень ценим его доброту. (对象：善良/善心)。

35) Коллектив уважает его мнение. (对象：意见/看法)。

36) Все уважают (ценят) его поступок. (对象：行为/举动)。

这些动词也包含珍惜和尊敬的意义，在上面的例子中指物的对象不仅跟人有关系，也可以指其他抽象的事物，比如：

37) Ценить успех. (对象：成功)。

38) Уважать культуру других наций. (对象：文化)。

39) Все уважают (ценят) современную науку. (对象：科学)。

“感激”1) быть тронутым (признательным, благодарным), глубоко признателен; безгранично благодарен, 比如：

40) 我们很感激他。

这种汉语动词不仅可以加指人的，也可以加指物的跟人有关联的对象（行为、性格特点、态度等），比如：

41) 他感激王先生的恩情。

42) 她很感激朋友的帮助。

在俄语中 быть признательным, благодарным (感谢，感动)的对象一般指人，不过也可以指物或事，比如：

43) Я признателен/благодарен тебе за помощь. (对象 1：你，对象 2：帮助)。

44) Я признателен/благодарен судьбе/возможности. (对象：命运/机会)。

俄语的 быть тронутым 跟上面两个的动词相反，对象一般不指人，多指物：

45) Я тронут ее слезами/добротой/стихами. (对象：眼泪 / 善心 / 诗歌)。

“饶” прощать, щадить, помиловать, 比如：

46) 饶他这一回，下回再罚。

“饶”翻译过来的意思事 прощать, щадить, помиловать, 这些动词的对象都可以指人和物（跟人有关系的），比如：

47) Пощади/помилуй мою душу. (对象：灵魂)。

48) Прощать ошибки и прегрешения. (对象：犯规和罪恶)。

49) Она обожает (宠爱) свою собаку (对象：狗)。

50) На охоте он пощадил (饶) волка. (对象：狼)。

可见，两种语言的动词搭配存在一些差异。在汉语中有一些加指人对象的动词，则不能加指物的对象；相反，可以加指物对象的动词，却不能加指人的对象等；而在俄语中这些动词既可以加指人的又可以加指物的或指事的对象。可以说俄语心理活动动词可加对象的范围比较广泛，比如：汉语的“宠”、“宠爱”一般加指人的对象，这种动词在俄语中由 обожать, любить 来表达，这些俄语动词能加指人的也能加指物的对象（обожать музыку /音乐, конфеты / 糖果）。“宠爱”的含义是过分的爱，骄纵溺爱，对在下者因喜欢而偏爱，用于上对下，地位高的人对地位低的人，所以这种动词所搭配的对象指人。由于俄语的 обожать 含义是感到强烈的爱，有如汉语“酷爱”义，所以这种动词所搭配的对象能指人，物和事。两种语言动词与对象搭配的差异来源于动词的语义和语言习惯。

参考文献

1. 陈玉. 搭配研究及其实际意义[J]. 南平师专学报, 2003 (1): 104.
2. 李明. 英语搭配七种类型[J]. 山东外语教学, 1999, (4): 17-20.
3. 林杏光, 菲白编. 简明汉语义类词典[Z]. 商务印书馆, 1987.
4. 唐香南. 语义与搭配的关系研究. [J] 湖北经济学院学报 (文人社会科学版), 2008.
5. 王寅. 语义理论与语言教学[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2001.
6. 王惠萍. 词汇意义与交际能力[J]. 安庆师范学院学报, 2004 (5).
7. Leech.G.N. Semantics: The Study of Meaning[M]. Penguin Books, 1974.

УДК 81'42

А. В. Чайкисова

Иркутский государственный университет, Иркутск

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Аннотация. Рассматриваются особенности коммуникации в современном мире в связи с феноменом постправды. Предлагается обзор политических и социально-культурных факторов, которые обуславливают значительные изменения в дискурсивной и коммуникативной среде, а также способов борьбы с их негативными последствиями.

Ключевые слова: постправда, манипуляция, СМИ, коммуникация, дискурс.

**SOME SPECIFIC FEATURES OF COMMUNICATION
IN THE POST-TRUTH ERA**

Abstract. The article analyzes the peculiarities of communication in the post-truth age. It covers political, social and cultural factors that cause significant changes in the communicative and discursive environment and suggests possible ways how to avoid their negative influence.

Keywords: post-truth, manipulation, media, communication, discourse.

Современные исследователи утверждают, что мы живем в «эпоху постправды», когда стирается граница между правдой и ложью [Keyes, 2004], когда объективные факты перестают быть социально значимыми, а вместо них производятся «альтернативные факты» [Жолудь, 2018], фейки, теории заговора, создается альтернативная индивидуальная реальность. Сам термин «постправда» (от англ. прил. «*post-truth – relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief*») [Post-truth ...] не является новым, однако он получил широкое распространение в 2016 г. в контексте таких политических событий, как выборы президента США, референдум о выходе Великобритании из Евросоюза и др. В этой связи Оксфордский словарь объявил его словом года [Word of the Year ...]. Изначально термин «постправда» функционировал преимущественно в политическом контексте, когда речь шла о формировании определенного типа «политической культуры, в которой дискурс в основном формируется через обращение к эмоциям и личным убеждениям аудитории (при этом подробности политической реальности остаются без внимания), повторение одной и той же аргументации и упорное игнорирование объективных фактов, противоречащих заданной концепции» [Политика постправды...]. Считается, что в настоящее время политика постправды становится преобладающей во многих политических системах (США, Россия, Китай).

На сегодняшний день проблема, связанная с распространением ложной информации, выходит за рамки политической коммуникации и затрагивает множество других областей, например науку и образование, медицину, бизнес, маркетинг и др. Огромное количество статей в интернете с такими названиями, как *Communicating Science in an Era of Post-Truth*, *Teaching in the Post-Truth Era*, *Advertising in the Post-Truth World*, *Rethinking Sales and Marketing in the Post-Truth Era*, *Art in the Post-truth Era*, свидетельствует о том, что в сложившихся обстоятельствах приходится пересматривать и корректировать стратегии и тактики поведения, в том числе и коммуникативные.

В этой связи представляется интересным рассмотреть, какие особенности присущи коммуникации в условиях постправды. Как отмечает В. Н. Степанов, «отличительным признаком публичной коммуникации в

конце XX – начале XXI в. является преобладание эмоциентрированной аргументации над рациональной и, как следствие этого, целеустановка на формирование мнения, а не знания» [Степанов, 2006, с. 291]; по словам Г. Г. Почепцова, в ней не ставится задача удержания достоверности в процессах передачи смыслов [Почепцов, 2018]. Следует отметить, что автор называет такую коммуникацию «гибридной». Дискурсивная среда при этом становится особенной: в ней полностью или частично отсутствует референция к реальным событиям, фактам.

К основным видам коммуникации постправды относят дезинформацию, фейковые новости, слухи, ложь [Harsin, 2018]. Для коммуникации такого рода характерны следующие стратегии и тактики: а) апелляция к эмоциям и чувствам; б) драматизация описываемых событий и фактов; в) представление сенсационных тем; г) запугивание, д) подтасовка и некорректная презентация фактов; е) предоставление неполной информации / умолчание; ж) дискредитация. При этом дискурс конструируется под четкие задачи, привязанные к определенному моменту времени, чаще всего к ситуации, когда адресат находится в активном поиске информации для принятия решения.

Рассмотрим следующий пример.

С 2010 г. после выступления Билла Гейтса с докладом *Innovating to Zero*, а также других его интервью в американских СМИ и социальных сетях периодически появляются статьи и видео, в которых утверждается, что с помощью вакцинации населения он намерен сократить население планеты, так как вакцины негативно влияют на репродуктивную функцию женщин. См., например:

Bill Gates: We can lower the world's population with vaccines (28 February 2010 vanshardware.com).

Bill Gates Admits 'Vaccines Are Best Way To Depopulate (21 January 2016 YourNewsWire.com).

Bill Gates Outlines 2018 Plan to Depopulate the Planet (19 February 2018 newspunch.com).

В данных публикациях аргументация строится на основе следующих слов Билла Гейтса: *The world today has 6.8 billion people. That's headed up to about nine billion. Now, if we do a really great job on new vaccines, health care, reproductive health services, we could lower that by, perhaps, 10 or 15 percent. But there, we see an increase of about 1.3.* Как показывают данные так называемого факт-чекинга (сервисов по борьбе с распространением ложной информации посредством проверки достоверности представляемых фактов), утверждение Билла Гейтса является ложной посылкой. Во-первых, речь идет не о сокращении населения планеты как таковом, а об уменьшении темпов его роста. Во-вторых, Билл Гейтс имеет в виду то, что вакцинация способствует улучшению качества жизни, т. е. в условиях, когда высокая смертность детей влечет

за собой высокую рождаемость как своего рода компенсацию, спасение жизни детей при помощи вакцин работает на стабилизацию прироста населения. Таким образом, вырванная из контекста фраза, сопровождаемая разнообразными данными о вреде прививок, вызывает у аудитории крайне негативную реакцию. Об этом говорят следующие комментарии читателей и зрителей: *Bill Gates is a murderer; Do not get vaccines. They are trying to kill people*. Мы видим, что в данном случае имеет место подтасовка фактов, оперирование данными, в которых обывателю трудно разобраться, апеллирование к чувству страха, нагнетание негативных эмоций. В результате читатели не могут критически осмыслить представленную информацию. Кстати, подобные статьи можно найти и в русскоязычных интернет-источниках. Например, 12 апреля 2018 г. на сайте «Русское Агентство Новостей» была опубликована статья под названием *Билл Гейтс: «хорошо поработав над вакцинами, мы сократим население на 10-15 %»*.

Безусловно, понятие «лживой» и «манипулятивной» коммуникации не является новым, ведь такие явления, как пропаганда, демагогия, манипуляция массовым сознанием и т. п., известны давно. Коммуникацию постправды, однако, отличает то, что она осуществляется в рамках определенной коммуникативной среды, а именно в условиях возрастающей роли массмедиа, информационной перегрузки, трансляции непрерывного потока новостей, ангажированных СМИ и социальных сетей, которые становятся основным источником информации. При этом важно отметить, что последние устроены таким образом, что их пользователи оказываются в ловушке – так называемом информационном пузыре, или «пузыре фильтров» (filter bubble) [Pariser, 2012]. Известно, что при помощи определенных алгоритмов новостная лента в социальных сетях формируется на основании личных предпочтений и предыдущих действий, поэтому пользователи могут даже не догадываться о существовании других точек зрения. Большое негативное влияние оказывают также современные интернет-технологии манипуляции общественным мнением – боты, тролли, кликбейты и т. п. Компанию Google обвиняют в том, что она «дезорганизует всю информацию, действуя в атмосфере аперспективного безумия, доводя идею многообразия до такой крайности, что отныне все взгляды имеют эгалитарную и совершенно равную претензию на достоверность», «зарабатывает продажей постправд и альтернативных фактов» [Уилбер, 2018 с. 62]. Ситуация усугубляется еще и тем, что процесс коммуникации протекает в условиях массового недоверия не только СМИ, но и другим источникам информации и организациям. Ранее церковь, наука, образование, государство рассматривались как социальные институты, обладающие общественным доверием, поскольку являлись производителями и хранителями истинных знаний. А сейчас

люди просто не понимают, кому можно доверять. Они чаще полагаются на свои собственные убеждения, чувства, а также мнение простых граждан.

В связи с вышесказанным представляется важным обозначить возможные способы борьбы с негативным воздействием постправды на нашу жизнь в целом и на коммуникацию в частности. Помимо разоблачения лживой информации посредством ресурсов факт-чекинга, необходимо повышать медиаграмотность населения. Кроме того, крайне важно понимать особенности ведения коммуникации в современном обществе, иметь представление о способах манипулирования общественным мнением, чтобы не поддаваться негативному воздействию, а адекватно воспринимать и оценивать истинность представленной информации.

Литература

Жолудь Р. В. «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 117–123.

Степанов В. Н. Этика массовой коммуникации // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения [Электронный ресурс] : материалы Межвуз. науч.-практ. конф. СПб. : Роза мира, 2006. С. 290–296. URL: <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-343> (дата обращения: 12.02.2019).

Политика постправды [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_постправды (дата обращения: 19.02.2019).

Почепцов Г. Г. Фейки в системе коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5420&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 03.03.2019).

Уилбер К. Трамп и эпоха постправды / пер. с англ. Е. Пустошкина. М. : Манн, Иванов и Фербер. 2018. 224 с.

Harsin J. Post-Truth and Critical Communication // Oxford Research Encyclopedia Communication Oxford University Press [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/37313452/Post-truth_and_Critical_Communication_Studies (дата обращения: 07.02.2019).

Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York : St. Martin's Press, 2004. 320 p.

Pariser I. The Filter bubble: What the Internet hiding from you. London, 2012. 294 p. Post-truth in: Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (дата обращения: 05.02.2019).

Word of the Year 2016 is... [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 30.01.2019).

К. И. Черёмухина, О. Ц. Соктоева
Забайкальский государственный университет, Чита

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА КАК РАЗНОВИДНОСТИ СЕТЕВОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматривается процесс формирования сетевой лексики как разновидности сленга китайского языка, особенности употребления сленговых единиц, их классификация, а также интернет-мемы китайского языка как новая разновидность сленга.

Ключевые слова: сленг китайской молодежи, китайские аббревиатуры, цифровой язык, интернет-мемы в китайском языке.

K. Cheryomuhina, O. Soktoeva
Transbaikal State University, Chita

FORMATION OF YOUNG PEOPLE SLANG AS A FORM OF MODERN CHINESE LANGUAGE INTERNET SLANG

Abstract. The article examines the formation process of the Internet language as a form of Chinese language slang, the features of usage of slang units, its classification and the Internet-memes in Chinese language.

Keywords: slang of Chinese young people, Chinese abbreviations, numerical language, Internet-memes in Chinese language.

В настоящее время компьютерная сеть Интернет используется во всех странах и охватывает практически все сферы жизни человека. В Китае, где количество интернет-пользователей уже превысило население Европы. В Китае, к примеру, в сети Интернет публикуются огромное количество китайских СМИ, различные журналы и сетевая литература, которая на данный момент получает большую популярность. Однако электронные статьи, различные репортажи, новости, произведения сетевой литературы, доклады съездов и другие материалы, находящиеся на страницах интернет-изданий, в меньшей степени подвержены воздействию всех тех новшеств, которые стремительно внедряются в интернет-лексику через интернет-технологии и благодаря интернет-пользователям, которые в той или иной степени влияют на лексику, используемую в Сети.

Изменения, происходящие в языке, более отчетливо возможно проследить через лексику, используемую в блогах и чатах, различных обсуждениях в социальных сетях. Именно поэтому подверженный быстрому развитию и постоянному внедрению усовершенствованных элементов интернет как средство коммуникации занимает важное место в жизни китайской молодежи, так как именно в интернете зарождается интернет-лексика, а значит, возможность создавать новые формы языка и лексические единицы [Кислов, 2017, с.72–86].

Интернет-лексика – не что иное, как сетевая лексика, так как она формируется внутри Сети в связи с простотой доступа к интернету, его популярностью и высокой скоростью обмена информацией, а также совершенствованием этой лексики интернет-пользователями, что в большей степени характерно для молодежной среды. При этом стоит отметить, что процесс формирования сетевой лексики, или интернет-лексики, связан с процессом появления, а также развития интернет-технологий в Китае.

Процесс формирования интернет-сленга можно разделить на три этапа: формирование сетевой лексики, относящееся к этапу первой волны формирования интернета в Китае – 1997–2000 гг., распространение этой лексики в просторах интернета, внедрение лексических единиц, используемых для поддержания работы чатов в интернет-общение между молодыми людьми; начало развития сленга – 2000–2009 гг.; усовершенствование нового пласта лексики, характеризующегося как часть разговорного языка с нарушением литературной нормы, – сленга – с 2011 г. по настоящее время*.

Точной даты возникновения интернет-сленга нет ни в китайских, ни в русскоязычных источниках, однако если учесть, что сленг в Сети развивался вместе с процессом развития Интернета в Китае, то возможно предположить, что сленг зародился в начале 2000-х гг., когда в Поднебесной появилось множество поисковых порталов и интернет-платформ. Иными словами, лексика, используемая в то время, уже могла быть переработана интернет-пользователями, подавляющее большинство которых – представители молодежи, и могла подвергнуться некоторому упрощению и усовершенствованию. Иными словами, с 2000-х гг. сленговой лексике могло быть положено начало.

В настоящее время сленг представляет огромный интерес для филологов.

Исторически термин «сленг» (*slang*) впервые появился в Англии в начале XIX в. При переводе с английского языка означает «речь социально или профессионально обособленной группы в противоположность литературному языку; вариант разговорной речи, а также экспрессивно окрашенные элементы этой речи, не совпадающие с нормой литературного языка» [Мальцева, 2008, с. 294].

В русской лингвистике как понятию, так и значению сленга также до сих пор уделяется особое внимание, именно поэтому слову «сленг» соответствует множество определений, основная часть которых дается в различных словарях иностранных языков.

В словаре О. С. Ахмановой даны два варианта термину «сленг»: «Разговорный вариант профессиональной речи; элементы разговорного

* 中国互联网发展简史 (23 年). URL: baijiahao.baidu.com/s?id=1570053093399370&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 10.03.2019).

варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску» [Ахманова, 1964, с. 372].

Сленг, возникающий в среде, наполненной представителями молодежи, по праву может называться молодежным. Кроме того, именно молодежь обрабатывает сленговые единицы, совершенствует их и создает новые.

Молодежный сленг, как самый распространенный вид сленга при общении в интернете, представляет собой совокупность слов и выражений, употребляемых молодыми людьми того или иного общества и характеризующихся изменчивостью, подвижностью лексического состава и неоднородностью, а также свободной обогащаемостью различными заимствованиями, сокращениями и другими лексическими образованиями.

Процесс постоянного обновления, использование сленга молодежью в различных сферах жизни как его характерные особенности явились причиной расслоения сленговой лексики и формирования классификации сленговых единиц, которая включает фонетические, или гибридные, семантические заимствования, а также инициальные, графические сокращения или аббревиатуры, образованные при помощи заглавных букв, цифр и на основе азбуки 拼音.

Более подробные исследования представлены в работах таких китайских лингвистов, как Ван Илин и Чжоу Цихуань. Кроме того, китайский филолог Чжоу Вэйлян разработал подробную классификацию буквенных сокращений китайского языка: лексические образования, в состав которых входят две буквы; аббревиатуры, имеющие в составе иероглиф и символ латинского алфавита; лексические образования, имеющие в составе три и более буквы [Чжоу Вэйлян, 2001, с. 7].

Типы лексических образований, выделенных в классификации Чжоу Вэйляна, – это аббревиатуры, которые в китайском молодежном сленге подразделяются на несколько типов: инициальные сокращения, которые создаются на базе китайского и английского языков путем графического сокращения слов, выражений, передаваемых азбукой 拼音, такие как: MM (美眉 – красотка), LZ (楼主 – автор топика на форуме, в чате или обсуждении), BB (叨逼 – от пекинск.; категория лексических единиц, имеющих в составе один или два иероглифа и одну или несколько букв латинского алфавита, также носит название инициативных аббревиатур – 装 B (притворщик, позер), 卡拉OK (караоке), 牛B (впечатляющий, обалденный) и др.; инициальные сокращения с несколькими буквами латинского алфавита, содержащие три и более букв: BMW (别摸我 – «не трогай меня, не прикасайся ко мне»), MDZZ (妈的智障 – не-

далекий умом), HLL (华丽丽 – ироничный вариант слова 华丽 – пышный, роскошный, гламурный) и другие сокращения данного типа*.

Первый тип аббревиатур, а именно сокращения, содержащие две буквы латинского алфавита, но читающиеся по-китайски ввиду использования китайцами азбуки 拼音, не очень популярен среди представителей молодежи Китая и поэтому малочисленен. Для ускорения переписки молодые люди пользуются третьим типом аббревиатур, т. е. теми сокращениями, в составе которых три или более буквы, соответствующие конкретным единицам азбуки 拼音, так как он является наиболее простым в использовании и максимально сокращает время написания.

Стоит отметить, что и второй тип аббревиатур, т. е. буквенные сокращения, образованные с помощью букв латинского алфавита и иероглифов, также теряет свою популярность.

Сленговые единицы, имеющие в составе цифры и относящиеся к графическому типу аббревиатур, являются другим способом сокращения. Среди них наиболее часто встречаются такие цифровые аббревиатуры, в которых каждая цифра обозначает определенный иероглиф: 519 («我要酒», когда цифра 5 подразумевает под собой «我», 1 – «要», 9 – «酒» соответственно – «я хочу выпить»), 520 («我爱你», т. е. цифра 5 обозначает «我», 2 – «爱» и 0 – «你» соответственно – «я тебя люблю»), 666 («溜溜溜» – от выражения «很溜», что обозначает «круто, классно») и др. [Кислов, 2017, с. 75].

В настоящее время так называемый цифровой язык, который по причине особенностей произношения в китайском языке существует лишь в Китае, пользуется большой популярностью среди китайской молодежи: ее представители используют такой способ передачи информации при общении в социальных сетях, а также при написании СМС-сообщений для экономии времени и в качестве некоего шифра, понятного только им.

Колоритный китайский сленг, как и любой сленг молодежи, не понятен представителям других возрастных групп, поэтому молодые люди чувствуют себя защищенными, находясь при этом в некоем замкнутом мире, где язык и речь понятны только им, поэтому сленговая лексика пользуется большой популярностью у китайской молодежи.

Кроме того, интерес китайской молодежи к использованию сленга не ослабевает на протяжении нескольких десятков лет. Сленг употребляется молодыми людьми во всех речевых ситуациях при неформальном устном и письменном общении.

* Словарь китайского Интернет-сленга Магазета [Электронный ресурс] // Магазета – всё о Китае и китайском языке из первых рук. URL: magazeta.com/glossary (дата обращения: 10.03.2019).

Стоит отметить, что подавляющее большинство сленговых единиц китайского языка составляют заимствования, среди которых выделяются: фонетические заимствования, образованные на основе транскрипции и транслитерации с английского языка; семантические заимствования, образованные на основе такого способа, как транслитерация.

Например, самые распространенные примеры фонетических заимствований – это 粉丝, позаимствованное путем транскрипции от английского слова *fans*, что означает «фанаты»; 哈罗 – заимствование путем транскрипции английского слова *hello* («привет»); 拜拜 – заимствование путем транскрипции от английского *bye bye* («пока»); 酷 – китайская транскрипция слова *cool*, употребляемого в английском языке и имеющего положительную коннотацию – «клево, круто» и др.

К наиболее употребляемым семантическим заимствованиям относятся: 男朋友、女朋友 от английских слов *boyfriend* и *girlfriend* соответственно путем транслитерации – «девушка, возлюбленная», «парень, возлюбленный»; 甜蜜 от английского слова *honey* – «милый» путем транслитерации, это слово англичане и американцы употребляют в качестве обращения к другу/подруге и др. [Ван Синхуа, 2016, с. 9–13].

Однако фонетические и семантические заимствования уже практически исчезли из китайского языка по причине замены лексикой языка оригинала.

В настоящее время среди китайских пользователей интернета наблюдается повышенное внимание к так называемым мемам, набирающим все большую популярность. Мемы представляют собой символ, манеру, образ действия или любую идею, выраженную посредством письма, речи, жестов или видео. Мемы часто включают в свой состав сленговые единицы иронического характера.

История возникновения мема начинается с 1970-х гг., когда западные ученые занимались исследованием мема как феномена. Термин «мем» возник в работах Ричарда Докинза как аналогия с термином «ген» в генетике: в данном случае «мем» – это некая единица культурной информации. Затем концепцию мема развил в своих работах другой ученый – Дуглас Рашкофф, который перенес понятие мема в медиасреду, при этом выделяя мем как медиавирус – явление или событие, косвенно или непосредственно влияющее на общество. Мемом может стать любой популярный бренд, известный человек, строчка из песни и другое. Источник мема – явление или событие, фраза, видеоролик или любая идея, тем или иным образом влияющая на общество, т. е. мем, передающийся от человека к человеку на основе подражания, возникает стихийно и не зависит от конкретной ситуации*.

*Что такое мемы. История, возникновение, специфика [Электронный ресурс]. URL: memedia.ru/about-memes (дата обращения: 10.03.2019).

Интернет-мемы в современном китайском языке могут строиться по модели вышперечисленных аббревиатур, но, в большинстве своем это целое словосочетание с образным подтекстом или предложение. Примерами могут служить такие мемы, как: «你的良心不会疼吗?» – «А совесть у тебя не болит?», «还有这种操作?» – «А что, так можно было?», «你有 freestyle 吗?» – «У тебя есть фристайл?» и др.

У каждого из этих мемов своя история возникновения.

Например, китайские интернет-пользователи провели аналогию мема «你的良心不会疼吗?», популярного в первой половине 2017 г., с историей о взаимоотношениях поэтов Ли Бо и Ду Фу: Ду Фу написал большое количество произведений, посвященных Ли Бо, но тот, в свою очередь, остался к этому равнодушным; иными словами, вопрос, использованный в этом меме, – некий упрек тем, кто равнодушно относится к своим поклонникам.

Мем «还有这种操作?», берущий начало из видеоигр, приобрел популярность в 2017 г., он выражает удивление и восхищение тем, что происходит на экране или в беседе. При этом имеет лёгкий оттенок насмешки.

Мем «你有 freestyle 吗?» стал крайне популярным, после того как на телевизионной программе «Хип-хоп в Китае» («中国有嘻哈») один из членов жюри У Ифань (吴亦凡) несколько раз подряд задал один и тот же вопрос одному из участников. Этот мем употребляется, чтобы подчеркнуть необходимость быть гибким, креативным в диалоге, иметь воодушевление и быть на эмоциональном подъёме*.

Таким образом, в ходе анализа мы установили, что сленг – это и есть сетевая лексика, которая в процессе формирования и развития интернет-технологий в Китае была максимально усовершенствована и адаптирована для общения между молодыми людьми.

Проведенный анализ позволил нам прийти к выводу о том, что сленг является необходимой частью коммуникации, происходящей между представителями молодежи Китая.

Иными словами, употребление сленга занимает важное место в жизни молодежи Китая, так как он обладает рядом преимуществ, а именно: непринужденностью, раскованностью, ироничностью, краткостью, защищенностью и возможностью творчества.

Важно отметить, что сленг китайской молодежи при постоянном развитии и пополнении лексического состава, при высоких скорости и уровне распространения сленговых единиц оказывает достаточно сильное влияние на традиционный китайский язык, благодаря чему суще-

* Словарь китайского Интернет-сленга Магазета [Электронный ресурс] // Магазета – всё о Китае и китайском языке из первых рук. URL: magazeta.com/glossary.

ствуется вероятность внедрения лексических единиц сленга в нормативный язык.

Литература

Кислов А. В., Колпачкова Е. Н. Влияние интернета на современный китайский язык // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петерб. нац. исслед. ун-та информ. технологий, механики и оптики, 2017. № 1. С. 72–86.

Курьянович А. В., Ван Синхуа. Жаргонизмы в речи китайской молодежи: опыт лингвокультурологического описания // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2016. № 3 (168). С. 9–13.

Мальцева В. Молодежный сленг в СМИ // Филологическое образование и современный мир : сб. материалов науч.-практ. конф. учащихся школ, гимназий, лицеев, студентов колледжей, вузов, аспирантов. Чита : Изд-во ЗабГГПУ, 2008. 333 с.

Сленг // Словарь лингвистических терминов / под ред. О. С. Ахмановой. М., 1964. 571 с.

Словарь китайского Интернет-сленга Магазета [Электронный ресурс] // Магазета – всё о Китае и китайском языке из первых рук. URL: magazeta.com/glossary (дата обращения: 10.03.2019).

Чжоу Вэйлян. Цзыму цзыдянь. Шанхай : Буква-Пресс, 2001. 300 с.

Что такое мемы. История, возникновение, специфика. URL: memepedia.ru/about-memes (дата обращения: 10.03.2019).

中国互联网发展简史 (23 年). URL: baijiahao.baidu.com/s?id=1570053093399370&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 10.03.2019).

УДК 93/94

Чжао Хуэйцин

Хэйхэский университет, КНР;

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Хань Куань

Иркутский государственный университет, Иркутск

КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В РОССИИ ДО 30-х гг. XX ВЕКА

Аннотация. Рассматривается пребывание учащихся из Китая в России, которые направлялись правящей властью с целью развития дипломатических отношений между Россией и Китаем и подготовки большего количества кадров, необходимых для китайско-российского сотрудничества. Устанавливается, что получавшие образование в России китайцы способствовали экономическим и культурным обменам между Хэйлунцзян и Россией.

Ключевые слова: Хэйлунцзян, учёба в России, кадры, обмен, русский язык.

Zhao Huiqing

Heihe University, China;

Far Eastern Federal University, Vladivostok

Han Kuan

Irkutsk State University, Irkutsk

**DEPARTMENT OF CHINESE STUDENTS TO RUSSIA
TILL 30TH YEARS OF XX CENTURY**

Abstract. In order to develop diplomatic relations between Russia and China, and to train more personnel needed for Chinese-Russian cooperation, from the end of the Qing dynasty, Heilongjiang Province sent students to Russia on a budget and self-employment basis. Until the 30s of the 20th century, Heilongjiang sent a large number of students to study in Russia, they studied Western culture, Russian regional geography, contributed to economic and cultural exchanges between Heilongjiang and Russia, and played the role of a bridge and a link for local economic and cultural development. Students' stay in Russia in different historical periods has different characteristics, which is an important page in the history of Chinese education.

Keywords: Heilongjiang, study in Russia, personnel, exchange, Russian.

Со второй половины XIX в. Китай и Россия стабильно укрепляли отношения в политике, экономике, дипломатии и культуре. Переговоры между Китаем и Россией становились все более частыми. Из-за многих факторов, международных и внутренних, стояла необходимость в развитии группы кадров, которые могли хорошо разбираться в российских национальных условиях и дипломатии и свободно владеть русским языком, что и стало предпосылкой для развития стажировок китайских студентов в России. Таким образом в конце правления династии Цин развернулась активная деятельность по академическому обмену с Россией.

Под влиянием правительства империи Цин существовали различные виды обучения в России, так как студенты в основном отправлялись на учебу на средства государственных фондов центральных и местных органов власти или за счет собственных средств. До 1930-х гг. XX в. правительство провинции Хэйлуунцзян направило большое количество студентов для обучения в России, которые расширяли свой кругозор, получали передовые западные культурные знания, углубляли свое понимание русской культуры и способствовали экономическому и культурному обмену между Хэйлуунцзян и Россией.

В 1902 г. по приказу генерала провинции Хэйлуунцзян г-на Сабао была основана школа русского языка [Гао Данфэн, 1993, с. 82]. Выпускники школы позднее решили отправиться в Россию для продолжения своего обучения. Школа просуществовала в течение короткого периода времени, и количество обученных студентов также было небольшим: в 1906 г. обучение закончили только четыре человека, в 1907 г. был зачислен 31 студент, но из-за срочной потребности в кадрах их обучение было коротким. В 1909 г. школа была закрыта [Цуй Доули, 2005, с. 125; Ян Сяомэй, 2011, с. 94]. Но всё же это были первые специалисты, владеющие русским языком, подготовленные правительством Хэйлуунцзяна, и они положили начало профессиональному обучению жителей провинции Хэйлуунцзян в России.

Во время пребывания в должности генерала Хэйлуунцзян Чэн Децюань придавал большое значение работе по отправке студентов в Россию. В 1906 году он написал правительству Цин ходатайство: «Не-

мало провинций отправили большое количество студентов, обучающихся за границей, их отправили в Японию, США, Великобританию, Францию, Германию, но малое количество студентов было отправлено в Россию, наши страны являются соседями и в будущем между ними будет много сотрудничества. Недостаток знаний о России негативно повлияет на обмен между двумя странами» [Чэн Децюань, 1982, с. 385]. После получения одобрения правительства Цин провинциальное правительство Хэйлунцзян учредило Департамент образования для оценки успеваемости учащихся и выбора предпочтительных студентов для поездки в Россию. Из Школы Син-Юй в Россию были направлены 10 человек с отличными результатами [Лю Чжэнь, 1980, с. 236; Се Лань, 1988, с. 142; Чэн Децюань, 1982, с. 267], их отправили в Санкт-Петербург для изучения геологоразведки, полезных ископаемых, физики и химии, права и политики, бизнеса, военного дела и др.

Согласно полученной информации русскими студентами отобранными Хэйлунцзян в 1906 г., были: Чжу Шичан, 27 лет, из провинция Аньхуэй, который окончил Тяньцзиньскую школу русского языка; Чэ Сичжэнь, 27 лет, из провинции Хэйлунцзян, который получил образование в провинции Хэйлунцзян в школе Син-Юй в течение трех лет; Тан Баошу, 31 год, из провинции Гуандуна, учился в Тяньцзиньской школе русского языка в течение трех лет; Чэ Женьгун, 27 лет, из Хэйлунцзян, учился в Хэйлунцзянской школе Хуаьэ; Ван Цзовэнь, 22 года, из Хэйлунцзян, обучался в Хэйлунцзян в школе Син-Юй в течение трех лет; Ван Хуэйсян, 27 лет, из Хэйлунцзян, учился в Хэйлунцзянской школе Син-Юй в течение трёх лет; Чжу Шаоян, 22 года, из провинции Хубэй, обучался в школе Син-Юй в течение одного года; Ван Чжунсян, 25 лет, из Хэйлунцзян, учился в школе Син-Юй в течение трех лет; Лю Вэнь, 33 года, из провинции Цзилинь, окончил среднюю школу русского языка в г. Мохэ. В 1907 г. студентами, которые были отправлены в Россию из Хэйлунцзян, были: Ли Юйхуа, 26 лет, из провинции Цзилинь, который окончил школу русского языка в Цзилине; Чжун Хао, 28 лет, из Цзилинь, окончил Полицейскую среднюю школу Бэйян [Лю Чжэнь, 1980, с. 659–668; Ван Дэйсю, 1987, с. 111].

Чтобы обеспечить финансовую безопасность студентов, направляющихся в Россию, правительство Хэйлунцзяна ежегодно выделяло специальные средства на оплату их обучения.

Чтобы восполнить недостаток в переводчиках в пограничных делах, помимо студентов, обучающихся за государственный счет, направлялись также студенты, которые учились за свой счет, и их число также увеличивалось с каждым годом. Согласно «Хэйлунцзянскому краеведению и записи школ», «...количество студентов, обучающихся за границей, постепенно увеличивается. В последнее время значительно повысилось число обучающихся в России и Японии, провинциях Шаньси и

Хэнань» [Чжан Боьин, 1992, с. 1104]. В этот период некоторые правительственные чиновники и торговцы, проживавшие на китайско-русской границе, отправили своих детей учиться в Россию. Например, в 1906 году генерал провинции Хэйлунцзян Чэн Децюань за свой счет отправил своего 25-летнего сына Чэн Шимо изучать бизнес и право в России. Помощник Чэн Децюань, г-н Фухай, также обучался в России русскому языку за свой счет [КГА, л. 28]. 25-летний Ню Веньбин, родившийся в провинции Шаньси, был приглашен изучать физику в России за свой счет в 1907 г., он окончил обучение в 1913 г. [Лю Чжэнь, 1980, с. 657]. Согласно данным, пять человек вернулись в Китай в 1913 г., а остальные пять продолжили обучение в России [ЛИК ЦМА, 1995, с. 82].

Во время Октябрьской революции в России учеба студентов была прервана, условия их жизни серьезно изменились, что не позволило им продолжать учебу, и они были вынуждены возвратиться на родину или бежать в другие страны.

В первое время китайцы, которые учились в России, вернувшись в Хэйлунцзян, использовали русский язык и полученные знания на практике, они играли активную роль в китайско-русской дипломатической работе, став столпом дипломатии по контактам между двумя странами.

Вплоть до Октябрьской революции мероприятия по отправлении учащихся в Россию не только открыли прецедент для обучения студентов в России и позволили подготовить немало дипломатических кадров, владеющих русским языком, но и накопили запас русскоговорящих талантов, которые нуждались в экономическом развитии. Открыли новые каналы по образованию в России и культурным обменам между странами, также заложили прочную основу для последующей деятельности в Советском Союзе. В этот период численность учащихся была неравномерна по географическому происхождению: большее количество учащихся было из Цицикара, который являлся политическим, экономическим и культурным центром – столицей провинции, и из уездов вблизи Харбина, находившихся в важном транспортном узле КВЖД, студентов из приграничных районов было мало. В этот период по положению образования за границей имелись следующие особенности: небольшое количество учащихся, однако все они прошли строгий отбор и имели отличные академические успехи, набор студентов нераспространенный, им легко было найти работу по возвращении; в течение этого периода большинство студентов, обучающихся в России как за свой счет, так и за государственный, изучали русский язык и до отправления в Россию имели определенный уровень владения языком или закончили школу в России, после чего они продолжали там получать высшее образование; им был доступен широкий спектр специальностей, не только юриспруденция, но и разведка месторождений полезных ископаемых, физика и химия, политика, бизнес, военное дело и аграрное хозяйство, у них была

возможность освоить передовые западные технологии и культуру; длительность обучения – 4 года или 6 лет; обычно они учились в России в связи со срочной необходимостью, поэтому отсутствовало какое-либо долгосрочное планирование их действий, а также не было систематического управления для данных кадров; однако у этих студентов были хорошие перспективы трудоустройства, все они вернулись в Китай после окончания учебы.

Победа Октябрьской революции принесла надежду и рассвет патриотической молодежи, которая искала революционный выход. При таких обстоятельствах китайцы стали уделять больше внимания Советскому Союзу, что вызвало новый подъем учебы там. В то же время в некоторых больших городах Советского Союза открывали и создавали школы один за другим, которые открывали свои двери для китайских революционеров. Некоторые прогрессивные молодые люди отправлялись в Советский Союз в поисках революционных истин. Были созданы КУТВ и КУТК. Начался новый исторический период обучения в России.

В 30–40-х годах многие патриотически настроенные молодые люди в приграничных регионах отправились в Советский Союз в поисках революционных истин и приняли марксистское образование в Советском Союзе, позже они стали основой антияпонских сил.

Ян Сяньчжан родился в крестьянской семье в 1907 г. В возрасте 18 лет он отправился в Харбин, где начал знакомиться с революционными идеями и стал представителем прогрессивной молодежи. В 1927 г. под влиянием прогрессивных мыслей он приехал в Советский Союз в поисках революционной правды, там в 1928 г. он вступил в ВЛКСМ. В 1931 г. стал членом Коммунистической партии Советского Союза. С 1930 по 1934 г. он обучался в Ленинской школе в Чите, и в КУТВ, после окончания университета работал политическим инструктором Читинской золотой фабрики, сотрудником в ассоциации восточных рабочих в Иркутске и Хабаровске, отвечал за марксистско-ленинскую просветительскую работу между китайскими рабочими в Китае.

В 1936 г. Ян Сяньчжан вернулся в Китай, чтобы продвигать антияпонские действия в уездах и городах Жаохе, Фуцзинь, Цзямусы, Харбине и Нэньцзян, а также развивал антияпонскую силу.

В этот период партийные организации в Хэйлунцзяне, в связи с потребностями революционной ситуации, решили направить новые кадры и прогрессивную молодежь в Советский Союз. Среди них были вполне разные по уровню образования студенты. Большинство из них учились марксистской теории, а также некоторые получили практические и военные знания. Учащиеся, обучающиеся в Советском Союзе, приняли марксистские идеи, их идеологическое и политическое сознание, они постоянно улучшали свои навыки и развивались, после чего возвраща-

лись в Китай, чтобы стать коммуникаторами марксизма и основой антияпонских сил.

Литература

Ван Дэйсю, Ли Линьси, Лю Чэндун. Краеведение уезда Бабянь. Харбин : Народ. изд-во Хэйлунцзян, 1987. С. 290.

Гао Данфэн. Три установления по старым испытаниям в провинции Хэйлунцзян // Северные культурные памятники. 1993. № 2. С. 82.

Китайский Государственный архив. Ф. 4. Оп. 1. Д. 38. Т. 8.

Литературно-исторический комитет Цицикарской муниципальной ассоциации. История образования Хэйлунцзяна / Литературно-исторический комитет Цицикарской муниципальной ассоциации // Исторические материалы по образованию «Лунша». 1995. № 12. С. 81–85.

Лю Чжэнь. Учебное образование: исторические материалы по обучению китайцев за рубежом: Национальный сборный зал, 1980. С. 681.

Се Лань, Ли Цзохэн. Исторические материалы по образованию Хэйлунцзян. Харбин : Изд-во Образования Хэйлунцзян, 1988. С. 473.

Цуй Доули. Высшее образование в регионе Хэйлунцзян в эпоху позднего Цин. Харбин : История Хэйлунцзян, 2005. С. 253.

Чжан Боьин. Рукопись провинции Хэйлунцзяна. Харбин : Народ. изд-во Хэйлунцзяна, 1992. С. 1347.

Чэн Децюань. Поездка студентов в Россию. Тайбэй : Изд-во Вэньхай, 1982. С. 1332.

Ян Сяомэй. Обзор развития высшего образования в Хэйлунцзян в период поздней Цин и ранней Китайской Республики // Северные культурные памятники. 2011. № 1. С. 91–95.

УДК 81

С. В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений, Москва

КОННЕКТОРЫ КОНТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ЯПОНОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

...и войдя // в костёл, пустой об эту пору... (из И. Бродского)

Аннотация. Исследуются японские маркеры временных связей в семантической зоне контемпоральности с точки зрения их привязки к абсолютному и относительному времени, а также потенции с точки зрения организации и регулирования дискурса. Материалом для исследования стали данные корпуса современного японского языка.

Ключевые слова: японский язык, дискурс, лингвистическая прагматика, временные отношения, контемпоральность, корпусные данные.

S. Chironov

Moscow state institute of international relations, Moscow

CONTEMPORALITY CONNECTORS IN JAPANESE DISCOURSE

Abstract. This paper sets out to describe the discourse markers meaning contemporality in modern Japanese. Using corpus data we check these items for their pragmasemantics in expressing

different time relations and, by this, foregrounding, contrasting or otherwise adjusting statuses of adjacent chunks of discourse.

Keywords: Japanese, discourse, pragmatics, taxis, contemporality, corpus data.

Одна из групп дискурс-маркеров (дискурсивов), участвующих в разметке и организации дискурса, – это показатели временных отношений. Указанный их функционал имеет, безусловно, дейктическую природу и принадлежит прежде ко вторичному, ментальному дейксису, связывающему элементы картины мира, задействуемой в процессе речепорождения, включая «куски» информации из самого дискурса, фоновых знаний коммуникантов, продуктов инференций. Менее профильный для них – первичный, шифтерный дейксис как интерфейс «язык-мир». В любом случае, в той мере, в какой речь идёт о связи между событиями (пропозициями), к дискурсивам применим инструментарий анализа коннекторов, которому посвящена значительный объем литературы. Предметом данной работы стала относительно компактная часть таких средств в дискурсе на японском языке, пока ещё ожидающих своего полного описания.

Упомянутый дуализм дискурсного дейксиса в приложении к временным показателям перекликается с дихотомией темпоральности (как «абсолютного времени», соотносимого с точкой отсчёта, обычно с моментом речи) и таксиса («относительного времени» внутри одного событийного плана [Плунгян, 2000]). Сама эта оппозиция, однако, носит прототипический характер, что выпукло проявляется именно на пространстве дискурса, где оппозиция между шифтерными и нешифтерными категориями (например, для русского глагола – время и вид) переосмысливается с учётом игры прагматических факторов.

В основе таксономии темпорально-таксисных отношений между событиями лежит осевое представление о времени, с его базовыми категориями одновременности (в сильной трактовке – синхронность, или параллельность, в мягкой – «со-временность», или контемпоральность), предшествования и следования. Сюда добавляется набор дифференциальных признаков: контактность vs. дистантность событий, полное/неполное совпадение временных отрезков, чёткие/нечёткие их границы, а также прагматическая выделенность/фоновость. С позиций прагматики дискурса актуален вопрос о связи временных категорий со смежными семантическими областями – причинности (следование = прямая причинность, предшествование = обратная, см. синкретические условно-временные союзы в японском или диахронную связь нем. *wenn/wann*, рус. *тогда* = *в таком случае*); локатива; контраста (особенно в контексте одновременности, см. [Чиронов, 2018]); фактивности (отражаемые во многих языках представления о будущем как о нереальном времени); соотнесённости с управлением дискурсом (рус. *теперь*, англ. *now* как переход к новому тематическому разделу монологической речи)

[Викторова 2016]. Степень осознанности связей с этими смежными категориями различается между языками: так, японский материал не даёт оснований для таких ассоциативных клише, как *I'd sooner kill myself*, рус. *я скорее удавлюсь, чем...* или *as long as we (do)...* (ср. лишь пространственное русское *покуда мы...*), что составляет, таким образом, релевантный пункт типологической анкеты.

Сказанное лишь общими штрихами касается огромной роли в тексте и дискурсе временных маркеров. Отдельные работы об их функционировании в японском языке нам не известны, хотя канва такого описания уже существует, что объясняет насущность предпринятой нами задачи. Здесь мы ставим перед собой цель для начала дать общий обзор коннекторов на отметке «нулевого километра» временных отношений – в зоне контемпоральности. Имеется в виду выделить таксисные и темпоральные смыслы единиц и установить их потенции с точки зрения организации и управления дискурсом. Мы используем в основном материал газетных публикаций из корпуса современного японского языка, пользуясь их жанровым разнообразием [Kotonoha] (далее без ссылок).

Изучаются единицы единой структуры: «указательное слово + временная лексема». Первые компоненты принадлежат тройственной японской системе указания «близко к говорящему» – «близко к адресату» – «далеко от обоих»: *ko-*, *so-*, *a-*, а также включают синоиероглифические компоненты 今 *kon* (=сейчас) и 当 *too* (=этом, том). Немаловажны различия в указательных потенциалах: среди прочего *sono* приписывается «эксклюзивная» роль анафорической связи в тексте, *kono* при определённых условиях может выполнять катафорическую роль [Алпатов, 2008; 金水, 1990]. Вербализаторы времени включают лексемы с общим значением «время» *toki*, *koro*, *jiki*, наиболее частотные и составляющие центр поля, периферию которого образуют реализации представления о более протяжённом и более сжатом временном промежутке – *jidai* (ср. рус. *эпоха*) и *shunkan* (ср. *мгновение*). Языковое воплощение представлений о длительности, интервале несут также имена *aida*, *uchi*. Полексемный перевод всех единиц мы не даём осознанно ввиду значительных трансформаций, которые претерпевают элементы семантической структуры этих слов в различных речевых контекстах.

Связываемые коннекторами событийные планы (реляты) мы условно обозначаем А1 и А2. В общем случае языковая реализация временных связей тяготеет к статусу обстоятельства времени, поэтому можно говорить, что А2 представляет собой ту пропозицию, в которую включается отсылка к А1. Остальные случаи – например, с выносом такой отсылки в позицию рематического сказуемого («то, что произошло А2, было во время А1») – тогда должны допускать трактовку как трансформация от этого инварианта.

1. Некоторая расплывчатость связи между двумя явлениями, в целом свойственная соединению на *toki*, несомненно, проистекает из комплексной, многогранной природы самого концепта «времени», чьей реализацией эта лексема является. В интересующих нас сочетаниях, однако, этот признак иногда нетривиальным образом взаимодействует с дейктическими смыслами.

Так, для *sono toki*, наиболее частотного сочетания с показателем средней дистантности, доминирующей является функция маркера фокусации, т. е. перехода от фоновой ситуации к выделенной. Кое-где этот эффект контраста между замирающим темпом фона и новой динамикой продолжения подчёркнут драматургически – знаками препинания, воспроизводящими ритм естественной речи (в примере – многоточие в конце A1, а в начале A2 – миративного плана междометие «опомнившегося» *are*): *バイブルとされる大学生向けの教本にたどりつきましたが、ページを開くと微分積分が…。そのとき「あれ、そもそも分数の割り算ってどうやるんだっけ？」* // *Вот ты добрался до учебника, считающегося библией для студента, листаешь страницы. Там – дифференциалы, интегралы ... И тогда – «Погоди-ка, а как вообще считают дроби?»* («Асахи» 9.11.2005).

Сходным инструментом для создания такого же эффекта торможения является использование настоящего времени в повествовании о прошлом. В отличие от *historicum praesens*, действующего равно на протяжении всего отрезка, где рассказывается о событиях в прошлом, такого рода переключение между формами настоящего времени и прошедшего обычно позволяет различить неподвижное «горизонтальное расширение» и «вертикальную динамику» сюжета, ср. текстовые функции НСВ и СВ в русском языке:

やがて昭彦はやおら店奥の暗がりには歩み出し、ギターを調整し始める。そのとき、彼の声と指はすでにギターと一体となった「楽器」に変化しているのだった。 // *Наконец Акихико неторопливо скрывается в затемнённой глубине ресторана и принимается настраивать гитару. В эти секунды его голос, его пальцы уже сами превращались в своего рода музыкальный инструмент, сливаясь в одно целое с её струнами* («Нисинихон симбун», веч. 19.10.2004).

Справедливости ради надо сказать, что в данном конкретном примере происходит не столько динамический «шаг вперёд» в развитии сюжета, сколько «заглубление», эффект вроде возможности «раздвигать» интересующий кусочек изображения интерактивного экрана. Такой переход от фона к фокусу, структурирующий повествование, подразумевает, что A1 в своих временных границах шире A2. Даже в случаях, когда A1 сам по себе стремится к временной нерасчленённости и выра-

жается моментным глаголом, А2 «умудряется» быть ещё более чётко локализован во времени:

歴代大統領たちをテレビで見て、自分は変わったのに彼らは変わっていないと 思い知る。そのとき「かれらのために、誰が死ぬものか」という思いが胸にこみ上げるのだ—。// *Смотря по телевизору на одного президента за другим, убеждаешься: мы меняемся, а они – нет. И тогда из груди поднимается вопрос: «А кто должен за них умирать?»* («Кобе симбун» 19.06.2005).

По-иному связан с принципом «фокусировки» близкий случай, когда А2 очевидным образом занимает более протяжённый временной отрезок, чем А1:

私は、東京から駆けつけ、同年9月に判決がくだるまで何度も長野に足を運んだ。そのとき毎日新聞長野支局の新人記者として見習い中だったのが、この本の著者小国綾子である。// *До того сентябрьского приговора я не раз приезжал из Токио в Нагано. Тогда в местном отделении «Майнити» стажёром работала молодая журналистка, автор этой книги Аяко Огуни* («Майнити» 6.07.2005).

Здесь А1 выполняет интродуктивную роль, подводя нас (посредством введения новой, но фоновой информации) к новому взгляду на уже известный факт в А2 (наличие книги, о которой идёт речь, – это старая информация), что и диктует специфическую трансформацию в А2 с левым передвижением ремы (ср. прямой порядок слов также и в рус.: «Аяко Огуни работала стажёром...»).

Немного иначе действует указание на время с показателем (локатива) *ni*. Временные обстоятельства, оформляемые так, вообще тяготеют к рематическому статусу, тогда как разобранные до сих пор примеры показывали *sono toki* как тему А2. Соответственно, выступая в качестве коннектора, *sono toki ni* вводят уже не то, что попадает в фокус, а промежуточную рему, за которой в рамках одного горизонта повествования уже просматривается новый фокус. Значит, можно говорить, что *sono toki ni* используется для организации более протяжённых отрезков дискурса, чем две соседние пропозиции:

親も参加して何かやろう、太鼓なら親子でやれそう、というものだった。手探りではじめたが、練習で気を合わせ、リズムを合わせているうちにハマった。その時に一緒だったのは末っ子で三つ。いま中二。技術は母ちゃんより上らしい。仕方がない。// *Всё началось с того, что решили что-то попробовать делать вместе, и родители, и дети. Вначале действовали по наитию, но пока упражнялись, нашли общий ритм, сыгрались – и вошли во вкус. Тогда-то* моей напарницей была трёхлетняя младшенькая дочка, а теперь она уже во втором классе, и в технике опережает маму. Ну, что поделаешь. («Санкэй» веч. 21.05.2003).

Помимо анафорического (а значит – связочного) значения группы с *sono* способны реализовывать и иное значение неконкретной референтности – распределительное. При нём временной коннектор более не связывает две пропозиции, но получает новую роль, реализуя контрастивное значение:

「いまさら」「いい年して」って言葉は私の中には存在しないんです。そのとき興味をもっていることを一生懸命にやる。それが私の活力だし、それしか前に進む方法は...// *«Куда уж», «в твоём-то возрасте» – таких слов в моём лексиконе нет. Делать, что интересно сейчас, в каждый конкретный момент – в этом моя сила, и никаких других способов продвигаться вперёд... («Асахи» 9.11.2005).*

Временное выражение *kono toki* в силу значения дейктического слова (непосредственная близость к говорящему) получает толкование указания на тот период, который находится в центре внимания на достаточно протяжённом отрезке рассуждения. То есть таким образом обставляется не сдвиг фокусировки, а развитие повествования при том условии, что позади оставляется временная репера, метка, по какой-то причине важная для автора:

ザーのうなりが響くなか、開発に待ったをかけた政策は周囲から「鎖国」とさえ言われた。このときから、町はクワガタやホタルが舞う豊かな森林と清流を守ってきた。// *Шаги администрации, остановившей проект, некоторые назвали даже «новой эпохой самоизоляции Японии». С этого времени город сохраняет свой лес и чистую реку, где живут жуки-рогачи и светлячки. («Санкэй» 5.12.2002)*

Неудивительно, что A2 во вхождениях такого типа содержит если не обязательно перфективные конструкции (как в примере выше), то во всяком случае чёткую смысловую привязку к настоящему, упоминание о значимом событии. Следуя «обратной логике» типа «значение есть употребление», можно вывести отсюда подчёркивающую, выделительную функцию этого коннектора:

1922年、米国ユタ州での発掘現場を再現した模型だ。このとき発掘された全長3メートルの子供恐竜の化石は、恐竜の成長を研究する貴重な資料となった...// *Это макет площадки раскопок 1922 г. в Юте, США. Тогда были найдены окаменелости детёныша динозавра, которые дали ценный материал для исследования развития этих животных. («Хоккайдо симбун» веч. 30.07.2003).*

Сочетание *ano toki* функционирует предсказуемо с точки зрения семантики дистантного *ano*, соотнося A2 с отдалённым и (как правило) активированным в сознании обоих коммуникантов временным пластом. С точки зрения структуры дискурса это означает, что A1 (как собственно релят-участник связи) может, а скорее всего, даже и будет тяготеть к дистантному расположению. Тогда получается, что непосредственный

предшественник A2 (его можно назвать A0) будет играть роль некой вставки, экскурса, возвращение из которого к более фундаментальному (фонovому) плану и будет сигнализировать выражение *ano toki*: 三度にわたるがん手術を克服した。「がんのことなんて、今となつては忘れてますよ。ただ、あのとき、私は先生に『死ぬんだつたら教えてください。ちゃんと用意しないと駄目だから』と言いました。// (эта пациентка) трижды перенесла онкологические операции. «Сейчас-то я про рак там какой-то уже и забыла. Но **тогда** я врачу говорила: «Если я умру – вы мне скажите, я хочу быть к этому готовой» («Санкэй» веч. 15.08.2001).

2. Среди вербализаторов временных концептов *koro* близок к рус. *пора*, задающему нечётко ограниченный, циклически повторяющийся отрезок времени. Собственно, и этимологически слово восходит к идеофону <*koro*>, обозначающему вращение. Правда, сегодня в имени, обозначающем временной промежуток, сема цикличности ослаблена и для актуализации требует поддержки контекста. Напротив, семантический компонент нечёткости границ интервала осмысливается в функционале коннектора как признак, согласно которому A2 вмещает в себя A1. См. примеры с анафорическим ***sono koro***:

手掛かりは、戦地に行く前にミツコに教えた「悲しき口笛」という曲だけだった。そのころミツコは、藤川(菅井一郎)と京子(津島恵子)という親切な父娘と生活を共にしていた // Единственной зацепкой была песенка «Грустно насвистывал», которой он научил Мицуко, уходя на войну. **В то время** Мицуко жила вместе с отцом (Итиро Сугаи) и дочкой (Мэгумо Цусима) («Санкэй», веч. 19.06.2004).

Таким образом, переход к более широкому временному интервалу даёт сдвиг к отрезку, описывающему фонovую ситуацию, не только при моментной, но даже и длительной ситуации A1 (в примере ниже – хабитуальной): 子供のころ、よく甲子園に連れていってもらいました。そのころの甲子園の外野席はまだ自由席でした。// В детстве меня водили на бейсбольный стадион Косиэн. **В те годы** там дальние трибуны были без посадочных мест (Там же, веч. 30.09.2003).

Как и *kono toki*, ***kono koro*** вводит отсылку к ситуации – предмету рассмотрения автора на значительном отрезке текста. A2 теперь – фонovая:

刊行の中には、広島や三重県の小学校の事例で、家庭訪問の「規定」が紹介されている。このころには、今と同じように、子どもの家庭環境を把握するのが目的となっている。// В выпуске освещаются правила посещения семей в префектурах Хиросима и Миэ. **В описываемый период**, как и сейчас, целью является ознакомиться со средой проживания ученика («Асахи» 13.05.2001).

Примечательно, что синтаксическое сращение этого сочетания *konogoro* (с фонологическим изменением – озвончением в месте морфемного шва) имеет только временное дейктическое значение. В плане дискурс-разметки это даёт отсылку к данным из общих знаний коммуникантов, т. е. обоснование A1.

決めたのは、本命はともかくお土産がたくさん釣れるから、という単純な理由からだ。このごろは、ホームページに釣果を速報する船宿が増え、メールマガジンを送ってくれる宿もある...// *Всё решилось просто: так можно наловить большие «гостинцев». Сейчас есть даже гостиницы для рыбалки, сразу вывешивающие в интернете, какой в них улов* («Майнити» веч. 28.11.2001).

Сочетание с дистантным *ano* (*ano koro*) размечает экскурс в относительно обширный временной пласт, воспроизводимый в сознании коммуникантов:

山口県で少年時代を過ごした重松さんは「ヒバゴンは、きわめて身近なものだった。あのころの子どもは未来とか謎の生物とかUFOとか、いろんなものを信じていた。// *Для г-на Сигэмацу, проведшего детство в префектуре Ямагути, Хибагон (японский йети) был чем-то обыденным. В те времена дети верили и в будущее, и в загадочных существ, и в НЛО...*» («Тюгоку симбун» 29.04.2004).

3. Как можно было заметить, примеры с *koro* часты в вечерних номерах газет, вообще развлекательных текстах, показывая сдвиг от речевого (в том числе новостного) режима к нарративному [Падучева 1996], от нейтрального стиля к высокому. В текущем же обиходе слово *koro* оказывается заменено вторично реанимированным заимствованием – синоиероглифическим *jiki* (примерно то же произошло с русским *пора*, вытесненным из своей ниши словом *период*). За этим употреблением по-прежнему стоит представление о неуникальности события, хотя в современном сознании идея цикличности событий может размываться представлением об их нерегулярности, случайности. При тех же закономерностях сочетаний *kono/sono/ano jiki* отсылка, получается, даётся к множеству сходных, типовых ситуаций:

毎年参加は抽選となる人気のイベント。「この時期は雪下で育った『サクラキャベツ』が甘みがあって絶品」。主催者たちが口々に言う。// *Каждый год лотерея становится популярным событием. В этот сезон особенно хороша сладкая «сакуровая капуста», появляющаяся из-под снега, – повторяют организаторы* («Ниигата ниппо, веч. 3.03.2005), ср. 新学期になって1カ月。この時期、恒例なのが「家庭訪問」だ// *Месяц с начала четверти. В этот период учитель проходит по домам учеников.* («Асахи» 3.05.2001), ср. с *sono*: 通常は3~4日で郵便物は届きますが、その時期はクリスマスカードが多いのでイギリスの郵便局が混雑します。// *Обычно всё до-*

ходит за 2–3 дня, но **в эти недели** Британия наводнена рождественскими открытками (форум «Яху» 2005).

В примерах нециклического восприятия сохраняется нечёткое представление о смене «подходящих» и «неподходящих» временных отрезков, «секторов» (A2), более протяжённых, чем A1, ср. среди прочего англ. *timing*:

そこで、**なぜあの時期**に大臣は香港を訪問されたのか、目的は何だったのか... // *Тогда почему же министр поехал в Гонконг в тот период, с какой целью?* (парламентская стенограмма, 1996), ср. также: 逃避行を起こしたのは後藤さんの前妻木の内みどりさんです。**その時期**体調を崩したのは確かでしたが拒食症は雑誌社の勝手な憶測の見出しで// *Сбежала прежняя жена Гото – Мидори Киноути. Действительно, в то время она плохо себя чувствовала. Но про анорексию – это выдумки прессы* (форум «Яху», 2005).

4. Максимальная длительность A2 реализуется с *jidai* = эпоха. Случаев чисто анафорического использования мы не зафиксировали. Ментальный дейксис даёт ***ano jidai***: *こんな凄い曲が、あの時代、モーツァルトによって作曲されて、今も楽しむことができる。* // *Вот какую потрясающую музыку мог в то время сочинить Моцарт, а мы – наслаждаться ей теперь* (блог, 2008).

Абсолютный дейксис с ***kono jidai*** отсылает к такому же отрезку времени, что в русском и других языках того же ареала обозначается через личное местоимение. В японском языке такая номинация не невозможна, но получает несколько искусственное «социально нагруженное» звучание, ср. название романа нобелевского лауреата К.Оэ *我々の時代* = «Наша эпоха»:

東灘区の三十代・会社員は「この時代に起債して金が回るのか。自分たちの老後を考えると、財政の立て直しが先決」// *Говорит офисный работник старше 30 лет: Разве в наше время получится вернуть долги, которые наделаете сейчас? Чтобы обеспечить себя в старости, нужно прежде перестроить финансовую систему* («Кобе симбун» 23.10.2003).

Sono jidai даёт лишь распределительное значение: *死の国は地獄とか極楽とか、そんな過激な世界ではない。いろんな時代に死んだ人々が、その時代の服装で歩いている。* // *Смерть это не рай и не ад. Люди, умершие в различные эпохи, все ходят в одежде, какую носили в то время* («Киото симбун» 15.09.2002).

5. Обратное явление – сведение времени к точке имеет место с двумя «моментными» лексемами – *totan* и *shunkan*, зафиксированными только в анафорическом контексте с *sono*. Это ограничение объяснимо через саму природу концентрации на текущем моменте развития ситуа-

ции, который слишком «неглубок», происходит «по касательной» относительно основной линии повествования, и для того чтобы останавливаться на нём надолго (как с *kono*), и чтобы извлечь эту «иголку» из «стога» совместных знаний (как с *ano*).

Особенность употребления ***sono totan*** – в решающем, поворотном характере момента A1 для значимого развития ситуации в A2:

精子は酵素を頭から出し、卵子の殻を溶かし進入します。その途端、卵子は硬い殻を作り、他の精子を受け付けなくなります。// *Сперматозоид выныривает из фермента и проникает в яйцеклетку. В этот самый момент та формирует твёрдую оболочку и больше не принимает других сперматозоидов* (блог, 2008), ср.: 「私は色が見えないんだ」その途端に、森から潮が引いていくように光が失われていく気がした。// *«Я не вижу цвета!» – в это мгновение мне показалось, будто из леса вдруг откачали весь свет...* (жур. «Гундзо», 2004, № 6).

В случае ***sono shunkan*** внимание приковано к синхронности, тогда как сама A2 не имеет решающих последствий для коммуникантов, а скорее наоборот, предсказуема или составляет часть одной картины с A1:

関学大の41ヤードFGがゴールポスト右下にそれた。その瞬間、歓喜にむせび泣く立命大の選手たちがぬれた芝の上になだれこんだ// *Бросок с 41 ярда. Мяч команды «Кансэй гакуин» пошёл вниз вправо и попал в штангу. В этот момент игроки «Рицумэкана» разразились криком торжества и лавиной повалили на газон* («Киото симбун» 5.12.2004).

Стоит заметить, что при всей акцентировке одновременности событий в обоих выражениях синхронность в строгом смысле здесь как раз не выдерживается, а достигается лишь максимальное «прилегание», которое можно было бы назвать темпоральной асимптотой, имеющей, несомненно, характер речевого преувеличения (нарушения постулата количества).

6. Идею контемпоральности двух событий, из которых A1 мыслится как интервал, передают два сложных послелога с «техническими» именами *aida* и *uchi* с семантикой интервала. В первом случае A2 совпадает своей временной рамкой с A1 для канонического анафорического употребления (***sono aida***):

産経新聞大阪本社の引っ越しはすでに始まっており、九月初めにかけて行われる。その間も読者へ届ける新聞は、一日も発行を途切れさせてはならないのはいうに及ばない// *Осакский офис газеты уже начал переезд, который продлится до начала сентября. В этот период выпуск газеты для читателей, само собой, ни на день не должен быть прерван* («Санкэй» 23.07.2005), ср. ограничительное значение (A2 не продлевается за пределы A1): *創作のイメージづくりに夢中になって、その間、痛みから*

解放されるといふのだ。// *Он весь поглощён подготовкой набросков и на это время избавлен от боли* (Там же, веч. 4.01.2002)

В варианте ***sono aida ni*** идея параллельных интервалов получает ряд конвенциональных интерпретаций с утилитаристским инвариантом в идее использования времени, «успеть / не успеть». См. позитивную трактовку: 「今晚はとにかくこのホテルにお泊まりになった方がいいと思えますけど。その間にパリ行きの飛行機を探します」 // *Сегодня в любом случае поселяйтесь в этот отель. А я тем временем поищу вам билеты в Париж* («Майнити» 12.08.2004).

В негативном сценарии A1 указывает на (неправильное) действие, а A2 на (непоправимое) развитие ситуации: 日本発のニュースなのに、東京の本店に問い合わせてもよくわからない。その間に円は急激に売られ、1ドル=107円台後半から1時間で109円台に乗せた。// *Хотя всё происходит в Японии, в офисе в Токио ничего не слышали. А тем временем цена быстро падает, за час дойдя от 107 с лишним до 109 за доллар* («Асахи» 20.03.2004), ср. также: 女性が心臓発作で倒れ、昏睡状態になる。八カ月後に目覚めるが、その間に世の中は激変。// *Женщина получает сердечный приступ и впадает в кому. Через 8 месяцев она приходит в себя, но мир за это время совершенно меняется* («Санкэй» 20.04.2005).

Если в приведённой реинтерпретации идея каузальности была выражена слабо (и позитивное, и негативное события лишь делались возможными в условиях A1), то с *uchi* (чья главная идея – попадание A2 внутрь интервала A1) элемент каузальности гораздо более явный, см. с ***sono uchi ni***: 私は「それは違う」と言い続けました。彼女の気持ちも考えてのことです。しかしそのうちに言い争いになってしまったのです。彼女はもう私を嫌いなので、仲直りできない // *Я всё отрицал, учитывая её чувства. Но слово за слово дело дошло до ссоры. Уже я ей противен, и помириться невозможно* («Тюнिति симбун» 15.01.2005).

К абсолютному дейксису относится выражение ***kono aida***, указывающее на нечётко определённый предшествующий отрезок времени. Напротив, ***sono uchi*** означает неопределённый отрезок в ближайшем будущем:

「悪いことばかりは続かない。そのうちきっといいことあるのでは」と思うことにした。// *Я решила думать так: мол, не будет всегда плохо, рано или поздно обязательно будет и что-то хорошее* («Майнити» веч. 16.06.2002).

7. Фоновой к A1 является A2 в ***tooji*** – иероглифическом аналоге *sono toki* с поправкой на обычный для таких случаев переход в официальный стиль: 世界初演は1971年のニューヨーク。当時はベトナム戦争が泥沼化し、心のよりどころを求める若者たちが熱狂的に支持したという // *Мировая премьера была в 1971 г. в Нью-Йорке. Тогда США завязли во вьетнамской войне, и молодёжь, искавшая новую точку опоры, горячо приняла артистов* («Йомиури» веч. 28.09.2005).

С формантом *раз* нетривиальная (в отличие от今回 *konkai* = в этот раз, момент действия совпадает с моментом речи) трактовка проксимального дейксиса происходит в *kondo*, которое может под влиянием контекста значить и настоящее, и будущее, и *kondo-wa* с облигаторной контрастной семантикой в отрыве от таксиса, т. е. без совпадения A1 с моментом речи:

翌年10月。今度は集中豪雨に見舞われた。// Октябрь следующего года. **На этот раз район пострадал от ливней** («Асахи» 24.06.2001).

Конвенционализируется это употребление в директиваны и комиссивных речевых актах: 「日本人を代表して気合では負けたくなかったけど...。今度は必ず勝つ」// «Не хотелось проиграть, зная, что представляешь всех японцев... Ну, **в следующий раз я обязательно выиграю**» («Гюннити симбун» 21.01.2004).

Проследив прагматические валентности отдельных временных маркеров в японском языке, мы можем сказать, что система, которую образуют их компоненты (указательные и вербализующие концепты времени), сохраняет «сквозные» принципы сочетания сем этих двух типов не во всех своих узлах, кое-где вызывая сбои с образованием устойчивых нетривиальных трактовок, хотя и принцип композициональности тоже, конечно, торжествует не везде. Более того, мы смогли убедиться, что временная параллельность в языке вообще оказывается довольно хрупкой, хотя и явно привлекательной категорией. Говорящий постоянно пытается толковать её расширительно к своей выгоде, и в итоге многие варианты выражений, конвенционализируясь, «съезжают» либо в предшествование, либо в следование. Вообще, то, что временная параллельность (контемпоральность) оказывается тесно связана со следованием, объясняется линейностью как изложения, так и восприятия времени. Ведь уже сам процесс умственного отражения реальности связан с некоторым сдвигом, с учётом которого идея абсолютной синхронности становится условным приближением, тогда прагматический «прожектор» высвечивает скорее аспекты «наложения» ситуаций – такие как фоновость и выделенность, контраст, а также «довески» из представлений о каузальности, утилитаризме или оценочности.

Литература

Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка : в 2 т. М. : Наталис, 2008. Т. 1. 464 с.

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблема выделения и специфики функционирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Саратов, 2016. 49 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. М. : Яз. рус. культуры, 1996. 479 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Чиронов С. В. Японские контрастные дискурс-маркеры: проблемы и возможности исследования с использованием корпусных данных // Материалы XIII Междунар. конф. по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. СПб. : СПбГУ, 2018. С. 361–371.

Kotonoha 現代日本語書き言葉平均コーパス URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения: 11.02.2019).

金水敏,田窪行則(編)日本語研究資料集 指示詞. ひつじ書房 1992. 247 p.

УДК 327(520)

И. В. Шалина, С. А. Зыкова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Проанализированы направления внешней политики Японии по отношению к странам АТР. С опорой на источниковую базу исследований сформирована общая картина развития внешней политики, а также представлен обзор отношений России и Японии в последние годы, раскрыты возможные перспективы сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, АТР, внешняя политика, США, Китай, Россия, Корея.

I. Shalina, S. Zyкова

Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES OF JAPAN'S FOREIGN POLICY TOWARDS THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. This article analyzes the direction of Japan's foreign policy towards the Asia-Pacific countries. Based on the sources of research, a general picture of the development of foreign policy is formed. Besides there is an overview of relations between Russia and Japan in recent years, and possible prospects for cooperation are also revealed.

Keywords: Japan, Asia-Pacific region, foreign policy, USA, China, Russia, Korea.

Как известно, в последние несколько лет Россия и Япония ведут активные переговоры в отношении договора о мире, который так и не был заключен после Второй мировой войны. Для России важность этого договора заключается в том, что с его помощью нашей стране представится возможность выйти на новый уровень экономических отношений с Японией. В связи с этим Япония привлекает внимание россиян, заинтересованных в сотрудничестве с ней. Следовательно, политика Японии превратилась в один из важнейших объектов исследования на данном этапе развития отношений.

В то же время заключение мирного договора имеет не меньшее значение и для Японии. Россия является, безусловно, ценным внешнеэкономическим партнёром, источником энергетических и других природных ресурсов, обладает большим рынком сбыта и открывает новые го-

ризонты в инвестиционных программах. К тому же Россия – это государство, занимающее ключевое положение в международной иерархии, страна – постоянный член Совета безопасности ООН, участвующая также и в корейском урегулировании.

В свою очередь, Япония – ключевой участник таких финансово-экономических организаций, как «Группа семи», «Группа двадцати» и многих других структур в Восточной Азии и АТР, что имеет непосредственное значение для российской внешней политики в регионе [Шагвбок...].

Однако политические связи обеих стран не замыкаются друг на друге, поэтому мы рассмотрим политику Японии в отношении некоторых других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, после чего попытаемся определить роль России в данном контексте.

Япония и США

Основы современной внешней политики Японии формировались после окончания Второй мировой войны в условиях американской оккупации (1945–1951) и холодной войны между социалистическими и капиталистическими странами. Выход Японии в конце 1960-х гг. на второе место после США в капиталистическом мире по экономическим показателям предопределил её особую роль как крупной региональной державы [Мирный договор между Россией и Японией...].

Действительно, сегодня мы можем наблюдать влияние исторических событий на то, как складывается политика Японии в настоящее время. Следует отметить в этой связи, что до сих пор США остаются одним из главных партнёров Японии и оказывают определённое влияние на принятие решений как в политической, так и экономической сферах.

Однако время не стоит на месте. Нельзя недооценивать возросшую роль Японии в АТР, а также ее попытки принимать самостоятельные решения. Например, в договоре, заключённом между США и Японией, последней запрещается иметь свою собственную армию, но по факту силы самообороны Японии на данный момент представляют собой полноценную армию, которая принимала участие и в войне в Афганистане, и в Иракской кампании.

Япония и Китай

Говоря об отношениях Японии ещё с одним несомненным лидером в регионе, КНР, мы столкнемся с непростой ситуацией. Если постараться изобразить отношения Япония – Китай в виде схемы или графика, то можно увидеть, что они волнообразны – спад и подъём подчинены определённому циклу.

Так, до определённого момента сотрудничество стран было ограничено по причине курса политики США, направленной на «сдерживание» Китая. Только в сентябре 1972 г. в Пекине было принято Совместное заявление правительств КНР и Японии, которое декларировало установле-

ние дипломатических отношений между двумя странами. Тогда же Япония официально признала правительство КНР в качестве «единственно законного правительства Китая» и разорвала дипломатические отношения с Тайванем, что открыло путь к широкому развитию межгосударственных связей и повышению значения китайского фактора в глобальной политике Японии [An Examination of Japan's Asia-Pacific Policy].

В период 1973–1978 гг. между Японией и Китаем были подписаны различные торгово-экономические и политические соглашения, среди которых одним из важнейших является договор о мире и дружбе, заключенный в 1978 г.

Нельзя обойти вниманием и охлаждение двусторонних отношений: периоды спада наблюдаются с 2001 по 2006 г., до самой отставки премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми, в связи с посещением главой японского правительства храма Ясукини, который в Китае считается символом японского милитаризма. В 2006 г. этот вопрос был урегулирован и политические отношения были возобновлены.

Необходимо также упомянуть о разногласиях, касающихся не только «исторической памяти», но и территориальных споров. До сих пор актуальным остаётся вопрос о принадлежности острова Сэнкаку. Спор возник еще в 70-х гг. XX в., и со стороны Японии предпринимались попытки его разрешения, несмотря на это, вопрос остаётся открытым.

Япония и Корея

Особое место во внешней политике современной Японии занимают взаимоотношения со странами Корейского полуострова. Связи Японии с Кореей, так же как и с Китаем, завязались еще в глубокой древности. Принято считать, что именно корейские переселенцы завезли в Японию культуру земледелия, включая способы орошения полей, гончарное производство и некоторые другие элементы культуры [Стратегический треугольник...].

Необходимо сделать оговорку, что в данной статье мы будем рассматривать в основном отношения Японии и Южной Кореи, которые претерпели ряд серьёзных изменений.

Если раньше Япония оказывала большое влияние на государство, ранее находившееся в оккупации, а затем нуждающееся в поддержке, то сейчас уже сложно назвать связь между этими странами вертикальной.

С начала 2013 г. скорость преобразования экономических взаимоотношений между Японией и Южной Кореей значительно возросла. Япония и Корея являются непосредственными конкурентами во многих важных секторах экономики, особенно в области индустрии потребительских товаров длительного пользования, таких как автомобили и электроника [Уразаева, 2018].

Говоря о разногласиях, отметим, что между Кореей и Японией имеет место очередной территориальный спор относительно острова Токто

(яп. Такэсима). Присоединение данного острова к территории Японии произошло во времена оккупации, после снятия которой возврат или присвоение последнего не было зафиксировано документально.

Япония и Россия

Сейчас отношения России с Японией достаточно противоречивы. Однако при формировании нового, реалистичного, экономически и политически обоснованного курса России в Азиатско-Тихоокеанском регионе её национальные интересы должны укрепляться, прежде всего за счет развития торгово-экономических и политических отношений, обменов в области науки и культуры, межлического общения [Шалина, 2007].

Тем не менее существует камень преткновения, который не даёт странам заключить мирный договор, и на данный момент обе стороны вынуждены довольствоваться совместной декларацией 1956 г. о стремлении к заключению договора. Речь идет о «Северных территориях».

По причине наличия данного территориального спора странам не удастся прийти к взаимопониманию и наконец начать полноценное сотрудничество. Сейчас эта тема особенно актуальна – практически на каждой встрече президента В. В. Путина с премьер-министром Синдзо Абэ руководители стран обсуждают пути развития взаимодействия России и Японии, обещая при этом своим странам как можно скорее окончательно решить вопрос территорий и подписать мирный договор.

В ходе своего официального визита в Российской Федерации в мае 2016 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ представил Президенту России Владимиру Путину «План сотрудничества», охватывающий восемь областей: энергетику, промышленность, здравоохранение, сельское хозяйство, городскую среду, кооперацию малого и среднего бизнеса, высокие технологии, гуманитарные обмены [РФ и Япония обсудят ...].

На данный момент самой продуктивной для взаимного сотрудничества двух стран является сфера экономики – повышение энергопотребления японской экономики способствует увеличению ее зависимости от дальневосточной российской нефти. К тому же странами была установлена работа Российско-японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, учрежденной в 2004 году.

Подводя итог анализу, можно констатировать, что отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в основном развиваются в треугольнике США – Япония – Китай, в котором страны связывает как сотрудничество, так и противостояние за своё место на мировой арене.

Главными из актуальных вопросов Японии в АТР являются территориальные споры – не только с Россией (Курильские острова), но и Южной Кореей (острова Токто) и Китаем (острова Сэнкаку).

В целом российско-японские отношения демонстрируют положительную динамику в своем развитии. Особенный прогресс наблюдается

в сфере торгово-экономических и культурных связей, что отвечает интересам народов двух стран.

Невозможно выработать государственную стратегию регионального развития, обеспечивающую интересы России в процессе ее интеграции со странами АТР, не учитывая ее многовекового опыта сотрудничества с ними. В первую очередь с Китаем и Японией [Шалина, 2002].

Таким образом, современная внешняя политика Японии в АТР отличается разнонаправленностью, преемственностью и постоянством в ключевых вопросах. Главным внешнеполитическим партнером и союзником Японии на протяжении многих десятилетий остаются Соединенные Штаты Америки.

Японская дипломатия откликается на новые проблемные ситуации регионального или международного характера. Внешняя политика Японии ориентирована на расширение сотрудничества с «ключевыми игроками» АТР – Китаем, Россией, Республикой Корея.

Литература

Мирный договор между Россией и Японией: кому это выгодно? [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mirnyu-dogovor-rossiya-yaponiya/> (дата обращения: 10.02.19).

РФ и Япония обсудят развитие двусторонних отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5162644> (дата обращения: 07.02.19).

Стратегический треугольник: США-Япония-Южная Корея [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a02702/> (дата обращения: 10.02.19).

Уразаева Ф. П. Внешняя политика Японии на современном этапе // Теории и проблемы полит. исслед. 2018. Т. 7, № 4А. С. 117–129.

Шаг вбок. Что даст России мирный договор с Японией? [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/politics/world/shag_vbok_chno_dast_rossii_mirnyu_dogovor_s_yaponiey (дата обращения: 10.02.19).

Шалина И. В. Взаимопроникновение культур России и Японии в аспекте исторического взаимодействия // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : сб. науч. докл. Междунар. конф. Иркутск : ИГЛУ, 2007. С. 201.

Шалина И. В. Россия и Япония в АТР. Развитие российско-японских отношений на примере взаимодействия с Иркутской областью // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI в. : сб. науч. докл. Междунар. конф. Хабаровск, 2002. С. 119.

An Examination of Japan's Asia-Pacific Policy. URL: <https://www.nippon.com/ja/features/c00203/> (дата обращения: 09.02.19).

И. В. Шалина, О. А. Клеянкина
Иркутский государственный университет, Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Проводится анализ преобразований, постигших японское общество во второй половине XIX в. В сравнении с другими азиатскими странами Япония не стала колонией, встав в один ряд с передовыми цивилизациями Запада; ей удалось сохранить традиции, обычаи, устои, приверженность своей истории и религии.

Ключевые слова: Япония, трансформации, эпоха Мэйдзи, экономический рост.

I. Shalina, O. Kleyankina
Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF JAPANESE SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE XIX TH CENTURY

Abstract. The aim of the article is to analyze the transformations of Japanese society in the second half of the XIX century. In comparison with other Asian countries, Japan did not become a colony, standing on a par with advanced civilizations of the West; it managed to keep traditions, customs, foundations, adherence to its history and religion.

Keywords: Japan, transformation, Meiji era, economic growth.

Вторая половина XIX в. в истории Японии приходится на период смены эпох, что повлекло за собой изменения как внутри страны, так и за ее пределами, – во взаимоотношениях Японии с Западом. В дальнейшем японское общество претерпело ряд серьезных трансформаций, затронувших социальные, экономические, политические, территориальные аспекты.

Именно в рассматриваемый период были заложены основы дальнейшего преобразования японского общества; «пропуская через себя» внешние заимствования на уровне национального подсознания и примеряя на себя «другое» новое, Япония делала это «своим». В сравнении с другими азиатскими странами, Япония не стала колонией, встав в один ряд с передовыми цивилизациями Запада; ей удалось сохранить традиции, обычаи, устои, приверженность своей истории и религии.

Термин «трансформация» (преобразование, превращение; перемена вида чего-либо [Пуляев, с. 678]) в целях настоящего исследования будем рассматривать как новую ступень развития, толчок к дальнейшему преобразованию общества в последующих исторических периодах.

До середины XIX в. Япония на протяжении двух с половиной столетий являлась закрытой страной и была изолирована от внешнего мира, в частности от европейских держав и Америки. Политика самоизоляции в отношении с Западом была принята Японией с целью сохранения традиционных феодальных устоев и культурной самобытности; как средство защиты страны от иностранного политического влияния и

угрозы колониального порабощения. Политика Сакоку Сэйсаку длилась с 1639 по 1854 г. [Шалина, 2006, с. 14]. После «закрытия» страны фактически прекратились торговые связи Японии с Европой, тогда как сохранились неофициальные контакты с соседними азиатскими странами.

Феодальная экономика Японии в период Эдо (1603–1868 гг.) была полунатуральной (налоги и зарплата уплачивались рисом). Японское общество во времена правления сёгуната Токугава было сословным и делилось на четыре больших группы: воинов-самураев («си»), крестьян («но»), ремесленников («ко») и купцов («сё») [История Японии, с. 11]. Для периода самоизоляции была характерна четкая иерархия традиционного японского общества, в которой каждый знал свое место.

Предпосылки перехода Японии к буржуазному обществу обусловлены развитием в начале и середине XIX в. двух процессов: нарастающего внутреннего системного кризиса феодальной системы и внешнего давления со стороны западных держав.

Признаками внутреннего кризиса были замедление экономического роста, расшатывание сословной структуры, неэффективность государственного управления, рост местного сепаратизма, крестьянские восстания [Мазуров, 2006].

Внешние предпосылки были связаны с борьбой Европы, Российской империи и США за раздел колоний, борьбой, в которой Япония привлекала внимание своим территориальным положением и потенциальными рынками сбыта. Насильственное «открытие» Японии с целью завязывания торговых отношений с США, равно как и с Российской империей, а позже с Британией и Францией, после двух веков самоизоляции и заключение в 1854–1858 гг. унижительных неравноправных договоров серьезно пошатнули авторитет сёгуната.

Ключевые события трансформации японского общества в экономической, политической и социальной сферах происходили в исторический период 1868–1912 гг., известный как «реставрация Мэйдзи» (также «революция Мэйдзи») [Там же]. По мнению известного японоведа Василия Молодякова, «Мэйдзи исин была консервативной революцией, потому что революционным путем восстановила целый ряд традиционных, исконных норм и институтов, включая императорское правление вместо системы сёгуната, «единство ритуала и управления», господство национальной религии синто, и сделала основой официальной идеологии и философии концепцию кокутай, «государственного организма» [Молодяков].

В качестве национальной идеи была взята на вооружение мысль о божественном происхождении нации, выраженном в личности императора, потомка богини Аматэрасу. Восстановление императорского правления на заре эпохи Мэйдзи было, таким образом, актом духовного обновления. В ходе административной реформы императору и правительству была возвращена власть над населением и землями страны.

Модернизация повлияла на внутреннее территориальное устройство Японии. В традиционном обществе семья проживала на определенной территории и тесно взаимодействовала с окружением. Прежнее административно-территориальное деление страны было реформировано, и появились префектуры вместо прежних княжеств. Теперь главами префектур становились не представители круга «своих», а назначаемые правительством чиновники [Новикова, 2014, с. 65]. Одновременно с административной реформой шли преобразования в структуре правительства, был сформирован кабинет министров; в 1889 году Япония приняла Конституцию.

Главным для Японии изначально было не только сравняться с Западом, но и создать собственное сильное государство. А ведь совсем недавно руководящей идеей страны было «сохранить без изменений данный феодальный порядок..., не допустить никаких новшеств и перемен...» [Шалина, 2006, с. 14]. Единственным возможным путем осуществления поставленной цели под лозунгом «Богатая страна, сильная армия» было проведение преобразований внутри страны и осуществление экспансионистской внешней политики. В связи с этим новое правительство приняло решение о создании боевой армии. Огромную роль в процессах трансформации всей структуры общества стала играть милитаризация. В ходе военной реформы войска самураев из бывших княжеств переподчинились вновь созданному министерству, в стране была введена всеобщая воинская повинность.

Социальная реформа упраздняла старую сословную систему и вводила три новых сословия: титулованное и нетитулованное дворянство, а также простой народ. В последнюю социальную группу должны были влиться и бывшие «неприкасаемые» (буракумин). Упразднение системы сословного деления и признание прав и свобод, равенства всех перед законом оказало огромное влияние на изменение статуса в иерархической системе японского общества, хотя на протяжении долгого времени после этого прежний уклад еще сохранялся [Пуляев].

Важное место в преобразованиях отводилось земельно-налоговой реформе и реформе образования. Благодаря освоению новых технологий, развитию промышленности и строительства реставрация Мэйдзи позволила Японии перейти на новый индустриальный уровень развития.

Процессы преобразований в этот период рассмотрены в трудах отечественных и зарубежных ученых. Характер реформ описывается как «состояние непрерывного становления», «широкомасштабная модернизация» [Фредерик Луи]; «коренная перестройка» [Молодякова, 2011]. При этом отмечается, что для Японии свойственен эволюционный тип трансформации: «Новые элементы лишь добавлялись к старой структуре, никогда не разрушая ее, часто сосуществуя с ней, иногда сливаясь, образуя единый сплав, где уже трудно различить, что взято извне, а что

традиционно японское. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызвали перестройку всей системы» [Молодякова, 2011].

Таким образом, если на Западе новая ступень развития создавалась при отрицании предыдущей, то в Японии – путем преемственности, культурной адаптации. (Не случайно для определения сути преобразований было взято слово исин, что и означает «обновление».)

Заимствование передовых достижений науки и техники стран Европы и Америки сопровождалось также копированием элементов культуры, совершенно чуждых японской картине мира из-за различия культурных традиций. Для принятия западных идей нужны были коренные трансформации, прежде всего самого образа жизни. Период изначально предписанной идентичности закончился, и в стране началась действительно новая эпоха [Новикова, 2014, с. 63].

Многочисленные преобразования, проходившие под лозунгом «Цивилизация и просвещение», имели целью догнать Запад. Реформы позволили стране «встать на ноги», темпы роста японской экономики начали превышать темпы роста экономики США [Шалина, 2014, с. 312]. Девизом того времени были слова «японский дух – западные знания», японцы понимали важность сохранения своей идентичности. Готовность японцев следовать пути модернизации по западному образцу в эпоху Мэйдзи проистекает из давней привычки заимствовать, с одной стороны, и стремления избежать участи колонизированных стран – с другой. Сохраняя и оберегая традиционное мировосприятие, японцы постарались как можно быстрее освоить западные достижения, понимая свою слабость, связанную с технической отсталостью [Новикова, 2014, с. 64].

В результате эпохи «просвещенного правления» Япония перестала отделять себя от остального мира и превратилась в «просвещенное государство», переняла многие достижения и уроки Запада. Стране «удалось за несколько десятилетий перешагнуть от Средневековья к современности, изменить политическую, экономическую и правовую структуры, внести преобразования в промышленную, военную, культурную и социальную сферы и коренным образом перестроить традиционное японское общество. Реформа коснулась даже поведения и образа мыслей японцев, так что все, начиная с простого крестьянина и заканчивая монархом, руководствовались одним лозунгом: «Будем подражать Западу, пока не станем равными ему» [Фредерик Луи].

Идея модернизации общества на сегодняшний день является отправной точкой для большинства стран, поскольку современная ситуация показала необходимость изменений. Оптимальный вариант для государства – когда общество перенимает достижения ведущих стран, но при этом сохраняет свои национальные особенности, адаптирует полученный опыт к реалиям своего государства [Муковнина].

Один из лучших примеров подобной адаптации – трансформация японского общества второй половины XIX в. Долгое время, будучи в изоляции от западного мира, Япония сумела перенять передовые идеи европейской и американской культуры и за короткий промежуток времени догнать их и выйти в разряд передовых стран мира. При этом страна не отказывалась от своего прошлого, традиций и не теряла своего будущего. Здесь не было места бездумному копированию, поверхностному реформированию и несоответствию государственной политики с воплощением на местах, что мы часто можем видеть в любой другой стране. Япония – одна из немногих стран-исключений, воплощение слияния восточного менталитета и образа жизни с западными знаниями и технологиями [Муковнина].

Таким образом, необходимо отметить, что особенностью перехода от традиционного общественного уклада к современному является то, что благодаря богатому опыту адаптивного заимствования японцы смогли за удивительно короткий срок сформировать новый образ нации, когда новое «надстраивается» на старое с сохранением многих традиционных черт, отражение которых можно найти и сейчас.

Литература

История Японии / под ред. А. Е. Жукова. Т. 2. 1868–1998. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. 703 с.

Мазуров И. В. Япония на пути модернизации : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск : Изд-во Дальневост. гос. гуманитар. ун-та, 2006. 48 с.

Мак-Клейн Д. Л. Япония. От сегуната Токугавы – в XXI в. / пер. с англ. Е. А. Красулина. М. : Астрель; АСТ, 2011. 895 с.

Мещеряков, А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М. : Наталис, 2009. 736 с. (Восточная коллекция).

Молодяков В. Э. Японский консерватизм: консервативные революционеры [Электронный ресурс] / <https://politconservatism.ru/thinking/yaponskiy-konservativizm-konservativnyye-revolyuutsionery> (10.03.2019).

Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. О японском типе модернизации // Япония: опыт модернизации : сборник / рук. проекта Э. В. Молодякова. М., АИРО-XXI, 2011. С. 51–70.

Муковнина А. Влияние Западного мира на научную и культурную жизнь Японии (период сегуната Токугава) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/21502330> (10.03.2019).

Новикова, О. С. Трансформации традиционной идентичности в модернизирующейся Японии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 63–68.

Норман Г. Становление капиталистической Японии: Экономические и политические проблемы периода Мэйдзи [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/norman_gerbert/stanovlenie_kapitalisticheskoy_yaponii.html#0.

Пуляев А. В. Трансформация феодально-сословной структуры японского общества во 2-й половине XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/27/2958/> (10.03.2019).

Фредерик Луи. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/frederik_lui/povsednevnaya_gizn_yaponii_v_epohu_meydзи.html#0 (10.03.2019).

Шалина, И. В. Первые японцы в России в конце XVII–XVIII вв. и начало русско-японского межкультурного взаимодействия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. С. 14.

Шалина, И. В. Японская модель корпоративной культуры // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014.

УДК 81

М. Ю. Шалунова

Байкальский государственный университет, Иркутск

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматривается роль и место междометий в системе частей речи корейского языка. Полемика вокруг вопросов о месте междометия в системе частей речи корейского языка и семантической классификации междометий ведется среди представителей корейского языкознания на протяжении многих лет. Рассмотрены основные точки зрения корейских лингвистов по данной проблеме.

Ключевые слова: междометия, эмоциональные междометия, волеизъявительные междометия.

M. Shalunova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE HISTORY OF THE RESEARCH OF THE KOREAN INTERJECTIONS

Abstract. The purpose of the article is to consider the role and place of interjections in the system of parts of speech in the Korean language. The problem about the place of interjections in the system of parts of speech and the problem of the semantic classification of interjections were for decades been under scrutiny in various linguistic circles. The paper addresses the main theoretical viewpoints towards these problems.

Keywords: interjections; emotive interjections, volitive interjections.

Несмотря на то что исследование такой категории, как междометие, насчитывает долгую историю, на современном этапе развития науки о языке данная часть речи остается наименее изученной.

До сих пор среди представителей как отечественного (А. А. Потемкина, В. В. Виноградов, А. И. Германович, А. Вежбицкая и др.), так и зарубежного (В. Гумбольдт, Ш. Балли, Ким Гю Сик, Син Чжиен и др.) языкознания возникают споры, касающиеся вопросов о языковой сущности этой «неясной и туманной» категории, значения, функции и роли, которую она играет в языке.

Становление лингвистической традиции в Корее началось сравнительно недавно (XX в.). Внимание исследователей к изучению структуры родного языка было скорее опосредованным. Основная задача линг-

вистов того времени заключалась в рассмотрении родного языка с точки зрения универсальной грамматики, основные положения которой были сформулированы античными философами и получили развитие в XVII–XVIII вв.

Интерес со стороны корейских исследователей к изучению грамматики родного языка стал возрастать только в XX в. Ученые разделились на два лагеря – аналогистов и аномалистов. Первая группа лингвистов поддерживала универсальную европейскую частеречную классификацию, вторая группа подчеркивала уникальность корейского языка и придерживалась позиции создания определенной грамматики, свойственной только корейскому языку.

Первые упоминания о междометиях корейского языка можно встретить в работе французского исследователя М. К. Эмбо-Ора. Ученый относит единицы, входящие в разряд междометий, к союзам [Imbault-Huart, 1889, p. 22]. Как отмечает В. В. Аникина, это связано с тем, что частотность употребления междометий «была значительно ниже, чем у других частей речи» [Аникина, 2009, с. 27].

Представители корейского языкознания И Гиль Чжун (이길준, 1908) и Ким Гю Сик (김규식, 1908), уделяя изучению частеречного аппарата корейского языка огромное внимание, описали междометие как самостоятельную часть речи, основная функция которой заключается в выражении чувств.

Чжу Си Генг (주시경, 1910) разделил все части речи корейского языка на знаменательные и служебные. Наряду с глаголами, существительными, числительными, прилагательными и наречиями к знаменательным частям речи исследователь отнес и междометия. Его последователи Ким Ту Понг и Ли Ван Ынг объединили классы слов на основе их семантико-семантических признаков в макроклассы. В собирательный класс (모임씨) помимо наречий (억씨) и прилагательных (언씨) исследователи включили и междометия [이광정, 2003].

Необходимо отметить, что разногласия среди исследователей возникали относительно самого термина, определяющего данный класс слов. И Гиль Чжун и Ким Гю Сик применяют термин 감탄사 при названии данной части речи, Чжу Си Гёнг, сторонник корейской терминологии при названии частей речи, использовал единицу 놀 (놀다 – веселиться) [주시경, 1910, p. 11].

До сих пор остается открытым вопрос о семантической классификации междометий корейского языка.

В грамматиках корейского языка междометие рассматривается как часть речи, служащая для выражения эмоций и волеизъявлений говорящего [김정숙, 2005, с. 460]. Согласно толковому словарю корейского языка, в группу междометий входят не только лексические единицы,

выражающие эмоции и волеизъявления, но и ответы, слова-паразиты, а также такое явление, как повторение, или пролонгация, звуков или слогов (заикание) и т. д.» [국어사전, 1997, с. 53].

По мнению корейского лингвиста Син Чжиена, междометия корейского языка можно разделить на две отличающиеся по своим функциям семантические группы: эмоциональные междометия (감정적 간투사) и волеизъявительные междометия (의지적 간투사) [신지연, 2001].

С точки зрения исследователя, основная функция эмоциональных междометий заключается в выражении говорящим своих эмоций, а функция волеизъявительных междометий – в выражении говорящим своей воли.

Более широкую классификацию корейских междометий приводит корейский исследователь О Сынсин. Ученый отмечает, что междометия не обладают грамматическими признаками, как остальные части речи, они синтаксически независимы и могут выступать в роли самостоятельных предложений [오승신, 1995]. Лингвист выделяет группу эмоциональных междометий (표출적 기능의 감탄사); группу волеизъявительных междометий (행동 유발적기능의 감탄사); группу этикетных междометий (의사 전달 기능의 감탄사). В свою очередь каждая группа делится на несколько подгрупп. Например, к группе эмоциональных междометий О Сынсин относит:

а) междометия, непосредственно выражающие чувства говорящего (느낌의 표출): *아이고, 어이쿠, 후유*;

б) когнитивные междометия (인지 작요의 표출): *아차, 아참, 아하*;

в) междометия, выражающие мольбу (기원의 표출): *만세, 아멘*.

В группу волеизъявительных междометий ученый включает:

а) междометия-призывы к животным (동물의 행동 유발): *우어, 두두, 워리* и т. д.;

б) междометия-призывы к детям (유아의 행동 유발): *도리도리, 자장자장, 짹짹꿍 짹꿍* и т. д.;

в) междометия-призывы во время совместной работы (여러 사람이 힘을 모으기 위해 쓰이는 경우): *영차기, 어여차* и т. д.

К этикетным междометиям, с точки зрения корейского лингвиста, относятся:

а) междометия, с помощью которых можно привлечь внимание собеседника (부름): *얘, 여보, 여보세요* и т. д.;

б) ответы (응답): *네 (예), 그래, 아니, 암* и т. д.;

в) этикетные формулы (인사): *안녕* [오승신, 1995].

Ким Сонми считает, что при классификации междометий необходимо учитывать, с какой целью произносится то или иное высказывание

(классификация зависит от цели высказывания). Исследователь говорит о бессознательном употреблении эмоциональных междометий в речи и отмечает, что данную группу слов можно разделить на междометия, с помощью которых говорящий, основываясь на своем опыте, выражает свое отношение к ситуации (직접경험); междометия, которые применяются для выражения отношения к событиям, произошедшим в жизни собеседника (간접경험) [김선미, 2012, с. 89].

Результаты обзора имеющихся на данный момент научных работ относительно междометий корейского языка показывают, что вопросов, касающихся данных единиц, у представителей корейского языкознания возникает ничуть не меньше, чем у представителей отечественного языкознания. Вопрос о выделении междометий в отдельный класс слов остается спорным. Вероятно, это связано с той ролью, которую оказало на развитие корейского языкознания европейская традиция. Также остается открытым вопрос о семантической классификации междометий.

Литература

Аникина В. В. Зарождение и становление лингвистической традиции в Корее: на материале эволюции учений о частях речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Иркутск, 2009. 196 с.

김규식 (金奎植). 大韓文法 [본문] / 김규식. 서울: 탐출판사, 1909. 146 페이지.

김두봉. 조선말본 [본문] / 김두봉. 상해: 새글집 김더 재판, 1916. 381 페이지.

김정숙. 외국인을 위한 한국어 문법 1 / 김정숙, 박동호, 이병규. 대한민국, 서울, 커뮤니케이션북스, 2005. 570 p.

백과사전. 주시경 (한국국어학자) [인터넷 출처] / 백과사전. 2009. 본원: <http://enc.daum.net/dic.100/contents.do?query1=b19j35559b> (본 날짜 2009.03.25).

오승신. 한국전자통신연구원 음성/언어정보연구부 선임연구원. URL: http://www.korean.go.kr/nkview/nklife/2005_2/2005_0212.pdf (17.02. 2016).

김 민수. 국어사전. 서울: 금성출판사, 1997. 208 с.

УДК 81

И. В. Шаравьева

Иркутский государственный университет, Иркутск

ХАРАКТЕРИСТИКА 文 «ВЭНЬ» В КУЛЬТУРЕ С ИДЕОГРАФИЧЕСКИМ ТИПОМ ПИСЬМА В ТРАКТОВКЕ ЛЮ ГОЭНЯ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. Рассматривается понятие «вэнь» в культуре с идеографическим типом письма в трактовке Лю Гоэня и его последователей. Основания понятия «вэнь» в культуре Китая заложены в трудах, обосновывающих теоретические и практические результаты анализа культуры китайских ученых, а также в древних источниках. К характерным атрибутам культуры можно отнести идеографический способ представления картины мира, формирующий китайскую иероглифическую

письменность. Отмечается особый статус письменного знака в китайском языке и его важнейшая роль в формировании письменной культуры. «Вэнь» имеет комплексный характер, в котором сопряжены культурологический, идеографический, семиотический, философский аспекты.

Ключевые слова: культура, понятие 文 «вэнь», Лю Гоэнь, китайская письменность.

I. Sharavyova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE CHARACTERISTIC OF 文 «WEN», IN A CULTURE WITH IDEOGRAPHIC TYPE OF WRITING, INTERPRETED BY LIU GOEN AND HIS FOLLOWERS

Abstract. The purpose of the article is to examine the concept of “wen” in a culture with the ideographic type of writing as interpreted by Liu Goen and his followers. The basis of the concept of «wen» in Chinese culture lies in the works substantiating the theoretical and practical results of the Chinese scientists’ analysis of culture, as well as in ancient sources. The common attributes of culture can be ideographic way of representing the worldview which forms the Chinese hieroglyphic writing. The significant status of a written sign in Chinese and its crucial role in the formation of a written culture are noted. “Wen” has a complex character, in which cultural, ideographic, semiotic, and philosophical aspects are associated.

Keywords: culture, concept of “wen”, Liu Goen, Chinese writing.

Плодом наблюдения и изучения «десяти тысяч вещей» окружающего мира стало появление иероглифической письменности и китайской культуры вообще. Понятие 文 «вэнь» (этимологическое значение – «узор», «сеть», «татуировка») является базовым в культуре Китая. 文 «вэнь» образует бином 文化 wenhua, а именно – культура, выраженная в письменном знаке.

В связи с тем что в китайском мировоззрении большое внимание уделяется первоначалам как проявлению макрокосмического порядка, «вэнь» представляет собой определяющее понятие материального и духовного начал и является проявлением целостности бытия. Появление письменности послужило предпосылкой для дальнейшего онтологического обоснования понятия «вэнь». Универсализм понимания «вэнь» отчетливо прослеживается во всей китайской философии.

«Вэнь» проявляется в человеке, прежде всего в виде культуры и письменного слова. Но не только литература или высокая культура определяются вселенским узором «вэнь». Любой письменный знак, иероглиф есть как бы частное проявление «узора» космоса. Такое понимание письменности обусловило поистине благоговейное отношение народа традиционного Китая к письменному тексту [Торчинов, 2007, с. 31] и явилось важным фактором формирования китайской культуры.

Связи китайской иероглифики и китайской культуры в течение долгого времени являлись предметом изучения ученых, отмечавших, что это есть не что иное, как познание китайской культуры. Чжан Ёуюй отмечает, что «изучение иероглифики повышает культуру» [Торчинов, 2007, с. 1]. То есть целью усвоения китайских знаков является повышение уровня культуры, развитие самой культуры, а также процветание и распространение китайского языка по всему миру.

С точки зрения Лю Гоэня, иероглифика сама по себе есть явление культуры. В настоящее время одним из актуальных вопросов остается изучение знаков именно в контексте культуры. Это имеет как теоретическое, так и практическое значение. Китайская иероглифика была и остается основой традиционной культуры и включает около 150 тысяч знаков.

Обобщив исследования китайских грамматологов, Лю Гоэнь особое внимание уделяет исследованию вопроса существования культуры китайской письменности. Он утверждает, что особенность китайской культуры, определяющаяся спецификой мышления, привела к появлению факторов образности, гомогенности. Отражением образности мышления можно считать эволюцию китайских знаков от пиктографического изображения до современных иероглифов. Абстракция и обобщение – основные процессы в мышлении человека, благодаря которым человек познает предметы окружающего мира и законы природы. Например, пять пиктограмм системы пяти элементов «У-син» «металл», «дерево», «вода», «огонь», «земля» возникли посредством внимательного изучения их свойств и применения методов научного наблюдения.

Наряду с этим роль культуры в иероглифике проявляется в том, что культура подготовила почву для развития и стабильности существования письменности, что позволило выделить такие характеристики существования культуры, как «устойчивость, способность передаваться из поколения в поколение» [木镜湖, с. 3]. Одной из причин долговременного существования иероглифики является ее преимущество перед европейскими языками [Там же, с. 3].

По мнению Лю Гоэня, к особенностям отношения культуры и иероглифических знаков относится самобытность последних. Самобытность выражается в том, что культура одной нации оказывает влияние на культуру другой. В связи с тем что язык и письменность являются одной формой культуры, письменные знаки – это фактор, составляющий самобытность культуры, так как возникновение письменности происходило под влиянием национальной культуры. Каждый иероглиф представляет собой «цветок» культуры [汉字文化漫谈, с. 6].

К особенностям изучения китайской письменности ученые причисляют и обращение к истории. Только учитывая этимологию знаков, исследуя эволюционный путь каждой пиктограммы, можно приблизиться к пониманию китайской самобытности.

Возникновение китайских знаков – это не только результат развития культуры, но и ее «созерцание». Так, например, древние верования – тотемизм, идолопоклонство, поклонение предкам – это все есть прямые источники создания иероглифики [Там же]. Первоначальные знаки имели определенные значения, описывали предметы окружающего мира. Однако свойства предметов могут проявлять себя с разных точек зрения, поэтому семантика знака может расширяться. В каком направлении будет развиваться значение, в преимущественно определяет культура.

Например, знак 天 *tiān* небо передает изображение «крыши над головой человека». Однако «небо» относится к основным понятиям китайской философии и культуры и отражает мировоззрение древних китайцев. Очевидна связь данного знака с традиционной концепцией китайской философии 天人合一 *tiān rén hé yī*, согласно которой человек и небо, природа едины. Знак 天 *tiān* выделяет то общее, что есть в человеке и природе. Это одна из особенностей китайской культуры.

Китайская культура оказала большое влияние на культуру других стран. Иероглифика не пошла по фонетическому пути, характерному для западной цивилизации.

Обладая самобытностью, китайские иероглифы и культура сосредоточили в себе восточное понимание мира, отражение поступков, теоретические воззрения, богатые материальные блага. Здесь обнаруживается определенное противостояние западной и восточной традиций, и оружием такого противостояния является традиционные культура и письменность. В связи с этим, по мнению Лю Гоэня, необходимо углублять знание и понимание китайской культуры.

Лю Гоэнь также отмечает тесную связь идеографического письма с национальной культурой. Он говорит о таких характеристиках письменности, как материальность, идеографичность, гуманистичность. Если китайская культура изображает идеи, то западная культура более реальна и описывает окружающий мир как он есть. Гуманистичность же обнаруживается в понимании людьми того, что все человеческие существа, живущие на земле, равны, а также необходимости людей относиться друг к другу с уважением, что проявляется в знаке 仁 *rén* – человеколюбие.

Весьма важны также систематизация и учет всех существующих канонов, отражающих основные понятия философской мысли. Лю Гоэнь представляет свою точку зрения на особенности изучения знаков, современный взгляд на письменность. Ученый предлагает рассматривать иероглифику не с позиции «каноны трактуют», а с позиции «я трактую канон». Причина такого подхода в том, что прошлое и будущее связаны между собой. Традиция не может быть принята потомками без изменений, она – в понимании людей. По мере того, как значение традиции раскрывается, появляется ее новая жизнь. Если смотреть на вещи «современным взором», то древность становится реальностью [汉字文化漫谈, с. 12].

Бумага, печатная машинка, компас, порох – эти четыре великих изобретения распространились по всему миру, это вклад, сделанный Китаем в мировую сокровищницу. С точки зрения гонконгского ученого Ань Цзыцзе, существует и пятое изобретение, которое по порядку стоит в первом ряду – китайская иероглифика. Это великое изобретение постепенно принимается людьми со всего мира. Исследователи, работающие с компьютерами, опровергают потерявшее, по их мнению, силу по-

ложение Запада о том, что китайские знаки устаревают в связи с явлением компьютеризации. Напротив, применение компьютерной техники позволило ускорить возможности ввода иероглифики [汉字文化漫谈, с. 13].

Одной из важных характеристик 文 «вэнь», с точки зрения китайских исследователей, является практическое значение распространения идеографической письменности. Основой преподавания китайского языка и литературы становится изучение китайских знаков. В связи с этим необходимо уделить большое внимание иероглифике уже в начальной школе, так как некоторые ученики не могут писать письма и читать газеты, однако еще в древних трактатах династии Тан отмечается, что уже шестилетний ребенок 六岁能文 liu sui peng wen – владел «вэнь», т. е. умел создавать литературные произведения.

Таким образом, понятие «вэнь» представлено письменной культурой, в основе которой лежат знаки идеографического письма, обладающие материальностью, объективностью и историчностью. Письменность является источником формирования культуры «вэнь». С точки зрения китайских исследователей, культурный фактор проявился в создании иероглифических знаков и дальнейшем их использовании. К характеристикам существования письменной культуры они относят устойчивость и стабильность идеографических знаков. Очевидно, «вэнь» обладает сложным, комплексным характером, в котором сопряжены культурологический, идеографический, семиотический, философский аспекты. В этой связи важным является исследование культуры «вэнь» в континууме китайской письменной традиции.

Одной из причин долговременного существования культуры «вэнь» является «преимущество» китайской письменности перед фонетическими языками в связи с её самобытностью. Китайская культура и китайская иероглифика оказали большое влияние на культуру других стран посредством распространения письменных знаков.

Особенности китайской культуры определяются особенностями образного мышления. Способ мышления китайцев представлен в своем единстве, он целостен и недискретен.

Китайская письменность также тесно связана с национальной культурой, одной из характеристик которой является гуманистичность: идеографические знаки отражают принцип человеколюбия, пронизывающий отношения всех существ во Вселенной.

Литература

Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб. : Азбука-классика, Петерб. востоковедение, 2007. 329 с.

木镜湖. 汉文化心理于汉字的稳定性 / 木镜湖, 刘兴国 // 思想战线. 1993年4期.

汉字文化漫谈 / 刘国恩编著. – 武汉: 湖北教育出版社, 1996. 256页.

Ж. В. Шмарова
Забайкальский государственный университет, Чита
Янь Фукунь
Хэйлунцзянский университет, Харбин

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КНР

Аннотация. Для современного Китая, население которого составляет не менее 1 млрд 300 млн человек, характерно богатство языкового разнообразия. Кроме сино-тибетской языковой семьи, языки относятся еще к четырем языковым семьям: алтайской, индоевропейской, австроазиатской и австронезийской. Носителями этих языков являются представители национальных меньшинств, поэтому ареал распространения совпадает с областью проживания этих народностей, прежде всего это окраинные и центральные территории Китая.

Ключевые слова: языковая семья, языковая ветвь, языковая группа, ареал распространения, смешанные языки.

J. Shmarova
Transbaikal State University, Chita
Yan Fukun
Heilongjiang University, Harbin

THE LANGUAGE SITUATION IN PRC

Abstract. Modern China, with a population of at least 1 billion 300 million people, is characterized by a wealth of linguistic diversity. In addition to the Sino-Tibetan language family, languages belong to four more language families: Altai, Indo-European, Austro-Asiatic and Austronesian. The speakers of these languages are representatives of national minorities, therefore the distribution area coincides with the area of residence of these peoples, preeminently, these are peripheral and central territories of China.

Keywords: language family, language branch, language group, distribution area, mixed languages.

Статья написана на материале из книги на китайском языке «Топонимы КНР на основе языков национальных меньшинств» [杨立权, 2010]. Под языковой ситуацией мы понимаем «...совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [БЭС Языкознание, 1998, с. 616]. По данным книги «Языки Китая» (авторы: Сунь Хункай, Хуан Син и Ху Цзэни), на сегодняшний день общее число языков, на которых говорят в Китае, составляет 129, 128 из которых являются языками национальных меньшинств [Цит. по: 杨立权, 2010, с. 1]. По генеалогической классификации языков мира они относятся к пяти языковым семьям: китайско-тибетской, алтайской, индоевропейской, австроазиатской и австронезийской.

Сино-тибетская (китайско-тибетская, или индокитайская) семья включает четыре языковые группы: китайскую, тибето-бирманскую, группу языков чжуан-дун и мяо-яо.

Группа языков чжуан-дун в зарубежной лингвистике больше известна как дунтайская группа, или сокращенно «тайские языки».

Самым распространенным языком этой семьи является китайский. Общее число говорящих, которые считают китайский родным языком, составляет 968 млн. человек, главным образом проживающих в Китае, Таиланде, Бирме, Лаосе, Бутане, Непале, Индии, Бангладеш, Вьетнаме и Камбодже. На территории КНР китайский язык имеет семь диалектных групп.

Число говорящих на языках тибето-бирманской языковой группы – примерно 15 млн 600 тыс. человек. Языки этой группы распространены в Китае, Бирме, Таиланде, Вьетнаме, Лаосе, Бутане, Индии, Непале, Пакистане.

На территории Китая распространены 46 языков, относящихся к пяти языковым ветвям тибето-бирманских языков. В ареал распространения этих языков включены Тибетский автономный район, Цинхай, Ганьсу, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Хунань, Хубэй и Гуанси-Чжуанский автономный район. К языкам этой группы относятся: тибетский, мэнба, лоба, цзяжун, цян, пуми, дулун, и, лису, наси, хани, и, лаху, бай, дино, цзинпо, ачан.

Алтайская семья

В алтайскую семью входят три языковые группы: тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская.

Ареал распространения тюркских языков за границей Китая охватывает обширную территорию от Японского моря, от Средней Азии до Восточной Европы, включая Монголию, Туркменистан, Азербайджан, Афганистан, Иран, Ирак, Турцию, Сирию, Иорданию, Ливан, Саудовскую Аравию, Йемен, Россию, Югославию, Румынию, Болгарию, Грецию, Кипр и другие страны.

Тюркские языки в Китае делятся на западнохуннскую и восточнохуннскую ветви, общее число говорящих составляет 9 млн 700 тыс. На территории Китая восемь тюркских языков: уйгурский, казахстанский, киргизский, узбекский, татарский, саларский, западноуйгурский и тувинский. На этих языках говорят в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в провинциях Цинхай, Ганьсу, Хэйлунцзян и т. д. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе представители народности айни говорят на айнийском языке, это смешанный ирано-уйгурский язык, точное число говорящих на нем до сих пор не известно.

На территории Китая семи монгольских языков: монгольский, дагурский, дунсянский, восточноуйгурский, туцзянский и баоаньский, на которых говорят во Внутренней Монголии, Синьцзян-Уйгурском автономном районе, провинциях Хэйлунцзян, Ляонин, Гирич, Цинхай, Ганьсу. Общее число говорящих составляет 34 тыс. Древний «киданьский язык» входил в эту группу. Монгольский язык в Монголии и Афга-

нистане, бурятский и калмыцкий (или ойратский) языки в России также входят в эту группу.

В Китае общее число говорящих на языках тунгусо-маньчжурской языковой группы составляет примерно 110 тыс. Они живут в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Внутренней Монголии и провинции Хэйлунцзян. В эту группу входят маньчжурский, сибирский, нанайский, эвенкийский и ороchonский языки. Сегодня все маньчжуры говорят на общепринятом китайском языке. В деревнях уездов Айхуэй и Фуюй (провинция Хэйлунцзян) еще живут пожилые маньчжуры, говорящие на маньчжурском языке. В XII в. «чжурчжэньский язык» тоже входил в эту группу. За границей на тунгусо-маньчжурских языках говорят на территории России и Монголии.

Австронезийская языковая семья

На территории КНР так называемую группу языков гаошань относят к индонезийской ветви этой языковой семьи. Гаошани – аборигены восточного Тайваня.

В нее включаются следующие языки: пайвань, амэйсы, бунун (или рукай), сайся, бэйнань, шао, сайдэ, цзоу, ша, ка, ямэй и др.

Австронезийские языки делятся на индонезийскую, полинезийскую, меланезийскую и микронезийскую ветви. Ареал австронезийской семьи простирается от Мадагаскара на западе до острова Пасхи (Чили) на востоке, от Тайваня и Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге. Число языков – 500, общее число говорящих – около 250 млн человек.

Австроазиатская языковая семья

Она делится на четыре ветви: мунда, никобарскую, вьетскую (или вьет-мыонгскую), мон-кхмерскую.

Языки народностей ва, палаунг, булан, проживающих в провинции Юньнань, относятся к мон-кхмерской ветви. Число говорящих составляет около 370 тыс. человек. На языках этой ветви также говорят в Бирме, Камбодже, Таиланде и Индии.

Индоевропейская семья языков

В настоящее время в Китае функционируют только два языка индоевропейской семьи: русский, относящийся к славянской ветви, и таджикский язык, относящийся к иранской ветви.

Русским языком пользуются более 2900 русских. Русские рассредоточенно проживают в городах Чугучак (Тачэн), Урумчи, Дурбульджин, Кульджа (Инин). Наибольшее количество проживает в провинции Хэйлунцзян. Национальная волость Эньхэ – единственная национальная волость КНР, титульной национальностью которой являются русские. Она входит в состав городского уезда Аргунь-Юци (Эргуна) городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия. Состоит из восьми сельских поселений.

Таджикский язык, используемый Таджикистане, относится к восточной группе иранской ветви, а таджикский в КНР относится к западной группе, на этом языке говорит население в Ташкуртан-Таджикском автономном уезде Синьцзян-Уйгурского автономного района. Таджики, проживающие в уездах Яркенд, Гума, уже используют уйгурский язык. Численность таджиков, проживающих в КНР, около 40 тыс., из них только 26 500 используют родной язык для общения.

В Древнем Китае говорили еще на трех языках, относящихся к индоевропейской семье: согдийском, языке тянь и арси-кучанских, или тохарских языках (по одноименному названию древнего княжества Яньци и древнего государства Куча на территории Синьцзяня). Все три языка являются мертвыми. Для справки: согдийский язык – мёртвый (последнейшие памятники датируются началом XI в.) язык восточноиранской группы иранских языков, на котором говорили в Согдиане в долине реки Зеравшан на территории современных Узбекистана и Таджикистана, а также в многочисленных согдийских колониях вдоль так называемого Шёлкового пути. Большинство памятников найдено в Турфане в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, Дуньхуане китайской провинции Ганьсу и крепости Муг Таджикистана. Тохарские языки (или арси-кучанские языки) – группа индоевропейских языков, состоящая из мёртвых «тохарского А» («восточнотохарский» – ārsí) и «тохарского Б» («западнотохарский» – kiśaiñe). На них говорили в период между I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. на территории Таримской впадины (оазисы Турфан, Куча, Лоулань и др.). Дошедшие до нас памятники относятся к VI–VIII вв. [Тохарские языки].

Смешанные языки

На территории КНР есть еще так называемые смешанные языки, которые возникают в условиях широкого распространения двуязычия.

Так, на востоке провинции Цинхай в уезде Тунжэнь распространен тибетско-китайский смешанный язык (монгорский язык), на котором говорит народность ту (или монголы). В основе языка лежит китайский, подвергшийся заметному влиянию со стороны тибетского языка. Общее число говорящих составляет примерно 2 тыс. человек.

Другой смешанный язык на основе китайского и тибетского языков – язык дао. Лексика китайская, грамматика преимущественно тибетского языка, есть грамматические категории падежа, вида, склонения. В грамматическом построении предложений преобладает тип SOV. Язык распространен в Гардзе-Тибетском автономном округе провинции Сычуань.

На смешанном языке танван, в основе которого лежат дунсянский и китайский языки, говорят представители народностей хуэй и дунсян, он распространен в Дунсянском автономном уезде провинции Ганьсу. Лексика языка преимущественно китайская, есть грамматические категории числа, падежа, залога и вида.

Смешанный язык народности дун с китайским распространен в Жуншуй-Мяоском автономном уезде Гуанси-Чжуанского автономного района. Народ мяо составляет около 40 % населения уезда.

В приграничных с Кореей районах используется корейский язык, который относят к алтайской языковой семье. В приграничных с Вьетнамом юго-западных районах Китая распространен язык цзин, который относят к австроазиатской языковой семье [杨立权, 2010].

Таким образом, в такой современной многонациональной стране, как Китай, люди говорят на разных языках, в том числе далеких по генеалогической классификации. Задачей любого цивилизованного государства является сохранение существующего многообразия.

Литература

Тохарские языки // Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.03.2019).

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Рос. энцикл., 1998. 685 с.

杨立权 中国少数民族语地名概说 / 杨立权、张清华著. 北京: 北京社会出版社. 2010. 10.

УДК 81

А. А. Шошин

Иркутский государственный университет, Иркутск

ФЕНОМЕН ЭМПАТИИ И ПОДХОДЫ К ЕГО АНАЛИЗУ В СОЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Анализируются медиатексты медийного социального дискурса с точки зрения проявления эмпатии. Устанавливаются лингвоаксиологические основания данного проявления, составляющие векторы перестраивания исходного фрейма ситуации и возведения высказывания к эмоционально-оценочному реагированию как способу дискурсивной самоидентификации.

Ключевые слова: эмпатия, социальный дискурс, дискурсивная самоидентификация, дискурс реагирования.

A. Shoshin

Irkutsk State University, Irkutsk

EMPATHY PHENOMENON AND APPROACHES TO ITS ANALYSIS IN SOCIAL DISCOURSE

Abstract. The purpose of the article is to analyze the media texts of social media discourse from the point of view of the manifestation of empathy. The linguistic and axial basis of this manifestation is established, constituting the vectors of rebuilding the original frame of the situation and raising the utterance to the emotional-evaluative response as a method of discursive self-identification.

Keywords: empathy, social discourse, discursive self-identification, response discourse.

Понятие и явление эмпатии вызывает особый интерес в современной антропологической лингвистике в связи с её психологической (когнитивной) природой и, как следствие, связью с категориями интенциональности, точки зрения и дискурсивной идентификацией говорящего в структурировании дискурса в его конструирующей роли оператора и форматора дискурсивного коммуникативного пространства. Задачей статьи ставится установление основных подходов к анализу эмпатии; на этой основе отграничение подхода к анализу эмпатии в анализе дискурса и, в частности, в текстах, опредмечивающих социальный медийный дискурс; осуществление моделирования анализа дискурса с точки зрения проявления феномена эмпатии.

Понятие «эмпатия» происходит от греческого *empatis* = взволнованный, возбужденный [Тумина, 2005, с. 35–36]. В этой связи общее определение феномена принимает следующий вид: «Эмпатия – понимание любого чувства – гнева, печали, радости, переживаемого другим человеком, и ответное выражение своего понимания этих чувств» [Николаева, 1990, с. 43–44]. Эмпатия по своей онтологии – явление, относящееся к психологии, внутреннему ментальному миру человека, что находит выражение в таких её определениях:

- 1) эмпатия – проекция субъективных содержаний на Другого;
- 2) эмпатия – вчувствование, ассимиляция себя с Другим, инвестирование себя в Другого: *Эмпатия есть своего рода процесс восприятия, отличающийся тем, что некое существенное психическое содержание вкладывается при помощи чувства в объект, и объект тем самым интроецируется, это содержание благодаря своей принадлежности к субъекту ассимилирует объект с субъектом и до такой степени связывает его с субъектом, что субъект, так сказать, ощущает себя в объекте* [Вундт, 2007, с. 168].

При экстерииоризации в речи, в коммуникации – в дискурсе, эмпатия раскрывается через выражение поляризованных, негативно или позитивно насыщенных, эмоциональных процессов и состояний сопереживания, сочувствия, симпатии; антипатии.

Изучение эмпатии представляет собой актуальную проблему анализа дискурса в связи с важностью феномена с точки зрения самой природы дискурса. Уточним понятие дискурса. Дискурс – «речь, взятая с точки зрения лингвистических и экстралингвистических факторов её порождения и реализации» [Арутюнова, 1990, с. 136–137], в том числе с точки зрения фактора субъектности, отношения коммуникантов к предмету дискурса, активизирующих их когнитивную систему: знания, эмоции, жизненный опыт, установки и систему ценностей. Высказывание как единица дискурса есть способ субъектности, проявления себя в речи [Бенвенист, 2009, с. 448]. Дискурс представляет собой «язык в языке», отражающий особую ментальность, идеологию, конструирующий аль-

тернативный мир в пространстве коммуникации [Степанов, 1995, с. 35–73]. Важно и понимание дискурса как рассуждения «здесь и сейчас», его основным принципом является диалогичность [Бахтин, 1929, с. 174]. Дискурс – это форма социальной практики: имеет действенный характер [Фуко, 1996, с. 47]. Как следствие, очевидна важность феномена эмпатии для анализа социального дискурса, т. е. дискурса, в котором экстерииорируются, объясняются и продвигаются смыслы общего интереса, конструируется социальное. Интерес к изучению эмпатии в анализе дискурса усиливается потому, что данное явление, отражая прямую взаимосвязь языка и чувствования человека, его способности к сопереживанию, касается ментальной внутренней сферы веры, верований, убеждений, предпочтений – его аксиосферы, что актуализирует также вопрос о роли эмоционально-чувственного начала в коммуникативной дискурсивной деятельности человека, что особенно важно с точки зрения конструирующей роли дискурса как оператора ценностных смыслов на уровне социального дискурса, в котором структурируются социальные связи – связи совместности, солидарности, соучастия и сочувствия и (или) противоположные им смыслы.

Основываясь на понимании онтологии эмпатии и особенностях её объективации в дискурсе, будем исходить из положений о том, что эмпатия, представляя собой эмоциональную проекцию себя на Другого в общении, есть, с одной стороны, самоидентификация говорящего и социальная эмоция, образующая качественную характеристику дискурса (дискурса эмпатии), и, с другой стороны, способ проявления ценностных оснований данного дискурса. Изучение дискурса эмпатии позволяет изучать дискурсивное пространство как пространство действенного, активного конструирования социальных смыслов в ценностных категориях сострадания, солидарности, осуждения, отторжения и т. д. Подход к эмпатии с точки зрения онтологических психологических оснований позволяет считать, что структурно эмпатию можно представить в следующем виде: эмоциональное вчувствование как понимание Другого --- ответная реакция (симпатия, сочувствие, антипатия).

Обращение к семиотическому подходу позволяет уточнить сам способ реализации эмпатии как точки зрения говорящего, как это сформулировано Б. А. Успенским: «Автор в повествовании может занимать либо внешнюю по отношению к изображаемым событиям позицию, либо внутреннюю, принимая точку зрения того или иного участника события – становится участником события; в зависимости от того, как художник смотрит на реальность, так он и определяет и перспективу, и композицию» [Успенский, 1970, с. 213].

Синтаксический лингвокогнитивный подход способствует уточнению проявления эмпатии в структуре предложения/высказывания, шире – дискурса. Эмпатия отражает видение ситуации наблюдателем: в ак-

тантной структуре предложения/высказывания выделяется главное (фигура) и фон. Выделяя главное для себя, говорящий проявляет эмпатию, занимает позицию и сторону какого-либо актанта.

Установленные подходы позволяют осуществить моделирование анализа эмпатии в медиадискурсе, которое опирается на следующие положения:

1. Анализ феномена эмпатии связан с точкой зрения, высказываемой субъектом высказывания.

2. Сущность данной точки зрения состоит в видении изначальной ситуации конфликтного типа с позиции одной из сторон конфликта.

3. Эмпатизация дискурса состоит в том, что исходная конфликтная ситуация, которую можно смоделировать в виде фрейма, переструктурируется таким образом, что в ней выражается отношение говорящего в одной из форм эмпатии: симпатии к «своей» стороне и антипатии к противоположной стороне.

4. На этом основании в условиях медийного дискурса выражение эмпатии формирует ценностное отношение солидаризации с одной из сторон и, как следствие, осуждение другой стороны.

Предшествующие выводы, а также понимание сущности медийного диалога как вида «социального диалога», в котором формируются и продвигаются смыслы общего интереса, позволяют сформулировать следующую гипотезу исследования эмпатии в социальном дискурсе.

Эмпатия придаёт особое эмоционально-субъектное измерение конструированию ценностных смыслов, имеющих **синкретичный характер**: инвестирование себя в позицию другого сопровождается как позитивно осмысляемым выражением симпатии, так и негативным смыслом антипатии, в коммуникации приобретающими дестинацию осуждения/солидарности, единомыслия/отторжения. В целом аксиологическая характеристика социального дискурса эмпатии позволяет судить о векторах формирования актуальной аксиосферы человека и общества.

Объектом анализа являются медийные тексты, опредмечивающие фрагменты медийного пространства, в которых эксплицируются и интерпретируются конфликтные ситуации в обществе. Материал работы представлен корпусом медиатекстов, отобранных из российского и китайского доменов интернета; корпус текстов составил 20 текстов общим объемом 11 п. л.

Представим анализ проявления эмпатии в дискурсе, основываясь на данных основаниях моделирования.

Пример 1

1. *Марина Юденич, заместитель председателя Общественной палаты Московской области, член Совета по правам человека при губернаторе Московской области, советник губернатора Московской области, председатель совета по развитию гражданского общества и*

правам человека Московской области. Она усомнилась во вкладе россиян в бюджет: «Ребята, вы так легко говорите: а давайте из бюджета возьмем столько... а давайте из бюджета возьмем столько... Вы в этот бюджет что-то вложили, чтобы из него брать?» [«Вы что-то вложили ...»].

Исходя из содержания текста, представляется возможным конструирование фрейма исходной конфликтной ситуации, в которой проявляется противостояние сторон:

Предназначенность бюджета (вершина фрейма)	
Позиция (1) (сторона) высокопоставленного чиновника	Позиция (2) граждан «на приёме»

Маркерами эмпатии в позиции (1) «Ребята, вы так легко говорите: а давайте из бюджета возьмем столько... а давайте из бюджета возьмем столько... Вы в этот бюджет что-то вложили, чтобы из него брать?» являются: эмоциональное отношение к гражданам как неразумным детям при обращении к ним (*ребята*); способ общения как с детьми, конструирование риторического вопроса, ставящего граждан (сторону 2) в позицию обвиняемых.

Данный текст* порождает дискурс реагирования, в котором превалирует эмоционально-оценочное отношение:

1. Она так говорит, потому что бюджетную кормушку считает своей и никому другому не позволит из неё брать, там кормится она и её семья.

2. То есть они даже не понимают, как формируется бюджет. Уволить такую слугу народа.

3. Что-то заметно участились случаи сумасшествия бандитов у власти, что-то будет.

4. Что тут творится!! Сколько можно терпеть. Я в бешенстве!! Давайте уже введем смертную казнь для таких управленцев. Это оскорбление!! Я хочу, чтобы ее уволили!!!!

5. Какая же она глупая, если не понимает, что каждый гражданин России платит налог, даже инвалид или ребёнок, покупающий пачку печенья, оплачивает НДС, вложенный в стоимость этой пачки. Если печенье стоит 100 рублей, то сюда входит 20 руб НДС» [«Вы что-то вложили ...»].

На примере высказывания-реакции дискурса реагирования Она так говорит, потому что бюджетную кормушку считает своей и никому другому не позволит из неё брать, там кормится она и её семья проследим дальнейший шаг моделирования проявления эмпатии. Содержание высказывания показывает перестройку исходного фрейма. Происхо-

* Орфография и пунктуация авторов сохранена.

дит выделение, выдвижение «фигуры», стороны, по отношению к которой осуществляется «перенос» собственных чувств и суждений: фрейм ситуации переструктурируется, приобретает оценочный характер:

ОНА (объект оценивания) (вершина фрейма)	
аспект оценивания	эталон оценивания
отношение к бюджету	кормушка

Маркерами эмпатии в данном случае являются: эмоционально-оценочная предикация, нацеленная на дискредитацию «стороны», объекта «вчувствования»; дейксис посредством личного местоимения 3-го лица: *она* – маркирует исключение «стороны» – чиновника из «личной» сферы «Я-ты, мы». Высказывание чиновника осмысливается в концептуальной сфере «хапужничества» (*там кормится она и её семья*), «коррупции» (*бюджетная кормушка*), бесконтрольности, всевластия (*никому другому не позволит из неё брать*). Фрейм возводит к «антиценности» *несправедливость*. Таким образом, эмпатия, порожденная сочувствием к стороне «граждане», реализуется в форме антипатии и приобретает характер осуждения чиновника, отражая и формируя тем самым более общее отношение к «чиновникам» как один из фрагментов социального измерения аксиосферы.

Рассмотрим пример из китайского социального медийного дискурса также с целью прослеживания шагов анализа – моделирования проявления эмпатии.

Пример 2

Источником проявления эмпатии является высказывание, в котором проявляется проблемная жизненная ситуация, выделяющая «страдающую» сторону, обращающуюся за помощью: «*买房子，太贵了，买不起，怎么办？*» ‘*Хочу купить квартиру, слишком дорого, не потяну, что делать?*’ [*买房子...*]

Дискурс реагирования (ответы-комментарии):

1. «*想买吗？努力赚钱啊，不然就租房吧，租金也不便宜*» ‘*Хочешь купить, тогда усердно копи деньги, не получается, тогда снимай, цена аренды тоже не дешевая*’ [*买房子...*].

2. «*如果买不起，就不要买了，当房奴是很痛苦的*» ‘*Если не можешь позволить, тогда не надо покупать, быть ипотечным рабом весьма мучительно*’ [*买房子...*].

3. «*好好上班，赚点钱再说*» ‘*Хорошо работай, заработаешь денег, вернешься к этому вопрос*’ [*买房子...*].

Очевидно, что эмпатия как эмоционально-субъектное оценивание проявляется в одном из высказываний, а именно во втором: «*如果买不起，就不要买了，当房奴是很痛苦的*». В данном высказывании исходный

фрейм (покупка собственного жилья) переструктурируется таким образом, что вершиной становится сама «сторона», фигура проблемной ситуации; аспект оценивания: способ решения проблемы – отношение к ипотечным кредитам (*не можешь купить – не покупай, не бери ипотеку*), эталон оценивания – «房奴 «ипотечный раб». Точка зрения говорящего, показывая его дискурсивную самоидентификацию, выражает сочувствие к «страдающей» стороне.

Маркерами эмпатии в данном дискурсе будут являться: эмоционально-оценочная предикация; гиперболизация посредством номинативной единицы «房奴» (раб ипотеки / раб квартиры – люди, которые купили квартиру в кредит и теперь тратят почти весь заработок на выплату кредита), передающей негативное оценочное отношение к ипотечным кредитам, оценочная семантика фонограммы «很痛苦» (*мучиться, страдать, страдание, мучение, болезненный*). Фрейм эмпатии как сочувствия, понимания и ответа возводит к ценностному концепту *несправедливость*, имеющему негативный характер. В коммуникативном пространстве с точки зрения категории адресации и предназначенности высказываемой позиции следует полагать, что данное высказывание имеет определенную дестинацию, предназначенность как вклада в конструирование общего социального смысла – антипатии, неприятия существующего положения дел в области обеспечения жильём и проявления солидарности с теми, кто испытывает проблемы в данной сфере.

Таким образом, наш анализ позволяет сделать следующие общие выводы.

Эмпатия придаёт особое эмоционально-субъектное измерение конструированию ценностных смыслов, имеющих синкретичный характер: инвестирование себя в позицию другого сопровождается как позитивно осмысляемым выражением симпатии, сочувствия, так и негативным смыслом антипатии, в коммуникации приобретающими дестинацию осуждения/солидарности, единомыслия/отторжения. В целом аксиологическая характеристика социального дискурса эмпатии позволяет судить о векторах формирования актуальной аксиосферы человека и общества. Основные подходы к эмпатии позволяют уточнить методологию, гипотезу исследования и способ моделирования анализа дискурса в аксиологической перспективе анализа.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. Энциклопедия, 1990. 437 с.
- Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л. : Прибой, 1929. 274 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. 3-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.
- Вундт К. Введение в психологию / пер. с нем. Н. Самсонова. 3-е изд. М. : КомКнига, 2007. 238 с.

- «Вы что-то вложили из бюджета, чтобы из него брать?» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=99gZyTFXw58> (дата обращения: 17.03.19).
- Николаева Т. М. Паралингвистика // Лингв. энцикл. слов. М., 1990. 434 с.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М. : РГГУ, 1995. 357 с.
- Тумина Л. Е. Эффективная коммуникация: история, теория, практика : слов.-справ. М. : Олимп, 2005. 356 с.
- Успенский Б. А. Поэтика композиции. М. : Искусство, 1970. 213 с.
- Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. 476 с.
- 买房子，太贵了，买不起，怎么办？ [Электронный ресурс]. URL: <http://aaa.17house.com/wen/20/1020233.htm> (дата обращения: 23.03.19).

УДК 008(5)

О. Ю. Юрьева

Иркутский государственный университет, Иркутск

АЗИАТСКИЙ ДИСКУРС В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. Суммируются представления художников начала XX в. о культуре Азии и Востока как наследие «русской идеи» Достоевского и выражение главной особенности русского культурного сознания как универсального, всечеловеческого, способного синтезировать культурные достижения Востока и Запада, Азии и Европы. Показано, что интерес к культуре Азии и Востока во многом вызван стремлением русских художников выработать особый, синтетический способ познания и художественного изображения мира, в котором соединились бы чувственное и логическое, рациональное и иррациональное, мистицизм и эмпирика, созерцание и действие.

Ключевые слова: азиатский дискурс, Достоевский, культура Серебряного века, синтез, всечеловечность русского национального сознания, ориентализм.

O. Yurieva

Irkutsk State University, Irkutsk

ASIAN DISCOURSE IN THE RUSSIAN CULTURAL CONSCIOUSNESS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article summarizes the views of artists of the early twentieth century on the culture of Asia and the East as a legacy of Dostoevsky's «Russian idea» and the expression of the main feature of Russian cultural consciousness as universal, universal, capable of synthesizing the cultural achievements of the East and West, Asia and Europe. It is shown that the interest in the culture of Asia and the East is largely due to the desire of Russian artists to develop a special, synthetic way of knowledge and artistic image of the world, which would combine sensory and logical, rational and irrational, mysticism and empiricism, contemplation and action.

Keywords: Asian discourse, Dostoevsky, culture of the Silver age, synthesis, all-humanity of Russian national consciousness, orientalism.

Художественные, философско-религиозные и социально-политические искания русских художников начала XX в. во многом опираются на разработанный в творчестве Ф. М. Достоевского эйдоло-

гический комплекс «русской идеи», в котором великий писатель и мыслитель определил главнейшие философские, социологические, политологические, историософские, мировоззренческие, а также психологические и культурологические аспекты национальной ментальности, аксиологии и онтологии [Юрьева, 2002, с. 99–101].

Достоевский неоднократно указывал на универсальную природу «русской идеи», синтезирующей национальный и общечеловеческий аспекты. Мыслитель был убежден, что сама природа русского национального сознания, в котором органически соединились Восток и Запад, Азия и Европа, Север и Юг, предназначена к свершению величайшей исторической миссии мирового соборного единения. «Русская идея, – писал Достоевский, – может быть, будет *синтезом* всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 37].

Характеризуя сущность русского национального сознания, Достоевский настаивал на идее универсальности, синтетичности мировосприятия русского человека, в картине мира которого с одинаковой значимостью уживаются как национальные, так и всечеловеческие модели культуры и бытия, в которое легко проникают чужие идеи и учения, которое легко синтезирует все способы познания мира и человека: рациональные и иррациональные, а также философские, религиозные, научные и эстетические.

Идея Достоевского о принципах соборности как способе организации всемирного религиозного, бытийного и культурного пространства, проповедь идеи «высшего единства» воплощаются в стремлении русских художников начала XX в. синтезировать культурологические идеи, являющиеся основаниями культур разных народов: рационального и волевого начал европейского искусства с чувственным и трансцендентным началом искусства Востока.

Восток был важной частью духовного и художественного космоса Достоевского, частью его модели мира, во многом унаследованной искусством XX столетия. В библиотеке Достоевского была книга А. Гусева «Нравственный идеал буддизма в его отношении к христианству» (СПб., 1874), отголоски которой мы найдем в разговоре Ивана с чертом в романе «Братья Карамазовы», когда черт рассказывает о многократном возникновении и гибели Вселенной, что противоречит христианскому догмату однократности акта Творения, воплощения Христа и Страшного Суда, но явственно соотносится с буддийским учением о развитии мировой истории по кругу. На буддийской хронологии основана и история «мыслителя и философа», жившего не «на нашей теперешней земле» и приговоренного странствовать в мировых пространствах «биллион лет» или даже гораздо больше [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 79]: он из

предыдущих махарог, с предыдущей земли индуистов и буддистов. Опосредованно, через кодекс чести японского самурайского сословия (бусидо), в который составной частью входил обычай харакири [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 148], соприкоснулся Достоевский с идейной основой дзен-буддизма.

Видимо, на каторге Достоевский познакомился с буддизмом в его махаянстской (ламаистской) разновидности. Одним из героев «Записок из Мертвого дома» был крещеный калмык Александр [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 145–146] – представитель степного народа, исповедующего ламаизм. В шуточном послекаторжном стихотворении упоминается «монгольский кумир» [Там же, т. 17, с. 446]. А в Семипалатинске, по свидетельству А. Е. Врангеля, Достоевский коллекционировал найденные при раскопках памятники буддийского искусства [Врангель, 1912, с. 20]. Глубокую заинтересованность духовной культурой Востока в Достоевском пробудил Чокан Велиханов (1835–1865) – личность, по своему уникальная и интересная, ученый-энциклопедист, мыслитель и философ, он во многом предвосхитил феномен Н. Рериха в области синтеза культур Востока и Запада и, несомненно, повлиял на формирование синтетических воззрений Достоевского.

Представления Достоевского о сущности искусства Востока наиболее точно воплощены, на наш взгляд, в образе «китайской вазы» в романе «Идиот». Вырастающий в романе до символических пределов, этот образ несет в себе идеал восточной красоты, красоты истинной – сколь нужной, столь и бесполезной: «героиня», стоящая на пьедестале, «огромная», «прекрасная», китайская ваза – существо, одухотворенное самой идеей красоты, в ней воплощенной. Ваза для цветов, которой не нужны цветы. Ее красота, красочность, орнаментальная насыщенность просто поглощают, подавляют «живую», природную красоту цветов, по своему замещают ее. Это ли не воплощенная идеальная красота, далекая от идей практичности и целесообразности, красота, единственная цель которой – быть красотой и приносить эстетическое наслаждение любому, а информацию, скрытую в таинственных сплетениях орнамента, – посвященному? Китайская ваза не просто разбивается – она гибнет, как живое существо: «...раздумывая, покачнулась, сначала как бы в нерешимости: не упасть ли на голову которому-нибудь из старичков». Но может ли истинная красота причинить зло? И потому ваза, нарушая все физические законы, «вдруг склонилась в противоположную сторону... и рухнула на пол» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 454] – как дама в глубоком обмороке. О гибели вазы генеральша Епанчина говорит: «И человеку конец приходит...». А генерал с нескрываемой горечью вспоминает о ней, как о члене семьи: «Я ее помню здесь уже лет пятнадцать, да... пятнадцать...» [Там же, т. 8, с. 455]. Но окончательно трагический под-

текст этого столь, казалось бы, заурядного происшествия проявляется, когда становится понятно, что гибель вазы – предвестие гибели Настасьи Филипповны. Это странное сближение многое проясняет и в сущности характера героини. Настасья Филипповна – существо столь же нужное, сколь и бесполезное, как сама красота. Более того, она так же «затмевает» естественную, природную красоту окружающих ее женщин, а ее присутствие делает ненужным и излишним все то, что до ее проявления «украшало» жизнь и «ублажало» взор. Гибель вазы, как и гибель Настасьи Филипповны, символизирует идею несовместимости истинной, чистой, «бесполезной» красоты в этом мире корысти, «чистогана» и «товарно-денежных отношений» [Юрьева, 2006, с. 246–262].

Повышенный интерес русских художников к Востоку обусловлен многими причинами. Как пишет Г. Гачев, «общее для Европы представление об Индии – «страна чудес». **Чудо** – то, что сверх меры и рассудка, способности судить своим людским умом. Следовательно, там – сверхчеловеческий ум, зона божеств (все религии – с Востока недаром). Ну да: Восток ведь – это восход солнца, зона первопричин. Оттуда – начала народов: индоарийцев, гуннов, болгар, татаро-монголов, тюрков – сгущается там бытие, оседает масса атомов и пускает их катиться против часовой стрелки (против ритма Времени) – вращения Земли с запада на восток. <...> первый признак Востока в глазах Запада, Европы – большая причастность к свету, солнцу, огню-теплу, большая отсюда исконная **посвященность** в причины и тайны всего сущего, одаренность этим знанием, тогда как человеку Запада этого приходилось добиваться усилием, напряжением, трудом – тянуться кверху, противоборствуя более сильной здесь тяге земной. Ну да: житель Востока более причастен к выси мира (**Восход**), а Запада – к падению на Землю, к стихии земли, к низу мира; и все низости в истории – творятся с Запада, и оттуда распространялись приземляющие оковы повсюду (колонизация и империализм)» [Гачев, 1995, с. 303]. Деятели искусства всегда привлекала загадочная, непостижимая для ума европейца древность восточной цивилизации и культуры, особая, опять же непонятная европейцу утонченность и изысканность восточного менталитета.

В культурологической концепции М. А. Волошина идея Достоевского о восточноазиатской культуре как прародительнице европейской выражена отчетливо. В статье об ориентализме Волошин пишет: «Европа, как чужеродное растение, выросла на огромном теле Азии. Она всегда питалась ее соками. Если развернуть полушарие Старого Света, Европа представляется зеленым и сочным кактусом, выросшим на безмерных каменистых пустынях Азии. Все жизненные токи – религию и искусство она пила от ее избытка». Как полагает М. Волошин, в ориентализме выразилось отношение «ущербного XIX века» к магометанскому востоку, к Леванту. В ориентализме отразились и синтетические стремления искус-

ства начала XX в.: «...поэты для изображения Востока становятся живописцами, живописцы – литераторами», что говорит о том, что органическая связь искусства с Востоком прервалась, а «Европа забывает свою сыновнюю связь с Азией». М. Волошин полагает, что европейским художникам необходимо «постигать методы восточного творчества», а не просто использовать «россыпи живописных сюжетов и тем» [Волошин, 1988, с. 302, 303].

Отличие искусства Востока и Запада М. Волошин видел прежде всего в разнице истоков – рациональных и иррациональных: «Творчество европейца, – писал Волошин, – распространяется на два мира: мир физический (т. е. вещество и его соотношения, механика, научное исследование) и мир духа (т. е. область идей и сочетания их: гражданственность, философия, теология). Оба эти мира находятся всегда в состоянии неустойчивого равновесия, борьбы и противоречия. Несовместимость и непримиримость их рождает ту лихорадку действительности, которой одержим Запад. Третье звено, их связывающее, – творчество в области чувства и чувственности – в душе европейца мало развито. Европейец не имеет дара творчества в этой области – он только воспринимает и наблюдает. В лучших случаях он прибегает к наркотику греха. Ислам, не зная ни первого, ни третьего звена в отдельности, знает только второе – чувство, и больше, чем какая бы то ни было иная культура, обладает творчеством в области чувственности. Познание как физического, так и идейного мира ему доступно только «в этом плане». Отсюда вытекают: успокоенность его культуры, напряженность художественного творчества, проникающего все области и подробности жизни, цельность личности и великолепные фейерверки чувства, освещающие его историю».

М. Волошин утверждает, что для европейца, «носящего постоянно огненную и незакрывающуюся рану в своей душе, Восток представляется похожим на земной рай», в нем он «перестает сознавать то адское пламя, которое каждый европейец от рождения носит в себе. Он чувствует в нем утерянную им цельность, хотя и не сознает ее и, сознавши, не пожелает отдать за свою крылатую противоречивость» [Волошин, 1988, с. 304].

Как нельзя более точно соответствовало жизнетворческим устремлениям художников начала XX в. «полное слияние искусства и жизни», свойственное Востоку. «Бессознательные области души» европейца невольно откликаются на «размеренность жизни, построенной на гармониях чувственности», чуждой его логическому сознанию, но от этого еще более привлекательной.

Огромный интерес проявляли русские художники к искусству Японии и Китая. Интерес этот во многом вызван стремлением русских художников выработать особый, синтетический способ познания и художественного миромоделирования, в котором соединилось бы чувствен-

ное и логическое, рациональное и иррациональное, мистицизм и эмпирика, созерцание и действие.

Особый интерес древние культуры и цивилизации вызывали у К. Д. Бальмонта, в них он видел «древний космогонический и поэтический замысел, слагавшийся вне обычных известных нам умственных влияний и потому являющийся высокою самобытностью» [Бальмонт, 1910, с. 231]. Интерес этот воплотился в стихотворном сборнике «Литургия Красоты. Стихийные гимны». Обращение Бальмонта к древним культурам имплицитно содержит протест против современной цивилизации, люди которой отпали от первооснов бытия, утратили свою изначальную цельность, стали «косодушными», потеряли свой творческий пыл. «Восточная» тема, китайские и индийские мотивы звучат в сборниках «Горящие здания», «Будем как Солнце», в которых возникает бинарная оппозиция великолепного и красочного, «огненного мира» Востока и скучной, прозаической Европы, погруженной в свои меркантильные заботы и интересы. «Всечеловечность», универсализм бальмонтовского сознания позволили ему проникнуть в самые глубины древних культур и создать поэтические произведения, в которых запечатлелся их дух, их сущность.

*Моя душа – глухой всебожный храм,
Там дышат тени, смутно нарастая.
Отраднее всего моим мечтам
Прекрасные чудовища Китая.
Дракон, владыка Солнца и весны,
Единорог, эмблема совершенства,
Слиянье власти, блеска и блаженства.
Люблю однообразную мечту
В созданиях художников Китая,
Застывшую, как иней, красоту,
Как иней снов, что искрится, не тая.
Симметрия – их основной закон,
Они рисуют даль как восхожденье,
И сладко мне, что страшный их дракон
Не адский дух, а символ наслажденья [Бальмонт, 1980, с. 160].*

Попав за границу, тоскуя по родной земле, Бальмонт напряженно всматривался в чужие культуры, восстанавливая их глубинные религиозные истоки, и в этом искал спасение: «Я думал о древней индусской книге «Браманас». Там говорится, что основа всего нашего бытия есть Жертва, неизбежная, неисчерпаемая жертва Всего во имя части, Божеского во имя звериного и человеческого, Совершенного во имя несовершенного.

Я думал о нашей «Голубиной Книге», где та же мысль, о Книге Глубинной.

*... Белый свет у нас зачался от Хотенья Божества,
От великого всемирного Воления.
Люди ж темны оттого, что воля света в них мертва,
Не хотят в душе расслышать вечность пения.
Солнце красное – от Божьего пресветлого лица,
Месяц светел – от Божественной серебряной мечты,
Звезды чистые – от риз его, что блещут без конца,
Ночи темные – от Божьих дум, от Божьей темноты.
Зори утренние, вечерние – от Божьих жгучих глаз,
Дробен дождик – от великих, от повторных слез его,
Буйны ветры – оттого, что есть у Бога вещей час,
Неизбежный час великого скитанья для него.*

«”Жертва была первее всех, – поют индусы. – Владыка создания есть Жертва. Тело Владыки существ, члены его, суть песнопенья. Дух его Жертва”» [Бальмонт, 1992, с. 171]. Таким образом, мимесис русских художников по отношению к искусству Азии и Востока направлен на усвоение чувственного опыта восточного искусства, его способности передать все оттенки утонченных взаимоотношений человека с человеком, человека с природой, т. е. постичь ту «тайну интимности» (М. Волошин), которая, как они полагали, недоступна подчас грубо логизированным и рациональным формам европейского искусства.

Поэтов поразила лаконичность и содержательная глубина японских танка и хокку, которым они старались подражать (например, «Сны человечества» В. Брюсова). В. Хлебников называл себя «монгольским мальчиком, задумавшимся о судьбах своего народа» и мечтал о «союзе трех: Индии + России + Ниппона» (т. е. Японии), «об общем море единого будущего» [Хлебников, 1933, с. 275]. Андрей Белый пытался создавать поэтические стилизации «под японцев» («Цветок струит тоску»).

Размышляя о японской танка, О. Мандельштам очень точно выразил сущность ее поэтики и философии, обозначив и определив причины такого пристального внимания к ней русских поэтов: «Танка излюбленная форма молекулярного искусства. Она не миниатюра, и было бы грубой ошибкой вследствие ее краткости смешивать ее с миниатюрой. У нее нет масштаба, потому что в ней нет действия. Она никак не относится к миру, потому что сама есть мир и постоянное внутреннее вихревое движение внутри молекул» [Мандельштам, 1991, с. 281].

М. Волошин, живя в Париже, занимался в Национальной библиотеке изучением произведений японских мастеров, что оказало огромное влияние на его художественное сознание и творческую манеру: «В методе подхода к природе, изучения и передачи ее, я стою на точке зрения японцев (Хокусти, Утамаро)», – пишет поэт в заметках «О самом себе». М. Волошин признается, что именно японские художники открыли ему глаза на изображение растений. Если европейские художники изобража-

ли пышные, «декоративные массы листвы», то «японец чертит линию ствола перпендикулярно к линии горизонта, а вокруг него концентрические спирали веток, в свою очередь окруженных листьями, связанными с ними под известным углом. Он не фиксирует этой геометрической схемы, но он изображает все дефекты ее, оставленные жизнью на живом организме дерева, на котором жизнь отмечает каждое отжитое мгновение» [Волошин, 1990, с. 44]. М. Волошин органично усвоил не только технику японской живописи, но основные принципы мировосприятия, в основе которых – тонкий психологизм и глубокий мистицизм. С. Гартман вообще был убежден, что благодаря темпераменту, оригинальности, глубокому проникновению в тайны Востока и верному определению сил Запада Япония может создать «новое искусство, которое будет господствовать в мире следующие тысячи лет» [Гартман, 1908, с. 104].

Весьма характерно для Серебряного века увлечение буддизмом. К. Д. Бальмонт переводил «Жизнь Будды». Тема реинкарнации и переселения душ звучит во многих стихотворениях Н. С. Гумилева:

*Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, –
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья? («Прапамять»).*

Мотив реинкарнации, связанный с глубоким разочарованием в сегодняшнем дне, звучит в «Итальянских стихах» А. Блока.

Явственное выражение «буддийские настроения» нашли в творчестве И. А. Бунина. Причудливый синтез христианских и буддистских воззрений можно обнаружить на первых же страницах романа «Жизнь Арсеньева»: «Исповедовали наши древнейшие пращуры учение “о чистом, непрерывном пути Отца всякой жизни”, переходящего от смертных родителей к смертным чадам их – жизнью бессмертной, “непрерывной”, веру в то, что это волей Агни заповедано блюсти чистоту, непрерывность крови, породы, дабы не был “осквернен”, т. е. прерван этот “путь”, и что с каждым рождением должна все более очищаться кровь рождающихся и возрастать их родство, близость с ним, единым Отцом всего сущего» [Бунин, 1988, т. 3, с. 266]. Идея «чистоты дворянской крови» сливается у Бунина с идеей бессмертия и приближения к «Отцу всего сущего» в духе ведийской религии древних обитателей Цейлона и индусов. Об «азиатско-буддийских» оттенках творчества Бунина писал еще Б. К. Зайцев, связывая их появление с особенностями страстной натуры Бунина, требующей своей, особой, синтетической религии, в которой нашли бы выражение все противоречащие православным канонам устремления его художественного гения. Явственно буддийские настроения отражаются и в книге «Освобождение Толстого». Не случайно исследователи творчества Бунина постоянно обращаются к теме влияния

буддизма на творческое сознание И. А. Бунина [Сливицкая, 1995, с. 212–214; Смольянинова, 1996, с. 205–212; Солоухина, 1984, с. 48–59].

Но не все было столь однозначно в восприятии религии, культуры и искусства Востока в России. В стихотворении «Панмонголизм» Вл. Соловьев предсказывает разрушение русской цивилизации вследствие нового панмонгольского нашествия, которое станет Божьей карой за отречение Третьего Рима от исконных идеалов. Россия, как когда-то Византия, может подпасть под власть чуждой для нее религии и культуры и погибнуть:

*Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И все твердят льстецы России:
Ты – третий Рим, ты – третий Рим.
Пусть так! Орудий божьей кары
Запас еще не истощен.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.*

Детали восточной культуры, рассыпанные на страницах произведений художников начала XX столетия, имеют полифункциональную природу: они обозначают как утонченность и изысканность вкусовых пристрастий героев, так и их отрыв от национальной почвы. Так, очевиден сатирический подтекст «восточных образов» в структуре романа А. Белого «Петербург». В профаническом подтексте показаны такие детали гардероба Николая Аполлоновича, как «бухарский халат», «ермолка» и «татарские туфельки», превратившие «блестящего студента» в «восточного человека» [Белый, 1990, т. 2, с. 34]. Все эти атрибуты игры в «восточность», в эзотеризм русской интеллигенции в какой-то момент стали восприниматься А. Белым как попытка уйти от «родной почвы», от проблем современности, укрывшись за восточным антуражем. Такую же смысловую нагрузку несут восточные детали в одежде Петра Петровича Хрущева из повести И. А. Бунина «Суходол»: носил он «дорогие архаики, маленькие ноги свои баловал красными татарскими туфлями, маленькие руки украшал кольцами с бирюзой» [Бунин, 1988, т. 3, с. 239]. При этом герой настолько далек от всего родного, что не осознает, как при его полном попустительстве приходит в упадок родовое имение, как вырождается и деградирует род Хрущевых.

О. Мандельштам, проповедуя акмеистическую ясность и цельность мировосприятия, полагал, что XIX в. был «проводником буддийского настроения в европейской культуре», «носителем чужого, враждебного и могущественного начала, с которым боролась вся наша история, – активная, деятельная, насквозь диалектическая, живая борьба сил, оплодотворяющих друг друга. Он был колыбелью Нирваны, не пропускающей ни одного луча активного познания.

*В пещере пустой
Я – зыбки качанье
Под чьей-то рукой,
Молчанье, молчанье...*

Скрытый буддизм, внутренний уклон, червоточина. Век не исповедовал буддизма, но носил его в себе, как внутреннюю ночь, как слепоту крови, как тайный страх и головокружительную слабость». О. Мандельштам считал, что только «элементарные формулы» и «общие понятия восемнадцатого века», его открытый рационализм помогут современникам «европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие, согреть его телеологическим теплом» [Мандельштам, 1991, т. 2, с. 283].

Особую окраску приобрели «азиатские мотивы» в творчестве И. А. Бунина в связи с осмыслением причин и следствий русской революции. Утеря традиций и черт «Святой Руси» в быту и характере русских людей воспринималась Буниным как путь к национальному вырождению и деградации, как победа «азиатской крови»: «Теперь-то уж и впрямь шабаш, – во весь дух ломим назад, в Азию!» – восклицает в «Деревне» «базарный вольнодумец и чудак, старик-гармонист» Балашкин. А еще раньше, в новелле «Эпитафия» 1900 г. Бунин сравнит десяток уцелевших деревенских изб с кибитками кочевников, «покинутыми в поле после битвы или чумы», чем усилит впечатление заброшенности, покинутости, запустения, все более и более распространяющихся по русской земле. Люди отрываются от родных корней, все более становятся похожи на кочевников, «равнодушно бросающих истощенную землю, на которой когда-то жили их предки». Эти «новые люди», так же как кочевники, «располагаются станом у деревни. Ночью они жгут костры, разгоняя темноту, и тени далеко убегают от них по дорогам». Ведущий кочевой образ жизни, эти люди попирают все исконно русское, презирают российские и христианские традиции, «без сожаления топчут редкую рожь, еще выраставшую кое-где без сева, без сожаления закидывают ее землю, потому что ищут они источников нового счастья, – ищут их уже в недрах земли, где таятся талисманы будущего...» [Бунин, 1988, т. 1, с. 345].

Архетипы «поля» и «степи» традиционны для русской литературы и во многом «замещают» свойственный для западноевропейского искусства архетип моря. «Поле», как эйдологический символ России, знаменует крестьянские и христианские ценности. Эйдология символа степи вбирает в себя такие семантические оттенки, как простор, бескрайность, сходная с морем беспредельность. В контексте бунинских размышлений образ степи, вытесняющей образ поля, позиционирует мотив утраты крестьянских и христианских ценностей, замещение их чужими и чуждыми. Символом азиатчины в произведениях Бунина стала пыль, коррелирующая по своей физической и образной структуре со степной пылью и песком пустыни. «Серая, однородная и неизменная пыль – это то, во

что превращается вся богатая и яркая материя жизни, это смерть, неподвижность, вечность. Это конечное торжество грозных сил вселенной, которым особенно легко отдается Азия в своей пассивности. Бунин с тоской наблюдает, как эта азиатчина и эта пыль засасывает Русь» [Мальцев, 1994, с. 163]. Глядя на серый от пыли вагон трамвая, Хрущев вспомнил «Восток, Турцию... <...> заунывно, по-восточному кричали квасники в красных рубахах <...>. Мысли его опять возвращались к этому большому мертвому городу, вечно заносимому пылью, подобно оазисам среднеазиатских пустынь, подобно египетским каналам, засыпаемым песками... «“Пыль, пыль, пыль!”» – думал он с какой-то едкой и сладкой тоской <...>, – «“Азия, Азия!”» Казалось, что конца не будет «прочному быту и благосостоянию» Суходола, «но податливы, слабы, “жидки на расправу” были они, потомки степных кочевников» [Бунин, 1988, т. 2, с. 266], и поэтому исчезают с лица земли русские усадьбы и деревни, истощаются земли, вымирают родовитые дворянские семьи.

Знаменательно, что на вопрос Е. Герцык к собравшемуся в путешествии по Азии Волошину: «А Россия, Максимилиан Александрович, почему вы никогда не задумываетесь над ее судьбой?» – Волошин удивленно заметил: «Как? Но я же для этого и жил в Париже, а теперь, чтобы понять Россию, мне нужно поехать на Крайний Север или в Монголию». Именно Россия стала в восприятии Волошина «срединной точкой равновесия на гигантских весах Востока и Запада» [Герцык, 1990, с. 161]. Таким образом, странствия по «лику мира», столь свойственные, как заметил Достоевский, «русскому страннику»- интеллигенту, воспринимались художниками Серебряного века как способ постижения внутренней и глубинной сущности России.

Анна Ахматова сказала о Пушкине: «Всегда брал чужое и делал его своим навсегда». Протеизм русского национального сознания, его универсализм, способность усвоить самые разнообразные философские, религиозные и эстетические системы и учения во многом определил сущность художественного сознания, в котором, как в горниле, переплавились многочисленные открытия мировой культуры, философии и науки. Поистине, как сказал А. Блок, «нам внятно все... Мы любим всё...». Наверное? поэтому идеи синтеза так органичны для русского искусства. Наследуя Достоевскому, русский Серебряный век настаивает на необходимости воплощения в искусстве объединительной русской идеи, высказывая русскую любовь и к Европе, и к Азии.

Литература

Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М., 1980.

Бальмонт К. Д. Пересветы помыслов // Бальмонт К. Д. Змеиные цветы. М., 1910.

Бальмонт К. Д. Почему идет снег // Бальмонт К. Д. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992.

- Белый А. Сочинения: в 2 т. М. : Худ. лит., 1990.
- Бунин И. А. Собр. соч.: в 4 т. М. : Худ. лит., 1988.
- Волошин М. А. Лики творчества. Л. : Наука, 1988.
- Волошин М. А. О самом себе // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990.
- Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб., 1912.
- Гартман С. Японское искусство. СПб., 1908.
- Герцык Е. Из книги «Воспоминания» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М. : Сов. писатель, 1990. С. 149–168.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр.соч.: в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
- Мальцев Ю. Бунин. М., 1994.
- Мандельштам, О. Э. Собр.соч.: в 4 т. М. : Терра, 1991.
- Сливицкая В. К проблеме «Бунин и Восток»: Рассказ Бунина «Сны Чанга» глазами японских студентов // Рус. лит. 1996. № 3. С. 212–214.
- Смольянинова Е. Б. «Буддийская тема» в прозе И. А. Бунина (Рассказ «Чаша жизни») // Рус. лит. 1996. № 3. С. 205–212.
- Солоухина О. В. О нравственно-философских взглядах И. А. Бунина // Рус. лит. 1984. № 4. С. 48–59.
- Юрьева О. Ю. Китайская ваза русской судьбы Настасьи Филипповны Барашковой // Достоевский и современность : материалы XIX Междунар. Старорус. чтений 2005 г. Великий Новгород, 2006. С. 246–262.
- Юрьева О. Ю. Национальный и общечеловеческий аспекты «русской идеи» Ф. М. Достоевского в художественном сознании XX столетия // Россия – Азия: Проблемы интерпретации текстов русской и восточных культур : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Авакян Анна Абрамовна**, соискатель факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: Pebedintseva879@gmail.com.

2. **Адилханян Иван Леонович**, секретарь-переводчик, Генеральное консульство КНР в г. Иркутске, e-mail: ivan_ad@mail.ru.

3. **Адилханян Нина Леоновна**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: ninel_ad@mail.ru.

4. **Алепко Александр Валентинович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры, e-mail: alexandr.alepko@yandex.ru.

5. **Ананьев Владимир Валерьевич**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: v_ananiev@hotmail.com.

6. **Багинская Марина Владимировна**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: mvbaginskaya@list.ru.

7. **Банкова Людмила Львовна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры восточных и европейских языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, e-mail: lwittsa@yandex.ru.

8. **Безвербный Вадим Александрович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ; заместитель директора ИСПИ РАН по стратегическому развитию и кадровой политике, руководитель отдела георбанистики и пространственного развития ИСПИ РАН, e-mail: vадим_ispr@mail.ru.

9. **Беликова Наталья Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, e-mail: belikova2003@mail.ru.

10. **Благодер Юлия Гариевна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, e-mail: blagoder_1@mail.ru.

11. **Бояркина Анна Владимировна**, кандидат политических наук, доцент Академического департамента английского языка Восточного

института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, e-mail: aboyarkina@gmail.com.

12. **Бунаева Наталья Андреевна**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: nataly-1980@yandex.ru.

13. **Ван Сюэцзяо**, переводчица отдела международных связей Ляонинского университета, г. Шэньян, КНР, штатный преподаватель Института Конфуция (王雪娇, 中国辽宁大学, 国际交流处翻译/孔子学院专职教师), wangxuejiao2014@yandex.ru.

14. **Вербицкая Ольга Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: overbitskaia@gmail.com.

15. **Верченко Алла Леонидовна**, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока Российской Академии наук, e-mail: veailan@yahoo.com.

16. **Воронина Ольга Юрьевна**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: olizhe-07@mail.ru.

17. **Воронова Светлана Кимовна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: svetlanalvoronova@rambler.ru.

18. **Воропаев Николай Николаевич**, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук, e-mail: voropaev@vokitai.ru.

19. **Дацышен Владимир Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета, e-mail: dazishen@mail.ru.

20. **Дагбаев Доржи Гомбожапович**, магистрант кафедры китайского языка, Забайкальский государственный университет, г. Чита (научный руководитель: О. Ц. Соктоева, кандидат педагогических наук, доцент), e-mail: dagbaeff.dorzhi@yandex.ru.

21. **Дерюгин Павел Петрович**, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского университета, профессор кафедры социологии и поли-

тологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ), e-mail: ppd1@rambler.ru.

22. **Домашевская Дарья Михайловна**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: dasmina_16@mail.ru.

23. **Дюндик Юлия Борисовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: dyular@mail.ru.

24. **Ефременко Яна Юрьевна**, доктор (PhD, филология) по специальности «Китайская лингвистика и филология», преподаватель русского языка как иностранного кафедры русского языка Хэйлуңцзянского университета, e-mail: yanaliuyuan@mail.ru

25. **Жигульская Дарья Антоновна**, преподаватель кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, e-mail: das-z@yandex.ru.

26. **Жихарева Татьяна Юрьевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и перевода Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета, e-mail: t.zhikhareva2014@yandex.ru.

27. **Зыкова София Андреевна**, магистрант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран АТР» (научный руководитель: И. В. Шалина, кандидат исторических наук).

28. **Иванова Кристина Олеговна**, аспирант кафедры романо-германской филологии Института филологии иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (научный руководитель: Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор), e-mail: ivako2013@gmail.com.

29. **Иванченко Надежда Вадимовна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета, e-mail: Nadezhda_ivanchenko@mail.ru.

30. **Ишутина Юлия Александровна**, кандидат культурологии, доцент, доцент, зав. кафедрой китаеведения Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, e-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

31. **Калинина Виталия Валерьевна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР

Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: vitaliya1@yandex.ru.

32. **Калихман Аркадий Давидович**, доктор физико-математических наук, заслуженный путешественник России, лаборатория картографии, геоинформатики и дистанционных методов Института географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения РАН, e-mail: inba@irk.ru.

33. **Калихман Татьяна Петровна**, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории картографии, геоинформатики и дистанционных методов Института географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения РАН, e-mail: kalikhman@irigs.irk.ru.

34. **Карачева Надежда Сергеевна**, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: ns_karacheva@mail.ru.

35. **Кирюхина Любовь Владимировна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: lyubabukhtulova@mail.ru.

36. **Клеянкина Ольга Александровна**, магистрант Института филологии иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран АТР» (научный руководитель: И. В. Шалина, кандидат исторических наук).

37. **Кобжицкая Ольга Германовна**, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: mingyun@mail.ru.

38. **Коваль Екатерина Константиновна**, магистр, докторант Хэйлунцзянского университета по специальности «Китайская лингвистика и филология» (научный руководитель: Мабяо, профессор Хэйлунцзянского университета), e-mail: katerinakoval88@mail.ru.

39. **Козлова Светлана Алексеевна**, старший преподаватель кафедры охотоведения и биоэкологии Иркутского государственного аграрного университета имени А. А. Ежевского, e-mail: svetsergo1@yandex.ru

40. **Комарова Ирина Нигматовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук, e-mail: tianyu@mail.ru.

41. **Котельникова Надежда Николаевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода

Волгоградского государственного социально-педагогического университета, e-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com.

42. **Кочеткова Ольга Михайловна**, старший преподаватель кафедры китайского языка факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета (научный руководитель: А. М. Карапетьянц, доктор филологических наук, профессор), e-mail: o.m.kochetkova@gmail.com.

43. **Кремнёв Евгений Владимирович**, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: kremnyov2005@mail.ru.

44. **Круглов Владислав Владиславович**, заведующий кафедрой китайского языка ГАОУ ДПО «Центр педагогического мастерства», преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры ЮНЕСКО ИСАА МГУ, e-mail: cpr.chinder@yandex.ru

45. **Кузнецова Ольга Владимировна**, кандидат филологических наук, декан факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: kuznetsova1@mail.ru.

46. **Кумялова Ольга Васильевна**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: oliyairk@mail.ru.

47. **Курапов Сергей Владимирович**, аспирант Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ) (научный руководитель: П. П. Дерюгин, доктор социологических наук, профессор), e-mail: ksv--1@mail.ru.

48. **Курдюмов Владимир Анатольевич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, e-mail: vkplans@gmail.com.

49. **Лебединцева Любовь Александровна**, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: llebedintseva879@gmail.com.

50. **Лесниковская Екатерина Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: elesnikovskaya@gmail.com.

51. **Ли Мэндэ**, аспирант школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (научный руководитель:

Г. В. Алексеева, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры искусства Дальневосточного федерального университета), e-mail: 663038125@qq.com.

52. **Ли Цзинъи**, Шаньдунский институт технологий и бизнеса, г. Яньтай, КНР (李静宜, 山东工商学院, 中国, 山东, 烟台 264005).

53. **Макеева Светлана Борисовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: msbmag9581@yandex.ru.

54. **Максимова Анастасия Сергеевна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела демографической безопасности и моделирования демографических процессов ИСПИ РАН, e-mail: lubijizn@yandex.ru.

55. **Мацумура Ёсико**, доктор, профессор; Университет Кюсю, факультет языков и культур, г. Фукуока, Япония (松村 瑞子, 九州大学大学院言語文化研究院、福岡).

56. **Медведь Виктория Александровна**, младший научный сотрудник Отдела демографической безопасности и моделирования демографических процессов Центра социальной демографии ИСПИ РАН; преподаватель, аспирант кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ (научный руководитель: С. В. Рязанцев, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор ИСПИ РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ), e-mail: viktoriyamedved@gmail.com.

57. **Микрюков Николай Юрьевич**, кандидат географических наук, научный сотрудник отдела георбанистики и пространственного развития ИСПИ РАН, e-mail: esoro@mail.ru.

58. **Орсоева Аюна Александровна**, аспирант кафедры романо-германской филологии Института филологии иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (научный руководитель: Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор), e-mail: orsoeva@inbox.ru.

59. **Пан Хуэйи**, Шаньдунский институт технологий и бизнеса, г. Яньтай, КНР (逢卉一, 山东工商学院, 中国, 山东, 烟台 264005).

60. **Печерица Владимир Федорович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, e-mail: prof.pecheritsa@gmail.com.

61. **Пруцких Татьяна Анатольевна**, кандидат филологических наук, декан русско-китайского факультета Байкальского государственного университета, e-mail: pruta@mail.ru

62. **Ракова Анастасия Евгеньевна**, студентка Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, направление «Лингвистика», профиль «Филологическое обеспечение комплексного регионального анализа (первый иностранный язык – китайский, второй иностранный язык – английский)», e-mail: scmilliana210@gmail.com.

63. **Савченко Ирина Александровна**, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской Академии МВД РФ, e-mail: teosmasc@rambler.ru.

64. **Серебренникова Евгения Федоровна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: serebr_ef_76@mail.ru

65. **Серых Татьяна Сергеевна**, магистрант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран АТР» (научный руководитель: Н. М. Вейнберг, кандидат филологических наук), e-mail: greenhimera@gmail.com.

66. **Силагова София Андреевна**, ассистент кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail silakova.sa@mail.ru.

67. **Снеткова Дарья Алексеевна**, студентка факультета филологии и массовых коммуникаций, «Перевод и переводоведение», кафедра китайского языка Забайкальского государственного университета (научный руководитель: О. Ц. Соктоева, кандидат педагогических наук), e-mail: daryaw12@gmail.com.

68. **Соктоева Оксана Цыренжаповна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры китайского языка факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета.

69. **Сосорова Баирма Сергеевна**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: bairma1978@mail.ru.

70. **Степаненко Виктор Николаевич**, ведущий методист отдела экологического просвещения ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», e-mail: nefertari@list.ru.

71. **Степанов Александр Викторович**, учитель истории МБОУ СОШ № 18 г. Иркутска, e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru.

72. **Стефановская Светлана Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: stefanovskaia_sv@mail.ru.

73. **Су Лицзе**, доцент, зав. кафедрой русского языка Школы иностранных языков Аньшаньского педагогического института, г. Аньшань, КНР (苏丽杰, 副教授, 鞍山师范学院外国语学院俄语教研部主任), e-mail: susulijie@163.com.

74. **Табада Люсиллин Чу**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: ucillyne@gmail.com

75. **Татаренко Татьяна Валерьевна**, магистрант Института филологии иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, направление «Лингвистика», профиль «Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии» (научный руководитель: Т. Е. Шишмарева, кандидат филологических наук), e-mail: tatyana-echelon@mail.ru.

76. **Терехова Наталья Владимировна**, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: zabnata@yandex.ru.

77. **Фань Шимин**, доктор наук, доцент, заместитель директора Яньцзинской академии Пекинского университета, КНР (范士明, 博士、副教授, 北京大学燕京学堂副院长), e-mail: fansm@pku.edu.cn.

78. **Федоров Николай Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: nfedorov@yandex.ru.

79. **Федорова Татьяна Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru.

80. **Хамаева Елена Алексеевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, лаосского и тайского языков Московского государственного института международных отношений (университета), e-mail: hamaeva2003@mail.ru.

81. **Хань Куань**, старший преподаватель, Международный институт экономики и лингвистики Иркутского государственного университета.

82. **Хао Миндун**, магистрант Бурятского государственного университета (научный руководитель: О. С. Тулохонов, кандидат экономиче-

ских наук, доцент) (郝明东, 硕士研究生布里亚特国立大学), e-mail: 345150213@qq.com.

83. **Хлызова Наталья Юрьевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: usrehvovsem5@gmail.com.

84. **Хань Чжунъи**, доктор наук, профессор Института истории и культуры Шэньсийского педагогического университета, КНР (韩中义, 陕西师范大学历史文化学院历史学教授), e-mail: 906994549@qq.com.

85. **Хо Ольга Александровна**, доктор (PhD, филология, Хэйлунцзянский университет, КНР) по специальности «Китайская филология», e-mail: khoodga@gmail.com

86. **Чайкисова Анна Валерьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: anncher@gambler.ru.

87. **Черёмухина Кристина Игоревна**, студентка факультета филологии и массовых коммуникаций, «Перевод и переводоведение», кафедра китайского языка Забайкальского государственного университета (научный руководитель: О. Ц. Соктоева, кандидат педагогических наук), e-mail: sherity777@gmail.com.

88. **Чжао Хуэйцин**, аспирант школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (научный руководитель: С. М. Дударёнок, доктор исторических наук, профессор), e-mail: 273004890@qq.com.

89. **Чиронов Сергей Владимирович**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков Московского государственного института международных отношений МИД РФ, e-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

90. **Шалина Ирина Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: i_v_s2000@mail.ru.

91. **Шалунова Мария Юрьевна**, старший преподаватель кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета, e-mail: shalunova@mail.ru.

92. **Шаравьёва Ирина Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: nevergiveup81@mail.ru.

93. **Ши И**, аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель: П. П. Дерюгин, доктор социологических наук, профессор).

94. **Ши Гохуа**, Шаньдунский институт технологий и бизнеса, г. Яньтай, КНР (石国华, 山东工商学院, 中国, 山东, 烟台 264005).

95. **Шишмарева Татьяна Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, e-mail: taniyashi72@yandex.ru.

96. **Шмарова Жанна Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета, e-mail: shmarova73@mail.ru.

97. **Шошин Александр Алексеевич**, магистр лингвистики, аспирант Иркутского государственного университета (научный руководитель: Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор), e-mail: shaa06@yandex.ru, shoshin.irgiredmet@gmail.com

98. **Юрьева Ольга Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой филологии и методики, Педагогического института Иркутского государственного университета, e-mail: yuolyu@yandex.ru.

99. **Янь Фукунь**, магистрант Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, КНР, e-mail: 971342065@qq.com.

Дацьшен В. Г. Иркутск в системе советско-китайских отношений в 1950-х – начале 1960-х гг. и проблемы иркутского китаеведения	4
Адилханян Н. Л., Адилханян И. Л. Метафоры в высказываниях председателя КНР Си Цзиньпина в дискурсе о коррупции	18
Алепко А. В. Коммунистическое движение на Филиппинах: исторические аспекты и современные реалии	21
Ананьев В. В., Табада Л. Ч. Культурологический аспект начальной фазы делового общения в Японии	32
Багинская М. В. Натурфилософские принципы именования небесных тел в корейском языке	38
Банкова Л. Л. Китайские количественные разрядные числительные: философские предпосылки и лингвистические особенности	44
Безвербный В. А., Микрюков Н. Ю., Максимова А. С., Медведь В. А. Миграционная убыль населения регионов Дальнего Востока России: направления выезда	50
Беликова Н. Ю. О роли митрополита Виктора (Святина) в развитии Краснодарской и Кубанской епархии	59
Благодер Ю. Г. Китай на страницах журнала «Известия министерства иностранных дел» (1912–1917 гг.)	63
Бояркина А. В., Печерица В. Ф. От идеи Конфуция «Между четырьмя морями все люди – братья» до «Сообщества единой судьбы человечества» Си Цзиньпина	66
Бунаева Н. А., Сосорова Б. С. К вопросу о перспективах развития южнокорейской экономики	75
王雪娇. 当前中国汉语国际教育领域前沿理论综述	84
Вербицкая О. Ю. К вопросу о декодировании политической информации при помощи анализа приёмов манипулятивного воздействия американских СМИ	88
Верченко А. Л. Изменения в представлениях о России в Китае в начале XX в.	93
Воронина О. Ю., Серебренникова Е. Ф. Диахроническая метасистематизация как способ моделирования опыта периодизации истории языка (на материале моделей периодизации истории китайского языка)	103
Воронова С. К. Опыт применения компонентного анализа в исследовании синонимов	108
Воропаев Н. Н. Контекстные критерии выделения и дискурсивные признаки прецедентных имён (на материале китайского языка)	114
Дагбаев Д. Г., Соктоева О. Ц. Формирование краеведческого дискурса в переводе	123

Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Курапов С. В., Ши И, Ракова А. Е. Эталоны и образцы подражания поколения у: региональная социодинамика (на материалах эмпирического исследования Москвы – Санкт-Петербурга – Иркутска – Севастополя)	127
Домашевская Д. М., Шишмарева Т. Е., Терехова Н. В., Хамаева Е. А. Теоретические основания подхода к идеографической письменности с позиции теории систем	138
Дюндик Ю. Б. Борьба за мировое господство: конфликт США и Китая в Южно-Китайском море	151
娅娜·耶夫列民科. 汉俄中缀构词对比	156
Жигульская Д. А. Художественный фильм как средство обучения китайскому языку	161
Жихарева Т. Ю. Символика дзен-буддизма в романе Харуки Мураками «Норвежский лес»	167
Иванова К. О. Этнокогнитивный аспект языковой репрезентации медицинского знания в терминологическом словаре (русский, японский и английский языки)	177
Иванченко Н. В. Культурные доминанты трактата Лунь Юй	183
Ишутина Ю. А. Идеологические механизмы популяризации национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» в КНР на современном этапе	189
Калинина В. В. Роль аналитических центров в принятии политических решений в США	196
Калихман А. Д., Калихман Т. П. Дореволюционная история освоения территории к югу от Байкала	201
Калихман Т. П. Трансграничные особо охраняемые территории Сибири и Дальнего Востока	216
Кирюхина Л. В., Серебrenникова Е. Ф. Категория вспомогательных слов в грамматической теории Ма Цзяньчжуна	229
Кобжицкая О. Г. Эмоционально-оценочная лексика русского и китайского языков в сопоставительном аспекте	236
科瓦尔·叶卡捷琳娜. 汉语同义词研究焦点概述	240
Козлова С. А. Участие старообрядцев Забайкалья в извозном промысле на Кяхтинском тракте в XVIII–XIX вв.	245
Комарова И. Н. Отглагольные имена в словообразовательной системе тибетского языка	249
Котельникова Н. Н. Одиночество в толпе: феномен «молодежи пустого гнезда» в медиаурбанистическом дискурсе современных китайских мегаполисов	257
Кочеткова О. М. Грамматическая природа китайского языка как основа традиционной китайской лингвокультуры	266

Круглов В. В. Научные основания лингводидактического феномена «межкультурное лингвострановедение»	269
Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы	275
Кумялова О. В. 教学评估最新发展趋势	281
Курдюмов В. А. Динамический подход к научному изучению китайского языка	285
Лебединцева Л. А., Авакян А. А. Интеллектуальный потенциал китайского проекта «Один пояс, один путь»: проблемы и тенденции	291
Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания	297
Ли Мэндэ. Традиционный тибетский фестиваль скачек	304
Макеева С. Б. Проблемы регионального развития КНР в работах китайских ученых Ли Вэньяня, Пань Юйцзюня, У Чуаньцзюня, Ху Чжаоляна	311
松村 瑞子. 日本語のジェンダーとアサーティブネス	317
Орсова А. А. Противоречие как механизм конструирования атрактивности дискурса коммуникативного события (на материале корейского языка)	324
逢卉一 李静宜 石国华. 新零售环境下配送终端的社群共享整合模式研究	332
Пруцких Т. А. Лингвострановедение как обязательный компонент обучения китайскому языку	343
Савченко И. А. Актуальные тенденции и перспективы лингвокультурного развития полиэтничных общностей	352
Серебренникова Е. Ф., Салангина Е. С. Транснациональные элементы как когнитивы медиатизации в двуязычных медиатекстах (на материале версий миссий корейских университетов)	361
Серых Т. С. Статус женщины в японской политике: история и современность	367
Силакова С. А. Китайские мусульмане XIX в. в работах архимандрита Палладия (Кафарова)	375
Снеткова Д. А. Духовное наследие Конфуция в языке и культуре Китая	381
Степаненко В. Н. Орошаемое луговое хозяйство в Прибайкалье – живой памятник древней культуры	384
Стефановская С. В. Специфика коннотативных значений лексических единиц 右 <i>право</i> и 左 <i>лево</i> в китайской культуре	389
Су Лицзе. Религия и русская литература	397
Татаренко Т. В. Подходы к интерпретации базовых знаков китайской письменности	401

范士明. 立足本来、吸收外来、面向未来 ---北京大学燕京学堂的中国学项目建设	406
Федоров Н. В. Зона свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН: перспективы и препятствия для образования	411
Федорова Т. В., Степанов А. В. Деятельность японского правительства на территории Китая и Кореи в начале XX века	417
Хамаева Е. Китайские антропонимы в структурно-словообразовательном аспекте	423
韩中义. 丝路记忆: 里海南岸 (马赞达兰) 与中国的交往考察	429
郝明东. 俄罗斯远东地区中俄合作的机遇和发展	439
Хлызова Н. Ю. Эффективность медиаобразования в формировании критического мышления личности: взгляд американских исследователей	444
Kho O. 汉俄心理动词语义搭配对比	453
Чайкисова А. В. Специфика коммуникации в эпоху постправды	459
Черёмухина К. И., Соктоева О. Ц. Формирование молодежного сленга как разновидности сетевой лексики современного китайского языка	464
Чжао Хуэйцин, Хань Куань. Китайские студенты в России до 30-х гг. XX в.	470
Чиронов С. В. Коннекторы контемпоральности в японоязычном дискурсе	475
Шалина И. В., Зыкова С. А. Особенности внешней политики Японии в отношении стран Азиатско-Тихоокеанского региона	487
Шалина И. В., Клеянкина О. А. Трансформация японского общества во второй половине XIX в.	492
Шалунова М. Ю. Из истории исследования междометий корейского языка	497
Шаравьёва И. В. Характеристика 文 «вэнь» в культуре с идеографическим типом письма в трактовке Лю Гоэня и его последователей	500
Шмарова Ж. В., Янь Фукунь. Языковая ситуация в КНР	505
Шошин А. А. Феномен эмпатии и подходы к его анализу в социальном дискурсе	509
Юрьева О. Ю. Азиатский дискурс в российском культурном сознании начала XX в.	516
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	528

Научное издание

**III ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
Международной научной конференции
Иркутск, 10–16 сентября 2019 г.

ISBN 978-5-9624-1737-0

Подготовлено к печати:
В. В. Попова, А. Н. Шестакова
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2019. Поз.70
Подписано в печать 30.09.2019. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 31,9. Усл. печ. л. 33,9. Тираж 80 экз. Заказ 109

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 124